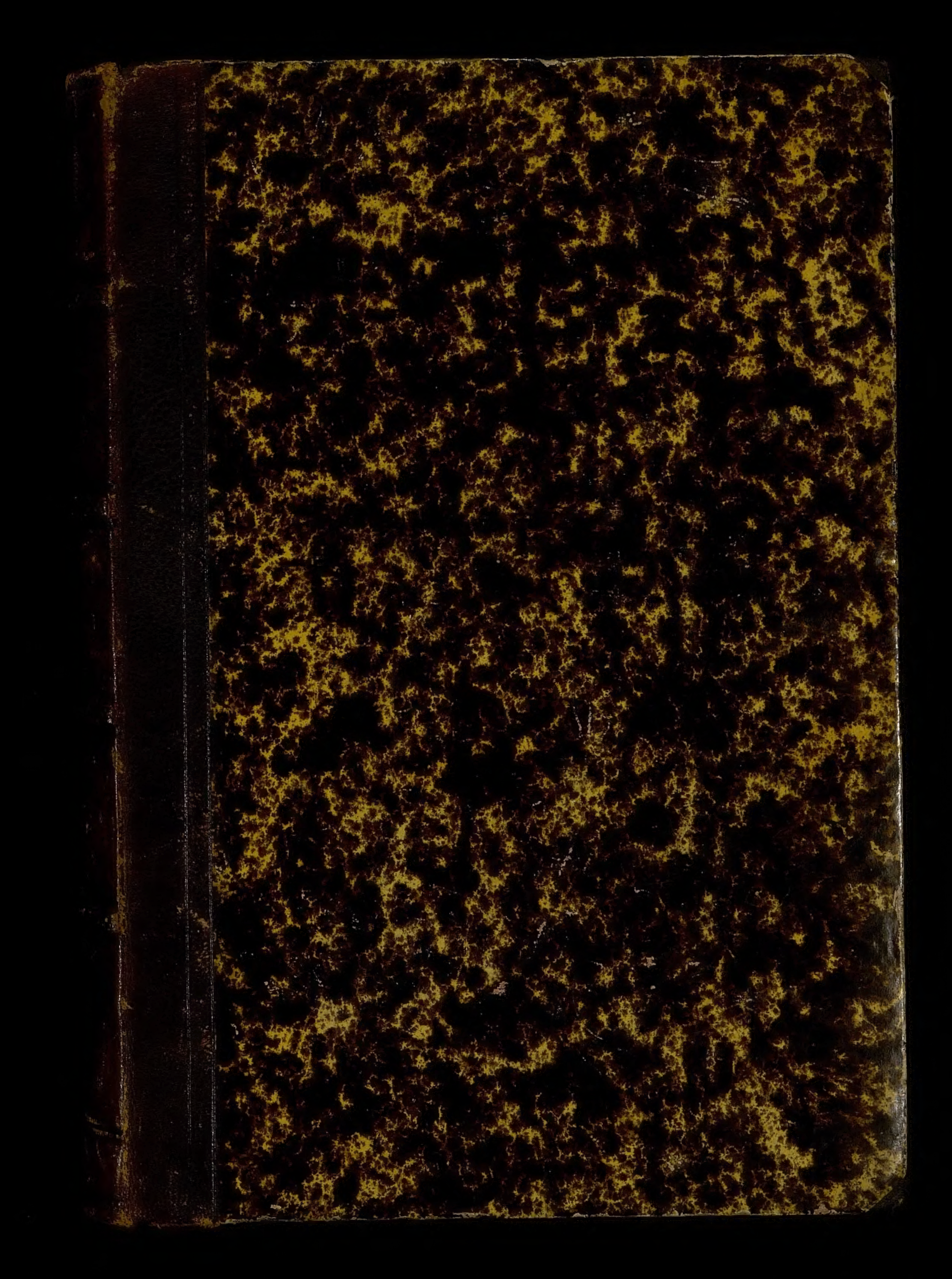

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

ГОГОЛЯ.

V.

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ПИСЬМА, СЪ 1820 ПО 1842 ГОДЪ.

ИЗДАНІЕ П. А. КУЛИША.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — Москва, марта 28 дня, 1857 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМIИ НАУКЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Считаю долгомъ сказать, что издаваемое мною собраніе писемъ Гоголя, при всей своей обширности, не можетъ назваться полнымъ. Нѣкоторыя письма погибли невозвратно; другихъ издатель не имѣлъ возможности собрать; многія изъ собранныхъ печатать еще рано; наконецъ значительная часть писемъ напечатана съ пропусками и сокращеніями. Этого, между прочимъ, требовала часто самая скромность корреспондентовъ Гоголя, непозволявшая обнаруживать передъ свѣтомъ душевныхъ достоинствъ, которыми онъ восхищался, и разныхъ семейныхъ отношеній, въ которыя вникалъ онъ, по своему всестороннему сочувствію.

При всемъ томъ, печатное собраніе писемъ великаго поэта и моралиста нашего можетъ еще быть значительно пополнено при будущемъ, новомъ изданіи его сочиненій. Для этого издатель обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ, у кого находятся какія-либо письма Гоголя, удостоить его своей довѣренности и со-

общить ему ихъ на нѣкоторое время, для снятія копій. Это дѣло общее, и вся Россія, во множествѣ грядущихъ поколѣній, возблагодаритъ каждаго, кто содѣйствовалъ къ обнародованію остающихся доселѣ въ неизвѣстности сокровищъ Русскаго духа, столь блистательно выразившагося въ безсмертномъ нашемъ современникѣ.

П. Кулишъ.

ПИСЬМА.

Къ отцу и матери.

Изъ Полтавы, 1820.)

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здравіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего.

Ваканціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться ваканціями, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если вы будете въ Полтаву сами скоро, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы.

Цѣлуя безцѣнныя ручки ваши, имѣю честь быть, съ сыновнимъ моимъ къ вамъ высокопочитаніемъ,

вашъ послушный сынъ,

Николай Гоголь-Яновскій.

Къ нимъ же.

(Изъ Полтавы, 1820.)

Почтеннѣйшіе родители, папинька и маминька!

Благодаря родительскому вашему о мнѣ попеченію, я, слава Богу, чувствую себя здоровымъ совершенно. Настойку, оставленную вами, папинька, я продолжаю, по данному наставленію.

Въ прошедшее воскресенье я обѣдалъ у Ивана Алексѣевича, на другой день видѣлъ Ивана Дмитріевича. Возвращаясь изъ саду съ Гавриломъ Максимовичемъ, Иванъ Дмитріевичъ показывалъ намъ свой домъ. Къ величайшему моему удовольствію, узналъ я отъ него, что вы, слава Богу, живы и здоровы. Дай Богъ, чтобы безцѣнное

ваше для меня здоровье продолжалось вѣчно въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Ученіе въ гимназіи начнется чрезъ недѣлю, а до того времени я слегка занимаюсь повтореніемъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и сыновнею предан-ностію, имѣю честь быть,

любезнѣйшіе родители,

вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ сыномъ,

Николай Гоголь-Яновскій.

Къ нимъ же.

(Изъ Полтавы, 1820.)

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Крайне желая васъ видѣть, пишу къ вамъ, чтобы пріѣхали хотя вы, дражайшій папинька, за мною на праздникъ, а не то — такъ прислали бы за мною, но только съ письмомъ. Но лучше бы было, ежели бъ вы сами пріѣхали.

Третьяго дня я былъ у Ивана Семеновича, и онъ говорилъ, ежели я буду хорошо весть себя, то онъ отпуститъ меня домой на праздникъ. Я, слава Богу, здоровъ и, желая вамъ быть благополучнымъ и здоровымъ, остаюсь

вашимъ послушнымъ сыномъ и покорнымъ слугою,

Николай Гоголь-Яновскій.

Къ бабушкѣ.

(Изъ Полтавы, 1820.)

Дражайшая бабушка!

Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ вамъ, дражайшая бабушка. Покорно васъ благодарю, что вы прислали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь,

вашъ покорный внукъ,

Николай-Яновскій.

Пришлите мнѣ, дражайшая бабушка, погребецъ; я куплю для него приборъ. Обрадуйте папиньку и маминьку, что я успѣлъ въ

наукахъ, — то, что̀ въ первомъ классѣ гимназіи, и учитель мною доволенъ. Прошу поцѣловать за меня Гапу (1) и сестрицъ моихъ.

Къ отцу и матери.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ единственно для того, чтобы благодарить васъ за ваше родительское ко мнѣ расположеніе и просить Бога, чтобы даровалъ вамъ совершенное здравіе и спокойствіе. Что̀ касается до меня, я, слава Богу, здоровъ... (2).

1821 года, августа 13 числа. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Весьма опечалился услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, если бъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали бъ объ участи своего сына! Прежде капикулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь — напротивъ того. О, если бы, дражайшіе родители, пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается! Мнѣ послѣ капикулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякой Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать.

Не забудьте также добраго моего Симона (3), который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, что бы онъ не увѣщевалъ меня не плакать объ васъ, дражайшіе родители; и ча-

(1) Няню, Агафью Семеновну Власенкову. *П. К.*

(2) Съ этого письма, я не буду больше печатать обычныхъ окончаній писемъ, исключая только тѣхъ, которыя по чему-либо интересны. *П. К.*

(3) Дядька, старикъ поваръ. *П. К.*

сто проспживалъ по цѣлой ночи надо мною. Уже его проспль, что бы онъ пошелъ спать, но никакъ не могъ его принудить. Жалованья ему не выдаютъ, и онъ принужденъ самъ на насъ всѣхъ готовить кушанье; ибо другого повара нѣту. Былъ одинъ, и тотъ выпросился домой на два мѣсяца...

P. S. Учениковъ же еще о сю пору и половины нѣту.

1821 года, августа 14. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Извините меня, что я писалъ такое письмо къ вамъ. Но когда бы вы знали, въ какомъ я тогда находился положеніи! Пріѣхавши въ Нѣжинъ, на другой день стала у меня болѣть грудь. Почью такъ у меня болѣла грудь, что я не могъ свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя всё-таки болѣла, и потому я опасался, чтобъ не было чего-нибудь худого, и притомъ мнѣ было очень грустно въ разлукѣ съ вами. Но теперь, слава Богу, все прошло, и я здоровъ и веселъ...

1821 года, сентября 6 числа. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Извините меня, что толь долгое время не могъ писать къ вамъ. Причиною сему, что не имѣлъ свободнаго времени; но теперь съ полнымъ удовольствіемъ пишу къ вамъ и извѣщаю о новостяхъ здѣшнихъ, которыя будутъ для васъ любопытны. Сюда ожидаютъ со дня на день директора, который уже утвержденъ въ здѣшнюю гимназію. Директоръ же вамъ извѣстный, докторъ Орлай, который былъ въ Кибенцахъ. А что касается до меня, то я здоровъ...

P. S. Еще прошу васъ прислать нѣсколько книгъ; потому что мнѣ въ нихъ великая надобность. Итакъ пришлите мнѣ слѣдующія книги: »Латинскую Грамматику«, »Латинскій Лексиконъ«, »Грече-

скую Грамматику«, »Священную Исторію«, »Катихизисъ«, »Ариѳметику«, »Маѳематику« Фусса, въ трехъ частяхъ, и рисовальную книгу.

1821 года, октября 6 ч. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и мампинька!

Крайне обрадовался, получа отъ васъ письмо, изъ котораго узналъ я, что вы, слава Богу, здоровы. Извините меня, что о сю пору еще не писалъ къ вамъ. Благодарю васъ за деньги; только книги вы не всѣ прислали, и для того я прошу покорнѣйше прислать мнѣ книги, необходимо нужныя, именно: »Латинскую Грамматику« Бантышъ-Каменскаго, »Латинскій Лексиконъ«, »Французскіе Разговоры« и »Нѣмецкіе Разговоры«, и рисовальную книгу. Пожалуйста пришлите сіи книги поскорѣй, потому что мнѣ въ нихъ большая нужда.

P. S. Еще прошу васъ прислать мнѣ »Нравоучительныя Сказки« г. Мармонтеля, потому что мы ихъ переводимъ на Французскій языкъ. У всѣхъ здѣсь есть, а у меня нѣтъ.

Ежели угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяцъ. Я уже подписался хотѣвшимъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно.

1821 года, декабря 10 ч. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и мампинька!

Несказанно обрадовался, получа ваше письмо, въ которомъ узналъ о вашемъ здоровьѣ. Я, слава Богу, здоровъ, но только имѣю недостатокъ въ книгахъ весьма нужныхъ, о которыхъ я вамъ писалъ, и теперь прошу, чтобъ вы прислали, или, ежели пріѣдете сюда, то привезите мнѣ сіи книги: »Французскую Грамматику«, »Латинскій Лексиконъ« Ивана Кронеберга, »Ариѳметику« 2-ю часть, »Священную Исторію«, »Катихизисъ«, »Нравоучительныя Сказки«

г. Мармонтеля и рисовальную книгу, и еще »Нравственные Примѣры« съ картинками, о коихъ я уже вамъ писалъ, что они нужны для перевода съ Русскаго на Французскій языкъ.

Еще ежели бы вы прислали денегъ мнѣ, потому что моя казна вся истощилась. Одинъ мой товарищъ купилъ за восемъ рублей ножикъ; я просилъ его, чтобы далъ мнѣ посмотрѣть; и я забылъ ему отдать сейчасъ, а положилъ въ свой ящикъ; но чрезъ минуту посмотрѣлъ въ ящикъ, и его уже тамъ не было. Теперь онъ говоритъ, чтобы я отдалъ сейчасъ ему восемъ рублей, а не то — такъ онъ возьметъ всѣ мои вещи и еще пожалуется гувернерамъ, и они меня накажутъ со всею строгостію. Простите мнѣ это. Я впередъ ужъ никогда не буду чужихъ вещей брать, а когда и попрошу впередъ, то буду сейчасъ отдавать и со всею осторожностію. И прошу васъ, пожалуйста пришлите мнѣ денегъ, хоть рублей десять; то я отдамъ ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма.

Еще прошу васъ, пришлите мнѣ тулупъ, потому что намъ не даютъ казеннаго ни тулупа, ни шинели, а только въ однихъ мундирахъ, не смотря на стужу. И еще ежели бъ вы прислали жилетовъ хоть два. Здѣсь намъ даютъ по одному жилету...

1822 года, 7 января. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Извините, что столь долгое время не могъ писать къ вамъ. Причиною сему было, что я опасно былъ боленъ; но теперь уже почти выздоровѣлъ.

Учитель танцованія и музыки будетъ къ намъ въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца, и для того намъ объявлено, что кто хочетъ учиться на какомъ-либо инструментѣ, долженъ писать, чтобы ему прислали оный инструментъ; услышавъ что̀, и пишу, чтобъ вы прислали мнѣ скрипку, на которой я хочу учиться.

Къ намъ прибыли множество новыхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ.

Прошу васъ, дражайшіе родители, прислать мнѣ сколько-ни-

будь, денегъ, потому что у меня онѣ вовсе сошли, такъ что я найдусь принужденнымъ занять; да и взаймы достать негдѣ; а мнѣ надо ужасно, а особенно въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Также ежели бъ еще прислали чего-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, какъ маминька еще тогда обѣщалась прислать сушеныхъ вишень безъ косточекъ. Но мнѣ хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это...

1822 года, октября 10 дня. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать пріѣздъ мой сюда. Причиною сему была скорость, съ каковою я вамъ писалъ, боясь не опоздать. Я теперь переведенъ въ четвертый классъ и, слава Богу, учусь со всѣмъ стараніемъ. Но меня безпокоитъ болѣе всего ваше молчаніе, и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вамъ писалъ. Къ намъ пріѣхалъ новый профессоръ Французскаго языка, Ландраженъ, и я теперь со всякимъ стараніемъ предаюсь сему языку. Но совѣтуете ли мнѣ учиться Греческому языку, котораго профессоръ уже пріѣхалъ?

Я, слава Богу, здоровъ и веселъ..... Немного грустно разставшись съ вами, да нечего дѣлать, книги же.... пришлю по первой почтѣ, какъ скоро пришлете мнѣ деньги, потому что нечѣмъ будетъ заплатить на почту. Я и теперь позанялъ денегъ немного за письмо это, которое я къ вамъ пишу; а потому прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ оныхъ денегъ.

P. S. А вы, дражайшая маминька, не позабудьте мнѣ прислать припасовъ, которыхъ вы обѣщались, и еще, ежели можно, бархату, потому что того не стало. Еще прошу меня извѣстить о здоровьѣ вашемъ, также и о моихъ сестрицахъ, бабушкѣ...

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Увѣдомляю васъ, что я, благодаря Бога, здоровъ и стараюсь всѣми силами учиться и весть себя хорошо. Я не знаю, отчего

вы до сихъ поръ ко мнѣ не пишете. Между тѣмъ какъ я уже писалъ къ вамъ три письма, и ни на одно изъ нихъ не получилъ отвѣта, что̀ меня крайне безпокоитъ. Сдѣлайте милость, не оставьте меня въ семъ безпокойномъ недоумѣніи. Увѣдомьте меня о своемъ здоровьѣ...

1823 года, марта 23 дня. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Письмо ваше я получилъ 2 числа и былъ имъ весьма доволенъ. Однако бы мнѣ хотѣлось, ежели бъ Ѳедька пріѣхалъ ко мнѣ прежде. Прошу васъ покорнѣйше не позабыть мнѣ прислать »Вѣстникъ Европы«, о которомъ я васъ просилъ въ предъидущемъ; я вамъ его скоро возвращу. Что̀ же касается о принятіи мальчика въ живописцы, то я вамъ посылаю записку живописца, гдѣ онъ увѣдомляетъ, какъ и на какомъ положеніи онъ согласится его принять.

Иванъ Семеновичъ возвратился изъ Орла, но на другой день уѣхалъ опять въ Кіевъ, и думаютъ, что онъ пробудетъ тамъ недѣли три. Денегъ же я у него не успѣлъ взять на заплату танцмейстеру, и я еще не начиналъ учиться танцовать; однако время не уйдетъ. Ежели вы только пришлете деньги черезъ Ѳедьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно умѣть танцовать. Однако же, папинька, не забудьте прислать всего того, чего я у васъ просилъ, за что̀ я васъ буду благодарить. Да, я и забылъ вамъ напомнить.... вы, кажется, обѣщали мнѣ прислать еще—знаете, что̀? пришлите мнѣ вишневаго клею. У насъ, я думаю, мальчики собирали его.

Извините, что я такъ худо пишу. Это отъ непривычки; ибо я, по правдѣ вамъ сказать, былъ боленъ, но теперь, слава Богу, здоровъ и съ трудомъ могу писать. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе дѣдушкѣ, бабушкѣ, также всѣмъ роднымъ...

1823 года, октября 3 дня, Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Вы пишете, что не можно за мною прислать. Ахъ, сдѣлайте милость, пришлите за мною! Нужды нѣтъ, что живете въ Кибенцахъ; мнѣ съ вами вездѣ будетъ весело. Притомъ же погода къ празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей просьбѣ и осчастливьте своего сына...

1823 года, декабря 11, Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Скрипку и другія присланныя вами мнѣ вещи исправно получилъ. Но вы еще писали, что присылаете мнѣ деньги на смычокъ, которыхъ я не получилъ и не могу до сихъ поръ узнать, почему онѣ не дошли ко мнѣ: или вы забыли, или что-нибудь другое.

Извините, что я вамъ не посылаю картинъ. Вы, видно, не поняли, чтò я вамъ говорилъ: потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки; и для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ рамки такой величины, какъ я вамъ писалъ, т. е. двѣ такихъ, которыя бы имѣли $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1^1/_4$ длины и $^3/_4$ ширины, да еще маленькихъ двѣ $^1/_4$ и 2 вершка длины и $^1/_4$ ширины.

Посылаю вамъ при семъ »Вѣстникъ Европы« въ цѣлости и прошу покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, к. т.: »Бѣдность и Благородство Души«, »Ненависть къ Людямъ и Раскаяніе«, »Богатоновъ, или Провинціалъ въ Столицѣ«, и еще ежели какихъ можно прислать другихъ, за чтò я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлòсти.

Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая піеса у насъ будетъ представлена »Эдипъ въ Аоинахъ«, трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папинька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нуж-

ныя пособія. Такъ, ежели можно, прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ. Сколько можно, даже хоть и одинъ, но лучше, ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Каждый изъ насъ уже пожертвовалъ, что̀ могъ, а я еще только. Какъ же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извѣщу.

Увѣдомляю васъ, что я учусь хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько дозволяютъ силы. Вы пишете, что я васъ не извѣщаю о томъ, что̀ у насъ дѣлается и случается со мною. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что мнѣ бы самому очень бы было любопытно знать, что̀ дѣлается, какъ съ вами, такъ и съ посторонними лицами. Напримѣръ, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я о смерти Василія Васильевича Капниста; но вы мнѣ объ этомъ ничего не сказали, какъ-будтобы я еще о сю пору ребенокъ и еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и будтобы на меня ничего нельзя положиться.

Я думаю, дражайшій папинька, ежели бы меня увидѣли, то точно бы сказали, что я перемѣнился, какъ въ нравственности, такъ и успѣхахъ. Ежели бы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! [Я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія].

Машиньку вы отдали въ пансіонъ, или нѣтъ? Что̀ дѣлаетъ Аннинька и Лизанька? Надѣюсь, что вы на это мнѣ дадите отвѣтъ...

1824, января 22. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Долгое молчаніе ваше удивляетъ меня. Не знаю, какая тому причина. Мѣсяца три не получаю отъ васъ извѣстія. Это повергаетъ меня въ горестное уныніе. Я начинаю думать, не случилось ли вамъ какого несчастія [чего сохрани Богъ]. Ради Бога не терзайте меня симъ печальнымъ недоумѣніемъ. Утѣшьте хоть двумя словами...

P.S. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки тѣхъ вещей, о которыхъ я васъ просилъ. Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ для рисованія тонкого полотна нѣсколько аршинъ.

1824 года, марта 30 числа. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

1824 года, іюня 13 дня.

Непонятнымъ для меня кажется ваше молчаніе: или вы не получили письма моего, или другія постороннія обстоятельства удерживаютъ васъ.

Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть отвѣтъ на прежнее мое письмо, хотѣлось бы услышать отъ васъ самихъ о скоромъ нашемъ свиданіи, или по крайней мѣрѣ могъ бы двумя строчками, которыя для меня сократили бы медленность моего ожиданія, быть успокоенъ.

Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся, такъ сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій. Итакъ, надѣюсь, вы ускорите письмомъ вашимъ. Но, правда, теперь уже его не нужно! Я и позабылъ, что нынѣ 13 іюня и что чрезъ 10 дней вы пришлете за мною [каникулы будутъ 20 іюня]. Но такъ какъ еще мнѣ надо сдѣлать платье, то мы не ранѣе 23 выѣдемъ отсюда. Какъ бы я желалъ скорѣе!

Г-нъ Барановъ и Данилевскій съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вмѣстѣ со мною каникулъ. Ежели вы будете присылать за нами, то пожалуйста пришлите нашу желтую коляску съ рѣшетками и шестеркою лошадей. Не забудьте—коляску съ зонтикомъ: въ случаѣ дождя, чтобъ намъ спокойно было ѣхать, не боясь быть промоченными.

Я думаю, папенька не забылъ сдѣлать того, о чемъ я его просилъ, именно — для меня лошадку.

Еще, сдѣлайте милость, пришлите намъ на дорогу, для разогнанія скуки, долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кибенецъ. Будьте увѣрены, что мы ихъ привеземъ такими, какими они будутъ намъ вручены. Но, вмѣсто повѣстей, пришлите вы намъ книгу подъ заглавіемъ: »Собраніе Образцовыхъ Сочиненій«, въ стихахъ, съ портретами авторовъ, въ шести томахъ, за что мы будемъ очень благодарны.

Я уже почти собрался, уклалъ все свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени. Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, насладясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей.

Время не позволяетъ болѣе писать: мы теперь приготовляемся къ экзамену.

Прощайте, дражайшіе родители; прощайте, но не надолго! Скоро мы увидимся, и сія радостная мысль наполняетъ мою душу восторгомъ; скоро вы увидите у ногъ своихъ благодарнаго сына,

Николая Гоголь-Яновскаго.

P.S. Прошу васъ прислать мнѣ денегъ десять рублей, которыя мнѣ слѣдуетъ получить. Еще разъ, онѣ теперь мнѣ препужны, ибо мнѣ надо расплатиться и купить еще красокъ для рисованья.

Къ отцу.

Дражайшій папинька!

Письмо ваше получилъ я 28 сентября. Весьма радъ, находя васъ здоровыми; за деньги васъ покорнѣйше благодарю. Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради съ стихами и одна »Эдипъ«, которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму »Онѣгина«; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите.

Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю. Чѣмъ я вамъ буду много благодаренъ.

Между прочимъ, прошу васъ еще: нельзя ли какимъ-нибудь образомъ достать »Собраніе Образцовыхъ Сочиненій въ Стихахъ и Прозѣ«? ибо мы теперь, проходя поэзію и части эстетики, весьма нуждаемся въ примѣрахъ, — съ тѣмъ только, чтобъ на время, и я вамъ въ чистотѣ ихъ пришлю переписавши.

Еще прошу увѣдомить меня: не пріѣдете ли вы въ Нѣжинъ

когда-нибудь посѣтить насъ и осчастливить меня своимъ присутствіемъ?

Прощайте, дражайшій папинька!...

Къ матери.

Дражайшая маминька!

Позвольте, дражайшая маминька, позвольте поздравить васъ съ днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія, все сіе побуждаетъ меня приняться за перо, чтобъ изъявить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастію, оно столь не твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу: она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ. Но если не имѣю возможности воздать вамъ болѣе, если мои силы не позволяютъ сдѣлать того, если уже и мой умъ отказывается отъ сего; то всякой бы на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ отчаянье, бросилъ бы съ досады перо и не захотѣлъ болѣе ломать голову надъ тщетнымъ. Но я знаю, что вы и сіе малое мое желаніе примете съ искреннимъ удовольствіемъ, и тѣмъ вознаградите меня болѣе всего, могущаго прельстить взоры другого.

Итакъ, желая вамъ, дабы вся жизнь ваша была безмятежна, исполнена всѣми возможными радостями, короче сказать, чтобы вы всегда были здоровы благополучны и вѣчно веселы, остаюсь...

1824 года, октября 1 дня. Нѣжинъ.

Къ отцу и матери.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, которое меня чрезвычайно обрадовало, особливо потому, что я скоро буду видѣться съ вами; и для того мнѣ осталось только написать, когда можно отсюда выѣхать. А какъ я надѣюсь, что зима теперь будетъ хорошая, то и прошу прислать за мною 16 декабря, потому что роспускать насъ будутъ 18 числа.

Прошу васъ еще прислать мнѣ синяго сукна на мундиръ, или здѣсь пускай купятъ, потому что у меня о сю пору тотъ мундиръ, тотъ самый, что былъ на каникулахъ. Онъ совсѣмъ теперь не можетъ на меня налѣзть, — такъ сдѣлался малъ; притомъ весь въ дырахъ.

Въ ожиданіи радостнѣйшаго свиданія, остаюсь...

1824 года, октября 19 дня. Нѣжинъ.

Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папинька и маминька!

Увѣдомляю васъ, что насъ будутъ распускать на праздникъ Р. Х., и для того прошу васъ покорнѣйше, или самимъ пріѣхать, какъ папинька говорилъ, что онъ будетъ самъ скоро, а ежели вы не пріѣдетете, то пришлите за мною; ибо вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ, или лучше сказать зимою, никогда не былъ дома; и для того прошу васъ покорнѣйше пріѣхать за мною. Я, однакожъ, надѣюсь, что вы исполните мою просьбу.

Я трудился долго и наконецъ успѣлъ нарисовать 3 картины, а 4 еще только что началъ, и можно сказать, что сто́итъ чего-нибудь. Ежели бъ вы ихъ повидѣли, то, вѣрно бы, не могли повѣрить, что я рисовалъ. Только жаль, что они пропадутъ, ежели не будетъ рамокъ; ибо онѣ всѣ рисованы на грунту и долго лежать никакъ не могутъ; и для того прошу васъ покорнѣйше прислать, какъ можно поскорѣе, рамки со стеклами. Я бы вамъ ихъ такъ прислалъ, но никакъ нельзя; ибо когда уже на мѣстѣ чуть одна не потерлась, то что̀ бъ было съ нею въ дорогѣ! Итакъ прошу васъ покорнѣйше заказать оныя рамки: двѣ такія, чтобы имѣли въ длину полъ-аршина съ вершкомъ, а въ ширину четверть аршина и полтора вершка; другія двѣ въ длину на три четверти аршина, въ ширину на полъ-аршина и два вершка. Сдѣлайте милость, дражайшій папинька. Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ. Ожидая, что вы мнѣ ихъ пришлете въ скорости и что вы пришлете за мною 20 декабря, остаюсь...

Къ нимъ же.

Папинька и маминька!

Получивши ваше письмо, весьма огорчился, особливо, услышавши, что вы, дражайшій папинька, весьма нездоровы. [Я уже не думаю о праздникахъ, потому, знаю самъ, никакимъ образомъ нельзя теперь ѣхать.] Когда бы только папинька выздоровѣлъ, то я уже доволенъ. Притомъ же всё таки буду скоро съ вами видѣться: до каникулъ уже не далеко [а почему знать? можетъ быть, и до Христова праздника].

Прошу васъ, дражайшій папинька, прислать мнѣ къ праздникамъ хоть нѣсколько книжекъ на прочетъ, ибо здѣсь на праздникахъ такая скука, что ужасъ; я самъ не знаю, что̀ дѣлать. Вообразите себѣ — сидѣть одному, поджавши руки и повѣся голову; хоть кому, придетъ тоска по неволѣ. У насъ почти всѣ поразъѣзжались, кромѣ тѣхъ, которые изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ.

Да еще пришлите пожалуйста деньги портному, который мнѣ каждый день надоѣдаетъ. Вы не повѣрите, какъ страшно имѣть заимодавца. Я ему долженъ за шитье сертука 10 рублей. Также, ежели можно, прислать мнѣ сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провіанту.

Итакъ прощайте, дражайшіе родители. Я ожидаю извѣстія. До того, цѣлуя ваши ручки, остаюсь...

Прошу засвидѣтельствовать нижайшее мое почтеніе Андрею Андреевичу, Ольгѣ Дмитріевнѣ, также всѣмъ роднымъ.

Къ матери.

13 января, 1825 года. Нѣжинъ.

Пріѣхалъ сюда преблагополучно и 12 числа по полудни очутился въ гимназіи. Ѣзда моя, хотя была невыгодна, по той причинѣ, что люди позабыли взять изъ дому все, что̀ весьма нужно для дороги, какъ-то: для обѣда и проч., пріѣхалъ я какъ разъ въ срокъ, ни поздно, ни рано.

Прощайте, дражайшая маминька! Я весьма безпокоюсь о вашемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобы оно поправилось и вы наконецъ

совершенно были здоровы. Между тѣмъ прошу васъ, маминька, писать ко мнѣ почаще. Это одно какъ-то услаждаетъ разлуку съ вами. Я буду стараться писать къ вамъ почаще. До слѣдующей почты!...

Къ отцу и матери.

1825 года, 18 марта.

Итакъ позвольте васъ, во-первыхъ, поздравить съ наступающимъ праздникомъ и вмѣстѣ съ желаньемъ провесть оный какъ нельзя лучше. Благодарю васъ покорнѣйше за присылку мнѣ денегъ и за наставленіе, которое вы мнѣ сдѣлали. Но, дражайшіе родители, позвольте вамъ сказать, что я не имѣю ни одной изъ тѣхъ наклонностей, объ которыхъ вы мнѣ писали, или, по крайней мѣрѣ, ни къ одной не имѣю пристрастія.

Позвольте еще васъ просить—а особливо, нельзя ли мнѣ прислать нѣсколько полотна? Письмо же сіе пишу чрезъ Петра Александровича Баранова, который, надѣюсь, самъ привезетъ къ вамъ. Можетъ быть, дражайшій папинька, не пришлете ли мнѣ какія вещи, или что-нибудь чрезъ него, особливо на возвратномъ пути его въ Нѣжинъ?

Также еще—нельзя ли мнѣ извините, что нѣсколько разъ тревожу васъ прошеніемъ прислать на праздникъ нѣсколько книжечекъ для препровожденія времени, а особливо, когда здѣсь бываетъ ужасная скука въ это время? Хотѣлъ бы вамъ (прислать) нѣсколько картинокъ, рисованныхъ на картонахъ и сухими колерами; но нѣкоторыя изъ нихъ еще не докончаны, а другія, боюсь, чтобы не потерлись дорогою, потому что рисовка ихъ весьма нѣжна.

Еще я думаю, что вы мнѣ пришлете къ празднику нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. Вы не знаете, какъ они были бы мнѣ полезны въ этомъ случаѣ.

Итакъ прощайте, дражайшіе родители! желаю вамъ провесть сіи праздники какъ можно лучше...

Нѣжинъ.

Къ матери.

1825 года, апрѣля 23 дня. Нѣжинъ.

Не безпокойтесь, дражайшая маминька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго Христіянина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же я наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже непорывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маминька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что̀ бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что̀ есть милѣе, что̀ есть драгоцѣннѣе?

Такъ, я имѣю васъ и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждыя минуты. Сдѣлаю все то, что̀ можетъ сдѣлать чувствительный, благодарный сынъ. Ахъ, меня безпокоитъ болѣе всего ваша горесть! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните, такъ какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему. Зачѣмъ я теперь не съ вами? вы бы были утѣшены. Но чрезъ полтора мѣсяца каникулы — и я съ вами. До тѣхъ поръ уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте, что съ вашимъ благополучіемъ соединено благополучіе и вашего сына,

Который съ почтеніемъ и нѣжною любовью къ вамъ пребываетъ...

P. S. Напишите, дражайшая маминька, ко мнѣ: здоровы ли

мои сестры? здоровы ли Машенька, Анниька, Лиза, Таня и наконецъ Олинька? что онѣ теперь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? Перецѣлуйте ихъ за меня; скажите имъ, что чрезъ полтора мѣсяца пріѣду къ нимъ. Поцѣлуйте за меня бабушку, почтеннѣйшую Анну Матвѣевну; скажите, что я ей обязанъ болѣе, нежели жизнію. Она утѣшаетъ и возвращаетъ мнѣ мать мою. Да еще напишите мнѣ, дражайшая маминька: Машинька дома ли, или въ пансіонѣ? Ахъ, мнѣ бы весьма желательно было ее увидѣть на каникулахъ!

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта. Сдѣлайте милость напишите мнѣ поскорѣе, какъ можно поскорѣе, по слѣдующей почтѣ. Каждая минута просрочки меня будетъ мучить.

Еще P. S. Ежели я васъ этимъ не побезпокою и ежели вы можете, то пришлите мнѣ 10 рублей на книгу, которую мнѣ надобно купить, подъ заглавіемъ »Курсъ Россійской Словесности«, ибо у насъ ее проходятъ. На свои нужды мнѣ ничего не надобно.

Къ ней же.

1825 года, 24 апрѣля.

Извините моему нетерпѣнію, дражайшая маминька. Вообразите мою досаду: письмо, которое я написалъ вчера, о сю пору не отправлено, по той причинѣ, что человѣкъ еще не ѣдетъ. А между тѣмъ я мучусь каждый день объ васъ: мнѣ всё представляется, что вы теперь въ величайшей горести. Ахъ, маминька, я вамъ говорю и повторяю, что я спокоенъ, что мое спокойство зависитъ отъ вашего! Сдѣлайте милость, не печальтесь; пожалѣйте насъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ все благополучіе зависитъ отъ васъ; пожалѣйте, говорю, не разстроивайте нашего послѣдняго счастія. Ахъ, чего бъ я не сдѣлалъ, чтобы быть теперь съ вами! Мое нетерпѣніе увеличивается: мнѣ хочется васъ видѣть, слышать, хочется говорить съ вами; но пространство разлучаетъ насъ. Говорите хотя со мною письменно! Сдѣлайте милость, скорѣе только пишите, прошу васъ, умоляю. Ахъ, вы не знаете, въ какомъ безпокойствѣ теперь я нахожусь и днемъ и ночью! Мысли объ васъ

наполняютъ мою душу, я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма, по первой же почтѣ. Какъ для меня долго это время!

Когда бы приходили скорѣй каникулы! но они удаляются отъ меня, они смѣются моей горести, маминька! пощадите хоть вы ее.

Я папинькѣ хотѣлъ было прислать нѣсколько своихъ сочиненій, также своего рисованья картинокъ; но.... ему не угодно было ихъ видѣть. Я не знаю, прислать ли мнѣ вамъ ихъ и примете ли вы милостиво первые плоды вашихъ родительскихъ обо мнѣ попеченій. Увѣдомьте меня о домашнихъ дѣлахъ и о тому подобныхъ происшествіяхъ. Сдѣлайте милость, наполните нѣсколько страничекъ вашего драгоцѣннаго письма; чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Еще хотѣлось бы говорить съ вами, но не о чемъ и нечего. Сердце мое теперь такъ стѣснено, что едва могу владѣть перомъ.

Прощайте во второй разъ, дражайшая, маминька, до первой почты...

———

Къ ней же.

1825 года, 26 мая.

Сдѣлайте милость, дражайшая маминька, успокойте меня, хотя одною строчкою: пожалѣйте обо мнѣ! Вы не знаете, что̀ причиняете мнѣ своимъ молчаніемъ; вы не знаете, что отравляете каждою минутою мою жизнь. Ежели бы вы меня увидѣли, вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился. Я теперь, можно сказать, совсѣмъ не свой: бѣгаю съ мѣста на мѣсто, не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновеніе; бѣгаю на почту, спрашиваю: есть ли хоть малѣйшее извѣстіе? но, вмѣсто отвѣта, получаю *нѣтъ!* и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣло. Вы не знаете, что это несносное *нѣтъ* наноситъ мнѣ боязнь неизъяснимую. Печальныя мысли наперерывъ тѣснятся въ моей головѣ и не даютъ мнѣ ни минуты насладиться спокойствіемъ.

Сдѣлайте милость, я васъ прошу, молю, заклинаю всѣмъ, что̀ есть свято, что̀ осталось еще любезнымъ для вашего сердца, за-

клинаю васъ именемъ вашихъ дѣтей, которыя не могутъ жить безъ васъ: отвѣчайте мнѣ, не мучьте меня мрачною неизвѣстностію; пожалѣйте своего несчастнаго сына, несчастнаго оттого, что онъ теперь находится въ самомъ горестномъ состояніи. Онъ не знаетъ объ вашей участи. Одна только мысль меня немного подкрѣпляетъ, немного утѣшаетъ горестнаго: скоро каникулы, и я увижусь съ вами; тогда-то я васъ утѣшу. Впрочемъ я не знаю, можно ли такъ печалиться, какъ вы. Правда, я не отвергаю ее, вы должны печалиться, но не такъ, въ какой печали находитесь нынѣ. Вы знаете, я думаю, и то, что у васъ есть еще большая обязанность: есть дѣти, которыхъ ваша малѣйшая горесть приводитъ въ отчаяніе. Такъ, дражайшая маминька, утѣшьтесь хоть немного, живите для насъ, вѣрьте, что вы никогда не будете имѣть огорченія. Мы постараемся усладить, сколько можно, вашу драгоцѣнную для насъ жизнь.

Я писалъ вамъ письмо чрезъ людей Г-на Баранова, и не знаю, получили ли вы его. Теперь посудите о моемъ отчаяніи, не получая о сю пору отвѣта. Между тѣмъ приближается время каникулъ, и не знаю, буду ли я счастливъ, или самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Никогда еще мнѣ не хотѣлось такъ видѣть каникулы, какъ теперь. Я вамъ говорю, что ежели я васъ не увижу, я не знаю тогда, на что̀ рѣшусь. Ежели же не получу отвѣта на это письмо, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ; тогда-то я прибѣгну къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности. Теперь вы видите, что отъ одного вашего слова зависитъ счастіе и несчастіе вашего сына.

Каникулы у насъ начнутся съ 20 іюня, слѣдовательно за мною надо присылать 18 іюня. Между тѣмъ я ожидаю отъ васъ съ нетерпѣніемъ, часъ отъ часу увеличивающимся, драгоцѣнныхъ для меня строкъ, которыя возвратятъ жизнь несчастному вашему сыну, которыя, какъ цѣлительный бальзамъ, прольютъ отраду въ изнывшее сердце.

Не знаю, что̀ дѣлается теперь дома; вы не извѣстили меня ни о сестрицахъ, ни о чемъ другомъ. Я думаю, все перемѣнилось; но мое сердце всегда останется привязаннымъ къ священнымъ

мѣстамъ родины, и теперь она еще вдвое драгоцѣннѣе для сердца горестнаго.

Извините, дражайшая маминька, что я теперь пишу и безъ связи, и безъ разборчивости: я вамъ объявилъ причину. Всеминутно ожидая отвѣта, остаюсь...

Къ ней же.

1825 года, мѣсяца іюня 3. Нѣжинъ.

Вы не повѣрите, дражайшая маминька, какъ меня обрадовало ваше письмо, которое вы писали къ г-ну Баранову. Извѣстіе, что вы въ совершенномъ здоровьѣ, какъ отрадный лучъ, проникло въ мою душу; впрочемъ мнѣ весьма бы хотѣлось имѣть отъ васъ письмо собственно ко мнѣ. Вы не знаете, какъ я послѣ этого вашего молчанія, долгаго и крайне для меня мучительнаго, жажду каждой вашей строчки. Мнѣ бы весьма хотѣлось знать, гдѣ вы теперь живете и въ самомъ ли дѣлѣ спокойны, такъ какъ доказываетъ ваше письмо.

Я не знаю, можетъ быть, я васъ потревожилъ предъидущимъ письмомъ; но этому виной было ваше мучительное для меня молчаніе, которое ввергнуло было меня въ нѣкоторый родъ отчаянья. Ужасныя мысли безпрестанно представлялись моему разстроенному воображенію. Но теперь я совершенно успокоился. Теперь мое все желеніе состоитъ въ томъ, чтобы вы были совершенно здоровы. Я горю нетерпѣніемъ васъ видѣть скорѣе. Слава Богу, время скоро приближается: теперь 3-е число іюня, и я въ радости твержу себѣ безпрестанно, что въ этомъ же самомъ мѣсяцѣ я увижусь съ вами, и это самое заставляетъ меня забывать всѣ горести. Экзаменъ у насъ начнется 15-го іюня, въ нашемъ классѣ кончится 17-го, и я 18-го могу уже ѣхать.

Жаль, что г-нъ Барановъ теперь ѣдетъ вмѣстѣ съ г. Забѣлою и слѣдовательно уже не будетъ болѣе ѣздить съ нами. Итакъ насъ теперь будетъ двое, я и г. Данилевскій. Присылать же за нами надобно такъ, чтобы уже къ 18 числу лошади были въ Нѣжинѣ; ибо сего числа мы выѣдемъ.

Еще прошу васъ, дражайшая маминька, распорядить такъ, чтобъ намъ не заѣзжать въ Кибенцы, ибо платья у меня совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, которое на мнѣ. А присылать за нами прошу, ежели можно, желтую колясочку, маленькую, которая какъ разъ будетъ способна къ нашему путешествію, потому что весьма легка, мало надо лошадей и мы можемъ поспѣть гораздо скорѣе, нежели въ какой-нибудь огромной бричкѣ.

Такъ, дражайшая маминька, я васъ скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслію, и теперь собираюсь привезть вамъ какой-нибудь подарокъ. Но знаю, что вамъ не можетъ быть подарка лучшаго, пріятнѣйшаго, какъ привезть вамъ сердце доброе, пылающее къ вамъ самою нѣжною любовью, какую только можетъ внушить благодарность къ добродѣтельно-нѣжной матери. Не смѣю вамъ сказать, что я пріобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ, которыя, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработалъ таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проницательнѣе, дальновиднѣе. Ежели могу я вамъ угодить ими, тогда почту себя самымъ благополучнѣйшимъ человѣкомъ. Притомъ я постараюсь къ вамъ привезть нѣсколько своихъ произведеній, также хорошенькихъ картинокъ своей работы: дары скудные, но они отъ чистаго сердца, и ихъ приноситъ нѣжный, чувствительный сынъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидая каникулъ и вашего письма, которое надѣюсь получить сейчасъ по прочтеніи сего письма, остаюсь...

Къ ней же.

1825 года, іюня 4 дня.

Вы, вѣрно, на меня сердитесь, маминька, что до сихъ поръ не отвѣчаете на письма мои. Сдѣлайте милость, простите меня! Я вамъ уже сказалъ, что это было въ послѣдній разъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ обѣщался писать къ вамъ по два раза въ мѣсяцъ, и твердо выполню обѣщаніе.

Годичное испытаніе у насъ давно началось и скоро кончится. Числа 18 будетъ уже можно мнѣ ѣхать. Полгода какъ не бывало! Я льщусь надеждою въ этомъ мѣсяцѣ васъ увидѣть. Вы не повѣ-

рите, маминька, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этого свиданія. Не знаю, захотите ли вы мнѣ сдѣлать здѣсь платье; только въ такомъ случаѣ надо прислать за мною съ деньгами гораздо ранѣе. Я спрашивалъ у Симона, можно ли у него теперь занять; но онъ божится, что у него нѣтъ и что его всѣ деньги теперь на рукахъ, которыхъ онъ не надѣется скоро получить: а у меня платья почти совсѣмъ нѣтъ.

На это письмо я еще ожидаю вашего отвѣта. Послѣ него, можетъ быть, я еще буду писать чрезъ Баранова, который, какъ скоро кончится у нихъ экзаменъ, ѣдетъ на почтовыхъ.

Не знаю, будете ли довольны, но только я намѣренъ привезть вамъ кое-что, въ засвидѣтельствованіе, что я не даромъ провелъ здѣсь протекшее полугодіе. Ваше одобреніе будетъ для меня лестною наградою.

Думаю, мои сестрицы очень подросли; горю нетерпѣніемъ ихъ видѣть, — особливо Анниньку. Я думаю, она совсѣмъ забыла меня. Сколько новыхъ радостей ожидаетъ меня при свиданіи! Повѣрите ли, маминька? считаю, что одинъ день остался до каникулъ, и это сближеніе такъ радуетъ меня [въ мечтахъ], что я часто сижу по цѣлымъ часамъ у окна, поджидая знакомаго экипажа.

Кланяйтесь Александрѣ Өедоровнѣ, ежели она у насъ. Мнѣ всё такъ и представляется, что я застану ее съ вами. Вы не знаете, какъ я люблю всѣхъ тѣхъ, которые любятъ васъ и къ которымъ вы привязаны.

Ежели угодно будетъ вамъ заказать мнѣ здѣсь платье, то надо прежде 18 прислать за мною. Въ ожиданіи чего остаюсь вашимъ послушнѣйшимъ и до безъ памяти васъ любящимъ сыномъ,

Николаемъ Гоголь-Яновскимъ.

Къ ней же.

1825 года, іюня 10 числа.

Письмо ваше, дражайшая маминька [писанное 24 мая] я получилъ 3 іюня и спѣшу отвѣчать вамъ. Я не знаю, получили ли вы прежнія два письма, которыя я къ вамъ писалъ — одно въ послѣднихъ числахъ мая, а другое первыхъ іюня. Вы не повѣрите,

дражайшая маминька, какое удовольствіе принесло мнѣ ваше письмо; но вмѣстѣ съ нимъ я не могъ не быть растроганъ, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имѣете къ вашимъ дѣтямъ; но ваши слова: что вы уже болѣе для себя и для міра сего не живете, что, можетъ быть, я скоро долженъ занять мѣсто отца малолѣтнимъ моимъ сестрамъ, — слова сіи поселили печальныя предчувствія въ моемъ сердцѣ. Зачѣмъ предаваться горестнымъ мечтаніямъ? Зачѣмъ раскрывать грозную завѣсу будущности? Можетъ быть, она готовитъ намъ спокойствіе и тихую радость, ясный вечеръ и мирную семейственную жизнь. Будемъ надѣяться на Всевышняго, въ рукѣ Котораго находится судьба наша. Что̀ касается до меня, то я совершу свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколько возможно быть таковымъ.

Благодарю васъ покорнѣйше, дражайшая маминька за деньги, которыя вы мнѣ прислали и которыя мнѣ были нужны.

Въ разсужденіи каникулъ, я вамъ писалъ, что за нами надо присылать такъ, чтобы 18, или 19 лошади были уже здѣсь, потому что мы 20, или 21 іюня непремѣнно выѣдемъ. Также я вамъ писалъ, чтобы въ Кибенцы не заѣзжать, потому что у меня платья совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, въ которомъ хожу повседневно. Также еще я просилъ васъ, маминька, чтобы вы за нами, ежели можно, прислали маленькую желтенькую коляску, которая тогда, какъ я былъ, поправлена была въ Кибенцахъ и которую, если можно, прислали бы съ зонтикомъ. Еще просилъ бы у васъ, дражайшая маминька, прислать на дорогу нѣсколько книгъ какихъ-нибудь новыхъ и хорошихъ, оттого что дорогою будетъ намъ ужаснѣйшая скука, не дѣлавши ничего.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ теперь каникулъ. Данилевскій, какъ уже вы знаете, хотѣлъ было (ѣхать) теперь, но его удержали до экзамена, чему я весьма радъ, оттого что мнѣ бы ужасная скука была ѣхать одному.

Прощайте, дражайшая маминька, до радостнаго нашего свиданія...

Къ ней же.

1825 года, августа 15. Нѣжинъ.

Итакъ я уже на мѣстѣ, то есть, пріѣхалъ, какъ нельзя лучше въ Нѣжинъ, и въ самую пору, ни поздно, ни рано, а такъ, какъ было должно. Иванъ Семеновичъ Орлай еще не собирался ѣхать въ С. Петербургъ, оттого что, по его словамъ, не получилъ о сю пору разрѣшенія отъ министра и не знаетъ ничего, что̀ еще его ожидаетъ. Я не знаю, маминька, справедлива ли вѣсть, что ему въ С. Петербургѣ есть мѣсто генералъ-штабсъ-доктора, и ежели точно справедлива, то вы напишите ко мнѣ. Здѣсь никто, и самъ онъ, о семъ ничего не знаетъ.

Рыбы, по Андрея Андреевича запискѣ, не нашли. Каракатицъ нѣтъ; а купецъ Стефанеевъ говорилъ, что ежели надо сколько, такъ онъ можетъ выписать изъ Одессы въ весьма скоромъ времени. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ ту книгу, которую я забылъ и которую мнѣ весьма надо, а особливо потому, что она казенная. Вы, я думаю, ее помните. Она не такъ толста, въ голубой бумажкѣ, подъ заглавіемъ: »Опытъ о Русскомъ Страхосложеніи«, А. Востокова. Еще, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ адресъ Данилевскаго, какъ можно поскорѣе.

Послѣ вамъ напишу за кисти и за краски, какимъ образомъ это сдѣлать, а теперь я еще не распросился объ этомъ, да и не успѣлъ.

Прощайте, дражайшая маминька! Дай Богъ васъ видѣть здоровыми и счастливыми; чего вамъ желая и о чемъ моля Бога, остаюсь...

Къ ней же.

1825 года, сентября 30 дня.

Извините меня, дражайшая маминька! виноватъ, право, виноватъ, не писавши столь долгое время. Не знаю, чѣмъ даже оправдаться; попросту сказать — лѣностью; однакожъ надѣюсь, что это послѣдній разъ.

Я говорилъ съ профессоромъ живописи о моемъ предпріятіи,

именно — продолжать писаніе масляными красками. Онъ берется на себя доставить нѣкоторыя вещи, какъ-то: кисти и часть красокъ, остальныя могу искупить здѣсь. Слѣдовательно деньги 50 рублей должно прислать въ началѣ октября, чтобы не опоздать занятіями.

Позвольте поздравить васъ, дражайшая маминька, съ приближающимися вашими имянинами, съ которыми желаю, чтобы для васъ началось благополучіе и счастіе.

Мнѣ весьма жаль, что не отыскалась книга, о которой я говорилъ: у меня ее спрашиваютъ. Я совѣтовалъ бы еще посмотрѣть ее въ угольномъ столикѣ въ столовой. Ее можно узнать по голубой обертвѣ; заглавіе: »Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи«.

Не знаю, дражайшая маминька, что бы вамъ сказать о нашихъ происшествіяхъ: новаго у насъ такъ мало, примѣчательнаго и того менѣе; притомъ мы живемъ теперь совершенно въ глуши: никто не посѣщаетъ нашъ бѣдный Нѣжинъ. Скажу вамъ только, что нашъ Иванъ Семеновичъ ѣдетъ [хотя не такъ скоро] въ Одессу, въ тамошній лицей.

Вы видите теперь сами, что совсѣмъ почти нѣтъ ничего новаго. Мы совершенно, такъ сказать, въ другомъ мірѣ, старомъ и забытомъ. Я только какъ-то и оживляюсь вашимъ письмомъ, котораго я теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что вы меня извѣстите о нашемъ краѣ хотя немного; но родной и дымъ пріятенъ.

Прощайте, маминька, до слѣдующаго письма...

Деньги, которыя вы мнѣ присылаете слѣдуютъ такимъ образомъ.

Послѣ каникулъ	15	получилъ
Передъ Покровомъ Божіей Матери, 1 октября	10	«
Передъ Рождествомъ	10	«
Передъ масленой.	10	«
Передъ Воскресеніемъ Христовымъ	10	«
Передъ Зеленою недѣлею.	10	«
Передъ каникулами	5	«
итого. . . .	70	«

Къ ней же.

1825 года, 13 октября.

Позвольте, дражайшая маминька, и вамъ немного попѣнять за молчаніе. Я уже два письма писалъ къ вамъ, изъ коихъ одно чрезъ Егора Ильича г-на Бажанова, и не знаю, получили ли вы. Также позвольте мнѣ просить васъ о присылкѣ за мною на Рождество, — тѣмъ болѣе, что я имѣю много кой-чего сказать вамъ, которое весьма интересно, какъ для васъ, равнымъ образомъ и для меня; но обстоятельства, пространство письма и другія особенныя причины не позволяютъ мнѣ объявить вамъ теперь. Надѣюсь, дражайшая маминька, что вы не откажете въ семъ желаніи сильно васъ любящаго сына. Кромѣ того, я имѣю многія основательныя причины, которыя заставляютъ меня ѣхать домой; равнымъ образомъ обстоятельства такія, которыя весьма будутъ полезны для меня по возвращеніи обратномъ въ мою гимназію. Но болѣе всего побудитъ васъ еще, что профессоръ физики и химіи, по прошенію Димитрія Прокофьевича, обѣщался пріѣхать къ нему на Рождество. Итакъ вы симъ сдѣлаете удовольствіе не только мнѣ, но и Дмитрію Прокофьевичу. О присылкѣ за мною вы можете сдѣлать условіе съ родителями Данилевскаго и Баранова, которые также хотятъ прислать за ними. Слѣдовательно экипажъ надо побольше для четырехъ.

Прощайте, маминька! Изъявите почтеніе всѣмъ моимъ роднымъ и не забудьте просьбы нѣжно васъ любящаго сына, который съ нетерпѣніемъ желаетъ видѣться скорѣе съ вами...

Къ ней же.

1825 года, октября 23 дня.

Письма ваши и деньги, присланныя вмѣстѣ съ ними, получилъ и спѣшу писать къ вамъ, — тѣмъ болѣе, что почтеннѣйшій Егоръ Ильичъ, чрезъ котораго я вамъ вручаю сіе письмо, сейчасъ ѣдетъ. Итакъ постараюсь, сколько возможно скорѣе, увѣдомить васъ о вещахъ, на которыя вы требовали скорѣйшаго отвѣ-

та. Во-первыхъ, о книгахъ я потому не писалъ къ вамъ такъ долго, что ожидалъ отвѣта отъ одного моего товарища, которыя я ему выѣзжая вручилъ, и который, уѣхавши, о сю пору не пріѣзжалъ. Въ разсужденіи же сочиненія скажу вамъ, что я его не бралъ, но оно осталось между книгами въ шкафу. Но это небольшая бѣда, ежели оно и точно пропало; я постараюсь васъ вознаградить новымъ и гораздо лучшимъ.

Деньги 50 рублей я также получилъ и употребилъ ихъ съ пользою.

Прощайте, дражайшая маминька. Писать болѣе не успѣваю...

Прошу засвидѣтельствовать почтеніе бабушкѣ и всѣмъ роднымъ, поцѣловать за меня сестрицъ.

Къ ней же.

Декабря 2-го дня, 1825 года. Нѣжинъ.

Получивши почтеннѣйшее (ваше) письмо сего 2 декабря, спѣшу немедленно отвѣчать. Во-вторыхъ, благодарю васъ покорнѣйше за исполненіе моей просьбы прислать за мною на Рождество. Не знаю теперь, можно ли ѣхать на колесахъ. Я думаю, что къ празднику зима гораздо увеличится и будетъ довольно постоянная; слѣдовательно не худо бы пріискать экипажъ санной гораздо поболѣе, чтобы можно было четыремъ удобно помѣститься; ибо, какъ я вамъ прежде упоминалъ, и г-нъ профессоръ ѣдетъ съ нами. Прислать же за нами прошу 16 числа декабря. Прощайте, дражайшая маминька, до радостнаго свиданія, которое надѣюсь скоро настанетъ...

P. S. Вы обѣщали мнѣ для жилета голубой матеріи; пришлите теперь ее. Изъ тѣхъ денегъ, которыя мнѣ слѣдуютъ предъ Рождествомъ, я заплачу за шитье.

Къ ней же.

1826 года, января 17 дня. Нѣжинъ.

Поспѣлъ сюда вчера благополучно, и спѣшу увѣдомить васъ, дражайшая маминька. Въ замедленіи моемъ ничего мнѣ не стоило

оправдаться; принятъ былъ, какъ самый добрый товарищъ. Я теперь почти въ совершенной радости, изрѣдка только воспоминаніе объ васъ туманитъ свѣтлое лицо мое, только что недавно видѣвшее васъ. Извините, почтеннѣйшая маминька, что не могу болѣе писать: теперь столько хлопотъ, что я спѣшу какъ можно скорѣе окончить письмо до слѣдующей почты...

Къ ней же.

1826 года 21 апрѣля. Воскресеніе Христово.

Первымъ долгомъ поставляю себѣ, поздравить съ наступившимъ праздникомъ и желать вамъ провесть оный гораздо лучше, нежели я, который на немъ такъ соскучился, что съ величайшимъ чистосердечіемъ желаетъ скорѣйшаго окончанія его. Вообразите, мы теперь живемъ въ совершенномъ забытьѣ: всѣ разъѣхались, и я одинъ почти какъ безумный бѣгаю по музеумъ, попеременно заглядывая въ окно, нѣтъ ли отъ васъ какой родимой вѣсточки.... Не знаю даже, что̀ дѣлается у насъ. Тутъ ходятъ вѣсти, будто его высокопревосходительство Димитрія Прокофьевича приглашаютъ въ Петербургъ. Не знаю, правда ли это.

Теперь у насъ уже конецъ апрѣля; почти черезъ полтора мѣсяца и каникулы, и я буду видѣться съ вами. Это немного развеселяетъ скучную мою угрюмость.

Я васъ буду просить, дражайшая маминька, еще объ снабженіи меня деньгами. Я былъ еще передъ Рождествомъ немного боленъ, и такъ какъ у насъ не всегда хорошее содержаніе для больныхъ, то и занялъ у г-на профессора; послѣ опять случилось мнѣ занять на разныя книги, и теперь набралось всего на сорокъ рублей; а какъ денегъ не имѣю ни копейки, то и надѣюсь единственно на ваше пособіе. Вы можете прислать хотя изъ тѣхъ, которыя мнѣ слѣдуютъ. Отъ Рождества я долженъ былъ получить два раза, и не получалъ ни разу; теперь же, я думаю, вы не откажете мнѣ въ сей просьбѣ.

Напишите мнѣ что-нибудь объ хозяйственныхъ дѣлахъ. Я теперь сдѣлался большимъ хозяиномъ, умѣю различать хлѣба и на

каникулахъ покажу вамъ, гдѣ сѣно, овесъ, жито и прочеее; и могу даже цѣлый часъ спорить съ житными панами о посѣвѣ озимой гречихи (1). Кстати объ хозяйствѣ: продолжается ли у насъ теперь постройка дома? работаютъ ли въ саду? курится ли винокурня? Эти извѣстія для меня весьма любопытны.

Глубокое почтеніе Андрею Андреевичу, Ольгѣ Дмитріевнѣ. бабушкѣ и всѣмъ роднымъ. Сестрѣ моей Аннѣ Васильевнѣ самое глубочайшее почтеніе и также всѣмъ маленькимъ...

P. S. Сдѣлайте милость, пришлите Симону на шинель сукна.

Къ ней же.

1826 года, мая 14 дня. Нѣжинъ.

Странно и непонятно, какимъ образомъ не доходили мои письма къ вамъ, дражайшая маминька! Мнѣ было грустно, весьма грустно, слышавши, какъ вы обо мнѣ безпокоились. Послѣднее письмо я отправилъ къ вамъ на прошедшей недѣлѣ. Не знаю, какимъ образомъ оно такъ длило путь свой, хотя, однакожъ, нельзя похвалить и исправность нашей почты: ваше письмо, писанное вами 14 апрѣля, поспѣло сюда къ 11 маю, — почти около мѣсяца!

Благодарю васъ, маминька, чувствительно за поздравленіе меня съ имянинами, также за посылку, а болѣе всего за ваше необыкновенное обо мнѣ попеченіе [котораго я не заслужилъ, однакожъ не теряю надежды заслужить его]. Касательно моего здоровья. смѣло могу васъ увѣрить, что я еще никогда не былъ въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ теперь: веселъ, радостенъ. Скученъ только въ тѣ минуты, когда думаю объ разлукѣ вашей со мною. Но мысль объ скоромъ свиданіи одна только теперь полнитъ мою душу. Близкіе каникулы не выводятся изъ головы.

Аврамъ пріѣхалъ сюда 14 мая, сего самого дня, въ который я пишу къ вамъ; (онъ) привезъ мнѣ добрую вѣсть объ вашемъ здоровьи, которая согнала недобрыя думы съ лица моего; привезъ нѣсколько мелочныхъ новостей домашнихъ, между которыми бы-

(1) Типографическая ошибка, самая непростительная при моемъ великомъ знаніи. *Прим. Гоголя.*

ли нѣкоторыя для меня весьма важныя, какъ-то: о работѣ, производимой около дому, и т. п.

Хорошая весна была у насъ: думаю, теперь можно ожидать изобилія на фрукты. Я давно уже острю на нихъ зубы, и эти каникулы увидятъ ужасное опустошеніе въ нашемъ саду. Жаль только, что мнѣ не достанется отвѣдать клубники: отойдетъ къ тому времени.

Иванъ Семеновичъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе и приказалъ мнѣ немедленно писать къ вамъ, приговаривая, что вы обо мнѣ безпокоитесь, а я о томъ совсѣмъ не думаю...

P. S. Честное слово — писать къ вамъ по два раза въ мѣсяцъ! Пишите онъ и вы ко мнѣ чаще. Черезъ полтора мѣсяца каникулы. До радостнаго свиданія!

Къ ней же.

1826 годъ, м. іюнь число 7.

Вы пишете, маминька, что не получаете отъ меня письма за прошлый мѣсяцъ; но я въ концѣ мая писалъ къ вамъ, извѣщая объ заблаговременной присылкѣ мнѣ полутораста, 150 рублей, потому что я хотѣлъ сдѣлать себѣ и шинель. Но теперь вижу, что она мнѣ въ лѣто не понадобится, а лучше сдѣлать ее къ зимѣ, и потому теперь мнѣ нужно не болѣе 80 рублей для сдѣлки платья лѣтняго, котораго у меня совершенно нѣтъ. Жаль же мнѣ весьма, что до сихъ поръ не получилъ я денегъ, а теперь хорошо было: я бы успѣлъ заблаговременно все себѣ сдѣлать, и оттого бы было все лучше сдѣлано; въ противномъ случаѣ, я принужденъ буду вмѣстѣ съ экипажемъ оставаться лишніе дни. Но нечего дѣлать, когда уже такъ вышло. Теперь, сдѣлайте милость, высылайте за мною какъ можно скорѣе; чуть только получите письмо, то сейчасъ же. Хорошо, ежели бы 22 и 23 былъ экипажъ уже здѣсь, потому что мнѣ 26 числа уже можно ѣхать.

Извините, милая, выше всего мною любимая маминька, что я такъ пишу наскоро и съ такою поспѣшностью: теперь и у насъ времени нѣтъ за этимъ скучнымъ экзаменомъ; но онъ скоро кон-

чится. Я здоровъ и, оживленный мыслью, скорымъ свиданіемъ съ вами, веселюсь, ожидая съ нетерпѣніемъ дня того, когда вы обнимете любящаго васъ невыразимою любовью, на вѣкъ вѣрнаго и послушнаго сына...

Присылайте за мною экипажецъ умѣстительный, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои.

Обнимите за меня сестрицъ моихъ. Почтенье мое Варварѣ Петровнѣ, въ высочайшей точкѣ привязанности. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. письма; но чрезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнчивый въ своихъ чувствахъ, всё тотъ же пламенный, признательный, никогда непогасившій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ.

Къ ней же.

1826 года, іюня 13 дня.

У насъ, гдѣ нѣтъ ничего постояннаго, вздумалось г-ну директору отложить экзаменъ, и объ этомъ только сегодня насъ увѣдомили. Пишу къ вамъ, ежели только письмо застанетъ экипажъ невысланнымъ, чтобы прислать уже не къ 18, а къ 22. Ежели же высланъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ платье, то онъ высланъ какъ разъ въ пору, потому что шить платье здѣсь будутъ по крайней мѣрѣ дней пять...

Къ ней же.

Милостивая государыня маминька!

Пріѣхавши сюда, за первый долгъ почелъ васъ увѣдомить о благополучномъ концѣ моего пути, въ которомъ, благодаря вамъ, я не имѣлъ ни въ чемъ нужды, и желая вамъ здоровья и счастья во всемъ, остаюсь...

1826 г., 16 августа.

Къ ней же.

1826 года, августа 20 дня.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ, я не могъ ничего сказать вамъ, кромѣ извѣщенія о своемъ пріѣздѣ: такъ я былъ озабоченъ встрѣтившимися занятіями и другими обстоятельствами. Теперь же прошу васъ [ежели только не будетъ вамъ въ тягость], чтобы извѣщать меня о всемъ, что вы намѣрены предпринимать и что дѣлаете касательно хозяйственнаго устройства. Это крайне будетъ занимать меня. Бывши въ такомъ отдаленіи отъ мѣстъ, къ которымъ я привязанъ, я жажду ихъ видѣть, хотя въ письмѣ вашемъ, и надѣюсь, что вы, такъ много любя меня, не откажетесь доставить мнѣ это удовольствіе,—тѣмъ болѣе, что мнѣ хочется самому быть въ этомъ случаѣ вамъ полезнымъ. Особливо извѣщайте меня касательно построекъ, новыхъ заведеній и проч., и ежели нужно будетъ фасадъ и планъ, то, сдѣлайте милость, извѣстите меня немедленно, и уже фасадъ будетъ непремѣнно хорошъ, а главное—издержки будутъ самыя малыя [не такъ, какъ домъ прикащика я думалъ сначала]. И фасадъ, и планъ будетъ тщательно нарисованъ и по первой же почтѣ безъ замедленія присланъ.

Пріятно мнѣ будетъ, ежели вы мнѣ будете повѣрять свои планы, мысли, также разные прожекты, новыя изобрѣтенія и проч. и проч., и ежели будете принимать благосклонно и мои толки, похвалите за что-нибудь доброе и побраните за худое.

Также объ какихъ-нибудь постороннихъ дѣлахъ, случающихся въ нашемъ округѣ. Говорилъ бы вамъ о своихъ, но совершенно ничего нѣтъ, все пусто, и Нѣжинъ нашъ заснулъ въ бездѣйствіи. О переводѣ моемъ въ 8-й классъ вы уже прежде знали; что я не засталъ здѣсь Орлая, тоже, думаю, знаете. Вотъ и все.

Да, забылъ вамъ сказать еще объ одномъ дѣлѣ и, думаю, весьма важномъ, а именно: когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепицъ. Я не знаю, что можетъ быть полезнѣе, какъ завесть этакой заводъ. Крыша, ими укрытая, издержками не превышаетъ соломеной; зато какая выгода въ прочности! Черепичная крыша лѣтъ пятьдесятъ и болѣе

не требуетъ починки; притомъ какъ красивы подъ нею будутъ строенія! не надо никогда деревяной. Да притомъ и деревяная далеко ей уступаетъ въ прочности и крѣпости. Подъ этою крышею конюшни, анбары приняли бы другой видъ и вѣковую несломаемость. Для стѣнъ и штукатурки я знаю одинъ дешевый способъ, который со временемъ объявлю вамъ. Не знаю, придется ли по мыслямъ, но за прочность ручаюсь. Когда окончатся полевыя работы и что вы предпримете по окончаніи ихъ, прошу убѣдительно увѣдомить. Можетъ быть, я моими просьбами наскучаю вамъ, почтеннѣйшая маминка. Но, зная вашу снисходительность и великое обо мнѣ попеченіе, я надѣюсь, что вы согласитесь принять просьбу сына, любящаго васъ болѣе всего, для котораго вы одни веселье...

Къ ней же.

Сентября 10, 1826 года. Нѣжинъ.

Любопытны и занимательны были для меня ваши извѣстія. Я какъ-бы участвовалъ во всѣхъ вашихъ заведеніяхъ и постройкахъ; по крайней мѣрѣ, мысль моя была тамъ. Читая письмо ваше, я былъ съ вами. Тронуло меня весьма ваше материнское наставленіе, и я поклялся въ сердцѣ всегда слѣдовать ему; но только я не примѣтилъ въ себѣ поступка, заслуживавшаго упрекъ вашъ. Я всегда любилъ родственниковъ своихъ; какого бы они ни были званія, никогда не чуждался. Быть можетъ, неумышленное вы приняли за дѣйствительное.

Между многими извѣстіями, цѣнными для меня, я съ радостью увидѣлъ, что вы нѣкоторыя мои предположенія нашли полезными. Вы пишете, что строится птичій домикъ. Бывши дома, объ этомъ я не слыхалъ. Ежели что надобно, фасадъ, или планъ, пишите ко мнѣ.

Увѣдомьте, когда его высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичъ будетъ у насъ, что онъ тамъ найдетъ хорошаго, что ему понравится. Мнѣ съ нетерпѣніемъ хочется знать мнѣніе великаго человѣка даже о самыхъ маловажностяхъ. Сдѣлайте милость, маминька, не пропустите ничего; большое вы дадите мнѣ удовольствіе.

Я отыскалъ планъ и фасадъ новаго дома, который я еще рисовалъ при папинькѣ. Посылаю вамъ ихъ. Они сниманы безъ маштаба, безъ исправности; но ими можно пользоваться, когда нѣтъ другого, и особливо касательно наружнымъ украшеній. Одинъ фасадъ представляетъ передній видъ дома, другой задній; при нихъ приложенный планъ показываетъ расположеніе пристроекъ. Онъ, я думаю, вамъ будетъ нуженъ въ это время.

Извините, что теперь не могу прислать узора: онъ еще не конченъ. По слѣдующей почтѣ вы получите. Мнѣ совѣстно передъ Ольгою Дмитріевною, что я такъ долго его задержалъ.

Директоръ нашъ уже отправился въ Одессу. Теперь мы одни; однакожъ теперь все приняло другой порядокъ. Пансіонъ нашъ примѣтно началъ улучшаться; столъ теперь сдѣлался у насъ прекрасный; и этимъ всѣмъ обязаны мы нынѣшнему нашему инспектору.

Вы пишете, чтобы я вамъ къ Рождеству привезъ что-нибудь изъ сочиненій своихъ. Время еще далекое, однакожъ постараюсь заготовить.

Увѣдомьте меня, когда у насъ начнутъ курить водку и что̀ по тогдашнимъ цѣнамъ будетъ стоить ведро. Успѣшно ли у насъ винокуреніе и приноситъ ли доходъ?

Не знаю, ежели теперь тетинька Варвара Петровна у насъ, то свидѣтельствуйте мое почтеніе. Къ Дмитрію Прокофьевичу постараюсь написать; только не знаю, когда его высокопревосходительства имянины: вы не написали, 26-го ли сентября, или октября.

Прощайте, почтеннѣйшая, любезная маминька. Не забудьте отписать къ любящему васъ до безъ памяти сыну...

Къ ней же.

1826 года, сентября 12 числа.

Письмо ваше, безцѣннѣйшая маминька, я получилъ недѣлю назадъ тому. Я писалъ къ вамъ еще чрезъ Василья Ивановича Чарныша. Получили ли вы то письмо? Что̀ сказать о себѣ? Я здоровъ, веселъ, а что̀ еще всего лучше, мнѣ остается только восемь мѣсяцевъ къ выпуску. Не знаю, удастся ли мнѣ до того времени быть

дома. Мнѣ долго здѣсь казалось, будто чего-то всё не достаетъ, и съ полученіемъ только вашего письма, гдѣ была приписка и Павла Петровича, разгадалъ, что тоскую по васъ. Мнѣ почувствовалось, будто я выѣхалъ изъ дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни съ кѣмъ. Бабушка, я думаю, порядкомъ сердится, а еще болѣе чувствую — Елисавета Петровна. Экой я въ самомъ дѣлѣ разгильдяй! а она для меня такъ трудилась: изготовила мнѣ всего на дорогу. Но что же дѣлать? Таковъ свѣтъ: рѣдко сыщется человѣкъ благодарный.....

Каковы у насъ дѣла хозяйственныя? Павелъ Петровичъ пишетъ, что отыскалась на томъ баштанѣ, что за прудомъ [который весь высохъ] дыня съ пупкомъ, а не съ хвостомъ. Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотѣлъ бы я знать причину.

Бываетъ ли у васъ моя любезнѣйшая сестрица Александра Ѳедоровна? Ежели увидите, то изъясните ей мою заочную къ ней привязанность и всегдашнюю память ея добраго ко мнѣ участія. Не знаю я, когда отъ васъ бываетъ оказія къ Машинькѣ. Мнѣ хотѣлось бы кое-что послать къ ней, а не хочется, чтобы посылка долго залеживалась; такъ вы меня извѣстите, почтеннѣйшая маминька, когда будетъ случай; то я пришлю на имя ваше, а вы отправите ее къ ней...

Милая, добрая, злая, усердная, неумолимая, исполненная ядомъ злѣйшихъ насмѣшекъ и ядовитѣйшихъ колкостей, милостивая государыня Елисавета Петровна! Вы, я думаю, готовы съѣсть меня, хотя за цѣлый прошедшій мѣсяцъ жаръ вашъ долженъ бы остудиться. Не знаю, чѣмъ умилостивить васъ: еще чрезъ цѣлые восемъ мѣсяцевъ придетъ то время, когда брошусь на колѣни предъ вами, а теперь скажу вамъ тайну: Карпъ Дементьевичъ П*** признался мнѣ, что влюбленъ въ васъ по уши и вамъ кланяется. Что вы буркалки пялите?

Къ ней же.

1826 года, сентября 30 дня.

Посылаю дорисованный мною узоръ. Сдѣлайте милость, почтеннѣйшая маминька, извините меня передъ тетинькою Ольгою

Дмитріевною; только не знаю, можетъ ли что меня извинить, хотя я не такъ виноватъ еще. Видно, несчастіе—удѣлъ мой: пріѣхавши сюда, я тотъ же часъ бросился докапчивать его. Вы сами видѣли, что дома я не имѣлъ ни красокъ, ни кистей, но я хотѣлъ сдержать свое слово. Теперь же — вообразите мое несчастіе! я рылся вездѣ въ своихъ бумагахъ и не нашелъ его, считалъ уже пропавшимъ; но послѣ, не задолго до полученія письма, нечаяннымъ образомъ его отыскалъ и ту же минуту бросился его докончить, не спалъ ни ночей, ни дня; по неумѣнію своему [по канвѣ я въ первый разъ рисую], изорвалъ три рисунка, покуда окончилъ одинъ. Не причислите это къ безпечности, почтеннѣйшая маминька; нѣтъ, я теперь поставилъ себѣ за правило: что должно сдѣлать—дѣлать тотъ же часъ, не откладывая. Я думаю, теперь тетинька сердится сильно на меня, и по дѣломъ. Не знаю, чѣмъ испросить и гдѣ взять прощеніе. Трудно, весьма трудно поддержать объ себѣ хорошее мнѣніе: иногда самая малость — и оно потеряно.

Не знаю, получили ли вы письмо мое и при немъ планъ и фасадъ дома; только я не получалъ еще отвѣта. Вѣрно, вы сердитесь на меня, маминька. У насъ теперь великое смятеніе: ожидаютъ графа со дня на день; все убираютъ. Но мнѣ грустно—или оттого, что я виноватъ предъ вами и предъ тетинькою Ольгою Дмитріевною, или, видно, осень сама располагаетъ къ этому. Какъ бы то ни было, но зима уже близко; стало быть, чрезъ два съ половиною мѣсяца и свиданіе съ вами. Мнѣ кажется, что я уже около полугода, какъ не видѣлся: вѣрно, оттого, что не получаю письма отъ васъ.

Вы не писали, маминька, какъ вамъ теперь, весело ли. Не вредитъ ли вамъ уединеніе? навѣщаютъ ли васъ? чѣмъ вы теперь занимаетесь? Вѣрьте, маминька, всѣ эти подробности даютъ жизнь сыну, любящему васъ болѣе всего, для котораго вы только однѣ остались утѣшителемъ и счастіемъ.

Получаете ли вы письма отъ Машиньки? что она теперь дѣлаетъ? не скучно ли ей? напишите къ ней, что я требую, прошу, чтобы она ко мнѣ писала; скажите, что письма ея не будутъ оставлены безъ отвѣта, чтобы писала ко мнѣ объ нуждахъ своихъ. Ежели я могу быть только въ нихъ полезенъ, все исполню, что

только зависитъ отъ меня. Не знаю только, какъ адресовать къ ней письма: писать ли къ вамъ, или чрезъ почту къ самому г. Старицкому? Извѣстите пожалуйста, можно ли чрезъ почту и какъ адресовать? Ато вамъ будетъ много заботъ и трудностей отсылать изъ дому чрезъ нарочнаго.

Ожидая съ нетерпѣніемъ отраднаго для меня письма вашего, остаюсь...

Свидѣтельствуйте мое почтеніе дѣдушкѣ, бабушкѣ Аннѣ Матвѣевнѣ и тетинькѣ Варварѣ Петровнѣ.

Къ ней же.

1826 года, октбря 15 дня.

Безцѣнное письмо ваше получилъ сегодня и сего же дня спѣшу отвѣчать вамъ. Съ жадностью читалъ прелестный разсказъ вашъ, почтеннѣйшая маминька, о пребываніи у насъ почетнаго гостя. Всѣ мелочи, все совершенно вами сдѣланное, признаюсь, такъ было хорошо, что я никогда бы не могъ сдѣлать. Разчитавшись, я съ неудовольствіемъ и жалостью увидѣлъ конецъ письма вашего [такъ я люблю говорить съ вами]; но послѣ образумился, увидѣлъ, что это письмо, а не длинное описаніе, и, сообразивъ его съ прежними вашими письмами, которыя были не болѣе, какъ въ поллистъ почтовой бумаги, я былъ полнъ къ вамъ живѣйшей благодарности, что вы не скучаете говорить со мною. Только не знаю, къ чему относится приписка послѣ письма, гдѣ вы говорите, что я себя возвысилъ, а унизилъ васъ. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ, когда это было: въ письмѣ ли, которое вы получили вмѣстѣ съ планомъ, или въ другомъ чемъ-либо я показалъ это. По крайней мѣрѣ вѣрьте, почтеннѣйшая маминька, что я никогда бы этого не сказалъ, и потому, сдѣлайте милость, напишите, въ чемъ это было.

Писали вы, чтобы я прислалъ его высокопревосходительству какое-нибудь сочиненіе; думалъ и я было сперва то сдѣлать, но послѣ разсудилъ, что, поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь, я мало принесу себѣ пользы и мало хорошаго дамъ о себѣ мнѣнія,

рѣшился, что лучше пріуготовить себя къ занятіямъ гораздо важнѣйшимъ и сдѣлать что-нибудь достойное вниманія просвѣщеннаго вельможи, благодѣтеля Малороссіи.... Не хочу, ежели благодарность моя будетъ слаба и не покажетъ сердечныхъ моихъ чувствованій. Лучше пусть она будетъ сокрыта до времени и послѣ выявитъ сердце, чувствующее благодѣянія, средствомъ хотя менѣе достойнымъ сихъ благодѣяній. Узоръ я давно уже дорисовалъ и послалъ къ вамъ. Вы, я думаю, уже получили письмо съ посылкою.

Позвольте еще спросить васъ: Агаѳія Матвѣевна не перебралась еще жить къ намъ? и ежели еще, то когда именно она переѣдетъ и какъ понравится ей новое мѣсто? такъ же, что̀ нужно будетъ сдѣлать? она тогда еще хотѣла сдѣлать для себя комору, которая должна была стоять въ саду и составлять красивый фасадъ. Напишите ко мнѣ тогда, когда будете строить. Я имѣю въ умѣ очень хорошій фасадъ для этого строенія.

Прикащиковъ домъ окончанъ ли, хорошо ли онъ обдѣланъ и что̀ стоилъ? Поставили ли вы вѣтреную мельницу, которую предполагали? Отыскана ли глина, годная для черепицы? Всего этого я еще не знаю. Извините, маминька, ежели утруждаю я васъ. Я чувствую, что уже слишкомъ любопытенъ, но это страсть моя.

Варварѣ Петровнѣ моя привязанность и почтеніе. Я знаю, что милая тетинька часто забываетъ меня, но я объ ней помню. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, маминька, что мнѣ деньги слѣдовали еще къ первому октября; но я до сихъ поръ не получалъ. Извѣщаю не въ укоръ вамъ, но потому, что мнѣ въ нихъ случилась большая нужда.

Напомните Машинькѣ, чтобы она писала ко мнѣ и доставьте ко мнѣ адресъ прямо къ ней. Сегодня 15-е октября; чрезъ два мѣсяца, то есть, 15 декабря, мнѣ можно уже ѣхать на Рождество. Странное дѣло! не болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ я изъ дому, и уже чувствую, будто годъ не видѣлся съ вами. Итакъ прощайте, почтеннѣйшая маминька. Не болѣе четырехъ писемъ вы еще получите отъ меня, а тамъ увидите и самого, болѣе всего на свѣтѣ любящаго васъ сына...

При семъ картинка нынѣшнихъ модъ.

Къ ней же.

Ноября 16 дня. Нѣжинъ. 1826 года.

Письмо ваше сегодня получилъ, и сего же дня пишу къ вамъ. Вы просите извѣстить, кто теперь директоръ у насъ. Директора у насъ нѣтъ, и желательно, чтобы совсѣмъ не было. Пансіонъ нашъ теперь на самой лучшей степени образованія, на степени такой, до какой SS (1) никогда не могъ достигнуть; и этому всему причина нашъ нынѣшній инспекторъ; ему обязаны мы своимъ счастіемъ. Столъ, одѣяніе, внутреннее убранство комнатъ, заведенный порядокъ — этого всего вы теперь нигдѣ не сыщете, какъ только въ нашемъ заведеніи. Совѣтуйте всѣмъ везть сюда дѣтей своихъ: во всей Россіи они не найдутъ лучшаго. Должность директора исправляетъ профессоръ физики и химіи, Шапалинскій.

Досадно мнѣ было, что не получалъ долго такъ денегъ; большую нужду терпѣлъ я въ нихъ; но теперь дѣло объяснилось: вы поручили его г. Тишескому, такъ оно и теперь лежитъ въ Полтавѣ.

Вы пишете мнѣ, что слишкомъ скучаю. Это я сказалъ вовсе безъ умыслу: скучаю, когда не имѣю отъ васъ писемъ; а веселъ почти всегда, и особливо теперь, когда менѣе нежели черезъ мѣсяцъ приближается урочное время и радостно полечу обнять васъ, милая, почтеннѣйшая маминька,— обнять въ васъ мою жизнь. Такъ, маминька, вы составляете жизнь мою: до сихъ поръ не имѣю ничего драгоцѣннѣе, священнѣе васъ. Судите вы объ радости свиданія. Сколько везу къ вамъ теперь сочиненій, картинъ! радъ буду, сильно радъ, когда сдѣлаю вамъ ими удовольствіе.

Такъ какъ платье мнѣ непремѣнно нужно имѣть къ Рождеству, то прошу васъ, ежели можно, прислать деньги впередъ по почтѣ, чтобы уже нечего было дожидаться здѣсь съ экипажемъ. На фракъ и панталоны суконные пойдетъ какъ разъ до ста рублей; но зато уже они будутъ у меня навсегда. Зимняго же платья до

(1) Французскія буквы употреблены издателемъ вмѣсто собственныхъ именъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ нужнымъ скрыть и начальныя буквы этихъ именъ.

сихъ поръ я не имѣлъ. Ежели же вы хотите, чтобы деньги прислать вмѣстѣ съ экипажемъ, то присылайте, чтобы къ 14 числу декабря экипажъ былъ уже здѣсь; а когда деньги прежде пришлете, то нужно, чтобы экипажъ къ 16-му числу декабря былъ здѣсь. А пришлите за мною, ежели можно, ту самую бричку, которую вы брали и тогда у дядиньки Андрея Андреевича. Она весьма легка и не трясетъ, и мало лошадей нужно, и выгодна. Не повѣрите, милая маминька, съ какимъ великимъ нетерпѣніемъ, съ какою радостью я жду этого благодатнаго времени. Сколько любопытныхъ новостей! Сколько перемѣнъ во мнѣ вы увидите! Въ ожиданіи отъ васъ еще одного письма, остаюсь...

Къ ней же.

1826 года, ноября 23 дня.

Не могу утерпѣть, милая маминька, чтобы не писать къ вамъ; какъ ни близко, кажется, наше свиданіе, но не могу выдержать почти около мѣсяца, не поговоривши съ вами, и чрезъ то будто ускорить самую радость видѣть васъ.

Касательно присылки за мною, еще не знаю, какъ должно присылать: будетъ ли санная дорога, или на колесахъ. Мнѣ кажется, что наврядъ ли выпадетъ большой снѣгъ и состоится хорошая зима; а посему за мною можно будетъ (прислать) легонькую бричку; въ случаѣ же снѣгу и зимы — маленькую кибитку, только не ту тяжелую. Ежели платье мнѣ будетъ здѣсь дѣлаться, то въ такомъ случаѣ пришлите числа 16, непремѣнно уже чтобы былъ здѣсь экипажъ; а ежели на платье вы пришлете деньги прежде, тогда уже присылать за мною такъ, чтобы 18 числа былъ здѣсь экипажъ. Также напишите письмо ко мнѣ, что присылаете за мною. Это письмо нужно будетъ показать инспектору, безъ чего не отпустятъ. Совѣтую для этого письмо составить особое, въ которомъ извѣщайте меня просто, что посылаете экипажъ съ тѣмъ, чтобы я на праздникъ Рождества Христова пріѣхалъ для свиданія къ вамъ.

Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ, которыхъ доказательства лично вручу вамъ. Сочиненій моихъ вы не узнаете: новый

переворотъ настигнулъ ихъ. Родъ ихъ теперь совершенно особенный. Радъ буду, весьма радъ, когда принесу вамъ удовольствіе.

Къ намъ пріѣзжалъ графъ, былъ у насъ не малое время, много говорилъ, ничего не сдѣлалъ и уѣхалъ во свояси. SS нашъ успѣлъ вездѣ такъ охулить нашу гимназію, что, думаю, и онъ оттого такъ мало объ ней печется. Изъ Одессы получили на сихъ дняхъ письмо отъ SS. Онъ и тѣмъ заведеніемъ не доволенъ.

Но прощайте, почтеннѣйшая, милая маминька! Утѣшительная мысль, приближаемая праздникомъ Рождества, останавливаетъ письмо мое, да и зачѣмъ напрасно марать безчувственнымъ перомъ бумагу, когда на словахъ могу я выявить жаркое чувство сердца, вѣчно горящее къ вамъ сыновнею любовью!. .

Къ Г. И. Высоцкому.

1827 года, генваря 17. Нѣжинъ.

Теперь только пріѣхалъ я изъ дому, гдѣ былъ всѣ праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шапалинскаго. Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположеніе: на письмо твое не отвѣчалъ ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого-либо небреженія, или холодности: нѣтъ, другъ! По крайней мѣрѣ позволь сказать, что ни къ кому сердце мое такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сродили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ; а я.... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ, и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года

видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ.... Много принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислалъ ко мнѣ съ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣе этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставилъ и принялъ твердое намѣреніе писать нарочно побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

Пиши мнѣ объ своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть жизни Петербургской. Это одно для меня развѣетъ горечь моего заточенія, сблизитъ урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже съ восхищеніемъ въ мечтахъ читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое, и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о нашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Л**** поѣхалъ въ Одессу, Д**** (1) тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его. Здѣсь онъ весьма худо велъ себя. Изъ старыхъ никого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣдка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ я весь съ тобою въ столицѣ. Объ твоемъ аттестатѣ я всегда надоѣдалъ Шапалинскому, и теперь крѣпко настоилъ, чтобъ отсылать къ тебѣ. Онъ уже изготовленъ, и ты скоро получишь. Каково теперь у васъ? Какъ-то будете веселиться на масляницѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?

(1) Имена, сокращенныя мною въ начальныя буквы, будутъ вездѣ отмѣчены тремя звѣздочками; начальныя же буквы, выставленныя вмѣсто именъ самимъ Гоголемъ, не будутъ имѣть при себѣ звѣздочекъ. *П. К.*

Что̀ тебѣ сказать объ нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно нѣтъ. Писать тебѣ про пансіонъ? онъ у насъ теперь въ самомъ лучшемъ, самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору, Бѣлоусову. Къ масленицѣ затѣваютъ театръ. Дураки всё такъ же глупы. Барончикъ, Доримончикъ, фонъ-Фонтикъ-Купидончикъ, Мишель Дюсенька, Хоцинки здравъ и невредимъ, и часъ отъ часу глупѣетъ. Демировъ-Мишковскій, Батюшечка и Урсо кланяются по поясъ. Мыгалычъ чуть-чуть было не околѣлъ. Впрочемъ все благополучно. Бодянъ только проситъ у тебя на водку. Но прости: я болтаю пустяки и надоѣлъ уже, думаю, тебѣ до сна. По слѣдующей почтѣ я намѣренъ еще тебѣ сказать кое объ чемъ; а до того времени не забудь твоего вѣрнаго, всегда и вездѣ тебя любящаго стариннаго друга,

Н. Гоголя (1).

Божко̀ и Миллеръ благодарятъ, что ты не забылъ ихъ.

Къ матери.

1827 года, февраля 1. Нѣжинъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше, маминька, получилъ я третьяго дни и спѣшу извѣстить васъ. Благодарю васъ за незабытіе и за всегдашнюю вашу помощь и за всегдашнюю любовь вашу, которой цѣну одинъ только я могу чувствовать. Жалѣю и досадую только на заботы, удручающія васъ, которыя мѣшаютъ вамъ въ писаніи и отнимаютъ драгоцѣнныя у меня минуты.

Я не знаю, когда лучше я проводилъ время, какъ не теперь,— даже досадую на скорый полетъ его. Масленицу мы надѣемся провесть наилучшимъ образомъ. Театръ нашъ готовъ совершенно, а съ нимъ вмѣстѣ — сколько удовольствій! Не знаю, гдѣ теперь вы находитесь. Я думаю, на масленой будете въ Кибенцахъ. Желаю вамъ такъ же пріятно провесть это время. Я думаю, теперь у насъ въ деревнѣ Васильевкѣ весьма уединенно. Бываетъ ли кто-нибудь?

(1) Въ 1827, 1828 и 1829 годахъ Гоголь подписывался то просто — *Гоголь*, то — *Гоголь-Яновскій*. *П. К.*

Радъ буду весьма, когда вы живете теперь въ полномъ удовольствіи, когда изрѣдка только мимолетящая тѣнь заботъ цѣпляется, а трудныя, обременительныя вовсе вамъ неизвѣстны. Это занимаетъ мысли мои, днемъ и ночью объ этомъ только я думаю. Всеминутно желая вамъ безмятежной счастливой жизни, достойной вашихъ добродѣтелей, я надѣюсь, что вы примете это нелицемѣрное всегдашнее желаніе сына, котораго любви ничего нѣтъ священнѣе васъ.

Николай Гоголь-Яновскій.

Къ ней же.

1827 года, февраля 26. Нѣжинъ.

Къ числу мечтательностей своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ, — знать, что у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь, и вѣрите ли, почтеннѣйшая маминька, съ какимъ удовольствіемъ я занимаюсь отгадываніемъ всего того, что васъ занимаетъ! Какъ вы проводили масленую? весело ли? были ли у васъ веселыя собранія? Извините, что закидалъ васъ кучею вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлать участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему. Кто жъ ближе къ моему сердцу, какъ не вы, почтеннѣйшая маминька? Ваша радость, ваше удовольствіе — и я счастливъ.

Посмотрите же, какъ я повеселился! вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости [разумѣется не буйной], и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли, или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ.

Ежели объ чемъ я теперь думаю, такъ это всё о будущей жизни моей. Во снѣ и наяву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ;

но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, — не совсѣмъ до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста.

Масленицу, всю недѣлю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провесть, какъ мы всю недѣлю веселились безъ устали. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціяльныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ Французскія піесы соч. Мольера и Флоріана, одну Нѣмецкую соч. Коцебу, Русскія: »Недоросль« соч. Фонвизина, »Неудачный Примиритель« Княжнина, »Лукавинъ« Писарева и »Береговое Право«, соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много и всё пріѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь. Дай Богъ, чтобъ вы провели его еще веселѣе. Ожидаютъ у насъ директора, г-на Ясновскаго, со дня на день. Не знаемъ его характера; говорятъ, что слишкомъ добръ, даже до слабости, чего мы боимся.

Позвольте васъ, почтеннѣйшая маминька, потрудить одною просьбою. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ холста самаго толстаго, штуки двѣ и, ежели можно, болѣе: намъ необходимо нуженъ. Вы этимъ много, много одолжите меня; а до того, остаюсь съ сыновнимъ почтеніемъ и самою жаркою преданностью и любовью, остаюсь...

Бабушкѣ свидѣтельствую почтеніе. Дядинькѣ Андрею Андреевичу и тет. О. Д. скажите, что я никогда не забываю ихъ ко мнѣ вниманія и любви, и досадую, что не знаю, чѣмъ доказать благодарность свою.

Къ ней же.

1827 года, марта 24. Нѣжинъ.

Письмо ваше, маминька, я вчера получилъ. Радуюсь весьма, что вамъ будетъ весело, что любезные наши родственники Петръ

Петровичъ и Павелъ Петровичъ скоро пріѣдутъ къ намъ и долго проживутъ у насъ; — только чувствую, что я уже не застану ихъ. Они всегда на зло пріѣзжаютъ передъ тѣмъ временемъ, когда мнѣ должно быть дома, а въ то самое время уѣзжаютъ назадъ и намъ въ удѣлъ оставляютъ скуку. Мое первое, всегдашнее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы прожить весело въ кругу всѣхъ близкихъ моему сердцу, и предопредѣленіе никогда не давало сбыться моимъ планамъ, будто въ насмѣшку надъ моимъ несбытодуміемъ. Жалѣю весьма, что вамъ много заботъ и до пропасти дѣлъ. Когда бы скорѣе вы могли найти хорошаго управителя! Это, чувствую, много бы вамъ помогло. Къ несчастію, эти люди рѣдки. При всемъ моемъ уваженіи къ Екименку, мнѣ что-то кажется, что онъ врядъ ли хорошо выполнитъ свою должность. Притомъ же сперва онъ соглашался за гораздо меньшее жалованье, когда вы писали о своей надобности въ управителѣ. Но впрочемъ, Богъ съ нимъ, лишь бы только онъ облегчилъ ваши заботы, лишь бы только вы больше имѣли времени свободнаго — весело, радостно жить въ кругу родныхъ. Въ этомъ только радость можетъ высвѣтлиться на моемъ сердцѣ, и оно заочно живетъ вашимъ спокойствіемъ, беззаботностью.

Росписку за деньги я получилъ и берегу ее у себя. Письмо къ сестрицѣ Машинькѣ я написалъ и прилагаю его здѣсь. Сдѣлайте милость, почтеннѣйшая маминька, отправьте ей поскорѣе: она еще въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что я забылъ ее. Я писалъ къ вамъ объ полотнѣ, но ни слова не говорилъ объ самомъ тонкомъ, а напротивъ, даже просилъ, нѣтъ ли еще толще десятки.

Весна приближается — время самое веселое, когда весело можемъ провесть его. Это напоминаетъ мнѣ времена дѣтства, мою жаркую страсть къ садоводству. Это-то время было обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ было, съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанною дорожкою.... Признаюсь, я бы желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркій охотникъ къ саду. Но мнѣ не удается, я думаю, долго побывать въ это время. Не смотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папиньки, мо-

его друга, благодѣтеля, утѣшителя.... не знаю какъ назвать этого небеснаго ангела. Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгуствившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ; я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, — испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный неувѣренный [и справедливо] въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела твердо и непреклонно всё указующаго въ мѣту жаднаго исканія.... Чрезъ годъ вступаю я въ службу государственную.... Позвольте, маминька.... свѣча горитъ, и скоро уже полночь.... Боясь, чтобы вы не безпокоились обо мнѣ касательно моего молчанія, оканчиваю письмо до слѣдующей почты.

Тетинькѣ Варварѣ Петровнѣ изъявите мое почтеніе и радость, что она гоститъ. Дай Богъ, чтобы я, пріѣхавши на каникулы, могъ застать ее у насъ. Какъ бы весело провели время вмѣстѣ! Но и она такъ же, какъ и жестокосердые ея братцы всегда уѣзжаютъ предъ моимъ прибытіемъ. Они, вѣрно, не знаютъ, какъ я привязанъ къ нимъ, какъ люблю ихъ; но впрочемъ, нужна ли, или нѣтъ, имъ любовь моя, а я никогда не перестану любить ихъ.

Простите, маминька, я думаю, не нужно вамъ выказывать той любви, благодарности, сыновняго почтенія, признательности, съ каковыми я всегда къ вамъ пребываю...

Къ ней же.

1827 года, апрѣля 6 дня. Нѣжинъ.

Позвольте, во-первыхъ, почтеннѣйшая маминька, поздравить васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ, также и почтеннѣйшаго дѣдушку. Въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ; каждая копейка теперь имѣетъ у меня мѣсто. Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги, весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью. Не забываю также и Русскихъ, и выписываю, что̀ только выходитъ самаго отличнаго. Разумѣется, что я ограничиваюсь однимъ только чѣмъ-либо: въ цѣлые полгода я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня крушитъ чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце — и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ объявленія, вспомня невозможность имѣть его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца. Не знаю, что̀ бы было̀ со мною, ежели бы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости: я бы умеръ отъ тоски и скуки. Это услаждаетъ разлуку мою съ *вами*. *Вы* рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ, и душа моя разомъ обнимаетъ всю свою жизнь. Пишете вы, что не получали отъ меня письма за мартъ мѣсяцъ; въ мартѣ я писалъ къ вамъ, кажется, послѣднихъ чисель; можетъ быть, вы до сихъ поръ уже получили.

Извѣстите меня, маминька, пріѣхали ли уже Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ къ намъ, или еще нѣтъ. Сдѣлайте милость, свидѣтельствуйте имъ мою привязанность, любовь, почтеніе и проч. и проч., и наконецъ сожалѣніе, что не могу видѣть ихъ. Варварѣ Петровнѣ отъ меня поклонъ и благодарность чувствительнѣйшую за непозабытіе меня. Ежели будете видѣть близкихъ нашихъ знакомыхъ, особливо Александру Ѳедоровну, сдѣлайте милость, скажите, что я каждый часъ помню объ ней, объ времени проведенномъ вмѣстѣ.

Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества? а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало; половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю Ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша! Одно имя каникулъ уже приводитъ меня въ восхищеніе. Какъ бы то ни было, но цѣлый годъ бывши будто въ заключеніи, и въ одно мгновеніе ока увидѣть всѣхъ родныхъ, все близкое сердцу.... очаровательно!

До слѣдующей почты...

Къ ней же.

1827 года, апрѣля 17 дня. Нѣжинъ.

Хотя недавно писалъ къ вамъ, маминька, но не хочу, однакожъ, утерять случая еще поговорить съ вами. Барановъ крѣпко обѣщался доставить письмо. Думаю, что вы теперь находитесь въ Васильевкѣ и что съ вами и любезные наши гости.

Вы можете тамъ съ удовольствіемъ провесть это пріятное время. Подлинно я лучшей весны не помню: ни одного дождя. Но это къ худу: не будетъ ли засухи? желательно теперь мнѣ знать хозяйственныя занятія. Не забывайте, маминька, саду — тамъ, гдѣ я говорилъ прошлый годъ распространить его засаживаніемъ деревьевъ молодыхъ; также ежели бы не утерять времени для дерновапія и щепки. Какова у насъ была ярмарка? Никогда ея у насъ не видывалъ. Хотѣлъ бы знать ея положенія мѣсто. Гдѣ она выстанавливается? хорошъ ли на ней торгъ, выгоденъ-ли для обѣихъ сторонъ, и на сколько привозится товаровъ?

Это время я провелъ немного скучновато: книгъ со мною не было. Театръ нашъ, покуда, остановленъ, и я принужденъ былъ, повѣся голову, сидѣть недвижно на одномъ мѣстѣ, перебирая старые свои уроки. Заманивала было меня прекрасная погода весны; сначала было весело, но веселье хорошо, когда дѣлишь, и потомъ прискучилось. Только мечта объ моей радости — объ васъ высвѣтливается иногда сквозь пасмурныя думы. Человѣкъ страненъ касательно внутренняго своего пожеланія. Онъ завидѣлъ что-то вдали, и мечта о немъ ни на минуту не оставляетъ его;

она смущаетъ покой его и заставляетъ употреблять всѣ силы для доставки существеннаго. Иногда и меня самая, повидимому, малость, но драгоцѣнная для меня собственно, мучитъ меня тоскою и досадою за несостояніе имѣть ее.

Увѣдомьте меня объ пріѣздѣ ожидаемыхъ гостей и когда они прибыли къ намъ. Извините меня передъ ними, что не пишу къ нимъ: оттого, что не знаю, у насъ ли они. Варварѣ Петровнѣ, хотя черезъ письмо, свидѣтельствую мою преданность.

Что̀ дѣлается въ Кибинцахъ? ничего не знаю совершенно объ нихъ, кромѣ только слышалъ, что Сакенъ воротился изъ Петербурга и что Соничка, сестра Ольги Дмитріевны, больна опасно. Жаль этого дитяти.

Мое почтеніе бабушкѣ Т. С., поздравьте ее моимъ именемъ съ праздникомъ Христа. Ежели будете въ Яресках, Аннѣ Матвѣевнѣ.

Съ невыразимою любовью, съ безпримѣрною привязанностью пребываю вашъ сынъ...

Къ ней же.

1827 годъ, м. май, 20 число.

Получилъ ваше письмо сегодня и, къ моей горести, узналъ, что вы больны. Я уже это замѣтилъ бы изъ одной краткости письма вашего, которому, видно, мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно проклятой судьбѣ на самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я уже находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостью горя! Меня мучитъ ваша болѣзнь. Зачѣмъ вы, маминька, ѣздили въ Полтаву? Это, я думаю, много вамъ повредило. Сдѣлайте милость, берегите себя. Въ это время, когда вы нездоровы, я чувствую самъ себя оттого нездоровымъ. Вы сами знаете, что я еще драгоцѣннѣе васъ ничего не имѣю. Чѣмъ болѣе близится мѣта свиданья, тѣмъ болѣе я опасаюсь невѣрности счастія. Дай Богъ, чтобъ я засталъ васъ въ здоровьи совершенномъ, въ счастіи, въ спокойствіи, окруженными всѣми возможными для васъ радостями. Не болѣе мѣсяца только осталось намъ жить въ разрозненіи; тогда я опять съ вами. Обнимите, поцѣлуйте за меня Анниньку, Лизаньку, Олиньку. Я не могу не радоваться, вспомнивъ, сколько меня ожи-

дастъ дома близкихъ моему сердцу, желая, чтобы этотъ годъ, какъ во всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище, чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. У насъ здѣсь поговариваютъ объ плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также. Желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ, маминька, также и водится ли что̀ въ саду нашемъ. Здѣсь и на фрукты урожай.

Что̀-то теперь дѣлаютъ пенаты мои? Я думаю, всѣ ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ.

Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною; нужно гораздо прежде, ато экипажъ всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, не смотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ, милая маминька, деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ разъ и выдетъ, что ко времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно по крайней мѣрѣ три недѣли, ато мнѣ всегда за скоростью шьютъ на живую нитку. Денегъ пришлите мнѣ 150, полтораста рублей: потому мнѣ, кромѣ крупнаго платья, нужно еще до пропасти разныхъ бездѣлушекъ, какъ-то: галстуки, подтяжки, платочки; хотѣлось бы также сертучокъ лѣтній легенькій, простенькой, чтобы ходить дома. Казенныхъ намъ теперь не шили, и мы принуждены ходить въ суконныхъ.

Дай Богъ, маминька, чтобъ я васъ засталъ совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушитъ ужасно какъ болѣзнь ваша. Сто разъ цѣлуя заочно ручки ваши, остаюсь...

Къ Г. И. Высоцкому.

1827 годъ, м. іюнь, число 26. Нѣжинъ.

Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобы экзаменъ могъ помѣшать мнѣ писать къ тебѣ. Письмами твоими я уже болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Мнѣ представляется, что ты сидишь возлѣ меня, что я имѣю право

поминутно тебя распрашивать. Милый, Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, ростетъ между нами болѣе и болѣе, и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мнѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видалъ, но они друзья тебѣ, и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не наименилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако я всё бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особливо, когда они будутъ дѣйствующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что́ только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу твоихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлыя происшествія замѣчательнаго дня. Можетъ быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у котораго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ веселъ. И точно: я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Они — моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, несоставляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ

для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что со мною будетъ далѣе. Только я и надѣюсь, что поѣздкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодѣтельной свободы! Не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время!... Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться..... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ.

Ты уже и успѣлъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться? можетъ быть, мнѣ жизнь Петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь, и вспомню поговорку: »Не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе«. Но уже такъ и быть; ты далъ слово — нужно мнѣ спустить твоей опретчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужасть какъ приближаетъ къ Петербургу, — тѣмъ болѣе, что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, помнится между вами, и, можетъ быть, по какому-то тайному сочувствію, кто-нибудь изъ друзей твоихъ напменитъ меня, какъ друга ихъ друга, предугадывая, что онъ также добръ. На дняхъ я получилъ письмо отъ Л***, не знаю по какой благодати. Чего только онъ въ немъ не наговорилъ! и каламбуровъ, и стишковъ. Изо всего письма я только могъ замѣтить, что, увидѣвши мое письмо къ тебѣ, онъ загорѣлся воспоминаніемъ и рѣшился подкрѣпить его посланіемъ. На четырехъ страницахъ не сказалъ объ себѣ ни слова, даже не объявилъ при концѣ письма, что онъ Л** — Р****; а въ заключеніе просилъ меня извѣстить объ *Кляроцькѣ* К****, объ которой

ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія: даже не видалъ ее ни разу. Жалѣю, однакожъ, что мнѣ нѣтъ времени писать, особливо теперь. Чтобъ онъ еще, однакожъ, не почелъ за пренебреженіе. Извини меня какъ-нибудь предъ нимъ... Нѣтъ ли тамъ у васъ Николаевича-Кобеляцкаго? Мы уже годъ какъ его не видимъ. Сначала было навѣдывался къ намъ, а теперь пропалъ безъ вѣсти. У насъ теперь у Нѣжинѣ завелось сообщеніе съ Одессою посредствомъ парохода, или брички Ваныкина. Этотъ пароходъ отправляется отсюда ежемѣсячно съ огурцами и пикулями, и возвращается набитый маслинами, табакомъ и гальвою. SS, который теперь обрѣтается въ Одессѣ, подманилъ отсюда Д****-М****, которому давно уже гимназія открыла свободный, безпрепятствіи пропускъ за пьянство; и по сему поводу пароходъ совершилъ седьмую экспедицію для взятія въ пассажиры М****, а на мѣсто его въ гувернеры высадилъ директорскую ключницу, ростомъ въ сажень съ половиною, которая привела-было въ трепетъ всю челядь Гимназіи Высшихъ Наукъ К. Безбородко, пока одинъ Бодянъ не доказалъ, что Русскій солдатъ чорта не боится, и, въ славномъ сраженіи при Шуршѣ, оборотилъ передніи ея челюсти на затылокъ. К*** нашъ ходитъ теперь съ бритою головою [опасаясь, вѣрно, плотоядныхъ животныхъ]; но чтобы не выказать срамоты, заказалъ красную шапочку, и этимъ точно охарактеризовалъ себя. И дѣйствительно теперь онъ сдѣлался такимъ, что всякъ придетъ въ недоумѣніе, похожъ ли онъ на того человѣка, которому брѣютъ голову, или на того, который ходитъ въ красной шапочкѣ, и попеременно бѣсится, находясь то въ степени [употреблю твое слово] амуристики, то въ степени, обладавшей знаменитымъ изгнанникомъ Д****-М***. Данилевскій находится теперь въ Москвѣ — не могу навѣрно сказать гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ. Петръ Александровичъ Б***, наскуча недѣятельною жизнью, захотѣлъ отвѣдать трудностей воинскихъ, и, мѣсяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляетъ онъ о своемъ опредѣленіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. — —

Теперь гимназія наша заселена всё семействами. Всѣмъ чиновникамъ пришла блажь жениться. Объ женитьбѣ Шапалинскаго и

Самойленка, я думаю, (ты) слышалъ; кромѣ того, Лаура [П***] совокупился законнымъ бракомъ съ дочерью Капéтихи. Б*** женится на Фелибертисѣ [онъ овдовѣлъ при тебѣ]; І*** — на Базилёвой сестрицѣ, которая пріѣхала изъ Одессы; Л***—на какой-то Французской мамзели, которой имени, ей-Богу, я до сихъ поръ не знаю, хотя три мѣсяца уже прошло послѣ ихъ обрученія; и даже козакъ М*** намѣревается, *вѣроятно*, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и *кроется во мракѣ баснословія;* но доказательствомъ сему служитъ его покупка земли, на которой уже началъ домъ строить.

Мишель нашъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтикъ — радуйся — снова у насъ; а мы уже было-думали, что онъ совсѣмъ насъ оставитъ. Уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгунскій полкъ; но благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, отеческою рукою расписалъ ему задній фасадъ, въ числѣ 150 ударовъ, и онъ, барончикъ Хопцики, обновленный, явился у насъ снова, празднуя свое перерожденіе. Но я, думаю, надоѣлъ тебѣ пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серьёзничать, — и отчего же изрѣдка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами, въ видѣ буквъ, на бумагу, и въ это время — вообрази — я на какую мысль набрелъ! Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву; такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни [мысль ужасная!] въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ.

Но покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни. Но

слушай: будто ты сидишь у меня, будто говоримъ мы долго, будто смѣемся, и — вѣришь ли? — будто забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему несдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что удержать меня ѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращалъ меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: манишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный Малороссійскій, который достается почти даромъ; а потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ.

Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣришь, — особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвать куда. Я воображаю объ необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, пріѣхавши домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, въ слѣдствіе нетерпѣнія и скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока уроченное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, что будетъ далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ дѣлѣ.... надѣюсь, что ты не откажешь.... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому

лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинакаго росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, что̀ стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебѣ денегъ. А сукно-то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ, или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоцѣнный другъ, что я тебя затрудняю такъ. Я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обяжешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами (¹); а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окруженъ почти съ утра до вечера веселіемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имъ наслаждать(ся) и чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости. А я до гроба твой —

неизмѣнный, вѣрный, всегда тебя любящій,

Николай Гоголь.

Изъ Нѣжина къ тебѣ кланяются всѣ, — примѣчательнѣе: Лопушевскій, буфетчикъ Марко [прежній фаворитъ твой, съ своею красною жонкою], баронъ фонъ-Фонтикъ, Давиыѣе (?), Гусь Ев-

(¹) Этотъ вкусъ сохранился у Гоголя до конца жизни. Между платьемъ его, послѣ смерти, остались синій фракъ съ металлическими пуговицами и нѣсколько синихъ жилетовъ. *П. К.*

лампіи ('), Григоровъ, Божко, Миллеръ и проч. и проч., а отсюдова одинъ только я привѣтствую тебя поклономъ заочно.

Къ матери.

1827 года, августа 30.

Случай доставилъ мнѣ удовольствіе писать къ вамъ черезъ Василія Ивановича Черныша. Болѣе двухъ недѣль какъ я нахожусь здѣсь, всё такъ же здоровъ и веселъ, всегда думаю объ васъ и никогда не забываю всѣхъ сблизившихся съ моимъ сердцемъ. Не знаю, гдѣ вы теперь находитесь, почт. и милая маминька. Я думаю, вы ѣздили или, можетъ быть, поѣдете въ Кибенцы на свадьбу, и, можетъ быть, письмо мое долго будетъ ждать васъ въ деревнѣ Васильевкѣ. Съ вами ли еще Петръ Петровичь и Павелъ Петровичь? Цѣлую ихъ сотеро разъ и умоляю пробыть ихъ у насъ подолѣе. Хоть я ихъ не вижу, но мнѣ всё пріятно думать, что они у насъ и, можетъ быть, иногда вспоминаютъ меня.

Началось ли у насъ винокуреніе? Вы, кажется, хотѣли имѣть большой заторъ. Мнѣ говорилъ Василій Ивановичь, что этому пособить легко, что нужно только имѣть деревяный прикубникъ и посредствомъ сего можно затирать два раза въ день, что такъ дѣлаетъ Александръ Степановичь Барановъ, у котораго затору только на тридцать пудъ, а онъ всегда увеличиваетъ до 60-ти.

Не будете ли чего посылать сюда? ибо Семенова жена скоро будетъ сюда на ярмарку. Варварѣ Петровнѣ мое признательное почтеніе и вмѣстѣ желаніе провесть время какъ можно веселѣе. Елисавета Петровна, что вы безмолствуете! Увѣдомьте меня, маминька, отыскан ли прежде нанимаемый для меня мальчикъ?...

Къ П. П. Косяровскому.

Сентября 2 (1827).

Благодарю васъ, милый Павелъ Петровичъ, благодарю васъ, дядько, за письмо ваше, за вашу память обо мнѣ. Ежели бы вы

(¹) Фельдшеръ при гимназическомъ лазаретѣ. *П. К.*

знали, какъ мнѣ ду́же не до́бре васъ не видѣть. Вообразите, что я одинъ безъ всякаго комрада скучаю въ Васильевкѣ. Я весь въ какомъ-то безчувствіи и только порою воспоминаніе о нашей благословенной веселой троицѣ, обитавшей на верхнемъ жильѣ купно въ здравіи и благоденствіи, шевелитъ мои думы. Но все тамъ угрюмо, пусто, ни стола, ни стула, и даже самый нашъ шаткій паркетъ разобранъ при расташовкѣ ярмонки на я́тки; одинъ только Дорогой остался вѣренъ своему бывшему пристанищу и на зло за то, что его часто оттуда преже гоняли, хранитъ тамъ безотлучно. Я же съ Сюськой перебрался въ теплѣйшую комнату, въ сосѣдней къ бабушкѣ, отгородился отъ нея ширмами, потому что испаренія бабы и косолапой дѣвы, ея прислужницъ, почивающихъ въ сѣняхъ, разятъ убійственно въ мои полуоткрытые двери. Впрочемъ моя квартира не совсѣмъ дурна; незнаю, какова ваша.

Но довольно уже. Новостей никакихъ не имѣю, чтобы расказать вамъ, а развѣ вы не пораскажете ли чего-нибудь намъ живо-трепящаго? Когда-то вы окончите дѣла свои и Васильевка увидитъ васъ на лонѣ своемъ, вдвое веселѣе, вчетверо беззаботнѣе, въ шестеро счастливѣе и все также насъ любящаго?

Въ на́деждѣ осуществленія всего этого, остаюся до свиданія вашъ сахарный племянничекъ,

Н. Гоголь-Яновскій.

Къ нему же.

Нѣж. 13 сентября, 1827.

Любезнѣйшій дядюшка Павелъ Петровичъ! Благодарю несчетно разъ за вашу приписочку. Вы меня перенесли къ себѣ: мнѣ показалось уже, что я опять съ вами, что совершаемъ вмѣстѣ прогулки; вижу даже пенатовъ нашихъ, и глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура, и, наконецъ, всезнающая Чцю́цюшка все такъ спестрилось въ моемъ воображеніи, что я не знаю, къ чему напередъ обратиться: или къ тому, что Дорогой поймалъ утку, или, что княжна перерядилась въ баронессу.

Ахъ, виноватъ безцѣн. Пав. Петр.! и забылъ передъ выѣздомъ проститься съ вами! Признаться, я не хотѣлъ будить васъ: вы

такъ сладко спали, что мнѣ жаль было потревожить васъ, а впрочемъ не въ пустомъ обрядѣ заключается сила, и вы, я думаю, увѣрены, и я увѣренъ, что мы другъ друга не забудемъ никогда.

Право, какъ подумаешь, какъ было весело намъ! чего мы не дѣлали! Помните ли, какъ мы бракованные арбузы отправляли на тотъ столъ? Кушаете ли до сихъ поръ дыни? А нижненькій Елисей и Матрена Алекс. не причаливали?

Кстати: вы не знаете дальнѣйшихъ приключеній съ опучею Петра Борисовича? Ничего уже не вижу, что у васъ дѣлается для меня; все прошло, по пословицѣ: »Всякая Вологодская пивоварня имѣетъ свою сметаняную тётку и всякая изюмная попадья имѣетъ свою гарусную коровницу«.

Сдѣлайте милость, не оставьте меня, любезн. Пав. Петр., ежели вы помните старую дружбу и нелицемѣрную привязанность.

Чцюцюшка разовъ двадцать изъявляла мнѣ свое негодованіе касательно того, что не пишу къ ней. Сдѣлайте милость, вручите ей при семъ приложенное письмецо. Сдѣлайте милость, извините, что я такъ пишу, П. П.: почта черезъ часъ отходитъ; боюсь замедлить. По слѣдующей ожидайте отъ меня предлинную рацію.

Н. Гоголь.

Къ матери.

1827, м. октябрь, 2 число.

Позвольте поздравить васъ, маминька, съ протекшимъ днемъ вашего ангела. Желаніе мое вамъ извѣстно: оно всегда одно и тоже — видѣть васъ въ совершенномъ здоровьи и чтобы никогда легкое облако горести не отемняло вашего счастія, чтобы вы встрѣчали всегда насъ, отвѣтившихъ вашимъ ожиданіямъ. Благодарю васъ за присылку денегъ и за посылки съ фруктами.

Ваши наставленія касательно неупотребленія напитковъ крѣпкихъ могутъ быть даже излишни, потому что во все время пре-

бывания моего здѣсь и безъ того не буду употреблять; притомъ же извѣстно, что я не слишкомъ-то и охочъ до нихъ.

Чувствительнѣйше благодарю Петра Петровича за матерію; пошить же его какъ, я еще не знаю, оттого, что не знаю, сколько ее. Вы напишите, много ли аршинъ. Тулупъ я отсылаю. Радъ весьма, что таки и мнѣ удалось чѣмъ-нибудь услужить ему.

На дняхъ получилъ я письмо изъ Петербурга, письмо касательно пошиться тамъ фрака. Лучшій портной, съ сукномъ своимъ [перваго сорту] съ подкладкою, съ пуговицами и вообще совсѣмъ, требуетъ 120 рублей. Не смѣя теперь [зная ваши не слишкомъ благопріятныя обстоятельства] просить васъ объ этомъ, я буду ждать, когда вамъ можно будетъ собрать такую сумму.

Вы меня напугали немножко выговоромъ объ похищеніи какой-то бумаги. Я, право, не знаю; можетъ быть, я ихъ и дома взялъ; только здѣсь, рывшись въ своей портфелѣ, я сыскалъ два листа и не замѣтилъ въ ней никакого особеннаго достоинства, кромѣ того, что слишкомъ тонка. На ней тотъ же часъ я написалъ письмо къ вамъ. Впрочемъ, ежели вамъ нужна, то я могу купить: здѣсь продается почти такая же.

Петръ Петровичъ пишетъ, что за Артемомъ послѣдовали на поселеніе его жена и дѣти. Скажите: они выкупились, или вамъ за нихъ заплатили, — особливо дѣти?

Къ Машинькѣ посылочку, а въ ней и письмо, посылаю. Сдѣлайте милость, отправьте ихъ къ ней скорѣе: въ ней я посылаю нѣкоторыя нужныя ей книги.

Простите, почтеннѣйшая маминька.

Вашъ сынъ съ неоцѣненною къ вамъ любовью...

Къ П. П. Косяровскому.

Нѣжинъ. Октября 3, 1827 года.

Здравствуйте душинька дядинька Павелъ Петровичъ! Какъ я обрадовался, увидя письмо ваше! Ежели бы вы да къ листочкамъ своимъ еще прибавили хоть два, то я бы расцѣловалъ васъ; но я и теперь не знаю, чѣмъ возблагодарить вамъ.

Новости ваши весьма интересны для меня, хотя, можетъ быть, посторонній кто-либо смѣялся бы надъ нами. Но вообразите себя въ совершенномъ уединеніи, гдѣ рѣдко улыбка заглядываетъ въ лицо: не мила ли тогда будетъ намъ забавная старина? Въ Полтавѣ у васъ опять рыскаетъ новость объ войнѣ. Она и сюда заѣхала; но, по пословицѣ Романа Иван.: *Не всякому слуху вѣрь,* я стою надъ нею въ раздумьи, вѣрить, или не вѣрить.

Что, какъ ваши дѣла? получили ли вы отвѣтъ отъ Рота? Когда бы онъ — — рѣшилъ для васъ повыгоднѣе! только сдѣлайте милость не забывайте тогда и насъ грѣшныхъ, пишите ко мнѣ. Такъ ли вы еще весело проводите время, какъ и прежде? Бывало [помните ли наши гулянья?] мы путешествуемъ даже до мельницъ и приходимъ къ вечеру, истомленные, на чай, или на богатую коллекцію дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда послѣ ужина отправляемся на ночлегъ по нашей шаткой лѣстницѣ въ возвышенное наше обиталище. Я думаю, вы уже не спите тамъ: октябрскіе холода уже даютъ знать себя.

Экое счастіе прикатило мамзелѣ! пускай бы уже 6 тысячъ да полторы т. на дорогу; ато еще и окорокъ ветчины! Скажите пожалуйста, гдѣ она дѣнетъ его? Нельзя ли какъ-нибудь ей посовѣтывать, по старой дружбѣ, удружить намъ? Ну, а тѣмъ же — — Кибинскимъ чего тамъ выть на насъ? вѣдь мы же сказали имъ, что скоро будемъ.

Вы спрашиваете меня: что это за »Ручная Математическая Энциклопедія«? Она заключаетъ полное собраніе физико-математическихъ наукъ; по своему новѣйшему, прекрасному расположенію, по вмѣщенію въ себѣ новыхъ истинъ и новѣйшихъ открытій, изысканій и исчисленій, наконецъ по легкости, удобности съ какой изложена, она можетъ быть первымъ математическимъ сочиненіемъ; вмѣщается въ 13-ти маленькихъ томахъ, которые всѣ можно размѣстить по карманамъ; заключаетъ въ себѣ всю чистую и высшую математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономію.

Долго ли вы пробыли въ Ѳедоровкѣ? Кто тамъ? однѣ ли дѣвицы, или былъ кто-нибудь изъ братьевъ ихъ? Не было ли Елисея съ нижнесенькою его супружницею, Матроною Алексіовною? Сдѣ-

лайте милость, напишите, какой у нея теперь чепчикъ? вѣрно, модной. А зятекъ-то ихъ какъ поживаетъ? Располагаете ли быть въ Кибинцахъ? хотя, думаю, не скоро васъ туда залучатъ. Тамъ-то теперь содому! Я думаю, пріѣзжіе господа бушуютъ. Сдѣлайте милость, увѣдомите, какъ принимаютъ тамъ Хилкова и что̀ дѣлаетъ тотъ старой грѣховодникъ Иванъ Ефим. — — — ([1]).

Вѣрите ли, что у насъ въ Нѣжинѣ такъ скучно стало, что не знаешь куда дѣться? сидишь цѣлый день за книгой да зѣваешь такъ жалко, что уши вянутъ. Хотя у насъ и ярмарка, хотя и графа ждутъ, а всё что-то будто не клеится.

Теперь мнѣ послѣдній годъ, и тотъ уже ущербился; дѣла, однакожъ, почти нѣтъ. Прошлый только годъ мнѣ былъ самый крѣпкій; никогда его не забуду: было надъ чѣмъ трудиться! Теперь отъ занятій остается времени довольно: въ это время я читаю Bibliotheque des Dames. Очень хорошее изданіе; ихъ всѣхъ 200 томовъ. Здѣсь найдете все. Я читаю путешествіе во всѣ страны.

На дняхъ читалъ я »Письма о Восточной Сибири« Алексѣя Мартоса. Мнѣ они очень понравились; желалъ бы я видѣть выходящими побольше этакихъ книгъ въ свѣтъ.

Мнѣ всё не выходитъ изъ ума проклятая мамзеля, да и Барановъ не бестія ли! Знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Посмотрите, ежели онъ не подхимиститъ у нее все свиное сало, которое ей дали на дорогу!

Видѣли ли вы Анну Борисовну? что̀ же касается до Петра Борисовича, то я, дня два назадъ, видѣлъ его во снѣ, только безъ кнута и пѣшаго.

Но я надоѣлъ вамъ своими приключеніями. Вы уже хотите чѣмъ-нибудь заняться и досадуете на неумѣстное письмо мое; но я знаю вашу доброту, знаю, что вы, хотя и посердитесь, что я докучаю вамъ, однакожъ таки не оставите безъ отвѣта сиротку — письмо мое.

Всегда васъ любящій, всегда вамъ приверженный слуга и племянникъ,

Н. Гоголь.

([1]) Черточки въ подлинникѣ. *П. К.*

Роману Ивановичу, Пупурѣ, Бондаревскому, Прохвоцкому, Дорогому, Чцючцюшкѣ, Петру Борисовичу и проч. мое нелицемѣрное уваженіе.

Къ матери.

1827 года, ноября 13 дня.

Разныя стекшіяся мои обстоятельства: необходимость нужныхъ занятій, послѣдній годъ моего здѣсь пребыванія, все соединилось, чтобы воспрепятствовать мнѣ увидаться съ вами, почтеннѣйшая маминька, на праздникѣ Рождества. Вы знаете, какъ я всегда въ это время радъ быть съ вами, а теперь принужденъ лишиться моего прекраснѣйшаго удовольствія, которое я замѣняю только утѣшеніемъ будущаго свиданія по выпускѣ моемъ, а до того времени въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумыи будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена жизнь моя, можетъ быть, незамѣтная, но по крайней мѣрѣ всѣ мои силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее однимъ благодѣяніемъ, одною пользою отечества.

На Рождество, когда будутъ посылать за Данилевскими, тогда вы можете имѣть хорошій случай, если придется что-нибудь посылать мнѣ.

Я здоровъ и даже слишкомъ веселъ.

Я думаю, Павелъ Петровичъ уже уѣхалъ изъ Васильевки. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ, гдѣ онъ; мнѣ еще нужно отвѣчать ему. Петръ Петровичъ, я думаю, уже давно на должности. Чтò, Маминька еще не писала ко мнѣ? я ожидаю отъ нея отвѣта.

Прощайте, безцѣнная маминька; будьте увѣрены въ моей неизъяснимой сыновней любви къ вамъ, которою неугасимо пылаю къ вамъ...

Варварѣ Петровнѣ свидѣтельствую мой глубокій поклонъ и желанье побольше спать и веселиться, и извините передъ нею неучтиваго племянника, который не написалъ самъ къ ней; но Богъ видитъ, какъ времени нѣтъ. Елисаветѣ Петровнѣ усердный по-

клонъ. Дѣдушкѣ и бабушкѣ мое глубочайшее почтеніе и поцѣлуйте ихъ отъ меня, который и за тридевять земель видитъ ихъ передъ своими глазами [вообразительно].

Къ ней же.

1827 года, декабря 15.

Письмо ваше, почтеннѣйшая маминька, я получилъ три дни тому назадъ. Къ великой радости, знаю, что вы здоровы, что дѣла ваши по крайней мѣрѣ идутъ не слишкомъ худо. Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ. Цѣлый день, съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. Объ потерянномъ времени жалѣть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и въ короткіе эти полгода я хочу произвесть, и произведу [я всегда достигалъ своихъ намѣреній] вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, нежели въ цѣлыя шесть лѣтъ. Мало я имѣю къ тому пособій, особливо при большомъ недостаткѣ въ нашемъ состояніи. На первый только случай, къ Новому году только, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ выслать 60 рублей на учебныя для меня книги, при которыхъ я еще буду терпѣть недостатокъ; но при неусыпности, при моемъ желѣзномъ терпѣніи, я надѣюсь положить съ ними начало по крайней мѣрѣ, котораго уже не возможно бы было сдвинуть, начало великаго предначертаннаго мною зданія. Все это время я занимаюсь языками. Успѣхъ, слава Богу, вѣнчаетъ мои начинанія. Но это еще ничто, въ сравненіи съ предполагаемымъ: въ остальные полгода я положилъ себѣ за непремѣнное — окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. На успѣхъ я не могу пожаловаться. Отъ него и отъ своего непоколебимаго намѣренія я много надѣюсь. Мнѣ жалко, мнѣ горестно только, что я принужденъ васъ разстроивать и безпокоить, зная ваше слишкомъ небогатое состояніе, моими просьбами о деньгахъ, и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду имѣть непріятную необходимость надоѣдать вамъ подобными просьбами чаще прежняго. Но, почтеннѣйшая маминька, вы, которая каждый часъ заставляетъ насъ удивляться высокой

своей добродѣтели, своему великодушному самоотверженію единственно для нашего счастія, не старайтесь сохранять для меня имѣнія: къ чему мнѣ оно? Только развѣ на первые два, или три года въ Петербургѣ мнѣ будетъ нужно вспоможеніе, а далѣе... развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать? и эти деньги, которыя вы мнѣ будете теперь посылать, не значитъ ли это отдача въ ростъ, съ тѣмъ чтобъ послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами? Продайте тотъ лѣсъ большой, который мнѣ назначенъ. Деньгами, вырученными за него, можно не только сдѣлать вспоможеніе мнѣ, но и сестрѣ моей Машинькѣ. Я какъ подумаю, что ей, бѣдной, слишкомъ мало достается на часть, такъ не лучше ли будетъ, если раздѣлюсь всѣмъ своимъ имѣніемъ съ нею, особливо какъ буду въ Петербургѣ? Я бы оставилъ только домикъ для своего пріѣзду. Объ меньшихъ сестрахъ послѣ подумаемъ. А вы, маминька, осчастливите [чего я надѣюсь безъ сомнѣнія] меня своимъ пребываніемъ и, спустя какихъ-нибудь года три, послѣ своего бытія въ Петербургѣ, я пріѣду за вами; вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете въ Петербургѣ моимъ ангеломъ-хранителемъ, и совѣты ваши, свято мною исполняемые, загладятъ прошлое легкомысліе моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастливъ.

Но несносный недосугъ не даетъ мнѣ болѣе времени говорить съ вами, и я опять спѣшу заняться грузомъ своихъ упражненій. Ежели пріѣдутъ Черныша люди, тогда напишу вамъ обстоятельнѣе свои виды и поговорю объ моей службѣ; вмѣстѣ буду писать и къ Павлу Петровичу, Петру Петровичу, къ Машинькѣ...

Сдѣлайте милость, маминька, поспѣшите присылкою денегъ 60 рублей.

Къ ней же.

1827 года, декабря 20 дня. Нѣжинъ.

Вообразите, почтеннѣйшая маминька! я опять не могу за поспѣшностью написать, о чемъ я говорилъ въ первомъ письмѣ, ко-

торое вы, я думаю, получили. Такъ неожиданно и такъ скоро отправляется Данилевскій, что я пишу къ вамъ только для того, чтобъ объявить вамъ, что я здравствую, что у меня бездна дѣлъ, ни капли времени и что ожидаю съ нетерпѣніемъ пособія, о которомъ въ прошломъ письмѣ упоминалъ.

Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ посылаю и къ Машинькѣ посылочку съ книжкою, которую, сдѣлайте милость, отправьте къ ней скорѣе.

Развѣ по которой-нибудь изъ слѣдующихъ почтъ я буду писать къ вамъ подробнѣе. Экая досада! я хотѣлъ-было поговорить объ моихъ намѣреніяхъ касательно службы; но, видно, уже нужно послѣ.

Сдѣлайте милость, почтеннѣйшая маминька, не замедлите упоминаемыхъ мною въ предъидущемъ письмѣ денегъ.

Къ ней же.

1828-й, мартъ, 1 число.

Я чувствовалъ, что принесу вамъ большое неудовольствіе своею просьбою, зная трудность выполненія ея. Я точно во многомъ, очень во многомъ предъ вами виноватъ, почтеннѣйшая маминька. Недавно только понялъ я, что имѣлъ нужды не по своему состоянію и что моей бѣдности тягостно было удовлетворять и ближайшія издержки, и узналъ это тогда, когда требовались еще нужнѣйшія, для моихъ занятій.

Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлые 6 лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я — — могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что̀ бы изъ этого было? — — — Ежели я что̀ знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія. Если не совершенно достигъ того, что̀ мнѣ нужно, у меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого; а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и стараніе имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь

удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Чтò же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ—глупъ. Какъ угодно, почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнáете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ-будтобы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на-вѣки неизгладимыми, и они — вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому всякой разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій.

Къ ней же.

1828 г., марта 30 дня.

Извините, почтеннѣйшая маминька, ежели поздравлю васъ съ праздникомъ уже на исходѣ его. Впрочемъ вы, я думаю, мало нуждаетесь въ письменномъ моемъ поздравленіи, зная мои чувства, желанія, мою благодарность и вѣчную признательность за вѣчно неотблагодаримыя ваши попеченія. Горько мнѣ, когда вспоминаю, что еще я вамъ буду стоить великихъ затрудненій, что еще я долженъ буду принять тягостное для меня благодѣяніе ваше, потому что я знаю, съ какимъ горькимъ трудомъ оно вамъ обоійдется. Знаю, что вамъ послѣдній разъ уже сдѣлать мнѣ вспомоществованіе; но знаю и то, какъ трудно изъ нашего небогатаго состоянія это сдѣлать. Одною только мыслью утѣшаю себя, что уже болѣе не нанесу вамъ подобныхъ затрудненій и что, ежели дастъ Богъ, найду способъ и силы помогать вамъ, то есть, моимъ сестрамъ, потому что вы совершенно посвятили себя намъ и ваше счастіе полагаете въ нашемъ.

Я думаю, что курсъ Машиньки уже конченъ. Не помню, когда настоящій срокъ; ежели же онъ пришелъ и ежели она уже дома, то извѣстите меня.

Очень меня безпокоитъ, что я еще принужденъ васъ трудить касательно моей экипировки. Деньги для этого нужно заблаговременно прислать. Казенное теперь все отберется у насъ, и для того на платье потребуется болѣе прежняго. Впрочемъ объ этомъ увѣдомлю васъ послѣдующимъ письмомъ.

Съ нетерпѣніемъ жду видѣть васъ. Теперь время моего отсутствія продолжается цѣлый годъ; но тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе. Прошу васъ увѣдомить также, будутъ ли и теперь у насъ Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ, и гдѣ они теперь находятся. Я не забылъ еще пріятности времени, проведеннаго вмѣстѣ.

Желаю вамъ возможнѣйшаго счастія, здоровья и облегченія трудовъ вашихъ...

Поклонъ мой добрымъ сосѣдямъ нашимъ.

Къ ней же.

1828 годъ, апрѣля 7.

На сихъ дняхъ узналъ я кой-какія подробности касательно времени окончанія нашего курса: въ половинѣ іюня должно уже все быть приведено къ концу; а потому я буду просить васъ, почтеннѣйшая маминька, деньги на платье [ежели только это не причинитъ вамъ большого безпокойства] прислать сколько возможно скорѣе, чтобы я могъ заблаговременно все приготовить, потому что послѣ не будетъ минуты свободной. Желалъ бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды [я трепещу, воображая, какимъ трудомъ вами достается намъ даже необходимое]; но, не смотря на мои великія ограниченія, менѣе *200 рублей* не можетъ обойтиться мнѣ мое экипированіе, и потому прошу васъ покорнѣйше, ежели можно, выслать мнѣ эту сумму по крайней мѣрѣ такъ, чтобы я могъ получить 10 мая. Чувствую, сколькихъ стою вамъ затрудненій, но утѣшаюсь, что въ скорости помощь Бога дастъ мнѣ силы выявить вамъ мою благодарность сыновнюю, успокоеніемъ, удовольствованіемъ драгоцѣнныхъ для насъ дней вашихъ.

У насъ еще начало весны, но мнѣ кажется, я не видалъ лѣта, которое бы было такъ жарко. Какъ несносна для меня эта пора со всегдашнею своею спутницею лѣнью! Думаю, что въ этотъ годъ должно ожидать плодородія: зима была прекрасна; дожди шли. Дай Богъ, чтобы ожиданія исполнились и трудящіеся съ... ([1]).

Къ ней же.

М. май, 3 число, 1828. Нѣжинъ.

Письмо ваше получилъ я въ концѣ истекшаго мѣсяца; оно было для меня прекраснымъ подаркомъ, и, признаюсь, не смотря на мою нелюбовь къ вытверженнымъ наставленіямъ, ваше золотое правило, предписанное мнѣ въ концѣ письма вашего, глубоко врѣзалось въ мое сердце; оно благодѣтельно было въ тогдашнемъ моемъ

([1]) Конецъ письма потерянъ. *П. К.*

состоянии, и первое мое движеніе была живая благодарность вашей неусыпной любви къ намъ.

Жалѣю очень о болѣзни сестрицыной. Объ этакой болѣзни въ первый разъ слышу. Боюсь чтобы она не оставила какихъ-либо непріятныхъ слѣдствій.

Крѣпко досадуетъ меня неисправность нашихъ почтовыхъ экспедицій. Получили ли вы письмо мое, пущенное въ половинѣ апрѣля, гдѣ я просилъ васъ о присылкѣ двухъ-сотъ рублей денегъ на платье? Ежели вы еще ихъ не выслали, то, сдѣлайте милость, высылайте какъ можно поскорѣй, чтобы мнѣ можно было управиться. Дѣла теперь столько намъ, что, право, подумать страшно. Наши премудрые наставники, дремавши цѣлый годъ, вздумали пріударить во всю Ивановскую. Экзаменъ будетъ слишкомъ близко и первыхъ чиселъ іюня долженъ окончиться. Съ нѣкоторой стороны это хорошо: оно сближиваетъ свиданіе наше и тѣмъ награждаетъ достойно труды мои. Теперь, я думаю, можно уже для меня приготовить бричку попространнѣе, по крайней мѣрѣ такую, въ какой— помните? я возвращался прошлый годъ въ Нѣжинъ. Андрей Андреевичь, вѣрно, не откажетъ въ ней, а я іюня 10 совсѣмъ уже буду наготовѣ ѣхать.

Пріятно мнѣ очень, что Аннинька умѣетъ читать; я даже удивляюсь, какъ она могла такъ скоро выучиться; впрочемъ чего не сдѣлаетъ ваша материнская любовь? И я вдвойнѣ теперь обязанъ вамъ благодарностью, которую надѣюсь почти чрезъ одинъ только мѣсяцъ выявить передъ вами, какъ говорятъ, лично; а до того сто разъ цѣлую хотя воздушно ваши ручки и съ почтеніемъ, съ любовью, съ благодарностью остаюсь...

Да, вотъ было позабылъ! Сдѣлайте милость, пришлите, да только какъ можно поскорѣе, маленькіе чертежи и планы г-на Кафторова, которые онъ чертилъ, будучи еще ученикомъ въ Полтавской гимназіи. Они должны находиться между планами и картинами въ шкапу, гдѣ были книги.

Деньги, находившіяся при семъ послѣднемъ письмѣ, я получилъ.

Не забудьте чертежей! Вѣрите ли, что этотъ пустякъ причиняетъ мнѣ много безпокойства? Самому чертить никакъ невоз-

можно: работа долгая, а времени нѣтъ; а между тѣмъ требуютъ. Извините, что я васъ, почтеннѣйшая маминька, такъ безсовѣстно безпокою.

Къ ней же.

1828 г., м. май, 16-е число. Нѣжинъ.

Письмо и деньги получилъ всѣ сполна 12 дня сего мѣсяца и въ первый разъ подивился исправности Полтавской почты. Съ платьемъ я уже почти распорядился совсѣмъ. Благодарю васъ, почтеннѣйшая маминька, за ваши великія заботы для меня, нестоющаго ихъ. Но впрочемъ опасенія ваши на-счетъ моего мнимо-ипохондрическаго состоянія въ этомъ мѣсяцѣ напрасны. Я веселъ и едвали еще не веселѣе обыкновеннаго, хотя даже и отдалили отъ меня радостный день свиданія съ вами. Какъ на зло, на теперешній выпускъ ожидаютъ нашего графа, и чрезъ это мнѣ нельзя раньше 25 іюня оставить Нѣжинъ. Впрочемъ, какъ ни тягостна долгота этого времени, но всё не болѣе она полутора мѣсяца. Не знаю, успѣю ли я уже до этого времени писать къ вамъ, и для того на-счетъ присылки за мною совѣтую распорядиться, не ожидая отъ меня другого извѣстія. Главное, мнѣ нуженъ пространный экипажъ, и лучшаго не нужно, какъ тотъ, въ которомъ я возвращался прошлый годъ въ Нѣжинъ. Это была необъятная брика, которою ѣздили Кибинскіе камердинеры. Я думаю, ея одной будетъ достаточно для моего укладу. Притомъ она слишкомъ легка, сплетена изъ прутьевъ и даже нетряска на ходу. За мною присылайте такъ, чтобы къ 24, или 25 экипажъ былъ уже здѣсь непремѣнно.

Отъ всей души радъ, что Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ теперь у насъ. Какъ бы мнѣ желательно ихъ увидѣть еще у насъ дома! Я во многомъ виноватъ противъ нихъ; только лично могу испросить у нихъ прощенія. Поблагодарите Павла Петровича за то, что онъ не позабываетъ меня. Съ жадностью перечитывалъ его записочку. Но вы меня такъ напугали скорымъ ихъ выѣздомъ, что я не знаю, застало ли бы письмо мое ихъ. Ахъ, еслибы они подождали мѣсяца два! Зачѣмъ уѣзжать въ такое пре-

красное время? Мнѣ всё кажется, что мы проведемъ вмѣстѣ это время всѣ и многолюднѣе, и шумнѣе, и веселѣе, чѣмъ когда-либо. Дай Богъ, чтобы это сбылось! Я думаю, сестра уже до сихъ поръ дома. Сдѣлайте милость приневольте ее написать ко мнѣ. Она изволитъ жаловаться, что я къ ней не пишу; а мнѣ кажется, что этотъ грѣхъ за ней: на два письма мои она ни слова...

Чувствительнѣйше благодарю Варвару Петровну за незабытіе меня и надѣюсь принесть благодарность настоящую самъ.

Мое почтеніе бабушкѣ, дѣдушкѣ Ивану Матвѣевичу, Марьѣ Ильин., всѣмъ роднымъ и знакомымъ.

Къ ней же.

1828, май, 30 число. Нѣжинъ.

Вчера я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маминька, пущенное вами 23 мая. Удивляюсь, какъ вы не получали другого письма моего, отправленнаго немедленно вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ я писалъ, что экзаменъ намъ отсроченъ и что я могу 25 только іюня ѣхать. Боясь въ самомъ дѣлѣ, чтобы вы не успѣли выслать, я предъувѣдомляю васъ, что нужно выслать къ 25 іюню, котораго числа я уже совершенно свободенъ. Досадно ужасно, что меня такъ обманули; но впрочемъ и 25 недолго, и я таки скоро буду у вашихъ ногъ...

Сестру благодарю и поздравляю съ новосельемъ, родиной и курами. Только странная привычка—до сихъ поръ величать меня словомъ *вы*. Мы, кажется, оба однихъ лѣтъ, ежели еще она не старше меня, въ отношеніи къ своему полу. Впрочемъ цѣлую ее несчетно разъ.

До свиданія.

Къ теткѣ.

Драгоцѣннѣйшая тётинька Варвара Петровна!

Привѣтствую васъ изъ-за 300 верстъ и желаю вамъ наисчастливѣйшаго, найуспѣшнѣйшаго окончанія всѣхъ вашихъ дѣлъ, работъ и занятій, и проч. и проч. Удѣляю вамъ на всю жизнь двѣ

части веселости и здоровья, одну часть денегъ и четвертую часть— порядочный запасъ друзей и пріятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксенія Өедоровна бываетъ у васъ часто. Э, мини казавъ Чцючцюшка, э... каже, э... мене, каже, нихто уже юбить, каже, Пупую юбять ючше, чимъ мене и Каяюшку, э... отаке э, каже, Ччюцюшка э, бачете, шо вона каже, э.... э... А паничъ Нѣчжиньскій мини письмо пише, э... А шо, чи вы бачили? Ось воно, э.... э....

Къ матери.

С. Петербургъ. 1829 года, января 3 числа.

Я много виноватъ предъ вами, почтеннѣйшая маминька, что не писалъ вамъ тотчасъ по моемъ прибытіи въ столицу. На меня напала хандра, или другое подобное, и я уже около недѣли сижу, поджавши руки и ничего не дѣлаю. Не отъ неудачъ ли это, которыя меня совершенно обравнодушили ко всему? Изъ числа ихъ первая, что Логинъ Ивановичъ К*** былъ во все это время опасно боленъ и я до сихъ поръ не являлся. Теперь узналъ я, что ему легче, и послѣ завтра предстану. Изъ прочихъ же, къ кому письма имѣлъ, нашелъ одного только Ивана Косяровскаго, отъ котораго думалъ вывѣдать нѣсколько свѣдѣній на-счетъ житья въ Петербургѣ. Но онъ, хотя живетъ здѣсь долго, но столько же знаетъ толку, сколько и всякой провинціялъ. Не понимаю, какъ они живутъ здѣсь, ничего не видя и не слыша.

Скажу еще, что Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали другіе о немъ, такъ же лживы. Жить здѣсь не совсѣмъ по-свински, т. е. имѣть разъ въ день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платимъ восемдесятъ рублей въ мѣсяцъ, за однѣ стѣны, дрова и воду. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ и права пользоваться на хозяйской кухнѣ. Съѣстные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи [которая, разумѣется, лакомство не для нашего брата]; картофель продается десятками;

десятокъ луковицъ рѣпы стоитъ 30 копѣекъ. Это все заставляетъ меня жить, какъ въ пустынѣ; я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театръ. Если я пойду разъ, то уже буду ходить часто; а это для меня накладно, т. е. для моего неплотнаго кармана. Въ одной дорогѣ издержано мною триста слишкомъ, да здѣсь покупка фрака и панталонъ стоила мнѣ двухъ сотъ, да сотня уѣхала на шляпу, на сапоги, перчатки и извощиковъ, и на прочія дрянныя, но необходимыя мелочи, да на передѣлку шинели и на покупку къ ней воротника до 80 рублей. Къ этому прибавить нужно, что, начиная отъ Чернигова до самого Петербурга и въ самомъ Петербургѣ, рубль серебромъ ходитъ безъ двадцати пяти копѣекъ; слѣдовательно и тутъ я потерпѣлъ убытокъ. Коммиссія мнѣ была съ письмами: ни на одномъ не написано адреса, и я принужденъ былъ нанимать мошенниковъ здѣшнихъ коммиссіонеровъ для отысканія ихъ квартиръ, которые дерутъ дорого и ни на грошъ не приносятъ пользы.

Извините, не могу болѣе писать. На первый разъ довольно...

Къ ней же.

30 апрѣля (1829). С. Петербургъ.

Въ сей день я только получилъ ваше письмо съ деньгами: около двадцати дней шло оно, да болѣе недѣли пролежало уже здѣсь на почтѣ, по той причинѣ, что я перемѣнилъ прежнюю свою квартиру. Вы не ошиблись, почтеннѣйшая маминька: я точно сильно нуждался въ это время, но впрочемъ это все пустое. Что за бѣда — посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненномъ пути? всего понаберешься. Знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро разъ было болѣе нуждъ, и тогда онѣ бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дорогѣ. Вы не повѣрите, какъ много въ Петербургѣ издерживается денегъ. Не смотря на то, что я отказываюсь почти отъ всѣхъ удовольствій, что уже не франчу платьемъ, какъ было дома, имѣю только пару чистаго платья для праздника, или для выхода, и халатъ для будня, что я тоже обѣдаю и питаюсь не слишкомъ

роскошно, и не смотря на это все, по расчету менѣе 120 рублей никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился... Когда наши въ полѣ — не робѣютъ. Но, какъ много еще и отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, то въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ о удачахъ, или неудачахъ.

Теперь же разскажу вамъ слова два о Петербургѣ. Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ. Петербургъ вовсе не похожъ на прочія столицы Европейскія, или на Москву. Каждая столица вообще характезпруется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а Русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, всё служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ — — все погрязло въ — — трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ. Забавна очень встрѣча съ ними на проспектахъ, тротуарахъ: они до того бываютъ заняты мыслями, что, поровнявшись съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, слышишь, какъ онъ бранится и разговариваетъ самъ съ собою; иной приправляетъ тѣлодвиженіями и размашками рукъ. Петербургъ городъ довольно великъ. Если вы захотите пройтись по улицамъ его, площадямъ и островамъ въ разныхъ направленіяхъ, то вы, навѣрно, пройдете болѣе 100 верстъ, и не смотря на такую его обширность вы можете имѣть подъ рукою все нужное, не засылая далеко, даже въ томъ самомъ домѣ. Домá здѣсь большіе, особливо въ главныхъ частяхъ города, но не высоки; большею частію въ три и четыре этажа, рѣдко очень бываютъ въ пять; въ шесть только четыре, или пять во всей столицѣ. Во многихъ домахъ находится очень много вывѣсокъ. Домъ, въ которомъ обрѣтаюсь я, содержитъ въ себѣ 2-хъ портныхъ, одну маршандъ де модъ, сапожника, чулочнаго фабриканта, склеивающаго битую посуду, декатировщика и красильщика, кон-

дитерскую, мелочную лавку, магазинъ сбереженія зимняго платья, табачную лавку и, наконецъ, привиллегированную повивальную бабку. Натурально, что этотъ домъ долженъ быть весь облѣпленъ золотыми вывѣсками.

Я живу на четвертомъ этажѣ, но чувствую, что и здѣсь мнѣ не очень выгодно. Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ Данилевскимъ, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что̀ тогда платили пополамъ, за то самое я плачу теперь одинъ. Но впрочемъ мои работы повернулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть же что-нибудь. Если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу къ вамъ объ этомъ подробнѣе.

Въ Петербургѣ много гуляній. Зимою прохаживаются всѣ праздношатающіеся отъ двѣнадцати до двухъ часовъ [въ это время служащіе заняты] по Невскому проспекту; весною же, если только это время можно назвать весною, потому что деревья до сихъ поръ еще не одѣлись зеленью, гуляютъ въ Екатерингофѣ, Лѣтнемъ саду и Адмиралтейскомъ бульварѣ. Всѣ эти, однакожъ, гулянья не сносны, особливо Екатерингофское первое мая. Все удовольствіе состоитъ въ томъ, что прогуливающіеся садятся въ кареты, которыхъ рядъ тянется болѣе нежели на 10 верстъ, и притомъ такъ тѣсно, что лошадиныя морды задней кареты дружески цѣлуются съ богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты безпрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда пріостанавливаются по цѣлымъ часамъ для соблюденія порядка, и все это для того, чтобы объѣхать кругомъ Екатерингофъ и возвратиться чиннымъ порядкомъ назадъ, не вставая изъ каретъ. И я было-направилъ смиренныя стопы свои, но, обхваченный облакомъ пыли, и едва дыша отъ тѣсноты, возвратился вспять. Въ это время Петербургъ начинаетъ пустѣть: всѣ разъѣзжаются по дачамъ и деревнямъ на весну и лѣто. Ночи теперь не продолжаются болѣе часу. Лѣтомъ ихъ совсѣмъ не будетъ; только промежутокъ между захожденіемъ и восхожденіемъ солнца бываетъ занятъ столкнувшимися двумя зарями, вечернею и утреннею, и не похожъ ни на вечеръ, ни на утро.

Но на первый разъ довольно объ Петербургѣ; въ другомъ

письмѣ еще я поговорю объ немъ. Теперь вы, почтеннѣйшая маминька, мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы Малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся Малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агаѳія Матвѣевна много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна [кажется, такъ его зовутъ, прозванія не вспомню], котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи, или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч. и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Александра Ѳедоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ въ этомъ случаѣ оказать намъ очень большую помощь. Скажите ей, что я, при моемъ заочномъ поцѣлуѣ ея ручки, не забылъ моего обѣщанія касательно филейныхъ иголокъ; но въ Британскомъ магазинѣ онѣ всѣ вышли, а Русскихъ я не хочу покупать. Чуть только доставятъ ихъ въ здѣшнюю биржу, тотъ же часъ повергну ихъ къ рукамъ

ея. Хотѣлось бы мнѣ очень моей милой сестрицѣ Марьѣ Ва-
сильевнѣ прислать чего-нибудь, но, Богъ видитъ, не могу: про-
клятая болѣзнь, посѣтившая-было меня при вскрытіи Невы, по-
могла еще болѣе истребленію денегъ; но какъ только сколько-
нибудь разживемся, то непремѣнно вышлемъ что-нибудь изъ за-
граничныхъ диковинокъ.

Здоровы ли всѣ наши? Свидѣтельствую мое почтеніе дѣдушкѣ.
[Скажите пожалуйста, что̀ его тяжба? имѣетъ ли конецъ?] ба-
бушкѣ Марьѣ Ильиничнѣ, также и Аннѣ Матвѣевнѣ, а въ заклю-
ченіе всѣмъ добрымъ, искренно васъ любящимъ сосѣдямъ. По-
цѣлуйте за меня Анничку. Сдѣлайте милость, прилагайте всевоз-
можное старанье о воспитаніи этого умнаго дитяти. Тайное какое-
то предчувствіе мнѣ предрекаетъ, что отъ него много можно
ожидать. Также шалунью Лизу. — —

Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папинькины Малороссійскія
комедіи: »Овца-Собака« и »Романа съ Параскою«. Здѣсь такъ за-
нимаетъ всѣхъ все Малороссійское, что я постараюсь попробовать,
нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это по
крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а по
моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно
обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть
къ другому, въ другомъ — къ третьему, и такъ далѣе. Самая ма-
лость иногда служитъ большою помощью.

Прошу васъ также, маминька, такъ какъ переписка наша те-
перь пойдетъ дѣятельнѣе, писать два раза въ мѣсяцъ, — тѣмъ
болѣе, что сами наблюденія ваши того требуютъ...

Къ ней же.

1829 г. мая 22. Санктпетербургъ.

Нынѣшнія извѣстія письма моего не будутъ слишкомъ утѣши-
тельны для васъ, почтеннѣйшая маминька. Мои надежды [разу-
мѣется, малая часть оныхъ] не выполнились. Хорошо же, что я
не вдавался увѣрительно имъ; хорошо, что я имѣю достаточный
запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться. Все состояло въ

слѣдующемъ. Мои небольшія способности были призрѣны, и мнѣ представлялся прекрасный случай ѣхать въ чужіе краи. Это путешествіе, сопряженное обыкновенно съ величайшими издержками, мнѣ ничего не стоило; все бы за меня было заплачено, и малѣйшія мои нужды во время пути долженствовали быть удовлетворяемы. Но вообразите мое несчастіе: нужно же этому случиться! великодушный другъ мой, доставлявшій мнѣ все это, скоропостижно умеръ; его намѣренія и мои предположенія лопнули, и я теперь испытываю величайшій ядъ горести; но она не отъ неудачи, а оттого, что я имѣлъ одно существо, къ которому истинно привязался-было навсегда, и Небу угодно было лишить меня его. Итакъ я остаюсь теперь въ Петербургѣ. Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублей жалованья въ годъ. Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки,—на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ и проч., въ которыхъ мнѣ столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому въ сухомъ деревѣ, на которомъ нѣтъ ни хорошаго листу, ни рясныхъ вѣтвей. Итакъ я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ. Можетъ быть, на дняхъ откроется мѣсто немного выгоднѣе и благороднѣе; но признаюсь, ежели и тамъ мнѣ нужно будетъ употребить столько времени на глупыя занятія, то я — слуга покорный.

Наконецъ я принужденъ снова просить у васъ, добрая, великодушная моя маминька, вспомоществованія. Чувствуя, что въ это время это будетъ почти невозможно вамъ, но всѣми силами постараюсь не докучать вамъ болѣе. Дайте только мнѣ еще нѣсколько времени укорениться здѣсь; тогда надѣюсь какъ-нибудь зажить своимъ состояніемъ. Денегъ мнѣ необходимо нужно теперь триста рублей. Я думаю, вы не забудете моей просьбы извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ Малороссіянъ. Я всё съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ-скорости принесетъ мнѣ существенную пользу. Между прочимъ я прошу васъ, почтен-

нѣйшая маминька, узнать теперь о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: *у Панфиля* какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ, что̀ за игра *Пашокъ, семь листовъ?* изъ хороводныхъ: въ *хрéщика*, въ *журавля.* Если знаете другія какія, то не премините. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, разсказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость, удружите мнѣ которою-нибудь изъ нихъ.

Получивши ваше письмо, я буду имѣть возможность распространиться болѣе и извѣстить васъ о чемъ-нибудь изъ нашихъ Петербургскихъ новинокъ. Приходъ весны въ нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляетъ меня съ сожалѣніемъ вспомнить о нашей Малороссійской веснѣ; но не раньше, какъ развѣ въ весну будущаго года, удастся мнѣ, хотя на мгновеніе, заглянуть къ вамъ. Дай Богъ, чтобы до того времени все было спокойно и мирно въ вашемъ владѣніи и чтобы заботы, а особливо непріятности, менѣе всего смущали драгоцѣнное для меня спокойствіе ваше и здоровье. Можетъ быть, мы будемъ жить когда-нибудь вмѣстѣ, что̀ всегда было моимъ пламеннѣйшимъ желаніемъ, и тогда я постараюсь всѣми силами выполнить священную обязанность къ матери и къ другу своему, такъ какъ прежде не имѣлъ силъ выполнять ее...

Къ ней же.

24 іюля (1829). Санктпетербургъ.

Маминька!

Не знаю, какія чувства будутъ волновать васъ при чтеніи письма моего; но знаю только то, что вы не будете покойны. Говоря откровенно, кажется, еще ни одного вполнѣ истиннаго утѣшенія я не доставилъ вамъ. Простите, рѣдкая, великодушная мать, еще доселѣ недостойному васъ сыну.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ

и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться предъ вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго; но какъ ужасно это наказаніе! Безумный! я хотѣлъ-было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута — богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ, — это убійственно! — — —

Не смотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что̀ бы ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что̀ всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? не явно ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что̀ жъ? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу ли чего. Наконецъ.... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать.... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь, при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать.... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ.... Кто бы могъ ожидать отъ меня

подобной слабости? Но я видѣлъ ее.... нѣтъ, не назову ее.... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня. —— Лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза, быстро пронзающіе душу; но ихъ сіянія, жгучаго проходящаго на сквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, еслибы вы посмотрѣли на меня тогда!... правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшникамъ уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была.... я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я.... Взглянуть на нее еще разъ—вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначаемый путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шаткосозданный міръ мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній. —— Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока.

Итакъ я рѣшился. Но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много! Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была наконецъ за деньгами. Здѣсь уже было я совсѣмъ отчаялся; но вдругъ получаю слѣдуемыя въ опекунскій совѣтъ. Я сейчасъ отправился туда и узналъ, сколько они могутъ намъ дать просрочки на уплату процентовъ, узналъ, что просрочка длится на четыре мѣсяца послѣ сроку, съ платою по пяти рублей отъ тысячи въ каждый мѣсяцъ

штрафу. Стало быть, до самого ноября мѣсяца будутъ ждать. Поступокъ рѣшительный, безразсудный; но что же было мнѣ дѣлать?... Всѣ деньги, слѣдуемыя въ опекунскій совѣтъ, оставилъ я себѣ и теперь могу рѣшительно сказать: больше отъ васъ не потребую. Одни труды мои и собственное прилежаніе будутъ награждать меня. Что же касается до того, какъ вознаградить эту сумму, какъ внесть ее сполна, вы имѣете полное право, данною и прилагаемою мною при семъ довѣренностью, продать слѣдуемое мнѣ имѣніе, часть, или все, заложить его, подарить, и проч. и проч. Во всемъ оно зависитъ отъ васъ совершенно. Я хотѣлъ-было совершить купчую, или дарственную запись; но нужно было мнѣ платить за одну бумагу триста рублей. Впрочемъ вы и посредствомъ довѣренности будете владѣть, какъ законный и полный владѣлецъ.

Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминька! Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня: я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ [въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца]; лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы мнѣ ихъ на-вѣкъ. Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, разцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ [нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное существо вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня], по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ.

Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поѣду: путь мой теперь лежитъ въ Любекъ. Это большой приморскій городъ Германіи, извѣстный торговыми своими сношеніями всему міру; разстояніемъ отъ Петербурга на четыре дня ѣзды. Я ѣду на пароходѣ, и потому времени употреблю еще менѣе. Письма ваши только четырьмя днями будутъ позже доходить ко мнѣ. Покуда это письмо дойдетъ до васъ, я успѣю написать къ вамъ уже изъ Любека и извѣстить о своемъ адресѣ, а до того, если хотите писать ко мнѣ, можете адресовать въ С. Петербургъ, на имя его благородія Николая Яковлевича Прокоповича, въ домъ Іохима, на Большой Мѣщанской. Что же касается до свиданія нашего, то не менѣе, какъ чрезъ два, или три года, могу я быть въ Васильевкѣ вашей. Не забудьте

прислать паспортъ Якиму, т. е. плакатный билетъ [ему нельзя жить здѣсь безъ мѣста], всё же адресуясь на имя Прокоповича.

Теперь припадаю къ страшнымъ стопамъ Всевышняго съ прошеніемъ и мольбою, да сохранитъ драгоцѣнные и священные для насъ годы жизни вашей, да отвѣетъ отъ васъ все, наносящее вамъ горечи и неудовольствія, и да исполнитъ меня силы истинно заслужить ваше материнское благословеніе...

P. S. Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоцѣнныя извѣстія о Малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе занимать поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя Малороссійскія проименованія. Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, (чтобы) не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи. Извините, что и теперь не оставляю безпокоить васъ подобными просьбами; но, зная, съ какимъ удовольствіемъ вы внимаете имъ, беру эту смѣлость. Въ замѣну опишу вамъ бытъ и занятія добрыхъ Нѣмцевъ, духъ новизны, странность и прелесть еще доселѣ мною невиданнаго и все, что произведетъ сильное впечатлѣніе на меня. Благодарю также чувствительно почтеннѣйшаго Савву Кириловича. Прошу его также присылать приписочки въ ваше письмо.

Деньги вы можете адресовать прямо въ опекунскій совѣтъ Императорскаго воспитательнаго дома. Можно просрочить по самый ноябрь, но лучше, еслибы они получили въ половинѣ, или началѣ октября. Не забудьте: съ тысячи по пяти рублей въ мѣсяцъ штрафу.

Прошу васъ покорнѣйше также, если случатся деньги когда-нибудь, выслать Данилевскому 100 рублей. Я у него взялъ шубу на дорогу себѣ, также нѣсколько бѣлья, чтобы не нуждаться въ чемъ. Адресъ его: Въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ...... мосту.

Цѣлую тысячу разъ милыхъ сестрицъ моихъ, Анниньку и Лизу.

Ради Бога, прилагайте возможное попеченіе о воспитаніи Аннииньки; старайтесь ей дать уразумѣть языки и все полезное. Я предрекаю вамъ, что это удивительное дитя будетъ геній, какого не видывали.

Къ ней же.

Любекъ. 1829, августа 13 по новому стилю.

Сегодня поутру, часа въ три, прибылъ я въ Любекъ. Шесть дней плылъ я водою: это случилось оттого, что вѣтеръ въ продолженіе всего этого времени не былъ для насъ попутный. Теперь только, когда я, находясь одинъ посреди необозримыхъ волнъ, узналъ, что̀ значитъ разлука съ вами, моя неоцѣненная маминька, въ эти торжественные, ужасные часы моей жизни, когда я бѣжалъ отъ самого себя, когда я старался забыть все окружавшее меня, мысль: *что̀ я вамъ причиняю симъ*, тяжелымъ камнемъ налегла на душу, и напрасно старался я увѣрить самого себя, что я принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше. Нѣтъ, я не могу разстаться съ вами, великодушный другъ, ангелъ-хранитель мой! Какъ! за эти безчисленныя благодѣянія, за эту ничѣмъ неоплатимую любовь я долженъ причинять вамъ новыя огорченія! Я долженъ, вмѣсто радости и счастливаго спокойствія, исполнить жизнь вашу горькими минутами! О, это ужасно! это раздираетъ мое сердце. Простите, милая великодушная маминька, простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ — повергнуться въ объятья ваши и излить предъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, разсказать всю тяжкую повѣсть свою. Часто я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія? Но мой бренный разумъ не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго.

Ради Бога, объ одномъ прошу васъ только: не думайте, чтобы

разлука наша была долговременна. Я здѣсь не намѣренъ долго пробыть, не смотря на то, что здѣшняя жизнь сноснѣе и дешевлѣе Петербургской. Я, кажется, и забылъ объявить вамъ главной причины, заставившей меня именно ѣхать въ Любекъ. Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ; теперь хотя и здоровъ, но у меня высыпала по всему лицу и рукамъ большая сыпь. Доктора сказали, что это слѣдствіе золотухи, что у меня кровь крѣпко испорчена, что мнѣ нужно было принимать кровочистительный декоктъ, и присудили пользоваться водами въ Травемундѣ, въ небольшомъ городкѣ, въ 18 верстахъ отъ Любека. Для пользованія мнѣ нужно пробыть не болѣе двухъ недѣль. Если вы хотите, то вамъ стоитъ только приказать мнѣ оставить Любекъ, и я его оставлю немедленно, тѣмъ болѣе, что я самъ не могу быть спокойнымъ, бывши отъ васъ далеко, особливо когда вы однѣ теперь наполняете душу мою, когда вамъ однѣмъ только ищу я случая доставить радость, но, къ несчастію, не могъ до сихъ поръ. Я въ Петербургѣ могу имѣть должность, которую и прежде хотѣлъ, но какія-то глупыя людскія предубѣжденія и предразсудки меня останавливали. Имѣніемъ, сдѣлайте милость, располагайте, какъ хотите. Продайте, ради Бога продайте, или заложите хоть и все. Я слово далъ, что болѣе не потребую отъ васъ и не стану разорять васъ такъ безсовѣстно. Должность, о которой я говорилъ вамъ, не только доставитъ мнѣ годовое содержаніе, но даже возможность доставлять и вамъ вспоможенія въ вашихъ великодушныхъ попеченіяхъ и заботахъ.

Теперь представлю вамъ описаніе Любека. Этотъ довольно старинный, вольный торговый городъ былъ изъ числа первыхъ, составлявшихъ знаменитый Ганзейскій союзъ, съ которымъ наше отечество [особливо Новгородъ] было во всегдашнихъ торговыхъ сношеніяхъ. Впрочемъ и теперь, хотя онъ не можетъ почесться однимъ изъ самыхъ лучшихъ торговыхъ городовъ, но всё, однакожъ, занимаетъ весьма важное мѣсто въ обширной торговлѣ Европы. Видъ его, строеніе его таково же, какъ и всѣхъ главныхъ городовъ Европы [нужно знать, что по Петербургу никакъ нельзя судить о столицахъ Европы: зданія, украшающія Петербургъ, всѣ относятся ко времени, самому новѣйшему]. Домы здѣсь небольшіе,

но чрезвычайно высоки. Вышина тѣмъ еще разительнѣе, что они такъ узки, что на переднемъ фасадѣ имѣется не болѣе, какъ четыре окна въ рядъ на цѣлой стѣнѣ; но всѣ по большой части этажей въ пять, шесть, иногда и того болѣе. Пишу къ вамъ ночью; окно у меня отворено; луна свѣтитъ, и городъ кажется очарованнымъ. Вотъ вамъ видъ улицы изъ моего окна, который наскоро набросалъ я на бумагу (¹). Таковы домы въ Любекѣ: всѣ дома сплочены тѣсно одинъ къ другому и не раздѣляются ни въ одномъ мѣстѣ заборомъ. Чистота въ домахъ необыкновенная; непріятнаго запаху нѣтъ вовсе въ цѣломъ городѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ Петербургѣ, въ которомъ мимо иного дома нельзя бываетъ пройти. Крестьянки дѣвушки, въ красивыхъ корсетикахъ, съ зонтикомъ въ рукахъ, толпятся съ утра до вечера по рынкамъ и чистымъ улицамъ. Экипажей здѣсь вовсе не употребляютъ: добрые Нѣмцы обыкновенно отправляются пѣшкомъ, и даже за городъ на нѣсколько верстъ. Извощиковъ нѣтъ въ-поминѣ; зато вы увидите огромныя фуры, которыя здѣсь въ большомъ употребленіи, посреди которыхъ укрѣплены на ремняхъ ящики [въ родѣ висячаго стула]. Въ этихъ-то фурахъ вы увидите семейство, достойное Фламандской школы, везущее въ городъ продукты. Въ ящикѣ обыкновенно сидитъ мать съ дочерью; на лошади, запряженной въ фуру, верхомъ усаживается сынъ; если же обрѣтается зять, то и тотъ себѣ находитъ мѣсто на той же самой лошади, а сзади уже пѣшкомъ какой-нибудь по нашему наймытъ. Зато ужъ и ѣзда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, какъ волы, а между тѣмъ не скорѣе ихъ идутъ. Въ городѣ шуму почти вовсе не замѣтно, хотя движенія довольно. Изъ замѣчательныхъ зданій преимущественно каѳедральная церковь, которой считаютъ около тысячи лѣтъ; въ теченіе десяти столѣтій устояла среди всѣхъ перемѣнъ и волненій; триста лѣтъ назадъ, какъ она переименована изъ католической въ Лютеранскую. Завтра я собираюсь побывать въ ней и въ слѣдующемъ письмѣ представлю вамъ подробное описаніе ея. Мѣста, окружающія Любекъ, недурны, но не годятся противъ нашихъ Псельскихъ. Домики, разбросанные за городомъ, увитые и усаженные деревьями, кустарниками и цвѣтами, прелестны и очень

(¹) Слѣдуетъ рисунокъ. *П. К.*

похожи на Петербургскія дачи; воздухъ довольно здоровъ, а климатъ немного подходитъ къ нашему, т. е. Полтавскому, хотя фрукты, кажется, здѣсь зрѣютъ позже, однакожъ всё не такъ, какъ въ Петербургѣ, гдѣ до сихъ поръ еще ѣдятъ малину и клубнику. Здѣсь вишни по крайней мѣрѣ вишни уже. Учтивость и какая-то прелесть обращенія здѣшнихъ жителей мнѣ нравится. Простая крестьянка, у которой вы купите на рынкѣ за какой-нибудь шилингъ фруктовъ, или зелени, отвѣситъ вамъ съ такою пріятностью книксъ, которому позавидовала бы и наша горожанка. Находясь нѣсколько дней на пароходѣ и будучи окруженъ Англичанами, которыхъ ухватки и образованность не слишкомъ тонки и исполнены приличія [что вообще бываетъ и у всѣхъ моряковъ], я былъ немного утѣшенъ въ Любскѣ.

Но, признаюсь, все это еще какъ-будто скользитъ по мнѣ и пролетаетъ мимо, не приковывая ни къ чему моего безжизненнаго вниманія. Сначала, за годъ предъ симъ, думалъ я: каковы-то будутъ первыя впечатлѣнія при взглядѣ на совершенно новое, совершенно бывшее чуждымъ досслѣ для меня, на другіе нравы, другихъ людей! какъ любопытство мое будетъ разгораться постепенно! Ничего не бывало. Я въѣхалъ такъ, какъ-бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто. Никакого особеннаго волненія не испыталъ я. Какъ бы мнѣ теперь хотѣлось видѣть васъ, хотя одно мгновенье! Здоровы ли вы? О, будьте здоровы! будьте утѣшены наконецъ нами, и да ниспошлетъ намъ Богъ всевозможное счастіе, какимъ только можно пользоваться въ здѣшнемъ мірѣ! Прощайте, безцѣнная, великодушная маминька, единственное мое счастіе...

Обнимаю и цѣлую нѣсколько разъ сестрицу Марью Васильевну; усердный поклонъ Александрѣ Өедоровнѣ; цѣлую Анничку и Лизу, и Оленьку, и кланяюсь всѣмъ роднымъ и знакомымъ моимъ. Если будете писать ко мнѣ письма, адресуйте всё еще въ Петербургъ, на имя Николая Яковлевича Прокоповича, въ домъ Іохима. Отъ него я уже всегда буду исправно получать ихъ.

Къ ней же.

Травемундъ. 1829, августа 25, по Европейскому стилю.

Получили ли вы первое мое письмо, безцѣнная маминька, пущенное мною изъ Любека? Ради Бога, не безпокоитесь обо мнѣ: я чувствую себя несравненно лучше и здоровѣе; климатъ здѣшній ощутительно поправилъ меня; короче сказать, тѣло мое совершенно здорово; одна только бѣдная душа моя страдаетъ. Я не могу представить себѣ, сколько я вамъ причинилъ безпокойствъ и огорченій, и ни одного до сихъ поръ истиннаго утѣшенія! Изрѣдка только, какъ-будто отъ самого Бога, посѣщаетъ меня мысль, что, можетъ быть, все это дѣлается съ намѣреньемъ; можетъ быть, сѣются между нами огорченія для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью. Не смотря на мое желаніе, я не долженъ пробыть долго въ Любекѣ: я не могу, я не въ силахъ пріучить себя къ мысли, что вы безпрестанно печалитесь, полагая меня на такомъ далекомъ разстояніи. Лѣто въ Петербургѣ уже прошло, и тамошній климатъ теперь уже не можетъ быть такъ для меня вреденъ. Объ одномъ только прошу Бога, чтобъ ниспослалъ вамъ драгоцѣнное спокойствіе, которое не можетъ обитать въ груди моей. По крайней мѣрѣ я теперь въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность и надѣюсь, что новыя занятія дадутъ силу душѣ моей быть равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ. Какъ бы то ни было, это сильно подѣйствовало на мой характеръ, и я съ ужасомъ теперь помышляю о томъ, какъ бы я могъ бы доставлять вамъ ежеминутное утѣшеніе, и какъ я не выполнилъ этого перваго священнаго долга. Но я знаю, вы простите меня, вы простите. Меня измѣнили и передѣлали горя.

Въ первомъ письмѣ я сдѣлалъ вамъ небольшое описаніе города Любека; теперь прибавлю, что̀ успѣлъ послѣ того замѣтить. Я былъ въ огромной здѣшней каѳедральной церкви. Это зданіе рѣшительно превосходитъ все, что̀ я до сихъ поръ видѣлъ, своимъ древнимъ Готическимъ великолѣпіемъ. Здѣшнія церкви не оканчиваются, подобно нашимъ, круглымъ, или неправильнымъ куполомъ,

но имѣютъ потолокъ ровной высоты во всѣхъ мѣстахъ, изрѣдка только пересѣкаемый изломленными Готическими сводами. Высота ровная во всѣхъ мѣстахъ и, вообразите, несравненно выше, нежели у насъ въ Петербургѣ Казанская церковь, съ шпицемъ и крестомъ. Все зданіе оканчивается по угламъ длиннымъ и угловатымъ необыкновенной толщины каменнымъ шпицемъ, теряющимся въ небѣ.... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть такихъ картинъ, которымъ около 700 лѣтъ, но которыя всё еще плѣняютъ необыкновенною свѣжестью красокъ и осѣнены печатью необыкновеннаго искусства. Знаменитое произведеніе Альбрехта Дюрера, изваяніе Квелино, все было мною разсмотрѣно съ жадностью. На одной стѣнѣ церкви находятся необыкновенной величины часы, съ означеніемъ разныхъ метеорологическихъ наблюденій, съ календаремъ на нѣсколько сотъ лѣтъ и проч. Когда настанетъ 12 часовъ, большая мраморная фигура вверху бьетъ въ колоколъ 12 разъ; двери съ шумомъ отворяются вверху; изъ нихъ выходятъ стройно одинъ за однимъ 12 апостоловъ, въ обыкновенный человѣческій ростъ, поютъ и наклоняются каждый, когда проходятъ мимо изваянія Іисуса Христа, и такимъ же самымъ порядкомъ уходятъ въ противоположныя двери; привратникъ ихъ встрѣчаетъ поклономъ, и двери съ шумомъ за ними затворяются. Апостолы такъ искусно сдѣланы, что можно принять ихъ за живыхъ. Я видѣлъ здѣсь комнату, принадлежащую собранію чиновъ города. Она великолѣпна своею давностью и вся въ атикахъ.

Здѣшніе жители не имѣютъ никакихъ собраній и живутъ почти въ трактирахъ. Эти трактиры мнѣ очень нравятся. Вообразите себѣ какого-нибудь богатаго помѣщика-хлѣбосола, какъ прежде, напримѣръ, бывало въ Кибенцахъ, у котораго множество гостей тутъ и живутъ, и сходятся вмѣстѣ только обѣдать, или ужинать. Хозяинъ трактира занимаетъ здѣсь точно такую же роль и первое мѣсто за столомъ; возлѣ него его супруга, которой это не мѣшаетъ нѣсколько разъ сбѣгать во время стола на кухню; прочія мѣста занимаются гражданами всѣхъ націй. Со мною вмѣстѣ находилось два Швейцара, Англичанинъ, Индійскій набобъ, гражданинъ изъ Американскихъ Штатовъ и множество разноземельныхъ Нѣмцевъ, и всѣ мы были совершенно какъ лѣтъ 10 другъ съ другомъ знакомы.

Этого уже въ Петербургѣ не водится.] Ужинъ всегда оканчивается пѣніемъ и всегда довольно поздно. Короче, время, здѣсь проведенное, было бы для меня очень пріятно, если бы я только такъ же былъ здоровъ душою, какъ теперь тѣломъ; въ Травемундѣ я нахожусь два дня и завтра снова отправлюсь въ Любекъ.

Дорога отъ Травемунда до Любека и особливо отъ Любека до Гамбурга представляетъ большой и разнообразный садъ. Поля здѣшнія раздѣлены на небольшіе участки, которые всѣ обсажены въ два ряда кустарниками. Снопы на поляхъ не въ копахъ, какъ у насъ, но обставливаются одинъ къ одному, какъ у насъ конопли.

Желаю возможнѣйшаго блага, молю Всевышняго, чтобы Онъ облегчилъ труды ваши и старанія о насъ, и чтобы далъ силы мнѣ быть истинно достойну вашего материнскаго благословенія...

Къ ней же.

1829, сентября 24.

Съ ужасомъ читалъ я письмо ваше, пущенное 6-го сентября. Я всего ожидалъ отъ васъ: заслуженныхъ упрековъ, которые еще для меня слишкомъ милостивы, справедливаго негодованія и всего, что только могъ вызвать на меня безразсудный поступокъ мой; но этого я никогда не могъ ожидать. Какъ вы могли, маминька, подумать даже, что я—добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! наконецъ рѣшились приписать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои! Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, что бы въ послѣдній, получилъ я такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ-будто я слышу проклятіе. Какъ вы могли подумать, чтобы сынъ такихъ ангеловъ-родителей могъ быть чудовищемъ, въ которомъ не осталось ни одной черты добродѣтели! Нѣтъ, этого не можетъ быть въ природѣ. Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко. Но я готовъ дать отвѣтъ предъ

лицомъ Бога, если я учинилъ хоть одинъ развратный подвигъ, и нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имѣлъ этой привычки. Дома я пилъ еще вино; здѣсь же я не помню, чтобы употреблялъ его когда-либо. Но я не могу никакимъ образомъ понять, изъ чего вы заключили, что я долженъ боленъ быть непремѣнно этою болѣзнію. Въ письмѣ моемъ я ничего, кажется, не сказалъ такого, что бы могло именно означить эту самую болѣзнь. Мнѣ кажется, я вамъ писалъ про мою грудную болѣзнь, отъ которой я насилу могъ дышать, которая, къ счастію, теперь меня оставила. Ахъ, если бы вы знали ужасное мое положеніе! Ни одной ночи я не спалъ покойно, ни одинъ сонъ мой не наполненъ былъ сладкими мечтами. Вездѣ носились предо мною бѣдствія и печали, и безпокойства, въ которыя я ввергнулъ васъ. Простите, простите несчастную причину вашего несчастія!

Два дня только, какъ я пріѣхалъ изъ Гамбурга въ С. Петербургъ. Богъ унизилъ мою гордость — Его святая воля! Но я здоровъ, и если мои ничтожныя знанія не могутъ доставить мнѣ мѣста, я имѣю руки, слѣдовательно не могу впасть въ отчаяніе: оно — удѣлъ безумца. Одно только мое моленіе къ Богу, одно желаніе! пусть Онъ изгладитъ изъ сердца вашего сына неблагодарнаго, вмѣстѣ съ несчастіями, имъ вамъ нанесенными, и да осчастливитъ васъ счастіемъ моихъ добрыхъ и безцѣнныхъ сестеръ! пусть онѣ будутъ вамъ утѣшеніемъ, пусть ни одна изъ нихъ не напомнитъ собою недостойнаго брата! Если же Всевышнему угодно будетъ дать мнѣ возможность и состояніе хотя со временемъ поправить разстройство и разореніе, мною вамъ причиненное, тогда только почту я, что надо мною произнесено Богомъ прощеніе. Не тревожьтесь, ради Бога, ради счастія вашихъ дѣтей мыслью обо мнѣ. Но объ одномъ только прошу я васъ со слезами: не считайте меня способнымъ на развратъ, не принимайте безумія за него, хотя бы вы услышали, что нахожусь между развратнѣйшими изъ развратнѣйшихъ. Вѣрьте, что никогда не отступлю отъ священныхъ правилъ добродѣтели, которыя неизгладимымъ рѣзцомъ врѣзались мнѣ въ сердце.

Пошли вамъ, Боже, облегченіе въ вашихъ несчастіяхъ! Я не

въ силахъ теперь извѣстить васъ о главныхъ причинахъ скопившихся, которыя бы, можетъ быть, оправдали меня, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыханія. Ваше письмо.... Простите, простите меня великодушная маминька!...

Къ ней же.

1829, октября 27.

Неполученіе писемъ отъ васъ, почтеннѣйшая маминька, я не смѣю приписывать молчанію, зная нынѣшнюю перемѣнчивую и дурную погоду для почтъ. Что̀ же касается до меня, то, ради Бога, не безпокойтесь объ моей участи. Я познаю теперь невидимую руку Всевышняго, меня охраняющую: онъ послалъ мнѣ ангела-спасителя въ лицѣ нашего благодѣтеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сдѣлалъ для меня все то, что̀ можетъ только одинъ отецъ для своего сына; его благодѣянія и драгоцѣнные совѣты на-вѣки запечатлѣются въ моемъ сердцѣ.

Въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться въ службу. Тогда съ обновленными силами примусь за трудъ и посвящу ему всю жизнь свою. Можетъ быть, Богу будетъ угодно даровать мнѣ возможность загладить со временемъ мой безразсудный поступокъ и хотя нѣсколько приблизиться къ высокимъ качествамъ души нашего благодѣтеля, ангела между людей. Тогда только я буду достоинъ любви вашей, тогда только вы будете справедливо гордиться вашимъ сыномъ...

P. S. Я васъ безпокою одною просьбою: здѣсь очень дорого стоитъ пошитье манишекъ, и потому прошу васъ покорнѣйше приказать сдѣлать мнѣ на первый случай шесть. Для образчика прилагаю въ посылкѣ одну манишку. Милая сестрица моя, я думаю, не откажется въ этомъ также помочь мнѣ.

Къ ней же.

Санктъ-Петербургъ. Ноября 12, 1829.

Письмо ваше, пущенное 14 октября, я получилъ, но не отвѣчалъ такъ долго потому, что вручилъ незадолго предъ симъ

одно письмо Андрею Андреевичу, по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему. Впрочемъ онъ точно для меня много сдѣлалъ: по его милости, я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должныя мною за квартиру.

Чѣмъ отплачу я вамъ, почтеннѣйшая маминька, за ваше материнское обо мнѣ попеченіе? Въ каждомъ письмѣ вашемъ я вижу доказательства тому, вмѣстѣ съ драгоцѣнными наставленіями вашими. Одна моя молитва, одно мое прошеніе у Бога, чтобы даровалъ мнѣ средства и силы доставить вамъ утѣшеніе послѣ толикихъ испытанныхъ вами горестей. Я надѣюсь получить довольно порядочное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; по жалованья не могу получить раньше, какъ черезъ два мѣсяца. Нечего дѣлать, нужно будетъ прибѣгнуть снова къ Андрею Андреевичу, хотя онъ и слишкомъ много издержался въ Петербургѣ. Однакожъ всё-таки гдѣ-нибудь достану 300 рублей, а передъ вами сдержу свое слово. Боже сохрани, чтобы я осмѣлился просить у васъ, а особливо еще въ нынѣшнее время!

Вы пишете, что довольно нерасчетно живу, или по крайней мѣрѣ жилъ прежде; но, ради Бога, не вѣрьте NN. Въ жизнь мою я не видѣлъ такого жестокаго лгуна. Когда онъ видѣлъ, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счетъ? когда я нанималъ квартиру, состоящую изъ 3-хъ комнатъ, одинъ? И теперь нанимаемъ мы 3 комнаты, но насъ три человѣка вмѣстѣ стоятъ, и комнатки очень небольшія. Еще прошу васъ, маминька, не думайте найти во мнѣ хотя искру гордости. Если я прежде казался таковымъ, то теперь не покажусь, вѣрно, имъ. Ваши мысли на этотъ счетъ совершенно согласны съ моими. Онѣ стóятъ быть написаны золотыми буквами; жаль только, что рѣдкіе слѣдуютъ имъ.

Вы просите, чтобы я написалъ еще что-нибудь о пути своемъ. Занимательнаго, впрочемъ, мало. Терпѣлъ только порядочную бурю на кораблѣ, во время которой, къ собственному удивленію моему, и мысль о страхѣ не закрадывалась въ мою душу; чувствовалъ только дурноту — неминуемое слѣдствіе качки. Послѣ двудневнаго плаванія, не видя ничего, кромѣ моря и неба, прибыли мы къ берегамъ Швеціи, гдѣ увидѣлъ я нѣсколько страннаго вида раз-

бросанныхъ хижинъ. Народъ вообще хорошъ, особливо женщины стройны и недурны собою. Видъ острова Борнгольма, съ его дикими, обнаженными скалами и вмѣстѣ цвѣтущею зеленью долинъ и красивыми домиками, восхитителенъ. Изъ острова Борнгольма мы прямо пристали чрезъ четыре дня и вышли на берегъ Даніи. Я вамъ писалъ о пребываніи своемъ въ Травемундѣ и Любекѣ. Въ Гамбургѣ я пробылъ очень мало. Но предѣлы письма заставляютъ меня отложить до слѣдующаго подробности.

Чувствительно сожалѣю о неудачахъ Петра Петровича и желаю ему отъ души поправленія здоровья и обстоятельствъ. Прошу васъ, маминька, если только у васъ будетъ свободное время, доставлять мнѣ свѣдѣнія о повѣрьяхъ, обычаяхъ Малороссіянъ, сказкахъ, преданьяхъ, находящихся въ простонародьи. Надѣюсь, что и ты, милая сестрица, не откажешься по-прежнему участвовать. Прошу васъ приказать вымѣрять длину, ширину, вышину дома и каждой комнаты порознь, или лучше — приказать кому-либо знающему написать планъ и фасадъ въ нынѣшнемъ его состояніи съ масштабомъ. Я нашелъ способъ расположить его чрезвычайно удобно при самой небольшой передѣлкѣ, на манеръ нѣкоторыхъ домовъ, видѣнныхъ мною въ Германіи. Если же не понравится, то пришлю еще другимъ образомъ...

Къ ней же.

1830-й, *января* 1. С. Петербургъ.

Во-первыхъ, позвольте поздравить васъ съ Новымъ годомъ, почтеннѣйшая маминька, и пожелать счастливаго провожденія его. Пора бы, кажется, счастью обратиться къ намъ; но Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ такъ долго медлитъ, и мы должны благословлять Его святую волю. Ни одинъ день такъ не шуменъ въ Петербургѣ, какъ первый Новаго года: все утро экипажи, лошади, люди то и дѣло, что разъѣзжаютъ вдоль и поперегъ по всѣмъ улицамъ; всѣ спѣшатъ, какъ бы не опоздать поздравить, или хотя завезть карточку, и только въ четыре часа по полудни переводятъ немного духъ.

Отъ Андрея Андреевича узналъ я, что вы недавно гостили у Политики. Этому я радъ несказанно, — тѣмъ болѣе, что это хотя минутнымъ послужило развлеченіемъ вашихъ безпрерывныхъ заботъ.

Новостей въ Петербургѣ никакихъ. Проговорили-было объ уничтоженіи чиновъ, но до сихъ поръ еще ничего не послѣдовало. На дворцовой площади воздвигается великолѣпный памятникъ Александру, состоящій изъ колоссальной колонны, высѣченной изъ одного куска цѣльнаго гранита. Что-то скажетъ намъ новый 30-й годъ! Какое-то шумное волненіе замѣтно въ началѣ его. Но хододно и безжизненно встрѣтилъ я его. Наступленіе новаго года всегда было торжественною минутою для меня. Каковъ-то будетъ для меня этотъ годъ? Чувства мои не перемѣнятся...

Къ ней же.

1830-й, января 5. С. Петербургъ.

Письмо ваше получилъ я только сегодня, писанное вами еще съ 12 декабря. При письмѣ приложенъ планъ, снятый съ новаго дома плотникомъ. Онъ не только не разрѣшилъ моихъ сомнѣній, но даже еще бы больше запуталъ меня, если бы я не такъ твердо зналъ его внутреннее и наружное состояніе. Все мое сомнѣніе заключалось въ одномъ только аршинѣ. Я помню вотъ какъ теперь, когда я смѣривалъ его въ длину, оказалось 26 аршинъ; у плотника же выходитъ ровно 9-саженый. Вся разница въ одномъ аршинѣ, но чрезъ это я не могу прислать вамъ вѣрнаго совершенно масштаба. Впрочемъ это ничего, и я постараюсь изложить, сколько возможно, ясное предписаніе, изъ котораго человѣку сметливому, даже неимѣющему глубокаго знанія въ архитектурѣ, удобно можно понять, въ чемъ состоитъ дѣло, — тѣмъ болѣе, что переправокъ будетъ очень немного. Сначала было-думалъ я увеличить домъ пристройками, но теперь вижу я, что это дѣло несбыточное для васъ, потому что издержки значительно бы увеличились и домъ остался бы опять неоканчаемымъ на многіе вѣка. Теперешнія же ваши обстоятельства требуютъ сколько возможно большей экономіи.... и потому нужно, чтобы домъ сколько возможно менѣе

сталъ вамъ и чрезъ то чтобы скорѣе былъ къ услугамъ вашимъ. Изъ приложеннаго при семъ мною плана вы увидите, что я, сколько возможно, выгоднѣйшее старался дать ему расположеніе, и какъ можно менѣе передѣлокъ. Чтобы показать, какъ невѣренъ планъ, сдѣланный плотникомъ, я прилагаю и нынѣшнее его расположеніе. Оно послужитъ также и вамъ къ лучшему уразумѣнію. Зная, почтеннѣйшая маминька, ваше рѣдкое благоразуміе, я увѣренъ, что вы одобрите мой планъ. Что̀ же касается до фасада, то я старался дать ему сколько возможно лучшій видъ, и также чтобы передѣлокъ было очень мало. Я хотѣлъ-было также сначала дать ему фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ, на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ; но, поразмысливъ, что это стоило бы многихъ передѣлокъ, притомъ еще не поймутъ, перепначатъ, и выйдетъ Богъ знаетъ что̀, — рѣшился оставить лишнія затѣи и приложить фасадъ, осуществленіе котораго ничего почти не будетъ стоить.

По снятіи мезонина, рѣдкое размѣщеніе четырехъ колоннъ на широкомъ крыльцѣ будетъ уродливо и безобразно, и потому я рѣшился поставить восемь колоннъ, по двѣ вмѣстѣ. Чрезъ это крыльцо еще расширится, но видъ уже будетъ прекрасный, какъ вы можете усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ фасада. Колонны эти Дорическаго ордена, съ дорожками, или выемками по всему продолженію ихъ, что̀ служитъ также немалымъ украшеніемъ. Для этого прежнія колонны можно перепилить на-двое и изъ четырехъ будетъ восемъ; коротки онѣ не будутъ, если же это и случится, то можно употребить незамѣтные подмостки подъ верхними капителями. Касательно же поднятія комнатъ выше, то я нахожу это лишнимъ: нынѣ большею частію даже въ столицахъ дѣлаютъ комнаты невысокими, и я той вѣры, что въ деревнѣ лучше, если онѣ высоты посредственной. Онѣ очень милы и притомъ всегда будутъ теплы; а чрезъ это дерево съ мезонина, который бы, вѣрно, пошелъ весь на повышеніе дома, можетъ быть употреблено на кладовыя и амбары. Небольшая пристройка будетъ со стороны, прилегающей къ старому дому. Она заключаетъ въ себѣ маленькую кладовую, сѣни и проч. Въ гостиной и спальнѣ окна и стеклянныя двери въ садъ будутъ имѣть Готическій видъ: это нынче всеобщій

вкусъ, и въ деревнѣ я нахожу, что это будетъ прелестно. Рисунокъ ихъ прилагаю особенно, а при немъ также и поясненіе. Мѣсто, гдѣ теперь находится лѣстница, обращено въ моемъ планѣ въ комнату для Машиньки; буфетъ также перемѣненъ, потому что изъ него въ прежнемъ планѣ выходъ не въ столовую, а въ гостиную. [Заднiй фасадъ дому очень милъ будетъ въ натурѣ]. Зато мѣсто буфета прежняго теперь комнаты для ночлега пріѣзжающихъ гостей, или если я пріѣду, то мнѣ несравненно пріятнѣе быть въ одномъ домѣ съ вами. Если же въ дѣвичьей будетъ тѣсно рабочимъ, то могутъ переходить туда во время свободное отъ постою. Тамъ и постоянно можетъ производиться тканье ковра, или тому подобное.

Посылаю вамъ манишку для образца, которая тогда по неблагоразумію Якима, Богъ знаетъ гдѣ пролежала, вмѣсто почты. Прошу васъ покорнѣйше, маминька, сдѣлать ихъ мнѣ около дюжины. Онѣ необходимо мнѣ нужны болѣе всего бѣлья.* Чрезъ день почти всегда я перемѣняю манишку: ужасно какъ скоро мараются! Прошу васъ также, чтобы въ ней все было сдѣлано совершенно такъ, какъ въ образцѣ. Простите меня великодушно, маминька, что я такъ много васъ утруждаю. Я просилъ бы васъ еще заготовить мнѣ полдюжины рубашекъ и полдюжины исподняго бѣлья, котораго у меня ни одной штуки; но это можетъ еще потерпѣть до другого времени, а теперь прошу васъ поспѣшить манишками,— тѣмъ болѣе, что, кромѣ посланной къ вамъ манишки, у меня двѣ только, изъ коихъ одна еще домашняя.

Къ ней же.

С. Петербургъ. Февраль 2 (1830).

Я получилъ письмо ваше, почтеннѣйшая маминька, пущенное вами 12 января. Слава Богу! вы внѣ опасности. Я такъ былъ напуганъ, узнавъ отъ Андрея Андреевича, что вы вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ семействомъ очень больны, что отдохнулъ тогда только, когда прочелъ собственныя ваши строки.

Недѣли три назадъ, какъ я отправилъ къ вамъ письмо съ фа-

садомъ и планомъ дома, а я старался приспособить ихъ такъ, чтобы сколько можно менѣе было издержекъ. Мѣсяцъ назадъ, я самъ былъ нездоровъ, но теперь поправился, слава Богу. Снова хожу каждый день въ должность и въ-силу, въ-силу перебиваюсь. Еще недавно взялъ у Андрея Андреевича 150 рублей на обмундировку. Думалъ, что останется что-нибудь въ присоединеніе къ моему содержанію; напротивъ, еще долженъ прибавить. Жалованья получаю сущую бездѣлицу. Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу, или переведу какую-нибудь статейку для гг. журналистовъ, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я вась часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи, или что-либо подобное. Это составляетъ мой хлѣбъ. Я и теперь попрошу васъ собрать нѣсколько таковыхъ свѣдѣній. Если гдѣ-либо услышите какой забавный анекдотъ между мужиками въ нашемъ селѣ, или въ другомъ какомъ, или между помѣщиками, сдѣлайте милость, опишите для меня также нравы, обычаи повѣрья. Да распросите про старину хоть у Анны Матвѣевны, или Агаѳіи Матвѣевны: какія платья были въ ихъ время у сотниковъ, ихъ женъ, у тысячниковъ, у нихъ самихъ, какія матеріи были извѣстны въ ихъ время, и все съ подробнѣйшею подробностью; какіе анекдоты и исторіи случались въ ихъ время смѣшныя, забавныя, печальныя, ужасныя. Не пренебрегайте ничѣмъ: все имѣетъ для меня цѣну. Въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ. Одного только нужно опасаться здѣсь бѣдняку — заболѣть. Тогда-то уже ему почти нѣтъ спасенья: источники его доходовъ прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство умереть. Но этого со мною никогда не можетъ случиться: здѣсь есть Арендтъ, котораго искусство и благородная душа чужды всякаго интереса.

Часто наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни! но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу.

Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина. Чтò же теперь должнó происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе: я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку. Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнатку гдѣ-нибудь на дачѣ, за городомъ; но тамъ квартиры несравненно дороже, а при бѣдности моего состоянія, это почти невозможно.

Еще осмѣливаюсь побезпокоить одною просьбою: ради Бога, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія, старопечатныя книги, другія какія-нибудь вещи, антики, а особливо стрѣлы, которыя во множествѣ находимы были въ Пслѣ. Я помню, ихъ цѣлыми горстями доставали. Сдѣлайте милость пришлите ихъ. Я хочу прислужиться этимъ одному вольможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи. Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ про времена Гетмáнщины и прочаго подобнаго? Простите меня великодушно, маминька, что я васъ забрасываю просьбами и причиняю великое безпокойство. Чтобы не было вамъ тягости, вы раздѣлите свои порученія людямъ, на которыхъ можете положиться въ этомъ случаѣ.

Дай Богъ, чтобы вы наконецъ пользовались благополучіемъ, достойнымъ васъ, при какомъ желаніи и остаюсь...

P. S. Глубокое почтеніе и поклонъ дѣдушкѣ Ивану Матвѣевичу, бабушкамъ Марьѣ Ильиничнѣ и Аннѣ Матвѣевнѣ; цѣлую заочно ручки милой тетиньки Катерины Ивановны и милую сестрицу, также и маленькихъ.

Я слышалъ про ужасные холода и морозы, свирѣпствующіе въ нашихъ мѣстахъ. Тѣмъ болѣе это для меня странно, что здѣсь

въ С. Петербургѣ все это время довольно тепло. Турецкіе посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника-форрейтера Павла.

Къ ней же.

1830 года, апрѣля 2 дня. С. Петербургъ.

Извините меня великодушно, почтеннѣйшая маминька, что я такъ долго не писалъ къ вамъ. Заботы и вѣчныя безпокойства тягчатъ меня всѣми неразлучными съ ними непріятностями. Я не понимаю, какъ я до сихъ поръ съ ума не сошелъ. Послѣ безконечныхъ исканій, мнѣ удалось наконецъ сыскать мѣсто, очень, однакожъ, незавидное. Но что̀ жъ дѣлать? важной протекціи я не имѣлъ никакой, а мои покровители водили меня до тѣхъ поръ, пока не заставили меня усомниться въ сбыточности ихъ обѣщаній. Теперь моимъ мѣстомъ я, можно сказать, обязанъ своимъ собственнымъ турдамъ, и теперь признаюсь я въ ужасномъ недоумѣніи; самъ не знаю, что̀ начать, къ чему обратиться, что̀ дѣлать мнѣ. Часто приходитъ мнѣ на мысль все бросить и ѣхать изъ Петербурга; но въ то же время вдругъ представятся мнѣ всѣ выгоды по службѣ и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда. Взявши въ сравненіе свое мѣсто съ мѣстами, которыя занимаютъ другіе, я тотчасъ вижу, что занимаемое мною есть еще не самое худшее, что многіе, весьма даже многіе захотѣли бы имѣть его, что мнѣ только сто̀итъ удвоить количество терпѣнія, и я могу надѣяться получить повышеніе; но зато эти многіе получаютъ достаточное количество для своего содержанія изъ дому, а мнѣ должно жить одинмъ жалованьемъ. Теперь посудите сами: сокративши всѣ возможныя издержки, выключая только самыхъ необходимѣйшихъ для продолженія жизни, никого никогда у себя не принимая, не выходя никогда почти ни на какія увеселенія и спектакли, отказавшись отъ любимаго моего развлеченія — отъ театра, и за всѣмъ тѣмъ я никакимъ образомъ не могу издерживать менѣе 100 рублей въ мѣсяцъ: сумма, съ которою бы никто изъ молодыхъ людей не рѣшился жить въ Петербургѣ [въ удосто-

вѣреніе чего, прилагаю я расходъ моихъ денегъ за прошедшій мѣсяцъ; изъ него вы можете увидѣть истину моихъ словъ, увидѣть, что умѣреннѣе меня врядъ ли кто живетъ въ Петербургѣ]. Сюда я не включаю денегъ, слѣдующихъ на платье, на сапоги, на шляпу, перчатки, шейные платки и тому подобное, чего наберется не менѣе, какъ на 500 рублей. Теперь вообразите: жалованья я не получаю и 500 рублей. Если присовокупить къ сему и получаемое мною иногда отъ журналистовъ, то всего выдетъ 600; шутка ли? это мнѣ, выходитъ, и станетъ всё на одно только платье, сапоги, шляпу и вообще касающееся до одѣянія. Гдѣ же теперь мнѣ взять 100 рублей въ мѣсяцъ каждый на свое содержаніе? Занявшись же службой такъ, какъ слѣдуетъ, я не въ состояніи буду заниматься посторонними дѣлами. Хорошо, что я еще имѣлъ все это время такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ. До сихъ поръ я жилъ однимъ его вспомоществованіемъ. Доказательствомъ моей бережливости служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго, не только фрака, но даже теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, что я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели. Деньги, которыя я выпрашивалъ у Андрея Андреевича, никогда не могъ употребить на платье, потому что онѣ всё выходили на содержаніе, а много я просить не осмѣливался, потому что замѣтилъ, что я становлюсь уже ему въ тягость. Онъ мнѣ нѣсколько разъ уже говорилъ, что помогаетъ мнѣ до того времени только, пока вы поправитесь немного состояніемъ, что у него есть семейство, что его дѣла также не всегда въ хорошемъ состояніи. И вы не повѣрите, чего мнѣ стоитъ теперь заикаться ему о своихъ нуждахъ. Теперь, въ добавку, онъ располагаетъ ѣхать въ маѣ мѣсяцѣ совсѣмъ изъ Петербурга. Что̀ мнѣ дѣлать въ такомъ случаѣ? Вы бы не худо, однакоже, сдѣлали, почтеннѣйшая маминька, если бы написали къ нему письмо, въ которомъ бы выразили ему въ самыхъ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ словахъ свою благодар-

ность и вмѣстѣ сказали бы ему, что я, въ своихъ письмахъ къ вамъ, не могу нахвалиться его ласками и его благодѣяніями, безпрестанно мнѣ оказываемыми. Пусть по крайней мѣрѣ не думаетъ обо мнѣ, что я неблагодаренъ. Теперь остается мнѣ спросить васъ, маминька: въ состояніи ли вы выдавать мнѣ въ мѣсяцъ каждый по 100 рублей? Но, сдѣлайте милость, говорите точную правду. Если это будетъ не по состоянію вашему, если чрезъ это вы принуждены будете отказывать себѣ въ необходимомъ, о, въ такомъ случаѣ я рѣшусь пожертвовать всѣми выгодами службы, рѣшусь бросить Петербургъ, гдѣ можетъ быть, я бы составилъ себѣ счастіе, удалюсь когда-нибудь въ провинцію, гдѣ бы содержаніе мнѣ не стоило такъ дорого, короче — все сдѣлаю, на что только возможно рѣшиться, лишь бы не навесть новыхъ огорченій и заботъ вамъ! Но Боже васъ сохрани, великодушная моя маминька, если вы скажете мнѣ, что въ состояніи, и между тѣмъ необыкновенныхъ усилій и отказовъ во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ это будетъ стоить вамъ: въ такомъ случаѣ ваше вспомоществованіе обратится мнѣ въ ѣдкое мученіе; я буду почитать себя преступникомъ, который тучею безпокойствъ помрачаетъ и сокращаетъ драгоцѣнные дни ваши.

Всѣ посылки ваши получилъ и не могу возблагодарить достойно за нихъ васъ. Въ нихъ я видѣлъ новые знаки вашихъ нѣжнѣйшихъ заботъ обо мнѣ и живѣйшее стараніе снабдить меня всѣмъ нужнымъ. Приношу благодарность тетинькѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которая рѣшилась пожертвовать временемъ — собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсенъ; но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть, однакожъ, списанныя ваши двѣ Запорожскія. Благодарю также Лукерью Ѳедоровну и Марью Борисовну за ихъ участіе; жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука такъ неразборчива, что я до сихъ поръ многаго не разобралъ.

Вы писали мнѣ, что несовсѣмъ довольны моимъ планомъ дому, а именно, что я не выставилъ пристроекъ, и чрезъ то дѣвичью комнату, по моему плану, вы находите слишкомъ малою. На это я могу отвѣчать, что въ нынѣшнемъ вашемъ домѣ, въ которомъ вы живете, и дѣвичья, и дѣтская, все вмѣщается въ одной комнатѣ, которая часто служитъ, сверхъ того, туалетомъ для сестры

и для васъ, и потому я полагалъ, что небольшой особой комнаты довольно будетъ для дѣвичьей, — тѣмъ болѣе, (что) нѣкоторыя изъ нихъ должны сидѣть и въ дѣтской комнатѣ и въ Машинькиной. Чрезъ это предполагалъ и сбереженіе лѣсу, и издержекъ за работу, которыя, по словамъ вашимъ, немаловажны: 500 рублей за одну только придѣлку небольшихъ, маловажныхъ пристроекъ, за одну плотническую работу. Эта цѣна даже здѣсь въ Петербургѣ не назвалась бы дешевою. Впрочемъ, можетъ быть, теперь у насъ работники вздорожили. Я этого не знаю; мнѣ бы казалось только, что гораздо лучше своими снять мезонинъ и укрыть крышу, а особливо, если случится у васъ архитекторъ. Пристройка же небольшая съ мудростью одного десятка мужиковъ можетъ уладиться. Во многихъ мѣстахъ Европы, а теперь и въ Россіи, въ тѣхъ странахъ, гдѣ мало лѣсовъ, употребляютъ для постройки домовъ особенный составъ, котораго главную часть составляетъ глина. Видѣвши собственными глазами производство такихъ строеній я не могъ надивиться красивости и прочности ихъ. Пожары, бывающіе гибельными для каменныхъ строеній, ничего не могутъ сдѣлать надъ построеннымъ изъ этого состава, потому что глина отъ огня не разрушается, а дѣлается крѣпче еще. Съ радостію сообщилъ бы я описаніе производства, но знаю, что наши мужики не поймутъ и, напроказивши, назовутъ еще негоднымъ это изобрѣтеніе; притомъ его нужно видѣть самому.

Теперь вездѣ стараются распространять засѣваніе картофеля, польза котораго такъ очевидна, что я бы совѣтовалъ попробовать вамъ въ небольшомъ количествѣ. Въ другихъ странахъ прекратили засѣваніе хлѣба и сѣютъ только картофель. Вы хотите знать пользу его? Она многочисленна: во-первыхъ, картофель въ милліонъ разъ родится болѣе всякаго хлѣба; во-вторыхъ, на картофель никогда не бываетъ неурожая: онъ не боится ни засухи, ни граду, ничего. Употребленіе же его тоже многоразлично: изъ муки дѣлаются не дурно же хлѣбы, особливо съ примѣсью четвертой доли другого хлѣба; изъ картофеля дѣлаютъ отличный крахмалъ, несравненно лучше пшеничнаго; но самое главное, что изъ картофеля выходитъ горѣлка, неуступающая дѣлаемой изъ жита, и доходитъ до 22 градусовъ. Муки, по расчисленію практиковъ, картофельной выхо-

дитъ съ одной десятины столько, сколько изъ двадцати десятинъ другого хлѣба; доходъ съ одной десятины полагаютъ простирающимся до 500 рублей. Это статья, кажется, такая, которою бы стоило позаняться. Изъ картофеля дѣлаютъ вино такимъ образомъ: сваривши картофель, растираютъ его и наливаютъ на него теплой воды вдвое больше количествомъ противъ картофеля. Дать сему затору придти въ броженіе, для ускоренія коего прибавить немного солоду и пивныхъ дрождей. Когда все это придетъ въ совершенное броженіе, то перелить сію брагу въ кубъ, изъ котораго и получится вино отъ 20 до 22 градусовъ. Сдѣлайте изъ него хоть одно ведро на пробу и напишите, будетъ ли что-нибудь у васъ изъ него.

Въ самое это время, когда я хотѣлъ оканчивать письмо мое къ вамъ, посѣтилъ меня начальникъ мой по службѣ съ не совсѣмъ дурною новостью, что жалованья мнѣ прибавляютъ еще двадцать рублей въ мѣсяцъ. Итакъ я снова спрашиваю васъ, маминька, можете ли вы мнѣ высылать по 80 рублей въ мѣсяцъ, исключая мая, за который мнѣ необходимо нужно 100: уменьшеніе, правда, маловажное, но по крайней мѣрѣ утѣшительно тѣмъ, что меня замѣчаютъ. Это даетъ мнѣ право надѣяться, что не будетъ ли еще прибавки къ новому году. Но впрочемъ, если не въ состояніи высылать мнѣ по такой суммѣ, то, сдѣлайте милость, не затрудняйте себя: я повторяю снова, что буду почитать себя причиною всѣхъ горестей и безпокойствъ.

Я уже совѣщался здѣсь и на-счетъ моего намѣренія перемѣститься въ провинцію; но признаюсь, Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По-моему, ежели ѣхать, такъ уже ѣхать въ одну Малороссію. Но признаюсь, если разсудить, какъ нужно, то, не смотря на мою охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно-таки дождаться своего.

Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вамъ одинъ, который, по важности своихъ статей, почитается здѣсь лучшимъ и который достается мнѣ даромъ, по причинѣ небольшого

моего участія въ изданіи его. Каждый мѣсяцъ выходитъ книжка, которую я буду немедленно препровождать къ вамъ. Посылаю вамъ также нововышедшій романъ, подаренный мнѣ самимъ авторомъ.

Простите, добрѣйшая изъ матерей и попечительнѣйшая, за мои вѣчно наносимыя непріятности вамъ. Чего бы я не далъ, чего бы не сдѣлалъ, чтобы избавить васъ отъ нихъ! Извините, что такъ дурно и неразборчиво пишу. Рука у меня обвязана и разрѣзана разбитымъ стекломъ; боль мѣшаетъ мнѣ болѣе писать. До слѣдующаго письма простите. Очень жалѣю, что не въ силахъ болѣе написать вамъ о нужныхъ предметахъ, которые я хотѣлъ-было сообщить въ вашемъ письмѣ; теперь откладываю...

ПРИХОДЪ и РАСХОДЪ

ЗА

ДЕКАБРЬ 1829 И ЯНВАРЬ 1830.

ДЕКАБРЬ.

Приходъ.		Расходъ.	
Получено отъ его превосходительства Андрея Андреевича	150 р.	За квартиру	25 р.
		На столъ	25 «
		На дрова	7 «
Итого	150 р.	На свѣчи	3 «
Жалованья въ этотъ мѣсяцъ не получилъ, по причинѣ вычету за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на госпиталь и проч.		Водовозу	2 «
		На чай, сахаръ и хлѣбъ	20 «
		Въ библіотеку для чтенія	« 5 «
		На сапоги	10 «
Прежнихъ оставалось	20 «	Прачкѣ	5 «
		На содержаніе человѣка	10 «
		Куплено ваксы на	1 р. 50 к.
		И того	113 р. 50 к.
		Кромѣ того за мытье половъ заплачено	1 р. 50 к.
		На лекарство	3 « 70 «
		На цирульника	1 « 50 «
		И того	6 р. 70 к.

ЯНВАРЬ.

Приходъ.		Расходъ.	
Получено жалованья за м. январь	30 р.	За квартиру	25 р.
Отъ Андрея Андреевича полученныхъ осталось	50 «	На столъ	25 «
Выручилъ за статью, переведенную съ Французскаго: »О торговлѣ Русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка«, для »Сѣвернаго Архива«	20 «	На дрова	7 «
Итого	100 р.	На сахаръ, чай и хлѣбъ	20 «
		На свѣчи	3 «
		Водовозу	2 «
		За перчатки заплачено	3 «
		Прачкѣ	5 «
		На содержаніе человѣка	10 «
		За два носовыхъ платка	2 « 50 к.
		На мелкія издержки, какъ то: извощикамъ, цирульникамъ и проч. потреблено	5 «
		На подтяжки	4 «
		Итого	111 р. 50 к.
		Въ баню	1 р. 50 к.

Къ ней же.

1830, іюня 3. С. Петербургъ.

До сихъ поръ не могу придти въ себя послѣ прочтенія письма вашего, великодушная маминька; въ изумленіи перевертываю его въ рукахъ и не умѣю назвать того страннаго впечатлѣнія, которое произвело оно во мнѣ. Какъ! столько пожертвованій, съ такимъ самоотверженіемъ, и для кого? для того, который до сихъ поръ не доставилъ вамъ ни одного еще утѣшенія не только помощи!.. Столько безпокойствъ, столько душевныхъ тревогъ; столько печалей, и всё объ комъ?.. Безумецъ! какъ я могъ, въ часы, когда неудачи и несчастія подавляли меня, какъ я могъ въ эти часы отча-

яваться и изливать желчь на весь міръ, когда есть одно существо, ангелъ со всѣми ангельскими совершенствами, который любитъ меня со всѣми моими слабостями, которому одному только моя жизнь дороже всего на свѣтѣ, — и я могъ, въ полномъ избыткѣ счастія, почитать себя несчастливѣйшимъ! Но какъ назвать того, который за всю эту безграничную любовь платитъ черною неблагодарностью, причиняетъ безпрестанно новыя заботы и наводитъ цѣлыя тучи огорченій? Я не въ состояніи выдумать ему приличнаго названія, но положенія этого несчастливца я не пожелалъ бы и злѣйшему врагу: состояніе души его ужасно. Одно только заставляетъ меня терпѣть и покорствовать, что, вѣрно, Богъ, пославшій мнѣ такое рѣдкое благо въ этомъ мірѣ, имѣетъ обо мнѣ особенное Свое попеченіе...

Чтобы не оставлять васъ въ недоумѣніи обо мнѣ на-счетъ службы и прочаго, я буду отвѣчать на письмо ваше по пунктамъ. Служу я еще только третій мѣсяцъ въ департаментѣ удѣловъ, находящемся въ вѣдѣніи министерства двора. Главный начальникъ мой—вице-президентъ департамента, гофмейстеръ Л. А. Перовскій; начальникъ отдѣленія мой, отъ котораго я непосредственно завишу [я нахожусь во 2-мъ отдѣленіи] В. И. Панаевъ, человѣкъ очень хорошій, котораго въ душѣ я истинно уважаю; если же вы хотите знать и столоначальника, котораго должность невелика, однакожъ, и который мало надо мною вліянія имѣетъ, то фамилія его Д. И. Ермоловъ, человѣкъ, впрочемъ, недурной и не безъ воспитанія. Теперь позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вообще о службѣ. Вы говорите, почтеннѣйшая маминька, что многіе пріѣхавшіе въ Петербургъ, сначала неимѣвшіе ничего, жившіе одинмъ жалованьемъ, пріобрѣли себѣ въ послѣдствіи довольно значительное состояніе единственно стараніями и прилежаніемъ по службѣ и приводите въ примѣръ Гежлинскаго. Я вамъ сотню самъ приведу примѣровъ такихъ людей, которые точно, не имѣя ни гроша, пріобрѣли въ послѣдствіи многое; но вспомните, къ какому времени это относится, когда протекало ихъ поприще службы. Зачѣмъ вы не приведете въ примѣръ хотя одного такого, который бы въ нынѣшнее время, то есть, въ послѣднюю половину царствованія Александра и въ продолженіе царствованія Николая пріобрѣлъ богат-

ство по службѣ? Въ этомъ-то и дѣло, что не тѣ времена. Это вамъ скажетъ всякій служащій въ столицѣ. Тогда, особливо въ царствованіе блаженной памяти Екатерины и Павла, сенатъ, губернскія правленія, казенныя палаты были самыя наживныя мѣста. Теперь взятки господъ служащихъ въ нихъ гораздо ограничены; если же и случаются какія-нибудь, то слишкомъ незначительны и едва могутъ служить только небольшою помощью къ поддержанію скуднаго ихъ существованія. Въ департаментахъ же министерствъ служба нѣсколько болѣе еще облагорожена. Прежде человѣку, прослужившему нѣсколько лѣтъ вѣрою и правдою, въ награжденіе давали цѣлыя помѣстья, душъ тысячу и болѣе крестьянъ; теперь же, вы сами знаете, этого ничего не даютъ уже. Стало быть, вы спросите, теперь никакихъ нѣтъ выгодъ служить? Напротивъ, онѣ есть, особливо для того, кто имѣетъ умъ, знающій извлечь изъ этого пользу, предположившій впереди себѣ мѣту, ставши на которую, онъ въ состояніи дать обширный просторъ своимъ дѣйствіямъ, сдѣлаться необходимымъ огромной массѣ государственной. Этотъ умъ долженъ имѣть желѣзную волю и терпѣніе, покамѣстъ не достигнетъ своего предназначенія, долженъ не содрогнуться крутой, длинной почти до безконечности и скользкой лѣстницы, долженъ не упускать изъ виду малѣйшаго обстоятельства, кажущагося постороннимъ, но способствующимъ сколько-нибудь къ повышенію его, долженъ отвергнуть желаніе ранняго блеска, даже пренебречь часто восклицаніемъ свѣта: »Какой прекрасный молодой человѣкъ! какъ онъ милъ, какъ занимателенъ въ обществѣ!« Никакое желаніе разсѣянія, забавъ и развлеченій всякаго рода, не должно́ останавливать его; онъ можетъ казаться занимающимся ими, но не на самомъ дѣлѣ. Тѣ, которымъ не данъ въ удѣлъ этотъ многосторонній, дѣятельный умъ, ограничиваются тѣмъ, что, выслуживъ узаконенные 35 лѣтъ, выходятъ въ отставку и получаютъ полный пенсіонъ, равный получаемому ими въ послѣдній годъ жалованью; этотъ пенсіонъ достаточенъ для прокормленія ихъ до смерти; впрочемъ участь этихъ людей мнѣ не завидна. Я и донынѣ того мнѣнія, что человѣку стоитъ только захотѣть, чтобы получить, если то, что́ онъ захочетъ, возможное. Разумѣется, что здѣсь подразумѣваются терпѣніе и неколебимость. Черезъ годъ, а можетъ быть, и ранѣе,

надѣюсь я получить штатное мѣсто. Это составляетъ покамѣстъ единственное мое желаніе, и полученіе его будетъ для меня неизъяснимою радостью, потому что освободитъ отъ тягостной обязанности получать отъ васъ вспоможенія, когда оно вамъ болѣе всего нужно. Не думайте, почтеннѣйшая маминька, что я нерадиво занимаюсь своею должностью. Вы это заключаете изъ того, что мнѣ прибавки произошло всего только 20 рублей въ мѣсяцъ; но не думайте, чтобы 240 рублей въ годъ приращенія было маловажно для меня. По мѣсту, мною занимаемому, я не могу, хотя бы и изъ кожи лѣзъ, получить болѣе.

Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ. Надѣюсь, что вы попрежнему, почтеннѣйшая маминька, не оставите иногда въ часы досуга присылать всѣ любопытныя для меня извѣстія, которыя только удастся собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрицѣ Машинькѣ, которая такъ много трудилась для меня въ этомъ дѣлѣ и которой прекрасныя качества узнаю я съ каждымъ разомъ болѣе. Пусть, однакожъ, она не думаетъ, что я до такой степени неблагодаренъ, что забываю о ней. Въ письмѣ моемъ, принося благодарность даже Лукерьѣ Ѳедоровнѣ и Мар. Бор., я не помянулъ о ней ни слова, потому что хотѣлъ писать къ ней особо. И для этого-то самого я и теперь въ письмѣ вашемъ не пишу ничего, относящагося къ ней.

Не смотря на всѣ старанія свои, я не могъ, однакожъ, имѣть никакой возможности переѣхать на дачу. Судьба никакимъ образомъ не захотѣла свесть меня съ высоты моего пятаго этажа въ низменный домикъ на какомъ-нибудь изъ острововъ. Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь услаждать свое заключеніе. Мнѣ совѣтуютъ дѣлать сколько можно больше движенія, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачамъ и прекраснымъ окрестностямъ. Нельзя надивиться, какъ здѣсь пріучаешься ходить: прошлый годъ, я помню, сдѣлать верстъ пять въ день была для меня большая трудность; теперь же я дѣлаю свободно верстъ 20 и болѣе и не чувствую никакой усталости. И это здѣсь

вовсе не удивительно; всякій этимъ можетъ похвалиться. Въ 9 часовъ утра отправляюсь я каждый день въ свою должность и пробываю тамъ до 3 часовъ; въ половинѣ четвертаго я обѣдаю; послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ, въ академію художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить, — тѣмъ болѣе, что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ труда и старанія, ничего не требуютъ. По знакомству своему съ художниками, и со многими даже знаменитыми, я имѣю возможность пользоваться средствами и выгодами, для многихъ недоступными. Не говоря уже объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Что̀ это за люди! Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на-вѣки. Какая скромость при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные совѣтники. Въ классѣ, который посѣщаю я три раза въ недѣлю, просиживаю два часа; въ семь часовъ прихожу домой, иду къ кому-нибудь изъ своихъ закомыхъ на вечеръ, — которыхъ у меня таки не мало. Вѣрите ли, что однихъ однокорытниковъ моихъ изъ Нѣжина до 25 человѣкъ? Вы, можетъ быть, подумаете, что такое знакомство должно̀ быть въ тягость. Ничуть; это не въ деревнѣ, гдѣ обязаны угощать своихъ гостей столомъ, или чаемъ. Каждый у насъ ѣстъ у себя, пріятелей же и товарищей угощаютъ бесѣдою, которою всякой изъ насъ бываетъ вполнѣ доволенъ. Люди различныхъ характеровъ, разнаго темпераменту всегда найдутъ объ чемъ поговорить, поспорить и образнообразить свой разговоръ. Три раза въ теченіе недѣли отправляюсь я къ людямъ семейнымъ, у которыхъ пью чай и провожу вечеръ. Съ 9 часовъ вечера я начинаю свою прогулку, или бываю на общемъ гуляньѣ, или самъ отправляюсь на разныя дачи; въ 11 часовъ вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигдѣ не пилъ [вамъ не должно̀ показаться это позднимъ: я не ужинаю], иногда прихожу домой часовъ въ 12 и въ 1 часъ, и въ это время еще можно видѣть толпу гуляющихъ. Ночей, какъ вамъ извѣстно, здѣсь нѣтъ; все свѣтло и ясно, какъ днемъ, только что нѣтъ солнца. Вотъ вамъ описаніе моего лѣтняго дня. Всячески стараюсь я лучше провесть его, но всё почти вспоминаю за каж-

дымъ разомъ деревню. Воздуху здѣсь нѣтъ настояще деревенскаго; весны совсѣмъ нельзя замѣтить; самыя растенія утратили здѣсь свой запахъ, какъ пересаженныя насильственною рукою на неродную имъ почву; все лѣто и весна продолжаются здѣсь только три мѣсяца; остальными девятью мѣсяцами управляютъ деспотически зима и осень. Удовольствія, которыя имѣю я здѣсь, всѣ почти состоятъ изъ упомянутыхъ, и потому не стóятъ мнѣ ничего. Всякая копейка у меня пристроена, и малѣйшее исключеніе уже причиняетъ разстройство всему моему регулярному ходу издержекъ.

Но я, кажется, еще не на всѣ пункты ваши отвѣтилъ. Всѣ распоряженія, сдѣланныя вами касательно построекъ, очень хороши и отличаются всегдашнею вашею предусмотрительностію и благоразуміемъ. Касательно же моего мнѣнія разводить картофель, если онъ у насъ мало родится, то объ этомъ нечего думать; не совѣтую даже и водки изъ него дѣлать, потому что это въ такомъ только случаѣ, когда картофелю несравненно большее множество, нежели хлѣба. Еще едва было не позабылъ отвѣчать на одинъ вашъ запросъ, который повергнулъ меня еще въ большее удивленіе, нежели васъ. До сихъ поръ не могу постичь, отчего произошло ваше недоумѣніе и безпокойство, услышавши, что я обрѣзалъ стекломъ себѣ руку [еще бы ничего, если бы кинжаломъ, ножомъ, или другимъ какимъ орудіемъ]. Не представлялось ли вамъ, почтеннѣйшая маминька, что я гдѣ-нибудь на вакхической пирушкѣ, въ припадкѣ излишней веселости, вздумалъ колотить рюмки и бутылки, или, чего добраго, не пожелалось ли мнѣ пролѣзть куда-нибудь въ окошко? Ничего не бывало. Я сталъ ломать стекло, въ намѣреніи выгладить имъ палочку для кисти своей, и обрѣзалъ большой палецъ, который чрезъ то помѣшалъ моей пріятной обязанности продолжать письмо далѣе, — вотъ и все.

Посылаю вамъ слѣдующій № журнала, разрѣзавши который, найдете вы въ листахъ его письмо это: хитрость, которую я сдѣлалъ, во избѣжаніе двойного платежа и за письмо, и за посылку, между прочимъ, какъ мнѣ то и другое стало столько же, сколько одно письмо.

Предъувѣдомляю васъ, что въ этой книжкѣ, равно и во всѣхъ послѣдующихъ, вы не встрѣтите уже ни одной статьи моей. Заня-

тій моихъ литературныхъ хотя я и не прекратилъ, однакожъ, какъ они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, какъ по истеченіи довольно продолжительнаго времени. Рекомендую вамъ прочесть описаніе Полтавы, господина Свиньина, въ которомъ я хотя и природный жилецъ Полтавы, много, однакожъ, нашелъ для меня новаго и доселѣ неизвѣстнаго.

Бабушкамъ, дѣдушкѣ поклонъ; всѣхъ домашнихъ обнимаю. Если Катерина Ивановна тетинька у насъ, цѣлую нѣсколько разъ ея ручки.

Къ ней же.

Іюля 24. (1830.) Павловскъ.

Вчера только я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что ко мнѣ лежитъ на почтѣ ваше письмо съ деньгами. Это меня очень обрадовало. Слава Богу, нѣтъ по крайней мѣрѣ никакого сомнѣнія, что вы здоровы. Но я всё очень жалѣю, что мнѣ скоро не удастся читать его. Что же касается до денегъ, то меня терзаетъ мысль, что накопленіе ихъ стоило вамъ большихъ пожертвованій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаю, гдѣ теперь вамъ взять ихъ, въ нынѣшнія крутыя времена, то я желалъ бы лучше не получать ихъ. Впрочемъ этого впредь, я думаю, не случится. Теперь я обезпеченъ совершенно и не только не потребую отъ васъ, но, можетъ быть, со временемъ соберу что-нибудь и для васъ, а также и для сестры.

Въ Петербургѣ холера, благодаря Богу, прекращается. Тамъ ея никто не боится; умираютъ очень, очень мало, и то собственною почти виною. Лечатъ ее необыкновенно хорошо. Выздоровѣвшіе не могутъ нахвалиться нарочно устроенными для того больницами. Впрочемъ я до тѣхъ поръ не пріѣду въ Петербургъ, покамѣстъ она совершенно тамъ не прекратится. Обыкновенный и самый дѣйствительный способъ леченія ея въ Петербургѣ состоитъ въ томъ, что больному даютъ какъ можно побольше пить теплаго молока, и чѣмъ оно теплѣе, тѣмъ лучше. Кромѣ того многіе вылечиваются, принимая бѣлокъ яйца съ прованскимъ масломъ; надъ нѣкоторыми же, особливо имѣющими крѣпкое сложеніе и хорошій

желудокъ [слѣдовательно это полезно для многихъ суроваго сложенія крестьянъ], оказываетъ очень хорошее дѣйствіе ложка воды съ солью, сначала съ самою горячею водою, потомъ постепенно теплѣе, теплѣе, наконецъ дается ложка соли съ холодною водою; съ послѣднимъ пріемомъ больной совершенно выздоравливаетъ. Государь, какъ и всегда, оказываетъ обыкновенное свое присутствіе духа и показываетъ наивеличайшую заботливость. Англичане, живущіе въ Петербургѣ, удивляютъ великодушіемъ своимъ и заботливостью о больныхъ.

Лѣто у насъ чрезвычайно сухое, мѣстами загораются лѣса даже. Впрочемъ сегодня идетъ дождь, и я думаю, что весь августъ за то будетъ дождливъ. Какое здѣсь лѣто! Нѣтъ и сравненія съ вашимъ. Вотъ уже и осень. Зелень, правда, ярка, какъ никогда у насъ весною; но зато воздухъ ничего не имѣетъ въ себѣ лѣтняго.

Увѣдомьте меня пожалуйста о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ, со времени отъѣзда его изъ Петербурга. Скажите ему, что я разсорюсь съ нимъ на вѣки, если не получу отъ него письма...

Сестрицу Марію цѣлую и прошу быть всегда здоровою и побольше развлекать васъ. Это же самое приказываю дѣлать и сестрицамъ Аннѣ, Лизѣ и Олѣ. Всѣмъ родственникамъ и знакомымъ поклонъ. Помните ли вы адресъ? на имя Пушкина, въ Царское село.

Къ ней же.

С. Петербургъ. Сентября 1 дня, 1830.

Никакимъ образомъ не могу постигнуть причины вашего молчанія, почтеннѣйшая маминька. Вотъ уже скоро будетъ два мѣсяца, какъ я не получаю отъ васъ никакого извѣстія. Ради Бога, если вы имѣете жалость къ вашему сыну, котораго все счастіе, все благополучіе заключается въ васъ, въ доставленіи вамъ утѣшенія и минутнаго забвенія вашихъ непрерывныхъ заботъ, хотя однимъ словомъ, одной строчкой напишите, что вы здоровы, и я счастливъ.

Два письма мои не имѣли никакого успѣха совершенно. Изъ

нихъ вы знаете подробно уже о моей службѣ и ежедневныхъ занятіяхъ. Андрей Андреевичъ былъ такъ милостивъ, видя нужду мою, что оказалъ мнѣ помощь, какой только можно было ожидать отъ добрѣйшаго родственника. Съ іюня мѣсяца, т. е. съ тѣхъ поръ, когда я не получалъ ничего уже отъ васъ, я пользовался его благодѣяніемъ: на три мѣсяца онъ мнѣ выдалъ сумму, какую слѣдовало бы мнѣ получить отъ васъ. Слѣдовательно за прошедшіе мѣсяцы іюнь, іюль и августъ вамъ нечего безпокоиться. Завтра, или послѣ завтра Андрей Андреевичъ уѣзжаетъ отсюдова, и потому вчера далъ еще мнѣ и на первую половину сентября.

Служба моя идетъ очень хорошо; начальники мои всѣ прекрасные люди. Всего только четыре мѣсяца, какъ я служу, а получилъ на дняхъ уже штатное мѣсто, до котораго многіе по пяти лѣтъ дослуживаются, иные даже по десяти, а всё не получаютъ. Съ новаго года надѣюсь получать 1000 рублей жалованья, а до того времени долженъ буду еще безпокоить васъ, великодушная маминька. Всего въ этомъ году слѣдуетъ вамъ выслать мнѣ 300 рублей, которые можно раздѣлить на два куша. Часто большія неудобства встрѣчаются иногда отъ замедленія присылки, и тогда принужденъ я бываю продавать за безцѣнокъ самонужнѣйшія вещи, которыхъ пріобрѣтеніе становится въ послѣдствіи мнѣ несравненно дороже. Но нужнѣе всего теперь для меня письмо ваше. Оно одно доставитъ мнѣ удовольствіе и заставитъ забыть и крайность, и нужду, и голодъ, и всѣ непріятности въ свѣтѣ. Ради Бога, не мучьте меня болѣе, несравненная маминька. Одна строчка ваша — и я благополучнѣйшій человѣкъ...

Я пишу такъ несвязно и мало, и неудовлетворительно, что вы, безъ сомнѣнія, не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выраженіе душевныхъ безпокойствъ.

Тебя прошу, моя безцѣнная сестрица Машинька, если маминькѣ недосугъ, или, можетъ быть, за хлопотами не достаетъ времени, написать мнѣ поскорѣе слова два, чтобы я зналъ по крайней мѣрѣ, что вы здоровы. Прощай, безцѣнный другъ мой!...

Къ ней же.

1830 года, сентября 29 дня. С. Петербургъ.

Письмо ваше, безцѣннѣйшая маминька, пущенное вами отъ 11-го сентября, я сегодня получилъ и спѣшу сегодня же отвѣчать вамъ. Ни съ чѣмъ не могу сравнить того чувства, которое наполнило меня, когда увидѣлъ вашу собственную руку. Слава Богу, вы здоровы! Къ полному моему удовольствію не достаетъ, чтобы сестрица, милая моя Машинька, освободилась совершенно отъ своей болѣзни. Мнѣ кажется, что ей причиняетъ часто болѣзнь и то, что она иногда горюетъ. Ради Бога, отгоняйте отъ себя всякое горе. Мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе: въ будущемъ я ничего не предвижу для себя, кромѣ хорошаго. Деньги, присланныя вами, я принимаю за сентябрь, октябрь и ноябрь; прежніе же мѣсяцы, благодаря рѣдкому, добрѣйшему нашему благодѣтелю Андрею Андреевичу, прожилъ я его деньгами. Я вамъ уже писалъ [если вы получили письмо мое, писанное въ семъ мѣсяцѣ], что получилъ штатное мѣсто, что составляетъ довольно рѣдкій случай — получить такъ скоро. Жалованья мнѣ хотя и не прибавили, однакожъ обнадеживаютъ, что съ новаго года дадутъ. И потому въ слѣдующемъ году я надѣюсь получить отъ васъ половину назначенной мною суммы; и это, съ надеждою на Бога, полагаю будетъ послѣдній годъ, въ который получу отъ васъ вспоможеніе, а тамъ надѣюсь быть полезнымъ и вамъ. Все мнѣ идетъ хорошо. Ваше благословеніе, кажется, неотлучно со мною. Прошу только васъ не давать поселяться въ сердцѣ вашемъ безпокойству на-счетъ меня. Въ письмѣ вашемъ между прочимъ безпокоитесь, что квартира моя на пятомъ этажѣ. Это здѣсь не значитъ ничего, и, вѣрьте, во мнѣ не производитъ ни малѣйшей усталости. Самъ Государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ; напротивъ, вверху гораздо чище и здоровѣе воздухъ. Начальники мои дѣйствительно очень хорошіе люди, и я ими весьма доволенъ. Не будете ли видѣться съ Шамшевыми? Они хорошо знакомы съ Панаевымъ и ведутъ съ нимъ переписку. Въ такомъ случаѣ не мѣшало бы, если бы они упомянули и обо мнѣ. Это, я думаю,

ускорило бы мнѣ прибавку жалованья. Словца два-три отъ хорошихъ людей всегда не помѣшаютъ.

Новостей у насъ въ столицѣ нѣтъ почти никакихъ. Погода испортилась, дождлива и сыра. Лейбъ-гвардіи Измайловскій и конной полкъ праздновали на дняхъ столѣтнее свое существованье. Праздникъ былъ блистательный; всѣ офицеры, которые когда бы то ни было служили въ этихъ полкахъ, въ полныхъ мундирахъ присутствовали при немъ, и солдаты, въ первый разъ, можетъ быть, отъ роду, пили шампанское. Съ 23 сентября академія художествъ открыла выставку произведеній своихъ за три прошедшіе года. Это для жителей столицы другое гулянье: около тридцати огромныхъ залъ наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взадъ и впередъ мущинами и дамами, и здѣсь встрѣчались такіе, которые года по два не видались между собою. Съ 27 числа академія открыта и для простого народа.

Свидѣтельствуя заочно мое почтеніе и мою признательную любовь дѣдушкѣ, бабушкамъ и обнимая милую мою сестрицу, съ желаніемъ ей совершеннаго здоровья, остаюсь...

Всѣмъ нашимъ знакомымъ свидѣтельствую мое почтеніе и посылаю поклонъ; маленькихъ сестрицъ цѣлую мысленно.

Позвольте при семъ поздравить васъ, безцѣннѣйшая маминька, съ наступающимъ днемъ ангела вашего и пожелать всегдашняго здоровья, спокойствія душевнаго и счастія. Я же прошу у Бога дать мнѣ силы и возможность доставить вамъ утѣшеніе, котораго такъ долго вы отъ меня не имѣли еще.

Къ ней же.

Октября 10 (1830).

Посылаю вамъ безцѣннѣйшая маминька, три слѣдующія книжки »Отечественныхъ Записокъ«. Въ нихъ, однакожъ, выключая развѣ нѣкоторыхъ, мало занимательныхъ статей, предупреждаю васъ, чтобы и не искали тамъ чего-нибудь моего, потому что я уже съ давняго времени не участвую въ семъ журналѣ, какъ потому, во-первыхъ, что занятія мои по службѣ увеличились, такъ

и потому, что мной, въ остающееся мнѣ свободное время, овладѣваетъ общая всѣмъ почти Малороссіянамъ, проклятая лѣнь, съ которой доселѣ я былъ въ непримиримой враждѣ и которая, кажется, нынѣ смѣется надъ моимъ усиліемъ преодолѣть ее.

Наконецъ нашъ добрый благодѣтель Андрей Андреевичъ выѣхалъ, къ крайнему моему сожалѣнію, изъ Петербурга въ прошлую середу, 8-го числа сего мѣсяца. Теперь никого близкаго мнѣ не осталось: здѣшнихъ знакомыхъ какъ-то всё почитаешь чужими; и потому-то мнѣ вдвое грустнѣе показалось послѣ ихъ отъѣзда. Прибѣгнуть въ случаѣ нужды не къ кому; узнать объ васъ, въ случаѣ вашего по какому-нибудь случаю молчанія, не отъ кого. Это одно опечаливаетъ меня. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, что Андрей Андреевичъ поѣхалъ не на Москву, какъ прежде думалъ, но на Кіевъ, и намѣренъ зимовать въ Кагорлыкѣ. Печалитъ меня еще слишкомъ болѣзнь моей доброй сестрицы Машиньки.

Ради Бога, милая сестрица моя, береги свое здоровье, старайся, сколько можно, отдалять отъ себя печальныя мысли и воображай себѣ безпрестанно такъ, какъ я, что онѣ таки придутъ, тѣ благословенныя времена, когда мы будемъ снова всѣ вмѣстѣ и уже въ полномъ довольствѣ, когда ты увидишь не того причудливаго и своенравнаго брата, который такъ часто оскорблялъ тебя, но кроткаго, признательнаго, котораго нужды и опытъ переродили совершенно и сдѣлали другимъ человѣкомъ; и мы тогда станемъ вмѣстѣ служить нашей несравненной, единственной маминькѣ, предупреждая малѣйшія желанія; и, можетъ быть—Богъ милостивъ, Онъ, вѣрно, намъ поможетъ въ томъ — доставимъ утѣшенія и истребимъ у нея изъ памяти тѣ годы печалей, которыя наносилъ я чувствительному ея сердцу. Ты, вѣрно, безцѣнная моя сестрица, напишешь мнѣ нѣсколько словъ о себѣ, чтобы я удостовѣрился въ твоемъ здоровьѣ. Давно уже я не получалъ отъ тебя писемъ.

Къ ней же.

Декабря 19 дня, 1830.

Чувствительно благодарю васъ, почтеннѣйшая маминька, за присланныя вами деньги сто рублей. Вѣрьте, что я знаю имъ цѣну:

могу ли я что-либо изъ нихъ употребить на ненужное, когда на каждой изъ сихъ ассигнацій читаю я тѣ величайшіе труды, съ которыми онѣ достаются вамъ? Давно уже меня занимаетъ одна и та же мысль—доставить вамъ въ этомъ отношеніи облегченіе. Мои удвоившіеся труды, мои успѣшныя занятія и лестное вниманіе ко мнѣ, все заставляетъ меня думать, что участь моя, къ моему и вашему удовольствію, перемѣнится, и въ наступающемъ 1831 году, съ которымъ заблаговременно поздравляю васъ, желая счастія и всегдашняго здоровья, предвижу я для себя много хорошаго. Будьте спокойны на мой счетъ и не слушайте никакихъ глупостей, разносимыхъ ничтожными людьми. Прежде нежели вы рѣшитесь вѣрить человѣку, разсмотрите напередъ его внимательнѣе, достоинъ ли онъ того, чтобы вѣрить ему. Человѣка, о которомъ вы говорите, я довольно хорошо знаю, хотя никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ. О моихъ *великихъ дарованіяхъ* и о *добромъ сердцѣ* онъ не имѣетъ никакого права говорить: о первыхъ онъ не имѣетъ понятія, второго не имѣлъ случая узнать. Если же онъ называетъ меня *чудакомъ*, потому что я избѣгалъ короткаго обхожденія съ нимъ, то этакого чудака онъ долженъ встрѣтить во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Занятій же у меня такъ много, что мнѣ рѣдко достается переговорить даже съ тѣми людьми, которыхъ я истинно уважаю, и потому мнѣ некогда было удѣлять времени *собакамъ*. Но чтобы рѣшиться сдѣлать подобный глупый поступокъ съ К****, для этого нужно быть человѣкомъ, просто, сумашедшимъ, или неполучившимъ совершенно никакого образованія. Если бы я даже не былъ знакомъ съ К****, я бы и тогда не отказалъ ему въ уваженіи, зная его достоинства и услуги, оказанныя имъ своему отечеству. Если бы вовсе незнакомый человѣкъ поклонился мнѣ, хотя бы даже это былъ простой ремесленникъ, или слуга, я бы отплатилъ ему тѣмъ же, потому что этого требуютъ правила учтивости и вѣжливости. Мнѣ очень больно, что я принужденъ вамъ говорить объ этомъ человѣкѣ, потому что я не люблю разславлять худого про кого бы то ни было; но вы сами заставили меня. Я отвѣчалъ сначала молчаніемъ на расспросы о немъ сестрицы моей и вовсе не хотѣлъ говорить о немъ. Когда онъ у меня просилъ письма къ вамъ, при отъѣздѣ своемъ отсюда [гдѣ онъ такъ славно окончилъ

карьеръ свой], я не далъ ему, потому что въ письмѣ долженъ бы былъ рекомендовать вамъ его съ хорошей стороны и въ послѣдствіи вы бы, можетъ быть, пѣняли на меня, что я доставилъ вамъ такое знакомство. Теперь вы имѣете случай узнать его сами и увидѣть, что онъ за цаца.

Всѣ эти сплетни отъ такихъ людей мнѣ столько же приносятъ неудовольствія, сколько можетъ принесть его неважное ни для кого происшествіе. Но мнѣ больно то, что вы сами, маминька, обо мнѣ говорите худое. Я здѣсь разумѣю письмо ваше, писанное вами предъ этимъ. Вы мнѣ приписываете тѣ сочиненія, которыхъ бы я никогда не призналъ своими ни за какія деньги. Зачѣмъ марать мое доброе, еще незапятнанное ничѣмъ имя? Если вы такъ мало знаете меня, что нашли въ этихъ сочиненіяхъ мой духъ, мой образъ мыслей, то вы слишкомъ худого мнѣнія обо мнѣ. Неужели я заслужилъ его отъ васъ? Вы бы по крайней мѣрѣ обратились къ какому-нибудь человѣку, которому извѣстенъ ходъ нашей литературы; тотъ бы вамъ сказалъ, что отрывки изъ комедіи »Свѣтскій Бытъ« были помѣщаемы три года назадъ тому, когда я былъ еще въ Нѣжинѣ, въ журналахъ и альманахахъ, съ полною подписью автора: *Павелъ Свиньинъ,* отъ котораго я получилъ и романъ: »Якубъ Скупаловъ«. Сфера дѣйствія этого романа во глубинѣ Россіи, гдѣ до сихъ поръ еще и нога моя не была. Если бы я писалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, то, вѣрно бы, я избралъ для этого Малороссію, которую я знаю, нежели страны и людей, которыхъ я не знаю ни нравовъ, ни обычаевъ, ни занятій. Но главное — скажите: встрѣтили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мнѣ? Третью же, самую глупѣйшую статью я принужденъ былъ теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего въ этомъ лоскуткѣ бумаги? и я, посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости! унижусь до того, чтобы описывать презрѣнную жизнь какихъ-то низкихъ тварей, и такимъ площаднымъ, вялымъ слогомъ! буду способенъ на такое низкое дѣло, буду столько неблагодаренъ, черенъ душою, чтобы позабыть мою рѣдкую мать, моихъ сестеръ, моихъ родственниковъ, жертвовавшихъ для меня послѣднимъ для какой-нибудь дѣвчонки! Даже имя,

подписанное подъ этою статьею, не похоже на мое: тамъ, если не ошибаюсь, написано *В. Б—въ*. Зная, что вы мнѣ не повѣрите безъ доказательства [я не знаю, чѣмъ я утратилъ ваше ко мнѣ довѣріе; я вамъ говорилъ, что вы не встрѣтите въ посылаемомъ вамъ журналѣ ничего моего; вы мнѣ не повѣрили], я старался всѣми силами узнать имя автора этой піесы, и наконецъ узналъ, что съ моей стороны и не хорошо, потому что авторъ самъ, можетъ быть, чувствовалъ глупость этой статьи и не выставилъ полнаго своего имени, а я принужденъ объявить: это нѣкто В. Б***, служащій здѣсь, говорятъ, даже хорошій молодой человѣкъ.

Но чувствую, что я заговорился много объ пустякахъ, и мое оправданье походитъ даже нѣсколько на выговоръ. Простите, великодушная моя маминька, оскорбленному нѣкотораго рода самолюбію, которое таится у всякаго человѣка и заставляетъ его защищать себя отъ часто несправедливо возводимыхъ худыхъ качествъ. Вѣрьте, безцѣнная маминька, единственный правдивый другъ мой [я думаю, что я долженъ называть васъ другомъ; я думаю, никто въ мірѣ не счастливѣе меня, имѣя такое неоцѣненное благо], что всѣ мои желанія, всѣ мои мысли ограничиваются доставленіемъ вамъ утѣшенія и забвенія всѣхъ угнетавшихъ васъ горестей.

Съ каковыми чувствами и пребуду вѣкъ вашимъ послушнѣйшихъ и нѣжно васъ любящимъ сыномъ.

Николай Гоголь.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, другъ мой, за твою приписочку и за воспоминаніе частое обо мнѣ. Я не знаю только, почему ты думаешь, какъ о несбыточной вещи, о нашемъ свиданіи. Вѣрь, милый другъ мой, что мы непремѣнно увидимся съ тобою, и раньше, нежели ты думаешь. Если только я буду имѣть возможность пріѣхать домой къ вамъ на свой счетъ, не доставя вамъ никакихъ издержекъ, то это будетъ мое первое дѣло и долгъ—поблагодарить васъ лично за ваши великодушныя пожертвованія для меня. Не могу тебѣ объяснить, какъ я радъ счастью милой и доброй сестрицы нашей Александры Өедоровны. Отъ всей души желаю ей продолженія его на всю жизнь. Она его достойна, по своей доброй, кроткой и пре-

красной душѣ. Подарокъ мой, моя милая сестрица, носили ли бы его, или нѣтъ, я всегда буду носить на себѣ, если тебѣ только вздумается прислать его.

Цѣлую несчетно моихъ прелестныхъ сестрицъ и горю нетерпѣніемъ видѣть ихъ. Бабубкамъ, дѣдушкѣ, всѣмъ родственникамъ, знакомымъ и всѣмъ, кто только помнитъ обо мнѣ, поклонъ.

Къ ней же.

Февраля 10 дня, 1831. С. Петербургъ.

Письмо ваше, пущенное вами отъ 15-го января, я получилъ третьяго дня; во всемъ, даже въ требованіи вашемъ увѣдомить о г. Ш***, видна нѣжная ваша материнская заботливость обо мнѣ но, къ величайшему сожалѣнію, вашихъ приказаній въ точности я не въ состояніи теперь выполнить. Случай свелъ меня еще въ началѣ прошлаго 1830 года [въ январѣ, или въ февралѣ мѣсяцѣ, не помню] съ однимъ изъ племянниковъ Григорія Ильича. Отъ него узнавши о мѣстопребываніи его, я не замедлилъ навѣстить его. Онъ еще въ то время былъ одинъ изъ числа 7 откупщиковъ, взявшихъ на себя городъ Петербургъ. Откупщики эти не получили никакихъ совершенно выгодъ; въ разговорѣ, однакожъ, со мною онъ старался не давать этого замѣтить. Мнѣ странно только было найти въ этомъ человѣкѣ, можно сказать, изжившемъ всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности и то, что, съ своимъ, повидимому, добрымъ сердцемъ, успѣлъ надѣлать столько непріятностей другимъ. Послѣ я узналъ уже стороною, что онъ находился все это время подъ арестомъ и ему запрещенъ былъ вовсе изъ дому выѣздъ. Бывшіе съ нимъ въ короткихъ связяхъ говорятъ, что онъ никогда даже не былъ въ хорошихъ обстоятельствахъ и, при рѣдкомъ счастіи, всегда бывалъ почти самъ причиною его утраты. Впрочемъ одинъ поступокъ тотъ, посредствомъ котораго онъ помогъ роднымъ своимъ, извиняетъ его много. Удастся ли ему уберечь что-нибудь для дѣтей? Долгъ у него въ нѣсколько разъ превышаетъ имѣніе. Теперь я его не видалъ, потому что не могъ отыскать: нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ съѣхалъ съ своей

квартиры, — куда за чѣмъ и какъ, никто не знаетъ. Петербургъ взятъ на откупъ въ семъ году какою-то Остзейскою компаніею.

На-счетъ дѣла г-жи К**** удовлетворительнаго ничего не могу сказать. Одна только сильная протекція могла бы сдѣлать что-нибудь въ ея пользу, но и то не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ ея нынѣшнія. Вамъ, я думаю, извѣстно, что коммиссія построенія храма въ Москвѣ уничтожена по причинѣ страшныхъ суммъ, истраченныхъ ея чиновниками. Всѣ они находятся едва ли до сихъ поръ не подъ слѣдствіемъ; слѣдовательно не только не въ правѣ требовать себѣ пенсіи, но даже могутъ ожидать непріятностей. Впрочемъ Государь милостивъ. Если бы она нашла себѣ другой какой предлогъ требовать, можетъ быть, тогда было бы это успѣшнѣе. Въ томъ, или другомъ случаѣ, не совѣтуйте ей слишкомъ надѣяться и ожидать многаго. Если и получитъ успѣхъ, пусть лучше успѣхъ этотъ будетъ для нея неожиданный. Ничего нѣтъ хуже и горестнѣе для человѣка несбывшихся надеждъ.

О себѣ скажу, что мои обстоятельства идутъ, чѣмъ далѣе, лучше и лучше: все поселяетъ въ меня надежду, что если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году, я буду уже въ возможности содержать себя собственными трудами; по крайней мѣрѣ основаніе положено изъ самаго крѣпкаго камня. Только я васъ теперь сильно потревожу убѣдительной просьбою о присылкѣ двухъ сотъ пятидесяти рублей. Это составитъ половину слѣдуемой мнѣ суммы въ нынѣшнемъ году [въ теперешнемъ году мнѣ нужно отъ васъ получить только 500]. Въ іюнѣ мѣсяцѣ попрошу у васъ остальную половину, и это требованіе, надѣюсь, будетъ послѣднее. Если вамъ можно будетъ теперь собрать такую сумму, то я васъ прошу усерднѣйше, почтеннѣйшая маминька, прислать мнѣ ихъ немедленно.

Письмо ваше меня обрадовало тѣмъ, что изъ него увидѣлъ я, что мѣста наши, слава Богу, благополучны. Вѣрьте, что Богъ ничего намъ не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія. Источникъ ихъ находится въ собственномъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастіе. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое

время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкой царь могъ имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства. Весь этотъ годъ будетъ болѣе ничего, какъ только утвержденіе мое, укрѣпленіе на мѣстѣ, обезпеченіе отъ всѣхъ нуждъ; и потому весь этотъ годъ я не могу и не долженъ даже на время оставлять поста своего, слѣдовательно долженъ даже отложить надежду на радостное свиданіе съ вами; но въ слѣдующемъ году вы прижмете къ нѣжной материнской груди вашей жарко любящаго васъ сына...

Мою безцѣнную сестрицу не знаю, какъ благодарить за ея подарокъ. Если со временемъ представится мнѣ случай принесть благодарность существенную, то этотъ случай будетъ уже для меня неизъяснимая радость; а до того, цѣлуя ее нѣсколько разъ, желаю ей всего хорошаго и главное — не измѣняться въ своихъ чувствахъ къ вѣчно любящему ее брату.

Живите какъ можно веселѣе, прогоняйте отъ себя непріятности, по крайней мѣрѣ не смущайтесь ими: все пройдетъ, все будетъ хорошо. Неужели вы не замѣчаете чудной воли высшей? Все это дѣлается единственно для того, чтобы мы болѣе поняли послѣ свое счастіе. Мысль моя всегда съ вами. За чайнымъ столикомъ, за обѣдомъ я невидимкой сижу между вами, и если вамъ весело слишкомъ бываетъ, это значитъ, что я втерся въ кругъ вашъ; и потому, если вы хотите побольше бесѣдовать и быть со мною, вы должны непремѣнно побольше веселиться.

Разцѣлуйте моими устами всѣхъ трехъ моихъ красавицъ-сестрицъ и попросите у нихъ великодушнаго извиненія за мою недогадливость — до сихъ поръ не прислать имъ даже къ новому году подарка, за которую мстятъ онѣ до сихъ поръ упорнымъ молчаніемъ.

Къ ней же.

С. Петербургъ. 16 апрѣля, 1831.

Благодарю васъ, добрая и почтеннѣйшая маминька, за присланныя вами деньги. Чувствую, сколькихъ трудовъ стоило вамъ собрать ихъ, и заранѣ радуюсь, предвидя впереди возможность нѣсколько вознаградить васъ. Я вамъ обѣщалъ въ этомъ году потребовать отъ васъ 500 рублей, какъ послѣдніе; послѣ чего, я уже не буду имѣть права просить у васъ; и это обѣщаніе выполнилъ бы непремѣнно, хотя бы обстоятельства мои и не приняли теперешняго оборота. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я ожидаю снова отъ васъ двухъ сотъ пятидесяти рублей, послѣ чего будьте совершенно спокойны. Въ 1832 году буду имѣть возможность пріѣхать къ вамъ, не принесши вамъ никакихъ издержекъ; а въ 33, въ свою очередь, помочь вамъ. Правда, долго, но нечего дѣлать; нужно имѣть твердость и терпѣнье всегда при себѣ.

Я было вздумалъ захворать геморроидами и почелъ ее Богъ знаетъ какою опасною болѣзнію. Но послѣ узналъ, что нѣтъ въ Петербургѣ ни одного человѣка, который бы не имѣлъ ея. Доктора́ совѣтовали мнѣ меньше сидѣть на одномъ мѣстѣ. Этому случаю я душевно былъ радъ оставить чрезъ то ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной Богъ знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ. Я могъ бы остаться теперь безъ мѣста, если бы не показалъ уже нѣсколько себя. Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, что лекціи мои мало-помалу заставляютъ говорить обо мнѣ и главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаю теперь 6, между тѣмъ какъ жалованье даже немного болѣе; вмѣсто глупой безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія мои теперь составляютъ неизъяснимыя для

души удовольствія. Осенью поступитъ ко мнѣ Екатерининскій институтъ и еще два заведенія; тогда я буду занимать 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо болѣе теперешняго. Но между тѣмъ занятія мои, которыя еще бо́льшую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнаткѣ: для нихъ теперь времени много.

Но я наскучилъ вамъ разсказами объ себѣ. Человѣкъ, какъ, кажется, съ виду ни исполненъ самоотверженія, а всегда на дѣлѣ эгоистъ, всегда охотнѣе заговаривается о себѣ самомъ. Всегда ли вы бываете здоровы? Ради Бога, веселитесь побольше: это одно, и самое вѣрное, лекарство противъ всѣхъ болѣзней. А мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ домашнемъ кругу столько можно найти удовольствій и веселости, какихъ не представитъ ни одна столица; нужно только умѣть находить ихъ. Трудъ, но только спокойный, полезный, безъ хлопотъ, суетливости и поспѣшности, всегда имѣетъ неразлучную себѣ сопутницу — веселость. Я не знаю, какъ могутъ люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названія людей. Я теперь болѣе, нежели когда-либо тружусь, и болѣе, нежели когда-либо веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее... Но я опять заговорилъ о себѣ.

Опасайтесь какъ можно болѣе людей, которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ, особливо, если они успѣли запятнать себя дурными поступками, мотовствомъ и совершеннымъ незнаніемъ хозяйства, не смотря на свою всегдашнюю хвастливость. Если у васъ есть кому заняться на досугѣ, я бы очень желалъ имѣть планъ нынѣшняго двора нашего, конюшень. Какъ пріѣду, ничего не узнаю: все новое для меня. Планъ этотъ можно сдѣлать просто карандашомъ, не наблюдая слишкомъ точной вѣрности; также теперешній фасадъ дома. Какова-то, думаю часто, комната для моего пріѣзда! Вы ничего не сказали о внутреннемъ убранствѣ дома, достоинство котораго должна быть наивозможнѣйшая простота и дешевизна. Наши помѣщики большею частію заражены всѣ какимъ-то Восточнымъ великолѣпіемъ: держатъ кучу прислужниковъ, покупаютъ продукты, которые весьма можно замѣнить домашними, и дивятся, что не удаются имъ прожекты и новыя предпріятія, когда они между тѣмъ не умѣютъ завести порядка

въ своемъ дворѣ и домѣ, не умѣютъ сдѣлать такъ, чтобы расходъ не превышалъ прихода. Это все равно, если бы кто, сложивъ на живую нитку кое-какъ фундаментъ, началъ бы наономъ выводить огромныя стѣны зданія и послѣ сталъ бы сердиться, что оно валится. О, домоводство великое дѣло! Я бы непремѣнно послалъ многихъ помѣщиковъ учиться въ Петербургъ. Они бы увидѣли, какъ всѣмъ огромнымъ дворомъ и домомъ управляетъ одинъ человѣкъ, и все въ величайшемъ порядкѣ, какъ знатные люди знаютъ совершенно все, что дѣлается въ имѣніяхъ ихъ, издерживаютъ менѣе многихъ незнатныхъ и въ кругу своего семейства гораздо болѣе находятъ удовольствія, нежели въ клубахъ и балахъ. Не удивительно, что богатство ихъ возрастаетъ безпрестанно.

Болѣе всего удивлялся я уму здѣшнихъ знатныхъ дамъ [лестнымъ для меня дружествомъ нѣкоторыхъ мнѣ удалось пользоваться]. Онѣ, можно сказать, еще вдвое образованнѣе мужей своихъ. Никогда не думалъ я, чтобы женщина [исключеніе я прежде дѣлалъ для однѣхъ васъ только], чтобы женщина могла имѣть столько самоотверженія, столько любви къ своимъ дѣтямъ, чтобы, отказываясь отъ всѣхъ посѣщеній и даже зазывовъ во дворецъ, посвящать и проводить съ ними все время. И это здѣсь дѣлаетъ большая часть изъ нихъ. Я часто думаю, что, если бы одна изъ нихъ рѣшилась на время пріѣхать въ Малороссію пожить, она бы тотчасъ прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понялъ, какой драгоцѣнный бриллiантъ переселился къ нимъ. Нигдѣ столько не скупы на знакомство, какъ здѣсь. Кругъ знакомыхъ всегда бываетъ тѣсенъ; но зато знакомые всѣ соединены между собою неразрывно, зато знакомые выбираются съ величайшею разборчивостью, такъ чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ въ тягость и каждый могъ доставить пріятное и полезное общество.

Кстати о знакомыхъ. Здоровы ли наши добрые сосѣди, безцѣнная сестрица Марія, а также сестрица Александра Ѳедоровна, мои красавицы Лиза и Анна? Кажется, я когда-то писалъ вамъ извѣстить меня о дѣлахъ Петра Ѳедоровича Цуревскаго. Пошелъ ли его заводъ въ прокъ? Я чрезвычайно любопытенъ знать состояніе земляковъ нашихъ, которыхъ безпрестанныя разоренія имѣній чрезвычайно трогаютъ меня. Часто на досугѣ раздумываю о средствахъ,

какія могутъ найтиться для того, чтобы вывесть ихъ на прямую дорогу, и если со временемъ удастся что-нибудь сдѣлать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ...

Всѣмъ роднымъ и знакомымъ поклонъ. Извините, что не присылаю книгъ теперь. При слѣдующемъ письмѣ надѣюсь поправить этотъ пропускъ. Сестрицѣ Маріи не пишу потому...(1).

Къ ней же.

28 апрѣля, 1831.

Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вѣстникъ о моемъ прибытіи на слѣдующій годъ...

Къ ней же.

9 іюня, 1831 г. С. Петербургъ.

Письмо ваше отъ 9 мая я получилъ. Благодарю васъ зато, что ѣли пирогъ на моихъ имянинахъ и желали совокупно мнѣ здоровья. Я самъ бы очень радъ былъ провесть этотъ день съ вами,— тѣмъ болѣе, что совершенно не помню, когда мы проводили его вмѣстѣ. Да, какъ кажется, что я весною никогда почти не бывалъ съ вами. Это случалось большею частью или лѣтомъ, или зимою, и потому я не могу даже сказать, что видѣлъ весну; здѣсь же ея не бываетъ совсѣмъ. Въ маѣ было тепло, но такъ тепло, какъ лѣтомъ. Теперь же, то есть, 9 іюня, такъ холодно, какъ въ октябрѣ. Что вамъ сказать болѣе? Новостей нѣтъ никакихъ, выключая развѣ той, что я въ будущемъ мѣсяцѣ, можетъ быть, увижусь съ вами, разумѣется, если ничто непомѣшаетъ; впрочемъ не совѣтую вамъ слишкомъ предаваться надеждѣ: очень можетъ случиться, что я васъ и обману.

Письма до времени пріостановитесь ко мнѣ писать, потому что я живу теперь на дачѣ и доставлять мнѣ очень трудно. Въ слѣдующемъ письмѣ я вамъ пришлю свой адресъ, когда узнаю на-

(1) Конецъ письма потерянъ. *П. К.*

вѣрно, что мнѣ, противъ чаянія, не доведется свидѣться съ вами. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но ваше предчувствіе удивительный пророкъ...

Къ ней же.

іюля 4, 1831 г.

Я еще не получилъ отъ васъ ни одного письма, писаннаго вами въ іюнѣ мѣсяцѣ. Приписывая это не чему другому, какъ только безпрестаннымъ заботамъ, я спокоенъ. Не знаю только, получили вы мои письма, тоже недавно мною писанныя. Теперь я принялся за перо для того только, чтобы извѣстить васъ о перемѣнѣ моей квартиры. Когда будете писать, то адресуйте: въ Малую Морскую, въ домѣ Лепеня, подъ № 97...

Къ ней же.

1831 г., 27 іюля. Павловскъ.

Ради Бога, порадуйте меня, маминька, хоть строчкой вашей руки! Я въ совершенномъ недоумѣніи и не знаю, что это значитъ, что не получаю до сихъ поръ отъ васъ письма. Вы упрекаете меня лѣностью, а между тѣмъ, теперь я могу напомнить вамъ о ней. Нынѣшнія всеобщія несчастія заставляютъ меня дрожать за безцѣнное здоровье ваше. Извѣстите меня скорѣе. Холера теперь почти повсемѣстна, и нашъ Петербургъ не избѣжалъ отъ ней. Слава Богу, что она теперь не такъ опасна, и здѣшніе доктора весьма многихъ вылечиваютъ. У насъ въ Павловскѣ все спокойно, и я намѣренъ не выѣзжать отсюда до тѣхъ поръ, покамѣстъ и въ Петербургѣ не будетъ все спокойно.

Прощайте, безцѣнная маминька, не забывайте, ради Бога, всегда васъ любящаго сына, для котораго ничего не можетъ быть въ мірѣ дороже вашего здоровья.

Н. Гоголь.

Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село, такъ: Его высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. А васъ прошу отдать Н. В. Гоголю.

Къ ней же.

С. Петербургъ. Августа 21, 1831 г.

Уже около недѣли живу я въ Петербургѣ. Слава Богу, живъ и здоровъ. О болѣзни совсѣмъ и не слышно. Всѣ веселятся. Письмо ваше съ деньгами я наконецъ получилъ; виноватъ, записку а не письмо. Посылаю вамъ книжку, маминькѣ ридикуль, дѣтямъ конфектовъ. Всего по каплѣ, сколько мнѣ было можно. Книжка вамъ будетъ пріятна, потому, что въ ней вы найдете мою статью, которую я вамъ писалъ, бывши еще въ Нѣжинской гимназіи. Какъ она попала сюда, я никакъ не могу понять. Издатели говорятъ, что они давно ее получили при письмѣ отъ неизвѣстнаго, и если бы прежде знали, что моя, то не помѣстили бы, не спросивши напередъ меня, и потому я прошу васъ не объявлять ея моею никому; сохраняйте ее для себя. Пріятно похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ, но тѣмъ, что̀ носитъ на себѣ печать младенческаго несовершенства, не совсѣмъ пріятно. Она подписана четырмя *оооо*.

Къ ней же.

С. Петербургъ. 19 сентября, 1831 г.

Поздравляю васъ, безцѣнная и несравненная маминька, съ радостнымъ днемъ вашего ангела; желаю вамъ провесть его въ полномъ удовольствіи. Очень жалѣю, что не могу прислать вамъ хорошаго подарка. Но вы и въ бездѣлицѣ видите мою сыновнюю любовь къ вамъ, и потому я прошу васъ принять эту небольшую книжку (1). Она есть плодъ отдохновенія и досужихъ часовъ отъ трудовъ моихъ. Она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ Государыни; надѣюсь, что и вамъ также принесетъ она она сколько-нибудь удовольствія, и тогда я уже буду счастливъ. Будьте здоровы и веселы, и считайте всѣ дни не иначе, какъ именинами, въ которыя должны находиться всегда въ веселомъ расположеніи духа. . .

(1) Это былъ первый томъ »Вечеровъ на Хуторѣ«. *П. К.*

Поздравляю тебя, моя милая сестрица, съ радостнымъ для насъ обоихъ днемъ, и желаю тебѣ также быть здоровою и веселою. У меня есть къ тебѣ просьба. Ты помнишь, милая, ты такъ хорошо было-начала собирать Малороссійскія сказки и пѣсни, и, къ сожалѣнію, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мнѣ оно необходимо нужно. Еще прошу я здѣсь же маминьку, если попадутся гдѣ старинные костюмы Малороссійскіе, собирать всѣ для меня. Если владѣльцы будутъ требовать за нихъ дорого, пишите ко мнѣ; я постараюсь собрать и выслать нужныя деньги. Я помню очень хорошо, что одинъ разъ въ церкви нашей мы всѣ видѣли одну дѣвушку въ старинномъ платьѣ. Она, вѣрно, продастъ его. Если встрѣтите гдѣ-нибудь у мужика старинную шапку, или платье, отличающееся чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, хотя бы даже оно было изорванное, пріобрѣтайте. Также нынѣшній мужскій и женскій костюмъ, только хорошій и новый. Все это складывайте въ одинъ сундукъ, или чемоданъ, и при случаѣ, когда встрѣтится оказія, можете переслать ко мнѣ. Но, такъ какъ это не къ-спѣху, то вамъ будетъ довольно времени для собранія. А сказки, пѣсни, происшествія можете посылать въ письмахъ, или небольшихъ посылкахъ.

Къ ней же.

1831 года, октября 9. С. Петербургъ.

Я, маминька, получилъ письмо ваше, писанное вами 28 августа ко мнѣ въ Павловскъ, и получилъ уже давно; но всё ожидалъ, не будете ли вы мнѣ отвѣчать на которое-нибудь изъ писемъ, писанныхъ мною изъ Петербурга; но, не дождавшись ни на одно отвѣта, пишу къ вамъ, чтобы вы не укоряли меня снова въ не аккуратности. Не лучше ли будетъ, если мы, переставъ укорять неисправность почтъ и проч. и проч., заведемъ такъ, чтобы тотчасъ по полученіи письма писать отвѣтъ, не откладывая ни минуты ни для какихъ дѣлъ. Если недосугъ, то хоть двѣ строки. Меня очень опечалили ваши заботы и безденежье; но потерпимъ покуда: теперь уже мало остается терпѣть намъ. Я повторяю снова: не безпокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слиш-

комъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы уже совершенно пристроили. Онъ вамъ больше уже ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать съ него, можетъ быть, и проценты. О Машинькѣ также не печальтесь: какъ-нибудь соберемъ приданое. Что же касается до маленькихъ сестрицъ, то онѣ, можетъ быть, лучшее получать воспитаніе, нежели мы. Если бы вы знали, моя безцѣнная маминька, какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы, вѣрно, радовались, что ваши дочери родились въ нынѣшнее время. — — Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтѣ, и вовсе не выходятъ тѣми вѣтреными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты. — — Два здѣшніе института, Патріотическій и Екатерининскій, самые лучшіе, и въ нихъ-то, будьте увѣрены, что мои маленькіе сестрицы будутъ помѣщены. Я всегда, хотя долго, но достигалъ своего намѣренія и твердо увѣренъ, что, съ помощью Божіею, достигну и въ этомъ.

Сдѣлайте милость, составьте мнѣ подробную записку нашего долга въ казну: въ какомъ году занято сколько и когда уплачено, сколько остается, и проч. Я до сихъ поръ не имѣю объ немъ свѣдѣнія настоящаго. Директоръ опекунскаго совѣта мнѣ знакомъ, и мнѣ, можетъ быть, очень бы легко удалось склонить его къ отсрочкѣ. Но я не знаю, какъ приступить къ этому, не зная даже году, въ которомъ взяты деньги, не вѣдая ни имени, ни количества остающихся и взятыхъ денегъ. А безъ этого трудно и отыскать это дѣло.

Къ ней же.

1831 года, октября 17. С. Петербургъ.

Къ большому моему удовольствію я получилъ письмо ваше, писанное вами отъ 30 сентября. Очень радъ, что вамъ пришлись очень кстати посланныя мною бездѣлицы и сожалѣю только, что

не въ состояніи послать вамъ лучшаго. Но чего теперь не сдѣлаю, то сдѣлаю послѣ. Я упрямъ и всегда люблю настаивать на своемъ, хотя бы тысячи препятствій лѣзло мнѣ въ глаза. Посылаю, однакожъ, теперь то, что̀ можно мнѣ было послать: собственно для васъ хозяйственный ридикуль и перчатки, а для сестры браслеты и пряжку.

Я здоровъ, спокоенъ, не грущу ни о чемъ и желаю, чтобъ вы находились въ такомъ же состояніи. Напишите, какой цвѣтъ идетъ больше къ лицу вамъ и сестрѣ. Это не мѣшаетъ знать на всякой случай, особливо когда случатся у меня лишнія деньги. Также пришлите мнѣ мѣрку съ ногъ вашихъ: я знаю, что у васъ совсѣмъ нельзя достать хорошихъ башмаковъ; они же притомъ такъ непрочны, но здѣшніе вамъ станутъ, вѣрно, надолго...

Мой поклонъ всѣмъ роднымъ и добрымъ знакомымъ.

Къ ней же.

С. Петербургъ. 1831 года, октября 30.

Письмо ваше, маминька, писанное вами отъ 9 октября я получилъ. Радъ, что понравилась вамъ книга [1]. Смѣшно только мнѣ, что вы бережете пряникъ. Воображаю, въ какомъ искушеніи находятся мои сестрицы, когда вы отпираете комодъ. Сдѣлайте милость, сдѣлайте ихъ соучастницами въ наслажденіи пряникомъ не одними глазами. На память же этого, къ стыду моему, рѣдкаго случая, вы можете держать заглавный листокъ, который вамъ такъ понравился. Болѣе всего я радъ тому, что вы теперь нѣсколько успокоились. Развѣ вы не видите теперь, что Богъ васъ особенно любитъ за прекрасную вашу душу? Не всегда ли, когда вы уже думали, что находитесь въ самомъ критическомъ положеніи, Онъ неожиданно посылалъ вамъ помощь? Теперь Онъ подвигнулъ Андрея Андреевича помочь вамъ; на слѣдующій годъ, можетъ быть, доставитъ мнѣ это благополучіе. Итакъ вы видите, что намъ должно быть бодрыми, дѣятельными, вмѣстѣ трудиться и веселиться.

Принесите Аннѣ Матвѣевнѣ и отъ меня благодарность за ея

(1) »Вечера на Хуторѣ«. *П. К.*

прекрасный постунокъ, съ желаніемъ прожить ей лѣтъ двадцать, и будьте сами здоровы...

Да что не пишутъ ко мнѣ маленькія сестрицы? неужели онѣ до сихъ поръ не умѣютъ писать? Если же онѣ будутъ писать ко мнѣ, то, сдѣлайте милость, ни вы, ни сестра, не диктуйте имъ ничего. Пусть сами отъ себя пишутъ, что имъ вздумается. Чѣмъ больше будетъ у нихъ вздору, тѣмъ это пріятнѣе и любопытнѣе для меня. Нѣтъ ничего несноснѣе, когда дитя умничаетъ, или его заставляютъ умничать.

Къ А. С. Данилевскому.

»Ноября 2 (1831). СПб.

Вотъ оно какъ! пятой мѣсяцъ на Кавказѣ и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, еслибы *Купидо сердца не подогнало лозою* (1). Впустили молодца на Кавказъ!

Ой ли́хо закаблу́камъ, достанетця й передамъ!

Знаешь ли, сколько разъ ты, въ письмѣ своемъ, просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шесть разъ: два раза съ начала, два въ срединѣ да два при концѣ. Ге, ге, ге! дѣло далеко зашло! Я, однакожъ, тотъ же часъ рѣшился исполнить твою просьбу. Для этого довольно бы тебѣ разъ упомянуть. Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти (2) требовали непремѣнно, что(бъ) я поименовалъ великодушную смертную, для которой такъ хлопочу. Какъ мнѣ поименовать, когда я самъ не знаю, кто она? Я сказалъ только, что средоточіе любви моей согрѣваетъ ледовитый Кавказъ и бросаетъ на меня лучи косвеннѣе сѣвернаго солнца. Какъ бы то ни было, только забралъ все, что было лучшаго въ здѣшнихъ магазинахъ. Французскіе кадрили въ большой модѣ здѣсь Титова. Однакожъ я посыл(аю) тебѣ и Россини нѣсколько Французск(ихъ) романсовъ, Русскихъ новыхъ пѣсень, всего на тридцать рублей. Да что за вздоръ такой ты мелешь, что пришлешь мнѣ деньги

(1) Изъ комедіи Княжнина: »Кутерьма«:
»Купидо сердце мое, яко гоня лозою, подстрекаетъ«. *П. К.*

(2) Имена актрисъ. *П. К.*

послѣ? Къ чему это? Я тебѣ и безъ того долженъ 65 рублей. Я думалъ-было и на остальные набрать тебѣ всякой всячины — конфектъ и прочаго, да раздумалъ: можетъ быть, тебѣ что̀ нужнѣе будетъ. Ты пожалуста безъ церемоніи напиши, что̀ прислать тебѣ на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. Въ здѣшнихъ магазинахъ получено изъ-за моря столько дамскихъ вещей и прочаго, и все совершенное объѣденіе!

Порося мое давно уже вышло въ свѣтъ (1). Одинъ экземпляръ послалъ я къ тебѣ въ Соро́чинцы. Теперь, я думаю, Василій Ивановичъ совокупно съ любезнымъ зятемъ Егоромъ Львовичемъ его почитываютъ. Однакожъ, на всякой случай, посылаю тебѣ еще одинъ. Оно успѣло уже заслужить

» . . . . славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань.«

Въ Сорочинцы я тебѣ также отправилъ и Ольдекоповъ Словарь. Письмо твое я получилъ сегодня, то есть, 2 ноября [писанное тобою 18 октября]. Пишу отвѣтъ сегодня, а отправляю завтра. Кажется, исправно? Зато день хлопотъ. Это я для того тебѣ упоминаю, чтобы ты умѣлъ быть благодарнымъ и писалъ въ слѣдующемъ письмѣ подробнѣе. Напиши также, въ который день ты получишь письмо мое вмѣстѣ съ сею посылкою. Мнѣ любопытно знать, сколько времени оно будетъ по почтѣ идти къ тебѣ. Ну, извѣстное лицо города Пятигорска, болѣе сказать мнѣ тебѣ нечего. Вѣдь ты же самъ меня торопишь скорѣе отправлять письмо.

Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. — — Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей! У Пушкина повѣсть, октавами писанная: »Кухарка«, въ которой вся Коломна и Петербургская природа живая. Кромѣ того сказки Русскія народныя, — не то, что̀ »Русланъ и Людмила«, но совершенно Русскія. Одна писана даже безъ размѣра, только съ риѳмами, и прелесть невообразимая! У Жуковскаго тоже Русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстоп-

(1) »Вечера на Хуторѣ«. *П. К.*

ными стихами, и — чудное дѣло! — Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто Русской; ничего Германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! онѣ на дняхъ выйдутъ.

Ты мнѣ обѣщалъ описать прибытіе свое домой, пріемъ, встрѣчи и пр, и пр., да мнѣ кажется, что у тебя на квартирѣ и пера чинешнаго нѣтъ; только одинъ карандашъ, въ часы досуга, подмахиваетъ злодѣйское деревцо.

Прощай; будь здоровъ и любимъ, да не забывай твоего неизмѣннаго,

Гоголя.

Къ матери.

С. Петербургъ. 17 ноября, 1831.

Письмо ваше, пущенное вами отъ 28 октября, я получилъ 14-го сего мѣсяца. Чувствительно благодарю васъ, маминька, за ваше попечительное стараніе отыскивать для меня костюмы. Вы такъ уже и отведите нарочно для этого гардероба какой-нибудь просторный сундукъ, и все, чтò ни попадется, складывайте туда. »На чтò ему«, я думаю, поговариваетъ Домна Матвѣевна, »весь этотъ скарбъ?« — »То-то онъ еще съ-измалу былъ затѣйникъ!« прибавляетъ Олимпіада Ѳедоровна. »Они еще вмѣстѣ съ Симономъ, какъ пріѣзжали изъ Нѣжина, то выстругивали какой-то органъ изъ дерева.« Обо всемъ, чтò ни соберете вы, пришлете маленькую роспись, чтобы я зналъ, чтò такое именно у васъ находится. Жаль, что у насъ нѣтъ сосѣдей какихъ-нибудь старосвѣтскихъ людей: отъ нихъ бы, вѣрно, можно было посчечиться многимъ. Но насъ, какъ нарочно, сколько мнѣ помнится, окружаютъ модники и люди нынѣшняго свѣта, у которыхъ, кромѣ чепцовъ да фраковъ, ничего не увидишь, и намъ, старымъ людямъ, т. е. мнѣ и вамъ, маминька, не съ кѣмъ и слово завесть о старинѣ.

Очень досадно мнѣ, что дѣдушкѣ нанесена такая непріятность; но чтò жъ дѣлать? я и тогда предвидѣлъ, что съ этого дѣла не будетъ проку. Жалко мнѣ было только смотрѣть на его

заботы и безпокойства. Но теперь нужно успокоиться: почему знать? можетъ быть, это и къ лучшему. Кто можетъ постигнуть вышнія намѣренія? Не нужно поэтому и намъ сокрушаться. Сегодня ненастье, завтра будетъ хорошая погода.

Имѣете ли вы извѣстія объ Андреѣ Андреевичѣ? какъ онъ управляется въ своемъ имѣніи? Пишетъ ли къ вамъ Петръ Петровичъ, каково онъ служитъ и гдѣ нынѣ находится?

Зима у насъ наступила и очень похожа на постоянную, не смотря на то, что Испанскій посланникъ, большой чудакъ и погодопредвѣщатель, увѣряетъ, что такой непостоянной и мерзкой зимы, какова будетъ теперь, еще никогда не бывало...

А что̀ же сестрицы? Онѣ всё только цѣлуютъ, а сами не пишутъ.

Къ ней же.

1831 г., декабря 8. С. Петербургъ.

Я былъ нѣсколько въ недоумѣніи, не получая отъ васъ письма, какъ наконецъ причина объяснилась изъ вашего же письма, пущеннаго вами 17 ноября, въ отвѣтъ на мое отъ 30 октября. Стало быть, вы не получали моего письма, писаннаго 13 октября, при которомъ слѣдовала вамъ на девяносто рублей посылка съ браслетами, пряжкою, кушакомъ и конфектами. Это наводитъ на меня новое недоумѣніе. Вы никакъ не упускайте этого изъ виду; сдѣлайте Полтавскому почтмейстеру строгій допросъ: гдѣ находится слѣдуемая вамъ посылка, и почему онъ не далъ вамъ знать тотчасъ по полученіи ея? Это дѣло такого рода, за которое сажаютъ подъ судъ. Вы пожалуйста не забывайте, маминька, увѣдомлять меня, если будете получать какую бы ни было отъ меня посылку, въ какомъ видѣ вы ее получите, что̀ такое именно вы въ ней найдете; потому что, какъ кажется, вездѣ не безъ плутней. А этого происшествія вы не оставляйте безъ вниманія и хорошенько допросите почтмейстера.

Сдѣлайте милость, не принимайте, какъ вы, такъ и сестра, моихъ словъ о Степанѣ Меркурьевичѣ въ дурную сторону. Очень

радъ, что онъ не таковъ, какъ думалъ, и никогда бы я и не думалъ о немъ ничего подобнаго, если бы сестра увѣдомила меня объ немъ обстоятельнѣе. Цѣлую вашу ручку и очень жалѣю, если сестра не получила браслетъ и нечего ей будетъ надѣть на праздникъ, а вы также ридикуля. Хотя все это и вздоръ, и малость, но вы бы, вѣрно, были этому рады, зная, что это отъ искренняго и благодарнаго сердца приноситъ вашъ сынъ, Н. Гоголь.

Къ А. С. Данилевскому.

1 генваря, 1832 (изъ Петербурга.)

Подлинно много чуднаго въ письмѣ твоемъ. Я самъ бы желалъ на время принять твой образъ съ твоими страстишками и взглянуть на другихъ такимъ же взоромъ, исполненнымъ сарказма, какимъ глядишь ты на мышей, выбѣгающихъ на средину твоей комнаты. Право, должно быть что-то не въ шутку чрезвычайное засѣло Кавказской области въ городъ Пятигорскъ. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая въ довольно плохомъ положеніи. Кто это Кавказское солнце? Почему оно именно одинъ только Кавказъ освѣщаетъ, а весь міръ оставляетъ въ тѣни, и какимъ образомъ ваша милость сдѣлалась фокусомъ зажигательнаго стекла, то есть, привлекла на себя всѣ лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или инымъ чѣмъ; но самъ посуди: если не прикрѣпить красавицу къ землѣ, то черты ея будутъ слишкомъ воздушны, неопредѣленно-общи и потому безхарактерны.

Посылаю тебѣ все, что только можно было скоро достать: »Сѣверные Цвѣты« и »Альціону«. »Невскій Альманахъ« еще не вышелъ, да врядъ ли въ немъ будетъ что-нибудь путнее. Галстуховъ черныхъ не носятъ; вмѣсто нихъ употребляютъ синіе. Я бы тебѣ охотно выслалъ его, но сижу теперь боленъ и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, самъ ты знаешь, принадлежатъ къ жидкостямъ; а жидкостей на почтѣ не принимаютъ. Послѣ постараюсь тебѣ и другое прислать, теперь же не хочу задерживать письма. Притомъ же »Сѣверные Цвѣты«, можетъ быть, на первый разъ приведутъ

въ забвеніе неисправность въ прочемъ. Тутъ ты найдешь Языкова такъ прелестнымъ, какъ еще никогда,—Пушкина чудную піесу »Моцартъ и Саліери«, въ которой, кромѣ яркаго поэтическаго созданія, такое высокое драматическое искусство,—картиннаго »Делибаша«, и все, что ни есть его, чудесно! — Жуковскаго »Змія«. Сюда затесалась и Красненькаго »Полночь«.

Письма твоего, писаннаго изъ Лубенъ, въ которомъ ты описываешь пріѣздъ свой домой, я, къ величайшему сожалѣнію, не получалъ. — — Не задолго до твоего, я получилъ письмо отъ Василія Ивановича, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что книги, посланныя мною тебѣ въ Семереньки, онъ получилъ. Не излишнимъ почитаю при семъ привесть его слова, сказанныя въ похвалу моей книги.

»Если выдадите еще книгу въ свѣтъ *Вечера*, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаемъ, что присланная вами книга есть сочиненіе ваше. Это есть прекраснѣйшее дѣло, благороднѣйшее занятіе. Я читалъ и рекомендацію ей отъ Булгарина въ »Сѣверной Пчелѣ« очень съ хорошей стороны и къ поощренію сочинителя. Это видѣть пріятно.«

Видишь, какой я хвастунъ! Читалъ ли ты новыя баллады Жуковскаго? Что за прелесть! Онѣ вышли въ двухъ частяхъ вмѣстѣ съ старыми и стоятъ очень не дорого: десять рублей.

Что тебѣ сказать о нашихъ? Они всѣ, слава Богу, здоровы, прозябаютъ по-прежнему, навѣщаютъ каждую среду и воскресенье меня старика и, къ удивленію, до сихъ поръ еще ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ звѣзды и не директоръ департамента.

Разсмѣшила меня до крайности твоя приписка, или обѣщаніе въ концѣ письма: »Можетъ быть, въ слѣдующую почту напишу къ тебѣ еще, а можетъ быть, нѣтъ.« Къ чему такая благородная скромность и сомнѣніе? къ чему это: *можетъ быть, нѣтъ?* Какъ будто удивительная твоя аккуратность мало извѣстна!

Писалъ бы къ тебѣ еще, но болѣзнь моя мѣшаетъ. Отлагаю до удобнѣйшаго времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вмѣстѣ завидую, что ты находишься въ странѣ здравія.

Твой Гоголь.

Да, вотъ молодецъ! пишу 1-го генваря и забылъ поздравить

съ Новымъ годомъ. Желаю тебѣ провесть его въ седьмомъ небѣ блаженства.

Къ матери.

Января 4, 1832.

Непонятно! Опять письмо отъ васъ, и опять ни слова о посылкѣ, посланной мною вамъ еще въ октябрѣ, цѣною на девяносто рублей, съ браслетами, пряжкою, перчатками, ридикулемъ, конфектами и письмомъ, при которомъ она слѣдовала. Ради Бога, извѣстите меня! Я бы теперь же послалъ кое-что сестрѣ, но боюсь. Скажите ——Полтавскому почтмейстеру, что я на дняхъ, видѣвшись съ княземъ Голицынымъ, жаловался ему о неисправности почтъ. Онъ замѣтилъ это Булгакову, директору почтоваго департамента; но я просилъ Булгакова, чтобъ не требовалъ объясненія отъ Полтавскаго почтмейстера до тѣхъ поръ, покамѣстъ я не получу его отъ васъ. Итакъ прошу васъ, сдѣлайте милость, не заставьте меня долго ждать. Мнѣ хочется непремѣнно вывесть на чистую воду это мошенничество.

Очень радъ, что сестрѣ открывается такая хорошая партія. Зная вашу предусмотрительность и благоразуміе, я совершенно увѣренъ въ томъ, что вы дѣлаете такъ, чтобъ послѣ не раскаяваться; и признаюсь, хотя бы мнѣ очень желалось знать званіе жениха сестры, откуда онъ, отчего живетъ въ нашихъ мѣстахъ, имя, по крайней мѣрѣ фамилію; но такъ какъ вы почитаете за нужное не объявлять мнѣ это, то я и не смѣю этого требовать, будучи твердо увѣренъ, что, вѣрно, вы имѣете на то основательныя причины. Я только молю Бога, чтобы и вы, и сестра моя были совершенно счастливы...

Къ ней же.

Февраля 6, 1832.

Ваше письмо отъ 19 января я получилъ. Очень жалѣю, что не дошло ко мнѣ письмо ваше, писанное по полученіи вами по-

сылки. Въ предотвращеніе подобныхъ безпорядковъ, впредь прошу васъ адресовать мнѣ просто *Гоголю*, потому что кончикъ моей фамиліи, я не знаю, гдѣ дѣлся. Можетъ быть, кто-нибудь поднялъ его на большой дорогѣ и носитъ, какъ свою собственность. Какъ бы то ни было, только я нигдѣ не извѣстенъ здѣсь подъименемъ Яновскаго, и почталіоны всегда почти затрудняются, отыскивая меня подъ этою вывѣскою.

Очень радъ счастью моей сестры и вижу въ васъ настоящую мать, которую скоро будутъ приводить въ примѣръ вездѣ, умѣвшую восторжествовать надъ мелочнымъ честолюбіемъ и сребролюбіемъ, пренебречь ими для истиннаго счастія. Должно, однакожъ, признаться, маминька, что у васъ дѣти пренегодныя. Например, хотя бы и старшая ваша дочь: она готовится вамъ сдѣлать самый непріятный комплиментъ, несноснѣе котораго нѣтъ для женщины, еще далеко недостигшей возраста старухъ: что̀, ежели она, года черезъ два, поздравитъ васъ бабушкою? Вы извѣстите меня, когда будетъ свадьба, да напишите безъ церемоніи, какія именно вещи нужны. Что̀ можно будетъ сдѣлать и что̀ по силамъ моимъ, я доставлю; чего же нельзя, то будьте увѣрены, что не стану для этого лишать себя необходимаго. Дурно очень, что вы не написали, какой цвѣтъ къ лицу вамъ и сестрѣ, а также не прислали мѣрокъ съ ножекъ вашихъ, и потому не погнѣвайтесь, если въ посылаемой при семъ письмѣ посылкѣ все будетъ не по вашему вкусу. Вы, сдѣлайте милость, напишите мнѣ обстоятельно: какія именно вещи вы получили и въ надлежащей ли исправности...

Старшей сестрѣ скажите, что она напрасно думаетъ, будто вы не такъ рады теперь, имѣя прежде желаніе выдать ее за богатаго. Богатство всегда въ рукахъ человѣка. Онъ всегда можетъ нажить его; нужны только труды. Но доброй души и прекрасныхъ качествъ человѣкъ никогда не наживетъ, если ихъ не имѣетъ.

Маленькія сестрицы найдутъ въ этой посылкѣ и себѣ конфекты, только за это они должны не забывать писать. Да нельзя ли ихъ какъ-нибудь заставить, чтобы въ письмѣ говорили они побольше о томъ, что̀ дѣлаютъ дома и что̀ съ ними случается. Напримѣръ, если бы Лиза сама описала происшествіе съ курицей, вѣдь это, вѣрно, было бы не дурно. Дайте одинъ изъ кушаковъ

Варварѣ Семеновнѣ. Мнѣ казалось, что сестрѣ болѣе всего шелъ розовый цвѣтъ, и потому я почти всего набралъ розоваго. Впрочемъ здѣсь теперь онъ самый употребительнѣйшій.

Къ ней же.

1832 г., февраля 26. С. Петербургъ.

Я васъ не узнаю, маминька! Вы, кажется, совершенно потеряли ту твердость души, которая всегда отличала васъ прежде. Большая диковинка, что отъ меня мѣсяцъ нѣтъ письма! Вспомните то время, когда я мѣсяца по четыре не писалъ къ вамъ. Право, я начинаю уже жалѣть, что завелъ обыкновеніе писать къ вамъ часто: теперь малѣйшая нерегулярность васъ разстроиваетъ. Но думаю, вы теперь уже успокоились, получивши письмо мое отъ 7-го, кажется, февраля вмѣстѣ съ посылкою. Хотя я полагалъ, что вы его гораздо раньше получите, но изъ письма вашего отъ 15 февраля вижу, что оно еще не дошло къ вамъ. Еще слово о вашемъ письмѣ: ради Бога, не будьте такъ мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули въ мое письмо, вы бы увидѣли, что это было сказано совершенно не въ томъ смыслѣ и вовсе не серьезно о томъ, что̀ вы имѣете причину скрывать отъ меня. Мнѣ, просто, было досадно на вашу забывчивость, и, чтобы отмстить вамъ и разсердить васъ, я написалъ это.

Все то, что̀ вы вздумаете, вы можете смѣло дѣлать, не давая мнѣ вовсе о томъ знать, будучи твердо увѣрены, что мои мысли и мнѣнія никогда не будутъ разногласны съ вашими, или, въ противномъ случаѣ, вы совершенно меня не знаете. Любезная сестра моя не должна тоже имѣть о мнѣ никакого сомнѣнія. Все то, что̀ служитъ къ ея счастію, меня радуетъ; мнѣ только хочется знать, скоро ли окончится это дѣло. Напишите, что̀ знаете объ Андреѣ Андреевичѣ, и отдайте поклонъ всѣмъ близкимъ нашимъ...

Очень жалѣю, что сестра Анничка пишетъ не своими словами. Этихъ оборотовъ и этихъ обыкновенныхъ выраженій, приличныхъ взрослому, она никогда не можетъ сдѣлать отъ себя. — — Въ прежнемъ маленькомъ ея письмѣ, которое она сама писала, одно

только слово уже увѣрило меня въ томъ, что она имѣетъ талантъ большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра не замѣтили, вѣрно. Пусть онѣ пишутъ пустяки, весь вздоръ, который говорятъ своей нянѣ. Чѣмъ, повидимому, будетъ глупѣе письмо, тѣмъ лучше: тутъ будутъ видны онѣ совершенно.

Къ ней же.

1832 г., марта 10. С. Петербургъ.

Мнѣ очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Б****. Я вѣрю, что онъ хорошій человѣкъ и достоинъ всякаго уваженія; но, не смотря на то, не поѣду къ нему ни съ сего, ни съ другого въ домъ. Вы очень мало знаете приличія, маминька, или лучше сказать, вы, можетъ быть, и знаете приличія, но не знаете моихъ отношеній въ свѣтѣ. Странно! вдругъ бы я пріѣхалъ къ нему потому, что вы были одинъ разъ у него и были приняты хорошо. Другое дѣло, если я встрѣчусь съ нимъ у К****, или гдѣ-нибудь въ другомъ обществѣ, я не премину съ нимъ познакомиться, и тогда пожалуй, какъ къ человѣку знакомому, я могу къ нему пріѣхать, но не потому, чтобы онъ могъ быть для меня чѣмънибудь полезнымъ, а потому, что онъ доставилъ вамъ нѣсколько, какъ вы говорите, пріятныхъ минутъ своего любезностью. Касательно же состоянія его быть мнѣ полезнымъ, скажу вамъ вотъ что. Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищаго, для котораго всякой человѣкъ съ небольшимъ именемъ и знакомствомъ можетъ надѣлать кучу добра. Но прошу васъ не безпокоиться объ этомъ. Путь я имѣю гораздо прямѣе и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать человѣкъ. Добра я желаю отъ Бога, и именно — быть всегда здоровымъ и видѣть васъ всегда здоровыми. Вѣрьте моему слову, маминька, что все, кромѣ этого, гниль и суета; однако я всё-таки благодарю васъ за желаніе, чтобы я познакомился съ Б****, особенно если онъ хорошій человѣкъ.

З**** вы можете успокоить на-счетъ ея опасенія: она слышала, что звонятъ, только не знаетъ, на которой колокольнѣ. Въ

Патріотическій институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ я не служу, не принимаютъ ни изъ купцовъ, ни изъ мѣщанъ. Уже самое его названіе показываетъ это. Не мѣшаетъ вамъ знать, что Патріотическое общество изъ дамъ, подъ предсѣдательствомъ Государыни нынѣшней, основало нѣсколько заведеній въ пользу бѣдныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько школъ, гдѣ учатъ только рукодѣлію и Русскому языку, но межъ ними благородныхъ совершенно не бываетъ. Кромѣ этихъ заведеній, Патріотическое общество уже гораздо послѣ завело институтъ для благородныхъ дѣвицъ, состоящій теперь подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государыни, въ который пансіонерки поступаютъ часто изъ лучшихъ фамилій, а казенныя — дѣти раненыхъ и убитыхъ на войнѣ. Стало быть, родственница З**** должна радоваться и посылать своихъ дѣтей: они попадутся въ хорошія руки, тѣмъ болѣе что пріемъ давно уже начался.

Будьте здоровы, сытно ѣдите, спите спокойно и не безпокойтесь ни о чемъ...

Посылаю на помощь вашимъ пріуготовленіямъ къ сестриной свадьбѣ 500 рублей. Не разсердитесь, что такъ мало. Сколько могъ собрать, столько и посылаю. Когда буду побогаче, тогда пришлю больше.

Къ А. С. Данилевскому.

СПб. 1832, марта 10.

Мнѣ бы слѣдовало, просто, на тебя разсердиться и начхать, какъ говаривалъ Ландраженъ (1), за твои эдакія пакости. Вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ отъ тебя ни двоеточія, ни точки. Даже не извѣстилъ меня, получилъ ли въ исправности посланные мною альманахи. Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга, потому что ты тогда только писалъ ко мнѣ, когда имѣлъ во мнѣ надобность. Эй, не плюй въ колодезь! увидишь, если не доведется изъ него же послѣ напиться. Можетъ быть, ты находишься уже въ седьмомъ небѣ и оттого не пишешь. Чортъ меня возьми, если я

(1) Учитель Французскаго языка въ Гимназіи Высшихъ Наукъ К. Б. *П. К.*

самъ теперь не близко седьмого неба! и съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на все, хотя моя владычица куды суровѣй твоей! Если бъ я былъ, какъ ты, военный человѣкъ, я бы, съ оружіемъ въ рукахъ, доказалъ бы тебѣ, что сѣверная повелительница моего южнаго сердца томительнѣе и блистательнѣе твоей Кавказской. Ни въ небѣ, ни въ землѣ, нигдѣ ты не встрѣтишь хотя порознь тѣхъ неуловимо-божественныхъ чертъ и роскошныхъ вдохновеній, которыя ensemble дышутъ и умѣстились въ ея, Боже, какъ гармоническомъ лицѣ! Но довольно. Посылаю тебѣ вторую книжку »Вечеровъ« и, на удачу, »Онѣгина«. Можетъ быть, у васъ въ глуши его еще не читали. Въ такомъ случаѣ ты обомлѣешь отъ радости и, вѣрно, не найдёшь словъ, чѣмъ выразить мнѣ свою благодарность.

Прощай. Если тебѣ что̀ нужно прислать, то пиши смѣло, хотя и не случится у тебя денегъ. Все тебѣ будетъ выслано. Мы люди свои, послѣ сочтемся.

Къ матери.

1832 г., марта 25. С Петербургъ.

Письмо ваше отъ 7 марта я получилъ. Посылаю вамъ башмаки, какіе только удалось сыскать на скорую руку. Ботинковъ на вашу ногу не было. Я заказалъ ихъ; какъ будутъ готовы, то пришлю. Ничего больше не въ состояніи теперь прислать, потому что лишнихъ денегъ совершенно теперь не имѣю, и потому пусть сестра возьметъ немного терпѣнья; послѣ надѣюсь удовлетворить ее. Очень радъ, что вы свадьбу затѣваете безъ всякаго шума. Я всегда былъ врагъ этихъ свадебныхъ церемоній и собраній. Если бы я вздумалъ жениться, то жена моя по крайней мѣрѣ двѣ недѣли послѣ свадьбы не показала бы ни къ кому носа. Я даже полагаю, что, если мнѣ не удается достать ни полотна, ни платковъ батистовыхъ, то обойтись и безъ нихъ, — тѣмъ болѣе, когда вы въ такомъ состояніи, что не можете уплатить казенныхъ податей, не только долговъ. Женихъ, какъ видно изъ писемъ вашихъ, не глупъ и, вѣрно, не погонится за этимъ вздоромъ. Старушкамъ же вѣстов-

щицамъ и хлопотливымъ сосѣдкамъ, любящимъ потолковать о свадьбахъ, можете сказать, что у невѣсты не одна, а двѣнадцать дюжинъ платковъ и столько же батистовыхъ рубашекъ и тому подобное. Я говорю это потому, если вы боитесь, или васъ слишкомъ раздражаютъ такія незначущія злорѣчія. — — —

Благодарю васъ, очень благодарю за подарокъ вашъ — дюжину чулокъ. И хотя я со всѣмъ не ношу нитяныхъ чулокъ, но какъ драгоцѣнность, какъ труды рукъ вашихъ, буду беречь у себя. Прошу, однако же, васъ ни чѣмъ не озабочиваться для меня: у меня совершенно все есть, что мнѣ нужно. Я не знаю, какъ уплатить вамъ хотя сотую долю старыхъ долговъ, а вы налагаете на меня безпрестанно новые. Право, маминька, вы великодушны до безчеловѣчія.

Напишите мнѣ, какъ расположены жить наши молодые: въ Полтавѣ, или деревнѣ, и что женихъ: намѣренъ ли служить, или заниматься хозяйствомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ? Напомните сестрѣ о строгой бережливости и величайшемъ ограниченіи себя во всемъ. Она сама избрала такой удѣлъ для себя; стало быть, должна умѣть покоряться и во всемъ строго и умно ограничивать себя. Я точно располагалъ-было пріѣхать къ вамъ нынѣшнимъ лѣтомъ, хотя на малое время, но увидѣлъ, что, кромѣ издержекъ, это предпріятіе ничего другого не поведетъ за собою, между тѣмъ какъ мнѣ, можетъ быть, удастся, вмѣсто того, сколько-нибудь сберечь для васъ денегъ. Вѣрьте, что я такъ же нетерпѣливо и пламенно желалъ увидѣться съ вами, какъ и вы со мною. Но что дѣлать? Плохо бы было на свѣтѣ намъ, если бы мы слѣдовали одному только движенію сердца, не призывая на совѣтъ разсудокъ. Будьте здоровы и спокойны...

Къ А. С. Данилевскому.

СПб. марта 30 (1832).

Я ни мало не удивляюсь, что мое письмо шло такъ долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагопріятное для почтъ: разлитіе рѣкъ, негодность дороги и проч. Я получилъ твои

деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты напередъ хорошенько размыслилъ все, то, вѣрно, не прислалъ бы мнѣ теперь денегъ, вѣрно бы, вспомнилъ, что за двѣ недѣли до праздника ни одинъ портной не возьмется шить, и потому, въ наказанье, ты будешь ждать три сверхсрочныхъ недѣли своего сюртука, потому что, спустя только недѣлю послѣ праздника, примутся шить его тебѣ. На требованіе же мое поставить тебѣ сукно по 25 руб. аршинъ, Ручъ далъ мнѣ одинъ обыкновенный свой отвѣтъ, что онъ низкихъ сортовъ суконъ не держитъ.

Теперь нѣсколько словъ о твоемъ письмѣ. Съ какой ты стати началъ говорить о шуткахъ, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что̀ ты нашелъ безсмысленнаго въ томъ, что я писалъ къ тебѣ, что ты говоришь только о поэтической сторонѣ, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что̀ значитъ поэтическая сторона? Поэтическая сторона: »Она несравненная, единственная« и проч. Прозаическая: »Она Анна Андреевна такая-то«. Поэтическая: »Она принадлежитъ мнѣ, ея душа—моя«. Прозаическая: »Нѣтъ ли какихъ препятствій въ томъ, чтобъ она принадлежала мнѣ не только душою, но и тѣломъ, и всѣмъ, однимъ словомъ—ensemble?« Прекрасна, пламенна, томительна и ничѣмъ неизъяснима любовь до брака; но тотъ только показалъ одинъ порывъ, одну попытку къ любви, кто любилъ до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирѣпый энтузіазмъ, потрясающій надолго весь организмъ человѣка. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга—потому что первая только предувѣдомленіе къ ней—спокойна и цѣлое море тихихъ наслажденій, которыхъ съ каждымъ днемъ открывается болѣе и болѣе, и тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ изумляешься имъ, что они казались совершенно незамѣтными и обыкновенными. Это художникъ, влюбленный въ произведенье великаго мастера, съ котораго уже онъ никогда не отрываетъ глазъ своихъ и каждый день открываетъ въ немъ новыя и новыя очаровательныя и полныя обширнаго генія черты, изумляясь самъ себѣ, что онъ не могъ ихъ увидать прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффектны, огненны и съ перваго раза уже овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь—это поэзія Пушкина: она не

вдругъ обхватитъ насъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и наконецъ превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который, чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частію, небольшою рѣкою, впадающею въ этотъ океанъ. Видишь, какъ я прекрасно разсказываю! О, съ меня бы былъ славный романистъ, если бы я сталъ писать романы! Впрочемъ это самое я докажу тебѣ примѣромъ, ибо безъ примѣра никакое доказательство—не доказательство, и древніе очень хорошо дѣлали, что помѣщали его во всякую хрію. Ты, я думаю, уже прочелъ »Ивана Ѳедоровича Шпоньку«. Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что̀ дѣлается у насъ въ этомъ водяномъ городѣ? Пріѣхалъ Возвышенный съ паномъ Пла́тономъ и П****.— — Вся эта труппа пробудетъ здѣсь до мая, а можетъ быть, и долѣе. Возвышенный всё тотъ же; трагедіи его всё тѣ же. »Тассъ« его, котораго онъ написалъ уже въ шестой разъ, необыкновенно толстъ, занимаетъ четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья, и, въ добавокъ, выведенъ на сцену мальчишка 13 лѣтъ, поэтъ и влюбленный въ Тасса по уши. А сравненьями играетъ, какъ мячиками; небо, землю и адъ потрясаетъ, будто перышко. Довольно, что прежнія: *губы посинѣли у него цвѣтомъ моря*, или: *тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ въ мракѣ цѣпи* — ничто противъ нынѣшнихъ. Пушкина всё по-прежнему не любитъ; »Борисъ Годуновъ« ему не нравится.— —

Красненькой кланяется тебѣ. Онъ еще не актеръ, но скоро будетъ имъ, и можетъ быть, тотчасъ послѣ Святой.

У васъ, я думаю, уже весна давно. Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно уже не нюхалъ этого кушанья.

———

Къ матери.

1832 г., апрѣля 16. С. Петербургъ.

Я получилъ ваши письма, писанныя вами въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ одномъ изъ нихъ вы упоминаете объ отвѣтѣ Андрея Андреевича. Вы пожалуйста не слишкомъ озабочивайтесь его словами. Вы знаете, какой онъ чудакъ. Скорѣе бы къ дѣлу, да и концы въ воду. Я очень одобряю на этотъ разъ суевѣріе бабушекъ и желаю вмѣстѣ съ ними, чтобы этотъ бракъ, по всѣмъ предположеніямъ самый счастливый, потому что оба любятъ, кажется, истинно другъ друга, былъ заключенъ непремѣнно въ апрѣлѣ. Жалѣю только, что не могу теперь ничего послать новобрачнымъ, кромѣ желанія быть вѣчно довольными другъ другомъ и вѣчно довольными своимъ состояніемъ. Это первыя условія счастливаго брака.

Вы спрашиваете меня, появилась ли точно комета въ Петербургѣ. Охота же вамъ заниматься ею! Мало ли подобной дряни является каждый годъ! По мнѣ, хотя бы двадцать кометъ засвѣтило вдругъ и всѣ звѣзды поприцѣпляли къ себѣ длинные хвосты, придерживаясь старой моды, мнѣ бы это не больше принесло радости, какъ прошлаго году упавшій снѣгъ. Впрочемъ, когда вы мнѣ объявили, что есть комета, то я нарочно обсматривалъ по нѣсколько часамъ небо, но никакой звѣзды даже короткохвостой, или куцой не встрѣтилъ. Кто-то, я воображаю, трудится въ Полтавѣ надъ выдумкою всѣхъ этихъ вздоровъ? — — —

Какова у васъ весна? Я думаю, уже давно на деревьяхъ показались листья. Какъ вы счастливы! а мы врядъ ли въ половинѣ мая дождемся ихъ. Желаю вамъ отъ всей души весело провесть ее. Что касается до сестры; то она, вѣрно, проведетъ весело. Можно побиться объ закладъ, что веселѣе всѣхъ насъ. До слѣдующаго письма...

Къ А. С. Данилевскому.

26 апрѣля (1832). СПб.

Сейчасъ только-что принесли мнѣ отъ Руча твой модный сюртукъ. Мѣрка у него твоя была въ сохранности, и онъ увѣряетъ,

что совершенно сдѣлалъ по ней. Я замѣчу только то, что я слишкомъ теперь сталъ тебя тонѣе. Теперь если бы ты увидѣлъ меня, то бы, вѣрно, не узналъ: такъ я похудалъ. Твой сюртукъ на меня такъ широкъ, какъ халатъ. На Кавказѣ, я думаю, ты еще больше разжирѣлъ; а здѣшній проклятый климатъ убійственъ. Очень жалѣю, что не могу прислать, кромѣ жилета, ничего больше: денегъ у меня теперь совершенно нѣтъ, и я не знаю, станетъ ли на пересылку. Меня всё смѣшатъ твои обѣщанія. Къ чему эти увѣренія, что будешь непремѣнно ко мнѣ писать чрезъ каждыя двѣ недѣли? Какъ-будто я не знаю тебя! Уже прошло около полтора мѣсяца послѣ того, а ты до сихъ поръ ни строчки. Да врядъ ли напишешь и впредь, покуда какая-нибудь нужда не заставитъ. Однакожъ я прошу тебя, извѣсти меня по крайней мѣрѣ, въ исправности ли ты получилъ прежде посланныя мною книги и теперь посылаемый сюртукъ, съ жилетомъ, потому что я до тѣхъ поръ не могу быть спокоенъ, пока не получу твоей росписки въ исправномъ полученіи. Признаюсь, я опасаюсь оттого тебѣ посылать новыхъ книгъ, которыхъ вышло донынѣ не мало, что не знаю, исправно ли ты ихъ получаешь. Спѣшу отправлять и не имѣю больше времени...

Къ матери.

1832, апрѣля 27. С. Петербургъ.

Я получилъ ваше письмо, отправленное вами 3 апрѣля. Очень радъ, что посланныя мною деньги пришли вамъ кстати. Когда-то уменьшатся эти сборы и подати? за ними вы не въ состояніи сдѣлать себѣ необходимаго. Хорошій управитель точно теперь полезнѣе для васъ всего, и я радъ, если этотъ, который теперь представляется вамъ, дѣйствительно имѣетъ хоть одно изъ упомянутыхъ вами качествъ. Но хорошіе управители такая рѣдкость, какой почти не возможно отыскать. Иной бываетъ добръ и имѣетъ много совѣсти, но зато мало понимаетъ свое дѣло; другой знаетъ свое дѣло, но зато плутъ. Дай Богъ, чтобы вашъ не походилъ ни на того, ни на другого и чтобы васъ совершенно избавилъ отъ безпокойствъ.

Очень сожалѣю, что не могу теперь отвѣчать на письмо [дѣлающее мнѣ много чести] Павла Осиповича. Причина этому — недостатокъ времени. Это письмо я отправляю вамъ не по почтѣ, но его получите вы отъ нашего добраго сосѣда Алексѣя Васильевича; къ слѣдующей же почтѣ я надѣюсь еще писать. Прощайте; будьте здоровы со всѣми домашними...

Увѣдомьте меня о тетинькѣ Катеринѣ Ивановнѣ. Я таки немного сердитъ, маминька, на васъ за то, что вы никогда почти теперь не извѣщаете о ней. Вы знаете, что я ее очень люблю.

Къ ней же.

1832, 12 мая. С. Петербургъ.

Очень сожалѣю, что башмаки были велики. Было бы вамъ прислать назадъ, я бы перемѣнилъ ихъ. Посылаю теперь по двѣ пары вамъ и сестрѣ. Эти поменьше и должны быть вамъ въ-пору; а не то, такъ пришлите ихъ назадъ вмѣстѣ съ старымъ башмакомъ, потому что по мѣркѣ трудно подобрать. Посылаю сестрѣ платье; оно прочно и моется. Да пожалуйста не говорите мнѣ, что я посылаю сверхъ силъ и проч. Вы мнѣ приписываете гораздо болѣе великодушія, нежели я имѣю его въ самомъ дѣлѣ. Будьте увѣрены, что я не столько глупъ, чтобы посылать вамъ тогда, когда самъ нуждаюсь. Дѣлать это значитъ — отнимать у себя возможность быть полезнымъ вамъ въ послѣдствіи. И потому безъ церемоніи! прошу писать ко мнѣ обо всемъ, что вамъ нужно. Когда будутъ у меня лишнія деньги, я вышлю; когда же нѣтъ, то подождете до другого случая. Нитяные чулки запрещены мнѣ носить докторомъ. Здѣшній климатъ — не Малороссія. Но если вы мнѣ хотите непремѣнно сдѣлать подарокъ, то понемножку подготовляйте мнѣ къ зимѣ шерстяныхъ чулокъ. Бумажныхъ у меня довольно; шерстяныхъ же крѣпкихъ здѣсь трудно достать. Май у насъ самый дрянной: дожди и снѣгъ безпрестанные, и я не рѣшаюсь долго выѣзжать на дачу.... Но покамѣстъ прощайте...

Увѣдоми меня, сестра, придется ли тебѣ въ-пору платье. Я вмѣстѣ съ нимъ посылаю и твое старое.

Къ А. С. Данилевскому.

1832. СПб. Іюня 15.

Опять не могу дождаться отъ тебя письма, или хоть даже короткаго извѣщенія о полученіи сюртука и прочаго. Вѣрно, тебя скука никогда не посѣщаетъ, ибо только въ такомъ расположеніи обыкновенно приходитъ охота писать.

»Счастливъ ты въ прелестныхъ....
Ты Сеппри въ карикатурахъ.«

Желалось бы мнѣ поглядѣть на тебя. Да нельзя ли это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы мы выѣхали одинъ другому на-встрѣчу? Сборное мѣсто положить хотя въ Толстомъ, или въ Васильевкѣ. Наши Нѣжинцы почти всѣ потянулись на это лѣто въ Малороссію, даже Красненькой уѣхалъ. А въ іюлѣ мѣсяцѣ если бы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей, или беззаботно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды со льдомъ, и проч. Пріѣзжай!...

Къ матери.

Москва. 1832, 4 іюля.

Я очень дурно сдѣлалъ, моя безцѣнная маминька, что рѣшился выѣхать изъ Петербурга, да еще въ то время, когда чувствовалъ себя не слишкомъ здоровымъ. Зато и поплатился порядкомъ, покамѣстъ доѣхалъ до Москвы. Какъ нарочно, погода была самая скверная, дожди проливные. Я ѣхалъ день и ночь, потому что товарищъ мой, ѣхавшій до Москвы вмѣстѣ со мною, не имѣлъ времени останавливаться. Итакъ я въ Москву пріѣхалъ нездоровымъ, и хотя въ теченіе нѣсколькихъ дней почти все прошло и я поправился; но здѣшніе врачи совѣтуютъ мнѣ недѣльку обождать для совершеннаго поправленія. Итакъ я теперь не увѣренъ, буду ли у васъ, или нѣтъ, потому что срокъ моего отпуска недалеко до окончанія своего и мнѣ нужно будетъ поспѣшить въ Петербургъ; впрочемъ навѣрное я и самъ не знаю. Можетъ быть, получу еще отсрочку,

и тогда всё-таки побываю у васъ. Прощайте; будьте здоровы вмѣстѣ со всѣми нашими домашними. Жаль очень, что мнѣ, хотя я, можетъ быть, и пріѣду, нельзя будетъ ѣсть никакихъ фруктовъ; а безъ этого, и лѣто не лѣто...

Къ М. П. Погодину.

Іюля 8 (1832). Подольскъ, 1-я станція отъ Москвы.

Вотъ что̀ называется выполнять свои обѣщанія: я обѣщалъ къ вамъ писать по крайней мѣрѣ изъ Тулы, а пишу изъ Подольска. Я ѣхалъ въ самый дождь и самою гадкою дорогою, пріѣхалъ въ Подольскъ и переночевалъ, и теперь свидѣтель прелестнаго утра. Ѣхать бы только нужно, но препроклятое слово имѣетъ обыкновеніе вырываться изъ устъ смотрителей: *нѣтъ лошадей*. Видно, судьба моя — ѣхать всегда въ дурную погоду. Впрочемъ совѣстливый смотритель объявлялъ, что у него есть десятокъ своихъ лошадей, которыхъ онъ, *по добротѣ своей* [его собственное выраженіе] готовъ дать за пятерные прогоны. Но я лучше рѣшился сидѣть за Ричардсоновой »Кларисою«, въ ожиданіи лошадей, потому что ежели на пути попадется мнѣ еще десять такихъ благодѣтелей человѣческаго рода, то нечѣмъ будетъ доѣхать до пристанища. Впрочемъ присутствія духа у меня довольно: вотъ скоро уже 12 часовъ, а мнѣ еще всё люли и ни почемъ. Не знаю, такъ ли будетъ послѣ 12-ти. Ну, обнимаю васъ еще разъ. Можетъ быть, вы не выѣхали еще въ деревню. Эхъ, какъ весело имѣть деревню въ 50 верстахъ! Почему бы правительству не поручить какому-нибудь искусному инженеру укоротить путь, чтобы изъ 800 верстъ хотя 700 выбросить, и то бы было хорошо: всё-таки меньше. Но это мечты, которыя я себѣ позволилъ по § цензурнаго устава.

Прощайте, мой безцѣнный Михаилъ Петровичъ, братъ по душѣ! Жму вашу руку. Можетъ быть, это пожатіе дошло до васъ прежде моего письма. Вѣрно, вы чувствовали, что ваша рука кѣмъ-была стиснута, хотя во снѣ: это жалъ ее вашъ

Гоголь.

Къ нему же.

Іюля 20 (1832). Д. Васильевка.

Наконецъ я дотащился до гнѣзда своего, безцѣнный мой Михаилъ Петровичъ, проклиная безконечную дорогу и до сихъ поръ не опамятовавшись послѣ проклятой ѣзды. Вѣрите ли, что теперь одинъ видъ проѣзжающаго экипажа производитъ во мнѣ дурноту? Что-то значитъ хилое здоровье! Пріѣхавши въ Полтаву [17 іюля], я тотчасъ объѣздилъ докторовъ и удостовѣрился, что ни одинъ цѣхъ не имѣетъ меньше согласія и единодушія, какъ этотъ. У каждаго свои мнѣнія, и иныя изъ нихъ такъ вздорны, что удивляешься, какъ и откуда залѣзли въ глупыя ихъ головы, и каждый стоитъ за свою глупую систему до-зарѣзу; такъ что мнѣ не остается иного средства, какъ просить васъ прибѣгнуть къ Дядьковскому и попросить у него первый рецептъ. Увѣрьте его, что съ величайшею признательностью буду благодарить его, сколько позволитъ мнѣ мое состояніе, и по гробъ буду помнить его помощь. Теперешнее состояніе моего здоровья совершенно таково, въ какомъ онъ меня видѣлъ. — — Иногда мнѣ кажется, будто чувствую небольшую боль въ печенкѣ и въ спинѣ; иногда болитъ голова, немного грудь. Вотъ всѣ мои припадки. Дни начались здѣсь хорошіе. Фруктовъ бездна, но я ѣсть ихъ боюсь [кстати, спросите о діэтѣ]. Остатокъ лѣта кажется будетъ чудо; но я, самъ не знаю, отчего, удивительно равнодушенъ ко всему. Всему этому, я думаю, причина болѣзненное мое состояніе. Притомъ же пріѣхалъ въ имѣніе совершенно разстроенное. Долговъ множество невыплаченныхъ. Пристаютъ со всѣхъ сторонъ, а уплатить теперь совершенная невозможность.

Я еще васъ обременю просьбою. Если будете въ городѣ, дайте знать книгопродавцамъ, авось-либо не купятъ (ли) 2-го изданія »Вечеровъ на Хуторѣ«. Много изъ здѣшнихъ помѣщиковъ посылало въ Москву и въ Петербургъ, — нигдѣ не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупой народъ книгопродавцы! Неужели они не видятъ всеобщихъ требованій? Отказываются отъ собственной прибыли! Я готовъ уступить за 3,000 рубл., если не будутъ давать болѣе. Вѣдь это имъ приходится менѣе, нежели

по три рубли за экземпляръ, а они будутъ продавать по 15 рубл., итого 12 рубл. барыша на книжкѣ. Пусть они вдругъ продадутъ только 200 экзампляровъ, то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдругъ окупитъ издержки. Остальные 1000, экземпляровъ въ теченіе года, или двухъ, вѣрно, разойдутся, особливо когда еще выйдетъ новое дѣтище. Теперь я бы взялъ отъ нихъ только 1,500 рубл., потому что мнѣ они очень нужны, а остальныхъ я бы могъ подождать мѣсяца два, или три. Если бы я меньше васъ узналъ, я бы сталъ оговариваться, что мнѣ совѣстно васъ обременять безпрестанными просьбами и проч. и проч. Но я васъ знаю и потому не говорю ничего. Я жажду и дожидаюсь съ нетерпѣніемъ обнять васъ лично. Знаете ли, что мнѣ представляется? [я большоій въ этомъ случаѣ фантазеръ.] Будто вы вдругъ неожиданно пріѣзжаете ко мнѣ въ деревню. Я васъ... и чѣмъ далѣе, тѣмъ невѣроятнѣе. Покамѣстъ, я еще только отдыхаю. Впрочемъ родились у меня двѣ крѣпкія мысли о нашей любимой наукѣ, которыми вамъ когда-нибудь похвастаюсь.

Прощайте, Михаилъ Петровичъ. Цѣлую васъ пятьдесятъ разъ. Прощайте до слѣдующей почты. Нарочный ѣдетъ съ этимъ письмомъ въ Полтаву и, вѣрно, застанетъ тамъ ваше, котораго я жду нетерпѣливо...

Къ нему же.

Сентября 2 (1832). Д. Васильевка.

Вашей добротѣ, вѣрно, конца нѣтъ, безцѣнный Михаилъ Петровичъ! Въ письмѣ вашемъ столько готовностей на всѣ пожертвованія, что мнѣ осталось удивлягься только необыкновенному своему счастію. Благодарю васъ за васъ же. Сдѣлайте милость, обо мнѣ не безпокойтесь теперь. Черезъ мѣсяцъ я обниму васъ въ Москвѣ, и тогда поговоримъ обстоятельнѣе обо всемъ. Тамъ и рѣшимся. Денегъ, покамѣстъ, мнѣ не нужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше, хотя чувствую слегка боль въ груди и тяжесть въ желудкѣ, — можетъ быть, оттого, что никакъ не могу здѣсь соблюсть діэты. Проклятая, какъ нарочно въ этотъ годъ, плодовитость Украйны соблазняетъ меня безпрестанно, и бѣдной мой желудокъ безпрерывно занимается вареніемъ то грушъ, то

яблокъ. Пилюль Дядьковскаго боюсь принимать [которыя давно уже я получилъ изъ аптеки], потому что въ рецептѣ, какъ вы пишете, была ошибка.

Прощайте, безцѣнный Михаилъ Петровичъ, до слѣдующаго раза. Болѣе не успѣваю писать: человѣкъ, черезъ котораго отправляю письмо, сейчасъ ѣдетъ въ Полтаву и не можетъ дожидаться.

Вѣчно вашъ Гоголь.

Съ нетерпѣніемъ жажду обнять васъ. Тянетъ въ Москву.

Къ матери.

1832, октября 10.

Я пишу къ вамъ изъ станціи подъ Курскомъ, нарочно для того, чтобы вы не соскучились, не получая долго отъ насъ извѣстія. Лиза, Анна и я, слава Богу, здоровы, какъ нельзя лучше, и даже можно прибавить — веселы, не смотря на то, что экипажъ нашъ безпрестанно ломается. Я очень желалъ дома, чтобы его осмотрѣлъ какой-нибудь опытный каретникъ и указалъ бы именно, что̀ нужно починить. Кузнеца нашего и винить нельзя: онъ судилъ по своему толку. Впрочемъ я его теперь перечинилъ какъ слѣдуетъ, и мы, надѣюсь, успѣшнѣе подвигаться будемъ къ мѣсту. Дѣти и не думаютъ о домѣ. Я удивляюсь, какъ они такъ скоро могли забыть. Одна Анна иногда вспоминаетъ, особливо, когда иной разъ долго придется дожидать лошадей. Время прекрасное! Осень чудная! Ѣхать лучше, нежели лѣтомъ.

Прощайте, маминька; будьте здоровы. Писать теперь некогда; прощайте до Москвы...

Къ ней же.

Москва. 21 октября, 1832 г.

Вотъ уже четвертый день, какъ мы въ Москвѣ. Почти двѣ недѣли мы тянулись къ ней, за проклятымъ экипажемъ, безпрестанно ломавшимся. Здѣсь я перечинилъ его снова и кромѣ того придѣлалъ зонтикъ, потому что осень становится немного хуже и,

можетъ быть, подъ Петербургомъ застанутъ насъ дожди. Всѣ мы, слава Богу, здоровы; я же чувствую себя, даже противъ моего собственнаго чаянія, гораздо здоровѣе прежняго и бодрѣе. Дай Богъ, чтобы вы тоже были веселы.

Какой дорогою я выдумалъ прелестный узоръ для ковра! Я вамъ пришлю его изъ Петербурга.

Москва такъ же радушно меня приняла, какъ и прежде, и умоляетъ усердно остаться здѣсь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому въ воскресенье, 23, я думаю непремѣнно выѣхать...

Отъ души обнимаю сестру и Павла Осиповича, и кланяюсь всѣмъ домашнимъ.

Къ ней же.

1832 г., 22 ноября. С. Петербургъ.

Я получилъ вчера ваше письмо, вмѣстѣ съ метрическими выписками. Вы уже знаете изъ письма моего, пущеннаго вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, что мы всѣ доѣхали благополучно, въ надлежащемъ здравіи. Дѣти, покамѣстъ, живутъ у меня, потому что въ институтѣ произошли небольшія передѣлки, и помѣщенія совсѣмъ нѣтъ. На слѣдующей недѣлѣ я ихъ отвезу. На-счетъ отягощенія ихъ ученіемъ не безпокойтесь. Онѣ такъ мало успѣли, что будутъ помѣщены вмѣстѣ съ семилѣтними въ предуготовительное отдѣленіе, гдѣ почти ничѣмъ не будутъ заниматься, выключая первыхъ началъ. Постараюсь побывать на этой же недѣлѣ въ опекунскомъ совѣтѣ. Теперь у меня много дѣлъ, и потому я спѣшу скорѣе окончить мое письмо. Одно слово только прибавлю: не сомнѣвайтесь въ нашей привязанности къ вамъ. Она съ моей стороны неограниченна, и если я вамъ казался иногда холоденъ, такъ это оттого, что у меня много разныхъ занятій, между тѣмъ какъ у васъ одно только это попеченіе о дѣтяхъ вашихъ. Вѣрьте, что у всякаго, кто бы имѣлъ такую рѣдкую мать, какъ вы, благодарность, любовь и почтеніе были бы къ вамъ вѣчны. И тотъ даже посторонній былъ бы низокъ и подлъ въ высочайшей степени, который бы не оказалъ должнаго уваженія добродѣтели...

P. S. Да, сдѣлайте милость выгоните вонъ Борисовича, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: онъ выучилъ моего Якима пьянствовать. Теперь все мнѣ открылось, когда они вмѣстѣ, Якимъ съ Яковомъ и Борисовичемъ, ходили за утками и пропадали три дня. Это все они пьянствовали и были такъ мертвецки пьяны, что ихъ чужіе люди перенесли. Я Якима больно……

Благодарю тебя, милая сестрица, за свою приписку. Будь здорова, развязна, весела, и пожалуйста поменьше хворай. Поблагодарилъ бы тебя и за пѣсню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны. Цѣлую тебя. Обними за меня Павла Осиповича.

Твой братъ.

Къ М. П. Погодину.

СПб. ноября 25 (1832.)

Не сердитесь, Михаилъ Петровичъ, умоляю, не сердитесь. Я такъ по пріѣздѣ сюда завязъ въ хлопотахъ, что насилу теперь только отрезвился; а въ нетрезвомъ состояніи мнѣ было совѣстно показаться на глаза друзей. Представьте себѣ мое горе: я не могу пріѣхать къ вамъ такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Патріотическій институтъ, видно, пронюхалъ мое намѣреніе. Вы знаете, что я везъ туда своихъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы за нихъ платить. Я зналъ, что комплектъ полонъ, что больше не могутъ принять; но надѣялся, что для меня будетъ сдѣлано снисхожденіе. Какой же бы, вы думали, я получилъ отвѣтъ? Что сестры мои принимаются, и плата за нихъ не требуется, но чтобы я за то находился при Институтѣ неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить съ себя полъобузы и избавиться на первый случай отъ хлопотъ. Отдохнувши же, я очень хорошо знаю, какъ поступить, и до весны надѣюсь быть у васъ въ Москвѣ. Очень жалѣю, что не прежде, но нечего дѣлать. Впрочемъ я, покамѣстъ, здоровъ и даже поправился. Слѣдствіе ли это совѣтовъ Дядьковскаго, которыми онъ меня снабдилъ на дорогу, и которому изъявите при случаѣ мою признательность и благодарность, или здѣшняго моего врачевателя Гаев-

скаго, который одобряетъ многое замѣченное Дядьковскимъ, тольок я чувствую себя лучше противъ прежняго. Досада только, что творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ. Можетъ быть, она ожидаетъ меня въ Москвѣ.

Прощайте. Напишите, чѣмъ вы теперь занимаетесь, и что́ у васъ родилось въ антрактѣ отъ нашей разлуки, до этого письма. Да снидетъ на васъ благодать и да разрѣшитесь вы къ новому году томомъ широкимъ, увѣсистымъ, читая который, былъ бы

»... самъ какъ будто на земли,
А предъ тобою небо открывалось.«

Такъ какъ вы, безъ всякаго сомнѣнія, испугались бы, если бы моя рука вытянулась на 700 верстъ въ длину и, пробившись сквозь капитальныя стѣны вашего кабинета, любовно пожала бы вашу, то, вмѣсто того, я посылаю вамъ мысленно рукопожатіе и братское объятіе.

Вѣчно вашъ Гоголь.

Поклонъ Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ Москвичамъ.

Напишите, сколько градусовъ тепла у васъ въ кабинетѣ. У меня холодна квартира, и я теперь всякаго, у кого въ комнатѣ 15 гладусовъ тепла, почитаю счастливцемъ...

Къ матери.

1832 г., декабря 3.

Я былъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Вамъ нечего слишкомъ безпокоиться: вамъ дано будетъ знать чрезъ губернское правленіе, что опекунскій совѣтъ требуетъ и напоминаетъ вамъ о процентахъ, и тогда [ежели вы соберетесь внесть] губернаторъ можетъ о васъ дать удостовѣреніе, что вы точно, по случаю неурожая и проч. тому подобнаго, не имѣете возможности и просите отсрочки, и васъ оставятъ на время, положенное вами, въ покоѣ. Впрочемъ до требованія продлится навѣрное мѣсяцъ еще, и потому вы, вѣрно, успѣете отправить заранѣе, и тѣмъ избѣжите хлопотъ — ѣздить къ губернатору просить свидѣтельства.

Посылаю вамъ узоры. Моего изобрѣтенія здѣсь нѣтъ, потому что я его еще не кончилъ. Эти же узоры посылаю вамъ для тѣхъ

ковровъ, о которыхъ я вамъ говорилъ еще дома. Поле все въ клѣткахъ подъ тѣнь, такъ какъ я вамъ оставилъ рисунокъ на стулья. По полю бѣлые круги [3/4 аршина въ діаметрѣ]. Они должны быть чаще и ближе одинъ отъ другого, чтобы поля [хотя оно и клѣтчатое] видно было немного; въ кругѣ букетъ цвѣтовъ, который при семъ посылаю. Одинъ букетъ ставьте на всѣ круги. Это не будетъ однообразно, а коверъ будетъ между тѣмъ чрезвычайно ярокъ. Кайму, какую хотите изъ двухъ, употребите: или гирлянды на палкѣ по бѣлому полю [только не по черному, какъ тамъ напечатано], или другую, по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же коверъ—ландшафтъ, который тоже посылаю, будетъ прелестенъ. Кайму къ нему я пришлю вамъ скоро. Она необыкновенно широка и вся въ цвѣтахъ, такъ что для ландшафта остается небольшая середина ковра, и чрезъ это коверъ очень выдетъ поразителенъ: ландшафтъ съ рамкою кажется въ отдаленіи.

Прощайте, безцѣнная маминька. Дочери ваши посылаютъ вамъ конфектъ...

Къ М. А. Максимовичу.

СПб. 1832, декабря 12.

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сихъ поръ не откликнулся къ вамъ? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тотъ художникъ, Малороссъ въ обоихъ смыслахъ, про котораго я вамъ говорилъ и который одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку, пропалъ какъ въ воду, и я до сихъ поръ не могу его отыскать. Другой, которому я поручилъ, наляпалъ какихъ-то Чухонцевъ, и такъ гадко, что я посовѣстился вамъ посылать. —— Однакожъ жаль, что наши пѣсни будутъ безъ виньетки; еще болѣе жаль, если я васъ задержалъ этимъ. Какъ же вы поживаете? Можно ли надѣяться мнѣ вашего пріѣзду нынѣшней зимой сюда? А это было бы такъ хорошо, какъ нельзя лучше. Я до сихъ поръ не переставалъ досадовать на судьбу, столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ, о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга.

Посылаю вамъ виршу, говоренную Запорожцами, и разстаюсь съ вами до слѣдующаго письма.

Н. Гоголь.

Поклонитесь отъ меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклонъ также земляку, живущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для насъ. (1)

Къ А. С. Данилевскому.

Декабрь, 20-е (1832). СПб.

Наконецъ я получилъ таки отъ тебя письмо. Я уже думалъ, что ты далъ тягу въ Одессу, или въ иное мѣсто. Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря,* что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновенье. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенью моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я.... Но мы, кажется, своротили на Байронизмъ.

Да зачѣмъ ты нападаешь на Пушкина, что онъ прикидывался? Мнѣ кажется, что Байронъ скорѣе. Онъ слишкомъ жарокъ, слишкомъ много говоритъ о любви и почти всегда съ изступленіемъ. Это что-то подозрительно. Сильная, продолжительная любовь проста, какъ голубица, то есть, выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ. Она не выражаетъ, но видно, что хочетъ что-то выразить, чего, однакожъ, нельзя выразить, и этимъ говоритъ сильнѣе всѣхъ пламенныхъ, красноречивыхъ тирадъ. А въ доказательство моей справедливости, прочти тѣ строки, которыя ты велишь мнѣ цѣловать.

Жаль, что ты не ѣдешь въ Петербургъ; но если ты находишь выгоду въ Одессѣ, то нечего дѣлать. Не забывай только писать.

(1) О. М. Бодянскому, который былъ тогда еще студентомъ университета.
П. К.

Жаль, намъ дома такъ мало удалось пожить вмѣстѣ. Мнѣ всё кажется, что я тебя почти что не видѣлъ.

Скажу тебѣ, что Красненькой заходился не на шутку жениться на какой-то актрисѣ съ необыкновеннымъ, говоритъ, талантомъ,— лучше Брянскаго — я ее впрочемъ не видѣлъ — и доказываетъ очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочемъ мнѣ кажется, что этотъ задоръ успѣетъ простыть покамѣстъ. Здѣсь и драгунъ. Такой молодецъ съ себя! съ страшными бакенбардами и очками; но необыкновенный флегма. — — —

Прощай! гдѣ бы ни былъ ты, желаю, чтобы тебя посѣтилъ необыкновенный трудъ и прилежаніе, такое, съ какимъ ты готовился къ школѣ, живя у Іохима. Это — лекарство отъ всего. А чтобы положить этому хорошее начало, пиши какъ можно чаще письма ко мнѣ. Это средство очень дѣйствительно...

Къ М. П. Погодину.

1833, января 10.

Меня изумляетъ ваше молчаніе. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю съ негодованіемъ такую мысль. По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. Главное дѣло — всеобщая исторія, а прочее стороннее. Словомъ, все меня увѣряетъ, что мы не должны разлучаться на жизненномъ пути. Я къ вамъ писалъ письмо одно и послѣ другое, въ которыхъ изъяснялъ причины, почему я не ѣду скоро въ Москву. Послалъ вамъ адресъ, просилъ и молилъ васъ не забывать своего двойника, но вы позабыли.

Поздравляю васъ съ 1833-мъ и желаю, чтобы все замышляемое вами осуществилось въ этомъ году. А себѣ желаю, чтобы вы меня любили столько, сколько я васъ.

Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и онъ не далъ мнѣ отвѣта на письмо мое. Вся Москва, кажется, забыла меня, тогда какъ ее безпрестанно вижу въ мысляхъ своихъ.

Бога ради, не забудьте меня и хотя строчкою отзовитесь.

Вашъ Гоголь.

Къ матери.

1833, января 10.

Очень изумляетъ меня ваше молчаніе. На три письма мои и одну посылку я не получаю до сихъ поръ никакого отвѣта. Письмо ваше, адрессованное ко мнѣ въ Патріотическій институтъ, уже два мѣсяца какъ я получилъ, и это письмо отъ васъ было послѣднее. Я вамъ и адрессъ свой послалъ. Сдѣлайте милость, не вводите меня въ недоумѣніе такимъ долгимъ молчаніемъ. Дѣти здоровы. У нихъ въ институтѣ недавно былъ маскарадъ. Желая вамъ совершеннаго здоровья и поздравляя васъ съ Новымъ годомъ, остаюсь,

вашъ сынъ Николай.

Къ М. П. Погодину.

1833, февраля 1. СПб.

Насилу дождался я письма вашего! Узнавши изъ него причину вашего молчанія, уже не досадую на васъ. Зависть только одолѣваетъ меня. Какъ! въ такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тѣмъ какъ я сижу, какъ дуракъ, при непостижимой лѣни мыслей! Это ужасно! Но поговоримъ о драмѣ. Я нетерпѣливъ прочесть ее, — тѣмъ болѣе, что въ »Петрѣ« вашемъ драматическое искусство несравненно совершеннѣе, нежели въ»Марфѣ«. И такъ »Борисъ«, вѣрно, еще ступенькою сталъ выше »Петра.« Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. — — Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ. Объ немъ идутъ рѣчи, какъ объ разъученой головѣ. Такъ бываетъ въ государствѣ. А у васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ нашихъ вельможъ. Какая смѣшная смѣсь во время Петра, когда Русь превратилась на время въ цирюльню, биткомъ набитую народомъ! одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили.

Вообразите, что одинъ бранитъ Антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ и бьется изъ силъ сковеркать ужимку Французокафтанника. — — Блистательный вы избрали подвигъ! Вашъ родъ очень хорошъ. Ни у кого столько истины и исторіи въ героѣ піесы. »Бориса« я очень жажду прочесть.

Какъ бы мнѣ достать вашихъ афоризмовъ? Меня очень обрадовало, что у васъ ихъ цѣлая книга. Эхъ, зачѣмъ я не въ Москвѣ!

Журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ очень обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки. Притомъ же я только такое подносилъ имъ, что̀ можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени: я вамъ пришлю, или привезу чисто-свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ названіемъ: »Земля и Люди«. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ.

Да, я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это, точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими, и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи пріобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ и владѣніе имъ законно. Но что̀ дѣлать? проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время. Такъ Александрійскій вѣкъ слишкомъ блѣдно и быстро промелькнулъ у него. Греки, въ эпоху націанальнаго образованнаго величія, у него — звѣзда не больше другихъ, а не солнце древняго міра. Римляне, кажется, уже слишкомъ много, внутренними и внѣшними разбоями, заняли мѣста противъ другихъ. Но это замѣчанія собственно для насъ, а для Руси, для преподаванія это самая золотая книга.

Вы спрашиваете объ »Вечерахъ« Диканьскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ; и хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу.

Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ »Вечеровъ«, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается.— —

Видите ли, какой я сдѣлался прозаистъ и какъ гадко выражаюсь! Всё отъ бездѣйствія...

Къ матери.

8 февраля, 1833. СПб.

Я получилъ ваше письмо отъ 6 января. Очень жалѣю, что плутъ Л**** ввелъ васъ въ такія безпокойства и не платитъ денегъ. Если еще можно, то лучше возвратите ему его задатокъ; а я напечатаю въ газетахъ объявленіе о продажѣ имѣнія, и тутъ же у меня его купятъ. Здѣсь теперь много охотниковъ покупать имѣнія, и многіе взяли свои деньги изъ ломбарда по поводу разнесшихся слуховъ, что одинъ процентъ казна сбавляетъ. Досадно, если вамъ придется вести съ нимъ тяжбу, потому что, мнѣ кажется, очень сомнительно, чтобы онъ гдѣ досталъ 4,000 руб.

Посылаю вамъ моего изобрѣтенія еще одинъ узоръ. Все поле должно́ состоять изъ осьміугольниковъ, одинъ голубой, другой оранжевой. Въ голубомъ, какъ видите, оранжевая розетка, а въ оранжевомъ голубая. Между осмиугольниками черные четвероугольники. Каіма: вьющаяся лента по бѣлому полю. Коверъ будетъ прелестенъ.

Жаль очень, что гамана́ (1) вы не достали, а теперь очень удобный случай все переслать ко мнѣ, потому что Данилевскій ѣдетъ сюда. Приготовьте къ отъѣзду его шапку смушевую съ суконнымъ верхомъ, шаровары и ку́нтушъ, хотя тотъ самый, который тогда приносили ко мнѣ.

(1) Кошель для табаку и для денегъ. *П. К.*

Съ нетерпѣніемъ ожидаю сказокъ и присказокъ. Только вамъ самимъ не совѣтую этимъ заниматься. Это нѣсколько тягостная работа. Пусть лучше сестрица моя этимъ займется, призвавши на помощь Катерину Ивановну.

Дѣти, слава Богу, здоровы и, кажется, никакого вліянія не произвелъ надъ ними климатъ. Смотрѣніе за ними какъ нельзя лучшее. Начальница ихъ рѣдкая женщина. При семъ препровождаю ихъ письма къ вамъ.

Имѣете ли вы какія-нибудь извѣстія объ Андреѣ Андреевичѣ? Мнѣ сказывалъ Л*** [который только-что уѣхалъ изъ Петербурга, по его просьбѣ къ нему], что онъ бѣднякъ очень запуталъ самъ себя и теперь не знаетъ, что̀ дѣлать. Что̀ Косяровскіе не пишутъ? Каково здоровье Анны Матвѣевны?

Посылаю вамъ башмаки, двѣ пары на вашу ногу, а двѣ на сестрину, и конфектъ.

Часто ли бываетъ у васъ Ал. Данилевскій? каково вы провели масленицу? Ужъ, вѣрно, не такъ, какъ здѣсь ее проводятъ. Теперь только Матрена съ супругомъ возвратилась изъ балагановъ и, крестясь отъ страха, разказываетъ, какъ, при ея глазахъ, разрѣзали человѣка на нѣсколько частей, даже кровь лилась, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ожилъ и началъ ходить, кривляться и паяцничать, какъ прежде; изъ маленькой дѣвчонки вдругъ сдѣлалась огромная кухня, съ посудою, горшками, и проч.

Сію минуту только мнѣ принесли письмо ваше, въ которомъ вы изъявляете сожалѣніе о неполученіи мною вашихъ. Письма ваши всѣ мною получены; черезъ магазинъ Смирдина скорѣе всѣхъ, но другое немного залежало. Очень благодарю васъ за то, что приказали Антошкѣ списывать сказки. Когда бы только онъ не умничалъ и не выбрасывалъ многаго.

Вы пишете, чтобы я объ себѣ писалъ вамъ. Что̀ же такое писать? Ну, я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Когда проснусь, то одѣваюсь; потомъ завтракаю; часа черезъ четыре, или пять обѣдаю; когда же наступитъ ночь, то ложусь спать; и такъ каждый день проходитъ. Не дѣлаю совершенно ничего: можетъ быть, я изъ дому вывезъ съ собою лѣнь. И досадно, а ничего не хочется дѣлать.

Вообразите мою непріятность! Приготовился теперь же послать бритвы Павлу Осиповичу, и теперь же у меня ихъ украли, какъ-будто въ наказаніе, что я позабылъ сдѣлать это раньше. Я хотѣлъ-было купить, но настоящихъ Англійскихъ теперь и въ Петербургѣ нѣтъ: привозъ запрещенъ, мнѣ же достались онѣ по случаю.

Много свадебъ! Поздравьте отъ меня Марью Алексѣевну и скажите, что я ей отъ всей души желаю счастія въ новомъ ея состояніи...

Къ А. С. Данилевскому.

1833 года, февраля 8. С. Петербургъ.

Я получилъ оба письма твои почти въ одно время и изумился страшнымъ переворотамъ въ нашей сторонѣ. Кто бы могъ подумать, чтобы Соф. В. и М. Ал. выйдутъ въ одно время замужъ, что мыши съѣдятъ живописный потолокъ Юрьева и что Голтвянскія ба́лки (¹) узрятъ на берегахъ своихъ Черниговскаго форшмейстера! Насмѣшилъ ты меня Л*** — — Одинъ Гаврюшка въ барышахъ. Однако я отъ всей души радъ, что Марья Алексѣевна вышла замужъ. Жаль только, что ты не написалъ, за кого. Что̀ ты? лѣнишься, или скучаешь?

Мнѣ уже кажется, что время то, когда мы были вмѣстѣ въ Васильевкѣ и въ Толстомъ, чортъ знаетъ какъ отдалилось, — какъ-будто ему минуло лѣтъ пять! Оно получило уже для меня прелесть воспоминанія. Я вывезъ, однакожъ, изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ страшномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое.

И не одинъ я, — все, кажется, дремлетъ. Литература не двигается; пара только вздорныхъ альманаховъ вышла — »Альціона« и »Комета Бѣлы«. Но въ нихъ, можетъ быть, чайная ложка меду, а прочее все деготь. Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только

(¹) Мокрыя долины по рѣчкѣ Голтвѣ. *Н. К.*

какой-нибудь случай, и болѣе необходимость, не затащутъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. На дняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ: »Пестрыя Сказки«. Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ. Читаешь ли ты »Иліаду«? Бѣдный Гнѣдичь уже не существуетъ. Какъ мухи, мрутъ люди и поэты. Одинъ Х** и Ш***, на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остаются тверды и переживаютъ всѣхъ — — Поздравляю тебя съ новымъ землякомъ, пріобрѣтеніемъ нашей родинѣ. Это Ѳаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ. Вообрази себѣ: уже печатаетъ Малороссійскій романъ, подъ названіемъ »Мазепа«. — — Въ альманахѣ »Комета Бѣлы« былъ помѣщенъ его отрывокъ подъ титуломъ: »Походъ Палѣевой вольницы«, гдѣ лица говорятъ даже Малороссійскимъ языкомъ. Попотчивать ли тебя чѣмъ-нибудь изъ Языкова, чтобы закусить г.... конфектами? Но я похвасталъ, а ничего и не вспомню. Нѣсколько строчекъ, однакожъ, приведу.

»Какъ вино, вольнолюбива,
Какъ вино, она игрива
И блистательно свѣтла.
Какъ вино, ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонитъ
И меня на ложе склонитъ
Беззаботной головой.
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои читаетъ,
И блеститъ въ моихъ очахъ.«

Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговариваетъ объ этомъ. — —

Не знаю, врядъ ли тебѣ будетъ хорошо ѣхать теперь. Дорога, говорятъ, мерзкая; снѣгъ то вдругъ напáдаетъ, то вдругъ исчезнетъ. Но, какъ бы то ни было, я очень радъ, что ты это вздумалъ и хоть ты и пострадаешь въ дорогѣ, зато я выиграю, тебя прежде увидѣвши. А Тиссонъ какъ? поѣдетъ ли онъ съ тобою, или нѣтъ? Мнѣ Акимъ (¹) надоѣлъ [онъ состоитъ въ должности повѣреннаго

(¹) Это тотъ Малороссіянинъ Якимъ, который присутствовалъ при сожженіи »Ганца Кюхельгартена«. *П. К.*

Аѳанасія и ходить здѣсь по дѣламъ его]. Безпрестанно проситъ позволенія идти къ Т***, который употребляетъ Фабіевскія увертки въ промедленіи уплаты 15 руб. съ копейками. Это ты можешь передать Аѳанасію.

Ты меня ужасно какъ ошеломилъ извѣстіемъ, что у васъ снѣгъ таетъ и пахнетъ весною. Что̀ это такое *весна*? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда-нибудь. Это должно быть что-то такое дѣвственное, неизъяснимо упоительное, Элизіумъ. »Счастливецъ!« повторилъ я нѣсколько разъ, когда прочелъ твое письмо. Чего бы я не далъ, чтобы встрѣтить, обнять, поглотить въ себя весну! Весну.... какъ странно для меня звучитъ это имя! Я его точно такъ же повторяю, какъ К*** [NB. который находится опять здѣсь и успѣлъ уже написать 7 трагедій] повторялъ — помнишь? — Поза, Поза, Поза. (1)

Кстати о Возвышенномъ. Онъ нестерпимо скученъ сдѣлался. Тогда было соберетъ около себя толпу и толкуетъ или о Моцартѣ и интегралѣ, или движетъ эту толпу за собою Испанскими звуками гитары. Теперь совсѣмъ не то: не терпитъ людности и выберетъ такое время придти, когда я одинъ, и тогда — или душитъ трагедіей, или говоритъ такъ странно, такъ вяло, такъ непонятно, что я рѣшительно не могу понять, какой онъ секты, и не могу замѣтить никакого направленія въ немъ.

Зато пріятель твой Василій Игнатьевичъ, о которомъ ты заботишься, ни на волосъ не перемѣнился съ того времени, какъ ты его оставилъ. Та же ловкость, та же охота забѣгать по дорогѣ къ пріятелямъ за двѣ версты въ сторону. Кажется, онъ, чѣмъ далѣе, дѣлается легче на подъемъ, такъ что въ глубокой старости улетитъ, я думаю, съ тѣломъ въ поднебесныя страны, отчизну поэтовъ.

Прощай. Пиши, если успѣешь. Видишь ли ты Ѳедора Акимовича съ новобрачною супругою, или хотя мужественнаго Грица! Да, что̀ Барановъ? въ нашихъ еще краяхъ? Поклонись ему отъ меня, если увидишь, и скажи ему, что я, именемъ политики, прошу его написать строкъ нѣсколько. Что̀ въ Васильевкѣ дѣлается? Я

(1) Маркизъ Поза, пламенный энтузіастъ въ Шиллеровой драмѣ: »Донъ Карлосъ«. *П. К.*

думаю, Катерина Ивановна напѣла тебѣ уши пѣснями по *богрендомъ, духтеромъ.* [1]

Къ М. П. Погодину.

Февраля 20 (1833).

Я получилъ письмо твое еще февраля 12 и почти недѣлю промедлилъ отвѣтомъ. Винюсь. Прости меня! Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ: »Земля и Люди«. Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска.... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается; не съ тѣмъ вдохновеннополнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ — другъ; но не могу, не въ силахъ. Чортъ побери, пока, трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени! Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего.

Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сю-

(1) Катерина Ивановна, тетка Гоголя, была его любимою пѣвицею Малороссійскихъ пѣсень. Воспоминаніе о *богрендомъ духтеромъ* относится къ полу-Цыганской пѣснѣ:

Ой у полі долина,
А въ долині калина....
Припѣвъ: Бойрендомъ, янтеромъ,
Духрейдомъ, духтеромъ!

П. К.

жетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: »Владиміръ 3-й Степени«, и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился — — Чтò изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она — какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на-показъ народу неконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самой невинной, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но чтò комедія безъ правды и злости!

Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію— передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы— и исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей.

Беттиг(ера) я не читалъ на Нѣмецкомъ. Прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя? Мнѣ нравится въ ней то, что есть по крайней мѣрѣ нить, нѣсколько вѣрный анатомическій скелетъ. У насъ и этого нигдѣ не найдешь. Не будетъ ли еще чего-нибудь у васъ историч(ескаго), переведеннаго университетскими? А чтò Европейская исторія?

Пушкинъ недавно говорилъ о тебѣ съ Государемъ на-счетъ Петра, и желанія твоего трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Государь напередъ желалъ узнать о трудахъ твоихъ, и когда Ему вычислили длинный рангъ твоихъ изданій, то Онъ тотъ же часъ изъявилъ согласіе, и Пушкинъ говоритъ, что ты можешь, живя здѣсь, или въ Москвѣ, издавать все выкапываемое въ архивахъ. — —

Крылова нигдѣ не попалъ, чтобы напомнить ему за портретъ. Этотъ блюдолизъ, не смотря на то, что породою слонъ, летаетъ какъ муха по обѣдамъ.

Смирдину напоминалъ. Читалъ ли ты Смирдинское »Новоселье«? Книжища ужасная; человѣка можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Б****, сколько тутъ и подлости, и вони, и всего!

Я слышалъ, у васъ въ Москвѣ альманахъ составляется, и участвуютъ люди такіе, которыхъ статьи непремѣнно будутъ значительны. Будешь ли тамъ?

Мнѣ очень нравится комета Галлея. Есть что-то чертовски утѣшительное въ минуты нѣкоторыхъ мыслей....

У меня теперь голова страшно забита кучею хлопотъ, вчера и сегодня, такъ что я... я думаю пишу довольно безтолково и спѣшу отправить....

Хотѣлъ было предложить два историческіе вопроса, сильно меня занимавшіе—не разрѣшишь ли? но послѣ. Они требуютъ много бумаги. Видишь? я, не смотря, всё таки не могу совершенно освободиться отъ исторіи.

Къ матери.

1833 года, 23 марта.

Письма ваши, одно почтою, другое чрезъ Данилевскаго, получилъ. Очень благодаренъ вамъ за присылку шапки, пояса и прочаго. Жаль, что не застала васъ во́ время просьба о куптушѣ; но впрочемъ это можно исполнить при другомъ удобномъ случаѣ. Можетъ быть, Леонтьевъ будетъ въ нашихъ мѣстахъ, и тогда можно будетъ чрезъ него. Радъ очень, что вы немного успокоились на-счетъ хозяйственныхъ хлопотъ. Дѣти, слава Богу, здоровы. — —

Съ 1 февраля и до сихъ почти поръ здѣсь стоитъ прекрасная зима. Какъ у васъ? Я думаю, весна уже давно началась; по крайней мѣрѣ въ полѣ зеленѣетъ. Я всегда очень сожалѣю, что мнѣ никогда почти не доводилось встрѣтить весну въ нашемъ краѣ. Можетъ быть, на слѣдующій годъ Богъ поможетъ исполниться этому моему желанію...

Къ ней же.

Поздравляю васъ съ праздникомъ. Очень бы былъ радъ, если бъ узналъ, что вы провели его какъ нельзя лучше. Но такъ какъ мнѣ еще ничего не извѣстно про то, что̀ происходило въ продолженіе ихъ у васъ, то остается пожелать, чтобы вы всѣ дни грядущіе были такъ веселы и спокойны, какъ добрые люди въ праздникъ.

Анетъ и Лиза поздравляютъ васъ съ праздникомъ, хотя, впрочемъ, нѣсколько поздно.

Получили ли вы какое-нибудь свѣдѣніе отъ отца Емельяна? Пришлетъ ли онъ ноты? Очень бы меня обрадовалъ, онъ, если бы прислалъ. Я думаю, что Ольга Д. позабыла отдать письмо ему.

Съ 3 дня праздниковъ опять возстановилась здѣсь хорошая погода, но первый и второй день были дождливы.

Цѣлую сестру и Павла Осиповича, а также и Катерину Ивановну. Обнимаю Василя Ивановича, и да спадетъ миръ на домъ нашъ!

Вашъ Николай.

1833 года, апрѣля 5. СПб.

Къ ней же.

1833 года, мая 2. С. Петербургъ.

Жаль мнѣ чрезвычайно, что вы такъ поздно получили письмо мое и долго безпокоились. Мы всѣ въ продолженіе этого времени были здоровы какъ нельзя лучше. — — —

Теперь поговорилъ о вашихъ дѣлахъ. Я очень радъ, что вы хвалитесь хорошею выдѣлкою кожъ. Но не много ли будетъ четырехъ тысячъ, которыми вы жертвуете для него! Не лишите ли вы чрезъ это себя опять всего необходимаго? Я нарочно здѣсь разспрашивалъ искусныхъ фабрикантовъ въ выдѣлываніи кожъ, съ которыми именно для этого познакомился. Нѣкоторые изъ нихъ заводили въ Малороссіи и жалуются особеннымъ неуспѣхомъ, жалуются на то, что Москва всегда подрываетъ. Тамъ выдѣлываются кожи довольно дурно, и оттого чрезвычайно дешево; а народъ мало смотритъ на доброту, но болѣе на дешевизну. Изъ Москвы же развозятъ ихъ по всей Россіи. Особенно не совѣтуютъ дѣлать изъ нея сапогъ, сѣделъ и другихъ вещей, а лучше продавать ее тотчасъ по выдѣлкѣ, потому что эти вещи Московской работы дѣлаются какъ попало, продаются такъ дешево, какъ грибы, и потому здѣшніе фабриканты ни одной кожи, ниже сдѣланной изъ нея вещи не отпускаютъ въ провинцію, а продаютъ все это здѣсь, потому что здѣсь только могутъ имъ выгодно за-

платить. Главное, еще совѣтуютъ смотрѣть въ оба за фабрикантомъ, не отпускать его въ дальнія мѣста, не взявъ у него паспорта и не ввѣрять ему никогда слишкомъ большой суммы.

На счетъ дѣтей Егора Львовича Л*-Д***** я еще не развѣдывалъ, но постараюсь на дняхъ узнать, и тогда напишу къ вамъ. Только, сколько, мнѣ помнится, то въ медико-хирургическую академію не принимаютъ такъ молодыхъ; впрочемъ я узнаю.

Цѣлую сестру и очень благодаренъ ей за племянника. То-то, я думаю, она теперь нянчится съ нимъ! Не знаетъ, воображаю, куда дѣть его. Ему, бѣдному, вѣрно, достается! Обнимаю кума Павла Осиповича и отъ души поздравляю его.

Время здѣсь весь мартъ было прекрасное, дни ясные и совершенно лѣтніе. На Невскомъ проспектѣ было 16 градусовъ тепла въ тѣни. Это вдругъ послѣ зимы! Апрѣль, особливо начало его, было хуже немного. Зелень только что начинаетъ показываться; деревья еще безъ листьевъ.

Желаю вамъ поменьше заботъ, побольше спокойныхъ и веселыхъ минутъ. Мнѣ, признаюсь, часто приходитъ на умъ, что вы скучаете, задумываетесь, и оттого я иногда бываю цѣлый день невеселъ...

Цѣлую Катерину Ивановну и кланяюсь всѣмъ домашнимъ, Василю Ивановичу, Варварѣ Семеновнѣ и проч.

Къ М. П. Погодину.

Мая 8 (1833). СПб.

Теперь только-что получилъ я твою записку чрезъ К****. Хорошъ коммисіонеръ попался! Въ ней я прочелъ странный упрекъ, который я втайнѣ было-дѣлалъ тебѣ. Странно: я писалъ къ тебѣ письмо не такъ давно. Неужели ты не получалъ его! Еще страннѣе, что я не видѣлъ и не читалъ того письма, о которомъ пишешь, что я, вѣрно, удивился, когда прочелъ его. Не приложу ума, какому сатаненку достались наши письма.

Ну, очень радъ, что уже »Самозванецъ« пишется. Можетъ

быть, онъ уже и конченъ? Когда-то мнѣ достанется читать! Хотѣлось бы.

Я не иначе надѣюсь отсюда вырватъся, какъ только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе можетъ сдѣлаться, какъ по написаніи увѣсистой вещи. А начало къ этому уже сдѣлано. Не знаю, какъ пойдетъ дальше.

Скоро ли у васъ выйдетъ хоть одинъ томъ Европейской исторіи? Кстати, случалось ли когда-нибудь тебѣ слышать про исторію Римской имперіи и Славянскихъ народовъ? Это чудо, а не книга, типографическая рѣдкость! 1503 года и вся въ опечаткахъ, а главное, что во введеніи прежде всего говорится о истребленіи вшей и привезенныхъ въ Германію Индійскихъ клоповъ. Издана въ Оснабрикѣ.

Пушкинъ ужъ почти кончилъ исторію Пугачова. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачова. Интересу пропасть! Совершенный романъ!

Что̀ дѣлаютъ наши Москвичи? Что̀ Максимовичъ? печатаетъ точно »Наума« и пѣсни, или только насъ надуваетъ? А Кирѣевскій неужели онъ до сихъ поръ на ложѣ лѣни? Не дѣлаетъ ли чего Баратынскій, и не будетъ ли кто изъ васъ этого лѣта въ Петербургѣ?

Адресуй мнѣ, пока, на имя Смирдина, пототу что я думаю перемѣнить на этой, или на той недѣлѣ квартиру непремѣнно.

Ты, кажется, желалъ имѣть »Вечера на Хуторѣ«. Теперь только я досталъ ихъ и посылаю. Гдѣ будешь лѣто проводить, въ городѣ, или въ деревнѣ?

Нельзя ли напечатать скорѣй афоризмы? у меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣтилъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть, выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая.

Прощай. Цѣлую тебя нѣсколько разъ и да не отлучается отъ тебя вдохновенье и творческая сила!

Твой Гоголь.

Къ матери.

С. Петербургъ. 1833, іюня 20.

Я получилъ почти вдругъ три письма вашихъ. Изъ послѣдняго я увидѣлъ, что вы находитесь въ величайшемъ безпокойствѣ. Ради Бога, не принимайте близко къ сердцу всякую бездѣлицу. Велика важность, что N N мѣрялъ нашу землю! Пусть онъ хоть всю ее помѣститъ у себя на планѣ. Мы можемъ помѣстить его Д*** у себя на планѣ. Это все вздоръ, когда онъ не имѣетъ на нее никакихъ актовъ. Итакъ все и кончено. Я думаю, что это измѣреніе произошло, просто, изъ любопытства знать сосѣднія земли. Можетъ быть, онъ имѣетъ намѣреніе прикупить къ себѣ что-нибудь, и потому измѣрилъ заранѣе для своей смѣты. Жаль, что въ Яворивщинѣ живутъ у насъ такіе олухи, которымъ ни до чего нѣтъ нужды, у которыхъ, если бы собственный языкъ ихъ стали мѣрять аршинами, такъ они не спросили бы. За это я бы хорошенько высѣкъ ихъ и держалъ бы впередъ поаккуратнѣе тамъ стражу. Если бы тогда какой-нибудь уполномоченный отъ васъ, положимъ Василій Ивановичъ, подъѣхавши къ князю спросилъ его: »Помѣщица приказала мнѣ узнать отъ вашего сіятельства, съ какимъ намѣреніемъ мѣряете вы принадлежащую ей землю?« то тогда же бы всякое сомнѣніе и разрѣшилось.

Жаль мнѣ, очень жаль, что около васъ, какъ неугомонныя мухи, вьются вѣчныя заботы. Сколько разъ я проклиналъ мысленно эту сапожную фабрику зато, что она прибавила вамъ новый вьюкъ хлопотъ! Часто думалъ я: »Зачѣмъ намъ новыя заведенія, и особливо теперь, когда еще имѣніе не совсѣмъ устроилось?« Будьте увѣрены, что дѣти ваши не жадны. Зачѣмъ намъ деньги, когда онѣ цѣною вашего спокойствія? На эти деньги [если только онѣ будутъ] мнѣ всё кажется, что мы будемъ глядѣть такими глазами, какъ Іуда на сребреники: за нихъ проданы ваша тишина и, можетъ быть, часть самой жизни, потому что заботы коротаютъ вѣкъ. Для меня удивительно одно въ вашей фабрикѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10,000 паръ сапоговъ и рѣшается ихъ сдѣлать въ одинъ годъ? Кто за него будетъ работать? неужели невидимая

сила? Вопросъ: гдѣ онъ наберетъ работниковъ? [одинъ человѣкъ въ три дня можетъ сдѣлать только пару.] Положимъ, онъ работниковъ ученыхъ наберетъ немного, остальныхъ составитъ изъ неучей, но вѣдь ихъ нужно же обучить. Для этого время! Когда же предположить, что они всѣ знающіе, то гдѣ наберутся средства для содержанія ихъ, выдачи имъ жалованья? а чтобы сшить въ годъ 10,000 сапоговъ, нужно работниковъ не меньше, какъ 100, или 80 человѣкъ. Шутка ли? цѣлая деревня!

Вы, кажется, говорили мнѣ, что имѣете намѣреніе заложить тѣ души, которыя переведены изъ Лукашевки. Въ такомъ случаѣ я бы совѣтовалъ вамъ сдѣлать это, скорѣе удовлетворить фабриканта, такъ чтобы онъ васъ больше не безпокоилъ, и построекъ флигелей не производить въ этотъ годъ. Отдохните немного, а тамъ уже общими силами, на слѣдующій годъ пріѣду я, и мы начнемъ...

Дѣти здоровы какъ нельзя лучше, подросли, даже похорошѣли. — — —

Благодарю васъ очень за кунтушъ, но только коммиссіонеръ вашъ чрезвычайно неисправенъ: онъ и не подумалъ явиться ко мнѣ, живя здѣсь, какъ я узналъ, почти мѣсяцъ, и если бы Данилевскій не послалъ къ нему за письмами, которыя были къ нему, то онъ и не догадался бы прислать; и то прислалъ уже къ Данилевскому. Какъ справедлива пословица: *Съ Хама не будетъ пана!*

Прощайте! поклонъ мой бабушкамъ, дѣдушкѣ и Катеринѣ Ивановнѣ. Желаю въ пору дождя, солнца, да заставятъ они наши нивы обильно произвесть хлѣбъ.

Къ ней же.

Іюня 24, 1833. С. Петербургъ.

Пишу къ вамъ въ самый жаркій день. Такая ли жара и у васъ, какъ у насъ? Термометръ показываетъ 24 и даже 25 градусовъ въ тѣни. Я очень рѣдко теперь живу въ городѣ, въ которомъ душно, какъ въ банѣ. Солнце тиранствуетъ, а не грѣетъ. Поль-

зуясь тѣмъ, что многіе оставили городъ, я ищу теперь себѣ другую квартиру, потому что старая надоѣла мнѣ до смерти. Она меня заморозила зимою такъ, что одно только лѣто, подобное нынѣшнему, отогрѣло меня. А потому я прошу васъ до времени, покамѣстъ не извѣщу о новомъ адресѣ, писать письма или въ институтъ, или въ магазинъ А. Смирдина.

Увѣдомьте Л* - Д*****, что пріемъ въ медико - хирургическую школу не имѣетъ большой трудности; только, если кто хочетъ помѣстить на казенный счетъ, долженъ подать просьбу заблаговременно еще къ сроку. Вотъ и все! Только его дѣтямъ, кажется, еще очень рано. Они должны быть слишкомъ молоды; а здѣсь не принимаютъ раньше шестнадцатилѣтняго возраста.

Прилагаю вамъ письма Анеты и Лизы. Анетъ была довольно умна почти весь этотъ мѣсяцъ, только всё письмо написала къ вамъ коротенькое.

Гдѣ теперь живетъ бабушка Агаѳія Матвѣевна? Прошу васъ, маминька, передать ей поклонъ; также если будете у Анны Матвѣевны, то и ей. Освободилась ли она отъ боли своей въ ногахъ?

Жаль мнѣ очень, что у васъ теперь грузъ заботъ. Лѣтомъ особенно нужно вести жизнь какъ можно спокойнѣе. Чѣмъ бы я не пожертвовалъ, чтобы доставить вамъ такую жизнь! но, къ великому горю, до сихъ поръ не въ состояніи.

Прощайте, несравненная моя маминька! Цѣлую сестру, Павла Осиповича, дѣдушку, Катерину Ивановну и всѣхъ домашнихъ...

Къ М. А. Максимовичу.

СПб. іюля 2 (1833).

Чувствительно благодарю васъ, земляче, за »Наума« и »Размышленія« (1), а также и за приложенное къ нимъ письмо ваше. Все я прочелъ съ большимъ аппетитомъ, хотя и получилъ, къ со-

(1) Сочиненія г. Максимовича: »Книга Наума о великомъ Божіемъ Мірѣ« и »Размышленія о Природѣ«. *П. К.*

жалѣнію, поздно, потому что теперь только пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца, и засталъ ихъ у Смирдина лежавши(ми) около мѣсяца.

Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. —— Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько. —— Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отъищите экс-профессора Бѣлоусова (1): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень полезенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень, благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно, а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. Не знаю, напишу ли я что-нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожъ, для »Денницы« (2) вашей употреблю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить (3) воображе(ніе). А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что̀ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ Московскій водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дядьковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что̀ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень, вмѣсто пера, покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга....

(1) Бывшій наставникъ Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. *П. К.*

(2) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году. *П. К.*

(3) Малороссійское слово; по-русски — расшевелить. *П. К.*

Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка. Прощайте.

Вашъ Н. Гоголь.

Къ матери.

1833 г., августа 9.

Письма ваши всѣ я получилъ исправно, и даже адресованное на старую квартиру. Очень радъ, что вы здоровы, а также и сестра съ моимъ племянникомъ. Болѣе трехъ дней, какъ я нахожусь въ городѣ. До сего же времени жилъ за городомъ въ Стрѣльнѣ и около Петергофа. Время было довольно дурно: весь іюль мѣсяцъ былъ дождливъ, дни походили на осенніе. Напишите, каковъ у васъ былъ этотъ мѣсяцъ, въ какой степени великъ неурожай и что̀ стоитъ четверть хлѣба.

Сдѣлайте милость, не приписывайте мнѣ всякаго вздору. Я въ первый разъ слышу, и то отъ васъ, что существуетъ книга подъ названіемъ »Кулябка«. Вѣрьте, что если бы я что-нибудь выпустилъ свое, то, вѣрно бы, прислалъ вамъ. Впрочемъ, врядъ ли будетъ что-нибудь у меня въ этомъ, или даже въ слѣдующемъ году. Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновенье — не знаю.

Не могу вамъ также сказать совершенно вѣрно, буду ли я у васъ будущею весною, или нѣтъ. Мое желаніе самое ревностное пріѣхать, и я всѣми силами буду стараться это исполнить; но все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Я позабылъ названіе инструментовъ, употребляемыхъ въ кожевенномъ дѣлѣ, а письма вашего, въ которомъ вы писали о нихъ, никакъ не отыскалъ, и потому не освѣдомлялся о нихъ. Но если вы возьмете трудъ опять написать названія ихъ, то я не премину увѣдомить...

Къ ней же.

1833 г., сентября 26.

Поздравляю васъ, безцѣнная маминька, съ наступающимъ днемъ ангела вашего. Молю Бога, да пошлетъ Онъ вамъ радость,

здоровье и да избавитъ отъ непріятныхъ заботъ и огорченій. Сестры посылаютъ вамъ конфектъ и присоединяютъ свои молитвы къ моимъ. Мы всѣ здоровы и веселы, и желаемъ здоровья и счастья всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, которымъ искренно кланяемся ..

Къ ней же.

1833 г., октября 2. С. Петербургъ.

Я получилъ письма ваши. Одно, въ которомъ вы увѣдомляете меня о смерти Анны Матвѣевны, очень меня тронуло. О ней я не сожалѣю, потому что она была уже въ довольно преклонныхъ лѣтахъ и, послѣ примѣрной жизни, умерла, оплакиваемая истинно привязанными къ ней. Но я болѣе сожалѣлъ о васъ, что (вы) лишились этой почтенной женщины, которая всегда принимала въ васъ, а стало быть и въ насъ всѣхъ, самое жаркое участіе. Миръ ея праху! Она, вѣрно, тамъ счастлива. Жаль мнѣ, что вы останетесь заключены теперь въ Васильевкѣ. Прежде вы бывало ѣздили въ Ярески. Вамъ нужно болѣе проѣзживаться.

Въ другомъ письмѣ вы сожалѣете, что дѣти не учатся музыкѣ. Не безпокоитесь объ этомъ, моя безцѣнная маминька! Будьте увѣрены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить имъ все нужное. Всѣ пріятныя искусства, необходимыя для дѣвицъ, будутъ имъ внушены. — —

Сдѣлайте милость, моя безцѣнная маминька, воспитывайте такимъ образомъ Олю — — Отдалите отъ нея дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть неотлучно при васъ. Лучше нѣтъ для дѣвицы воспитанія, какъ въ глазахъ матери, а особливо такой, какъ вы. Пусть она спитъ въ вашей комнатѣ. Ввечеру нельзя ли вамъ такъ завесть, чтобы всѣ (сидѣли) вмѣстѣ за однимъ столомъ: вы, сестра, Павелъ Осиповичъ и она, и каждый занимался бы своимъ. Давайте ей побольше занятій, пусть она занимается тѣми же дѣлами, что̀ и большіе; давайте ей шить не лоскутки, а нужныя домашнія вещи; поручите ей разливать чай... Ради Бога, не пренебрегайте этими мелочами. Знаете ли вы, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? то, что̀ въ дѣтствѣ только

хорошая привычка и наклонность, превратится въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель. Внушите ей правила религіи. Это фундаментъ всего. — — Это немного тоже сдѣлаетъ добра, если она будетъ безпрестанно ходить въ церковь. Тамъ для дитяти тоже все непонятно: ни языкъ, ни обряды. Она привыкнетъ на это глядѣть, какъ на комедію. Но вмѣсто всего этого говорите, что Богъ все видитъ, все знаетъ, что она ни дѣлаетъ. Говорите ей побольше о будущей жизни, опишите всѣми возможными и нравящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки ждутъ грѣшныхъ. Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ, при всякомъ ея поступкѣ, худомъ, или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства, и тогда они надолго сохранятъ все прекрасное. Я испыталъ это на себѣ. Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастью, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами; я ходилъ въ церковъ потому, что мнѣ приказывали, или носили меня; но стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ — я живо какъ теперь помню этотъ случай — я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли.

Но довольно о религіи; обратимся теперь къ наукѣ жизни. Даже играть съ своими игрушками она должна при васъ въ гостиной, или гдѣ вы будете сидѣть. Если пріѣдутъ гости, заставляйте ее быть неотлучно при гостяхъ. Пусть она говоритъ и вмѣшивается даже въ общій разговоръ, если разговоръ понятенъ для нея. Не то — пусть она приноситъ свои игрушки, или занимается дѣломъ: шьетъ, или работаетъ тутъ же при гостяхъ. Это одно истребитъ ту дикость, которую получаютъ дѣти, находясь въ дѣвичьей. Этимъ однимъ она пріобрѣтетъ ту непринужденность, которая такъ мила и всегда восхищаетъ насъ. Этимъ однимъ она пріобрѣтетъ и заранѣе пріучится пріятно разсказывать и занимать другихъ своими разговорами. — — Сколько есть такихъ, которыя не умѣютъ совсѣмъ слова связать! А отчего? отъ этихъ дѣвичьихъ, отъ неразсудительности матерей, которыя тогда только берутъ дочерей подъ свое покровительство и удаляютъ изъ дѣвичьей, когда они уже дѣлаются совершеннолѣтними, и берегутъ ихъ, когда уже нечего беречь, когда глупости и предразсудки пустили слишкомъ глубоко свои корни. Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ. Вы — другое дѣло, безцѣннѣйшая маминька, вы понимаете меня въ этомъ отношеніи. Вы увидите истину моихъ словъ, которыя, можетъ быть, даже сходны съ собственными вашими и, вѣрно, поступите по моему предложенію, — тѣмъ болѣе, что исполнить это нѣтъ ни малѣйшей трудности и нисколько не обременитъ васъ; стóитъ только разъ завесть, а тамъ все пойдетъ такъ, какъ начато.

Вы спрашиваете у меня на-счетъ ревизіи. Сдѣлайте милость, дѣлайте такъ, какъ вы увидите нужнымъ. Имѣніе гораздо лучше, если будетъ всегда записываемо на одно ваше имя.

Жаль мнѣ, чрезвычайно жаль, что.... [1]

П. К.

[1] Конецъ письма потерянъ.

Къ М. А. Максимовичу.

9 ноября, 1833. С. Петербургъ.

Я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій землякъ, черезъ Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, чтобы прислать вамъ въ вашу »Денницу«. У меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годна(го) для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть (1), о которой я совсѣмъ было-позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что̀ вы хотите. Но не теперь. Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережилъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей —— Украины. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсень и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью Жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что̀ всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть! Я вамъ ихъ спишу.... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ

(1) То была »Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ«, напечатанная Смирдинымъ въ »Новосельѣ«. *П. К.*

и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсень. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсень, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto, на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже п...... онѣ всё даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, всё разоблачаютъ яснѣе и яснѣе — — прошедшую жизнь и — — прошедшихъ людей.... велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ, и что̀ замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

Прощайте, милый — — землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... Лучше вычеркнуть...

»Пишите ко мнѣ.

Къ матери.

1833 г., ноября 22. С. Петербургъ.

Во-первыхъ, прежде всего я долженъ благодарить васъ за посылку, сестру за пѣсни, изъ которыхъ особенно та, что: *Що се братця якъ барятця!* очень характерна и хороша. Но болѣе всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради съ пѣснями: между ними есть многія очень замѣчательны. Сдѣлаете большое одолженіе, если отыщете подобныя той тетради съ пѣснями, которыя, я думаю, болѣе всего водятся въ старинныхъ сундукахъ между старинными бумагами у старинныхъ пановъ, или у потомковъ старинныхъ пановъ. — —

Сапоги теплые хороши и недурно сдѣланы. Одно только дурно: гдѣ сыщете вы покупщиковъ? Врядъ ли хорошія вещи найдутъ

сбытъ. Нужны хорошіе, но самые грубые, въ которыхъ бы нуждался окружающій народъ. Впрочемъ вы, я думаю, лучше это знаете.

Бобовъ я не совѣтую вамъ присылать. Это будетъ только затрудненіе. За фунтъ вамъ нужно платить на почту вѣсовыхъ до 70 копѣекъ. Между тѣмъ ихъ этотъ годъ былъ урожай и здѣсь, и они продаются не дороже рубля за фунтъ.

Пѣсни я совѣтую вамъ, если будете присылать, то давайте имъ видъ тетради, или книги. Для этого непремѣнно нужно какую-нибудь пришить къ нимъ обвертку изъ цвѣтной бумаги. Потому что чиновники, служащіе въ почтамтахъ — — никакъ не могутъ отличить пѣсень, или другого чего-нибудь отъ дѣловой казенной бумаги. Также писемъ не кладите во внутрь посылки, чтобы не давать имъ поводу къ привязкамъ. Если какія-нибудь попадутся вамъ старыя рукописи, вы тотчасъ велите имъ сдѣлать обвертку.

Теперь, я думаю, у васъ въ винѣ больная нужда, по случаю неурожая. Какъ бы я желалъ чѣмъ-нибудь помочь вамъ! Но теперь, какъ на бѣду, для меня весь этотъ годъ прошелъ совершенно безъ всякой пользы. Ничего я не могъ пріобрѣсть. На слѣдующій, если Богъ поможетъ, то я буду имѣть кое-что и буду, можетъ быть, такъ счастливъ, что уменьшу хоть сколько-нибудь заботы ваши.

Вы очень хорошо дѣлаете, что отдаете Олиньку въ пансіонъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ничего лучше не можно сдѣлать. Хорошо также, что вы не даете съ нею дѣвки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите и мадамѣ, чтобы она держала ее при себѣ, или съ другими дѣтьми, но чтобы отнюдь не обращалась она съ дѣвками. Больше всего заставлять заниматься ее рукодѣліемъ и практикою языковъ, музыки, особенно танцами: это укрѣпляетъ члены...

Къ ней же.

1833 г., 13 декабря. С. Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше отъ 23 ноября третьяго дня. Очень радъ, что вы здоровы. Въ письмѣ вы извѣщаете, между прочимъ, что хотите продать одну землю, а людей оставить. Но выгодно ли

это будетъ вамъ? Вѣдь вамъ нужно, маминька, денегъ и въ приказъ отдать, и въ опекунскій совѣтъ, а еще нѣсколько тысячъ на предполагаемый вами кожевенный заводъ. Точно ли притомъ вы увѣрены, что люди дѣйствительно добры? Вѣдь имъ самимъ вѣрить нельзя. Этотъ народъ лукавъ: это ничего не значитъ, что они многіе помнятъ васъ съ-измалу. Они пожалуй будутъ падать въ ноги, и при этомъ будутъ самыя бестіи. Но довольно объ этомъ. Я увѣренъ, что все, что̀ вы ни дѣлаете, дѣлаете, посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, которое всегда васъ выручало.

Объ дѣтяхъ не безпокойтесь. Они уже въ институтѣ; покамѣстъ, ничего не дѣлаютъ, только привыкаютъ. Не знаю, какъ васъ благодарить за гама́нъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ скорѣе его увидѣть.

Желая вамъ всегдашняго здоровья и во всемъ успѣха остаюсь вашъ сынъ.

Очень благодаренъ Катеринѣ Ивановнѣ за приписку. Обнимаю сестру мысленно, также и Олиньку.

Прилагаемое при семъ письмо отправьте скорѣе Александру Семеновичу Данилевскому...

Къ ней же.

1833 г., декабря 20. С. Петрбургъ.

Поздравляю васъ съ наступающими праздниками и желаю вамъ провесть ихъ какъ только можно веселѣе. Надѣюсь, что вы не преминете извѣстить меня, какимъ образомъ и гдѣ встрѣтите и проведете ихъ.

Снѣгу валитъ вездѣ множество. Зима, какъ слышу, вездѣ стоитъ ровно. Такая ли и у васъ, и каковы всходы? Это меня тѣмъ болѣе интересуетъ, что вездѣ я слышу неблагопріятныя вѣсти о новыхъ посѣвахъ. Каково идетъ вашъ заводъ кожевенной? имѣется ли сбытъ?

Кстати, если можно будетъ, прикажите мнѣ сдѣлать калоши въ такомъ родѣ, какъ присланные вами теплые сапоги, которые,

не смотря на то, что недурно сдѣланы и какъ разъ по ногѣ, лежатъ у меня совершенно безъ употребленія. Ходить въ нихъ на улицѣ хорошо, но съ улицы нужно же войти въ комнату, гдѣ нельзя сидѣть, по причинѣ ихъ теплоты; я носить съ собою сапоги для перемѣны другія — тоже не слишкомъ ловко. Но калоши мнѣ бы очень теперь были нужны; когда бы только онѣ были сдѣланы въ-пору и могли бы удобно находить на сапоги.

Кого вы видаете чаще изъ знакомыхъ, имѣете ли вѣсти объ Андреѣ Андреевичѣ, и что подѣлываетъ управитель въ Когорлыкѣ вмѣстѣ съ отцомъ Емельяномъ?

Павелъ Осиповичъ писалъ ко мнѣ въ письмѣ, что собирается ѣхать въ Петербургъ. Жаль мнѣ очень, если онъ это выполнитъ, потому что меня, я думаю, не застанетъ. У насъ теперь свободное время, и я думаю ѣхать на два, или на три мѣсяца въ Ревель, куда призываютъ меня разныя необходимыя для моего труда розысканія; итакъ мы не будемъ видѣться съ нимъ. Не лучше ли дождать лѣта, когда, можетъ быть, я какимъ-нибудь случаемъ заверну къ вамъ? и тогда можно вмѣстѣ пріѣхать въ Петербургъ. Однакожъ вы письма всё пишите по тому же адресу: хоть меня не будетъ и я даже перемѣню, можетъ быть, квартиру, однако всё же мнѣ доставятъ очень аккуратно въ самый Ревель ваше письмо.

Прощайте, безцѣннѣйшая маменька! Желаю вамъ побольше веселиться и быть спокойными при видѣ вашихъ вседневныхъ хлопотъ, и да утѣшаетъ васъ мысль, что все перемѣнится, что мы когда-нибудь заживемъ лучше. Обнимаю сестру, племянника и Павла Осиповича.

Къ М. А. Максимовичу.

Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! —— Тамъ, или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей.... Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но —— климатъ

его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою Кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь; тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному соверш(енно), не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! — — Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ (1). Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсень, — тѣмъ болѣе, что безпрестано получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой, вѣрно, у тебя нѣтъ (2)...

Къ нему же.

Январь 7. (1834, изъ С. Петербурга).

Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за »Денницу«, которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что О*** заблагоразсудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожъ, что въ ней есть много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

Что̀ жъ ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что̀ мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! Однако напередъ положить

(1) Для »Денницы«. *П. К.*
(2) Эта пѣсня начинается такъ:

Наварила сечевиці,
Поста̀вила на полиці. *П. К.*

условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ Русскія Аѳины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да, отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ Московскихъ журналовъ? Скажи Надеждину, что это не хорошо, если онъ вздумаетъ, по-прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣстъ не додастъ старыхъ. Что за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе Галицкихъ пѣсень, вышедшихъ въ прошломъ году [довольно толстая книжка, in-8]? Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ Малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

Когда же погляжу я на пѣсни?...

Къ М. П. Погодину.

Января 11 (1834).

Эге, ге, ге, ге!... Уже 1834 захлебнуло полмѣсяца! Да, давненько! Много всякой дряни уплыло на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ перекинулись жиденькими письмами, а еще больше съ тѣхъ поръ, какъ показали другъ другу свои фигуры. Поздравилъ бы тебя съ новымъ годомъ и пожелалъ бы.... да не хочу: во-1-хъ, потому, что поздно, а во-2-хъ потому, что желанія наши гроша не стоятъ. — — До сихъ поръ мнѣ всѣ желанія не доставили алтына.

Счастливъ ты, златой кузнечикъ, что сидишь въ новоустроенномъ своемъ домѣ, безъ сомнѣнія, холодномъ. [NB. Но у кого на душѣ тепло, тому не холодно снаружи]. Рука твоя летитъ по бумагѣ; фельдмаршалъ твой бодрствуетъ надъ ней; подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской »Библіотеки«.

Кстати о »Библіотекѣ«. Это довольно смѣшная исторія. RR

очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однакожъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: »— — какъ хорошо пишетъ!« Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства. Смирдина капиталъ ростетъ. Но это еще всё ничего. А вотъ что̀ хорошо. Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшить, вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пьесамъ. Натурально, что если всѣ такъ будутъ кротки, какъ почтеннѣйшій Q Q [котораго лицо очень похоже на лорда Байрона, какъ изъяснялся нешутя одинъ лейб-гвардіи кирасирскаго полка офицеръ], который объявилъ, что онъ всегда за большую честь для себя почтетъ, если его статьи будутъ исправлены такимъ высокимъ корректоромъ, котораго »Фантастическія Путешествія« даже лучше его собственныхъ. Но сомнительно, чтобы всѣ были такъ робки, какъ этотъ почтенный государственный мужъ.

Но вотъ что̀ плохо, что мы всѣ въ дуракахъ! Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ и на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый красугольный камень своей власти. Это другая »Пчела«! И вотъ литература наша безъ голоса! А между тѣмъ наѣздники эти дѣйствуютъ на всю Русь. Вѣдь въ столицѣ нашей чухонство, въ вашей купечество, а Русь только среди Руси.

Но прощай. Скоро ли тебя поздравить отцо̀мъ, и какимъ? Умнаго дѣтища, т. е. книжнаго? или такого, которое будетъ со временемъ умно — —

Я весь теперь погруженъ въ исторію Малороссійскую и всемірную; и та и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ

мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не-общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что̀ за исторія, если она скучна!

Кстати: я прочелъ только изо всего № 1-го Брамбеуса твои »Афоризмы«. Мнѣ съ тобою хотѣлось бы поговорить о нихъ. Я люблю всегда у тебя читать ихъ, потому что или найду въ нихъ такія мысли, которыя вѣрны и новы, или же найду такія, съ которыми хоть и не соглашусь иногда, но онѣ зато всегда наведутъ меня на другую новую мысль. Да печатай ихъ скорѣй!

Поцѣлуй за меня Кирѣевскаго! Правда ли, что онъ печатаетъ Русскія пѣсни? Поклонъ всѣмъ нашимъ.

Къ матери.

С. Петербургъ. 1834, февраля 10.

Сегодня я получилъ письмо ваше отъ 24 января, вмѣстѣ съ посылкою. Очень благодарю васъ за присланные сапоги и галоши. Они какъ разъ пришлись мнѣ въ-пору. Изъявите также отъ меня благодарность фабриканту за его труды для меня. Вы очень меня радуете извѣстіемъ, что проводите время иногда весело.

Да посовѣтуйте Ивану Данилевскому не ѣхать сюда. Онъ навсегда здѣсь можетъ разстроить свое здоровье, а особливо когда даже дома бываетъ часто боленъ. Скажите ему, что я самъ, года черезъ два, думаю навострить отсюда лыжи, хотя и не чувствую себя нездоровымъ слишкомъ. Всё предосторожность вещь не лишняя.

Прощайте! Бога ради, будьте веселы и не скучайте за нами. Дѣти здоровы какъ нельзя лучше.

Цѣлую сестру и ея Количку, который, какъ она говоритъ, *очень проворный мальчишка.* Передайте поклонъ мой Татьянѣ

Ивановнѣ и Василю Ивановичу Чернышамъ и скажите имъ, что я всегда помню ихъ пріязнь ко мнѣ...

Къ ней же.

9 марта, 1834. С. Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше, моя безцѣнная маминька, писанное вами 18 февраля. Очень радъ, что вы надѣетесь получить выгоду отъ фабрики. Дай Богъ, чтобы все пошло хорошо, въ чемъ я и не сомнѣваюсь. А между тѣмъ я съ своей стороны имѣю въ виду доставить фабриканту самую выгодную работу. Я вамъ послѣ напишу объ этомъ подробнѣе. Теперь я вамъ совѣтую обращать наиболѣе вниманія на то, чтобы работниковъ какъ можно болѣе было изъ своихъ людей, нежели изъ нанятыхъ, чтобы исподоволь пріучать и занимать всѣхъ мальчишекъ, даже дѣвочекъ, и все, что ни есть изъ мелкаго народа. Работа и сбытъ будутъ. Я нарочно сдѣлалъ для этого сношенія и знакомства со многими нужными людьми.

Въ Ревель я уже не ѣду. Но впрочемъ чрезъ четыре мѣсяца всё таки надѣюсь съ вами видѣться. Ну, развеселитесь же!

Благодарю очень васъ и сестру за пѣсни и желаю съ нетерпѣніемъ васъ видѣть всѣхъ.

Есть ли у васъ теперь снѣгъ, или нѣтъ? У насъ до сихъ поръ еще зима. Впрочемъ дни ясные и солнечные.

Правили ли вы молебенъ объ успѣшномъ ходѣ фабрики? Если нѣтъ, то поручите отцу Ивану отправить молебенъ, чтобы всѣ дѣла ваши шли хорошо, а равнымъ образомъ, чтобъ и мои пошли такимъ чередомъ, какъ я думаю.

Прощайте; будьте здоровы и да хранитъ васъ Богъ отъ всякихъ непріятностей! Обнимаю сестру и Павла Осиповича, а также и племянника Николю...

Да отчего это такъ долго шло письмо ваше? Оно писано вами 18 февраля, а между тѣмъ я его получилъ только сегодня, т. е. 9 марта. Цѣлыя три недѣли шло. Вѣрно, дороги очень дурны?

Къ М. А. Максимовичу.

СПб. Февраля 12 (1834).

Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26-го генваря, другое отъ 8 февраля, — все это по милости О****, который изволитъ ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ (¹). Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ. — — —

Ты говоришь, что, если залѣнишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что̀ человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, если что̀ задолбятъ въ свою голову, то на-вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего жъ больше? А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшники! а паслінъ! а цыбу̀ля (²)! а *вино хлѣбное!* какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, вареники, борщъ, лопухъ.... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго.

»Запорожской Старины« я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. — — Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, илъ въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ Галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы), но у меня ихъ ужасная путаница. Незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, зато извѣстныхъ, вѣроятно, около тыся(чи), изъ которыхъ бо̀льшую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ.

Ну, покамѣстъ прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что̀ теперь заставляемъ царапать наши руки, въ Богоспасаемомъ нашемъ градѣ...

(¹) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ Полонизмъ. *П. К.*

(²) Все это лакомства Малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и гливъ (баргамотъ). *П. К.*

Къ нему же.

Марта 12. СПб. 1834.

Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволилъ писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни га́дки (1) о томъ. А между тѣмъ я почти что не на выѣздѣ уже. Что̀ жъ, ѣдешь, или нѣтъ? влюбился же въ — — Москву! — — Слушай: вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край — вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. — — Что̀ жъ, получу ли обѣщанныя пѣсни?...

Къ матери.

Марта 17, 1834. С. Петербургъ.

Письмо ваше отъ 26 февраля я получилъ чрезъ Ивана Данилевскаго. О здоровьѣ моемъ не безпокойтесь: я еще не такъ нездоровъ, чтобы мнѣ не можно было жить здѣсь. Въ прошломъ мѣсяцѣ я чувствовалъ себя немного нездоровымъ, но въ это время весь городъ былъ почти боленъ кашлемъ и прочими принадлежностями простуды. Теперь же я опять здоровъ. Я безпокоюсь только о вашемъ положеніи: мнѣ кажется, не слишкомъ ли вы предаетесь надеждамъ на-счетъ хозяйственныхъ будущихъ прибылей, которыя надѣетесь получить отъ фабрики, потому что вся уже округа ваша знаетъ, что вы намѣрены получить скоро большія деньги. Мнѣ кажется, что не лучше ли объ этомъ еще не говорить никому, потому что все, что̀ ни есть впереди, все невѣрно. Мы не можемъ поручиться за одинъ часъ впередъ. Можетъ быть, фабрикантъ и его

(1) *Ни га́дки*, съ Малороссійскаго, значитъ — ни помышленія. *П. К.*

работники, не смотря на всѣ усилія, не будутъ въ состояніи поставить къ назначенному времени. А развѣ этого не можетъ случиться, что фабрикантъ, взявши деньги, вдругъ вздумаетъ улизнуть? что̀ тогда? Искать его — напрасный трудъ, потому что сама полиція за 500 рублей укажетъ ему дорогу, куда бѣжать. Натурально, этого не можетъ случиться. Но кто знаетъ людей? Какъ многіе изъ нихъ долго могутъ носить личину и казаться совершенно не тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ! Но что̀ тогда будетъ, если это случится? Вы должны будете отвѣчать всѣмъ имѣніемъ вашимъ: казна въ этомъ случаѣ никакой не можетъ имѣть отсрочки. Я впрочемъ это пишу не для того, чтобы напрасно смущать, но для того, чтобы вы, на всякой случай, были очень осторожны и не предавались заранѣе надеждамъ. Не лучше ли вамъ держать деньги у себя и не всѣ вдругъ выдавать фабриканту, но по мѣрѣ надобности? Вѣдь ему не всѣ же восемь тысячъ возить съ собою на каждую ярмарку? Для этого можно брать и по тысячѣ, такъ чтобы вы видѣли, что дѣйствительно куплено то, для чего были браты деньги. Но все это нужно дѣлать осторожно и не давать ему замѣтить, что вы слѣдуете по пятамъ его, но что вы именно дѣлаете съ тѣмъ, чтобы облегчить ему труды. Я тоже почитаю излишнимъ говорить объ этомъ много сосѣдямъ. Это, не смотря на все доброжелательство видимое, всегда возбуждаетъ зависть; а зависть нечувствительно ведетъ за собою ненависть, и вы вдругъ пріобрѣтете себѣ недоброжелателей. Кромѣ того, это возбудитъ въ другихъ жадность и желаніе подражать и себѣ. Они будутъ стараться всячески сманивать фабриканта, предлагать ему выгодныя условія, которыхъ хотя они и не въ состояніи будутъ выполнить, но которыя вскружатъ ему голову. Онъ будетъ самонадѣяннѣе, пріобрѣтетъ самоувѣренность и наглость, безпрестанно усиливающіяся требованія и будетъ манкировать своимъ дѣломъ, зная, что не вы ему, а онъ вамъ нуженъ. Вы скажете: онъ совершенно не такой человѣкъ; онъ истинно добрый и совѣстный, и привязанный. Такъ, покамѣстъ бѣденъ, покамѣстъ успѣхъ не сдѣлалъ его дерзкимъ. Сколько есть людей, которые, покамѣстъ были малы и незначительны, были добродѣтельнѣе ангеловъ, но какъ только пріобрѣтали богатство и имя, вдругъ становились совершенно другими! Истинно мудрый

заводчикъ держитъ втайнѣ первоначальные успѣхи своей фабрики и никогда не хвалится выгодами. Но когда фабрика утвердится, усилится и укрѣпится, тогда другое дѣло; тогда можно объявлять о ея успѣхахъ и встрѣчному, и поперечному; тогда уже не могутъ подорвать. Теперь же вспомните, что вся ваша фабрика держится на одномъ человѣкѣ. Умри онъ — и фабрика ваша лопнула: работники у васъ нанятые, своихъ мастеровъ еще нѣтъ; стало быть, безъ него невольно она должна разстроиться. Вотъ почему я совѣтовалъ вамъ, чтобы сначала не давать большого размѣра фабрикѣ, но стараться понемногу прежде обучить собственныхъ нѣсколько человѣкъ: тогда основаніе ея, фундаментъ будетъ тверже, прочнѣе. Нанятые сегодня здѣсь, завтра Богъ знаетъ гдѣ; свои же всегда остаются дома. Я уже не говорю о томъ, что нанятые мастеровые всегда приносятъ съ собою развратъ, часто разныя заразительныя болѣзни въ деревнѣ. Не оставьте совершенно безъ вниманія этихъ словъ моихъ. Старайтесь исполнить, если невозможно всѣхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ предосторожностей, о которыхъ я вамъ говорилъ. Помните старую правдивую пословицу: *Береженаго и Богъ бережетъ*. Но да хранитъ васъ Богъ отъ всѣхъ могущихъ встрѣтиться непріятностей! да увѣнчаетъ всѣ ваши предпріятія успѣхомъ!...

Къ М. П. Погодину.

Марта 19, 1834. СПб.

Письмо ваше, in 94 долю листа, имѣлъ счастіе получить, въ которомъ вы меня укоряете за короткость моихъ писемъ. При этомъ почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ я получилъ маленькое прибавленіе, впрочемъ гораздо больше письма вашего, о вѣнчаніи меня, недостойнаго, въ члены общества любителей слова, труды котораго, безъ сомнѣнія, слышны въ Лондонѣ, Парижѣ и во всѣхъ городахъ древняго и новаго міра. Приношу вамъ чувствительную благодарность, почтеннѣйшій секретарь общества, Михаилъ Петровичъ, и прошу также изъявить ее благородному сословію. Но, увы! вы избрали самаго негоднаго члена, который даже не можетъ

ничего прислать вамъ по своей лѣности и во сиѣ время-препровожденію. Я хотѣлъ было, однакожъ, прислать вамъ кое-что, но болѣзнь, которая приколотила меня было къ кровати ровно на двѣ недѣли, отняла всякую къ тому возможность. Скажи Надеждину, что эта же самая причина помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи. Она у меня въ такомъ забытіи и такою облечена пылью, что я боюсь подступить къ (ней), и чтобы вырвать изъ нее отрывокъ для печати, нужно ее хорошенько перечистить.

Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получить. Это правда, я писалъ его совершенно не раздумавши. Впрочемъ охота тебѣ вступаться за Б***! вѣдь онъ — — замоталъ у многихъ честныхъ людей многіе матеріалы и рукописи.

Гдѣ ты лѣтомъ будешь жить? Могу ли я тебя застать въ Москвѣ? А что дѣла твои? всё ли ты живешь еще на небѣ, или уже начинаешь обращать вниманіе и на мірскія дѣла? Популярная исторія твоя скоро ли выйдетъ?...

Къ М. А. Максимовичу.

Марта 26 (1834). СПб.

Во-первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ, и Жуковскій хлопоталъ объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются. — — Если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ дискать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно: какъ разъ какой-нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру.

Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишешь: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около не-

дѣли въ почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. Вацлавъ (1), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гулливыя, козацкія и любовныя? Развѣ козацкія не гулливыя и гулливыя не всѣ ли козацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова *козацкія.* Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гулливая? По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. Мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческій, 2-й — всѣ, выражающія различныя оттѣнки народнаго духа, и 3-й — обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. Я радъ, что ты уже началъ печатать. Если бы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже нѣсколько помогъ; но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что̀ взяться. Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи, не зная на что̀, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсень, то хоть привези съ собою. Да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы.

Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цалую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпхнули въ Украйну...

Къ нему же.

1834, Марта 29. СПб.

Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что̀ получилъ отъ тебя, вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что̀ ты

(1) Т. е. изданіе пѣсень Вацлава зъ Олеска. *П. К.*

пишешь про Цыха ([1])? развѣ есть какое-нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавлива(юсь) затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и — — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ-нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ Галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго; даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго...

Къ М. П. Погодину.

Апрѣля 4 (1834). СПб.

Пожалуста не сердись такъ сильно, какъ ты объясняешь въ письмѣ. Во-первыхъ, это потому не хорошо, что кровь портится; а во-вторыхъ, если я пріѣду въ Москву и разскажу тебѣ кое о чемъ, то ты увидишь самъ, что на меня не должно сердиться.

Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи. Здоровье такъ же, какъ и финансы мои, не въ весьма завидномъ положеніи. Здоровье потому, что я не быкъ и не Русской мужикъ, финансы потому, что я не Б*** и не Г*. Въ Москвѣ надѣюсь быть не раньше іюня, или мая послѣднихъ чиселъ. Когда ты будешь въ деревнѣ, весною, или и лѣтомъ?

Пожалуста не сердись, что мало пишу. Натурально, если хорошенько подумать, то конечно нельзя сказать, чтобы, какъ говорятъ, не набралось предметовъ для письма. Но чортъ меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство! Такая лѣнь находитъ, что мочи нѣтъ. То ли дѣло языкъ? куды лучше пера! Въ чернилицу его не нужно обмакать,— развѣ только

([1]) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. *П. К.*

слегка въ бокалъ шампанскаго, послѣ чего онъ такъ исправно ворочается, что никакое перо за нимъ не угонится. Можетъ быть, оттого, что я какъ-то все это время неспокоенъ, и лѣность приходитъ. Какъ бы то ни было, только жажду видѣть тебя и побраниться съ тобою лицомъ къ лицу...

Къ М. А. Максимовичу.

Апрѣля 7 (1834). СПб.

Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. Третьяго дня я былъ у министра: онъ говорилъ мнѣ такими словами: »Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что для Русской словесности не находится болѣе достойный его человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя впрочемъ онъ теоретическаго никакого не выпустилъ еще сочиненія.« На что̀ я сказалъ, что ты мнѣ показывалъ многія свои сочиненія, обнаруживающія вѣрное познаніе литературы и долгое занятіе ею. Также при этомъ напомнилъ ему о твоихъ трудахъ въ этомъ родѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ словъ его, сказанныхъ на это, я увидѣлъ только, что препятствій, слава Богу, никакихъ нѣтъ. Итакъ поздравляю тебя. Я тоже, съ своей стороны, присовокупилъ, какъ на тебя дѣйствуетъ тамошній климатъ и какъ разстроивается твое здоровье. Видно было, что старанія князя В**** и Жуковскаго не были тщетны. Онъ, по крайней мѣрѣ, не представлялъ уже никакихъ невозможностей и совершенно согласился съ тѣмъ, что состояніе здоровья твоего должно̀ быть уважено. Для окончательнаго дѣла, тебѣ бы весьма не мѣшало бы предстать самому, потому что, сколько я могъ замѣтить, личное присутствіе ему нравится. Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состояніе твоего здоровья не дозволяетъ, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ про̀сить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы былъ въ состояніи, то весьма бы было не худо. Но, какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое

тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его увѣдоми меня немедленно.

Прощай; будь здоровъ! Цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ благихъ силъ...

Къ нему же.

20 апрѣля (1834). СПб.

Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже оффиціально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоятъ дѣла Московскія. Смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. Да, кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Б** чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Б**, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дискать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ-будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Г**, или Г** къ романамъ Б**** — — — Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ.

Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Изданіе хорошо. Примѣчанія съ большимъ толкомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что. Иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника, нарочно для того, чтобы быть къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, Малороссіянамъ, кажутся очень будутъ понятны на Русскомъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ для Рус-

скихъ, потому что оно не въ духѣ Русскаго языка; и тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще принаровить къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно.... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе, на первый случай.... мотай на усъ:

»Ѳедора Безроднаго, атамана куренного, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры.«

Во-первыхъ, *пострѣляли* не Русское слово, оно не по-Русски спрягнулося и скомпоновалося, и вмѣстѣ съ словомъ *потрубили* на Русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать:

»Куренного атамана Ѳедора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.«

Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не влѣпить звонкое словцо въ Русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе такъ же поймутъ. Помни, что твой переводъ для Русскихъ, и потому всѣ Малороссійскіе обороты рѣчи и конструкцію прочь! Вѣдь ты, вѣрно, не хочешь дѣлать подстрочнаго перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣснѣ. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, что̀ можно переговорить гораздо съ большею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только — и пойдетъ тянуться. Въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что, вѣрно, одна замѣтитъ то, что̀ другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ твой первый листъ и говорю: »Вотъ все, что̀ осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ!« какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастаюсь

Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего перваго тома. За »Пѣснями Люду Галичскаго« я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. — — О**** скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего »Наума«. Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что̀ за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ: они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольныя шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здравъ и спокоенъ.

Къ матери.

1834 года, апрѣля 20. С. Петербургъ.

Поздравляю васъ съ наступающими праздниками Воскресенія Христова и желаю, чтобы вы этотъ радостный для Христіянъ день и всѣ слѣдующіе провели весело и счастливо. На-счетъ фабрики я не то хотѣлъ сказать, но объ этомъ послѣ. Порученіе ваше къ князю К**** я постараюсь исполнить.

Странно, что мартъ былъ у васъ холодный. Здѣсь же, напротивъ, онъ весь состоялъ изъ солнечныхъ и теплыхъ дней. Напишите, каковъ былъ у васъ апрѣль; вѣрно, дождливъ? Я заключаю это изъ того, что письма наши теперь очень долго идутъ; впрочемъ, это кажется, хорошо для хлѣба.

Жаль мнѣ очень, что вы должны занимать и покупать въ долгъ. Это безпрестанно васъ вводитъ въ новыя хлопоты. Какъ бы мнѣ хотѣлось, хотя немного, помочь вамъ! но до сихъ поръ не имѣю никакой возможности. Мы должны всю надежду возложить на Бога и стараться какъ можно болѣе быть благоразумными, осторожными и выбирать, что̀ изъ полезнаго самое полезное.

Вы не знаете, на сколько времени ѣдетъ Андрей Андреевичъ на воды и къ которому мѣсяцу думаетъ возвратиться? Это мнѣ нужно знать.

Прощайте, безцѣнная маминька! Благодарю васъ за молитвы, которыя возсылаете вы о мнѣ. Онѣ, вѣрно, будутъ услышаны, потому что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ добродѣтельнымъ. Умоляя съ своей стороны, я увѣренъ, что Его святая воля и безъ моей грѣшной молитвы пошлетъ вамъ счастіе...

Поклонъ дѣдушкѣ и бабушкамъ. Благодарю сестру и Катерину Ивановну за память обо мнѣ и желаю имъ также веселиться болѣе на праздникахъ. Павлу Осиповичу особенный поклонъ. — —

Анетъ и Лиза, слава Богу, здоровы. Онѣ, бы, вѣрно написали вамъ письма, но мнѣ некогда идти въ институтъ, — тѣмъ болѣе, что почта сейчасъ отходитъ.

Къ ней же.

Христосъ воскресе!

Поздравляю васъ съ праздникомъ, почтеннѣйшая маминька! Вы что-то давно ужъ не пишете ко мнѣ. Ужъ не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять началъ водиться старый грѣхъ, и письма пропадаютъ, или задерживаются?

Я, слава Богу, здоровъ. Прошу по-прежнему Бога, чтобы и вы всегда были здоровы. Сестры мои здоровы, учатся хорошо. Праздники здѣсь очень хороши. Все время стоитъ прекрасная погода, совершенное лѣто, или самая теплая весна. Я слышу, въ вашихъ мѣстахъ еще лучше. Пора въ самомъ дѣлѣ намъ хоть разъ воспользоваться хорошимъ временемъ. До сихъ поръ, у насъ всѣ времена года совершенно столкнулись съ мѣстъ своихъ. — —

Прощайте, моя маминька. Хотѣлъ-было къ празднику прислать вамъ и сестрѣ красныхъ яичекъ, но такъ былъ захлопотанъ, что никакъ не успѣлъ. Итакъ до слѣдующаго раза.

Да! одно слово сестрѣ Маріи. Она писала мнѣ о картахъ, которыя гдѣ-то видѣла. Если тамъ есть карты Галиціи, Буковины, Кроаціи, Венгріи, Богеміи, Трансильваніи, Помераніи и вообще западныхъ Славянскихъ земель и Австріи, то пусть пріобрѣтетъ. Но мнѣ не нужно ни Франціи, ни Голландіи, ни Испаніи, ни Шве-

ціи, ни Англіи, ни Италіи, ни Швейцаріи, ни Даніи. А я ей за это пришлю нотъ.

Къ ней же.

1834, мая 13. С. Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше и благодарю васъ, маминька, за поздравленіе съ прошедшими праздниками. Дай Богъ, чтобы вы, какъ будни, такъ и праздники, отнынѣ проводили весело и въ совершенномъ спокойствіи, безъ большихъ хлопотъ.

Я ни мало не безпокоился на счетъ подрядовъ, но намекнулъ вамъ кое-что только въ предостереженіе. Я бы тоже не совѣтовалъ вамъ давать знать фабриканту, что вы ему ни въ чемъ не вѣрите, но растолковать ему хорошенько все дѣло, обходиться съ нимъ ласково, короче сказать — держать его крѣпко въ рукахъ, но не давать ему этого разумѣть, что вы держите его въ рукахъ. Впрочемъ я, позабывшись, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете. Отложите боязнь и темныя мысли и думайте о томъ, какъ впредъ поступить лучше. Если вы отправили молебенъ объ успѣхѣ вашихъ предпріятій, то все пойдетъ хорошо. А тамъ, какъ пріѣду, то, можетъ быть, найдемъ средство дать ей лучшій ходъ. Что̀ начато, того уже нельзя оставлять. Я удивляюсь только, что это предпріятіе съѣло такъ много денегъ, между тѣмъ какъ ничего почти не сдѣлано и не сбыто. Но какъ бы то ни было, дастъ Богъ, будетъ все хорошо.

Я, слава Богу, здоровъ, дѣти тоже. Дай Богъ, что бы вы были здоровы. Получили ли вы сѣмена, которыя я послалъ вамъ для посѣва, и принялись ли онѣ? Въ приложенномъ при нихъ письмѣ, я просилъ васъ приказывать почаще поливать, особенно въ тѣ дни, когда нѣтъ дождей,—также болѣе всего прилагать старанія объ артишокахъ, особенно объ кордонѣ Испанскомъ, цвѣтной капустѣ, бронколяхъ.

Прощайте; будьте здоровы! Обнимая сестру, племянника, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и привѣтствуя всѣхъ домашнихъ, остаюсь...

Извѣстите, идутъ ли дожди.

Къ М. А Максимовичу.

Мая 28 (1834, изъ С. Петербурга).

Извини меня: точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсень, который ты называешь шестымъ и который, по моему счету, 4-й. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть въ Журналѣ Просвѣщенія, 4-мъ номерѣ, статью мою о Малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанной мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны — — — признаюсь, я брошу все и откланяюсь... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цыхъ? кажется, П—динъ его знаетъ. Нельзя ли какъ-нибудь уговорить Цыха, чтобы онъ взялъ себѣ, или просилъ, или бы по крайней мѣрѣ соглашался бы взять каѳедру Русской исторіи?

Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревяная колода, между тѣмъ какъ мысли мои состоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а всё таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія письма всё-таки сколько-нибудь утишаютъ душу...

Къ нему же.

Мая 29 (1834, изъ Петербурга).

Только-что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10-го мая, другое отъ 19-го мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію. С** никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсень.

Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній, потому что я ужасно не люблю печатныхъ, или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Недавно С. С. получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Что жъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ-было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана. Такъ какъ не скоро къ вамъ доходятъ Петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ Исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, позабывая, что еще впереди 80 глазъ они будутъ читать и что эта глава только—фронтиспису. Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія,—тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ, и моимъ вмѣстѣ.

Къ нему же.

8 іюня (1834). СПб.

Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Что тебѣ сказать о здоровьѣ? — — [1]

[1] Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ *крѣпкими* и которыя часто употреблялъ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ. *П. К.*

мы, братецъ съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. — — Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, не новичокъ, потому что занимался довольно преподаванiемъ — — и при всемъ я не могу понять — — — Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кiевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно мое здоровье: мое занятiе, мое упрямство требуетъ этого. А между тѣмъ мнѣ не видать его. Пѣсни твои идутъ, чѣмъ дальше, лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенiя? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введенiи: если ты встрѣтишь что-нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему: дискать вотъ что̀ еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что̀, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова?

Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствовать крѣпко!...

Къ нему же.

10 iюня (1834, изъ С. Петербурга).

Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ Русская исторiя. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желанiе, а у меня нѣтъ. — — Еслибы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ дорого, что̀ было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивъ все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всѣми мѣрами то, что̀ можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостью! Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что̀ для другого кажется своенравiемъ, то есть у меня слѣдствiе

дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. — — Остановка вся за однимъ Б. — — Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія, и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ ,постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько-нибудь свою лѣнь, которая уже почула лѣто и становится деспотомъ...

Къ М. П. Погодину.

СПб. 23 іюня. (1834.)

Письмо твое, противъ обыкновенія, довольно обширное [вся 16-я доля листа была исписана кругомъ], я получилъ сего 20 іюня и заранѣе догадывался, что дѣло должно́ быть важное. На предложеніе твое объ адъюнкствѣ я вотъ что̀ скажу тебѣ. Я недавно только-что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои. Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства. — — Прося профессорства въ Кіевѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; по взявши Московскаго адъюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москѣ ничуть не лучше нашаго Чухонскаго Петербургскаго. Итакъ ты видишь физически невозможнымъ мое перемѣщеніе. Впрочемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ я постараюсь побывать въ Москѣ, и мы потолкуемъ о томъ о семъ.

Весьма радъ, что тебѣ понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я въ нихъ, особливо въ первой, мало нахожу того, что̀ нужно бы и что̀ можно бы сказать объ этомъ предметѣ. Но какъ бы то ни было, мысли объ этомъ можно изъявить въ другомъ, болѣе удобномъ случаѣ и мѣстѣ.

Ты говоришь о Цыхѣ. Что̀ это за Цыхъ? Откуда онъ и какъ онъ взялся? Я имени его еще нигдѣ не встрѣчалъ въ литературномъ мірѣ.

Скажи пожалуста: кто тебя всегда толкаетъ подъ руку, когда ты пишешь? Хоть бы одно слово можно было разобрать съ перваго разу! Я твое шестнадцатидольное письмо читэлъ три дни и

до сихъ поръ нѣкоторыя слова остались неразгаданными. Я ихъ такъ и оставилъ, и потому не сердись, если отвѣтъ мой неполонъ.

Если я пріѣду въ Москву, то или къ тебѣ, или къ кому-нибудь другому, только въ деревню, потому что мнѣ городъ такъ надоѣлъ, что не могу смотрѣть на него равнодушно.

Прощай; цѣлую тебя нѣсколько разъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ...

Къ М. А. Максимовичу.

27 іюня (1834, изъ Петербурга).

Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавай (ся) заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя нераннею осенью, или зимою; но когда бы то ни было, а я всё-таки буду. Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами! Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ то(му) только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои — — Но впрочемъ лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы. Это для нихъ полезнѣе всего; скорѣе разовьетъ ихъ умъ, и тебѣ будетъ пріятно. Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди. Такимъ образомъ поступаетъ и Пяетнёвъ, который нашелъ — и весьма справедливо — что всѣ теоріи — совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ. Онъ теп(ерь) бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ — — на хорошее.

Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ, съ своей стороны, тебѣ работать прямо съ плеча, что̀ придется. Вкусъ у тебя хорошъ, словесность Русскую ты знаешь лучше всѣхъ педагоговъ-толмачей; итакъ чего тебѣ больше? Послушай: ради Бога, занимайся поменьше это(й) гилью. Лѣто (ты) непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслу, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ (1), купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты съ ними не разминулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно. — — — Но во всемъ этомъ ты можешь обойтиться и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и — — Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая. Чортъ возьми! я какъ воображу, что теперь на Кіевскомъ рынкѣ цѣлые рядна вываливаютъ персикъ, абрикосъ, которое все тамъ ни почемъ, что Кіево-Печерскіе — — уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощеннаго винограду, и что тополи ушпигуютъ скоро весь Кіевъ, — такъ, право, и разбираетъ ѣхать, бросивши все; но, впрочемъ, хорошо, что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что̀, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить, съ своей стороны. Да, пріѣхавши въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ экспрофессоромъ Бѣлоусовымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ, —

(1) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: »Извините, что я передъ вами въ натурѣ.« См. въ 1-мъ томѣ »Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.« *П. К.*

на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малой, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч. и проч...

Смотри, пожалуста, не забывай писать мнѣ почаще: ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя письма, я уже случаю.

Но да почіетъ надъ тобо(ю) благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчитъ мое сердце.

Къ нему же.

СПб. Іюль 1 (1834).

Итакъ посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ; вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которыя въ разныя времена списывались. Она замѣчательна тѣмъ, что содержатъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть въ Кіевопечерской лаврѣ, а для чичерони возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только распорядить хорошо время,— отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпятъ тебя, только занимайся всегда поутру, и ввечеру, а въ полдень Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову (держи) въ тѣни; ввечеру гуляй, или иди къ кому-нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно долженъ соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай; да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ

нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да, Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ. (¹) — —

Къ матери.

1834, іюля 10. С. Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше, безцѣнная маминька, отъ 19 іюня сего мѣсяца 3-го числа. Изъ вашего письма я узнаю, маминька, что вы фабрику бросили совершенно. Я прошу васъ въ такомъ случаѣ, пришлите мнѣ подробный счетъ издержкамъ, расходамъ и доходамъ по этому дѣлу. Когда именно и что куплено, какія именно вещи и когда были сдѣланы, что̀ непродано, что̀ не могли сбыть, какія распоряженія, сколько и когда было закуплено, кѣмъ и по какимъ цѣнамъ. Все это нужно, чтобы было въ порядкѣ, за каждый мѣсяцъ особенно, и при концѣ итогъ всей суммы. Мнѣ это необходимо нужно для составленія своей смѣты. Вы можете это поручить Василю Ивановичу; онъ, я думаю, это можетъ сдѣлать; не то — Павелъ Осиповичъ можетъ помочь ему. Да ведете ли вы, то есть, ведетъ ли Василій Ивановичъ, приходъ и расходъ по имѣнію аккуратно каждый мѣсяцъ? Это необходимо нужно: тогда только можно хорошо управлять хозяйствомъ, когда совершенно знаемъ количество прихода и расхода. Соображаясь съ приходомъ, можно размѣрять и расходъ свой; тогда можно положить за правило издерживать никакъ не болѣе той суммы, которая осталась въ приходѣ. Если въ какомъ мѣсяцѣ приходъ будетъ очень малъ, нужно стараться, чтобы расходъ былъ и того меньше. Если же приходъ очень великъ, то всё-таки нужно стараться не слишкомъ возвышать расходъ, чтобы послѣдующее время, не слишкомъ хорошее, можно безъ труда привыкнуть къ небольшимъ расходамъ и чтобы хоть что-нибудь было въ остаткѣ. Безъ этого, что̀ бы вы ни заводили, все не будетъ

(¹) Вѣроятно, Гоголь разумѣетъ Пушкина, который говоритъ:

»Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ....« *П. К.*

клеиться. Богу никакъ нельзя приписывать нашихъ неудачъ. Богъ милостивъ, и всякому, кто трудится и съ благоразуміемъ, съ осмотрительностью принимается за дѣло, Онъ всегда оказываетъ всемогущую свою помощь. *Береженаго и Богъ бережетъ*, говоритъ старинная пословица. Но если, вмѣсто этого, мы предадимся безплоднымъ мечтаніямъ и будемъ сидѣть сложа руки, надѣясь во всемъ на милосердіе Божіе; то мы никогда не будемъ имѣть ничего. Я испыталъ многое на себѣ. Во всемъ, чѣмъ я только займусь съ большою осмотрительностію, хорошенько обсужу дѣло, поведу съ величайшею аккуратностью и порядкомъ, не занимаясь мечтами о будущемъ, во всемъ этомъ я вижу ясно Божію помощь.

По этому-то самому я не вижу даже большой необходимости ѣхать вамъ въ Воронежъ. Я уважаю очень угодниковъ Божіихъ, но молиться Богу всё равно, въ какомъ бы мѣстѣ вы ни молились. Онъ вездѣсущъ, стало быть, Онъ вездѣ слышитъ нашу молитву, и Ему столько молитва нужна, сколько нужны дѣла наши. Впрочемъ я не настою на томъ, чтобы вы не ѣхали въ Воронежъ, особливо если позволятъ вамъ ваши финансы.

Я бы съ радостью прислалъ вамъ сколько-нибудь, но этотъ годъ былъ и для меня нѣсколько тяжелъ. Даже намѣреніе мое ѣхать къ вамъ рушилось; впрочемъ я этому даже радъ, не смотря на желаніе большое васъ видѣть. Если бы я поѣхалъ теперь, я бы потерялъ по службѣ; между тѣмъ какъ оставшись здѣсь еще на полгода, я много выиграю. Я знаю, что вы, безцѣннѣйшая маменька, сами будете въ этомъ случаѣ согласны со мною и, вѣрно, не будете о томъ печалиться, что я не буду къ вамъ теперь. Но зато въ январѣ, или февралѣ мѣсяцѣ, уже ничто не удержитъ меня. Много ли вамъ обождать? всего шесть мѣсяцевъ, не больше.

Я бы вамъ прислалъ теперь Смирдина журналъ, но онъ такъ толстъ, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько онъ самъ сто́итъ; притомъ же очень глупъ. Всѣ порядочные люди и великіе писатели отъ него отказываются; въ высшемъ кругу его никто не читаетъ. Только въ провинціи находятся люди, которые его читаютъ, еще и восхищаются дрянью. Я не знаю, что̀ за охота пришла наши(мъ) судить и рядить о литера-

турѣ. Я зналъ много людей, которыхъ почитали умными, хорошими хозяевами и даже свѣдующими во многомъ; но когда эти люди захотятъ непремѣнно судить и сообщать другимъ свои сужденія, то ихъ безъ смѣха нельзя слушать. Въ какія можно впадать ошибки, можно какому (бы то) ни было извѣстному (писателю) приписывать сочиненіе чужое, сочиненіе гадкое, которымъ оскорбляется и умъ, и вкусъ... Но довольно объ этомъ.

Сестры мои хотя не много выросли, но зато въ музыкѣ дѣлаются доки и начинають играть довольно трудныя піесы. Я хотѣлъ прислать при семъ письма ихъ, но онѣ еще до сихъ поръ мнѣ не доставили ихъ...

Къ М. А. Максимовичу.

СПб. Іюля 18 (1834).

Я получилъ твои экземпляры пѣсень и по принадлежности роздалъ, кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей. Жуковскій читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. Многія понравились Н****. Я, однакоже, всё ожидалъ, что ты еще будешь писать ко мнѣ изъ Москвы. Мнѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее.

Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А кстати, чтобы не позабыть: къ вамъ, или къ намъ, въ Кіевъ хочетъ ѣхать одинъ преинтереснѣй(шій) и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до-нельзя, — настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что требуется для молодости, не смотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора гимназіи, если нельзя въ Кіевѣ, то въ какой-нибудь другой Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей (1) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ почтовомъ де-

(1) Изъ его разсказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего »Тараса Бульбы«, напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки. *П. К.*

партаментѣ. Извѣсти только, есть ли какое-нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Б**, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ каки(мъ) образомъ: что ты знаешь, де, человѣка, весьма годнаго занять мѣсто, истинно достойнаго, но что не знаешь, де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ; то по(про)бовать, можетъ быть, онъ согласится, — тѣмъ болѣе, что тамъ близка его родина. А съ своей стороны ты очень будешь доволенъ имъ.

Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Л****.

Да что̀ ты не прислалъ мнѣ нотъ Малороссійскихъ пѣсень? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ »Голоса«, а самихъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ.

Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его?

Да пиши скорѣе. Что̀ это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно...

Къ М. П. Погодину.

23 іюль (1834). СПб.

Рекомендую тебѣ добраго товарища моего Редькина. Онъ только-что возвратился изъ чужихъ краевъ, куда былъ посыланъ для усовершенствованія своего ученія, съ тѣмъ чтобы занять профессорскую каѳедру. Онъ очень жаждетъ съ тобою познакомиться. Онъ по юридической части. Впрочемъ ты можешь отъ него узнать и о состояніи прочихъ наукъ въ Германіи. Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты въ-замѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно, если бы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы черезъ Редькина мнѣ теперь же.

Надъ чѣмъ ты теперь сидишь въ деревнѣ? Что̀ у тебя готовится и работается? Извѣсти...

Къ матери.

С. Петербургъ. 1834, августа 1.

Я получилъ письмо ваше и былъ очень огорченъ, даже до сихъ поръ не могу совершенно быть спокойнымъ, вообразивъ, что вамъ предстоитъ такъ малый срокъ, только до августа, къ уплатѣ пяти тысячъ рублей. Гдѣ вы ихъ возьмете? и зачѣмъ вы увѣряете меня, что вы совершенно спокойны? какъ-будто я не знаю, что вы должны находиться въ величайшемъ безпокойствѣ. О, Бога ради, маминька, не заводите никакихъ новыхъ предпріятій и фабрикъ! Для того, чтобы заводить ихъ, нужно слишкомъ быть свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ; нужно быть самому фабрикантомъ. Фабрики и заведенія новыя не оттого лопаютъ, что онѣ глупость, но оттого, что не всякой знаетъ, какъ за нихъ взяться. Старайтесь лучше сохранить и усовершенствовать то, что у насъ есть, и берегите болѣе всего ваше здоровье, которое для насъ драгоцѣннѣе всего. Если у васъ уже выучились выдѣлывать кожи, то вы не оставляйте этого вовсе. Пусть выдѣлываютъ, но только выдѣлываютъ и больше ничего, но шить и дѣлать какіе-нибудь подряды — Богъ съ ними! И то выдѣлывать могутъ тогда только, когда требуетъ этого надобность.

Вы жалуетесь, что я васъ не увѣдомляю ничего о службѣ и о прочемъ. Что же сказать вамъ? вѣдь вы знаете сами, гдѣ я нахожусь. Впрочемъ я скинулъ съ себя лишнюю обузу и отказался отъ другихъ занятій. Я теперь только профессоръ здѣшняго университета и больше никакой не имѣю должности, потому что и не имѣю желанія занять, и не имѣю времени.

Я здоровъ, довольно веселъ; сестры также. Письмо ихъ вамъ при семъ посылаю.

Прощайте; цѣлую ваши руки. Обнимаю сестру Марію, Павла Осиповича и Катерину Ивановну и кланяюсь дѣдушкѣ и бабушкамъ...

Поклонъ отъ меня Татіанѣ Ивановнѣ и Василю Ивановичу. Также поклонъ Ларіи Ив. Трощ.

Къ М. А. Максимовичу.

14 августа, 1834. (Изъ С. Петербурга).

Во-первыхъ, позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣдуетъ, а онъ еще и киснетъ! Когда я — — плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги. — — — Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Гетманщину, какъ здѣшній попечитель князь К*** предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣсяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу (¹), которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую. Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. — — — Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите принять къ себѣ въ Кіевъ,

(¹) Дѣло идетъ о »Ревизорѣ«. Другая пьеса, о которой онъ упоминаетъ дальше, вѣроятно — »Женитьба«. *П. К.*

то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велятъ напрямикъ убираться; да, призна(юсь), и самому становится, чѣмъ далѣ, нестерпимѣе Петербургскій воздухъ.

Я тебя попрошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ виденъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вмѣстѣ.

Пожалуста напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣетъ характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, Поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекупки и монахи.

Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данил. Шаржинскій: воспитыва(лся) въ здѣшнемъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Ѳеодосію, послѣ въ другія мѣста въ южной Россіи,— въ какія, не помню, а спросить его позабылъ, потомъ служилъ въ таможняхъ, наконецъ нахо(ди)тся у Б*** въ почтовомъ департаментѣ. Въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія. — —

Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ некогда: сейчасъ ѣду въ Царское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ...

Къ нему же.

Августа 23 (1834, изъ С. Петербурга).

Пріятель нашъ Семенъ Данилов. Шаржинскій хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую гимназію, и потому я тебѣ еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста не вакантны теперь, то, можетъ быть, тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай. Пронюхай, что есть путнаго въ вашей библіотекѣ, относящагося до нашего края;

весьма бы было хорошо, если бы ты поручилъ кому-нибудь составить имъ маленькой реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ — — лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами. На дняхъ С*** и Г* перегрызлись, какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. — —

Прощай. Пиши, что̀ и какъ въ Кіевѣ...

Къ М. П. Погодину.

Ноября 2 (1834). СПб.

Письмо твое я получилъ вчера. Очень радъ, что Московскіе литераторы наконецъ хватились за умъ, и охотно готовъ съ своихъ сторонъ помогать по силамъ. Только я бы вотъ какой совѣтъ далъ: журналъ нашъ нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первой годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непремѣнно подешевле. Этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько-нибудь оттянуть приваль черни къ глупой »Библіотекѣ«, которая слишкомъ укрѣпила за собою читателей своею толщиною. Еще: какъ можно болѣе разнообразія и подлиннѣе оглавленіе статей! Количествомъ и массою болѣе всего поражаются люди. Да чтобы смѣху, смѣху, особенно при концѣ! Да и вездѣ не дурно нашпиговать имъ листки. И, главное, никакъ не колоть въ бровь, а прямо въ глазъ. Эхъ жаль, что я не могу для перваго листа ничего дать, потому что страшно занятъ, и печатаю кое-какія вещи! но какъ только обстрою дѣла свои, то

непремѣнно пришлю что-нибудь. Впрочемъ оно и лучше, что я теперь ничего не даю: теперь мое имя не слишкомъ видно; но послѣ напечатанія моихъ небольшихъ мараканій, всё-таки лучше.

Охота тебѣ заниматься и возиться около Герена, который далѣе своего Нѣмецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудной человѣкъ: онъ воображаетъ себѣ, что политика какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ, и притомъ совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо жизни, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, нестарѣющее, немолодѣющее, ни умное, ни глупое, чортъ знаетъ что̀ такое. Впрочемъ, если ты займешься Гереномъ съ тѣмъ, чтобъ развить и передѣлать его по-своему, это другое дѣло. Я тогда радъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, какое названіе носитъ книга. Пять-шесть мыслей новыхъ уже для меня искупаютъ все. Ну, а извѣстное дѣло, куда ты сунешь перо свое, то уже, вѣрно, тамъ будетъ новая мысль. Я готовъ плюнуть въ башку глупому вашему К***** за эдакія проказы. Мнѣ нужны твои »Афоризмы«. Это, просто, досадно.

Но обратимся къ журналу. Какъ ему кличка? Да кто будетъ болѣе всего работать? Кирѣевскій будетъ? Пожалуста работайте не такъ, какъ вы всегда работаете. Что̀ за лѣнтяи эти Москвичи! Ни дать ни взять, какъ наши Малороссіяне. Мнѣ кажется, вамъ жены больше всего мѣшаютъ. Ради Бога, не забывайте, что и кромѣ женъ есть еще такія вещи на свѣтѣ, о которыхъ нужно подумать.

Печатаешь ли ты Демишеля, котораго перевели твои студенты? Пожалуста печатай скорѣе хоть новую исторію, которую ты, какъ говоришь, составилъ. Я самъ замышляю дернуть исторію среднихъ вѣковъ, — тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли.... но я не раньше, какъ черезъ годъ пріймусь писать...

Къ матери.

1834 года, ноября 6, вторникъ. С. Петербургъ.

Письмо ваше я получилъ 2 сего мѣсяца. Очень благодарю васъ за сообщеніе разныхъ извѣстій о васъ и нашихъ знакомыхъ.

Очень жалѣю только, что вы не имѣете теперь рѣшительно никакихъ доходовъ. Можетъ быть, если Богъ поможетъ, послѣ новаго года я получу сколько-нибудь денегъ, и можетъ быть, буду такъ счастливъ, что сколько-(нибудь) облегчу вашу невозможность уплатить хотя самые нужные долги.

Жалѣю, что добрый дѣдушка мой становится очень слабъ. Поцѣлуйте его за меня и скажите, что я тоже желаю его видѣть, а весною постараюсь быть въ Малороссію.

Вы желаете знать, по какой части профессоръ я въ здѣшнемъ университетѣ. Я читаю исторію среднихъ вѣковъ. Вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ и думаете, что я непремѣнно и чинъ долженъ получить выше. Ни чуть не бывало: я всё тѣмъ же, чѣмъ и былъ, то есть, коллежскимъ ассесоромъ, и ничего болѣе. Если бы я имѣлъ какую-нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, я, вѣрно бы, не упустилъ этимъ воспользоваться; я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ. Но мои обстоятельства и мое положеніе таково... Но мнѣ нельзя этого растолковать вамъ. Мы можемъ не понять другъ друга и будемъ только переводить напрасно бумагу. Оставимъ чины. Я васъ люблю, люблю такъ, какъ рѣдкую и примѣрную мать, — чего же вамъ болѣе? Вы, вѣрно, меня любите тоже до такой степени, что пощадите напоминаніемъ о томъ, и въ слѣдующемъ письмѣ, вѣрно, уже не скажете ни слова объ этой статьѣ...

Цѣлую крестниковъ моихъ Николю и Ваню. Какъ пріѣду, привезу имъ по калачу. Съ своей стороны я заранѣе готовлю въ желудкѣ мѣсто для помѣщенія того пирожнаго, по поводу котораго Марія Васильевна бѣгаетъ на кухню.

Къ М. П. Погодину.

Декабря 14 (1834). СПб.

Я получилъ письмо твое отъ ноября 20. Объ Геренѣ я говорилъ тебѣ въ шутку, между нами; но я его при всемъ томъ гораздо болѣе уважаю, нежели многіе, хотя онъ и не имѣетъ такъ глубокаго генія, чтобы стать на ряду съ первоклассными мыслите-

лями, и я бы отъ души радъ былъ, еслибъ намъ подавали побольше Геренов. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь, что я отсѣкаю народы отъ человѣчества, то ты неправъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно писаны; не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ д(епартаментско)мъ журналѣ ([1]). Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ? Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ, ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе — желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль и вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтной, какъ Петербургъ. Но въ сторону все это.

Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Всѣ сочиненія и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и историческія, извѣстныя уже и неизвѣстныя. Я прошу только тебя глядѣть на нихъ поснисходительнѣе. Въ нихъ много есть молодого.

Я радъ, что ты наконецъ принялся печатать. Только мнѣ всё не вѣрится. Ты мастеръ большой надувать; пришли пожалуста лекціи хоть въ корректурѣ. Мнѣ онѣ очень нужны, — тѣмъ болѣе, что на меня взвалили теперь и древнюю исторію, отъ которой я

([1]) »Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія«, носилъ тогда заглавіе: »Журналъ *Департамента* Народнаго Просвѣщенія.« *Н. К.*

прежде было и руками и ногами, а теперь поставленъ въ такія обстоятельства, что долженъ принять по неволѣ послѣ новаго года. Такая бѣда! А у меня столько теперь дѣлъ, что некогда и подумать о ней.

Кланяйся отъ меня всѣмъ, да скажи журналистамъ, чтобы думали о томъ только, чтобы потолще книжки были и побольше было въ нихъ всякой пестроты, а въ веленевой бумагѣ, ей Богу, не знаютъ толку наши читатели!

Ну, прощай. Принимаюсь опять за заботы и хлопоты. Пиши скорѣе, хоть немного, да скорѣе: страницъ пять, а больше и не нужно...

Къ матери.

1834, декабря 15. С. Петербургъ.

Вчера получилъ я письмо ваше, маминька. Очень радъ, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сдѣланныхъ долгахъ. Что жъ дѣлать? Вѣдь не вы виноваты, виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не надѣлалъ въ продолженіе ихъ долговъ.

Жаль мнѣ очень, что не могу такъ скоро сдѣлать плана для иконостаса. Если бы вы согласились немного обождать, то я бы прислалъ вамъ. Впрочемъ вы сами виноваты: вы не прислали ни мѣры, (ни) величины его, такъ нельзя сообразить. Притомъ вамъ нужно бы было прислать рисункъ прежняго, т. е. того, который хотѣли вы заказать. Для смѣты это необходимо. Необходимо также знать число образовъ, длину и ширину ихъ. По зимней дорогѣ мнѣ не можно быть къ вамъ; притомъ я съ дѣлами здѣшними не раньше могу управиться, какъ къ веснѣ. Стало быть, мѣсяца два вы еще должны подождать послѣ февраля. — —

Но прощайте! Благодарю сестрицу за то, что не забываетъ меня, и обнимаю малютокъ ея. Завидую очень Павлу Осиповичу, что онъ разъѣзжаетъ себѣ съ мѣста на мѣсто, между тѣмъ какъ я сижу байбакомъ въ своей норѣ...

Къ ней же.

1835, января 4.

Поздравляю васъ, почтеннѣйшая маминька, съ Новымъ годомъ! Желанія мои вамъ извѣстны: они безпрерывно на моемъ благодарномъ сердцѣ и состоятъ въ томъ, чтобы вы провели остальную жизнь вашу въ радости и счастіи, которыми вы такъ достойны пользоваться, и чтобы всѣ протекшія ваши печали исчезнули даже въ вашихъ воспоминаніяхъ. Время праздниковъ и первые дни Новаго года я провелъ довольно хорошо, и тому, безъ сомнѣнія, способствовали ваши материнскія о мнѣ молитвы, которыя, вѣрно, будутъ хранить меня и въ будущіе. Поздравляя отъ всего сердца сестру и Павла Осиповича и желая имъ всего хорошаго, также и всѣмъ роднымъ нашимъ, остаюсь благодарнымъ сыномъ вашимъ.

Николай.

Новостей здѣсь совершенно нѣтъ никакихъ. У васъ только происходятъ перемѣны. Вы, безъ сомнѣнія, извѣстны о томъ, что вмѣсто князя Репнина будетъ военнымъ губернаторомъ графъ Гурьевъ. Какова зима у васъ? Я слышалъ, что будто вовсе нѣтъ снѣга. Не получали ли вы чего-нибудь объ Андреѣ Андреевичѣ и о его поѣздкѣ?

Къ М. А. Максимовичу.

СПб. Января 22, 1835.

Ну, братъ, я уже не знаю, что̀ и думать о тебѣ. Какъ! ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь, или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло — суди самъ (1). За то ты долженъ непремѣнно описать все, что̀ и какъ, начиная съ университета и до послѣдней Кіевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсень. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ-нибудь эдакихъ

(1) »Арабески.« *П. К.*

старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ Житомирской гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ университетѣ, и тамъ получилъ канди(да)та. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ.

Ну, весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

Что тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина »Исторія Пугачевскаго Бунта«, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. Авось-либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ-нибудь хорошимъ. Но...

Прощай! Да не ужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть двѣ строчки?...

Къ М. П. Погодину.

СПб. Вторникъ, 22 генваря (1835).

Посылаю тебѣ всякую всячину мою (1). Погладь ее и потрепли. Въ ней очень много есть дѣтскаго, и я поскорѣе и старался выбросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое, и стряхнувшись начать новую жизнь. Изъяви свое мнѣніе объ историческихъ статьяхъ въ какомъ-нибудь журналѣ. Лучше и приличнѣе, я думаю, въ журналѣ просвѣщенія. Твое слово мнѣ поможетъ, потому что у меня, кажется, завелись какіе-то ученые непріятели — —

(1) »Арабески«. *П. К.*

Какъ поживаешь и что подѣлываешь? Ты всё только говоришь, а ничего не дѣлаешь. Ну что за страмъ! до сихъ поръ я не дождусь твоихъ лекцій; говоришь печатаешь, а до сихъ поръ еще не вышли. Не ужели онѣ такъ велики, что типографіи ваши не управятся? Пожалуста не мучь такъ долго. Я также думаю хватить среднюю исторію томиковъ въ 8, или 9, если Богъ поможетъ. Раздай прилагаемые экземпляры по принадлежности...

Къ матери.

1835 г., января 30. С. Петербургъ.

Благодарю васъ, безцѣнная маминька, за поздравленіе меня Новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы желанія ваши совершенно исполнились и чтобы мы всѣ въ этомъ и будущихъ годахъ были счастливы. Очень радуюсь, что зима предвѣщаетъ вамъ хорошій урожай. Сдѣлайте милость, не скучайте за дѣтьми и развлекайте себя всѣми силами. Вы должны себя беречь для жизни самой пріятной, и это время, которое вамъ такъ кажется долго, вдругъ пролетитъ, и мы будемъ снова вмѣстѣ. Развѣ вамъ не радостно будетъ, когда ваши дочери будутъ умны и воспитаны? И я также если не поглупѣю, то поумнѣю, дастъ Богъ.

Да скажите Ивану Данилевскому, что братецъ его, который сейчасъ только ушелъ отъ меня, приказывалъ ему крѣпко-накрѣпко привезть ему варенья, по крайней мѣрѣ пять банокъ. Онъ бы и самъ къ нему писалъ объ этомъ, да не пишетъ потому, что въ десять разъ лѣнивѣе меня...

Благодарю тебя, сестрица, и васъ также, любезный братъ Павелъ Осиповичъ, за ваши приписку и поздравленія. Отъ души желаю вамъ также всякаго счастія. Пришли, пришли, сестра, пѣсню, о которой пишешь. Очень буду благодаренъ! Поцѣлуй за меня племянника моего и крестника. Что онъ, уже учится азбукѣ, или еще? Я передъ нимъ очень виноватъ, что до сихъ поръ не присылаю ему ничего. Извини меня какъ-нибудь передъ нимъ, чтобы не сердился. Послѣ я надѣюсь загладить свою вину...

Къ М. П Погодину.

Генваря 31 (1835).

Я получилъ твое письмо in $^1/_{1000}$ долю листа отъ Одоевскаго. Скажи нашимъ господамъ, что сгараю желаніемъ приклеить свои труды къ ихнимъ. Но, ей Богу, раньше какъ къ 3-й книжкѣ не могу прислать имъ повѣсти. Я теперь въ такихъ хлопотахъ, что страшно и подумать. Кромѣ всего прочаго, я стараюсь, чтобы чрезъ три недѣли вышло мое продолженіе »Вечеровъ« ([1]); итакъ ты посуди самъ. Но впрочемъ все это для нихъ же лучше: вещь, которую я напишу послѣ, всё же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я началъ даже для нихъ повѣсть. Но, ей Богу, двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, я не буду имѣть времени даже подумать о ней.

Будь здоровъ. Прощай. Цѣлую тебя...

Къ матери.

1 февраля, 1835.

Я получилъ ваше письмо. Очень благодарю васъ за поздравленіе съ Новымъ годомъ. Я увѣренъ, что при вашихъ желаніяхъ проведу его счастливо. П. О. благодарю также за его приписку и желаніе. Посылаю вамъ для развлеченія слѣдуемыя при семъ книги: одинъ экземпляръ для васъ, а другой, надписанный Василю Ивановичу Чернышу, который прошу ему вручить при первой окказіи.

Къ М. П. Погодину.

(9 февраля, 1835.)

Я только сегодня получилъ твое письмо, т. е. 9 февраля. Ты слишкомъ крупно выставилъ титулъ Смирдина, и онъ распечаталъ его, принявши за адресованное къ нему. Я радъ по самое *нельзя*

([1]) Говорится о »Миргородѣ«, въ заглавіи котораго сказано: »Повѣсти, служащія продолженіемъ »Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки«. *П. К.*

твоему пріѣзду, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и досадую на проклятой случай, заставившій тебя сдѣлать это. Я живу теперь въ тѣснотѣ [выгнатъ изъ прежней квартиры по случаю передѣлки дома]. Но если тебѣ не покажется безпокойнымъ чердакъ мой, то авось какъ-нибудь помѣстимся. Впрочемъ вѣдь мы люди такого сорта, которыхъ вся жизнь протекаетъ на чердакѣ.

Прощай! Цѣлую тебя и жду съ нетерпѣніемъ твоего пріѣзда...

Издатели »Московскаго Наблюдателя« ничего не умѣютъ дѣлать. Разошлите объявленія огромными буквами при »Московскихъ Вѣдомостяхъ« и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ »Библіотекѣ для Чтенія«, и содержаніемъ будетъ самый разнообразный. Изъ »Вечеровъ« ничего не могу дать, потому что »Вечера« на дняхъ выходятъ (¹). Но я пишу для »М. Н.« особенную повѣсть.

Къ нему же.

Февраля 20 (1835). ПСб.

Письмо твое отъ 7 февраля я получилъ отъ Смирдина сегодня, то есть, 20 числа. Нельзя ли впередъ адресовать прямо на мою квартиру? Что за лѣнь такая! Въ Малой Морской, въ домѣ Лепена. Хорошъ и ты! Какъ мнѣ прислать вамъ повѣсти, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить въ продажу? — — вы всѣ Московскіе литераторы. Съ васъ никогда не будетъ проку. Вы всѣ только на словахъ. Какъ! затѣяли журналъ, и никто не хочетъ работать! Какъ же вы можете полагаться на отдаленныхъ сотрудниковъ, когда не въ состояніи положиться на своихъ? Срамъ, срамъ, срамъ! Вы посмотрите, какъ Петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство и трудъ, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый изъ нихъ чуть ли не сто лѣтъ собирается прожить. А вамъ что? Вы сначала только раззадоритесь, а потомъ чрезъ день и весь пылъ вашъ къ чорту. И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей. Да вамъ должно быть стыдно, имѣя столько головъ, обра-

(¹) Говорится о »Миргородѣ«, какъ о продолженіи »Вечеровъ.«

щаться къ другимъ, да и къ кому же? ко мнѣ! Но ваши головы думаютъ только о томъ, гдѣ бы и укого ѣсть блины во вторникъ, середу, четвергъ и другіе дни. Если васъ и дѣло общее не можетъ подвинуть, всѣхъ устремить и связать въ одно, то какой въ васъ прокъ? что у васъ можетъ быть? Признаюсь, я вовсе не вѣрю существованію вашего журнала болѣе одного года. Я сомнѣваюсь, бывало ли когда-нибудь въ Москвѣ единодушіе и самоотверженіе, и начинаю вѣрить, ужъ не правъ ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событіе вовсе не національное и что Москва невинна въ немъ. Боже мой! столько умовъ и всё оригинальныхъ: ты, Шевыревъ, Кирѣевскій... чортъ возьми, и жалуются на бѣдность! Баратынскій, Языковъ... ай, ай, ай! Ей Богу, вы всѣ похожи на Петербургскихъ широмыжниковъ, шатающихся съ мелочью въ карманѣ, назначенною только для расплаты съ извощиками! Скажи пожалуйста, какъ я могу работать и трудиться для васъ, когда знаю, что изъ васъ никто не хочетъ трудиться? Развѣ жаръ мой не долженъ естественнымъ образомъ охладѣть? Я поспѣшу сколько возможно скорѣе окончить для васъ назначенную повѣсть, но всё не думаю, чтобы она могла подоспѣть раньше 3-й книжки. Впрочемъ я постараюсь какъ можно скорѣе.

Прощай. Да ожидать ли тебя въ Петербургѣ, или нѣтъ?

Къ нему же.

(Марта 18, 1835.)

Ну, какъ ты доѣхалъ? Что и какъ нашелъ все? Посылаю тебѣ »Носъ«. Да если вашъ журналъ не выйдетъ, пришли мнѣ его назадъ. — — Вотъ уже 18 число, а нѣтъ и духа. Если — — »Носъ« не можетъ быть въ Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести въ католическую. — —

Кланяйся всѣмъ нашимъ.

Къ матери.

20 марта (1835).

Я получилъ письмо ваше, писанное вами 10 февраля только сегодня, стало быть, ровно черезъ полтора мѣсяца. Я думаю, не пролежало ли оно какъ-нибудь въ Полтавѣ.

Я, слава Богу, здоровъ, хотя много занятъ. На меня возложили не слишкомъ для меня пріятную обузу по университету, отъ которой я, однакоже, скоро отдѣлаюсь, и потому покамѣстъ я, вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вамъ письма сестеръ, которыя находятся въ хорошемъ здоровьѣ и начинаютъ понемногу успѣвать.

У насъ теперь третій день стоитъ самая крѣпкая зима и санная дорога, послѣ цѣлой недѣли почти весеннихъ дней, въ которые было весь снѣгъ разстаялъ...

Обнимаю сестру маленькую Олиньку, племянниковъ и Павла Осиповича.

Къ М. А. Максимовичу.

Марта 22 (1835. Изъ С. Петербурга.)

Ой чи жи́ви, чи здоро́ви,
Всі ро́дичи гарбузо́вы? (1)

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первыхъ, потому, что не коротко, а во-вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

Посылаю тебѣ »Миргородъ«. Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое твое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ [особенно ты] глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ козакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши поутру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ тропака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что̀ такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ

(1) Изъ народной комической пѣсни:

Хо́дить гарбу́зъ по городу,
Пыта́ецця свого́ ро́ду.... *П. К.*

къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы разсказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми своими друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь проѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ.

Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ всё правовѣдцы — — Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что̀ касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принести слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посовѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что̀ значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка.

Но прощай. Напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышешь ею — и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея. — — Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни...

———

Къ М. П. Погодину.

(23 марта, 1835).

Такъ какъ »Московскій Наблюдатель« не будетъ существовать, то пришли мнѣ мой »Носъ« назадъ, потому что онъ мнѣ очень нуженъ. Да пожалуста напечатай въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ« объявленіе объ »Арабескахъ«. Сдѣлай милость, въ такихъ словахъ: что теперь, дискать, только и говорятъ вездѣ, что объ »Арабескахъ«, что сія книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный [NB, до сихъ поръ ни гроша барыша не получено] и тому подобное.

Здорово ли у васъ все въ домѣ? Я немного прихварываю, но утѣшаюсь предстоящею поѣздкою, во время которой предстану къ вамъ. Прощай. Люби тебя Богъ и шли всякаго добра!...

Къ матери.

1835, апрѣля 12. СПб.

Письмо ваше, писанное вами 24 марта, я получилъ. Хлопоталъ о порученности вашей перезаложить въ ломбардъ имѣніе. Это дѣлается не такъ скоро, какъ вы думаете. Если бы даже можно было теперь приступить къ этому, то покамѣстъ я получу отъ васъ уполномочіе, т. е. довѣренность, покамѣстъ вы получите позволеніе изъ опеки на заложку имѣній малолѣтнихъ моихъ сестеръ, куда должны вы подавать просьбу, покамѣстъ все это будетъ готово, можетъ пройти, по крайней мѣрѣ полутора мѣсяца; а между тѣмъ черезъ три недѣли, если не раньше, я выѣзжаю изъ Петербурга. Во-вторыхъ, самое главное, перезакладывать имѣнія, заложеннаго на 12 лѣтъ, нельзя до совершенной уплаты долга. Имѣнія по новому уставу, не на двадцать четыре, а на 26 лѣтъ и на 36 закладываются. Итакъ вы видите, что теперь этого нельзя сдѣлать. Если бы вы раньше объ этомъ увѣдомили меня, я бы, можетъ быть, успѣлъ кое-кого упросить помочь въ этомъ дѣлѣ, но теперь уже выѣзжаютъ на дачи и не до того теперь. — — —

Я очень постигаю васъ. Я знаю, что ваша вся жизнь была въ заботахъ, что вы вѣчно должны были бороться съ критическими обстоятельствами. Отъ этого не мудрено, что душа ваша ищетъ успокоенія въ мечтѣ и что вы любите предаваться ей, какъ вѣрному своему другу, а не мудрено, что она васъ завлекаетъ иногда. Вамъ нуженъ совѣтникъ, который бы практическимъ образомъ глядѣлъ на жизнь. Этотъ совѣтникъ вамъ буду я. Почитайте меня за друга, съ которымъ вы должны дѣлить свои мысли и не сердиться, если этотъ другъ будетъ подавать вамъ совѣты. Если же вы совѣты станете почитать за строгія наставленія и умничанья, вашъ другъ тогда замолчитъ, и вы ничего отъ него не услышите. О дѣлахъ хозяйственныхъ, о средствахъ къ уплатѣ долговъ и о прочемъ поговоримъ, когда увидимся. Я намѣренъ не шутя приняться за хозяйство, и грѣхъ на моей душѣ лежитъ, что я не сдѣлалъ этого прежде, набросивъ на васъ цѣлый грузъ самыхъ тягостныхъ заботъ, омрачившихъ вашу драгоцѣнную для насъ жизнь.

Теперь поговоримъ о не такъ важныхъ пунктахъ вашего письма. Вы слишкомъ предаетесь вашимъ мечтаніямъ. Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня, добраго, простого человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маминька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и не протолпиться. Итакъ я васъ прошу, маминька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня будетъ лучшая похвала. — — Я знаю очень много умныхъ людей, которые вовсе не обращаютъ вниманія на литературу, и тѣмъ не менѣе я ихъ уважаю. Литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства; такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись. У меня, напримѣръ, нѣтъ уха къ музыкѣ, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презираетъ. Я не знаю ни въ зубъ математики, и надо мною никто не смѣется. Но если, не

зная математики начну говорить о ней, тогда надо мною будетъ всякой смѣяться. — — —

Но объ этомъ довольно. Посылаю вамъ, въ завершеніе, мои повѣсти, довольно давнія, которыя, впрочемъ, недавно вышли изъ печати.

Посылаю вамъ нѣсколько огородныхъ сѣменъ. Поспѣшите ихъ приказать посѣять; только мѣсто нужно выбрать хорошее и поливать предъ восхожденіемъ солнца и по захожденіи. Сестры посылаютъ племянникамъ конфектъ.

Не знаю, буду ли я еще къ вамъ писать, или, можетъ быть, уже не удастся, — развѣ изъ Москвы напишу. Будьте здоровы и да пошлетъ вамъ Богъ все хорошее: урожай на хлѣбъ и на все хозяйство. Обнимаю сестеръ и племянниковъ, Павла Осиповича и Катерину Ивановну вмѣстѣ съ моею кузиною, если онѣ только вблизи отъ васъ.

Праздники здѣсь были [кстати, поздравляю васъ съ праздниками], праздники здѣсь были очень дурны. На первый день явилась вдругъ зима съ морозомъ и санною дорогою послѣ совершенно весеннихъ дней. Теперь идутъ безпрестанно дожди...

Къ М. П. Погодину.

Апрѣля 17 (1835).

Самъ чортъ развѣ знаетъ, что̀ дѣлается съ »Носомъ!« Я его послалъ какъ слѣдуетъ, зашитаго въ клеенку, съ адресомъ въ Московскій университетъ. Я не могу и подумать, чтобы онъ могъ пропасть какъ-нибудь. У насъ единственная исправная вещь — почтамтъ. Если и онъ начнетъ заводить плутни, то я не знаю, что̀ уже и дѣлать. Пожалуста потормоши хорошенько тамошняго почтмейстера. Не запрятался ли онъ куда-нибудь по причинѣ своей миніатюрности между тучными посылками? Черезъ двѣ недѣли буду въ Москвѣ...

Къ матери.

1835, іюня 15. СПб.

Я получилъ письмо ваше отъ 16 мая сего іюня 2-го числа. Въ немъ я нашелъ пріятное для меня поздравленіе съ крестникомъ

и новымъ племянникомъ моимъ. Очень благодаренъ сестрѣ и Павлу Осиповичу за дружеское ко мнѣ расположеніе и пожалованіе меня въ кумовья и въ крестные отцы. Можетъ быть, Богъ поможетъ мнѣ быть со временемъ имъ полезнымъ.

Жаль мнѣ очень, что вы не можете похвалиться совершеннымъ здоровьемъ. Я думаю, виною всему заботы, безпрестанно васъ смущающія. Можетъ быть, мнѣ скоро удастся прожить у васъ нѣсколько времени, и тогда, можетъ быть, соединивши силы, намъ удастся лучше привести все въ порядокъ.

Когда я началъ-было писать это письмо, мнѣ принесли ваше другое отъ 4-го іюня. Странно, что сѣмена получены вами такъ поздно. По однакоже они всё-таки должны принять(ся).

Сестры, слава Богу, здоровы, письма ихъ прилагаю вамъ.

Здѣсь теперь большой съѣздъ, затѣваются праздники и проч. по случаю пріѣзда короля Прусскаго. Это лѣто я живу въ городѣ и не переѣзжаю на дачу. Если буду къ вамъ, то не раньше августа. Желая вамъ совершеннаго здоровья и спокойствія, остаюсь...

Милая сестрица! Поздравляю тебя съ сыномъ и желаю, чтобы онъ росъ, росъ и сдѣлался великаномъ и богатыремъ по силѣ и по уму, и по душѣ. Это поздравленіе, натурально, тебѣ должно раздѣлить вмѣстѣ съ Павломъ Осиповичемъ, котораго отъ души обнимаю и благодарю за избраніе меня въ кумовья. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте иногда истинно любящаго васъ брата,

Ник. Гоголя.

Къ М. А. Максимовичу.

Полтава. Іюль, 20 дня, 1835.

О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шепнула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать разъѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ

три недѣли ѣду опять въ Петербургъ. Къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ и о другомъ, и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерѣніемъ желаю обнять тебя. Впрочемъ, ты, вѣрно, это и безъ моихъ объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ. А что, какъ ты? Я думаю, такъ движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще; письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть...

Къ М. П. Погодину.

(1835, въ Москвѣ.)

Завтра въ 3 часа къ обѣду нагрянетъ къ тебѣ весь ученый міръ, предводимый растеніемъ Редькою. Означенное растеніе Редька нарочно присылалъ къ тебѣ человѣка узнать квартиру твою, ибо мы съ тобою, по свойственному однимъ намъ благоразумію, забыли выставить мѣсто жительства.

Къ нему же.

(1835, въ Москвѣ.)

А что же брюки? О Боже мой, Боже мой! Боже мой! Боже мой! что это такое дѣлается съ ними!

Пожалуста дай знать, когда мнѣ можно тебя застать дома. Мнѣ хотѣлось поговорить еще о многихъ вещахъ съ тобою...

Къ матери.

СПб. 30 августа, 1835.

И я отъ васъ что-то давно уже не получалъ письма, почтеннѣйшая маминька! Э, э, э! не завелся ли и за вами тотъ грѣшокъ,

въ которомъ я погрязъ и тѣломъ и душою, т. е. лѣнь? Но я увѣренъ, что вы никогда не были знакомы съ этимъ грѣхомъ, или лучше — добродѣтелью. Скорѣе можно подумать, что васъ полюбили лиходѣйки заботы и не даютъ вамъ ни покою, ни времени.

Посмотрите, какъ расписалась наша Анна! какое она наплела къ вамъ длинное письмо! Тутъ же найдете и Лизыно царапанье.

Какое прекрасное время настало у насъ въ концѣ августа! дни ясные, солнечные, совершенно лѣтніе, а до того времени сдѣлалась-было настоящая осень. Я до сихъ поръ еще не переѣхалъ въ городъ, и хотя надписываю на письмѣ къ вамъ *Петербургъ* и выставляю виньетку стараго театра Большого, но однакожъ всё живу еще въ Стрѣльнѣ.

Я любопытенъ очень знать, каковъ у насъ въ Малороссіи неурожай, въ какой цѣнѣ хлѣбъ, и проч. и проч. Я кажется (писалъ) объ этомъ къ вамъ въ прошедшемъ письмѣ, которое, не знаю, получили ли вы.

Здоровы ли всѣ наши: дѣдушка Иванъ Матвѣевичъ, бабушка Марія Ильинишна, Анна Матвѣевна, Агаѳія Матвѣевна и проч? Получаете ли какія-нибудь извѣстія объ Андреѣ Андреевичѣ? что онъ подѣлываетъ, бѣдной, въ Когорлыкѣ? Пишутъ ли Косяровскіе? Кланяюсь всѣмъ, кому только вы можете передать поклонъ мой. Обнимаю сестру, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и маленькаго Николиньку...

Къ ней же.

Сентября 2, 1835 г. С. Петербургъ.

Пишу къ вамъ на другой день послѣ пріѣзду моего въ Петербургъ, который совершился благополучно. Пріѣхалъ я здоровъ; все нашелъ хорошо. Былъ у сестеръ. Обѣ онѣ, какъ Анетъ, такъ и Лиза, довольно подросли за эти 4 мѣсяца и во все продолженіе ихъ были совершенно здоровы. Сентябрь здѣсь стоитъ прекрасный. Погода самая пріятная, дни солнечные. За симъ извѣстивши васъ обо всемъ этомъ и желая вамъ, почтеннѣйшая маминька, здоровья и счастья со всѣмъ домомъ, остаюсь вашимъ послушнымъ сыномъ...

Къ ней же.

Сентября 22 (1835). С. Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше изъ Бѣлгорода. Поздравляю васъ съ благополучнымъ пріѣздомъ и радуюсь душевно, что поѣздка эта доставила вамъ успокоеніе и развлекла немного. Поздравляю васъ также съ наступающимъ днемъ ангела вашего. Желанія не прибавляю: оно, безъ сомнѣнія, извѣстно. Если бы оно только исполнилось, то вы бы давно не имѣли непріятныхъ заботъ и жили бы смѣясь отъ утра до вечера. Лиза и Анна, безъ сомнѣнія, желаютъ того же, хотя и не успѣли написать вамъ своего поздравленія. Я посылаю при семъ ихъ прежн. письма, которыя у нихъ нѣсколько залежались.

Очень прискорбно мнѣ было отъ васъ слышать, что хлѣба у насъ дурны. Я не знаю, какъ вы въ состояніи будете прокормить крестьянъ. — —

Вѣдь я, кажется, два года тому назадъ былъ у васъ на имянинахъ, и, помнится мнѣ, довольно не скучно мы провели (время). Еще ваши имянины я помню одинъ разъ назадъ, лѣтъ пять слишкомъ, когда я былъ еще дома, когда былъ... Кто бишь были? я никого уже не помню... Кажется, Данилевскій Ѳедоръ Якимовичъ. Что онъ? что дѣлаетъ? и какъ поживаетъ съ своего молодою супругою? А что Ларій Тр.? служитъ, или въ отставкѣ, и чѣмъ занимается? Передайте ему поклонъ. Каковы вѣсти объ Андреѣ Андреевичѣ, также и о Косяровскихъ? Если Агаѳія Матвѣевна живетъ у насъ, то напомните ей, что я очень часто вспоминаю о ней.

Милостивая Государыня, Катерина Ивановна! Припасли ли вы мнѣ пѣсенокъ?...

Къ ней же.

1835, октября 1. С. Петербургъ.

Поздравляю васъ, маменька, съ днемъ вашего ангела и желаю вамъ всего, что можетъ составить счастіе ваше на землѣ: чтобы имѣли сколько можно менѣе безпокойства, чтобы Богъ благосло-

вилъ и наградилъ ваши попеченія, чтобы дѣти ваши, то есть, всѣ мы, были всегда послушны, признательны и почтительны, и чтобы вы меньше задумывались, а больше веселились. Я, вашими молитвами, здоровъ и спокоенъ; прочее все пустое и трынъ-трава. Сестры тоже здравствуютъ и, безъ сомнѣнія, будутъ писать вамъ поздравленія.

Передайте поклонъ мой Василю Ивановичу Чернышу, Татьянѣ Ивановнѣ и Аннѣ Семеновнѣ. Что онѣ, еще не вышли замужъ? Но особенный поклонъ бабушкѣ Марьѣ Ильиничнѣ, а вслѣдъ за тѣмъ тетушкѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которой скажите, что очень жалѣю, что до сихъ поръ незнакомъ съ моей сестрицей.

Что же касается до любезной сестрицы Маріи Васильевны, то я хотѣлъ ей написать особенно съ присылкою кое-какихъ дамскихъ аттрибутовъ, но отлагаю до другого времени и посылаю поклонъ, который да раздѣлитъ она пополамъ между собою и мужемъ...

Мнѣ были посланы отсюда двѣ посылки, которыя я долженъ былъ получить еще въ іюнѣ мѣсяцѣ. —— Сдѣлайте милость, поручите Павлу Осиповичу справиться. Въ одной изъ нихъ находятся термометры, а въ другой книги. Термометры оставьте у себя, а книги мнѣ пришлите назадъ. Не дурно, если случатся у васъ готовыя пары три шерстяныхъ чулокъ; присообщите къ книгамъ.

Къ ней же.

1835, ноября 10. С. Петербургъ.

Я получилъ ваши два письма почти вдругъ одно послѣ другого. Одно меня порадовало, потому что я видѣлъ изъ него, что вы веселы; а другое не понравилось мнѣ, потому что изъ него видно, что вы были скучны и въ печальнымъ расположеніи духа. ———

Напишите мнѣ о томъ, писали ли въ опекунскій совѣтъ о разсрочкѣ, или нѣтъ? Напишите также, куда бабушка Марія Ильинишна подала просьбу и котораго числа и мѣсяца. А до того до свиданья. Занимайтесь больше хозяйствомъ и ѣздите больше по гостямъ; то и другое васъ развлечетъ...

Благодарю тебя, милая сестра, за приписку и извѣстіе о моемъ

крестникѣ и о Павлѣ Осиповичѣ. Благодарю тебя за усердіе, съ которымъ ты стараешься надѣлить меня старинными картами; только это мнѣ вовсе не нужно и не относится къ моему предмету. Обнимаю тебя отъ души. Твой братъ.

Къ ней же.

1835, ноября 19. С. Петербургъ.

Письмо ваше получилъ 12 сего мѣсяца. Если будетъ время и возможность, то я постараюсь доставить вамъ сульсты. — —

Посылаю вамъ письма сестеръ, которыя, слава Богу, здоровы.

Благодарю очень сестру за приписку, а еще болѣе за любовь, въ награду за которую, затерялъ я письмо къ ней отъ Анетъ. Цѣлую Николиньку и Ваню, и постараюсь привезть имъ гусаровъ, или лошадей...

Къ М. П. Погодину.

Декабря 6. С. Петербургъ. 1835.

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебѣ, что ты пріѣхалъ и написалъ ко мнѣ. Но я думалъ, что ты сдѣлаешь лучше и пріѣдешь прежде въ Петербургъ. Мнѣ бы хотѣлось на тебя поглядѣть и послушать, послушать, что̀ и какъ было въ пути, и что̀ Нѣмечина и Нѣмцы. Этого мнѣ хотѣлось потому, что твои глаза ближе къ моимъ, чѣмъ кого другого. Но на письмѣ я знаю самъ, что писать объ этомъ слишкомъ громоздко, и для насъ, людей лѣнивыхъ, очень скучно. Я жадно читалъ твое письмо въ журналѣ просвѣщенія, но еще хотѣлъ бы слышать изустныхъ прибавленій. Увѣдомь, какія книги привезъ и что̀ есть такого, о чемъ намъ не извѣстно.

Я распаевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный козакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нее. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и приба-

вилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика.... и проч. и проч.... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!

Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія! Одну наконецъ рѣшаюсь давать на театръ, приношу переписывать экземпляръ для того, чтобы послать къ тебѣ въ Москву, вмѣстѣ съ просьбою предувѣдомить кого слѣдуетъ по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать къ нему объ этомъ, и убѣдительно просить о всякомъ съ его стороны вспомоществованіи, а милому Щепкину, что ему десять ролей въ одной комедіи; какую хочетъ, пусть такую беретъ; даже можетъ разомъ всѣ играть. Мнѣ очень жаль, что я не приготовилъ ничего къ бенефису его. Такъ я былъ озабоченъ это время, что едва только успѣлъ третьяго дни окончить эту піесу. Той комедіи, которую я читалъ у васъ въ Москвѣ, давать не намѣренъ на театръ. Ну, прощай, мой Погодинъ. Обнимаю тебя очень крѣпко! Поцѣлуй за меня ручку супруги своей...

Къ матери.

1835, декабря 18. СПб.

Поздравляю васъ, маминька, съ наступающимъ Новымъ годомъ и дай Богъ, чтобы онъ былъ для васъ счастливѣе всѣхъ когда-либо бывшихъ! По крайней мѣрѣ я предчувствую, что отъ него намъ ожидать много добра. Я, слава Богу, здоровъ; сестры также. Онѣ посылаютъ вамъ конфекты и кое-что изъ работъ своихъ. Я,

при этой оказіи, приложилъ сѣмена огородныя: оно же и кстати на Новый годъ: это эмблема и девизъ, и вмѣстѣ желаніе, чтобы вы насѣяли много хорошаго въ началѣ этого (года) и въ этомъ же самомъ, чтобы (вели жизнь) счастливую, имѣющую продолжиться отнынѣ на всѣ годы.

Кстати о сѣменахъ. Причину невсхода сѣменъ садовникъ полагаетъ, что ихъ глубоко садили въ землю. Онъ совѣтуетъ ихъ слегка только прикрыть землею, лишь бы закрыть сѣмечко, чтобы солнце могло на нихъ дѣйствовать, и никакъ не совѣтуетъ прежде намачивать въ водѣ, но садить ихъ сухими лучше, потомъ полить. И потому всѣмъ этимъ совѣтую Павлу Осиповичу воспользоваться.

Сестрѣ посылаю какія нашлись у меня книги. Пусть ихъ читаетъ во здравіе. Она ихъ, я думаю, въ одну недѣлю проглотитъ всѣ. Желая всего хорошаго и посылая при этомъ поклонъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ, остаюсь...

Къ М. П. Погодину.

18 генваря, 1836. СПб.

Э, братъ! ты совсѣмъ позабылъ меня. Я ждалъ отъ тебя письма на мое письмо, да и пересталъ ждать. Извини, что до сихъ поръ не посылаю тебѣ комедію. Она совсѣмъ готова и переписана, но я долженъ непремѣнно, какъ увидѣлъ теперь, передѣлать нѣсколько явленій. Это не замедлится, потому что я во всякомъ случаѣ рѣшился непремѣнно дать ее на Свѣтлый праздникъ. Къ посту она будетъ совсѣмъ готова, и за постъ актеры успѣютъ разучить совершенно свои роли.

Да скажи пожалуста, ты меня не увѣдомилъ, какъ распорядился съ посланными къ тебѣ еще въ маѣ мѣсяцѣ 90 экземплярами »Миргорода«. Если они не проданы еще и если тебѣ нужны взятые мною 500 руб., то я постараюсь прислать тебѣ, потому что я долженъ получить кое-что за комедію.

Да сдѣлай милость, пришли мнѣ моего »Носа«. Мнѣ теперь онъ до крайности нуженъ. Я хочу его немного передѣлать и помѣстить въ небольшое собраніе, которое готовлю издать. Благо-

дарю тебя много за твои подарки: »Самозванца«, »Русскую Исторію« и лекціи по Герену.

»Самозванецъ« мнѣ очень нравится. Онъ не движется на сценической интригѣ, но тѣмъ не менѣе составляетъ полную, исполненную правды, стало быть историческую и поэтическую, картину. »Исторія« твоя составляетъ замѣчательное явленіе, но въ ней есть слѣдующій недостатокъ. Она бóльше похожа на сочиненіе, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназическаго курса. Въ ней слишкомъ сжато, даже, можетъ быть, много уложено въ тѣсныя рамки. Притомъ въ ней, мнѣ кажется, необходимо было бы тебѣ именно развить тотъ эскизъ, который ты помѣстилъ въ »Наблюдателѣ.« Онъ мнѣ очень нравится. Это до самого Петра чрезвычайно полное изложеніе, ясное, исполненное дальновиднаго вѣрнаго вывода. Вѣрно, ты эскизъ свой писалъ уже послѣ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ твоя »Исторія« останется лучшею, и я буду очень радъ, если она введется во всеобщее употребленіе и изгонитъ безпрестанно перевирающіяся записки, составленныя въ началѣ Богъ знаетъ кѣмъ, неповѣренныя умомъ и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видѣть. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ тобою о весьма многомъ.

Да кстати объ исторіи. Мнѣ наговорили, что дѣтская исторія Полевого хорошее сочиненіе. Я взялъ ее въ руки, но увидѣлъ, что яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. Къ счастью, я получилъ твою и отвелъ немного душу.

Прощай! не можешь ли ты чего-нибудь мнѣ выкопать о Славянахъ? Сдѣлай милость. Можетъ быть, ты составилъ какія-нибудь выписки изъ разнаго сору, и особенно что-нибудь о Галиціи древней и новой. Нѣтъ ли гдѣ какого-нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч?

Прощай. Цѣлую тебя нѣсколько разъ. Хотѣлось бы мнѣ очень побывать теперь въ Москвѣ, да не знаю, удастся ли прежде лѣта. Прощай...

Къ матери.

С. Петербургъ. Февраля 10, 1836.

— —

Намѣреніе ваше заложить въ въ приказъ я одобряю. Дай Богъ, чтобъ это помогло вамъ быть спокойнѣе и дало возможность управляться успѣшнѣе съ хозяйскими дѣлами. Вы напрасно только на меня имѣли неудовольствіе, какъ я видѣлъ изъ перваго письма вашего; тоже еще напраснѣе принимаете вы на чистыя деньги слова, сказанныя мною Татьянѣ Ивановнѣ, или кому другому. Развѣ вы не видите, что я шутилъ? Я одному говорилъ, когда меня спрашивали, скоро ли я буду, что я буду черезъ пять лѣтъ, другому — черезъ десять. Вамъ я сказалъ ближе всего къ тогдашнимъ моимъ мыслямъ, потому что я дѣйствительно думалъ тогда черезъ два года пріѣхать опять въ Васильевку на недѣлю и черезъ годъ на три мѣсяца, воротившись изъ-за границы.

Я къ вамъ пишу, выпроводивши масленицу, которая была здѣсь не такъ шумна, потому что смущена была несчастнымъ приключеніемъ. Во время представленія сгорѣлъ балаганъ со всѣми зрителями, изъ которыхъ едва половину могли спасти. Это много помѣшало всеобщей веселости, которая всегда бываетъ въ это время.

Сестры здоровы; учатся, какъ говорятъ, очень недурно. Анетъ приготовляетъ вамъ какой-то большой подарокъ...

Къ Н. Д. Бѣлозерскому.

21 февраля, 1836. СПб.

Мы съ вами, Николай Даниловичъ, кажется, рѣшились вовсе прекратить всякія сношенія и переписку. Богъ знаетъ, кто изъ насъ виноватъ. Можетъ быть, и мнѣ прежде слѣдовало писать къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ нужно съ той и другой стороны подобную ошибку всегда поправлять, — тѣмъ болѣе, что между нами, какъ между людьми вовсе не-чиновными и не-чинящимися,

слово *поздо* не имѣетъ въ себѣ никакого неприличія и доказываетъ только благородную нашу наклонность къ лѣни.

Прежде всего, каково здоровье ваше? потомъ, какъ ваши обстоятельства? О второмъ вопросѣ я интересуюсь потому, (что) здѣсь пронеслись слухи, которые я желалъ бы со всѣмъ участіемъ моего сердца, чтобы были ложны. Говорятъ, что вашъ домъ сгорѣлъ. Мнѣ очень непріятно было слышать объ этомъ, зная, какъ вамъ дорого отцовское гнѣздо ваше. Вы, сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ. Еще занеслись для меня другія вѣсти, также очень, очень непріятныя для меня, будтобы сгорѣлъ Нѣжинской лицей. Признаюсь, оно такъ меня огорчило, какъ не огорчило бы извѣстіе о сгорѣвшемъ моемъ собственномъ отцовскомъ домѣ. И когда я вспомнилъ, какъ безжалостно поступила со мною судьба, или, можетъ, какое-нибудь предопредѣленіе, или, можетъ быть, я самъ, — но не тотъ я, который я есть во глубинѣ души моей, но я, раздосадованный дорожными (непріятностями), разсерженный станціонными смотрителями; то, признаюсь, невыразимый упрекъ кипитъ во мнѣ. И, какъ нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно изъ тѣхъ самыхъ, которыя принадлежатъ невозвратной нашей юности. Я и у васъ былъ послѣ того смутенъ и не съ такою ясностью васъ встрѣтилъ. Вы увѣдомите меня поскорѣе; можетъ быть, это неправда, и страшный Лемносскій пожаръ породилъ всю эту длинную исторію пожаровъ только на словахъ.

Извѣстите о томъ, что̀ новаго въ вашей сторонѣ. Наши всѣ ведутъ себя довольно хорошо и не перемѣнились ни въ чемъ. Божко́ рѣшился наконецъ совершенно углубиться въ бездну мудрости и солидной, аккуратной жизни. Всё проситъ читать книгъ, и хотя еще ничего не прочиталъ, но со временемъ успѣетъ. Картъ совершенно не беретъ въ руки; только два раза, когда я зашелъ къ нему, онъ пунтировалъ, но и то проигралъ не больше, какъ рублей четыреста. Шаржинскій, какъ вамъ извѣстно, навостряетъ лыжи въ Радзивилъ почтмейстеромъ и, вѣроятно, скоро удеретъ оттуда опять въ Петербургъ, если только какая-нибудь Полька не сядетъ верхомъ на его синія очки. Р**** женился на одной вдовѣ, вояжировавшей въ Италію, изъ которой можетъ выйти четыре

Р**** и которая едвали не старше еще и его лѣтами. Симоновскій попрежнему обыкновенно рѣшительно недоволенъ всѣмъ. Данилевскій вамъ кланяется; Прокоповичъ то же; нижеподписавшійся то же.

Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что̀, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ-нибудь о немъ извѣстій? и, если вамъ случится встрѣтить его гдѣ-нибудь, нельзя ли какъ-нибудь уговорить его ѣхать сюда? Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. Рѣшительно комическій талантъ. Если же вамъ не удастся видѣть его, то, можетъ быть, вы получите какое-нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и куда адрессовать къ нему...

Къ М. П. Погодину.

21 февраля, 1836. СПб.

Никакъ не могу разрѣшить причины твоего молчанія. Два письма̀ я писалъ къ тебѣ, и ни на одно отвѣта. Живъ ли ты, здоровъ ли ты, что̀ дѣлаешь — я рѣшительно ничего не знаю. Конечно между нами, людьми пишущими, лѣность извинительна, но всё же нужно знать мѣру. Грѣхъ тебѣ, право, грѣхъ! Загладь хоть теперь его и напиши строчку.

Я теперь занятъ постановкою комедіи. Не посылаю тебѣ экземпляра потому, что безпрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего пріѣзда актерамъ, потому что ежели они прочтутъ безъ меня, то уже трудно будетъ переучить ихъ на мой ладъ. Думаю быть если не въ апрѣлѣ, то въ маѣ въ Москвѣ.

Не можешь ли прислать мнѣ каталога книгъ, пріобрѣтенныхъ тобою и непріобрѣтенныхъ относительно Славянщины, исторіи и литературы — очень обяжешь — и, если можно, въ двухъ-трехъ словахъ означить достоинство каждой и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезна.

Новостей особенныхъ здѣсь никакихъ. О журналѣ Пушкина

безъ сомнѣнія, уже знаешь. Мнѣ извѣстно только то, что будетъ много хорошихъ статей, потому что Жуковскій, князь Вяземскій и Одоевскій приняли живое участіе. Впрочемъ узнаешъ подробнѣе о немъ отъ него самого, потому что онъ, кажется, на дняхъ ѣдетъ къ вамъ въ Москву.

Прощай! Хоть что-нибудь напиши. Авось-либо это письмо мое будетъ счастливѣе другихъ и дождется отвѣта...

Къ матери.

СПб. 22 февраля, 1836.

Письмо ваше я получилъ. Радъ, если вы точно избавились отъ хлопотъ взятіемъ денегъ изъ ломбарда, и душевно желаю, чтобы не случилось такъ, какъ въ первый разъ. — — Прежде всего пришлите мнѣ небольшой счетъ, изъ котораго бы я могъ видѣть, сколько кому назначено и уплачено вами, сколько осталось и на что намѣрены вы употребить ихъ. Это будетъ очень полезно и для васъ самихъ, потому что вы, сдѣлавъ такой счетъ, можете яснѣе видѣть, какъ поступить.

Еще: я не знаю, хорошо ли вы сдѣлали, что рѣшились остаться безъ управителя. Не обманываете ли вы сами себя въ этомъ случаѣ? Вамъ даже при управителѣ было очень трудно управляться: безъ управителя еще труднѣе, — это естественно. Я опасаюсь за васъ: множество хлопотъ могутъ еще болѣе увеличить вашу разсѣянность и разстроить спокойствіе ваше, для насъ драгоцѣнное. Сообразите все это и подумайте...

Поклонъ Павлу Осиповичу, Катеринѣ Ивановнѣ, Олинькѣ и всѣмъ роднымъ и знакомымъ. — —

Прощайте! Извѣстите, какъ вы проводите время, съ кѣмъ больше видитесь, и проч. и проч.

Къ М. С. Щепкину.

1836. СПб. Апрѣля 29.

Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ происходитъ.

Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ наконецъ рѣшаются изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ »Ревизора«. Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ къ лѣнивцу 1-й гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, П****, чтобы онъ увѣдомилъ васъ; хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя — я знаю — чрезвычайно трудно послѣ искоренить, но — — я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо. — — — Мочи нѣтъ. Дѣлайте что̀ хотите съ моею піесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибы не высокое заступничество Государя, піеса моя не была бы ни за что̀ на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что̀ значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истинны — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что̀ же было бы, еслибы я взялъ что-нибудь изъ Петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціяльная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью.

Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ »Женитьба«, я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путнее. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу. Самъ же черезъ мѣсяца полтора, если не раньше, ѣду за границу, и потому совѣтую

вамъ, если имѣется ко мнѣ надобность, не медлить вашимъ отвѣтомъ и меньше предаваться нашей общей пріятельницѣ, лѣни...

Къ М. П. Погодину.

(1836.)

Три письма—и ни на одно не отвѣчать! Можно ли такъ дѣлать! Что̀ съ тобою? гдѣ ты? что̀ ты? Я ничего не знаю. Я не знаю, что̀ писать къ тебѣ, и нужно ли писать къ тебѣ, и нравится ли тебѣ, что къ тебѣ пишу. Сердитъ я на тебя, ужасно сердитъ!

Къ нему же.

Мая 10, 1836. СПб.

Я виноватъ, очень виноватъ, мой добрый, мой милый Погодинъ, что бранилъ тебя за твое невниманіе къ моимъ письмамъ. Дѣло теперь объясняется само собою: всему виноваты знакомые и пріятели, черезъ которыхъ ты писалъ и которые имѣли обыкновеніе проживать на дорогѣ у знакомыхъ, или жить въ Петербургѣ по цѣлому мѣсяцу, и потомъ уже припоминали о твоихъ письмахъ. Теперь только я получаю письма твои, писанныя въ февралѣ, генварѣ и мартѣ. Прости меня за то, что я напустился на тебя. На что̀ и какъ теперь отвѣчать тебѣ? Многіе вопросы твои уже потеряли свою современность. Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не

смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что̀ сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ — тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: »Мы не плуты.« Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ бо́льшимъ размышленіемъ. Лѣто буду на водахъ, августъ мѣсяцъ на Рейнѣ, осень въ Швейцаріи уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть въ Римѣ, или Неаполѣ. Можетъ быть, тамъ увидимся съ тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ѣхать. Отправляюсь или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня.

Письмо́ твое еще можетъ застать меня. Только пожалуста не пиши чрезъ пріятелей: они чрезвычайно долго задерживаютъ письма. Лучше по почтѣ, хотя и за почтой нашей, которая до сихъ по̀ръ была примѣръ исправности, начали водиться грѣхи. Я писалъ къ тебѣ три письма, и адрессовалъ ихъ прямо въ университетъ. Кажется, довольно точный адресъ, а между тѣмъ, какъ вижу изъ словъ твоихъ, ты ни одного не получилъ. Это письмо я вкладываю въ письмо къ Щепкину. Авось-либо это будетъ вѣрнѣе. Прощай.

Къ М. С. Щепкину.

1836, мая 10. СПб.

Я забылъ вамъ, дорогой Михаилъ Семеновичъ, сообщить коекакія замѣчанія предварительныя о »Ревизорѣ.« Во-первыхъ, вы должны непремѣнно́, изъ дружбы ко мнѣ, взять на себя все дѣло постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ; но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, до́лжны взять роль

городничаго: иначе она безъ васъ пропадетъ. Есть еще труднѣйшая роль во всей піесѣ — роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нея артиста. Боже сохрани, (если) ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина; вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть, фраза, или рѣченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должны выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-помалу разбирать; но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и, чѣмъ далѣе, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здѣсь была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ. Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ. Многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ Зато, по возвратѣ изъ-за границы, я намѣренъ основаться у васъ въ Москвѣ. Съ здѣшнимъ климатомъ я совершенно въ раздорѣ. За границей пробуду до весны, а весною къ вамъ. Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ. Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте ему, какъ сдѣлано мною. Да еще — не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны: это ихъ одѣлъ X***. Я мало входилъ въ эти мелочи и приказалъ напечатать по-театральному. Тотъ, который имѣетъ свѣтлые волоса, долженъ быть въ темномъ фракѣ, а брюнетъ, то есть Бобчинскій, долженъ быть въ свѣтломъ. Нижнее — обоимъ темныя брюки. Вообще, чтобы не было форсированья. Но брюшки у обоихъ должны быть непремѣнно, и притомъ остренькія, какъ у беременныхъ женщинъ. Покамѣстъ, прощайте. Пишите; еще успѣете. Ѣду не раньше 30 мая, или даже, можетъ, въ первыхъ іюня.

Къ матери.

С. Петербургъ. 12 мая, 1836.

Я получилъ письмо ваше послѣ долгаго молчанія и очень обрадовался ему. Слава Богу, вы здоровы и, сколько видно изъ словъ вашихъ, спокойны и довольны вашими хозяйскими дѣлами. Много и желать покамѣстъ ненужно. Дай Богъ, чтобы всегда были довольны и веселы. На-счетъ поѣздки моей за границу я еще не рѣшилъ, но думаю, что это исполнится въ этомъ году. Намѣреніе мое побывать на водахъ, потомъ быть въ Швейцаріи и Италіи и наконецъ возвратиться сухимъ путемъ чрезъ Москву и Малороссію, пожить нѣсколько времени дома. Все путешествіе полагаю займетъ годъ, или полтора года.

У насъ въ Петербургѣ, покамѣстъ, нѣтъ еще и признака хорошаго весенняго времени. Въ срединѣ апрѣля было такъ тепло, какъ лѣтомъ, а въ маѣ, кажется, сама Сибирь переѣхала въ Петербургъ.

Благодарю сестру Марію за приписку. Очень радъ, что ей понравились мои книги. Теперь я спѣшу скорѣе кончить мое письмо, потому что почта отходитъ и мнѣ нужно спѣшить по разнымъ дѣламъ. На слѣдующей недѣлѣ надѣюсь поговорить съ вами подробнѣе...

Къ С. Т. Аксакову.

15 мая (1836). СПб.

Я получилъ пріятное для меня письмо ваше. Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что, среди многолюдной, неблаговолящей толпы, скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца съ тою любовью, какая дышетъ въ письмѣ вашемъ.

Я не знаю, какъ благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей піесѣ. Я поручилъ ее уже Щепкину и писалъ объ этомъ письмо къ Загоскину. Если же ему точно нѣтъ возможности ладить самому съ дирекціей и если онъ не от-

давалъ еще письма, то извѣстите меня. Я въ ту же минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину.

Самъ я никакимъ образомъ не могу пріѣхать къ вамъ, потому что занятъ приготовленіями къ моему отъѣзду, который будетъ если не 30 мая, то 6 іюня непремѣнно. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, я постоянный житель столицы древней.

Еще разъ приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность, остаюсь навсегда

вашимъ покорнѣйшимъ слугою,
Н. Гоголь.

Къ М. С. Щепкину.

Мая 15 (1836). СПб.

Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой уже рѣшенъ. Знаю, что вы всѣ приняли бы меня съ любовью; мое благодарное сердце чувствуетъ это. Не хочу и я тоже съ своей стороны показаться вамъ скучнымъ и нераздѣляющимъ вашего драгоцѣннаго для меня участія. Лучше я съ гордостью понесу въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы изъ моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ. Притомъ, еслибы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во-первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней; во-вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики. Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже лучше, нежели если бы я самъ былъ. Я получилъ письмо отъ Сер. Тим. Аксакова тремя днями послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, со вложеніемъ письма къ Загоскину. Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на

васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то пусть остается такъ, какъ порѣшено. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Сер. Т., и скажите ему, что я умѣю понимать его радушное ко мнѣ расположеніе. — — Я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною піесу. Зимою въ Швейцаріи буду писать, а весною причалю съ нею прямо въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать. Мнѣ кажется, что вы сдѣлали бы лучше, еслибы піэсу оставили къ осени, или зимѣ.

Къ М. П. Погодину.

Мая 15 (1836). СПб.

Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно, но никакимъ образомъ немогу: нужно захватить время пользованія на водахъ. Лучше пусть пріѣду къ вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Пріѣхавши, я проживу съ тобою долго, потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ и не намѣренъ жить постоянно въ Петербургѣ. Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него — — И кто же говоритъ? Это говорятъ — — опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ Русской свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Сто-

лица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціяльныхъ; что̀ же бы сказала столица, еслибы выведены были хотя слегка ея собственныя нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь Петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что̀ бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту — значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ виденъ нигдѣ у меня, что наконецъ . . . но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все что̀ ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня.

Цѣлую тебя несчетно. Пиши ко мнѣ; еще успѣешь . . .

Къ матери.

СПб. 1836, мая 26.

Пишу къ вамъ во время всеобщаго разъѣзда. Изъ моихъ оконъ даже видны безпрестанно переѣзжающія фуры и телеги на дачи.

Я на дачу не перебираюсь и живу въ городѣ, не смотря на то, что уже показывается лѣто и жаръ становится порядочной. Я полагаю, что въ Петербургѣ не проживу болѣе двухъ недѣль, или по крайней мѣрѣ никакъ не далѣе мѣсяца. Попутчиковъ мнѣ много. Никогда не отправлялось за границу такое множество, какъ теперь. Впрочемъ передъ выѣздомъ моимъ, или если назначу навѣрное день моего выѣзда, то увѣдомлю васъ въ слѣдующемъ письмѣ. За границей полагаю пробыть болѣе года.

Я слышалъ, что въ нашихъ мѣстахъ опять поговариваютъ о неурожаяхъ. Если эти непріятные слухи точно справедливы, то не лучше ли бы вамъ не думать теперь о куреніи водки, а приберечь запасъ? Ко мнѣ дошли еще слухи, что бабушка моя Марья Ильинишна умерла. Если то правда, то мнѣ очень жаль: ей бы еще нужно пожить. Впрочемъ вы бы, вѣрно, меня увѣдомили и не стали бы секретничать, потому что это дѣлается только съ маленькими дѣтьми.

Напишите, что̀ дѣлается новаго въ нашемъ краѣ и довольны ли Левашевымъ.

Дѣти вамъ готовятъ какой-то сюрпризъ. Анетъ что-то вышиваетъ, Лиза сочиняетъ. Обѣ находятся весьма въ добромъ здоровьѣ.

Прощайте, покамѣстъ, до слѣдующаго письма. Мой поклонъ всѣмъ, кого увидите...

Къ ней же.

СПб. Іюня 5 (1836).

Спѣшу пользоваться на лету первою минутою писать къ вамъ. Захлопотанъ чрезвычайно, готовясь къ выѣзду, который имѣетъ быть завтрешняго дня. Акимъ вамъ долженъ доставить письмо мое, по расчему моему, 6 іюля. Заплатите за меня довезшему извощику остающіяся 130 рублей — у меня лишнихъ не случилось — и прикажите всыпать сколько-нибудь овса въ его ненасытную телегу.

Посылаю вамъ на платье Битепажевскаго ситцу и алый платокъ-шали́, другой же платокъ, по черному фону, прочилъ я для Маріи Ильинишны; если же она не существуетъ, то передайте его

Катеринѣ Ивановнѣ. Для сестры посылаю шляпку и платье. Посылаю вамъ также нѣсколько книгъ и въ томъ числѣ моего »Ревизора«, который надѣлалъ здѣсь чрезвычайно много шума, пріобрѣлъ мнѣ новыхъ благопріятелей и еще большее число неблагопріятелей. Если бы самъ Государь не оказалъ Своего высокаго покровительства и заступничества, то, вѣроятно, она не была бы никогда играна, или напечатана. Посылаю вамъ видъ Невскаго проспекта, со всѣми домами, которые на немъ есть. Вы можете повѣситъ его въ комнатѣ подъ самымъ карнизомъ и непремѣнно въ одной; въ другую не переносите: иначе это будетъ смѣшно. Павлу Осиповичу посылаю трубку. Сестры посылаютъ вамъ своей работы подончики для чернильницъ, колокольчиковъ и подсвѣчниковъ.

Прощайте! Будьте здоровы. Болѣе, право, некогда писать. Изъ-за границы вы, вѣрно, получите первое письмо мое прежде, нежели Акимъ успѣетъ дотащиться съ своею фурою и семьею. Цѣлую ваши ручки...

Къ ней же.

Гамбургъ. $\frac{29}{17}$ іюня, 1836.

Послѣ довольно продолжительнаго и утомительнаго путешествія моремъ, наконецъ отдыхаю я на нѣсколько времени въ Гамбургѣ и спѣшу воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобы писать къ вамъ.

Безъ сомнѣнія, Акимъ съ семействомъ своимъ достигъ уже Васильевки и разсказалъ вамъ о моемъ выѣздѣ довольно подробно. Письмо мое тоже вы, вѣроятно, уже получили.

Выбравшись изъ парохода, который мнѣ надоѣлъ жестоко, я проѣхалъ очень скоро Травемунде, Любекъ и нѣсколько деревень, не останавливаясь почти нигдѣ до самого Гамбурга. Мѣста эти всѣ мнѣ знакомы. Гамбургъ тоже старинный знакомый. Теперь только я разсмотрѣлъ лучше, нежели въ прежнее время. Это торговый городъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ, который, можно сказать, потонулъ въ магазинахъ. Тутъ продаются вещи, собранныя со

всей Европы. Въ какую улицу ни заглянешь, она кажется похожею на рядъ лавокъ. Все дешево и прекрасно, и эта дешевизна невыгоднѣе всего для бѣднаго путешественника, потому что по неволѣ заставляетъ его разоряться. Впрочемъ мнѣ совершенно не нужно никакихъ вещей. Все почти мое со мною. Видъ города очень хорошъ: домы высокіе, улицы узенькія, тѣсныя, дворовъ нѣтъ, все выливается на улицу; но при всемъ томъ вездѣ почти чистота: все это стекаетъ въ подземныя трубы, и вони на улицахъ гораздо меньше, нежели въ Петербургѣ. Окрестности Гамбурга тоже хороши. Для гуляній мѣста очень довольно. Садъ занимаетъ весь городской валъ и почти окружаетъ весь городъ. Изъ него много видовъ на городъ, котораго улицы мелькаютъ перспективами. Домы, налѣпленные на домы, крыши на крыши, и куча трубъ, въ самомъ разнообразномъ безпорядкѣ, почти безпрестанно передъ глазами и видны съ разныхъ точекъ. Кораблей приходитъ очень много.

Я не знаю еще навѣрно, когда я выѣду отсюда, завтра, или послѣ завтра. Во всякомъ случаѣ письма ко мнѣ прошу васъ адресовать въ Aix la Chapelle, въ тамошній почтамтъ, откуда я могу всякой разъ брать ихъ съ собою.

Что сказать вамъ о себѣ? Здоровъ, благодаря Бога, какъ слѣдуетъ. Въ дорогѣ затрудненій почти нѣтъ никакихъ, по крайней мѣрѣ несравненно меньше, нежели на нашихъ станціяхъ.

Напишите, что дѣлается теперь у васъ: началась ли косовица каково идетъ, хороши ли травы и хорошъ ли хлѣбъ? Въ здѣшнихъ мѣстахъ все хорошо, и объ урожаяхъ почти никогда не слышишь, потому что поля такъ обработаны, что во всякое время могутъ приносить хорошій плодъ. Но на первый разъ болѣе не могу писать, потому что времени совершенно нѣтъ и я долженъ уже думать о дорогѣ дальше. Черезъ четыре, или пять дней, я полагаю быть въ Ахенѣ [Aix la Chapelle], гдѣ пробуду мѣсяцъ или два и, можетъ быть, попробую тамошнихъ водъ. Ѣхать буду чрезъ Голландскія и Прусскія владѣнія...

———

Къ сестрамъ Елисаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

1836 года, $\frac{17}{4}$ іюля. Ахенъ.

Здравствуйте, мои безцѣнныя сестрицы Анетъ и Лиза. Вы, вѣрно, не соскучились безъ меня и очень рѣдко думаете обо мнѣ. Если же это не правда и вы думаете обо мнѣ часто и хотите знать, гдѣ я и что̀ дѣлается со мною, то я вамъ сейчасъ все это разскажу.

Простившись съ вами, я тотчасъ выѣхалъ изъ Петербурга. Выѣхалъ я на пароходѣ. Знаете ли вы, что̀ такое пароходъ? Но нѣтъ, вы не знаете, что̀ такое пароходъ, потому что онъ, кажется, никогда не прогуливался передъ вашими окнами. Это — корабль, который безпрестанно дымится и запачканъ, какъ трубочистъ, но зато идетъ гораздо скорѣе, нежели обыкновенной корабль. Я думаю, вамъ показалось бы очень странно ѣхать на кораблѣ. Вообразите, что кругомъ васъ одно море, — море, и больше ничего нѣтъ. Вы, вѣрно бы, соскучились, но у насъ было очень большое общество; дамъ было чрезвычайно много, и многія страшно боялись воды. Одна изъ нихъ, Mme Барантъ, жена Французскаго посланника, просто, кричала, когда сдѣлалась буря. Вы, вѣрно, знаете, что на пароходѣ внизу есть прекрасная зала, какъ-будто въ домѣ, и у каждаго изъ насъ небольшая комнатка, никакъ не больше орѣховой скорлупы.

Мы плыли, плыли и наконецъ, чрезъ недѣлю, пристали къ бе-берегу, гдѣ увидѣли все новое: городъ выстроенъ не такъ, какъ у насъ, люди не говорятъ со всѣмъ по-Русски, словомъ — мы были въ чужой землѣ. Улицы узенькія, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ. Домики маленькіе, но зато чрезвычайно высокіе: есть въ шесть и семь этажей.

Пообѣдавши въ городѣ Любекѣ, я отправился въ Гамбургъ. Гамбургъ прекрасный городъ, и жить въ немъ очень весело. Тамъ есть одна набережная, которая называется Jungfernsteig, на которой такая гибель гуляющихъ, что упасть некуда. По ней вездѣ павильоны, въ которыхъ безпрестанно играетъ музыка; за городомъ тоже очень много мѣстъ, гдѣ собираются гуляющіе слушать музыку и обѣдать. Лавокъ и магазиновъ страшное множество, и

въ нихъ такъ много прекрасныхъ вещей, и все очень дешево. Я вамъ купилъ одну вещицу.... не скажу, что̀. Какъ привезу, тогда увидите. Вотъ какіе домы въ Гамбургѣ. (¹)

Не правда ли странные? Окошекъ чрезвычайно много. Я былъ въ театрѣ, который дается въ саду, на открытомъ воздухѣ. Вы бы, вѣрно, смѣялись, если бы посидѣли тамъ. Нѣмцевъ чрезвычайное множество приходитъ смотрѣть, а Нѣмки приходятъ сюда со всѣмъ хозяйствомъ, ставятъ передъ собою рабочіи столики тутъ же въ креслахъ и ложахъ, и всѣ, сколько ни есть, вяжутъ чулокъ во все продолженіе представленія. Я былъ и на балѣ. Дамъ немного, но мущинъ чрезвычайное множество; и съ усами, и безъ усовъ. Больше всё Англичане. Англичанинъ есть человѣкъ довольно высокаго роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиною къ дамѣ и положивши одну ногу на другую. Ахъ, я разскажу вамъ одинъ пресмѣшной балъ, на который попалъ я случаемъ! Гуляя за городомъ, я увидѣлъ одинъ домъ, довольно большой и великолѣпно освѣщенный. Музыка и толпа народа заставила и меня войти. Залъ огромный, люстры и освѣщенія много; но меня удивило, что танцующіе одѣты, какъ сапожники, въ чемъ ни попало. Вы бы умерли со смѣху. Танцовали вальсъ. Такого вальса вы еще въ жизни не видывали: одинъ ворочаетъ даму свою въ одну сторону, другой въ другую; иные, просто, взявшись за руки, даже не кружатся, но, уставивъ одинъ другому глаза, какъ козлы, прыгаютъ по комнатѣ, не разбирая, въ тактъ ли это, или нѣтъ. Послѣ я узналъ, что это былъ знаменитый матросскій балъ.

Изъ Гамбурга я поѣхалъ на Бременъ. Это городъ очень старинный. Если бы вы увидѣли здѣшнюю церкву! Такой старины вы еще никогда не видѣли. Слушайте, еще что̀ я видѣлъ въ Бременѣ: я видѣлъ погребъ, который имѣетъ такое странное свойство, что всѣ тѣла, которыя похоронены тамъ, не тлѣютъ. Мнѣ показывали и раскрывали всѣ гробы. На мертвецахъ кожа только немного высохла, но я знаю, что вамъ бы страшно было взглянуть на нихъ. Вы обѣ трусихи. Что̀ еще сказать вамъ? Тутъ такой странный обычай, что когда вы ѣдете, маленькія дѣвчонки бѣгутъ

(¹) Слѣдуетъ рисунокъ перомъ. *П. К.*

за вашею каретою и бросаютъ къ вамъ на всемъ лету въ окна цвѣты; за это вы должны имъ выбросить какую-нибудь мелкую монету; если же выбросите имъ назадъ букетъ, то они опять будутъ бросать къ вамъ въ карету до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не бросите имъ маленькую монету.

Много городовъ я проѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ въ Ахенъ, откуда теперь пишу къ вамъ. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ. Если вы будете учить среднюю исторію, то вы узнаете, что здѣсь похороненъ Карлъ Великій и что это была столица его имперіи. Вы, кажется, обѣ не любите восхищаться хорошими видами, и потому вамъ нечего говорить о томъ, что видъ Ахена съ горы чудо какъ хорошъ! Весь городъ у васъ подъ ногами, такъ что вы можете перечесть всѣ домы. Вообразите, что въ Ахенѣ есть воды, то есть, ручьи, которые текутъ и кипятъ вмѣстѣ, и такіе горячіе, что въ нихъ съ трудомъ можно купаться. Однакоже, кто купается въ нихъ, тотъ выздоравливаетъ, въ какой бы ни былъ болѣзни. Такъ какъ я не боленъ, то и не намѣренъ оставаться долго въ Ахенѣ, и взялъ уже билетъ въ дилижансъ, который довезетъ меня до другого города, тоже старинная. Вы знаете, что такое дилижансъ: это карета, въ которую всякій, заплативши за свое мѣсто, имѣетъ право сѣсть. Въ серединѣ кареты сидятъ по шести человѣкъ. Если со мною рядомъ будутъ сидѣть два тоненькіе Нѣмца, то это хорошо: мнѣ будетъ просторно. Если же усядутся толстые Нѣмцы, то плохо: они меня прижмутъ. Впрочемъ я одного изъ нихъ сдѣлаю себѣ подушкою и буду спать на немъ. Если же мнѣ придется сидѣть между дамъ, то это хуже всего: тогда нельзя будетъ мнѣ ни облокотиться, ни спать. Здѣшній каѳедраль [такъ называется здѣсь соборная церковь] очень хорошо выстроенъ, хотя тоже большая старина. Вы такихъ строеній никогда не видывали. Вотъ онъ. (1)

Некогда кончить. Остальное можете дополнить въ вашихъ головахъ. Церковь очень высока и внутри такъ свѣтло, какъ въ оранжереѣ, или бельведерѣ. Вотъ вамъ, въ придачу, портретъ того содержателя, или хозяина гостиницы, у котораго я стою (2). Смотри, Лиза, не влюбись!

(1) Слѣдуетъ рисунокъ. — (2) Слѣдуетъ рисунокъ. *П. К.*

Прощайте, мои безцѣнныя! Пишите! Я къ вамъ большое письмо написалъ; смотрите, чтобы и вы мнѣ также большое написали...

Къ матери.

1836, $^{1}_{5}{}^{7}$ іюля. Ахенъ.

Не знаю, получили ли вы письмо мое, писанное изъ Гамбурга. Если получили, то увѣдомьте также о благополучномъ прибытіи Акима. Въ Гамбургѣ я прожилъ недѣлю. Выѣхалъ не помню какого числа. Думалъ прежде взять дорогу на Голландію. Это было бы несравненно пріятнѣе; но не всегда имѣется въ запасѣ возможность удовлетворить нашему желанію. Эта дорога заняла бы у меня очень много времени. Итакъ я рѣшился (ѣхать) сухимъ путемъ чрезъ Бременъ, Оснабрюкъ и Дюссельдорфъ. Мѣста мало чѣмъ лучше нашихъ; примѣчательнаго мало. Въ Бременѣ заглянулъ въ погреба, гдѣ покоится знаменитый рейнвейнъ нѣсколько сотъ лѣтъ, который продается за деньги, но отпускается только опаснымъ больнымъ и знаменитымъ путешественникамъ. Такъ какъ я не принадлежу ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, то и не безпокоилъ моими просьбами гражданъ города Бремена, которые рѣшаютъ дѣла такого рода въ собраніи сената. Видѣлъ тамъ же старинный катедраль [соборную церковь] и подвалъ, имѣющій силу сохранять тѣла нетлѣнными. Тѣлъ около 15; всѣ они лежатъ въ гробахъ; подъ ними даже простыни не истлѣли. Нѣмцы обращаются съ ними безъ всякаго уваженія, подымаютъ ихъ и бросаютъ на мѣста ихъ. Въ Минстерѣ я видѣлъ только наружность прекрасныхъ Готическихъ церквей. Въ Дюссельдорфѣ только остановился позавтракать. Это городъ уже не старинный, но совершенно новый и столица Нижнерейнскихъ провинцій. Въ одинъ день почти я медленною Нѣмецкою ѣздою переѣхалъ земли Мекленбургскія, Гановерскія, Прусскія и Датскія. Наконецъ недѣлю назадъ, какъ пріѣхалъ я въ Ахенъ [Aix la Chapelle].

Ахенъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ, лежитъ въ долинѣ и виденъ весь, какъ на ладонѣ, если взойти на одну изъ

окружающихъ его горъ. Видъ его издали очень хорошъ, но вблизи ничто не поразитъ сильно, выключая развѣ только вони. Всѣ ванны находятся внутри самого города въ гостинницахъ, такъ что вы, живя въ городѣ, не будете знать, гдѣ онѣ. Во многихъ домахъ минеральныя воды проведены подземными трубами. Только за городомъ можно встрѣтить источники въ натуральномъ видѣ, въ видѣ маленькаго ручейка, отъ котораго клубится горячій паръ. На водахъ здѣшнихъ ведутъ жизнь самую скучную, потому что всѣ воды находятся въ городѣ, а не за городомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Оттого всѣ почти отдѣлены другъ отъ друга. Притомъ сюда пріѣзжаютъ только старики и уже слишкомъ больные. Воды здѣшнія очень сильны. Такъ какъ я чувствую себя совершенно здоровымъ, то и не намѣренъ брать. Въ Ахенѣ находится прекрасный старинный катедраль въ Готическомъ вкусѣ. Окна идутъ отъ земли до самого верха. Вся церковь свѣтла, какъ оранжерея. Здѣсь хранится стулъ Карла Великаго, на которомъ онъ погребенъ сидящимъ.

Изъ Ахена отправляюсь въ Кельнъ, старинный и очень примѣчательный городъ, въ которомъ катедраль считается первымъ въ Европѣ по своей архитектурѣ. Изъ Кельна предстоитъ мнѣ самое пріятное путешествіе на пароходѣ по рѣкѣ Рейну. Это совершенная картинная галлерея: съ обѣихъ сторонъ города, горы, утесы деревни, словомъ — виды, которыхъ даже на эстампахъ вы рѣдко встрѣчали. Очень жаль, что вы не можете видѣть всего этого. Когда-нибудь, подъ старость лѣтъ, когда поправятся и ваши, и мои обстоятельства, отправимся мы поглядѣть на это. Письмо адрессуйте ко мнѣ во Франкфуртъ на Майнѣ, потому что къ тому времени буду тамъ.

Напишите что-нибудь о вашихъ новостяхъ...

Всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ передайте мой поклонъ.

Къ ней же.

Франкфуртъ на Майнѣ. Іюля $\frac{26}{14}$, 1836 г.

Получили ли вы письмо мое изъ Ахена? Съ того времени множество городовъ, большихъ и малыхъ, мелькнуло мимо меня, и

едва могу припомнить имена ихъ. Только путешествіе по Рейну осталось нѣсколько въ моей памяти. Рѣка Рейнъ — очень замѣчательная вещь въ Германіи. Она уставлена съ обѣихъ сторонъ горами и усыпана городами. Два дня шелъ пароходъ нашъ, и безпрестанные виды наконецъ надоѣли мнѣ. Глаза устаютъ совершенно, какъ въ панорамѣ, или въ картинѣ. Передъ окнами вашей каюты одни за другими проходятъ города, утесы, горы и старые рыцарскіе развалившіеся за́мки. Очень многіе изъ нихъ картинны и до сихъ поръ еще прекрасны. Всѣ горы, которыя состоятъ почти изъ голаго камня, покрыты виноградными грядками. Это родина рейнвейна, кромѣ котораго здѣсь почти не употребляютъ другихъ винъ и котораго здѣсь множество сортовъ, изъ коихъ многіе никогда не заходили къ намъ. Въ Майнцѣ, большомъ и старинномъ городѣ, вышелъ я на берегъ, не остановился ни минуты, хотя городъ очень стоилъ того, чтобы посмотрѣть его, и сѣлъ въ дилижансъ до Франкфурта.

Франкфуртъ называютъ Парижемъ Германіи. Онъ точно шуменъ и наполненъ иностранцами, съѣзжающимися со всѣхъ сторонъ изъ Парижа, Лондона, Петербурга, Италіи и проч. Городъ очень хорошо выстроенъ, уютной, свѣтленькой и окруженъ со всѣхъ сторонъ предлиннымъ и прекраснымъ садомъ. Лѣтомъ онъ бываетъ не такъ веселъ, какъ зимою, потому что зимою остаются въ немъ жить и нарочно съѣзжаются для этого, а лѣтомъ разъѣзжаются на воды, которыхъ въ окружности находится трезвычайное множество. Я не могу до сихъ поръ выбраться изъ минеральныхъ водъ; проѣхалъ Ахенъ, теперь пошли другія: Крейценахъ, Баденъ-Баденъ, Эмскія, Висбаденскія, Швальцбахскія, Лангенъ-Швальбахскія, словомъ — несчетное множество. Во Франкфуртѣ очень хорошо даютъ оперу. Оркестръ Франкфуртскій одинъ изъ первыхъ въ Европѣ. Не знаю, просилъ ли я васъ адрессовать ко мнѣ письма во Франкфуртъ, или нѣтъ. Если просилъ, то теперь прошу опять перемѣнить адрессъ и писать въ Лозанну, въ Швейцаріи, куда я на слѣдующей недѣлѣ полагаю быть. Извѣстите, что̀ дѣлается у васъ хорошаго: хорошо ли стоитъ лѣто, хороши ли косовицы, жнива и прочее? Здѣсь дни самые капризные: разъ по пятнадцати начинаетъ идти дождь. Слишкомъ

жаркаго дня еще, кажется, не бывало. Но пора кончить письмо и убираться изъ Франкфурта. Почтовая карета меня уже ожидаетъ...

Къ ней же.

Баденъ-Баденъ. Августа $\frac{14}{2}$, 1836.

До сихъ поръ еще ни одного письма вашего не получилъ, почтеннѣйшая маминька! Вѣрно, я ихъ получу разомъ вдругъ. Кстати о письмахъ: адресуйте письма ко мнѣ въ Швейцарію, въ Лозанну. Это будетъ дѣйствительнѣе: я дня черезъ четыре буду въ Швейцаріи и проживу тамъ всю осень. Послѣднее письмо мое къ вамъ было изъ Франкфурта. Не знаю, получили ли вы его.

Теперь я живу на знаменитыхъ водахъ Баденъ-Баденскихъ, куда заѣхалъ только на три дня и откуда уже три недѣли не могу выбраться. Встрѣтилъ довольно знакомыхъ. Больныхъ серьезно здѣсь никого нѣтъ. Всѣ пріѣзжаютъ только веселиться. Мѣстоположеніе города чудесно. Онъ построенъ на стѣнѣ горы и сдавленъ со всѣхъ сторонъ горами. Магазины, зала для баловъ, театръ — все въ саду. Въ комнату здѣсь никто почти не заходитъ, но весь день сидятъ за столиками подъ деревьями. Горы почти лиловаго цвѣта, даже изблизи. Между гостями есть много извѣстныхъ Европейскихъ лицъ. Мѣстъ для гулянья въ окружности страшное множество; но на меня такая напала лѣнь, что никакъ не могу приневолить себя все обсмотрѣть. Каждый разъ собираюсь пораньше встать, и всегда почти просплю. Лѣто здѣсь хорошо. Слишкомъ жаркихъ дней нѣтъ.

Оканчиваю письмо уже въ Раштадтѣ, который находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бадена. Завтра сажусь въ дилижансъ и буду черезъ двое сутокъ, а можетъ быть, и раньше, въ Бернѣ, гдѣ уже горы съ снѣжными вершинами...

Къ ней же.

Женева. Августъ $\frac{23}{11}$, 1836.

Уже около недѣли, какъ я въ Швейцаріи; проѣхалъ лучшіе Швейцарскіе города: Бернъ, Базель, Лозанну, и четвертаго дня

пріѣхалъ въ Женеву. Альпійскія горы вездѣ почти сопровождали меня. Ничего лучшаго я не видывалъ. Изъ-за синихъ горъ вдали показываются ледяныя и снѣговыя вершины Альпъ. Во время захожденія солнца, снѣга Альпъ покрываются тонкимъ розовымъ и огненнымъ свѣтомъ. Часто, когда солнце уже совсѣмъ скроется и все уже темно, что блеститъ, горы покрыты темнымъ свѣтомъ,— Альпы однѣ сіяютъ на небѣ, какъ-будто транспарантныя. Передо мной Женевское озеро, котораго воды кажутся бирюзоваго цвѣта, и Рона, которая здѣсь сливается съ озеромъ. Женева — очень хорошій городъ и называется уголкомъ Парижа. Языкъ Французскій здѣсь самый чистый. Костюмы поселянокъ Швейцарскихъ такъ хороши, какъ вы себѣ вообразить не можете. Въ каждомъ кантонѣ, или республикѣ, они перемѣняются. Совершенныя картинки! Дороги вездѣ почти живописны.

Въ Италіи я врядъ ли буду въ этомъ году. Я думаю, что останусь всю осень и начало зимы въ Женевѣ, если не поѣду въ Парижъ. Зимы здѣсь вездѣ почти дурны, то есть, онѣ довольно теплы, но домы очень холодны, — печей нѣтъ, камины очень худы. Но впрочемъ въ нынѣшнемъ году предвѣщаютъ теплую зиму.

Какъ вы проводите время? увѣдомьте меня: какое у васъ лѣто, хороши ли пчелы и жнива, которыя, безъ сомнѣнія, уже окончились, и что новаго въ нашей сторонѣ?...

Къ ней же.

1836, сентября 21. Лозанна.

Я получилъ сегодня, пріѣхавши въ Лозанну, два письма ваши: одно, адресованное въ Ахенъ, другое въ Лозанну. О письмахъ не безпокойтесь. Здѣшнія почты такъ хорошо устроены, что, куда бы вы ни написали ко мнѣ, письма ваши найдутъ меня хоть на краю свѣта. Непріятная новость, которую вы сообщаете въ письмѣ вашемъ, поразила меня. Всегда жалко, когда видишь человѣка въ свѣжихъ и цвѣтущихъ лѣтахъ похищеннаго смертью; еще болѣе, если этотъ человѣкъ былъ близокъ къ намъ. Но мы должны быть тверды и считать наши несчастія за ничто, если хотимъ быть

Христіянами. Можетъ ли кто изъ насъ похвалиться несчастіями и испытаніями? Такія ли бываютъ несчастія! Сколько есть на землѣ людей, которые, можетъ быть, несчастія наши почли бы только за слабыя огорченія, въ сравненіи съ другими, жесточайшими! Если мы имѣли удовольствія и потомъ потеряли ихъ, мы должны быть за нихъ благодарны и воспоминать о нихъ съ сладкимъ умиленіемъ, а не сокрушаться о потерѣ ихъ. Мы должны помнить, что нѣтъ ничего вѣчнаго на свѣтѣ, что горе перемѣшано съ радостью и что, если бы мы не испытывали горя, мы бы не умѣли оцѣнить радости и она бы не была намъ радостью. Нѣтъ, никто изъ насъ не въ-правѣ назвать себя несчастнымъ, или говорить, что онъ испытываетъ долгія, или безпрерывныя несчастія, — и вы первыя, маминька, не можете сказать этого. Правда, вы имѣли большую утрату: вы потеряли рѣдкаго друга, а нашего нѣжнаго отца, котораго до сихъ поръ никто изъ насъ не позабылъ; а 17 лѣтъ непрерывнаго, невозмущаемаго счастія, которымъ вы наслаждались съ нимъ, развѣ ничего не значатъ? Всякой ли можетъ похвалиться имъ? Нѣтъ, должно признаться, что мы, всѣ люди, неблагодарны. Мы хотимъ, чтобы не было границъ нашему блаженству. Мы позабываемъ, что существуютъ законы для міра. Нѣтъ, маминька, мы должны благодарить за все, что̀ мы имѣли хорошаго; мы должны быть тверды и спокойны всегда и — ни слова о своихъ несчастіяхъ. Я знаю, что вы вкусите еще много радостей. Подобно вамъ, и сестра моя не должна крушиться, если она точно достойна назваться Христіянкою. — —

Вы удивляетесь, что я скоро летаю съ мѣста на мѣсто, а я, напротивъ того, удивляюсь тому, что я двигаюсь необыкновенно медленно. Вы къ этому присоединяете ту же минуту свою догадку; но ваши догадки [не разсердитесь, маминька] всегда были не въ-попадъ. Вы думаете, что я оттого такъ скоро перемѣняю мѣста, что имѣю недостатокъ въ деньгахъ, между тѣмъ какъ я въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы долѣе сидѣть на одномъ мѣстѣ, потому что ѣздить здѣсь несравненно дороже, нежели сидѣть на одномъ мѣстѣ. Въ дорогѣ вы издерживаете здѣсь вдвое болѣе противъ обыкновенной городской жизни. Я еще ничего не знаю о томъ, гдѣ я проведу конецъ осени.

Теперь я ѣду въ Вевс, маленькой городокъ недалеко отъ Лозанны. Въ этомъ городѣ съѣзжаются путешественники, и особенно Русскіе, съ тѣмъ чтобы пользоваться виноградпымъ леченіемъ. Этотъ образъ леченія для васъ, вѣрно, покажется страннымъ. Больные ѣдятъ виноградъ, и ничего больше, кромѣ винограду. Въ день съѣдаютъ по нѣскольку фунтовъ, наблюдаютъ діэту, и послѣ этого виноградъ, говорятъ, такъ сдѣлается противенъ, что смотрѣть не захочется. Я ѣду съ тѣмъ, чтобы повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и посмотрѣть городокъ, который, хотя очень невеликъ, но занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ Швейцаріи. Письма вы можете мнѣ адресовать по-прежнему въ Лозанну.

Что касается до здоровья моего, то я, слава Богу, здоровъ. Молю Бога, чтобы и вы тоже вмѣстѣ съ сестрою и племянниками были здоровы...

Не пишетъ ли Данилевскій къ своей матери? Узнайте и извѣстите меня о его адресѣ. Я ничего о немъ не знаю съ того времени, какъ съ нимъ разстался.

Къ М. П. Погодину.

Женева. Сентября $\frac{22}{10}$.

Здравствуй, мой добрый другъ! Какъ живешь? Что дѣлаешь? Скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься? Богъ въ помощь тебѣ, если занятъ дѣломъ! Пусть весело горитъ передъ тобою свѣча твоя!... Мнѣ жаль, слишкомъ жаль, что я не видался съ тобою передъ отъѣздомъ. Много я отнялъ у себя пріятныхъ минутъ... Но на Руси есть также изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ Русь,—одна только прекрасная Русь: ты, да нѣсколько другихъ близкихъ, да небольшое число заключившихъ въ себѣ прекрасную душу и вѣрный вкусъ. Я не пишу тебѣ ничего о моемъ путешествіи. Впечатлѣнія мои уже прошли, уже я привыкъ къ окружающему, и потому описаніе его, сомнѣваюсь,

чтобы было любопытно. Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы да старыя Готическія церкви.

Осень наступила, и я долженъ положить свою дорожную палку въ уголъ и заняться дѣломъ. Думаю остаться или въ Женевѣ, или въ Лозаннѣ, или въ Веве, гдѣ будетъ теплѣе [здѣсь нѣтъ нашихъ теплыхъ домовъ]. Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта, а тамъ, можетъ быть, за перо.

Письма адресуй ко мнѣ въ Лозанну. Ты долженъ писать ко мнѣ теперь чаще. Тебѣ должно́ быть извѣстно, что значитъ получить письмо изъ родины. Прощай! Обнимаю тебя. Увѣдоми меня о томъ, что говорятъ обо мнѣ въ Москвѣ. Я не имѣю до сихъ поръ ни объ чемъ никакихъ извѣстій. Ни одного Русскаго журнала не вижу. До другого письма.....

Къ матери.

Genève. 1836 г., $\frac{\text{октября 6}}{\text{сентября 24}}$.

Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Вы, вѣрно, получите это письмо гораздо послѣ него, и потому желаніе мое будетъ не у мѣста; притомъ же вы, вѣрно, его знаете хорошо. Мы всѣ молимъ Бога о дарованіи вамъ много, много счастливыхъ годовъ.

Я въ Женевѣ не болѣе, какъ на одинъ день, по дорогѣ. Таскался по горамъ и возвращаюсь уже назадъ. Видовъ такая бездна и такихъ великолѣпныхъ, что писать въ письмѣ о нихъ нѣтъ возможности. До сихъ поръ, во все время путешествія моего, облака были подъ моими ногами. Четыре дня нужно для того, чтобы взойти на верхушку Монблана, одной изъ высочайшихъ горъ. Другія горы, тоже ужасной величины, служатъ ей ступенями. Онѣ всѣ покрыты лѣсомъ. За ними слѣдуютъ покрытыя кустарниками; потомъ начинается, тамъ, гдѣ оканчивается ихъ верхушка, Монбланъ, который также начинается кустарниками; еще выше ростетъ на немъ одна дикая трава; наконецъ, когда поднимаешься еще выше, одинъ мохъ, и потомъ прекращаются всѣ произрастенія, начинаются снѣга, и вы совершенно очутились среди зимы.

Передъ вами снѣга, надъ вами снѣга, вокругъ васъ снѣга, внизу земли (нѣтъ): вы видите, вмѣсто нея, въ нѣсколько рядовъ облака. Цѣлыя ледяныя стѣны, сквозь которыхъ просвѣчиваетъ солнце, висятъ вокругъ. Иногда слышатся трещины съ такимъ сильнымъ звукомъ, какъ ударъ грома, и потомъ цѣлая лавина летитъ внизъ, и сверху слышенъ весь громъ, который она производитъ, катясь по горамъ и низвергаясь въ долину. Здѣшніе проводники такъ знаютъ время, когда лавина должна упасть, что скажутъ вамъ даже минуту. Дождь и громъ — все это у васъ подъ ногами, а наверху солнце. Когда я былъ внизу, была дождливая погода, которая продолжалась нѣсколько дней; когда я наконецъ поднялся выше дальнихъ облаковъ, солнце свѣтило, и день былъ совершенно ясенъ, только было холодно, и легкой морозъ сверкалъ свѣтлыми искрами на снѣгу, и я, вмѣсто легкаго сертука, надѣлъ теплый плащъ. Спускаясь внизъ, дѣлалось теплѣе и теплѣе; наконецъ облака проходили мимо, наконецъ спряталось солнце, наконецъ я опять очутился среди дождя, долженъ былъ взять зонтикъ, и уже такимъ образомъ спустился въ долину.

Какова у васъ осень? здѣсь теперь снова начались теплые дни, какъ лѣтомъ, и я спѣшу въ Веве опять воспользоваться ими, потому что тамъ климатъ гораздо лучше, нежели въ Женевѣ. Здѣсь на одномъ и томъ же озерѣ одинъ городъ имѣетъ климатъ не теплѣе нашего Полтавскаго, а другой тутъ же, въ какихъ-нибудь въ пятидесяти верстахъ отъ него, теплѣе Одессы. Здѣсь можно безпрестанно любоваться костюмами Швейцарокъ. Почти въ каждомъ городѣ всё розные и всё такъ хороши и такъ ловко сидятъ на нихъ, какъ на картинкахъ.

Вчера я былъ въ Фернӗ и посѣтилъ Вольтера. Видѣлъ его дворецъ, куда пріѣзжали короли и принцы. Къ нему ведетъ прекрасная каштановая аллея въ три ряда. Передъ домомъ маленькая церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу!* Комнаты его въ томъ же видѣ; въ спальнѣ его перестлана даже кровать, съ тѣмъ же самымъ одѣяломъ, которымъ онъ укрывался, которому уже почти сто лѣтъ; тѣ же картины висятъ. Путешественники до сихъ поръ стекаются толпами. Садъ прекрасенъ; тѣни много; на одной сторонѣ его сдѣлана изъ подстриженныхъ деревьевъ стѣна съ арками. Сквозь эти

арки виденъ вдали Монбланъ, синѣющія горы Савойскія, деревни и мызы.

Женева, хотя великъ и хорошъ городъ, и можно въ немъ провести время веселѣе, нежели въ другихъ окружныхъ мѣстахъ, но не по мнѣ: вѣтровъ много и слишкомъ ощутительна сырость въ воздухѣ...

Къ М. П. Б — ной.

Веве. Октября 12-го, 1836.

Хотя вы, милостивая государыня Марья Петровна, не изволили мнѣ описать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя слѣдовало бы и съ моей стороны сдѣлать то же, но не смотря на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве, — во-первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во-вторыхъ, что предметы такъ интересны, что мнѣ было бы грѣхъ не писать о нихъ. Простившись съ вами — что̀, какъ вы помните, было въ исходѣ перваго часа — я отправился въ Hôtel du Faucon обѣдать. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди, съ одной стороны почтенный старикъ Французъ, съ перевязанною рукою и орденомъ, а съ другой стороны почтенная дама, жена его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы всѣ трое супъ откушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную, котлеты бараньи, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я откушалъ картофель, который я весьма люблю, особливо, когда онъ хорошо сваренъ, Французъ, который сидѣлъ возлѣ меня, обратясь ко мнѣ, сказалъ: »Милостивый государь....« Или нѣтъ, я позабылъ: онъ не говорилъ: »Милостивый государь«; онъ сказалъ: »Monsieur je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина.«

На что̀ я сказалъ: »Да, дѣйствительно, это очень хорошая говядина.«

Потомъ, когда приняли говядину, я сказалъ: »Monsieur, позвольте васъ попотчивать бараньей котлеткой.«

На что̀ онъ сказалъ: »Съ большимъ удовольствіемъ. Я возьму котлетку, — тѣмъ болѣе, что, кажется, хорошая котлетка.«

Потомъ приняли и котлетку, и поставили вотъ какія блюда: жаркое — цыпленка, потомъ другое жаркое — баранью ногу, потомъ поросенка, потомъ пирожное — компотъ съ грушами, потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками. Какъ только мнѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой, Французъ, сосѣдъ мой, попотчивавъ меня цыпленкомъ, сказалъ: »Puis-je vous offrir цыпленка?«

На что̀ я сказалъ: »Je vous demande pardon, monsieur, я не хочу цыпленка; я очень огорченъ, что не могу взять цыпленка; я лучше возьму кусокъ бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку.

На что̀ онъ сказалъ, что онъ точно зналъ многихъ людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку.

Потомъ, когда откушали жаркое, Французъ, сосѣдъ мой, предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ, сказавъ: »Я вамъ совѣтую, monsieur, взять этого компота: это очень хорошій компотъ.«

»Да, сказалъ я, это точно очень хорошій капотъ. Но я ѣдалъ, [продолжалъ я] компотъ, который приготовляли собственныя ручки княжны В* Н* Р*** и котораго можно назвать королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ.«

На что̀ онъ сказалъ: »Я не ѣдалъ этого компота, но сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣдушка былъ тоже главнокомандующій.«

На что̀ я сказалъ: »Очень жалѣю, что не былъ знакомъ лично съ вашимъ дѣдушкою.«

На что̀ онъ сказалъ: »Не стоитъ благодарностью.«

Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ, на что̀ Французъ, сосѣдъ мой, отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого препятствія.

Тогда я, взваливъ шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель съ бѣлою бумагою и разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

Дорога отъ Фокона до почты вамъ совершенно извѣстна, и

потому я не берусь ее описывать. Притомъ вы сами знаете, что предметовъ, которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мущины были люди очень почтенные, но нѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. »Хотя«, подумалъ я, »мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь посрединѣ; но, такъ какъ я человѣкъ субтильный и тщедушный, то весьма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, покамѣстъ я доѣду до Веве.« Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги, за что̀, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, что̀ заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ помѣстясь лежа на каретѣ, я началъ разсматривать всѣ бывшіе по сторонамъ виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной не было такой, которая шла внизъ, но всѣ вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужъ и пересталъ смотрѣть на другіе виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размышленіе, отчего одна половина его была темнѣе, а другая свѣтлѣе, что и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Веве. Мнѣ такъ понравилось мое мѣсто, что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты; но кондукторъ сказалъ, что пора сойти, на что̀ я сказалъ, что я готовъ съ большимъ удовольствіемъ.

»Такъ пожалуйте мнѣ вашу ручку!« сказалъ онъ.

»Извольте«, отвѣчалъ я.

Съ кареты сходилъ я сначала лѣвою ногою, а потомъ правою; но, къ величайшему прискорбію вашему [потому что я знаю, что вы любите подробности], не помню, на которую спицу колеса ступилъ я ногою — на третью, или на четвертую. Если хорошо припомнишь всѣ обстоятельства, то, кажется, на третію; но опять, если разсмотрѣть съ другой стороны, то представляется, какъ-будто на четвертую. Впрочемъ я вамъ совѣтую немедленно теперь же послать за кондукторомъ: онъ, вѣрно, долженъ знать; и чѣмъ

скорѣе, тѣмъ лучше, потому что, если онъ выспится, то позабудетъ.

По сошествіи съ кареты, отправился я къ набережной встрѣчать пароходъ. Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы, особенно для молодыхъ людей, и, вѣроятно, развило бы прекрасно ихъ способности, если бъ не было слишкомъ коротко; ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною. Изъ пассажировъ, бывшихъ на пароходѣ, не оказалось ни одной физіономіи Русской, даже такой, на которой бы выстроенъ былъ хотя Нѣмецкій городъ. Выгрузились три дамы, Богъ знаетъ какого происхожденія, два Кельнера и три Энглиша съ такими длинными ногами, что насилу могли выйти изъ лодки. Вышедши изъ лодки, они сказали »гопшъ« и пошли искать table d'hôte. Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ, потомъ пересѣлъ на другой, но нашелъ, что это все равно,— что если два равные дивана, то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково.

Здѣсь оканчивается путешествіе. Все прочее, что̀ ни было, все было незамѣчательно. Какъ вы хотите, но отвѣтъ вы непремѣнно должны написать мнѣ. Если вы затрудняетесь, какимъ образомъ писать, то я вамъ могу дать небольшой образецъ. Вы можете написать въ такомъ духѣ:

»Милостивый государь, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

»Я имѣла честь получить почтеннѣйшее письмо ваше сего »октября... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый »государь, всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я про»ливала слезы въ сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое »искусство говорить такъ понятно душѣ и сердцу? Стократъ, сто»кратъ желала бы я имѣть искусное перо, подобное, вашему, чтобы »быть въ возможности изливать такими же словами признательную »и растроганную благодарность.«

Потомъ вы можете написать: »Покорная къ услугамъ«, или »Готовая ко услугамъ«, или что-нибудь подобное, и письмо — я васъ увѣряю — будетъ хорошо.

P. S. Еще одно, не въ штуку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маминьку пріѣхать.

сегодня же, или завтра въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву. При свиданіи съ вами, я былъ глупъ, какъ Швейцарскій баранъ, — совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непремѣнно видѣть. Вы были въ Монтре и въ Шильонѣ, но не были близко. Я вамъ совѣтую непремѣнно сѣсть въ омнибусъ, въ которомъ очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостинницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и нигдѣ почти намъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ идти прекраснѣйшею долиною, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хорошъ. Здѣсь пообѣдаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ, или можете отправиться къ обѣду въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны...

Къ А. С. Данилевскому.

23 октября (1836). Лозанна.

Какъ не получить письма? получилъ въ тотъ самый почти день, какъ пришло. Какъ-будто зналъ, что пріѣхалъ сегодня въ Лозанну [я живу въ Веве]. Ну, не стыдно ли, не совѣстно ли тебѣ? Какъ можно до сихъ поръ не дать совершенно никакой вѣсти! Я писалъ, писалъ, нѣсколько разъ писалъ въ Крейцнахъ, разослалъ къ тебѣ письма во всѣ Нѣмецкіе дорожные города, писалъ на всѣхъ памятникахъ и замѣчательныхъ мѣстахъ и улицахъ углемъ и карандашомъ мой адрессъ; оставилъ во всѣхъ гостинницахъ къ тебѣ письма; наконецъ писалъ къ трактирщикамъ, чтобы они распрашивали о тебѣ путешественниковъ... и все понапрасну. Зато, въ наказаніе, ты просадишь изрядное количество сентимовъ, если получишь всѣ мои письма. Но зато, въ награду за безпокойство, даются намъ маленькія наслажденія. Я не знаю, такъ ли

бы я былъ обрадованъ, если бы получилъ милліонъ денегъ, какъ былъ обрадованъ твоимъ письмомъ. Почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я видѣлъ тебя безпрестанно во снѣ, и всё въ самыхъ неблагопріятныхъ положеніяхъ, такъ что я уже со страхомъ начиналъ о тебѣ развѣдывать и думалъ уже, не лучше ли оставаться въ неизвѣстности; но, слава Богу, ты живъ и здоровъ, и я, посылая къ тебѣ это письмо, лечу вслѣдъ за нимъ самъ въ Парижъ.

Я провелъ время какъ-то такъ, Богъ знаетъ какъ. Болѣе мѣсяца слишкомъ прожилъ въ Женевѣ [если ты когда-нибудь будешь въ семъ городѣ, то увидишь на памятникѣ Руссо начертанное Русскими буквами къ тебѣ посланіе]. Въ семъ городѣ я былъ въ пансіонѣ, гдѣ начиналъ-было собачиться по-Французски, но, смекнувши, что мы съ тобой для пансіоновъ нѣсколько поустарѣли и, озлобившись на Иркутскій климатъ Женевы и на гадкое время, удралъ оттуда въ Веве, гдѣ прожилъ тоже чуть не мѣсяцъ. Я никого почти не нашелъ тамъ Русскихъ, но этотъ городокъ мнѣ понравился. Съ прекрасными синими и голубыми горами, его обнесшими, я сдѣлался пріятель; старая тѣнистая каштановая аллея надъ самымъ озеромъ видала меня каждый день, сидящаго на скамьѣ и, наклонившись нѣсколько на правой бокъ, предававшаго варенію свой желудокъ, побѣжденный совершенно тѣмъ же убійственно-обильнымъ столомъ, на который ты имѣлъ такую справедливую причину жаловаться. Каждый день ровно въ три часа я приходилъ, вмѣстѣ съ немноголюдными жителями Веве, зѣвать на пристававшій къ берегу пароходъ, гдѣ каждый разъ я думалъ встрѣтить тебя, и каждый разъ вылѣзали только Англичи съ длинными ногами, послѣ чего, я чувствовалъ почти полчаса какую-то безчувственную скуку и уходилъ ее развѣтривать въ мои прекрасныя горы. Я даже сдѣлался болѣе Русскимъ, чѣмъ Французомъ въ Веве, и это все произошло оттого, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ »Мертвыхъ Душъ«, которыхъ было-оставилъ. Но... остальное разскажу увидѣвшись.

Наша ли жизнь не богата радостями! Не съ умысломъ и не свыше ли назначено было наше мгновенное разлученіе, чтобы доставить намъ случай узнать, что значитъ увидѣться въ чужой

землѣ двумъ, которые уже даже не помнятъ, съ которыхъ поръ знаютъ другъ друга? Но до свиданія, прощай...

Къ матери.

Парижъ. (1836).

Письмо ваше я получилъ и не отвѣчалъ такъ долго потому, что ожидалъ отвѣта на прежнія мои письма. Прожектъ мой ѣхать въ Италію зимовать разрушевъ. Тамъ теперь холера свирѣпствуетъ страшнымъ образомъ, и потому я отправился въ Парижъ, гдѣ нашелъ по крайней мѣрѣ теплую комнату. Здѣсь встрѣтилъ я и Данилевскаго. Я не знаю, что̀ вамъ писать объ Парижѣ. Въ немъ столько много всего, что не знаешь, съ которой стороны приняться. Жить въ немъ можно какъ хотите, и дорого и дешево, — въ такой степени дешево, какъ нельзя даже въ Петербургѣ.

Въ вашемъ письмѣ вы заботитесь и безпокоитесь, что у меня не достанетъ денегъ. Неужели вы думаете, что я похожъ на нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы теперь прожить, а о будущемъ и не помышляютъ, и говорятъ: »Авось Богъ милосердый поможетъ какъ-нибудь выпутаться«; между тѣмъ запутываются болѣе и болѣе въ долги. Я знаю очень хорошо пословицу: *Береженаго и Богъ бережетъ*, и потому никогда не полагаюсь на чудеса и чрезвычайные случаи. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, я уже такъ устроилъ дѣла, что въ какомъ городѣ бы я ни былъ, банкиръ, живущій въ немъ, по первому моему востребованію, выдастъ мнѣ сумму, какую я захочу. Кромѣ того, одно слово, написанное въ Петербургъ, который у меня подъ рукою, потому что письма доходятъ менѣе нежели въ двѣ недѣли, одно слово уже достаточно, чтобы мнѣ выслали сумму, много требуемую. Но если бы я даже и ничего этого заблаговременно не устроилъ, то, явившись къ нашему посланнику въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и государствѣ, я бы могъ всегда занять, сколько мнѣ хотѣлось. Итакъ вы видите, что обо мнѣ нечего вамъ безпокоиться. Какъ бы то ни было, но мои дѣла всегда лучше вашихъ , и потому я совѣтую вамъ болѣе обра-

тить вниманія на ваши дѣла. Я очень цѣню тѣ заботы, которыя имѣетъ обо мнѣ ваше родительское сердце. Но весьма будетъ неблагоразумно съ вашей стороны тревожить себя пустыми безпокойствами и неосновательными предположеніями. Вы должны всегда помнить, что я не вѣтреный мальчикъ и что, вѣрно, знаю, какъ вести свои дѣла. О ничтожной платѣ за письма тоже не безпокойтесь. Я очень увѣренъ, что мнѣ гораздо легче платить за нихъ, нежели вамъ. Притомъ я плачу несравненно меньше, нежели вы; ибо вы приплачиваетесь и за мое, и за ваше письмо вмѣстѣ.

Въ Парижѣ я проживу, можетъ быть, всю зиму, и потому буду имѣть много еще времени, чтобы о немъ написать къ вамъ. Вчера я былъ въ Луврской картинной галлереѣ, во второй уже разъ, и всё насилу могъ выдти. Картины здѣсь собрались лучшія со всего свѣта. Былъ на прошлой недѣлѣ въ извѣстномъ саду [Jardin des plantes], гдѣ собраны всѣ рѣдкія растенія со всего свѣта, и всё на вольномъ воздухѣ. Слоны, верблюды, строусы и обезьяны хотядъ тамъ, какъ у себя дома. Это первое заведеніе въ этомъ родѣ въ мірѣ. Кедры ростутъ тамъ такіе толстые, какъ только въ сказкахъ говорится. Для всѣхъ звѣрей, птицъ особенный даже павильонъ и бесѣдки, и у каждаго изъ этихъ обитателей свой садикъ. Весь Парижъ наполненъ теперь музыкантами, пѣвцами, живописцами, артистами и художниками всѣхъ родовъ. Улицы всѣ освѣщены газомъ. Многія изъ нихъ сдѣланы галлереями, освѣщены сверху стеклами. Полы въ нихъ мраморные и такъ хороши, что можно танцовать. Но, покамѣстъ, довольно.

Прощайте до слѣдующаго письма. Я спѣшу скорѣе окончить, потому что мнѣ еще много нужно писать сегодня писемъ...

Да что̀ сестра Марья ничего не пишетъ? Я получилъ отъ Анетъ и Лизы не такъ давно письма.

Къ ней же.

Парижъ. Январь $\frac{14}{2}$, 1837.

Поздравляю васъ, почтеннѣйшая маминька, съ Новымъ годомъ, и да низпошлетъ вамъ Богъ въ немъ всего, что̀ есть для васъ утѣ-

нительнаго. Я получилъ ваше письмо изъ Лозанны, писанное вами 18 октября.

Очень радъ, что вы здоровы и что сестра благополучно разрѣшилась сыномъ. Жаль мнѣ только, что у васъ опять небольшая благодать въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Наша Малороссія точно несчастный край: неурожай — бѣда; урожай — тоже. Когда я вспомню, какъ васъ все это безпокоитъ, у меня здѣсь болитъ сердце. Дай Богъ, чтобы винокурня немного васъ поправила, хотя я сомнѣваюсь, чтобы она доставила вамъ большія выгоды, потому что покамѣстъ вы приметесь курить, водка непремѣнно должна упасть въ цѣнѣ. При такой дешевизнѣ хлѣба, невозможно, чтобы она и мѣсяцъ постояла въ одной цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ, молю Бога, чтобы вы получили какую-нибудь прибыль, въ воздаянье вашихъ попеченій о насъ.

Я сижу еще въ Парижѣ и просижу до половины февраля, то есть, до начала весны, чтобы съ весною предпринять путь въ Италію, гдѣ уже въ это время будетъ совершенная весна, если не лѣто, что̀ для здоровья моего, надѣюсь, будетъ хорошо, потому что въ Парижѣ стоитъ не слишкомъ хорошее время — слякость и сырость. Здѣсь зимы совсѣмъ нѣтъ. Одинъ, или два раза было по градусу морозу. Здѣшніе жители въ лѣтнихъ сюртукахъ ходятъ всю зиму…

Къ ней же.

Парижъ. Февраль 15, 1837.

Я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маминька. Оно шло довольно долго: болѣе мѣсяца. Это происходитъ оттого, что почты зимою не такъ удобны, какъ лѣтомъ. Здѣсь зима не то, что̀ у насъ. У насъ она облегчаетъ путь, а здѣсь, напротивъ, затрудняетъ, потому что здѣсь она не что̀ иное, какъ мокрая осень. Мнѣ теперь даже странно было услышать о морозахъ, и особенно узнать изъ письма вашего, что они были до такой степени сильны, что много было замерзшихъ. Во все это время здѣсь всѣ ходили въ одныхъ сертукахъ, и солнце очень часто было совершенно весеннее.

Я болѣе полуторы недѣли не думаю оставаться въ Парижѣ.

Болѣзнь въ Италіи давно прекратилась, и время становится благопріятнымъ для путешествія. Я въ Парижѣ все обсмотрѣлъ уже, что̀ есть замѣчательнаго. Успѣлъ побывать и въ Версалѣ [въ 25 верстахъ отъ Парижа], этомъ великолѣпномъ обиталищѣ Французскихъ королей, составляющемъ большой городъ [около 50 тысячъ душъ]. Дворъ, сады, парки, безъ всякаго сравненія, великолѣпнѣе нашего Царскаго Села и съ большимъ вкусомъ.

Теперь въ Парижѣ самое шумное время — карнавалъ: балы за балами, спектакли великолѣпные. Въ послѣдній день карнавала было такое множество народа, какого я никогда еще не видывалъ. Всѣ булевары, проходящіе съ одного конца до другого весь Парижъ, были завалены народомъ; цѣлые экипажи наполнены были масками. Маски разныхъ націй и костюмовъ перебѣгали безпрестанно по улицамъ. Впрочемъ и до сихъ поръ, хотя вчера уже начался постъ, ни балы, ни маскарады не прекратились. Мнѣ хочется свѣтлый праздникъ встрѣтить въ Римѣ и быть въ церкви Святого Петра, гдѣ долженъ служить самъ папа, и потому вы можете теперь адрессовать ко мнѣ письма въ Римъ, poste retante. [Если я вамъ пишу обстоятельно, означая даже нумеръ дома, въ которомъ живу, тогда уже не нужно ставить poste retante; ибо сестра должна знать, что это значитъ *остающаяся почта*, т. е. чтобы письмо оставалось на почтѣ до того времени, покамѣстъ я не приду его взять самъ. Если же на письмѣ означенъ адрессъ дома, тогда его принесутъ ко мнѣ]. Въ Римѣ я не знаю, гдѣ остановлюсь, и потому пишу poste retante. Итакъ прощайте до Рима...

Обнимаю нѣсколько разъ сестрицу и моего племянника и крестника. — —

Не преминете увѣдомить о всемъ, что̀ ни происходитъ въ нашихъ мѣстахъ съ нашими знакомыми, и проч. и проч.

Давно ли получали письма отъ сестеръ изъ Петербурга?

Къ П. А. Плетневу.

16 марта, 1837. Римъ.

Что̀ мѣсяцъ, что̀ недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни,

все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ наразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!...

Къ матери.

Римъ. Мартъ $\frac{28}{16}$, 1837.

Два дня, какъ я здѣсь. Пріѣздъ мой въ Италію, или лучше въ самый Римъ, затянулся почти на три недѣли. Ѣхалъ и моремъ, и землею съ задержками и остановками, но, не смотря на все это, поспѣлъ какъ разъ къ празднику. Обѣдню прослушалъ въ церкви Святого Петра, которую отправлялъ самъ папа. Онъ 60 лѣтъ и внесенъ былъ на великолѣпныхъ носилкахъ съ балдахиномъ. Нѣсколько разъ носильщики должны были останавливаться посреди церкви, потому что папа чувствова̀лъ головокруженіе. Церковь же Петра такъ огромна, что будетъ въ длину около полуверсты. Съѣздъ въ Римѣ былъ огромной. Народу нѣсколько тысячъ стояло въ церквѣ, но она, при всемъ томъ, всё еще казалась пуста. Дни лѣтніе, солнце прекрасное, звѣзды еще лучше, блестятъ въ нѣсколько разъ ярче, нежели у насъ, словомъ—небо настоящее Италіянское. Весна почти не замѣтна, потому что очень мало такихъ деревьевъ, которыя должны развиваться. Всё почти вѣчно зеленѣющія, нероняющія во время зимы листьевъ. Я успѣлъ осмотрѣть только часть древностей и развалинъ, которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. Я не смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станетъ на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками

и картинами. Мозаики и антики продаются кучами. Школы живописи и скульптуры на улицѣ почти у каждыхъ дверей.

До Рима я успѣлъ еще побывать кромѣ многихъ другихъ въ двухъ знаменитыхъ городахъ, въ Генуѣ и Флоренціи. Генуя великолѣпна; множество домовъ больше похожи на дворцы и украшены картинами лучшихъ Италіянскихъ художниковъ, но зато улицы есть такъ узеньки, что двумъ человѣкамъ нельзя пройти въ рядъ. Впрочемъ онѣ выложены мраморными плитами и очень чисты.

Послѣ, въ слѣдующемъ письмѣ, напишу вамъ о томъ, что̀ увижу въ Римѣ; а теперь спѣшу кончить: иду на солнце, на которомъ мнѣ предписано находиться какъ можно больше . . .

Къ М. П. Погодину.

1837, марта 30. Римъ.

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ Русской, какъ писатель, я . . . я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что̀ есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что̀ будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что̀ трудъ мой? Что̀ теперь жизнь моя? . . .

Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Или ты нарочно сдѣлалъ такое заключеніе послѣ сильнаго тобой приведен-

наго примѣра, чтобъ сдѣлать еще разительнѣе самой примѣръ. Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, не смотря на то, что Самъ Монархъ [буди за то благословенно имя Его] почтилъ (его) талантъ? О, когда я вспомню нашихъ судій, Меценатовъ, ученыхъ умниковъ... сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы, отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной Русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусстаами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость.... людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить, — нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенки протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей — никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ (быть) понятны: ты въ пристани, ты какъ мудрецъ, можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы, — сложить мнѣ голову свою на роднинѣ!

Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня — пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На іюнь и іюль ѣду въ Германію на воды и, возвратившись, провожу здѣсь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь міръ.

Напиши мнѣ что-нибудь про ваши Московскія гадости. Ты ви-

дишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости я готовъ слышать изъ родины...

Къ матери.

Римъ. 12 іюня, 1837.

Наконецъ я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маминька. Изъ него я узналъ, что вы, слава Богу, здоровы. Очень сожалѣю, что здоровье сестры моей такъ плохо. Надѣюсь, что хорошее лѣтнее время должно́ возстановить его.

Я проживу, думаю, все лѣто въ Римѣ. На одинъ мѣсяцъ, впрочемъ, ѣду въ Швейцарію попробовать новыхъ минеральныхъ водъ, о которыхъ много говорятъ. Время стоитъ прекрасное, дни безоблачны, небо сине и ясно. Я дождался наконецъ Италіянскихъ жаровъ. Уже теперь такіе дни, какихъ у насъ вовсе не бываетъ. Самый жаркій день нашего лѣта не можетъ сравниться, хотя теперь, по нашему стилю, послѣднія числа мая. Въ полдень почти все запирается: улицы пусты, въ комнатахъ темно, всѣ ставни закрыты. Въ семь часовъ вечера начинаетъ двигаться народъ. Вся ночь [прекрасная ночь!] состоитъ изъ гуляній. Нерѣдко, проснувшись въ два часа ночи, слышишь на улицѣ серенаду, и движенье не прекращается. Города въ окружности Рима съ виллами прекрасны. Виллами называются дачи, загородные дворцы, которыхъ здѣсь очень много и почти всѣ великолѣпны. Виды прекрасны. Августъ мѣсяцъ бываетъ въ Италіи такъ жарокъ, что кричатъ собаки, ходя по улицамъ. Но въ августѣ я не буду въ Италіи, и возвращусь сюда развѣ только въ сентябрѣ. Дай Богъ, чтобы сборъ хлѣба у васъ былъ хорошъ. Здѣсь уже начинается его уборка, но кажется, его не будетъ много, потому что много полей осталось незасѣянными. Прошлый годъ былъ голодъ. Италіянцы лѣнивы. Папа на-дняхъ раздавалъ хлѣбъ народу. Развалины всё такъ же прекрасны, увиты плющомъ, который здѣсь такъ разростается, что не тоньше въ корнѣ нашихъ дубовъ. Запахъ померанцевъ отъ солнца сильнѣе. Одинъ лѣзетъ въ мое окошко, и я могу доставать рукою съ него плоды.

Цѣлую ваши ручки, обнимаю обѣихъ сестрицъ и племянника моего Колю...

Къ ней же.

Туринъ. 15 іюня, 1847.

Вы не удивляйтесь, почтеннѣйшая маминька, что не получаете отвѣтовъ на ваши письма. Я ихъ не буду получать по крайней мѣрѣ полтора мѣсяца: они, безъ сомнѣнія, всѣ адрессованы вами въ Римъ, а я не раньше туда возвращусь, какъ въ августѣ, или въ началѣ сентября. Пишу и теперь къ вамъ изъ столицы короля Сардинскаго, которая не уступаетъ въ великолѣпіи прочимъ. Славится правильностью своихъ улицъ, опрятностью, регулярностью и чистотою домовъ. Природа уже теряетъ здѣсь чисто Италіянскій характеръ. На мѣсто кипарисовъ — тополи; на мѣсто кактусовъ, маслиничныхъ деревъ, миндальныхъ и лимонныхъ чаще попадается болѣе обыкновенныхъ деревъ. Словомъ, это переходъ отъ Италіи къ Швейцаріи, и завтра же я увижу опять мѣста и горы, которыя видѣлъ прошлый годъ. Въ Баденѣ я опять проживу недѣли двѣ, или три и, можетъ быть, возьму тамошнихъ водъ. Всё же таки нужно когда-нибудь отвѣдать, что̀ такое минеральныя воды. Я до сихъ поръ ими не пользовался, и хотя чувствую себя здоровымъ, но для моихъ гемороидъ доктора совѣтуютъ ихъ, какъ дѣйствительное средство. Если вы хотите, чтобы я раньше получилъ ваше письмо, то адрессуйте его въ Женеву, въ poste restante. Если успѣете его отправить въ августѣ мѣсяцѣ, то оно будетъ мною получено, потому что, можетъ быть, я въ Женевѣ пробуду недѣли двѣ, на возвратѣ въ Италію. Цѣлую сестрицъ и племянника.

Вашъ Николай.

Къ ней же.

Женева. 1 октября, 1837.

Спѣшу васъ поздравить, почтеннѣйшая маминька, со днемъ вашего ангела. Дай Богъ, чтобы вы его провели, а съ нимъ и всё

слѣдующіе дни прекрасно, въ совершенномъ здоровьѣ, получая одни только извѣстія пріятныя и не зная ничего, что бы могло нанесть вамъ огорченіе. Я уже давно не получалъ отъ васъ письма, а равнымъ образомъ и отъ сестеръ изъ Петербурга. Я болѣе мѣсяца провелъ въ Баденѣ, гдѣ пользовался водами, которыя пользы мнѣ не сдѣлали ни на полушку и только разстроили то, что я совершенно поправилъ-было въ Италіи. Теперь я вижу ясно, что для меня больше всего нуженъ воздухъ и что воздухъ Италіи одинъ только можетъ совершенно искоренить всѣ мои гемороидальные припадки. Впрочемъ, можетъ быть, и хорошо, что я въ то время выѣхалъ изъ Италіи, потому что безъ меня явилась тамъ холера и пожрала множество людей. Теперь она почти проходитъ, но я обожду въ Женевѣ до тѣхъ поръ, пока она исчезнетъ тамъ совершенно, что, полагаю, должно сбыться въ продолженіе мѣсяца непремѣнно, потому что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Рима, уже сняты даже карантины, и всѣ выздоравливаютъ.

Извѣстите меня, какъ идутъ ваши хозяйственныя дѣла и что дѣлается новаго въ нашихъ земляхъ.

Швейцарія всё такая же, какъ прежде. Я посѣтилъ опять чудеса натуры. Снѣговой Монбланъ передъ моими глазами; Женевское озеро, съ своими бирюзовыми водами и живописными окрестностями, всё такъ же хорошо; но я гляжу уже на нихъ другимъ окомъ, — равнодушнѣе прежняго. Послѣ Италіи, здѣшнее небо не такъ кажется ясно и сине, а воздухъ, этотъ божественный воздухъ, который такъ прозраченъ въ Италіи и вливаетъ въ нервы такое освѣжительное здоровье, здѣсь не тотъ. Осень привела сюда туманы и даетъ чувствовать, что зима, которая не существуетъ въ Италіи, уже недалеко. Впрочемъ я надѣюсь ускользнуть отъ ней.

Если вы успѣете получить мое письмо по крайней мѣрѣ 5 октября по вашему стилю, то пишите отвѣтъ въ Женеву; когда же нѣтъ, то адрессуйте въ Римъ...

Сестру и милаго Колю цѣлую много разъ. А что дѣлаетъ Олинька? Гдѣ она теперь?

Къ А. С. Данилевскому.

Lion. 28, воскресенье (1837).

Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого не извѣстно почему неприличнаго мѣста, но, покорный произнесенному слову въ минуту разставанья нашего, о мой добрый братъ и племянникъ! пишу. Хотя совсѣмъ нечего писать, но да будетъ это между нами обычаемъ извѣщать другъ друга даже о томъ, что не имѣется матеріи для письма. Я много, много кратъ досадов(алъ) на то, что взялъ эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самого Рима—это, право, тоска. Тамъ хоть Женева съ мамзелями Фабръ и Каламъ, съ чаемъ въ Коронованной гостинницѣ и наконецъ съ вдохновеннымъ Мицкевичемъ; что мнѣ доставляло не мало удовольствія. А здѣсь, вмѣсто всего этого, день бецвѣтный, тоскливой, въ этомъ безличномъ Ліонѣ. Какъ я завидовалъ тебѣ всю дорогу, тебѣ, сѣдоку въ этомъ солнцѣ великолѣпія, въ Парижѣ! Вообрази, что по всей дорогѣ, по всѣмъ городамъ (caffés) бѣдные, — — служеніе тоже, жрецы невѣжи и неопрятно; благородная форма чашки въ видѣ круглаго колодца совершенно исчезла, и мѣсто ея замѣ(ни)ла подлѣйшая форма суповой чашки, которая, къ тому же, показываетъ довольно скоро неопрятное дно свое. О вкусѣ и благоуханіи жертвъ нечего и говорить; на дубовые желуди похожъ и дѣлается изъ чистой цыкоріи; такъ что, признаюсь, по неволѣ находятъ вольнодушныя — — мысли, и чувствую, что ежеминутно слабѣютъ мои — — правила — — такъ что, еслибъ только нашлась другая съ искусными жрецами, а особенно жертвами, какъ напр. чай, или шеколадъ, то прощай и послѣдняя (ревность)! Счастливы Монмартрскіе богомольцы! Много еще мнѣ предстоитъ пути. Ни Лафитъ, (н)и Notre Dame не имѣютъ тутъ своихъ дилижансовъ, и меня сдали такъ же, какъ назадъ тому было два года, какой-то преподлой компаніи. Ничего не случилось въ дорогѣ, кромѣ того только, что сегодня поутру — — на дорогѣ — — позабылъ — — моего Итальянскаго Курганова, котораго купилъ случайно въ Парижѣ и который мнѣ до сихъ поръ служилъ въ дорогѣ утѣшеніемъ; и спохватился скоро, но безжа-

лостный кондукторъ, который, впрочемъ, очень похожъ былъ лицомъ на Сосницкаго, никакъ не хотѣлъ подождать двухъ минутъ.

Мнѣ кажется, я позабылъ мелкі(е) стихи Касти. Маленькая книжка. Ежели ее отыщешь, то перешли съ тѣмъ, кто поѣдетъ въ Италію прежде, — съ Квиткой, или съ кѣмъ другимъ.

Если увидишь (А. И.) Тургенева, то скажи ему, что я никакъ не успѣлъ передъ выѣздомъ отвѣчалъ на его записку, но что изъ Рима, тотчасъ по пріѣздѣ, пишу къ нему и пришло требуемые имъ стихи *на пожаръ Зимняго Дворца...*

Къ матери.

Миланъ. 24 ноября 1837.

Я пробылъ въ Женевѣ больше, нежели думалъ [ожидая изъ Петербурга нужныхъ для меня писемъ]. Расчитавши, что съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ, есть мѣсяцъ, я рѣшился писать прежде прибытія въ Римъ, гдѣ находятся ваши письма, чтобы вы не безпокоились на-счетъ моего здоровья и прочаго. Я съ большою радостью оставилъ наконецъ Женеву, гдѣ, впрочемъ, мнѣ не было скучно, — тѣмъ болѣе, что я тамъ имѣлъ счастливую встрѣчу съ Данилевскимъ и такимъ образомъ мы провели осень довольно пріятно, до тѣхъ поръ пока наконецъ всѣ горы, не только огромныя, высокія и далекія, но даже и ближнія, покрылись снѣгомъ. При всемъ томъ мысль увидѣть Италію опять, вновь произвела то, что я бросилъ Швейцарію, какъ узникъ бросаетъ темницу. Я избралъ на этотъ разъ другую дорогу, сухимъ путемъ, чрезъ Альпы, самую живописную, какую только мнѣ удавалось видѣть. Громады горъ безобразныхъ дикихъ неслись во всю дорогу; мимо оконъ нашего дилижанса, мелькали водопады, шумящія, состоящія изъ водяной пыли. Половину сутокъ всё подымались мы на Сенплонъ, одну еще не изъ самыхъ высокихъ горъ. Дорога наша кружилась по горѣ, въ виду цѣлыхъ цѣпей другихъ горъ. Стремнины страшныя становились глубже и глубже съ правой стороны дороги. Все очутилось внизу. Тѣ горы, на которыя взглянуть было трудно, какъ говорится, не уронивши съ головы

шапки, казались теперь малютками. Скалы, утесы, водопады все было подъ нашими ногами. Дорога наша часто проходила насквозь скалу, сквозь просѣченный въ ея каменной массѣ корридоръ. Часто висѣлъ надъ нами натуральный сводъ. Часто мы проѣзжали сквозь искусственную длинную каменную галлерею, потому что безъ нея дорога была бы занесена снѣгомъ. И, встрѣтивши такимъ образомъ на вершинѣ Сенплона около 20 градусовъ морозу, мы наконецъ начали спускаться внизъ быстро, мимо скалъ, мимо водопадовъ. Ничего вы не можете себѣ представить живописнѣе. На картинахъ вы не видали ничего подобнаго. Уже бросили сани, взяли и карету, и всё летѣли съ быстротою по кружающимъ дорогамъ, окруженнымъ картинными горами. Меньше нежели въ три часа, спустились мы съ тѣхъ горъ, на которыя подымались около сутокъ, и климатъ къ концу такъ измѣнился, что, вмѣсто морозу, было около 12 градусовъ теплоты. Разстилавшіяся вдали долины Италіи представляли удивительно какой видъ! Наконецъ, минувши знаменитое большое озеро съ его прекрасными островами [можетъ быть, вы слышали про Изолу-Беллу, одинъ изъ острововъ, который состоитъ изъ девяти этажей, изъ террасъ, дворцовъ и всѣхъ возможныхъ растеній въ мірѣ], минувши нѣсколько городовъ совершенно Италіянскихъ, я прибылъ въ Миланъ.

Онъ великъ, — можетъ быть, больше всѣхъ другихъ въ Италіи по населенности, похожъ нѣсколько на Парижъ. Но что̀ больше всего поражаетъ видъ, это катедраль, понашему — соборъ. Вообразите себѣ огромнѣйшую массу, всю изъ мрамора, всю изъ разныхъ украшеній, похожую на кружево. Театръ Миланскій, по величинѣ, первый въ мірѣ, послѣ Неаполитанскаго. Картинная галлерея, по обыкновенію всѣхъ Италіянскихъ городовъ, прекрасная, и станетъ на нѣсколько дней ее глядѣть. Я пробуду еще день въ Миланѣ и отправлюсь во Флоренцію, а оттуда въ Римъ. Не успѣлъ я выѣхать въ Италію, уже чувствую себя лучше Благословенный воздухъ ея уже дохнулъ.

Прощайте до другого времени. Будьте здоровы со всею нашею семьею вась обожающею.

Вашъ послушный сынъ,

Николай.

Къ ней же.

1837, декабря 22. Римъ.

Я засталъ ваше письмо въ Римѣ и спѣшу отвѣчать. Изъ него я узналъ, что вы еще не получали писемъ, писанныхъ мною изъ другихъ мѣстъ. Я очень радъ, что вы немного развлекли себя поѣздкою въ Кіевъ. Это для васъ хорошо — и для здоровья, и для удовольствія, и для души, потому что пріятнѣе помолиться тамъ, гдѣ почіютъ святые.

На-счетъ моихъ чувствъ и мыслей объ этомъ, вы правы, что спорили съ другими, что я не перемѣню обрядовъ своей религіи. Это совершенно справедливо; потому что, какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и то же, и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣнить одну на другую. Та и другая истинна; та и другая признаетъ одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную Премудрость, посѣтившую нѣкогда нашу землю, претерпѣвшую послѣднее униженіе на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее къ небу [1]. Итакъ на счетъ моихъ религіозныхъ чувствъ вы никогда не должны сомнѣваться.

Теперь поговоримъ о другомъ. Вы желаете скорѣе моего возвращенія; я самъ также желалъ бы увидѣть васъ, моихъ родныхъ

[1] Изъ выраженій, въ какихъ Гоголь отзывается здѣсь о вѣроисповѣданіяхъ православномъ и Римско-католическомъ, и изъ того, какъ характеризуетъ онъ свои побужденія оставаться въ православной вѣрѣ, видно, что нашъ великій писатель имѣлъ въ ту пору еще довольно незрѣлыя и смутныя понятія о степени уклоненій, отдѣляющихъ Римскую церковь отъ Восточной. Въ письмахъ, относящихся къ послѣдующему періоду его жизни, какъ читатель увидитъ самъ, Гоголь выражаетъ свои понятія объ этомъ предметѣ гораздо съ большею ясностію и правильностію. Тамъ слышна уже не только увѣренность, что обѣ Церкви исповѣдуютъ одного и того же Спасителя, но и глубокое убѣжденіе въ томъ, что Восточная Церковь одна сохранила это исповѣданіе во всей первоначальной чистотѣ и что это высокое превосходство нашей Церкви должно́ служить особеннымъ побужденіемъ оставаться ей вѣрнымъ. Размышленіе, чтеніе и собственный душевный опытъ образовали въ Гоголѣ это убѣжденіе: черта замѣчательная въ процессѣ его воспитанія, продолжавшагося чрезъ всю его жизнь. Поэтому мы сочли нужнымъ, для интересующихся этимъ процессомъ, сохранить вполнѣ вышеприведенныя выраженія Гоголя о Церкви, съ присоединеніемъ охранительнаго замѣчанія. *Прим. Изд.*

и моихъ знакомыхъ, которые дороги моему сердцу. Но прежде всего мы должны слушаться совѣтовъ благоразумія. Здоровье мое не таково еще, чтобы рисковать имъ, отправляясь теперь въ Россію. Въ послѣднее время въ Петербургѣ я очень страдалъ геморроидальными припадками. Когда я былъ послѣдній разъ у васъ, вы, я думаю, сами замѣтили, что не зналъ, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій. Я самъ не зналъ, откуда происходила эта тоска, и уже пріѣхавши въ Петербургъ, узналъ, что это былъ припадокъ моей болѣзни [геморроидъ]. Выѣздъ изъ Петербурга и путешествіе меня поправили, а особливо жизнь въ Италіи; но потомъ я желалъ совершенно освободиться навсегда отъ моей болѣзни и принялъ, по совѣту не очень дальновидныхъ медиковъ, минеральныя воды, которыя мнѣ не только не помогли, но даже разстроили, и только возвращеніе мое въ Италію меня опять оживило. Благодѣтельный воздухъ этой земли дѣйствуетъ спасительно, и только долговременное пользованіе имъ можетъ одно меня совершенно освободить отъ моей болѣзни. Возвратиться же теперь, не поправившись совершенно, въ Россію значитъ погубить себя; и я не хочу послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ людей, которые не послушавшись этаго, были сами причиною своей гибели. Итакъ, зная, какъ вы меня любите, я увѣренъ, что вы не станете требовать, почтеннѣйшая маменька, моего скораго возвращенія.

Изъ письма вашего я вижу, что вы иногда нуждаетесь въ моихъ сочиненіяхъ, для раздачи ихъ вашимъ знакомымъ. Я напишу въ Петербургъ, чтобы вамъ прислали нѣсколько экземпляровъ, дабы вы могли, не скупясь, ими надѣлять деревенскихъ охотниковъ до чтенія...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ (1838).

Не стыдно ли тебѣ, не совѣстно ли? Я думалъ, пріѣхавши въ Римъ, застать отъ тебя письмо. Вѣдь мы дали обѣщаніе писать непремѣнно, писать часто другъ къ другу. Гдѣ это обѣщаніе? Я писалъ къ тебѣ изъ Ліона, изъ Марселя. Неужели и теперь ты будешь

отговариваться, что не получилъ моихъ писемъ? Ты знаешь, что меня должно́ интересовать все, что̀ ни дѣлается съ тобою. Я долженъ, я хочу все знать, даже самую скуку, которую ты чувствуешь; даже ничтожность и мелкость, и безпроизшествіе твоей Парижской жизни можетъ подать тебѣ сюжетъ для письма, ибо ты долженъ знать, что ты пишешь ко мнѣ; стало быть, и обѣдъ, и завтракъ, и несвареніе желудка — — и Италіянская опера, и Монкорта, и Филиппъ, не тотъ Филиппъ, что̀ поймалъ за усы la liberté Французской націи, но тотъ Филиппъ, который является съ большимъ кофейникомъ безъ сомнѣнія piu dimandato da noi che le belle putte, все это можетъ войти въ составъ письма; стало быть, за сюжетомъ нечего лазить въ карманъ. Но я не требую длинныхъ писемъ: нѣсколько строчекъ, записочку, но только, чтобы это было часто. Это бы мнѣ напоминало, что ты еще существуешь, что ты еще подъ бокомъ у меня, что идешь рука въ руку со мною, хотя невидимо. Пожалуста прошу, молю, умоляю, заклинаю! Въ ту жъ минуту, въ томъ же великолѣпномъ храмѣ, гдѣ ты приносишь двойную жертву божеству, тотчасъ же послѣ кофею, или по крайней мѣрѣ, послѣ Courrier Français, но прежде чѣмъ возмешься за кій, берись за перо, или за карандашъ и наскоро записку, и потомъ, послѣ трехъ, или четырехъ партій, иди и брось въ boite. Увѣряю тебя, ты будешь самъ доволенъ и веселъ послѣ того цѣлый день; желудокъ твой сваритъ исправно; Рубини будетъ лучше пѣть; Гризи будетъ въ пять сотъ разъ привлекательнѣе. Попробуй только, исполни.

Я до сихъ поръ еще какъ-то не очнулся въ Римѣ. Какъ-будто какая-то плева на глазахъ моихъ, которая препятствуетъ мнѣ видѣть его въ томъ чудномъ великолѣпіи, въ какомъ онъ мнѣ представлялся, когда я въѣхалъ въ него во второй разъ. Можетъ быть, оттого, что я еще до сихъ поръ не приладилъ себя къ Римской жизни. Парижъ своими великолѣпными храмами меня много разстроилъ. Куда ни иду, всё чудятся храмы. Мысль моя еще не вся оторвалась отъ Монмартра и бульвара des Italiens. Здѣсь встрѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые не дали еще вступить въ мою прежнюю колею, въ которой я плелся-было мѣрно, или лучше — кое-какъ. Хотѣлъ-было кинуться съ жаромъ новичка на искусства и

бѣжать дѣятельно осматривать вновь всѣ чудеса Римскія; но въ желудкѣ сидитъ какой-то чортъ, который мѣшаетъ все видѣть въ такомъ видѣ, какъ бы хотѣлось видѣть, и напоминаетъ то объ обѣдѣ, то объ завтракѣ, словомъ — всѣ грѣховныя побужденія, не смотря на святость мѣстъ, на чудное солнце, на чудные дни. Но одно еще поразило меня: это синее небо и этотъ далеко обнимающій его солнечный свѣтъ. Когда я изъ Неаполя въѣхалъ во Франкфуртъ, я не замѣтилъ совсѣмъ перемѣны въ небѣ и въ солнцѣ, и пріѣхавши даже въ Парижъ, мнѣ казалось всё передо мною то же небо; но когда я подвигался къ Италіи, даже въ Марселѣ... у, какая разница! Потокъ свѣта. Ей, ей, полнеба тонетъ въ свѣту!

Я думалъ застать въ Римѣ много писемъ, и ничего почти не засталъ. Отъ Прокоповича никакихъ вѣстей. Не получаешь ли ты? Это удивительный человѣкъ. Если бы другому — можно простить такое молчаніе, но ему — нѣтъ, это безсовѣстно!

Да что меня больше всего поразило, такъ это Петръ. Онъ страшно выросъ, куполъ необыкновенно сдѣлался огромнѣе. Прощай. Хотѣлъ-было писать болѣе, но, право, ты не стоишь. Обнимаю тебя милліонъ разъ и жду съ нетерпѣніемъ твоего оправданія...

Къ нему же.

2 февраля. Римъ. 1838.

Наконецъ я добился отъ тебя письма. Оно меня очень обрадовало. Одно только мнѣ непонятно: неужели ты не получилъ моего письма? Я былъ, по обыкновенію, аккуратнѣе тебя, и тотчасъ же по пріѣздѣ въ Римъ, написалъ къ тебѣ письмо. Это было, если не ошибаюсь, въ первыхъ числахъ ноября. Ты пожалуста обыщи хорошенько poste restante. Это мнѣ, признаюсь, очень непріятно,— тѣмъ болѣе, что я боюсь и за это письмо. Ты же мнѣ ни слова не написалъ, о своемъ адрессѣ такъ что я долженъ адрессовать тоже въ poste restante.

Въ прежнемъ письмѣ я уже увѣдомлялъ тебя, что въ Римѣ всѣ живы, не только знакомые и Русскіе художники, но даже и

всѣ тѣ лица, съ которыми встрѣчался ты чаще на улицѣ. Съ Жюзеппе было посорился за то, что подалъ дурной кусокъ ломбо di mangana, но, нанесши ему ударъ прямо въ сердце тѣмъ, что пообѣдалъ два раза въ другой комнатѣ, наконецъ съ нимъ примирился, и теперь онъ угощаетъ меня лучше, нежели когда-нибудь, съ самымъ трогательнымъ, почти отеческимъ расположеніемъ. Только одна бѣдная хозяйка твоя, Роза, умерла. Обо всемъ этомъ я уже писалъ къ тебѣ, и мнѣ скучно повторять два (раза). Я жалѣю о тебѣ много, что скучаешь. Что же до меня, то никогда я не чувствовалъ себя такъ погруженнымъ въ такое спокойное блаженство. О Римъ, Римъ! о Италія! Чья рука вырветъ меня отсюда! — — Что за небо! что за дни! Лѣто — не лѣто, весна — не весна, но лучше и весны, и лѣта, какія бываютъ въ другихъ углахъ міра. Что за воздухъ! Пью — не напьюсь, гляжу — не нагляжусь. Въ душѣ небо и рай. У меня теперь въ Римѣ мало знакомыхъ, или лучше почти никого [Р*** во Флоренціи]. Но никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ жизнью.

О Симоновскомъ я рѣшительно не имѣю никакихъ вѣстей. Куда онъ дѣлся и куда пропалъ, это Богъ одинъ знаетъ. Жаль мнѣ очень, что ты не нашелъ Лукашевича; еще болѣе, что не нашелъ Ноэля. — — О деньгахъ не хлопочи. Ты можешь ихъ прислать мнѣ послѣ. Я думаю, въ нихъ не буду имѣть нужды въ теченіе добрыхъ полгода. Напиши мнѣ, между прочимъ, какъ ты располагаешь съ дальнѣйшими своими намѣреніями. Долго ли и сколько времени именно пробудешь въ Парижѣ, и куда потомъ, и какою дорогою?

Теперь время карнавала. Римъ гуляетъ напропало. Удивительное явленіе въ Италіи время карнавала, и особливо въ Римѣ; все, что ни есть, все на улицѣ, всѣ въ маскахъ. У котораго же нѣтъ никакой возможности нарядиться, тотъ выворотитъ тулупъ, или вымажетъ рожу сажею. Цѣлыя деревья и цвѣтники ѣздятъ по улицамъ, часто протащится телега вся въ листьяхъ и гирляндахъ, колеса убраны листьями и вѣтвями, и обращаясь производятъ удивительный эффектъ, а въ повозкѣ сидитъ поѣздъ совершенно во вкусѣ древнихъ Цереринихъ празднествъ, или той картины, которую написалъ Робертъ. На Корсо совершенный снѣгъ отъ бро-

саемой муки. Я слышалъ о конфетти, (но) никакъ не думалъ, чтобы это было такъ хорошо. Вообрази, что ты можешь высыпать въ лицо самой хорошенькой цѣлый мѣшокъ муки, хоть будь это Боргези, и она не разсердится, а отплатитъ тебѣ тѣмъ же. Франты и джентлемены издерживаются по нѣсколько сотъ скудъ на одну муку. Экипажи всѣ рѣшительно маскированы. Слуги, кучера, все въ маскарадномъ платьѣ. Въ другихъ мѣстахъ одинъ только народъ кутитъ и маскируется, здѣсь все мѣшается вмѣстѣ. Вольность удивительная, отъ которой бы ты, вѣрно, пришелъ въ восторгъ. Можешь говорить и давать цвѣты рѣшительно какой угодно. Даже можешь забраться въ коляску и усѣсться между ними. Коляски ѣдутъ всѣ шагомъ, и оттого часто забіяки, забравшись на балконъ, имѣютъ возможность цѣлые четверть часа валять горстями и ведрами мучные шарики на сидящихъ въ коляскахъ, большею частію на дамъ, которымъ и больно, и смѣшно, и онѣ только что закрываютъ очень мило рукою глаза и вытираютъ лицо. Для интригъ время удивительно счастливое. При мнѣ завязано множество исторій самыхъ романическихъ съ нѣкоторыми моими знакомыми, и даже въ томъ числѣ съ нѣкоторыми нашими художниками [разумѣется, только не съ Д***]. Всѣ красавицы Рима всплыли теперь на верхъ; ихъ такое теперь множество! и откуда онѣ взялись, одинъ Богъ знаетъ. Я ихъ никогда не встрѣчалъ доселѣ; всё незнакомыя.

Кстати, ты совѣтовалъ Д*** меньше волочиться. Нѣтъ, это неисправимое его зло. Академическій коричневый сюртукъ его, который, я думаю, тебѣ очень извѣстенъ, переправленъ; придѣланы какіе-то лацканы, или отвороты, въ родѣ бархатныхъ. Художниковъ пріѣхало нѣсколько новыхъ, всё люди видные изъ себя, молодцы, щеголеватѣе старыхъ, но мнѣ кажется, талантливый одинъ только Л****, котораго ты знаешь по стихамъ Пушкина, написаннымъ на его Свасчника.

Изъ Петербурга я рѣшительно не имѣю никакого извѣстія. Ничего отъ Прокоповича, ни строчки, и рѣшительно ни отъ кого: какъ-будто всѣ перемерли. И твои новости, т. е. тѣ, которыя ты получилъ изъ Петербурга, страшно холодны и ничтожны; у Н**** флюсъ; братья К***** восхищаются Таліони... фу, ты,

какая дрянь! Я получилъ только извѣстіе стороною, что въ Петербургѣ доходило до 30 градусовъ мороза. Каково же! А я здѣсь купилъ недавно бѣлую шляпу, потому что лучи солнца дѣйствуютъ такъ сильно, и ни одинъ разъ во всю зиму не топилъ въ своей комнатѣ. Впрочемъ, говорятъ даже Италіянцы, что давно не бывало такой теплой зимы. Маминька пишетъ, что и у насъ есть маски. На ея имянины наѣхало много замаскированныхъ и очень хорошо исполняли свои роли. Притомъ, по обыкновенію, прилагается приглашеніе мнѣ ѣхать въ Васильевку и что климатъ Малороссіи такой же, какъ въ Италіи, а К**** вылечиваетъ отъ всякихъ совершенно болѣзней. Сестра моя собирается выходить замужъ; по крайней мѣрѣ изъ весьма загадочныхъ и неясныхъ словъ письма я вывожу такое заключеніе. Я почти готовъ держать пари, что она въ это самое время, какъ я пишу къ тебѣ письмо, уже стоитъ въ церкви подъ вѣнцомъ.

Но довольно съ тебя. Больше писать не о чемъ, или лучше— все, что̀ осталось, нужно или нюхать, или смотрѣть и упиваться. Знаешь самъ. Прощай. Будь же уменъ и пиши ко мнѣ. Прощай Не помни ничего того, какъ я надоѣдалъ тебѣ, и помни только, какъ я люблю тебя, тебя, моего спутника, шедшаго о плечо мое во всю дорогу моей жизни, отъ тѣхъ поръ, когда ты ѣлъ въ первый разъ клюкву въ нашемъ домѣ...

Къ матери.

Римъ. Февраля 5, 1838.

Я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маминька, пущенное вами 17 декабря. Вы ожидаете съ нетерпѣніемъ моего пріѣзда и совѣтуете мнѣ имъ поспѣшить. Мнѣ бы самому, съ своей стороны, было бы не меньше пріятно. Но прежде всего мы должны повиноваться Тому, Кто предписываетъ намъ благоразуміе. Для моего здоровья нужно прожить долѣе въ Италіи, во время же короткое нельзя вынесть большой пользы отсюда. Вы, я полагаю, знаете, что климатъ дѣйствуетъ медленнѣе, нежели другія средства. Это не то, что̀ лекарство отъ кашля, или лихорадки, или отъ тому

подобныхъ болѣзней, что сегодня принялъ, а завтра здоровъ, — не то даже, что воды, которыя дѣйствуютъ тоже скорѣе. Для того, чтобы почувствовать вліяніе климата, нужно остаться года два по крайней мѣрѣ. Къ тому жъ я не вижу никакихъ побудительныхъ причинъ, чтобы присутствіе мое было необходимо теперь дома, или въ Петербургѣ. Вы увѣряете, что нашъ климатъ въ Малороссіи производитъ то же самое дѣйствіе, что̀ въ Италіи, и что К**** меня вылечитъ непремѣнно. На это я вамъ скажу, что климатъ здѣшній вовсе не то, что̀ въ Малороссіи. У васъ теперь, безъ сомнѣнія, 25 градусовъ морозу, а здѣсь 15 градусовъ тепла, никакого вѣтра, тепло и гораздо лучше, нежели весною. Во всю зиму я ни разу не топилъ еще въ комнатѣ, и у меня въ ней, вѣрно, теплѣе, нежели у васъ. Что̀ же касается до того, что К**** меня вылечитъ, я и съ этимъ не согласенъ. К**** конечно не дурной докторъ, но гемороиды не такая болѣзнь, какъ другія, раждающіяся внезапно. Никакія лекарства для ней ненужны. Нужно обращать вниманіе только на климатъ и на родъ жизни. И признаюсь, что я началъ себя чувствовать хуже съ того времени, когда, по совѣту К****, началъ принимать, бывши дома, теплыя ванны и сарсепарель. — — —

Я радъ, что вы провели хорошо день вашихъ имянинъ. Не помню, поздравлялъ ли я васъ съ Новымъ годомъ. Если нѣтъ, позвольте поздравить теперь. Сохрани васъ Богъ здоровыми и устрой все къ лучшему.

Вы упомянули въ вашемъ письмѣ, что климатъ въ Римѣ опасенъ и что тамъ холера была два раза. Климатъ въ Римѣ не опасенъ, но лучшій въ мірѣ; а холера была одинъ разъ и нигдѣ не дѣйствовала такъ слабо; никто не умеръ, кромѣ небольшого числа чернаго и простого народа. Тотъ, кто сказалъ вамъ это, ошибся, или, можетъ быть, вы не та̀къ поняли его слова: холера была два раза въ Неаполѣ, а не въ Римѣ.

Еще я позабылъ спросить васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу, или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ (1)? Сдѣлайте милость, извѣ-

(1) Это были Малороссійскія пѣсни, собранныя Зоріаномъ Ходаковскимъ. *П. К.*

стите меня объ этомъ, — тѣмъ болѣе, что онъ напоминалъ мнѣ о нихъ, и я такъ передъ нимъ виноватъ...

Къ князю В. Ѳ. Одоевскому.

Римъ. 1838 года, марта 15.

Любитъ ли меня князь Одоевскій такъ же, какъ прежде? вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминаніе заключается въ талисманѣ, который ношу на груди своей. Талисманъ составленъ изъ немногихъ сладкихъ для сердца именъ,— именъ, унесенныхъ изъ родины. Но, переселенцы, они дышутъ тамъ не такъ, какъ цвѣты; нѣтъ, они живутъ живѣе, чѣмъ жили прежде. Талисманъ этотъ хранитъ отъ невзгодъ, и когда нечистое подобіе тоски, или скуки подступитъ ко мнѣ, я ухожу въ мой талисманъ, и въ кругу, мнѣ сладкомъ, заочныхъ и вмѣстѣ присутствующихъ друзей нахожу свой якорь и пристань.

Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ? Никто ко мнѣ не пишетъ. Я не знаю, что̀ они дѣлаютъ, надъ чѣмъ трудятся. Но мое сердце всё еще болитъ донынѣ. Когда занесется сюда газетный листокъ, я напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя, или что-нибудь, на чемъ бы можно остановиться.

Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли, до ничтожества! Доселѣ всё жила надежда, что снидетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичомъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возносится святая молитва...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Апрѣля 2 (1838).

Я пишу и отвѣчаю на твое письмо немножко позже, чѣмъ думалъ,— всё оттого, что хотѣлъ писать къ тебѣ съ оказіей черезъ Ч***, котораго, безъ сомнѣнія, ты встрѣтишь въ Парижѣ, въ родѣ тѣхъ офицеровъ-лихачей, которые водятся только у насъ на Руси.

Но, такъ какъ Ч*** меня надулъ и, вмѣсто назначеннаго дня, уѣхалъ раньше, то я наконецъ долженъ писать по почтѣ.

Письмо твое привезли довольно исправно и скоро пріятели твои, Бодиско и Исаевъ, и потомъ ушли, и, куда дѣлись, я никакъ не могъ догадаться. Въ первый разъ они меня не застали дома. Я вхожу къ себѣ и вижу — на столѣ лежитъ знакомая мнѣ палка. Этотъ сюрпризъ меня очень обрадовалъ: мнѣ показалось, какъ-будтобы я увидѣлъ часть тебя самого. Краски я тоже получилъ, хотя не всѣ изъ тѣхъ самыхъ колеровъ, которые я тебѣ назначилъ. Я не просилъ ни jaune d'or, ни кармину; но дареному коню въ зубы не смотрятъ. Благодарю тебя очень за все. Я хотѣлъ-было просить...

Въ эту самую минуту высунулся ко мнѣ въ дверь почталіонъ и подалъ мнѣ отъ тебя письмо новое. Это обстоятельство и чтеніе его совершенно выбили изъ головы моей, о чемъ я хотѣлъ-было просить тебя. Да, письмо твое нѣсколько грустновато. Мнѣ самому даже будущность твоя не представляется въ заманчивомъ видѣ. Я бы тебѣ даже не совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ. Чортъ возьми! холодно и для тѣла, и для души. Мнѣ кажется, лучше было бы для тебя поселиться въ Москвѣ. Тамъ жить дешевле, люди привѣтливѣй; тамъ живутъ мои пріятели, которые любятъ меня непритворно, искренно: они полюбятъ тоже тебя. Тамъ тебѣ будетъ радушнѣе. Мы объ этомъ поговоримъ съ тобою въ Маріенбадѣ, куда, я надѣюсь, будешь и ты. Я думаю даже, что въ Москвѣ ты скорѣе можешь найти какую-нибудь службу, или — пора тебѣ попробовать себя. Не будь упрямъ; можетъ быть, тебѣ Богъ далъ расположеніе и талантъ, котораго ты еще не знаешь. Примись за что-нибудь, пиши! Хоть изъ любви ко мнѣ, если не хочешь изъ любви къ себѣ. Тебѣ, вѣрно, пріятно исполнить мое приказаніе, такъ какъ мнѣ пріятно исполнять твое. Пиши, или переводи. Ты теперь языкъ Французскій знаешь хорошо; безъ сомнѣнія, и Италіянскій также. Или веди просто записки. Матеріалу у тебя для этого понабралось. Ты не мало уже видѣлъ и слышалъ: и хлопочущій Парижъ, и карнавальная Италія; право, много всего... и Русскій человѣкъ въ серединѣ. Погодинъ и Шевыревъ примутся не шутя издавать настояще дѣльной журналъ; ты бы могъ трудиться

для него тоже. Съ первымъ днемъ 1840 года, кажется, должна выдти первая книжка. — — —

Къ нему же.

(11 апрѣля, 1838. Римъ).

Уже хотѣлъ я грянуть на тебя третьимъ и послѣднимъ письмомъ, исполненнымъ тѣхъ громовъ, которыми нѣкогда разилъ Ватиканъ коронованныхъ ослушниковъ; уже рука моя начертала даже нѣсколько тѣхъ привѣтствій, послѣ которыхъ дѣлается несвареніе въ желудкѣ и прочіе разные accidente, какъ вдругъ предсталъ передъ меня Золотаревъ съ веселымъ лицомъ и письмомъ въ рукѣ. Это появленіе его и это письмо въ рукѣ въ одну минуту ослабили мои перуны.

Я получилъ твое письмо вчера, т. е. 10 апрѣля и пишу къ тебѣ сегодня, 11-го. Прежде всего тебѣ выговоръ, потому что въ самомъ дѣлѣ подозрѣнія твои непростительны. Ты ужъ, слава Богу, великъ, выросъ на красоту и на зависть мнѣ, приземистому и невзрачному; тебѣ пора знать, что подобные фокусы, какъ-то: выставленіе писемъ заднимъ числомъ, просрочки, ложь и прочее употребляются только съ людьми почтенными, которыхъ мы обязаны любить и почитать, и съ Рождествомъ ихъ проздравлять,

»Чтобъ остальное время года
О насъ не думали они.«

Итакъ ты самъ могъ бы знать, что это было очень смѣшно, еслибы что-нибудь тому подобное могло случиться между нами. Я къ тебѣ писалъ, пріѣхавши ту же минуту въ Римъ, и вижу, что на этотъ разъ дѣйствительно виновата почта, и я иду сей же часъ бранить почтмейстера сильно, на Италіянскомъ діалектѣ, если только онъ пойметъ его, за то, что онъ Жидовскимъ образомъ воспользовался пятью байоками. Второе же письмо я точно отдалъ на почту позже, нежели написалъ, но позже только тремя днями, и потому что хотѣлъ дождаться карнавала, чтобы написать тебѣ что-нибудь о

немъ. Изъ всего этого я вижу, что есть на свѣтѣ одна только почта неисправная — наша Римская.

Ты спрашиваешь меня, куда я лѣтомъ. Никуда, никуда, кромѣ Рима. Посохъ мой страннический уже не существуетъ. Ты помнишь, что моя палка унеслася волнами Женевскаго озера. Я теперь сижу дома; никакихъ мучительныхъ желаній, влекущихъ вдаль, нѣтъ, развѣ проѣздиться въ Семереньки, то есть, въ Неаполь, и въ Толстое, то есть, во Фраскати, или въ Альбани.

Я бы совѣтовалъ тебѣ отложить всякую идею о Нѣмеціи, гдѣ ты, Боже святой, какъ соскучишься! и объ этихъ мерзкихъ водахъ, которыя только разстроиваютъ желудки и приводятъ въ такое положеніе бѣдныя наши филейныя части, что въ послѣдствіи не на чемъ сидѣть.

Досадую на тебя очень, что не догадался списать для меня ни »Египетскихъ Ночей«, (н)и »Галуба«. Ни того, ни другого здѣсь нѣтъ. »Современникъ« въ Римѣ не получается, и даже ничего современнаго. Если »Современникъ« находится у Тургенева, то попроси у него моимъ именемъ. Если можно, привези весь; а не то — перешли стихи. Еще пожалуста купи для (меня) новую поэму Мицкевича, — удивительную вещь: »Панъ Тадеушъ«. Она продается въ Польской лавкѣ. Гдѣ эта Польская лавка, ты можешь узнать у другихъ книгопродавцевъ. Еще: не отыщешь ли гдѣ-нибудь перваго тома Шекспира, — того изданія, которое въ двухъ столбцахъ и въ двухъ томахъ? Я думаю, въ тѣхъ лавочкахъ, что... въ Палерoялѣ, весьма легко можно отыскать его. Если бы Ноэль, онъ славно исполнилъ бы эту комиссію. За него можно дать до 10 франковъ, ибо я за оба тома далъ 13 фран.

Кстати о томъ, что вь Парижѣ лѣзутъ деньги. Я наконецъ совершенно начинаю понимать науку экономіи. Прошедшій мѣсяцъ былъ для меня верхъ торжества: я успѣлъ возвести издержки во все продолженіе его до 160 рублей нашими деньгами, включая въ это число плату за квартиру, жалованье учителю, bon goût, кафе grée и даже книги, купленныя на аукціонѣ.

Дни чудные! на небѣ лучшихъ нѣтъ. Садись скорѣе въ дилижансъ и правь путь къ Средиземному морю. Да не смущаетъ зрѣнія твоего ни Рейнъ съ Кобленцами, Биберихами и Крейценахами,

ни да поражаетъ ушей твоихъ языкъ, на которомъ изъясняются враги Христіянскаго рода. Обнимаю тебя и ожидаю...

Къ нему же.

Римъ. Апрѣля 15 (1838).

Никогда я еще не получалъ отъ тебя такого страннаго письма, какъ теперь. Оно мнѣ показалось такъ смутнымъ, какъ-будто было написано въ-просонкахъ. И что̀ тебѣ пришла за блажь ѣхать въ Швейцарію? Я ожидалъ тебя со дня на день, вѣрилъ въ непреклонность твоего обѣщанія и думалъ, что вотъ дверь отворится, и ты войдешь въ мою комнату, и вдругъ — письмо изъ Женевы. И выбралъ же время! Или ты не знаешь, и я тебѣ не говорилъ, что весною нельзя ѣхать въ Швейцарію? И что̀ ты будешь дѣлать тамъ? и почему тебѣ захотѣлось такъ пригнѣздиться къ Жанену? Тебѣ будетъ довольно скучно, ты будешь голоденъ, и больше ничего [ибо хотя твой желудокъ не то, что̀ мой, однакожъ всё-таки нагрузиться любитъ]. Право, какъ досадно! я думалъ было по Швейцаріи сдѣлать вмѣстѣ вояжъ, и Богъ знаетъ, теперь увидимся ли мы, или нѣтъ? И выигрышу никакого ты не сдѣлалъ на-счетъ кошелька: въ Швейцаріи дороже, я же никакъ не могу теперь ѣхать къ тебѣ. Не могу, во-первыхъ, потому, что еще рано, а во-вторыхъ, самое главное, потому, что сижу безъ денегъ. Я пріѣхалъ въ Римъ только съ двумя стами франками, и если бы не страшная дешевизна и удаленіе всего, что̀ вытрачиваетъ кошелекъ, то ихъ бы давно уже не было. За комнату, то есть, старую залъ съ картинами и статуями, я плачу 30 франковъ въ мѣсяцъ, и это только одно дорого. Прочее все ни по чемъ. Если выпью поутру одинъ стаканъ шоколаду, то плачу немножко больше 4 су, съ хлѣбомъ, совсѣмъ. Блюда за обѣдомъ очень хороши и свѣжи, и обходится иное по 4 су, иное по 6. Мороженаго больше не съѣдаю, какъ на 4, а иногда на 8. Зато ужъ мороженое такое, какое и не снилось тебѣ. Не ту дрянь, которую мы ѣдали у Тортони, которое тебѣ такъ нравилось,—масло! Теперь я сдѣлался такой скряга, что если лишній байокъ [почти су] передамъ, то весь день тоска. Я не знаю,

право, какъ мнѣ теперь быть! Я жилъ мыслію, что мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Неаполь. Теперь какъ мнѣ ѣхать? Я уже не поѣду, по крайней мѣрѣ въ этомъ году. Тебя выписывать я уже не смѣю, потому что теперь переѣздъ тебѣ будетъ дорогъ. Это не то, что̀ моремъ, какъ бы ты могъ сдѣлать изъ Марселя; съ другой стороны мнѣ страшно жаль, что ты, вмѣсто того, чтобы наслаждаться, чтобы окунуться совершенно въ новый міръ, долженъ скучать и мерзнуть.

Здѣсь тепло, какъ лѣтомъ; а небо, небо — совершенно кажется серебрянымъ. Солнце дальше и больше, и сильнѣе обливаетъ его своимъ сіяніемъ. Что̀ сказать тебѣ вообще объ Италіи? Мнѣ кажется, какъ-будтобы я заѣхалъ къ старинымъ Малороссійскимъ помѣщикамъ. Такіе дряхлые двери у домовъ, со множествомъ безполезныхъ дыръ, марающіе платье меломъ; старинные подсвѣчники и лампы въ видѣ церковныхъ; блюда всѣ особенныя; все на старинный манеръ. Вездѣ доселѣ видѣлась мнѣ картина измѣненій; здѣсь все остановилось на одномъ мѣстѣ и далѣе нейдетъ. Когда въѣхалъ въ Римъ, я въ первый разъ не могъ дать себѣ яснаго отчета: онъ показался маленькимъ; но, чѣмъ далѣе, онъ мнѣ кажется большимъ и большимъ, строенія огромнѣе, виды красивѣе, небо лучше; а картинъ, развалинъ и антиковъ смотрѣть на всю жизнь станетъ. Влюбляешься въ Римъ очень медленно, понемногу — и ужъ на всю жизнь. Словомъ, вся Европа для того, чтобы смотрѣть, а Италія для того, чтобы жить. Это говорятъ всѣ тѣ, которые остались здѣсь жить. И правда, что зато врядъ ли гдѣ сыщешь землю, гдѣ бы можно такъ дешево прожить. Никакихъ (бездѣлокъ) и ничего того, »что въ Парижѣ вкусъ голодный изобрѣтаетъ для забавъ«. Въ магазинахъ только Оссія да антики. Но зато для наслажденій художническихъ.... Ты не можешь себѣ дать никакой идеи, что̀ такое Рафаэль. Ты будешь стоять предъ нимъ такъ же безмолвный и обращенный весь въ глаза, какъ ты сиживалъ нѣкогда передъ Гризи. Но чортъ возьми! Я для тебя приготовилъ и квартиру, и готовился быть твоимъ чичероне, и вмѣсто того....

Напиши по крайней мѣрѣ, гдѣ ты располагаешь быть чрезъ полтора мѣсяца; ибо чрезъ полтора мѣсяца я выѣду изъ Италіи заглянуть на какія-нибудь Нѣмецкія воды. Нужно же когда-нибудь

направить — — на прямой путь. Ей Богу, даже смѣшно, какъ воображу, что ты сидишь и мерзнешь у Жапена! Я никакъ сначала не могъ взять въ толкъ, про какого Анненкова ты пишешь, и думалъ уже не свихнулъ ли ты, Боже сохрани, съ разума, говоря, что я у него стоялъ. Но при концѣ письма, не видя ни адреса, ничего, догадался, что это aux eaux vives. Врядъ ли ты, мнѣ кажется, высидишь мѣсяцъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ пиши пожалуста почаще и извѣщай обо всякой перемѣнѣ, тобою затѣваемой, какихъ, я думаю, должно̀ случиться съ тобою немало. Что-нибудь изъ хорошаго намъ нужно посмотрѣть вмѣстѣ. Ты или нарочно меня водишь за носъ... Прошлый годъ давалъ слово пріѣхать ко мнѣ въ Швейцарію — дернулъ въ Парижъ; теперь, обѣщавшись навѣрно пріѣхать въ Италію, дернулъ въ Швейцарію. У тебя ужъ, видно, такой бѣсъ сидитъ внутри, который ворочаетъ тобою на-перекоръ. Тебѣ нужно было, непремѣнно нужно, испытать художническо-монастырскую жизнь въ Италіи, покушать мрамора и гипса, котораго здѣсь вдоволь, упиться звѣздами ночи, которыя блещутъ здѣсь необыкновеннымъ блескомъ, наглядѣться на монаховъ и аббатовъ, которыми, какъ макомъ, усѣяны улицы.

Я пріѣхалъ въ Римъ какъ разъ на канунѣ Свѣтлаго Праздника, и первое, что̀ увидѣлъ, это былъ папа. Такимъ образомъ я выполнилъ старое правило. Обѣдню отслушалъ въ безпредѣльномъ Петрѣ, который всё казался пустъ, какъ ни много въ немъ было народу. Я получилъ твое письмо сего дня и сегодня же написалъ къ тебѣ этотъ отвѣтъ, и сегодня же его отправилъ бы, еслибъ можно было, но̀ теперь поздно, вечеръ, а завтра не принимаютъ. Праздникъ! Итакъ оно идетъ послѣ завтра. Прощай. Цѣлую тебя. Поскорѣе отвѣтъ.

Напиши адресъ Симоновіано, если узнаешь. Я къ нему писалъ изъ Ливорна въ Парижъ. Не знаю, получилъ ли онъ его, или нѣтъ.

Прежде всего найди церковь Святого Исидора, а это вотъ какакимъ образомъ сдѣлаешь. Изъ Piazza di Spania подымись по лѣстницѣ на самый верхъ и возьми направо. Направо будутъ двѣ улицы; ты возьми вторую; этою улицею ты дойдешь до Piazza Barberia. На эту площадь выходитъ одна улица съ бульваромъ. По этой улицѣ ты пойдешь всё вверхъ, покамѣстъ не упрешься въ

самого Исидора, который ее и замыкаетъ; тогда поверни налѣво. Противъ самого Исидора есть домъ № 16, съ надписью надъ воротами: Appartements meublé. Въ этомъ домѣ живу я.

Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елизаветѣ Васильевнѣ.

Римъ 1838, апрѣля 28.

Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, мои милыя сестрицы. Изъ него я узналъ, что вы меня любите. Мнѣ было пріятно также замѣтить изъ этого письма вашего, что вы уже не дѣти, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы съ вами ровны совершенно. Мы можемъ говорить между собою обо всемъ и разсуждать обо всемъ. Конечно, лучше говорить, чѣмъ писать: сказать можно гораздо больше, нежели написать, и я бы далъ много, много за то, чтобъ васъ и увидѣть, и наговориться съ вами; но... мы съ вами не дѣти, мы должны доказать, что мы имѣемъ характеръ. Итакъ будемъ писать обо всемъ, что̀ ни случается съ нами: что̀ мы дѣлали, съ кѣмъ говорили и объ чемъ говорили; все это мы будемъ теперь класть на бумагу и повѣрять другъ другу всѣ малѣйшія тайны сердца. Я теперь устроилъ такимъ образомъ, что намъ переписка не будетъ стоить ничего. Отвѣтъ на это письмо вы дадите Прокоповичу, а слѣдующія письма вы будете отдавать вотъ какимъ образомъ.

Теперь у васъ будетъ много знакомыхъ, меня знающихъ, съ которыми вы должны будете познакомиться и подружиться какъ можно покороче, потому что онѣ всѣ мои друзья. Если бы вы знали, какія онѣ всѣ добрыя, какія милыя дамы! Первая, которая къ вамъ пріѣдетъ, будетъ графиня К***. Она такая добрая и такая хорошенькая собой! Съ ней вы можете говорить все, что̀ вамъ ни вздумается, все равно, какъ со мною. Потомъ будетъ у васъ А***, тоже очень добрая. Еще будетъ у васъ К***, такая премиленькая! Она васъ очень полюбитъ. Она воспит. въ Екатеринин. институтѣ. Только вы будьте съ ними какъ можно проще и старайтесь говорить обо всемъ, обо всемъ. Менѣе всего избѣгайте быть застѣн-

чивыми, какъ бываютъ дѣвочки, которыя ростутъ по деревнямъ и никогда не воспитывались въ институтахъ. Но вы уже большія, вы знаете все это сами. Вы должны помнить, что всѣ эти дамы мои друзья, и, стало быть, вы должны съ ними быть, какъ съ вашими сестрами. — — — Но съ дамами вы должны не только говорить, но расправшивать, шутить, смѣяться и дѣлать все, что̀ вамъ ни приходитъ на умъ, — быть болѣе даже развязными, чѣмъ со мной. Но я знаю, что вамъ онѣ очень понравятся, вы ихъ очень полюбите. Вы ихъ спросите, когда онѣ будутъ писать въ Италію, и, узнавши когда, вы къ тому времени приготовьте ваши письма, а онѣ мнѣ ихъ перешлютъ вмѣстѣ съ своими. Да кстати, не забудьте поклониться отъ меня г-мъ К*** — ему и ей. Скажите имъ, что я очень, очень благодаренъ имъ за то, что они васъ иногда навѣщаютъ, и что благодарность эту чувствую въ сердцѣ, а не на словахъ. Итакъ вы будете имѣть очень часто оккaзіи писать ко мнѣ, не платя ничего на почту. Смотрите же, не лѣнитесь.

Теперь вамъ скажу о себѣ. Мое здоровье немного лучше. Мнѣ помогло хорошее время, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здѣсь зима гораздо и теплѣе, и лучше весны. Здѣсь никто не топитъ комнатъ. Дни были такіе солнечные, такіе свѣтлые! Ни одного облачка; а сводъ неба весь синій, какъ не бываетъ у насъ. Но вы, вѣрно, еще не знаете, что̀ такое Римъ, и вы очень ошибетесь, если подумаете, что онъ похожъ сколько-нибудь на Петербургъ. Это городъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Петербургъ самой новой изъ всѣхъ городовъ, а Римъ самой старой. Въ Петербургѣ все убрано, все чистенько, стѣны выбѣлены; а здѣсь все напротивъ: стѣны домовъ совсѣмъ темныя, похожія на Зимній, или на нашъ Мраморный дворецъ, и иногда возлѣ новаго дому стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при Римскомъ императорѣ Августѣ, — вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрытая развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющомъ, и на нихъ ростутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади

его мечутъ на воздухъ фонтаны. Въ другомъ мѣстѣ Тритоны, поднявши вверхъ раковину, бьютъ высоко вверхъ воду. Можетъ, вы не знаете, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько церквей, какъ въ Римѣ, и внутри онѣ такъ украшены, какъ не бываетъ ни (въ) одномъ дворцѣ. Колонны изъ мрамора, изъ порфира, изъ рѣдкаго голубого камня, котораго называютъ ляписомъ; слоновая кость, статуи, словомъ — все великолѣпно. А что̀ еще больше украшаетъ ихъ, такъ это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитыхъ живописцевъ Рафаеля, Микель-Анджела, Корреджія, Тиціана и проч. и проч., которыхъ картины теперь сто́ятъ милліоны и которыхъ даже нельзя купить. Вообразите, что здѣсь всѣ эти картины. Кромѣ церквей, въ здѣшнихъ дворцахъ, которыхъ тутъ много и которые принадлежатъ лучшимъ Римскимъ фамиліямъ, есть цѣлыя картинныя галлереи, наполненныя произведеньями лучшихъ мастеровъ; такъ что, хотя нѣсколько лѣтъ оставайся въ Римѣ, всегда останется что-нибудь смотрѣть. Ватиканъ [гдѣ живутъ папы] есть очень большой дворецъ, и въ немъ бездна комнатъ и галлерей, и всѣ эти галлереи наполнены статуями, тѣми статуями, которыя сдѣланы еще во времена древнихъ Грековъ и Римлянъ знаменитыми скульпторами, которыхъ имена вы, я думаю, читали въ исторіи. Словомъ, все то, что̀ вы читаете въ книгахъ, вы видите здѣсь передъ собою.

Я не знаю, писалъ ли я вамъ что-нибудь о карнавалѣ, — то, что̀ называется у насъ масляницею. Это очень замѣчательное явленіе. Вообразите, что въ продолженіе всей недѣли всѣ ходятъ и ѣздятъ замаскированные по улицамъ во всѣхъ костюмахъ и маскахъ. Иной одѣтъ адвокатомъ — съ носомъ, величиною черезъ всю улицу, другой Туркомъ, третій лягушкой, паяцомъ и чѣмъ ни попало. Кучера даже на козлахъ одѣты женщинами въ чепчикахъ. Всякой старается одѣться во что̀ можетъ; кому не во что̀, тотъ, просто, выпачкаетъ себѣ рожу, а мальчишки выворотятъ свои куртки и изодранные плащи. У каждаго въ рукахъ по цѣлому мѣшку шариковъ, сдѣланныхъ изъ муки. Этими шариками они бросаютъ другъ въ друга и засыпаютъ совершенно всего мукою. Всѣ смѣются и хохочутъ. Иногда, вмѣсто муки, бросаютъ конфекты. Въ послѣдній вечеръ, который называется moccoletti, гасятъ масляницу, т. е. вездѣ, во всѣхъ окнахъ, показываются

огни. Всѣ, которые ни ѣдутъ въ колясках [а въ колясках сидитъ человѣкъ по 12], всѣ держутъ на длинныхъ шестахъ огни, а другіе бѣгутъ за ними тоже съ шестами, на которыхъ навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свѣчи. Если имъ удастся это сдѣлать, тогда они смѣются отъ всей души. Во все продолженіе этого, все сливается въ одинъ гулъ; всѣ до одного кричатъ: Senza moccolo, senza moccolo! Иные прибавляютъ: O che oscurità! т. е. »Какая темнота«! Дамы между тѣмъ изъ балконовъ домовъ протягиваютъ тоже длинные шесты съ огнями и зажигаютъ тѣ, у которыхъ погасли. Это продолжается до 11 часовъ ночи, и такимъ образомъ оканчивается карнавалъ. Но для этого, чтобы знать, нужно видѣть. Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія.

Хотя въ Италіи обыкновенно всѣ иностранцы проводятъ зиму, но мнѣ лучше нравится въ Италіи лѣто. Это правда, что очень жарко; но зато природа въ Италіи въ это время во всемъ блескѣ. Два-три мѣсяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите передъ собою небесный сводъ, чистый, чистый — хоть бы лоскуточекъ облачка; такъ что вы позабудете, есть ли на свѣтѣ облака. Въ это время города и деревни около Рима чудо, какъ хороши! А если бы вы увидѣли, какъ здѣсь одѣваются крестьянки, обитательницы большихъ деревень и городовъ! Чудо, чудо! Иныя изъ нихъ есть совершенныя красавицы. Но я вамъ разскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ быть, я найду случай прислать вамъ что-нибудь изъ Италіи Италіянское. Цѣлую васъ много, много.

Къ М. П. Б—ной.

Римъ, мѣсяцъ апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города. (¹)

Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами——

(¹) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. Х. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было писано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно очевидно относится къ 1838 году. *П. К.*

отъ 10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показалось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что я рѣшился идти сегодня же въ одну изъ церквей Римскихъ, тѣхъ прекрасныхъ церквей, которыя вы знаете, гдѣ дышетъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посѣщаетъ середину ихъ, гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію. Я рѣшился тамъ помолиться за васъ. — — Хотя вашу ясную душу слышитъ и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣшной молитвѣ, но всё-таки я молился; я исполнилъ этимъ движеніе души моей; я просилъ, чтобъ послали вамъ высшія силы прекрасныя небеса, солнце и ту живую, юную природу, которая достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ которой художникъ великій употребилъ всѣ свои силы на то, чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало, или, лучше, далъ напачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится — — Чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живетъ еще свѣтлѣе въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я остался гораздо долѣе, нежели сколько думалъ, я не могъ дождаться часа, минуты ѣхать въ Римъ; и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможность ѣхать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что если бъ въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это всё не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ

любитъ оно показываться сквозь арки Колисея; опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ соснъ, которыя кажутся иногда плавающими въ воздухѣ, тотъ же чистый воздухъ, та же ясная даль, тотъ же вѣчный куполъ, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ совершенно одинъ, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припоминалъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колисея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновенію, былъ величественно милъ и на этотъ разъ особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства! стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ казалось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы. Въ первый разъ нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы, дичились и считали меня за форестьера.

Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасую, удивительную зиму, лучше во сто разъ Петербургскаго лѣта, — всю эту зиму я, къ величайшему счастію, не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ. — — Что̀ за несносный народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлеченій, много монаховъ, и повторяетъ вытверженныя еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что Итальянцы подлецы, обманщики и пр. — — Впрочемъ они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслію въ прекрасное и высокое, не въ силахъ узнать Италію. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: »Какъ это величаво! какъ хорошо!« словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпитъ тоже моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемѣрія, услужливости для достиженія какой-нибудь своей цѣли, нежели

кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

Знаете, что я вамъ скажу теперь о Римскомъ народѣ? Я теперь занятъ желаніемъ узнать во глубинѣ весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическимъ чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, что понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный Европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки Нѣмцы послѣ Итальянцевъ, Нѣмцы, со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія Римскаго народа, того остроумія, которымъ иногда славились древніе Римляне, а еще болѣе — Аттическій вкусъ Грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобъ не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника по случаю избранія кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминованъ три дня [да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель Мецофанти сдѣланъ тоже кардиналомъ и ходитъ въ красныхъ чулочкахъ], во время этого праздника было почти всё дурное время; въ первые же дни карнавала, дни были совершенно Итальянскіе, тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкаютъ стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ, — въ народѣ вышелъ вдругъ экспромптъ: I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale. — — —

Знакомы ли были вы съ Транстеверянами, то есть, жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ Римскимъ происхожденіемъ? Они однихъ себя считаютъ настоящими Римлянами. Никогда еще Транстеверянинъ не женился на иностранкѣ [а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ], и никогда Транстеверянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ слышать языкъ il Meo Patacca, для которой рисунки дѣлалъ Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сонетовъ нынѣшняго Римскаго поэта Белли, которые нужно слышать,

когда онъ самъ читаетъ. Въ нихъ, въ этихъ сонетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ Транстеверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налегаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и несносной вашей головною болью. Они писаны in lingua romanescha; они не напечатаны, но я вамъ ихъ послѣ пришлю.

Кстати мы начали говорить о литературѣ. Намъ извѣстна только одна эпическая литература Итальянцевъ, то есть, литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у Итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ Итальянцевъ, то нужно ихъ изучать въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе autori burleschi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ нужно сказать и то, что однѣ Итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ. Во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которы(я) не всякому можно позволить читать.

Я вамъ разскажу теперь объ одномъ праздникѣ, который не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это — торжество по случаю построенія Рима, юбилей рожденія, или имянины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собраніе академическое, было очень просто, въ немъ не было ничего особеннаго; но самый предметъ былъ такъ великъ и душа такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ, и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ Римскихъ писателей, больше вашими друзьями аббатами, всѣ безъ изъятія казались прекрасными и величественными, и, какъ-будто по звуку трубы, воздвигали въ памяти моей древнія стѣны, храмы, колонны, и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все, что было! но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Мнѣ кажется, теперь... по крайней мѣрѣ, еслибы мнѣ предложил(и) — — что бы я предпочелъ видѣть предъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестя-

щемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, я бы предпочелъ Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ. Онъ прекрасенъ уже тѣмъ, что ему 2588-й годъ, что на одной половинѣ его дышетъ вѣкъ языческій, на другой Христіянскій, и тотъ и другой — огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

Но вы знаете, почему онъ прекрасенъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что̀ такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющомъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти желтой зеленью, и даже темные, какъ воронье крыло, кипарисы, и еще далѣе — голубыя, матовыя, какъ бирюза, горы Фраскати и Албанскія, и Тиволи! Что̀ за воздухъ! — — Удивительная весна! Гляжу — не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; но обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ: чтобы не было ничего больше — ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя такъ можно побольше благовонія и весны.

Но я чуть было не позабылъ, что пора уже мнѣ отвѣчать на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первый — поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ — я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Вамъ нужно ее разсказать. Выхожу изъ дому [Strada felice, № 126]; иду я дорогою къ Monte Pincio и церкви Trinita; готовъ спуститься лѣстницею внизъ. Внизу подымается на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ моею вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненными чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю — аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣетъ ли онъ чести меня знать и что онъ имѣетъ несчастную память позабывать. Тутъ я не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться, и разсказалъ ему, что одна особа, проведшая

лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня поклониться всему тому, что болѣе всего говоритъ о Римѣ, и, между прочимъ, первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы только былъ въ чулочкахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги, и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись и сказали въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стóитъ его продолжать. Я спросилъ его имя, и — вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень недурные стихи, очень уменъ, и мы съ нимъ теперь очень подружились. Итакъ позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

Съ аббатомъ Lanci я не имѣлъ чести видѣться, а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ.

На вопросъ вашъ: »Здорова ли Мейерова блуза пыльнаго цвѣта?« имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ верхомъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ пронеслись всѣ трое вихремъ по Monte Pincio.

Соломеная шляпа тоже, вѣроятно, здорова. На вопросъ же вашъ: »Боготворитъ ли онъ статуи?« имѣю честь доложить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія; по крайней мѣрѣ онъ побольше попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна В* П*, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ очень хорошаго очень много.

Кустодъ Колисея тоже здоровъ и Англичанъ цѣлыми вязанками тащитъ на лѣстницу Колисея. Каждую ночь почти иллюминація.

О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной, но козловъ множество. Кажется, всѣ Римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежатъ совершенно безъ всякаго дѣла, и сомнѣваюсь, чтобы они могли что-нибудь

разсказать, прійдя домой, о Римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

Вы спрашиваете еще, правда ли, что К*** ѣдетъ въ Петербургъ? Это очень можетъ случиться, и нѣтъ ничего удивительнѣе, страннѣе, если бы онъ остался въ Италіи. Для этого нужно имѣть душу художника. К*** можетъ нарисовать хорошо портретъ FF, но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

У Англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ это не пришло въ голову.

Трагедію Николини: »Антонію Фоскарини«, купилъ и завтра принимаюсь читать.

Что̀ касается до madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она не ходитъ въ церковь Петра, ибо madama Conti, узнавъ, что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охапку и увезла въ деревню Сабины, въ 18, или около, миляхъ отъ Рима.

Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золъ до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣтъ, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Этотъ климатъ живетъ за-одно съ этой болѣзнію. Оба они мошенничаютъ вмѣстѣ. Пишите ко мнѣ обо всемъ, что̀ у васъ ни есть на душѣ и на мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своемъ мѣстѣ, то есть, въ храмѣ. — — Будьте здоровы. О здоровьѣ только вашемъ молюсь я; что̀ же до души вашей и сердца, я не молюсь о нихъ: я знаю, что они не перемѣнятся и останутся вѣчно такими же прекрасными...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. 2588-й годъ отъ основанія города, 13 мая (1838).

Я получилъ письмо твое вчера. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, вмѣсто него, увидѣть высунувшееся изъ-за дверей, улыбающееся лицо твое; но судьбамъ вышнимъ такъ угодно. Будь такъ, какъ

должно быть лучше! Мысль твоя объ женѣ и свекловичномъ сахарѣ меня поразила. Если это намѣреніе обдуманное, крѣпкое, то оно конечно хорошо, потому что всякое *твердое* намѣреніе хорошо и достигаетъ непремѣнно своей цѣли. Существо, встрѣтившее тебя на лѣстницѣ, заставило меня задуматься. — — Но въ сторону такія смутныя мысли! О тебѣ въ моемъ сердцѣ живетъ какое-то пророческое, счастливое предвѣстіе.

Я пишу къ тебѣ письмо, сидя въ гротѣ на виллѣ у княгини З. В***, и въ эту минуту грянулъ прекрасный проливной, лѣтній, роскошный дождь, на жизнь и на радость розамъ и всему пестрѣющему около меня прозябенію. Освѣжительный холодъ проникъ въ мои члены, утомленные утреннею, немного душною прогулкою. Бѣлая шляпа уже давно носится на головѣ моей, но блуза еще не надѣвалась. Прошлое воскресеніе ей хотѣлось очень немного порисоваться на моихъ широкихъ и вмѣстѣ щедушныхъ плечахъ, по случаю предположенной было поѣздки въ Тиволи; но эта поѣздка не состоялась. Завтра же, если погода [а она теперь постоянно прекрасна], то блуза въ дѣло; ибо питторія вся отправляется, и ослы уже издали весело помаваютъ мнѣ. Да, я слышу носомъ ихъ. Все это заманчиво для тебя, и, признаюсь, я бы много далъ за то, чтобы имѣть тебя выѣзжающаго объ руку мою на ослѣ. Но будь такъ, какъ угодно высшимъ судьбамъ! Отправляюсь помолиться за тебя въ одну изъ этихъ темныхъ, дышущихъ свѣжестью и молитвою церквей...

Вообрази, что я получилъ недавно [мѣсяцъ назадъ; нѣтъ, три недѣли] письмо отъ Прокоповича съ деньгами, которыя я просилъ у него въ Женевѣ. Письмо это отправилось въ Женеву, тамъ пролежало мѣсяца два и оттуда, какимъ образомъ, ужъ, право, не могу дознаться, отправлено было къ Валентини; у Валентини оно пролежало тоже мѣсяца два, пока наконецъ извѣстили объ этомъ меня. Прокоповичъ пишетъ, что онъ моей библіотеки не продалъ, потому что никто не хотѣлъ купить, но что онъ занялъ для меня деньги 1500 р., и проситъ ихъ возвратить ему по возможности скорѣе. Я этихъ денегъ не отсылалъ, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли онѣ тебѣ; но наконецъ, видя, что не ѣдешь, и разсудивши, что Прокоповичъ нашъ, можетъ быть, въ самомъ

дѣлѣ стѣсненъ немного, я отправилъ ихъ къ нему чрезъ Валентини. Это мнѣ стало все около 20 скудъ почти издержки. Золотареву я заплатилъ не двѣсти франковъ, какъ ты писалъ, а только 150, потому что онъ сказалъ мнѣ, что вы какъ-то съ нимъ сдѣлались въ остальной суммѣ. Ты пожалуста теперь не затрудняйся высылать мнѣ твоего долга, потому что тебѣ деньги — я знаю — будутъ нужны слишкомъ на путь твой, но въ концѣ года, или даже въ началѣ будущаго, когда ты пріѣдешь въ Петербургъ.

Прокоповича письмо очень, очень коротенькое. Говоритъ, что онъ совершенно сжился съ своею незамѣтною и скромною жизнью, что педагогическія холодныя заботы ему даже какъ-то нравятся, что даже ему скучно, когда придутъ праздники, и что онъ теперь постигнулъ все значеніе словъ:

»Привычка свыше намъ дана —
Замѣна счастія она.«

Говоритъ, что на вопросъ твой о томъ, что̀ дѣлаетъ кругъ нашъ, или его, можетъ отвѣчать только: что онъ — сокъ умной молодежи, и больше ничего; что новостей совершенно нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что обломался какой-то мостъ, начали ходить паровозы въ Царское Село и К*** пьетъ мертвую. Отчего произошло послѣднее, я никакъ не могу догадаться. Я съ своей стороны могу допустить только то, что Б** — извѣстный пьяница, а К***, вѣроятно, желая тверже упрочить свой союзъ съ нимъ, ему началъ подтягивать, и, такъ какъ онъ натуры нѣсколько слабой, то, можетъ быть, и черезъ-чуръ перелилъ.

На дняхъ я получилъ письмо отъ С***. Онъ упоминаетъ, между прочимъ, объ обѣдѣ, данномъ Крылову по случаю его пятидесятилѣтней литературной жизни. Я думаю, уже тебѣ извѣстно, что Государь, узнавши объ этомъ обѣдѣ, прислалъ на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замѣчательно то, что Г* и Б*** отказались быть на этомъ обѣдѣ; но когда узнали, что Государь интересуется Самъ, прислали тотчасъ просить себѣ билетовъ. Но О***, одинъ изъ директоровъ, имъ отказалъ. Тогда они нагло пришли сами, говоря, что имъ приказано быть на обѣдѣ; но билетовъ больше не было, и они не могли быть, и не

были. С*** прибавляетъ, что Б***, на возвратномъ пути въ Дерптъ, былъ кѣмъ-то, вѣроятно, изъ Дерптскихъ студентовъ, такъ исправно поколоченъ, что недѣли двѣ пролежалъ въ постелѣ. Этого наслажденія я не понимаю; по мнѣ, поколотить Б**** такъ же гадко, какъ и поцѣловать его. По случаю этого празднества, были написаны и читаны на немъ же стихи: одни Бенедиктова, незамѣчательны; другіе кн. Вяземскаго, очень милы и очень умны и остроумны. Они были пѣты. Музыку написалъ Вьельгорскій. (1)

Ну, что еще тебѣ сказать? Только и хочется говорить о небѣ да о Римѣ. Золотаревъ пробылъ только полторы недѣли въ Римѣ и, осмотрѣвши, какъ папа моетъ ноги и благословляетъ народъ, отправился въ Неаполь осмотрѣть наскоро все, что можно осмотрѣть. Въ двѣ недѣли онъ хотѣлъ совершить все это и возвратиться въ Римъ досмотрѣть все прочее, что ускользнуло отъ его неутомимыхъ глазъ; но вотъ уже больше двухъ недѣль, а его всё еще нѣтъ.

Что дѣлаютъ Русскіе питторы, ты знаешь самъ: къ 12 и 2 часамъ къ Лепре, потомъ кафе грекъ, потомъ на Монте Пинчіо, потомъ къ bon goût, потомъ опять къ Лепре, потомъ на биліардъ. Зимою заводились-было Русскіе чаи и карты, но, къ счастію, то и другое прекратилось. Здѣсь чай — что-то страшное, что-то похожее на привидѣніе, приходящее пугать насъ. И притомъ мнѣ было грустно это подобіе вечеровъ, потому что оно напоминало наши вечера и другихъ людей, и другіе разговоры. Иногда бываетъ дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружаетъ. Художники наши, особливо пріѣзжающіе вновь, что-то такое.... Какое несносное теперь у насъ воспитаніе! Дерзость и судить объ всемъ — это сдѣлалось девизомъ всѣхъ средственно воспитанныхъ у насъ теперь людей, а такихъ людей теперь множество. А судить и рядить о литературѣ считается чѣмъ-то необходимымъ и патентомъ на образованнаго человѣка. Ты можешь судить, каковы сужденія литературныя людей, окончившихъ свое воспитаніе въ академіи художествъ и слушавшихъ П***. — Д** мнѣ надоѣлъ страшнымъ образомъ тѣмъ, что ругаетъ совершенно

(1) Слѣдуетъ извѣстное стихотвореніе кн. Вяземскаго къ Крылову. *П. К.*

наповалъ все, что ни находится въ Римѣ. Но довольно взглянуть на небо и на Римъ, чтобы позабыть все это.

Но что ты пишешь мнѣ мало о Парижѣ? Хоть напиши по крайней мѣрѣ, какіе халаты теперь выставлены въ Passage Colbert, или въ Орлеанской галлереѣ, и здоровъ ли тотъ dindeaux въ 400 р., который нѣкогда насъ совершенно оболванилъ въ Rue Vivienne. Если, на случай, кто изъ Русскихъ или не-Русскихъ будетъ ѣхать въ Римъ, перешли мнѣ, вмѣстѣ съ »Тадеушемъ« Мицкевича, коробочку съ pilules stomachiques, которую возьми въ аптекѣ Кольберта, и вмѣстѣ съ нею возьми еще другую, подъ названіемъ pilules indiennes.

Къ матери.

1838, мая 16. Римъ.

Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ-было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ принесли еще одно ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Татьяны Ивановны. Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною въ это время, чтобы я могъ сколько-нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожъ, написалъ къ нему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери наконецъ такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она наконецъ не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Истинный Христіянинъ радуется смерти близкаго своему сердцу. Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его, но онъ утѣшенъ мыслью, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто не смущаетъ его; и въ этомъ-то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть и какое можетъ только внушить одна Христіянская религія.

Мнѣ очень жалко было слышать, что наша Олинька такъ часто хвораетъ. Я васъ прошу, когда будете писать, не забыть извѣстить меня, какого роду ея припадки, не скрывая ничего, такъ, какъ-бы

доктору. Я посовѣтуюсь съ своей стороны съ лучшими здѣшними докторами. *Умъ хорошо, а два лучше,* говоритъ пословица.

Недавно я получилъ письмо отъ сестеръ изъ Петербурга. Онѣ здоровы, и мнѣ пріятно было видѣть изъ письма ихъ, что онѣ поумнѣли и поняли свой долгъ и обязанность. Онѣ уже не надоѣдаютъ, какъ дѣти, просьбами о пріѣздѣ къ ихъ имянинамъ и проч. Онѣ говорятъ и просятъ поступать такъ, какъ требуетъ мое здоровье. Я писалъ нарочно къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, образованнымъ и милымъ дамамъ, посѣщать ихъ въ институтѣ. Онѣ были такъ добры, что взялись съ охотою исполнить мою просьбу. Это доставитъ имъ пріятное развлеченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нечувствительно ихъ образуетъ и познакомитъ съ тѣмъ, какъ вести себя.

Въ Римѣ время съ началомъ мая прелестное. Лѣтомъ, когда сдѣлается очень жарко, думаю на мѣсяцъ уѣхать въ одну изъ прелестныхъ деревень около Рима, — тѣмъ болѣе, что всѣ почти въ это время уѣзжаютъ. Кн. Зин. В****, къ которой я всегда питалъ дружбу и уваженіе и которая услаждала мое время пребыванія въ Римѣ, уѣхала, и у меня теперь въ городѣ немного такихъ знакомыхъ, съ которыми любила бесѣдовать моя душа. Но природа здѣшняя замѣняетъ все.

Вы спрашивали, кажется, въ одномъ изъ вашихъ писемъ о Р***. Они всегда почти живутъ или въ Неаполѣ, или во Флоренціи, а не въ Римѣ.

Но пора мнѣ кончить...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. 30 іюня (1838).

Я получилъ твое письмо отъ 4 іюня. Да, я знаю силу твоей потери. У меня самого, если бы я имѣлъ болѣе надежды на жизнь, у меня самого это печальное событіе омрачило бы много, много свѣтлыхъ воспоминаній. Я почти такимъ же образомъ получилъ объ этомъ извѣстіе, какъ и ты. Въ тотъ самый день, какъ я тебѣ написалъ письмо, которое ты получилъ, въ тотъ самый день уже лежало на почтѣ это извѣстіе. Маминька, вслѣдъ за письмомъ сво-

нмъ ко мнѣ, отправила на другой день другое, содержавшее эту вѣсть. Она только-что ее услышала и также никакъ еще не успѣла узнать подробностей. Я къ тебѣ отправилъ объ этомъ письмо съ однимъ моимъ знакомымъ, который ѣхалъ въ Парижъ и, безъ сомнѣнія, туда прибылъ уже послѣ твоего отъѣзда. Вижу, что ты долженъ теперь дѣйствовать, идти рѣшительною и твердою походкою по дорогѣ жизни. Можетъ быть, это тотъ страшный переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души. Во всякомъ случаѣ, твой старый, вѣрный, неразлучный съ тобою отъ временъ первой молодости другъ, съ которымъ, можетъ быть, ты не увидишься болѣе, заклинаетъ тебя такъ думать и поступать согласно съ этой мыслью. Эти слова мои должны для тебя быть священны и имѣть силу завѣщанія. По крайней мѣрѣ знай, что, если придется мнѣ разстаться съ этимъ міромъ, гдѣ такъ много довелось вкусить прекрасныхъ, божественныхъ минутъ, и болѣе половины съ тобою вмѣстѣ, то это будутъ послѣднія мои слова къ тебѣ.

Въ эту минуту я болѣе, нежели когда-либо, жалѣлъ о томъ, что не имѣю никакихъ связей въ Петербургѣ, которыя могли бы быть совершенно полезны. Даю тебѣ письма къ тѣмъ, которые были полезны мнѣ въ другомъ отношеніи, менѣе существенномъ. Если они любятъ меня и если имъ сколько-нибудь дорога память о мнѣ, они, вѣрно, для тебя сдѣлаютъ что могутъ. Я написалъ къ Жуковскому, В**** и О****. Съ Плетневымъ ты самъ будешь знать объясниться. Еще отнеси это письмо къ Б****. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты познакомился съ этимъ домомъ. Пользы прозаической ты не извлечешь тамъ никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и пріятность во всемъ.... Я много провелъ тамъ свѣтлыхъ минутъ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы и ты наслѣдовалъ ихъ также. Отнеси маленькую эту записочку моимъ сестрамъ въ институтъ, а также и одной изъ классныхъ дамъ, Mlle M***, которая введетъ тебя къ нимъ. Тебѣ довольно сказать только, что ты братъ мнѣ. Не совѣтую тебѣ хватать первую должность представившуюся; разсмотри прежде внимательно свои силы и попробуй еще, попытай себя въ другихъ занятіяхъ. Можетъ

быть, настало время проснуться въ тебѣ способностямъ, о которыхъ ты прежде думалъ мало. Но во всякомъ случаѣ, руководи высшая сила тобою! Она, вѣрно, знаетъ лучше насъ и на этомъ разъ, вѣрно, укажетъ тебѣ опредѣлительнѣе путь. Только пожалуста не вздумай еще испытать себя на педагогическомъ поприщѣ: это право, не идетъ тебѣ къ лицу. Я много себѣ повредилъ во всемъ, вступивши на него.

Напиши мнѣ вѣрно и обстоятельно о пріемѣ, который тебѣ сдѣлаетъ родина, о чувствахъ, которыя пробудятся въ тебѣ при видѣ Петербурга, и обо всемъ томъ, что̀ намъ еще дорого съ тобою. Что̀ касается до меня — здоровье мое плохо. Мнѣ бы нужно было оставить Римъ мѣсяца три тому назадъ. Дорога мнѣ необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему бренному организму. На одномъ мѣстѣ мнѣ не слѣдовало бы оставаться такъ долго. Но Римъ, нашъ чудесный Римъ, рай, въ которомъ, я думаю, и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей, этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня. Не могу да и только изъ него вырваться. Другая причина есть существенная невозможность. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы меня какой-нибудь (духъ) пронесъ черезъ подлую Германію, Швейцарію, горы, степи и потомъ, черезъ три-четыре мѣсяца, возвратилъ опять въ Римъ! Донынѣ вспоминаю мое возвращеніе въ Римъ! Какъ оно было прекрасно! какъ чудесна была Италія послѣ Сеплена! какъ прекрасенъ былъ Италіянскій городъ Domo d'Onola!

Прощай, мой милый, мой добрый! Цѣлую тебя безсчетныя количества, шлю о тебѣ нескончаемыя молитвы. Не забывай меня. Какъ мнѣ теперь прекрасно представляется пребываніе наше въ Женевѣ! Какъ умѣла судьба располагать наше путешествіе, доставляя намъ многія прекрасныя минуты даже въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы вовсе объ нихъ не думали! — —

Прощай, мой ближайшій мнѣ! Не забывай меня; пиши ко мнѣ...

Къ П. А. Плетневу.

Римъ. 1838.

Не сердитесь на меня — — виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ

того, о чемъ любитъ изливаться молодая душа путешественника. Теперь, на первый случай, знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше: добрый Государь нашъ [храни Его за это Богъ], пожаловавши мнѣ 5000 руб., далѣ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

Что за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства — все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ, или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю ее, читаю..... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите.... не хотите ни того, ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце [а оно глядитъ каждый день] — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца [что бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце], то идите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви, чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!... Вообразите,

когда проходятъ два-три мѣсяца, и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточекъ его!

Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки.... но когда-нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ быть, вѣрно впечатлѣнія души моей, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности. Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ. [1]

Къ матери.

Неаполь. Іюля 30, 1838.

Я давно уже не получалъ отъ васъ письма. Можетъ быть, оно уже давно лежитъ на почтѣ въ Римѣ и дожидается меня, но тѣмъ не менѣе мнѣ бы хотѣлось слышать вѣсти о вашемъ здоровьѣ и вашемъ препровожденіи времени, почтеннѣйшая маминька! Въ Римѣ же я буду не ранѣе мѣсяца. Въ Неаполь боюсь вамъ назначить адрессовать письма. Они, безъ сомнѣнія, не застанутъ меня здѣсь и пропадутъ на почтѣ. Итакъ во всякомъ случаѣ адрессуйте по-прежнему въ Римъ.

Здоровье мое недурно. Климатъ Неаполя не сдѣлалъ на меня никакой перемѣны. Я ожидалъ, что жары здѣшніе будутъ для меня невыносимы, но вышло напротивъ: я едва ихъ слышу, даже не потѣю и не устаю; впрочемъ, можетъ быть, оттого, что не дѣлаю слишкомъ большого движенія.

Видъ Неаполя, какъ вы, я думаю, знаете изъ описаній и разсказовъ, удивительный! Передо мною море, голубое, какъ небо, лиловыя и розовыя горы, съ городами вокругъ его. Предо мною

[1] Гоголь тщательно переписалъ это письмо для печатанія, и оно было уже подписано ценсоромъ; но, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, печатаніе его было отмѣнено авторомъ. *П. К.*

Везувій. Онъ теперь выбрасываетъ пламя и дымъ. Спектакль удивительный! Вообразите себѣ огромнѣйшій фейерверкъ, который не перестаетъ ни на минуту. Давно уже онъ не выбрасывалъ столько огня и дыма. Ожидаютъ изверженія. Громы, выстрѣлы и летящіе изъ глубины его раскаленные красные камни, все это — прелесть! Еще четыре дня назадъ, можно было подыматься на самую его вершину и смотрѣть въ его ужасное отверстіе. Теперь нельзя. Доходятъ только до половины; далѣе чувствуется слишкомъ большой жаръ, и опасно отъ летящихъ камней. Мѣсто, гдѣ я живу, въ сорока верстахъ отъ него въ разстояніи. Но онъ совершенно кажется близокъ, и, кажется, къ нему нѣтъ и двухъ верстъ. Это происходитъ отъ воздуха, который такъ здѣсь чистъ и тонокъ, что вамъ совершенно видно вдали. Небо здѣсь ясно и свѣтло-голубого цвѣта но такого яркаго, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Все свѣтло. Свѣтъ отъ солнца необыкновенный. Кажется, здѣсь совсѣмъ нѣтъ тѣней. Весь Неаполь и всѣ города, которые попадаются въ этой сторонѣ Италіи, безъ крышъ. Домы вамъ кажутся или недостроенными, или погорѣвшими. Вмѣсто крыши, гладкая платформа, на которой по вечерамъ здѣсь имѣютъ обыкновеніе сидѣть, наслаждаясь видомъ залива, Везувія, неба и удивительныхъ окрестностей.

На дняхъ я сдѣлалъ маленькую поѣздку по морю, на большой лодкѣ, къ нѣкоторымъ островамъ, и между прочимъ посѣтилъ знаменитый голубой гротъ на островѣ Капри. Мы въѣхали въ дыру, прорытую въ скалѣ, никакъ не шире узенькой лодки. Въѣхали мы туда на лодочкахъ, нагнувши свои головы, и очутились вдругъ подъ огромнымъ и широкимъ сводомъ. Все пространство подъ этимъ сводомъ было покрыто лодками. Темнота порядочная, но воды ярко, ярко-голубыя и казались освѣщенными снизу какимъ-то голубымъ огнемъ. Эффектъ былъ удивительный. Нѣсколько плавающихъ и кричащихъ моряковъ и лазарони [такъ называются обитатели Неаполя, народъ который лежитъ нагишомъ весь день на улицѣ и лежа глотаетъ макароны длины непомѣрной] оживляли эту картину. Скалы и утесы здѣсь картинны. Ихъ такое множество!

Но мнѣ жизнь въ Римѣ нравится лучше, чѣмъ въ Неаполѣ,

не смотря на то, что здѣсь гораздо шумнѣе. Жаль, что нельзя никакимъ образомъ ничего переслать отсюда: я бы вамъ могъ прислать кое-что изъ здѣшнихъ вещей, которыя работаются изъ лавы Везувія. Онѣ очень милы и отличаются искусствомъ работы. Но послѣ, можетъ быть, мнѣ удастся по крайней мѣрѣ привезть ихъ со временемъ...

Къ М. П. Погодину.

1838 года, августа 20. Неаполь.

Я получилъ твое письмо въ письмѣ Бодянскаго изъ Карлсбада. Благодарю тебя! Ты заботишься обо мнѣ, а я, я тебя люблю много, много. Я писалъ къ тебѣ, но не получилъ отвѣта на послѣднее письмо мое и не зналъ, что̀ ты дѣлаешь и гдѣ ты. Нигдѣ въ газетахъ мнѣ не случалось встрѣтить твоего имени; стало быть, ты работаешь что̀-то большое для будущаго. Пришли мнѣ что-нибудь изъ твоего, или привези. У меня забилось сердце, когда я прочиталъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущею весною будешь въ Италіи. Итакъ мы увидимся, обнимемся, можетъ быть, еще разъ! Благодарю тебя за это.

О себѣ ничего не могу (сказать) слишкомъ утѣшительнаго. Увы! здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думалъ я совершить... Еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы... но Богъ милостивъ. Онъ, вѣрно, продлитъ дни мои. Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь: я писалъ къ тебѣ о немъ; но работа моя вяла, нѣтъ той живости... Недугъ, для котораго я уѣхалъ и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь. Моя геморроидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Это несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она мнѣ говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія... О другъ! какіе существуютъ великіе сюжеты! Пожалѣй о мнѣ! Но я съ тобою увижусь.

Я къ тебѣ теперь обращу одну очень холодную и прозаиче-

скую просьбу. Ты былъ такъ добръ, что предлагалъ мнѣ сдѣлать заемъ, если я нуждаюсь. Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу. Сочиненіе мое велико, у насъ же товаръ продается по величинѣ, и потому я думаю за него получить столько, что въ состояніи буду заплатить этотъ (долгъ) въ концѣ будущаго года. Мои обстоятельства денежныя плохи, и всѣ мои родные терпятъ то же, но чортъ побери деньги, если бы здоровье только! годъ какъ-нибудь, можетъ, съ помощью твоей... какъ-нибудь проплетется. Если будешь посылать вексель, пожалуста вели банкиру своему послать прямо къ Римскому банкиру Валентини на его имя, еще лучше — кредитивнымъ письмомъ; и письма ко мнѣ адресуй тоже банкиру Валентини въ Римъ. Черезъ полтора мѣсяца я уже буду въ Римѣ. Прощай, мой добрый, мой милый Погодинъ. Неужели мы увидимся? Обнимаетъ тебя твой Гоголь.

Къ А. С. Данилевскому.

Неаполь. 20 августа (1838).

Ты знаешь, ты можешь себѣ вообразить, съ какимъ чувствомъ читалъ я письмо твое. И какъ мнѣ досадно было, какъ плакалъ я, что оно пришло ко мнѣ поздно, что я его получилъ еще не въ Римѣ! Я не знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Читаю въ концѣ твоего письма: »Пріѣзжай въ Парижъ«. Я бъ пріѣхалъ, я бы гдѣ-нибудь досталъ денегъ и непремѣнно бы пріѣхалъ, потому что обнять тебя послѣ такой долгой разлуки — это такая радость! Но какъ это сдѣлать? Если ты уже выѣхалъ? если я тебя уже не застану? Письмо твое повергло меня въ жесточайшее недоумѣніе. Сижу надъ нимъ и ни на что̀ не могу рѣшиться. Состояніе твоего здоровья меня тоже весьма тревожитъ; я бы не совѣтовалъ тебѣ еще ѣхать въ Петербургъ. Можетъ быть, этотъ непріятный случай, такъ несчастный, эта исторія съ векселемъ, можетъ быть, она приключилась нарочно, чтобы тебѣ помѣшать этотъ годъ ѣхать.

Мое здоровье тоже плохо; но если бы мы были вмѣстѣ, мы

бы доставили другъ другу бальзамъ утѣшенія. Я уже было-простился съ тобою, уже отправилъ къ тебѣ письмо въ Петербургъ, уже, холодно сжавши сердце, приготовилъ на одиночество остатокъ своей жизни. Теперь опять виденъ мнѣ какой-то лучъ надежды тебя увидѣть. Какъ я воображу себѣ, что ты одинъ, одинъ сидишь безъ денегъ, полубольной и подъ вліяніемъ скуки и тоски смертельной... Если бы я зналъ, что ты еще въ Парижѣ! путешествіе, можетъ, было бы полезно для моего здоровья. Если ты получишь мое письмо, посиди еще недѣлю, не поскучай... можетъ быть, я увижусь еще разъ, обниму тебя и, поблагодаривши тебя за все, за всѣ пріятныя минуты и Бога, пославшаго мнѣ тебя, я уѣду опять въ Римъ свой, или, можетъ быть, и тебя утащу съ собою. Зима въ Римѣ прелестна: Я такъ себя чувствовалъ хорошо! Теперь мнѣ хуже: лѣто дурно, душно и холодно.

Неаполь не тотъ, какимъ я думалъ найти его. Нѣтъ, Римъ лучше. Здѣсь душно, пыльно, нечисто. Римъ кажется Парижъ противъ Неаполя, кажется щеголемъ. Кафе Римскіе, магазины и парикмахеры великолѣпны противъ Неаполитанскихъ. Итальянцевъ здѣсь нельзя узнать; нужно прибѣгать въ палкѣ, — хуже чѣмъ у насъ на Руси. Природа прелестна, но вовсе не въ томъ видѣ, какъ она прежде рисовалась въ моихъ мысляхъ; и странно: мнѣ всё кажется, какъ-будто я не въ Италіи. Сосенъ этихъ, на которыхъ мы привыкли нѣжить когда-то глазъ свой, нѣтъ, кипарисовъ тоже. Вмѣсто ихъ, низенькія деревья: виноградъ, уродливые мѣлкіе тополи, фиги, недѣлающія никакого вида, и зелень, бѣлая отъ пыли, лежащей цѣлою массою на листьяхъ. Небо... я, кажется, еще не приглядѣлся къ нему. Могъ ли бы ты подумать! оно совершенно свѣтло-голубое. Мнѣ было непріятно это. Я думалъ его найти темнымъ, по крайней мѣрѣ не свѣтлѣе Римскаго; но Римское противъ него кажется синимъ. Зато въ немъ естъ какая-то хрустальность, воздушность, и когда долѣе въ него всматриваешься, замѣчаешь что-то особенное: голубизна, не смотря свою свѣтлость, ярка. Я живу въ Кастелла-Маре, въ двухъ часахъ отъ Неаполя. Я здѣсь началъ-было пить воды но оставилъ воды. Водъ здѣсь страшное множество: одинъ островъ Искіо весь обпаренъ минеральными ключами. Говорятъ, ихъ здѣсь больше, чѣмъ

въ Германіи. Скалы прелестны. Онѣ и плоскія крыши домовъ напоминаютъ, что живешь на югѣ. Пальмъ нѣтъ, и вообще врутъ, что будто за Террачиномъ начинается другая природа, Африканская: въ Террачинѣ на скалѣ двѣ пальмы и потомъ ихъ нигдѣ, и мнѣ показалось, что я пріѣхалъ въ Ломбардію.

Время я провожу кое-какъ: я бы проводилъ его прекрасно, если бы не мое здоровье. Но ты, ты... какъ ты меня смутилъ своимъ письмомъ, или лучше — какъ меня смутила эта медленная проволочка твоего письма! Если ты въ Парижѣ, помедли одну, полторы недѣли; напиши мнѣ тотчасъ письмо въ Марсель, въ poste restante на всякій случай. Можетъ быть, судьба готовитъ намъ еще свиданіе и мнѣ удастся облегчить сколько-нибудь душевное твое состояніе. Письмо мое черезъ Паве ты не получилъ черезъ собственныя руки потому, что онъ измѣнилъ вдругъ свой маршрутъ и, вмѣсто Парижа, поѣхалъ въ Петербургъ. Прощай, мой другъ. Обнимаю тебя много разъ, до свиданія.

P. S. Мнѣ пришла мысль, которая можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на твой процессъ съ мошенникомъ. Ты, вѣрно, говорилъ кому-нибудь, или хозяевамъ твоей квартиры, или portier, что ты ожидаешь векселя; вѣрно, объ этомъ узналъ кто-нибудь изъ знакомыхъ консіержу, или portier, или хозяину, и караулилъ издавна почталіона: потому, не бывши предувѣдомлену, нельзя вдругъ напасть и распечатать чужое письмо. Можетъ быть, не замѣтилъ ли почталіонъ лицо принявшаго письмо и не зажилъ ли кто-нибудь роскошно, кто-нибудь изъ знакомыхъ portier, или хозяина. Но твой адвокатъ уже, можетъ быть, безъ меня наталкивался на всѣ эти подозрѣнія. Какой неожиданый случай! Признаюсь, мнѣ всегда онъ приходилъ на умъ, когда я получалъ въ письмѣ вексель. И какъ глупо дѣлаютъ банкиры, которые принимаютъ вексель, не спросивши пашпорта!

Напиши два отвѣта на это письмо: одно въ Марсель, другое въ Неаполь. Если какимъ-нибудь случаемъ я не отправлюсь еще, то — чтобы я зналъ, что̀ мнѣ дѣлать.

———

Къ матери.

Ливорно. Августа 28, 1838 г.

Давно я не получалъ отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая маминька. Я еще до сихъ поръ не въ Римѣ, и потому, если они и лежатъ тамъ на почтѣ, то я долго ихъ не буду еще читать, — по крайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ. Въ Римѣ теперь жить еще жарко, и мнѣ притомъ хочется увидѣть еще много невиданныхъ мною городовъ и земель.

Я тоже очень давно не получалъ писемъ отъ сестеръ изъ Петербурга. Я безъ нихъ очень соскучилъ; онѣ, можетъ быть, также безъ меня. Но все зависитъ отъ Бога, Который всѣмъ располагаетъ. Какъ только Его милость прольется надо мною, то я увижу вновь васъ и всѣхъ дорогихъ моему сердцу, съ которыми я теперь въ разлукѣ.

Напишите ко мнѣ, когда будете писать вообще о теперешнемъ состояніи нашего края. Поправляется ли наша Полтавская губернія и каковъ нынѣшній генералъ-губернаторъ, и каковы доходы нашихъ помѣщиковъ? Объ этомъ я ничего не знаю, а хотѣлъ бы между прочимъ знать. Увѣдомьте между прочимъ о сосѣдѣ нашемъ Васильѣ Ивановичѣ Чернышѣ, который, безъ сомнѣнія, чувствуетъ свою потерю еще и не успѣлъ утѣшиться. Увѣдомьте, какъ онъ живетъ теперь и каковы были распоряженія покойницы Татьяны Ивановны на-счетъ ея дѣтей, а также и его. И гдѣ теперь находятся Данилевскіе Иванъ и Елисей? Да и любезная сестра моя Марія Васильевна теперь совершенно затихла, эта смѣлая строительница весьма робкихъ и миніатюрныхъ прожектовъ. Поговоримте опять о нашей старинѣ: разскажите мнѣ объ сосѣдяхъ: и кто изъ нихъ пріѣзжалъ къ намъ въ церковь въ воскресный день и потомъ, разумѣется, обѣдалъ у насъ, и въ чемъ былъ одѣтъ, или одѣта, и что̀ говорилъ, или говорила. Я не знаю отчего мнѣ теперь пришла фантазія знать объ этомъ. Я даже вамъ не хочу больше на этотъ разъ сообщать никакихъ чужеземныхъ новостей и диковинокъ. О нихъ разскажу вамъ послѣ. Впрочемъ, можетъ быть, онѣ уже надоѣли вамъ. Если будете писать къ Андрею Андрее-

вичу, поклонитесь ему отъ меня и скажите, что я всегда помню о немъ. Онъ точно всегда былъ добръ, и теперешній его поступокъ въ отношеніи къ вамъ на-счетъ долга вполнѣ доказываетъ доброту его души. Увѣдомьте меня о его здоровьѣ...

Къ ней же.

Генуя. Октября $\frac{13}{1 \text{ по нашему}}$, 1838.

Я, право, что-то ужъ очень давно не получалъ отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая маминька. Ничего не знаю, что̀ у васъ дѣлается. Живы ли вы, здоровы ли? Мнѣ, право, очень скучно ничего не слышать объ васъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, можетъ, я виноватъ, находясь до сихъ поръ въ отлучкѣ отъ Рима. Я льщу себя надеждою, что найду на почтѣ по крайней мѣрѣ два вашихъ письма. Но позвольте мнѣ прежде всего исполнить самой пріятнѣйшій долгъ, то есть, поздравить васъ съ днемъ вашего ангела. О желаніяхъ своихъ ничего не говорю: вы ихъ знаете наизусть: это молитва о вашемъ здоровьи, счастіи и долгоденствіи.

Я пишу къ вамъ на дорогѣ, возвращаюсь въ Римъ, куда надѣюсь быть черезъ четыре дня и откуда напишу къ вамъ подлиннѣе письмо. Въ Римѣ надѣюсь провесть зиму хорошо, если Богъ поможетъ. На зиму туда ѣдутъ, а можетъ быть, уже и пріѣхали, множество моихъ знакомыхъ изъ Россіи. — — Здѣсь носятся слухи о войнѣ, которая намъ предстоитъ, или по крайней мѣрѣ о приготовленіяхъ къ войнѣ. Извѣстите меня о томъ, какъ говорятъ у насъ на счетъ этого. Я опасаюсь, чтобы это васъ не вовлекло въ разныя издержки и расходы, рекрутскіе наборы и прочія повинности. Я знаю, что это не легко исполнять въ теперешнія тяжелыя времена. Давно ли получали письма отъ сестеръ? Какъ бы мнѣ хотѣлось обнять ихъ и поговорить съ ними! Не получали ли еще отъ кого-нибудь писемъ и новостей? Да попеняйте сестрицѣ моей Маріи за то, что она лѣнива страхъ: вовсе не хочетъ писать.

Стыдно, моя милая сестрица! Вы должны ко мнѣ писать почаще и погуще, — во-первыхъ, уже потому, что вы женщина, а женщины гораздо способнѣе для писемъ, чѣмъ мущины, и могутъ ихъ писать гораздо скорѣе. Но прощай до слѣдующаго раза.

Прощайте, почтеннѣйшая маминька. Будьте здоровы, веселы и покойны. Этого проситъ у Бога вашъ многолюбящій сынъ,

Николай.

Къ княжнѣ В. Н. Р—ной.

Римъ. 14 (1838).

Итакъ вы уже въ Неаполѣ. Какъ я завидую вамъ! глядите на море, купаетесь мыслью въ яхонтовомъ небѣ, пьете, какъ мадеру, упоительный воздухъ. Передъ вами лежатъ живописные лазарони; лазарони ѣдятъ макароны; макароны длиною съ дорогу отъ Рима до Неаполя, которую вы такъ быстро пролетѣли. Я думаю, какъ вамъ теперь кажется печаленъ нашъ бѣдный Римъ съ его монастырями, Колизеями, кардиналами и Піацою Барбарини! И я, грѣшный, признаюсь вамъ, принимаюсь съ робостью за перо, чтобы напомнить вамъ объ обѣщаніи писать. Я не постигаю причинъ вашего молчанія. Я былъ на почтѣ и спрашивалъ, нѣтъ ли мнѣ писемъ изъ Неаполя. Non c'è, отвѣтилъ мнѣ сидѣвшій за рѣшеткою съ перомъ за ухомъ impiegato. Пишите, ради Бога, пишите! Ничего не скрывайте, пишите хладнокровно и по порядку. Прежде всего позвольте узнать, гдѣ выбрали вашу квартиру: возлѣ королевскаго дворца, или Castel Nuovo? и съ которой стороны у васъ море: съ правой, или лѣвой? Великъ ли театръ Сенъ-Карло, въ которомъ, безъ сомнѣнія, вы были не одинъ разъ? и какъ вы нарисовали видъ Неаполя: карандашомъ, или акварелью? Если вамъ угодно, то я закажу для него рамы въ Римѣ, — тѣмъ болѣе, что возлѣ меня живетъ мастеръ, очень хорошій человѣкъ, хмѣльного не беретъ въ ротъ и весьма дешево беретъ за работу. Я думаю кн. Г. П. въ большихъ теперь хлопотахъ: распредѣляетъ комнаты, повелѣваетъ одной сдѣлаться дѣтскою, другой быть столовою, третьей гостиною, въ которой, увы! врядъ ли достанется сидѣть

пищущему сіи строки. Прошу извинить меня великодушно, что такъ нахально втиснулъ я сюда свою особу. Издавна уже такъ устроено людское самолюбіе: всюду хочется всунуть свою рожу, хоть эта рожа ни на что̀ не похожа. И въ самомъ дѣлѣ, до того ли вамъ, будучи теперь такъ очарованными красотами Неаполя, чтобы думать о такой пѣшкѣ, каковъ я? Извините, что ничего не пишу о новостяхъ Римскихъ: со временъ вашего отъѣзда рѣшительно ничего здѣсь не случилось новаго. Массоти вамъ кланяется. Жена того мужа, который, при возвѣщеніи о приходѣ къ вамъ, названъ былъ маленькимъ человѣкомъ, слава Богу, здорова.

Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою преданностью имѣю честь быть,

вашъ покорнѣйшій слуга,
Н. Гоголь.

P. S. А вѣдь Емельяни ужъ уѣхалъ! (¹)

Къ сестрамъ Елизаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

Римъ. 15 октября (1838).

Я получилъ твое письмо, душенька моя Анетъ, чрезъ кн. В****. При немъ была маленькая приписочка отъ Лизы, которая полѣнилась написать ко мнѣ подлиннѣе. Не грусти, моя милая: я пріѣду, я постараюсь пріѣхать къ вашему выпуску. Вы знаете, что я васъ очень люблю. Я васъ люблю столько, сколько вы себѣ не можете представить. Здоровье мое будетъ лучше — я въ этомъ увѣренъ; но я васъ прошу только не писать маминькѣ ничего о томъ, что я бывалъ иногда немного боленъ. Это ее слишкомъ огорчитъ. Душеньки мои, я о васъ очень часто вспоминаю и хотѣлъ бы васъ перецѣловать много разъ. Помните ли, какъ мы видѣлись съ вами въ этой узенькой, маленькой комнатѣ въ институтѣ, гдѣ стоитъ

(¹) Это родъ пословицы, образовавшейся у Римскихъ жителей по случаю страннаго романа одного музыканта, какого-то Емельяни. *Емельяни уѣхалъ* не означаетъ чьего-нибудь отъѣзда: это напоминаетъ только одинъ моментъ изъ романа, тѣшившаго нѣкоторое время Римлянъ. *П. К.*

обыкновенно фортепіано и гдѣ г. Высоцкій съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ ученицъ? Я помню, какъ теперь, какъ Лиза проситъ меня не позабыть о томъ, что скоро ея имянины и что нужно купить орѣховъ 4 фунта, конфектовъ два фунта, варенья двѣ банки, желе банку, пряниковъ, яблокъ, изюму и проч. и проч.; и все это не только на словахъ, но даже было написано съ чрезвычайною аккуратностью на запискѣ; и все это сопровождается словами: »Да смотрите, не позабудьте; за день прежде купите и пришлите.« И вслѣдъ за симъ ты, Лиза, бывало разскажешь — — — какой у тебя новый другъ, и о томъ, какъ у тебя хорошо въ пульпитрѣ — въ какомъ порядкѣ лежатъ книги, тетрадки и бонбоньерки, и какъ ты на дняхъ помѣнялась съ той-то, или другой. И при этомъ у тебя, Лиза, пальцы были въ чернилѣ, и на передникѣ было чернильное пятно, величиною въ мѣсяцъ. Все это я помню, и помню даже, какъ Анетъ была больна и лежала въ лазаретѣ, и я у васъ былъ; и потомъ помню, помню еще объ одномъ, но не хочу говорить.... о, я все помню!

Да скажите мнѣ, т. е. напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ чрезъ Данилевскаго Александра Семенов., вашего кузена, которому уже теперь пора быть въ Петербургѣ, и навѣщали ли васъ нѣкоторыя мои знакомыя, которыхъ я просилъ навѣщать васъ, и кто именно. Напишите мнѣ объ этомъ всемъ. Я теперь представляю вамъ случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству съ Б**** М. П., молоденькой, почти однихъ лѣтъ съ вами, такой милой, такой доброй! Вамъ она очень, очень понравится. Я это знаю напередъ. Мнѣ сказывала княжна В****, что она васъ рекомендовала одной пріятельницѣ своей. Была ли она у васъ, или нѣтъ? напишите. Да вы мнѣ ничего не разсказываете о томъ, что у васъ дѣлается. Вѣдь у васъ много перемѣнъ — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да разскажите мнѣ что-нибудь о Плетневѣ. Такъ же ли онъ бываетъ у васъ часто, и по-прежнему ли любимъ всѣми?

Мнѣ вамъ уже, вѣрно, нечего разсказывать о Римѣ. Вы все, я думаю, о немъ уже узнали отъ Посникова. Вѣдь вы, я думаю, прошли давно уже Италію. Вы, я думаю, уже знаете, что Римъ — самый старинный городъ въ Европѣ, что построенъ онъ на семи

холмахъ, что домы самые неровные между собою. Великолѣпные дворцы, и рядомъ съ ними почернѣвшіе, запачканные домы. О, Петербургъ покажется вамъ щеголемъ послѣ Рима, покажется гладенькимъ, чистымъ, опрятнымъ, вымытымъ, вытертымъ! Зато въ Петербургѣ нѣтъ такихъ развалинъ, покрытыхъ плющомъ и цвѣтами, — самыхъ живописныхъ, какія только случалось видѣть (вамъ) на картинкахъ; зато въ Петербургѣ нѣтъ кипарисовъ; зато въ Петербургѣ небо сѣрое и туманное, а здѣсь оно ясное и синее, и солнце обливаетъ все своимъ сіяніемъ такъ пріятно! зато въ Петербургѣ вы уже мерзнете и топите печи, а здѣсь не закрываются никогда окна, и въ этотъ же самый день, въ который я пишу къ вамъ, тепло, какъ лѣтомъ.

Случалось ли вамъ когда-нибудь глядѣть на улицу? Кого вы встрѣчали больше всего на улицѣ? Не правда ли — военныхъ и иногда чиновниковъ? Сколько въ Петербургѣ попадается на улицѣ офицеровъ военныхъ, столько въ Римѣ аббатовъ, поповъ и монаховъ. Видѣли ли вы, какъ одѣвается католическое духовенство? Священники и аббаты въ треугольныхъ шляпахъ, во фракахъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Или монахи? Но монаховъ здѣсь множество разныхъ орденовъ. Одни Доминиканцы, совершенно одѣваются, какъ женщины, особливо старушки: въ темныхъ и черныхъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ видно исподнее бѣлое платье, тоже женское. Иные носятъ совершенныя ваши пелеринки. Самъ папа очень похожъ на старуху. Если вы увидите его лицо на портретѣ, то подумаете, что это портретъ женщины.

Я не знаю, писалъ ли я вамъ про церкви въ Римѣ. Онѣ очень богаты. Такихъ у насъ нѣтъ совсѣмъ церквей. Внутри всё мраморъ разныхъ цвѣтовъ; цѣлыя колонны изъ порфира, изъ голубого, изъ желтаго камня. Живопись, архитектура — все это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что̀ такое живопись. Вы думаете, что это просто рисованіе и больше ничего. Вы еще не можете отличить, что̀ хорошо, что̀ дурно. Вы не знаете, что̀ такое картина Рафаеля, или Тиціана, или Корреджія. О, какъ много есть того, чего вы не видали! Впрочемъ нельзя никакъ все видѣть и знать: для это(го) не достанетъ нашей жизни. Мнѣ бы теперь болѣе всего знаете ли, что̀ желалось бы увидѣть? Вы,

вѣрно, никакъ не догадаетесь, что бы это было такое! Мнѣ бы хотѣлось теперь увидѣть васъ, поцѣловать васъ и поговорить съ вами. Пишите ко мнѣ чаще. Когда вамъ сдѣлается очень грустно на душѣ, сейчасъ берите въ руки перо и пишите ко мнѣ. Если вы на кого разсердитесь, или будетъ вамъ досадно — въ ту же минуту за перо и въ ту же минуту разскажите мнѣ. Пожалуйста, не думайте объ томъ, чтобы написать мнѣ хорошо письмо; пишите какъ попало. Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ. Чѣмъ хуже письмо, чѣмъ болѣе чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше. Я лучше люблю такія письма. Прощайте, мои миленькія...

Къ матери.

Римъ. Ноябрь, 1838.

Письмо ваше, писанное вами отъ сентября 10, я получилъ. Оно было одно только, которе лежало для меня на почтѣ. Я думалъ ихъ застать больше. Слава Богу, вы здоровы, но меня печалитъ, что вы такъ несчастливы въ управленіи вашимъ имѣніемъ, печалитъ потому, что я знаю, что эти неудачи всѣ очень чувствительны вашему сердцу. О, если бы я могъ найти какія-нибудь средства, чтобы васъ избавить отъ этихъ хлопотъ! Когда вы закладывали во второй разъ имѣніе и говорили мнѣ, что теперь будетъ гораздо легче уплачивать ваши подати и проценты, увы! я предчувствовалъ противное. Но малодушно отчаяваться! Будемъ надѣяться на Бога.

Вы спрашиваете о сестрахъ. Выпускъ ихъ еще не такъ близко: еще годъ. Къ этому времени, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь быть, и мы объ этомъ потолкуемъ. — — —

Римъ такъ же хорошъ, старъ и величественъ, какъ былъ прежде. Погода такъ же прекрасна. Никто не ходитъ въ шинеляхъ и плащахъ. Дни теплые, небо свѣтлое и солнечное. Здѣсь теперь очень много Русскихъ, и между ними нѣсколько изъ моихъ знакомыхъ. Они всѣ пріѣхали провесть здѣсь зиму, одни для здоровья, другіе такъ...

Къ М. П. Б — ной.

Римъ. 7 ноября, 1838.

Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Mr Паве. Я вамъ за него очень много благодаренъ. Вы мнѣ живо напоминаете все — и вашъ Петербургъ, и мой Римъ, то есть, мои первыя впечатлѣнія и ваши первыя впечатлѣнія. Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда, съ Нибіемъ въ рукахъ, и пр. и пр... То время уже далеко; уже другія впечатлѣнія объемлютъ мою душу; уже весьма часто прохожу я мимо тѣхъ памятниковъ и сѣдыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣскольку безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ... Но до сихъ поръ, какъ прекрасное сновидѣніе, посѣщаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что видѣлъ прежде, и на минуту становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства живы. Вы ихъ разбудили вашимъ письмомъ, вы ихъ пріятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ надежи бываютъ иногда большіе либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ. Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я укралъ изъ нихъ, — какіе именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими.... Потому еще я люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, что̀ бываетъ обыкновенно въ Петербургскихъ письмахъ.

Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германіи. Конечно, не спорю, иногда находятъ минуты, когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и Нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ Нѣмецкаго студента, какъ, кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ ка-

кихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приблизимся къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отыскивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна! что̀ это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно отвергали все то, что̀ иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумагѣ, ясно — что первое занятіе человѣка на землѣ есть свинки [1]? Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ весьма [увы!] достаточно. Тамъ же есть Чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать средину, трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда онѣ существуютъ въ головѣ нашей; трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ — жить вдругъ и въ томъ, и другомъ мірѣ. — — —

Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описаніе желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть, вамъ очень весело; стало быть, вы были довольны, и, признаюсь, сказать вамъ нужно втайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Всё-таки сердце у меня Русское. Хотя при видѣ, то есть, при мысли, о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотѣлось бы мнѣ сильно про-

(1) Намекъ на матеріяльную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попраніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему. *П. К.*

катиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего Вавилонскаго народонаселенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва — вы знаете — немного можно сказать: только разсердившись говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ [не въ томъ смыслѣ самолюбивъ]; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле. Это страшный вздоръ; это совершенно Русской Полевой. Но, къ счастію, вы не читали Полевого. Мишле, какъ попугай, повторяетъ Нибура; обокралъ оттуда и оттуда, у того и другого, умничаетъ не кстати, разсуждаетъ Богъ знаетъ какъ и модный педантъ, всѣ какъ Французы.

Вы спрашиваете на счетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты. Однакожъ вовсе нѣтъ. Отыскали мозаикъ, и очень много, но всѣ очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени отнести. Антикваріи раздѣлились на двѣ партіи; одни относятъ ко временамъ Христіянства, другіе — къ язычеству. Но найдена у Porta Maggiore гробница булочника, которую [какъ объявляетъ самъ булочникъ въ надписи, имъ же сдѣланной] онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ [булочникъ былъ очень тщеславенъ]. На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печеніе хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ... но, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелся одинъ спекуляторъ, который взялся рыть, съ тѣмъ чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ, а остальныя ему продавать. Онъ вырылъ

нѣсколько гробницъ, множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей; въ числѣ ихъ статуи четыре, скульптуры перваго и лучшаго вкуса. Они раздѣлились. Нашедшій взялъ на свою долю мало, но самыхъ отличныхъ. Правительство взяло много, но достоинствомъ хуже. Остальныя правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5,000 скуди; но когда пришло дѣло до платежа, сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ, ничего не могло найти, кромѣ нѣсколькихъ меццопаоловъ, говорятъ, очень истертыхъ, и нашедшій продалъ почти все въ Англію, а лучшую изъ статуй купилъ король Баварскій за нѣсколько сотъ тысячъ и перевезъ въ Мюнхенъ.

Но довольно о старинѣ. Въ Римѣ завелось очень много новостей. Здѣсь происходятъ совершенные романы, и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ Италіи. Первый романъ... но героини его вамъ извѣстны. Это ваши пріятельницы, дѣвицы Конти, которыя, какъ вамъ извѣстно, очень плотны и толсты, и потому не любятъ ходить совершенно alla moda, и которыя всегда жаловались на самовластіе своей матушки, непускавшей ихъ всякій день въ церковь Св. Петра, когда очень много форестьеровъ. Эти дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ; но такъ какъ, по причинѣ того же самого самовластнаго правленія своей матушки, онѣ не могли видѣть часто своихъ любовниковъ, то [средство, какъ вы увидите, очень оригинальное] онѣ рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время добрый пріемъ опіума и въ продолженіе того времени, какъ матушка спала, впускали къ себѣ своихъ жандармовъ. Одинъ разъ, когда матушка не успѣла совершенно вздремнуть, одна изъ этихъ героинь — которая именно, не помню — сгарая нетерпѣніемъ видѣть своего жандарма, полѣзла къ ней подъ подушку доставать ключи. Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ, а дочки рѣшились усилить пріемъ опіума. Старуха никакъ не могла понять, отчего у ней кружится голова. Пріемы опіума, видно, были довольно велики. Она уже давно подозрѣвала, что дочери что-то съ ней дѣлаютъ, и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками, какъ вдругъ стучатъ въ дверь, и голосъ матери приказываетъ имъ отворить. Дочери спрятали ихъ какъ могли; но, по

разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что-нибудь есть, начала искать, искать и вытащила изъ шкафа обоихъ жандармовъ. Выгнавши жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсиньору, ихъ опекуну, жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобъ ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсиньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь обѣ Конти — супруги; живутъ и питаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копейки, а мать, съ своей стороны, не хочетъ дать ни меццобайока.

Другой романъ. Одинъ изъ фамиліи Доріевъ влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — прекрасную собою. Все дѣло было между ними улажено, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ извѣстія, заставляющія его ѣхать въ Геную. Онъ проситъ свою невѣсту переѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее видѣть до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную; оттуда пишетъ письмо, довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немного долѣе; описываетъ ей великолѣпіе своего Генуэзскаго дворца и приуготовленія, которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорій поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, а наконецъ увѣдомилъ ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это, никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ Римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ публикованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, нежели сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, Энглишей, Французовъ — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ которой теперь пріѣзжаемъ, и находимъ, что домъ проданъ; изъ оконъ выглядываютъ какія-то глупыя лица новыхъ хозяевъ... словомъ, грустно.

Пишите ко мнѣ, не забывайте вашего обѣщанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмъ-нибудь раздѣлиться, когда вы почувствуете потребность передать именно кому-нибудь мысли. Будь онѣ самыя сокровенныя, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохраню, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ попрошу, чтобы (вы) попросили отъ меня тоже вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когда-нибудь моихъ сестеръ въ Патріотическомъ институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благодѣяніе. Можетъ быть, онѣ украдутъ что-нибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а это можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко. Если жъ вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю...

Къ М. П. Погодину.

1838 года, декабря 1. Римъ.

Я получилъ твое письмо, милый мой, писанное тобою отъ сентября на имя Валентини, вмѣстѣ съ секундами векселей. Я не отвѣчалъ на него тотчасъ потому, что ожидалъ перваго твоего письма, которое искало меня по всему Неаполю и Риму, и, какъ водится, вовсе не тамъ, гдѣ меня нужно было искать. Наконецъ я получилъ его и пишу къ тебѣ.

Благодарю тебя, добрый мой, вѣрный мой! много, много благодарю тебя! Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше безпокойство о мнѣ! Столько любви! столько заботъ! За что это меня такъ любитъ Богъ? Но грустно вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было видѣть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать... Боже, я недостоинъ такой прекрасной любви! Ничего не сдѣлалъ я! Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье? Громоздилось кое-что въ этой головѣ и душѣ, и неужели мнѣ не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? Признаюсь, я плохо надѣюсь на свое здоровье.

Но въ сторону объ этомъ. Мнѣ было очень грустно узнать изъ письма твоего, что ты живешь не безъ непріятностей и огорченій... Литературныя разныя пакости, и особливо теперь, когда нѣтъ тѣхъ, на коихъ почіетъ надежда, въ состояніи навести большую грусть, даже, можетъ быть, отравить торжественныя и вдохновенныя минуты души. Ничего не могу сказать тебѣ въ утѣшеніе. Битву, какъ ты самъ знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооруженъ одною только шпагой, защитницей чести, противъ тѣхъ, которые вооружены дубинами и дрекольями. Поле должно остаться въ рукахъ буяновъ. Но мы можемъ, какъ первые Христіане въ катакомбахъ и затворахъ, совершать наши творенія. Повѣрь, онѣ будутъ чище, прекраснѣе, выше.

Меня ты очень разжалобилъ Щепкинымъ. Мнѣ самому очень жалко его. Я о немъ часто думаю. Я даже, признаюсь, намѣренъ собрать черновые, какіе у меня есть, лоскутки истребленной мною комедіи и хочу что-нибудь изъ нихъ для него сшить.

Кстати о »Ревизорѣ«. Ты хочешь печатать »Ревизора«. Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы немного обождать. Я началъ передѣлывать и поправлять нѣкоторыя сцены, которыя были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотѣлъ бы издать его теперь исправленнаго и совершеннаго. Но если ты находишь, что второе изданіе необходимо нужно, и безъ отлагательства, то располагай по своему усмотрѣнію. Я не думаю, чтобы онъ доставилъ теперь большія деньги. Но если наберется около двухъ, или слишкомъ, тысячъ, то я буду очень радъ, потому что, признаюсь, мнѣ присланныя тобою деньги нѣсколько тяжелы: мнѣ всё кажется, что ты отказалъ себѣ и что нуждаешься. Если за »Ревизора« дадутъ вдругъ деньги, то ты пожалуста пополни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку, или отдай ихъ тому, у кого ты занялъ для меня.

Меня было очень обрадовали слухи о твоемъ намѣреніи пріѣхать на зиму въ Римъ, но твое письмо разрушило мою надежду. О твоемъ пріѣздѣ мнѣ писалъ Бодянскій, къ которому я не могъ отвѣчать, потому что онъ мнѣ не далъ своего адресса. Я надѣялся съ нимъ увидаться въ Римѣ.

Ахъ, еще одна просьба! Я получилъ письмо, которое лежало,

дожидаясь моего пріѣзда, 3 мѣсяца. Письмо это было молодого Аксакова. Пожалуста обними его за меня, если увидишь, и скажи ему, что я очень благодаренъ ему за письмо и его доброе расположеніе ко мнѣ, и жалѣю весьма, что не получилъ его во́ время и чрезъ то, можетъ быть, заставилъ его просидѣть лишній день въ Цюрихѣ, въ ожиданіи моего отвѣта. Передай также поклонъ доброму отцу его.

Прощай, мой добрый, мой милый, мой великодушный! Зачѣмъ я ничѣмъ не могу выказать мою благодарнось!

Къ матери.

Римъ. 10 декабря, 1838.

Письмо ваше, почтеннѣйшая маминька, писанное вами отъ 1 октября, я получилъ недѣлю тому назадъ; стало быть, 3 и 4 декабря, по здѣшнему стилю. Благодарю васъ за пріятное для меня извѣстіе о вашемъ препровожденіи времени во время бытности вашей въ Полтавѣ. Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время нескучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста вашего письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ, вы будете отвѣчать: »Я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня довольно«. И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую только онъ можетъ имѣть. — — Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очень, очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами спорятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборы въ »Библіотекѣ для Чте-

нія« и »Сѣверной Пчелѣ« о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда-нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ.

Бѣдный А* А*, какъ видно, очень плохъ въ своихъ хозяйственныхъ обстоятельствахъ. Нужно же ему было заводить тяжбу, которая его, безъ всякаго сомнѣнія, разоритъ! Мнѣ очень жаль его. Онъ былъ къ намъ добръ, и проститъ намъ долгъ, который былъ довольно значителенъ — это съ его стороны очень много показываетъ доброты. Мнѣ, признаюсь, очень прискорбно, что у насъ мнѣніе составилось весьма несправедливое о человѣкѣ, о которомъ я у васъ спрашивалъ. Онъ былъ всегда мнѣ хорошимъ пріятелемъ и въ первое время моего пріѣзда въ Петербургъ былъ для меня очень полезенъ, а что̀ касается до толковъ о его умѣ, то мнѣ было это смѣшно, потому что у него его, по крайней мѣрѣ, болѣе гораздо, нежели у тѣхъ, которые о немъ составили такое мнѣніе.

Увѣдомьте меня пожалуйста, гдѣ находится Иванъ Данилевскій, дома, или въ Петербургѣ, и чѣмъ занятъ. Напишите мнѣ слова два о моемъ Екимѣ: что̀ онъ подѣлываетъ, не избаловался ли, и помнитъ ли обо мнѣ? Скажите ему, если будетъ себя хорошо вести, то я ему привезу гостинецъ. А самое главное, вы мнѣ не написали ни слова объ Олинькѣ и почему она ко мнѣ ни разу не напишетъ...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. 28 декабря (1838).

Не безсовѣстно ли тебѣ, не стыдно ли тебѣ не писать ко мнѣ! Трудно тебѣ развѣ было сдѣлать? одну строчку, только одну строчку, что я бы зналъ по крайней мѣрѣ, что ты живъ! Я никакъ не ожидалъ отъ тебя этого. Три письма — и ни на одно нѣтъ отвѣта. Но Богъ съ тобою, я прощаю тебя и этотъ разъ; только покайся, если у тебя есть капля любви, покайся! и сію же минуту за перо, и напиши ко мнѣ два, три слова, не болѣ, что ты

здоровъ. Я, чортъ знаетъ чего не передумалъ объ тебѣ въ эти дни! Богъ знаетъ, можетъ быть, и это письмо будетъ такъ же безуспѣшно, какъ и три предъидущія. Можетъ быть, ты уже не въ Парижѣ, а гдѣ-нибудь или въ Брюсселѣ, или въ иномъ городѣ Европы. Я бы писалъ къ тебѣ о многомъ, но по этому самому поводу не могу писать: не хочется даромъ терять словъ и чувствъ, не зная услышитъ ли кто ихъ.

Если ты въ Парижѣ, то рекомендую тебѣ моихъ добрыхъ пріятелей М**** отца и сына: ты ими очень будешь доволенъ и, вѣрно, благодаришь меня за знакомство. Пожалуста облегчи имъ и помоги сдѣлать скорѣе первое знакомство съ Парижемъ. Укажи, гдѣ и что̀ лучше и какъ что̀ нужно дѣлать, и проч. и прочее.

Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта. Слово, полслова! но твоей руки и поскорѣе.

Въ первый разъ такъ сильно гнѣвный противъ тебя, Н. Г.

Къ нему же.

31 декабря (1838). Римъ.

Наконецъ, слава Богу, я получилъ твое письмо. Ну, ты по крайней мѣрѣ живъ. Трогаетъ меня сильно твое положеніе. Видитъ Богъ, съ какою готовностью и радостью помогъ бы тебѣ, и радость эта была бы мое большое счастіе, но, увы!... что̀ дѣлать? Дѣлюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что̀ есть: посылаю тебѣ билетъ въ 100 франковъ, который у меня долго хранился. Я не трогалъ его никогда, какъ-будто зналъ его пріятное для меня назначеніе. На дняхъ я перешлю тебѣ черезъ Валентини франковъ, можетъ быть, 200. Ты, по полученіи этого письма, навѣдайся къ банкиру Ружемонту; отъ него ихъ получишь. Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 франковъ отъ добраго моего Погодина, который, не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати,—тѣмъ болѣе, что дали возможность уплатить долгъ Валентини, который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ.

Что̀ тебѣ сказать о Римѣ? Онъ такъ же прекрасенъ, обширенъ, такое же роскошное обиліе предметовъ для жизни духовной и всяко(й). Но, увы! притупляются мои чувства, не такъ живы мои... Здѣсь теперь гибель, толпа страшная иностранцевъ, и между ними немало Русскихъ. Изъ моихъ знакомыхъ здѣсь Шевыревъ, Чертковъ; прочіе незначительные, то есть, для меня. На дняхъ пріѣхалъ — — Жуковскій. Онъ всё такъ же добръ, такъ же любитъ меня. Свиданье наше было трогательно: онъ весь полонъ Пушкинымъ — — —

Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи — — Плохо, братъ, плохо; всё хуже, — чѣмъ дальше, всё хуже. Таковъ законъ природы. Болѣзненное мое расположеніе рѣшительно мѣшаетъ мнѣ заниматься. Я ничего не дѣлаю и часто не знаю, что̀ дѣлать съ временемъ. Я бы могъ проводить теперь время весело, но я отсталъ отъ всего, и самимъ моимъ знакомымъ скучно со мною, и мнѣ тоже часто не о чемъ говорить съ ними. Въ брюхѣ, кажется, сидитъ какой-то дьяволъ, который рѣшительно мѣшаетъ всему, то рисуя какую-нибудь соблазнительную картину неудобоваримаго обѣда, то.... Ты спрашиваешь, что̀ я такое завтракаю. Вообрази, что ничего! Никакого не имѣю аппетита по утрамъ, и только тогда, когда обѣдаю, въ 5 часовъ, пью чай, сдѣланный у себя дома, совершенно на маноръ того, какой мы пивали въ кафе anglais, съ масломъ и прочими атрибутами. Обѣдаю же я не въ Лепре, гдѣ не всегда бываетъ самый отличный матеріалъ, но у Фалкона, — знаешь, что̀ у Пантеона? гдѣ жаренные бараны поспорятъ, безъ сомнѣнія, съ Кавказскими, телятина болѣе сыта, а какая-то crostata съ вишнями способна произвесть на три дни слюнотеченіе у самаго отъявленнаго объѣдала. Но, увы! не съ кѣмъ дѣлить подобнаго обѣда. Боже мой! если бы я былъ богатъ, я бы желалъ... чего бы я желалъ? чтобъ остальные дни мои я провелъ съ тобою вмѣстѣ, чтобы приносить въ одномъ храмѣ жертвы, чтобы сразиться иногда въ биліардъ послѣ чаю, какъ — помнишь? — мы игрывали не такъ давно... и какое между нами вдругъ разстояніе! Я игралъ потомъ въ биліардъ здѣсь, но какъ-то не клеится, и я бросилъ. Ни съ кѣмъ не хочется, какъ только съ тобой. Чувствую, что ты бы наполнилъ дни мои, которые теперь кажутся пусты.

Но зачѣмъ отчаяваться? Вѣдь мы сколько разъ почти прощались навсегда, а между тѣмъ встрѣчались-таки и благодарили Бога. Богъ дастъ, еще встрѣтимся и еще проживемъ вмѣстѣ.

Филиппъ, брошенный тобою невзначай въ твоемъ письмѣ, выглядываетъ оттуда очень пріятно. Но adieu великолѣпнѣйшій кафе въ необъятныхъ чашкахъ! Къ madame Hochard я рекомендовалъ многимъ Русскимъ. Одинъ изъ нихъ, Межаковъ, я думаю, уже вручилъ тебѣ мое письмо, исполненное самыхъ сильныхъ укоризнъ, которыхъ, впрочемъ, ты стоилъ, какъ и самъ сознался.

Я получилъ письмо отъ маминьки. Она пишетъ — — что въ Полтавѣ дожидалась очень долго, съ тѣмъ чтобы дождаться, какъ будутъ давать »Ревизора« на какомъ-то тамошнемъ театрѣ и что крѣпостный олухъ, посланный объ этомъ освѣдомиться, переврâлъ и перепуталъ, и ничего не добился, и что онѣ, вмѣсто этого, попали на Шекспирова »Гамлета«, котораго выслушали всего, и на другой день, къ несказанному удовольствію ихъ, т. е. маминьки и сестры, узнали, что будутъ играть »Ревизора«, и отправились тотъ же вечеръ. Воображаю, что »Ревизоръ« долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ игранъ злодѣйскимъ образомъ, потому что даже сама маминька, женщина, какъ тебѣ извѣстно, очень снисходительная, говоритъ, что слугу играли изрядно, а прочіе, по способностямъ, какъ могли, чѣмъ богаты, тѣмъ были и рады. По нѣскольк(имъ) нечаянно сказаннымъ словамъ въ письмѣ маминьки, я могъ также замѣтить, что мои соотечественники, т. е. Полтавской губерніи, терпѣть меня не могутъ.

Но прощай. Цѣлую тебя несчетное множество разъ. Пожалуйста не забывай писать почаще. Кланяйся К*** и скажи, однакожъ, что это неблагородно съ его стороны: я его просилъ, садясь въ дилижансъ, такъ убѣдительно, такъ сильно, и онъ мнѣ далъ слово провесть ту ночь въ моей комнатѣ и не оставлять тебя во весь тотъ вечеръ, а онъ... мелкая душонка, отправился къ себѣ, изъ мужицкаго чувства — быть болѣе à son aise. Какъ въ одной чертѣ можетъ отразиться ничтожность характера и недостатокъ чувствъ, сколько-нибудь глубокихъ!

Къ княжнѣ В. Н. Р—ной. (1)

Римъ. 1839, генваря 18.

Всѣми святыми клянусь, не знаю, какъ благодарить васъ, княжна, за ваше милое письмо и за то, что вы меня потрудились увидѣть во снѣ! Я съ такимъ любопытствомъ читалъ вашъ сонъ, что мнѣ казалось, будто бы я самъ спалъ въ это время, или лучше сказать — я не могу ясно отличить его отъ дѣйствительности, и мнѣ кажется, что я дѣйствительно пилъ Аликанто. Но вы, княжна, начали писать ко мнѣ первыя, — я бы не простилъ себѣ такого неучтивства. Письмо мое изъ Рима я послалъ за вами въ погоню въ Пизу, пятью, или шестью днями послѣ вашего отъѣзда. Но ему, какъ вижу, досталась несчастная участь—не попасться въ ваши руки. Какой-нибудь impiegato на почтѣ, которому, вѣрно, дурно платятъ, понуждаемый голодомъ, проглотилъ его вмѣсто шеколада. Да не варитъ его желудокъ за это ничего болѣе, кромѣ финиковъ! и да будетъ онъ за это въ 40 лѣтъ плѣшивъ, какъ Чекини, музыкальный учитель, то есть В—вой!

Сюда дошли слухи, что вы довольны Пизой, что здоровье князя значительно улучшилось, но мнѣ непріятно было слышать что у васъ комната холодна. Хотя у насъ, то есть въ благословенной небесами Италіи, комната не нужна вовсе и глядя на небо, синее, осіянное солнцемъ, бѣжитъ прочь всякая мысль о холодѣ; но... вы любите сидѣть въ комнатѣ, и мнѣ очень досадно что она холодна. Мнѣ также страшно за васъ въ разсужденіи того, что Пиза теперь, говорятъ, потоплена и запружена несчетнымъ множествомъ разныхъ миссъ, Джонъ-пудинговъ, бульдоговъ и прочихъ Аглицкихъ джентлеменовъ, въ разныхъ переплетахъ и сюртукахъ. Боюсь, чтобы это шипѣніе и визгъ заржавленныхъ желѣзныхъ побрякушекъ, которое въ простонародіи называется Аглицкимъ языкомъ, не произвело какого-нибудь непріятнаго вліянія на ваши нервы. Но... Богъ милостивъ и можно надѣяться, что этого не случится.

(1) Это письмо перепечатано изъ »Сына Отечества«, 1857 года, и потому въ собственныхъ именахъ оставлены тѣ сокращенія, какія найдены тамъ, такъ какъ не объяснено, кто ихъ сдѣлалъ.

Сколько у васъ въ Пизѣ Англичанъ, столько у насъ въ Римѣ Русскихъ. Всѣ они, по обыкновенію, очень бранятъ Римъ, за то что въ немъ нѣтъ отелей и магазиновъ, такихъ какъ въ Парижѣ, и кардиналы не даютъ баловъ. Одинъ нашъ землякъ, безъ сомнѣнія, знакомый вамъ, Б—скій, [тотъ, который потолще] за игрою въ вистъ спросилъ: »А гдѣ находится Ватиканъ?« Когда игравшіе съ нимъ изумились такому неожиданному вопросу, онъ, нимало не смутившись, сказалъ, что это ничуть не удивительно, ибо онъ нѣтъ и двухъ недѣль, какъ въ Римѣ, и потому очень мудрено въ такое короткое время все знать. Впрочемъ, это небольшое невѣжество онъ очень скоро поправилъ и изумилъ свѣдѣніями, которыхъ никто въ немъ не предполагалъ. Когда повелъ его чичерони въ церковь Петра, онъ немедленно спросилъ: »А гдѣ же Павелъ? Вѣдь тутъ и Павелъ долженъ быть.« И когда кустодъ началъ ему объяснять, что Павелъ дѣло совершенное другое и находится въ другой сторонѣ города, то нашъ соотечественникъ такъ началъ ему говорить сильно и убѣдительно, что самъ чичерони наконецъ убѣдился, что точно и Павелъ долженъ быть тутъ. Много было и другихъ разныхъ анекдотовъ, но *на одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь*, говоритъ Русская пословица. Сегодня отвалъ Русскихъ въ Неаполь. — —

Вы заботитесь и спрашиваете о моемъ здоровьи. Да хранитъ васъ Богъ за вашу доброту и расположеніе! О здоровьи моемъ я теперь не думаю вовсе: право, наскучило. Я же такъ теперь счастливъ пріѣздомъ Жуковскаго, что это одно наполняетъ меня всего. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было — Пушкинъ. Понынѣ чело его облекается грустью при мысли объ этой утратѣ. Мы почти весь день вмѣстѣ обсматривали Римъ съ утра до ночи. — — Онъ весь упоенъ Римомъ, и только жалѣетъ на короткость времени. Появленіе его здѣсь для меня точно сновидѣніе. Наслаждаюсь своимъ сномъ и боюсь и подумать о пробужденіи. Получаете ли вы извѣстія отъ Б—ныхъ? я не знаю рѣшительно, что̀ они теперь дѣлаютъ. Я увѣренъ совершенно, что письмо мое, которое я вручилъ княгинѣ, дошло до нихъ исправно, но отвѣта я не получаю вовсе никакого. Напишите мнѣ подробно обо всемъ: то

есть, какъ вы проводите день вашъ, какъ веселитесь, какъ скучаете, какъ васъ терзаютъ Англичане, словомъ—все. Вы знаете, что все это очень, очень интересно для меня. Я о васъ думаю часто, очень часто, и молюсь за васъ; не знаю, доходятъ ли только мои грѣшныя молитвы. Будьте же здоровы и не забывайте признательно помнящаго васъ всякую минуту,

Гоголя.

Прошу васъ убѣдительно не позабыть засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе князю и княгинѣ.

Къ А .С. Данилевскому.

5 февраля (1839). Римъ.

Я получилъ письмо твое. Оно, по обыкновенію, принесло мнѣ много раости, потому что письма отъ тебя всегда приносятъ мнѣ радость. Но я вспоминаю и думаю чаще о тебѣ, нежели ты (о) мнѣ. Твое письмо начинается такъ: »Четыре, или пять дней, какъ я получилъ письмо твое и деньги«, и проч. Я не такъ дѣлаю: я положилъ навсегда для себя правиломъ писать къ тебѣ того же дня по полученіи твоего письма, какія бы ни были препятствія. Нѣтъ нужды, что не наберется еще матеріаловъ для наполненія страницы. Она не должна наполняться вовсе, если только нужно искать, чѣмъ бы ее наполнить. Лучше пять, или шесть строкъ, но именно тѣ, которыя родились чтеніемъ письма. А главное — не нужно запускать. Это вѣрно. Въ первую минуту, покамѣстъ горячо, всегда больше и лучше, и путнѣе напишешь. Мы приближаемся съ тобою [высшія силы, какая это тоска!] къ тѣмъ лѣтѣмъ, когда уходятъ на дно глубже наши живыя впечатлѣнія и когда наши ослабѣвающія силы, увы! часто не въ силахъ вызвать ихъ наружу такъ же легко, какъ они прежде всплывали сами, почти безъ зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, насъ облекающая, не окрѣпла и не обратилась наконецъ въ такую толщу, сквозь которую имъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя будетъ пробиться. Употребимъ же, по крайней мѣрѣ, все, (чтобы) спасти ихъ хотя бѣдный остатокъ. Пусть мы будемъ имѣть хотя нѣсколько

минутъ, въ которыя будемъ свѣжи и молоды. Пусть же мы встрѣтимъ нашу юность, наши живыя, молодыя лѣта, наши прежнія чувства, нашу прежную жизнь, — пусть же все это мы встрѣтимъ въ нашихъ письмахъ! Пусть хотя тамъ мы предадимся лирическому сердечному изліянію, котораго бѣднаго гонятъ, которому заклятые враги пошлость глупѣйшаго препровожденія времени, презрѣнная идея обѣда, рисующаяся со времени поднятія съ постели, роковые 30 лѣтъ, гнусный желудокъ и всѣ гагости потухающаго черстваго разсудка. Итакъ вотъ ужъ причина, по которой мы должны писать скоро, вдругъ свои письма, покамѣстъ не простыла рысь.

Я радъ, очень радъ, что тебѣ присланная мною небольшая помощь пришлась въ-пору. Я точно въ разсужденіи этого всегда бывалъ счастливъ. Ко мнѣ Богъ бывалъ всегда особенно милостивъ и давалъ мнѣ чувствовать большія наслажденія. Сколько припомню, все посылаемое мною бывало какъ-то тебѣ кстати. Я радъ еще больше, что процессъ наконецъ выигранъ и что мерзавецъ Жидъ наконецъ таки-наказанъ достойнымъ образомъ, и такимъ образомъ всё-таки вышло на старый манеръ, что порокъ попранъ, а добродѣтель восторжествовала. Но дурно, что ты не пишешь, что̀ теперь предпринимаешь дѣлать, когда и въ какое время собираешься ѣхать; безъ сомнѣнія, не иначе, какъ весною. Не встрѣтимся ли мы опять гдѣ-нибудь съ тобою? Я думаю ѣхать на воды въ Маріенбадъ. Еще одинъ разъ хочу попытаться. Желудокъ мой наконецъ меня совершенно вывелъ изъ терпѣнія. Право, нѣтъ мочи наконецъ. И теперь онъ наконецъ въ такомъ дурномъ состояніи, какъ никогда. Даже досадно, право: для Рима, для этого прекраснаго Рима, и вдругъ пріѣхать съ такимъ гнуснымъ желудкомъ! Слышишь, видишь, какъ вызываетъ все на жизнь, на чудное наслажденіе, а между тѣмъ у тебя въ брюхѣ сидитъ дьяволъ. Римъ! прекрасный Римъ!... Ты помнишь ли его знойную Piazza di Spagna, кипарисы, сосны, Петра и дубъ Тасса, гдѣ мы простились, и тво(е) purificatione? Я начинаю теперь вновь чтеніе Рима, и, Боже! сколько новаго для меня, который уже въ четвертый разъ читаетъ его! Это чтеніе имѣетъ двойное наслажденіе, оттого что у меня теперь прекрасный товарищъ. Мы ѣздимъ каждый день съ Жуковскимъ,

который весь влюбился въ него и который, увы! черезъ два дни долженъ уже оставить его. Пусто мнѣ сдѣлается безъ него! Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику, хотя Римъ ни въ какую минуту горя нельзя назвать темницею, хотя бы бѣдствовать въ немъ въ томъ состояніи, какъ ты бѣдствовалъ въ Парижѣ, не имѣть байока въ карманѣ и имѣть процессъ за перехваченныя деньги съ Жидомъ. До сихъ поръ я больше держалъ въ рукѣ кисть, чѣмъ перо. Мы съ Жуковскимъ рисовали на лету лучшіе виды Рима. Онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо.

Я живу, какъ ты, вѣрно, знаешь, въ томъ же домѣ и той же улицѣ, via Felice, № 127. Тѣ же самыя знакомыя лица вокругъ меня; тѣ же Нѣмецкіе художники, съ узеньки(ми) рыженькими бородками; и тѣ же козлы, тоже съ узенькими бородками; тѣ же разговоры и о томъ (же) говорятъ, высунувшись изъ оконъ, мои сосѣдки: такъ же раздаются крики и лепетанія Аннунціатъ, Розъ, Дындъ, Наннъ и другихъ, въ шерстяныхъ капотахъ и притоптанныхъ башмакахъ, не смотря на холодное время. Зима въ Римѣ холодна, какъ никогда; по утрамъ морозы, но днемъ солнце, и морозъ бѣжитъ прочь, какъ бѣжитъ отъ свѣта тьма. Я, однакожъ, теперь совершенно привыкъ къ холоду и даже въ комнатѣ не ставлю скальдины. Одно солнце ее нагрѣваетъ. Теперь начался карнавалъ; шумно, весело. — —

Къ нему же.

Римъ. 12 февраля (1839).

Получилъ твое письмо 3-го дни чрезъ Лейнголь(да). Оно было для меня очень интересно по небольшимъ извѣстіямъ о тебѣ, а также о Васькѣ, Базинѣ и Аѳанасіи. Ну, теперь чего тебѣ еще хочется? Протекція и все тебѣ готово; только тебя не достаетъ. Петербургъ, кажется, наконецъ рѣшается къ тебѣ осклабиться и протянуть радушныя объятія. Но годишься ли ты теперь для Петербурга? Много переродили три года.... Благодарю также за

Парижскія новости. Очень радуюсь, что Филиппъ подхватилъ какую-то, которую я не разобралъ. Клотильдѣ за поклонъ тоже благодаренъ. —— M-me Hochard, въ отвѣтъ на ея тысячу любезностей, посылаю ей другую тысячу такихъ же.

Догадки твои, что я счастливецъ и наслаждаюсь каждый день воздухомъ и полднемъ въ Монте-Пинчіа, не совсѣмъ справедливы. На Монте-Pincio я не захожу вовсе. Я не люблю его, когда онъ набитъ Англичанами и иностранцами. Мои прогулки простираются гораздо далѣе, глубже въ поле. Чаще посѣщаю я термы Каракаллы, Roma Vecchia, съ ея храмами и гробницами и открытыми полями, Villa Matei, Villa Mil.... и проч. и проч. Дни настали чудные, погода удивительная.

Пріятели твои, которымъ ты рекомендуешь показывать древности, люди, какъ я замѣтилъ по полету, не такого десятка, чтобы углубляться въ древности, а напротивъ, кажется, болѣе охотники до новостей; и потому я имъ рекомендовалъ ѣхать въ Неаполь, гдѣ они, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ болѣе пищи и проведутъ время гораздо лучше, чѣмъ постомъ въ Римѣ.

Я, какъ уже тебѣ извѣстно, проводилъ все время съ Римомъ, то есть, съ его развалинами, природою и Жуковскимъ, который теперь только уѣхалъ и оставилъ меня сиротою, и мнѣ сдѣлалось въ первый разъ грустно въ Римѣ. Здоровье мое.... не стóитъ говорить о немъ.

Къ тебѣ просьба убѣдительная: пожалуста пришли мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ Русскихъ, которые будутъ отправляться въ Италію, нѣсколько красокъ фабрики Panio, па меду, кружками, какіе — помнишь? — я покупалъ въ бытность мою въ Парижѣ. Онѣ продаются въ красоч(номъ) магазинѣ, въ Rue de Petit champs, близко Rue de la Paix. Впрочемъ ихъ можно найти во всякомъ магазинѣ. Продаются онп по 4, или по пяти су каждая, исключая нѣкоторыхъ, которыя подороже. Цвѣта слѣдующіе: Берлинская лазурь, охра простая, охра жженая [brulée], индиго, кобольдъ, гумми-гутъ, баканъ [lac], teinte neutre, ultramarine, чорную и самую темную кофейную, — всякой по два кружка, которые совѣтую лучше положить въ деревянный ящикъ; если же ихъ завернуть просто въ бумагу, то онѣ могутъ прилипнуть къ ней, и

будетъ трудно отдирать. Пожалуста не позабудь и будь на этотъ разъ исправенъ, такъ какъ я исправенъ въ отношеніи къ тебѣ. Ты меня этимъ очень обяжешь.

Еще одно. Нельзя ли тебѣ сходить къ M-lle Josefine Turninger... Но не хочу давать этой коммиссіи: боюсь тебя обременить, и ты тогда, безъ сомнѣнія, ни одной не исполнишь.

Теперь о самомъ важномъ дѣлѣ. У какого жреца ты завтракаешь и такую ли, ту же ли живую охоту чувствуешь ты и аппетитъ, то есть, вмѣстѣ, или...... аппетитные серебряные кофейни(ки съ) большими длинными клевами? Ужъ (нѣтъ) ли какихъ новыхъ открытій? — — Братецъ, какое теперь небо въ Римѣ! ка(къ оно) чудно глядитъ на меня въ эту самую м(инуту), какъ пишу къ тебѣ! Зачѣмъ ты т(еперь) не въ Римѣ? — — Въ одномъ завидую тебѣ: ты слушаешь оперу. Пожалуйста разскажи, что̀ тамъ теперь бываетъ и какія новости. Здѣсь давали оперу новую. Авторъ Фридрихъ.... Заглавіе: »Эдинбургская Темница.« Музыка прелестная! Послѣ Россини, я ничего не слышалъ лучше. У васъ въ Парижѣ ее чудно исполнятъ; а здѣсь этотъ годъ труппа не то, что̀ была назадъ тому годъ, о которой ты уже знаешь изъ моихъ разсказовъ и похвалъ. Но прощай, покамѣстъ, мой безцѣнный! Не забывай меня и пиши почаще...

Къ матери.

1839, марта 12. Римъ.

Ваше письмо отъ 9 февраля получено мною четыре дни назадъ. Благодарю васъ много за него и за ту любовь, которая дышетъ въ немъ. Но вмѣстѣ меня нѣсколько опечалило ваше замѣчаніе, что будто я сдѣлалъ вамъ упрекъ на-счетъ нѣкоторыхъ пунктовъ — — Никогда я не имѣлъ никакого права, ни причины упрекать васъ. Вы невинны! Вы дѣлали, вы по крайней мѣрѣ желали дѣлать все для нашего счастія, вы жили, вы существовали для насъ. Какой жестокой сынъ осмѣлится послѣ этого сдѣлать вамъ какой-либо упрекъ? Вы невинны! виноваты несчастія, которыя подавили васъ, которыя навалили на васъ кучи заботъ, требовав-

шихъ силъ твердаго мужа, а не доброй, чувствительной женщины. Виноваты эти заботы, которыя лишили насъ прежняго милаго веселаго характера нѣжно любимой нами маминьки и навели на него мрачное облако задумчивости, разсѣянности, вѣчно тревожныхъ мыслей, отлучавшихъ и отвлекавшихъ ее невольно отъ дѣйствительности и происходившаго передъ глазами теченія дѣлъ и обстоятельствъ, которыя чтобы вести хорошо, нужно было имѣть слишкомъ твердый характеръ, какой имѣетъ мущина, нужно быть слишкомъ спокойну и не пораженну несчастіемъ. Итакъ вы видите, что вы невиноваты. Вы не могли быть болѣе, чѣмъ вы были. Мы должны дѣлать упреки несчастіямъ. Когда я былъ въ послѣдній разъ у васъ, я былъ пораженъ [теперь я этого не скоро и все разскажу], я былъ пораженъ перемѣной, которую я нашелъ въ васъ, перемѣной, происшедшей въ эти даже три небольшіе года, послѣ моего перваго пріѣзда изъ Петербурга. Я не могу вамъ разсказать той грусти, которую я чувствовалъ, глядя на васъ. Эта совершенная ваша разсѣянность въ словахъ и задумчивость; это ваше вѣчно устремленное куда-то вниманіе, но не къ предметамъ, васъ окружавшимъ, не къ тѣмъ, о которыхъ шла рѣчь, такъ что вы казались совершенно среди насъ живущею въ какомъ-то другомъ мірѣ, чуждою всего того, что около васъ происходило. Я съ содроганіемъ видѣлъ слѣды и читалъ ихъ на лицѣ вашемъ, слѣды, проведенные побѣдившими совершенно васъ заботами. Нѣтъ, я не обвинялъ васъ, я не обвинялъ васъ, видя и то, и другое не такъ въ хозяйствѣ, я не обвинялъ васъ за неосмотрительности и за то, что васъ легко было обмануть и чѣмъ далѣе, еще легче; я не обвинялъ ни въ чемъ этомъ. Но я обвинялъ въ этомъ себя, я слышалъ изъ глубины души своей ѣдкій упрекъ самому себѣ. Я былъ причиною всему этому: я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствія моей матери, я не доставилъ ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротивъ, я обременилъ ее, я взвалилъ на нее всю возможную тяжесть, которую болѣе крѣпкія силы не вынесли бы. Я былъ причиною измѣненія ея прежняго свѣтлаго характера. Словомъ, я не исполнилъ первой обязанности сына. Мнѣ только въ утѣшеніе оставалось одно оправданіе: что я тоже не рожденъ былъ хозяиномъ, что я не

могъ никакимъ образомъ — — не пріобрѣвши имени, или, какъ говорятъ, чина и вѣсу, заняться самому хозяйствомъ, принять на себя всѣ обязанности попечителя нашей всей фамиліи и жить въ деревнѣ. Но я хотѣлъ вознаградить потомъ все и заняться самъ ревностно и дѣльно. Увы! мое глупое здоровье отняло у меня эту возможность, заставило меня выѣхать изъ Россіи и, можно сказать, бросить неоконченнымъ начатое. Итакъ вотъ гдѣ вина и причина всему. А вы чисты совѣстью и душой! Я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда былъ, что дѣла наши идутъ плохо, но вмѣстѣ съ этимъ я видѣлъ безсиліе мое помочь этому. Но дѣла хозяйственныя — Богъ съ ними, я не о нихъ горевалъ, я горевалъ о васъ, видя ваши терзанія, ваши печали при вѣчныхъ неудачахъ.— — —

Къ М. П. Погодину.

1839 г., мартъ (въ Римѣ.)

Посылаю тебѣ подателя сей записки, для принятія твоего чемодана, и ожидаю васъ, для распитія Русскаго чаю.

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Марта 25 (1839.)

Письмо твое и привезшаго его Трохимовскаго, я получилъ исправно. За знакомство съ нимъ благодарю тебя. Онъ точно добрый малый и мнѣ понравился; при томъ же мы съ нимъ почти что родственники, или побратимы, кажется: его отецъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Только не благодарю тебя за то, что ты не прислалъ мнѣ съ нимъ красокъ. Что тутъ за сомнѣніе? ты знаешь, что мнѣ пріятнѣе, безъ всякаго сомнѣнія, имѣть лучшія краски, нежели худшія; и, что тутъ за бѣда, что двумя, или тремя су дороже? Одна только просьба, чтобы онѣ были круглыя и плоскія, чтобы могли помѣститься въ мой ящикъ, который тебѣ очень извѣстенъ: онъ сдѣланъ палитрой, и на манеръ его ты увидишь много въ извѣстномъ тебѣ магазинѣ.

Я тебѣ уже писалъ, что Жуковскій уѣхалъ изъ Рима. Но я необыкновенно счастливъ: на мѣсто его пріѣхалъ ко мнѣ Погодинъ. Мы теперь живемъ вмѣстѣ: его комната съ моею; завтракаемъ и говоримъ вмѣстѣ. Черезъ мѣсяцъ я препровожу его къ тебѣ въ Парижъ, прямо къ благодѣтельницѣ Mme Honchard. Онъ пробудетъ въ Парижѣ мѣсяцъ да въ Лондонѣ, можетъ быть, недѣли двѣ. Я поручилъ ему притащить тебя въ Маріенбадъ, куда и я тоже думаю поплестъся, гдѣ будетъ и онъ, и гдѣ, мнѣ кажется, тебѣ не мѣшаетъ побывать: одна изъ главнѣйшихъ болѣзней твоихъ, кажется, имѣетъ аналогію съ моей и относится прямо къ желудку, а для этого Маріенбадъ, говорятъ, очень хорошъ. Погодинъ привезъ мнѣ извѣстіе о DD. Онъ встрѣтилъ его въ Прагѣ. Этотъ пріятель нашъ и чудакъ будетъ тоже нынѣшнее лѣто въ Маріенбадѣ (¹). Кромѣ того, Погодинъ выписалъ къ лѣту туда кучу разныхъ Славянъ, такъ что мы можемъ имѣть хорошее общество, составить свой столъ и ускользнуть такимъ образомъ отъ вредоносныхъ табльдотовъ; словомъ, лечиться сурьезно, методически и весело, укрѣпляя и поддерживая другъ друга, а это весьма не послѣдняя вещь на водахъ.

Я вытащилъ недавно на почтѣ изъ подваловъ, обреченныхъ забвенію, письмо отъ маменьки, писанное еще отъ іюля мѣсяца, гдѣ, между прочимъ, одна очень замѣчательная черта — — — но въ сторону толки.

Какъ твое здоровье? что̀ чувствуешь? — — какъ ѣстся и что̀ желудокъ? Напиши объ этомъ; теперь это кстати. Ты спрашиваешь о художникахъ Русскихъ. Я, право, ихъ почти не вижу. А Д*** твоего если гдѣ встрѣчу, право, тошнитъ. Что̀ за народъ! К***, Н****, Е****, ужасъ какая тоска! и всякій изъ нихъ увѣренъ отъ души, что имѣетъ много таланту. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ, Кпткѣ, Межаковымъ, Мантейфелю и проч. и проч.— —

(¹) Это — одинъ изъ соучениковъ Гоголя, котораго онъ очень любилъ, не смотря на то, что не уважалъ его мнимой учености. Но DD мало было пріязни Гоголя. Однажды, получивъ отъ него комическое и очень любезное письмо изъ-за границы, онъ тотчасъ бросилъ его въ огонь; а письмо, по свидѣтельству другого товарища Гоголева, »стоило многихъ ученыхъ книгъ даже и не такихъ писателей, какъ DD.« *П. К.*

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Римъ. 12 апрѣля, 1839.

Тебѣ было грустно читать мое письмо, ты плакала, моя добрая и милая Анетъ. Что жъ дѣлать? безъ грусти не бываетъ на этомъ свѣтѣ. Мы всѣ рано или поздно должны платить ей дань. Твои слезы и сожалѣнія дѣлаютъ тебѣ честь: они показываютъ твое доброе сердце. Ты вся исполнена грусти при мысли о нездоровьи маминьки. Но я не знаю, откуда ты это взяла. Слава Богу, наша маминька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную болѣзнь; о ней была рѣчь.——— Я разумѣлъ слѣды заботъ, вѣчныхъ неудачъ и неисполненій, проведенные на ея челѣ, которые нечувствительно и незамѣтно отнимали живость и любезность ея характера и, намѣсто спокойнаго и осмотрительнаго взгляда въ хозяйствѣ и въ распоряженіяхъ по имѣнію, набросили на нее разсѣянность, задумчивость, которые ей много мѣшали въ дѣлахъ и были причиною, что имѣніе наше разстроено совершенно и что она, думая поправлять, разстроивала его еще болѣе, сама не зная этого. Конечно имѣніе не стоитъ для меня гроша, въ сравненіи съ здоровьемъ нашей доброй маминьки, но я почелъ долгомъ объ этомъ написать вамъ, чтобы приготовить заранѣ васъ къ непріятностямъ, необходимымъ въ жизни, чтобы вы болѣе старались надѣяться на самихъ себя, чтобы вы лучше и тверже воспитали свой характеръ, чтобы вы больше обратили вниманія на знанія, нужныя и необходимыя въ жизни, чтобы, еслибы довелось вамъ самимъ заботиться о себѣ, чтобы вы имѣли достаточно твердости и духу, и силъ взяться самимъ за трудъ, и умѣть доставить себѣ такимъ образомъ необходимое; чтобы вы, возложивъ надежду на Бога, Который помогаетъ мужественнымъ и непорочнымъ сердцамъ, могли бы героически встрѣтить все непріятное, никогда не унывать духомъ и не слезами, а трудомъ, дѣятельностью, твердостью и терпѣніемъ переломили бы самую судьбу. Вотъ для чего почелъ я долгомъ не скрывать отъ васъ ничего на-счетъ нашего разстроеннаго состоянія, какъ сильно любящій васъ братъ и любящій васъ любовью, глубже той, которою обыкновенно любитъ братъ сестру. Я васъ люблю любовью

брата, отца и матери вмѣстѣ. Не наружными признаками нѣжности вы измѣряйте мою любовь. Нѣтъ, она погружена вся во глубинѣ моей души. Она блюдетъ и думаетъ надъ вашею будущею судьбою, и много бы хотѣла пожертвовать и отдать вамъ, и, вѣрно бы, сдѣлала для васъ болѣе, если бы не мое несчастное здоровье. Итакъ, какъ любящій васъ такимъ образомъ братъ, я почелъ долгомъ написать вамъ такое письмо, которое заставило васъ задуматься и плакать. Пилюля моя горька, но вы должны проглотить ее: она несетъ вамъ здоровье.

Теперь поговоримъ о средствахъ, которыя, по твоему мнѣнію, милая моя Анетъ, могли бы найтись къ поправленію обстоятельствъ. Ты готовишься помогать всѣми силами маминькѣ. Мысль и желаніе прекрасны. Но чѣмъ? Твои силы здѣсь не нужны. Не маминька нуждается, но имѣніе разстроенное, но небольшое имущество ваше и сестеръ вашихъ. Маминька хлопочетъ и трудится не для себя: для нея немного нужно; она имѣетъ все, — но для васъ. Но если и она ничего не можетъ сдѣлать, то вамъ и думать нечего. Управленіе имѣніемъ требуетъ опытнаго и свѣдущаго хозяина, сильнаго характеромъ мужа, а не слабой женщины, для которой совершенно чужды и незнакомы дѣла этого рода. — — —

Итакъ ты можешь видѣть теперь ясно, въ чемъ дѣло. Не объ маминькѣ шла рѣчь, но объ васъ; не объ маминькѣ я заботился, но объ васъ. Маминька счастлива, когда мы счастливы: для этого она живетъ. И повѣрьте, что кто любитъ истинно и глубоко, тотъ любовь не въ томъ поставляетъ, чтобъ глядѣть въ глаза и цѣловать въ ручки. Кто любитъ сильно, тотъ согласится и на пожертвованіе, и на удаленіе, тотъ согласится долго не видѣть предметъ привязанности своей, если только отъ этого зависитъ счастіе. — — —

Она готова за васъ отдать послѣднюю каплю жизни, пожертвовать всѣмъ для вашего счастія, но она не спасетъ васъ отъ могущихъ случиться бѣдъ. Вотъ почему я все это пишу къ вамъ, чтобъ вы возлагали надежду, во-первыхъ, на Бога, а во-вторыхъ, на себя; чтобъ вы воспитывали заранѣе свой характеръ, сообщили ему твердость, мужество, чтобы вы были ласковы, умѣренны, услужливы, никогда бы не ссорились съ вашими пріятельницами, но старались всѣми силами поддерживать разъ сдѣланное знакомство — — —

Пишите ко мнѣ какъ возможно чаще. Теперь мы имѣетъ болѣе нужды сообщать наши мысли и чувства другъ другу. Я вамъ найду окказію писать. Но главное — не дожидайтесь окказіи, пишите и приготовляйте ваши письма; потомъ вы можете вдругъ три-четыре письма разомъ переслать. Пишите, просто, журналъ всего, что̀ вы сдѣлали, что̀ вы думали и что̀ приходило вамъ на умъ. Я очень радъ, что вы теперь не однѣ, что васъ теперь навѣщаютъ, какъ вы пишете, Андрей Андр. и Ольга Дм. Кланяйтесь имъ отъ меня и скажите, что я непремѣнно буду писать къ нимъ, и дайте мнѣ ихъ адрессъ, чтобъ я зналъ, куда посылать имъ письма. Скажите, что я буду благодарить за все ихъ добро и расположеніе къ намъ. Въ вашей любви ко мнѣ я не сомнѣваюсь. — —

Прощайте, мои миленькія, мои много, много любимыя мною сестры.

Да, чудь было не позабылъ. Пришлите мнѣ въ письмѣ вашемъ двѣ тоненькія ниточки, чтобы одна изъ этихъ ниточекъ была длиною въ ростъ Лизиньки, а другая а въ Анетъ. Смотрите только не ошибитесь и положите ихъ въ письмо. Для чего мнѣ это нужно, я вамъ скажу послѣ. Еще разъ цѣлую васъ милліонъ разъ.

Къ L L.*

Чивитавеккія. Апрѣля (29) 1839.

Сей же часъ пишу къ вамъ подробное донесеніе. Знаю, оно вамъ нужно. Мы, помните? разстались: вашъ пароходъ уходилъ— мы стояли на башнѣ. Мы стояли долго, пока наконецъ ваши лица и фигуры не скрылись и пароходъ не обратился въ одинъ синѣющій столбъ и струю дыма надъ нимъ. Я предложилъ *L* L** возвратиться домой. Ей всё еще хотѣлось глядѣть. »Хотя я не вижу его, по крайней мѣрѣ вижу бѣгъ его; вѣдь онъ на немъ, на томъ пароходѣ; онъ вѣдь тамъ!« она говорила. Наконецъ мои представленія, что воздухъ посвѣжѣлъ, заставили ее неохотно оторвать глаза отъ милаго ей въ ту минуту моря. Мы сошли съ башни. Она была печальна. Я не хотѣлъ утѣшать ее развлеченіемъ мыслей, потому что такого рода развлеченія неумѣстны, особливо, когда они доставляются тому, кто чувствуетъ много и глубоко. Мнѣ казалось

лучше дать свободное теченіе необходимой грусти. Пришедши домой, я старался говорить именно побольше объ васъ, потому что уже въ этомъ была для нея большая сладость. Мы говорили долго, припоминали все, всѣ ваши качества, все, что̀ составляетъ васъ, *L* L** наконецъ сдѣлалась веселѣе и улыбалась. Я вообще замѣтилъ въ ней мнительность, чувство опасенія, воображеніе, готовое представлять могущіе произойти непріятные случаи. Это было трудно побѣдить. Но мы, сообразивши вмѣстѣ, какъ Богъ милостивъ, оказавъ уже въ этомъ попеченіе о васъ, пославъ вамъ въ сопутники П**** именно въ ту самую пору, которая такъ тяжка, въ пору разлуки, вывели ясное заключеніе, что хранительная Его рука простерта надъ вами и съ вами ничего не можетъ случиться кромѣ хорошаго. Я даже прибавилъ: что вы очень задумались, когда я вамъ намекнулъ о возможности пріѣхать въ Римъ раньше положеннаго срока, что вы даже сказали, что это можетъ случиться и въ самомъ дѣлѣ. *L* L** чуть не засмѣялась. Она, однакожъ, очень ослабѣла и чувствовала усталость. Я замѣтилъ, и она тоже согласна съ этимъ, что къ вечеру ея мнительность становится всегда почти сильнѣе и воображеніе тревожнѣе, и потому я былъ очень радъ, что мы провели тотъ вечеръ такимъ образомъ, а не другимъ. Борисъ былъ совершенно веселъ: произвелъ мою лѣвую ногу въ каретную лошадь, привязалъ ее къ стулу, тянулъ очень долго за поводья и былъ этимъ очень доволенъ. Съ тѣхъ поръ онъ получилъ очень нѣжную привязанность къ моей ногѣ и всё спрашиваетъ: здорова ли лошадь? На другой день, въ 7 часовъ утра, мы уже были на ногахъ. *L* L** была очень бодра. Мы отправились, покамѣстъ закладывали экипажъ, глядѣть виллу, которую княгиня располагаетъ нанять. Прогулка наша была по берегу моря, и хотя къ ней было не совсѣмъ близко, хотя туда и назадъ мы ходили пѣшкомъ, не смотря на то она не устала ни мало, что̀ съ ней, какъ она говоритъ, рѣдко случалось. Вѣтеръ морской ее замѣтно освѣжилъ, и я даже почти увѣренъ, что онъ надъ нею будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе, когда она проживетъ мѣсяцъ, или полтора въ Чивитавеккіи... Во всю дорогу она была свѣжа и очень себя чувствовала здоровой. Дорога наша была прекрасна; и море, и хорошее время, все было у насъ

въ виду. Мы доѣхали счастливо и благополучно въ Римъ. Обо всемъ этомъ я почелъ долгомъ васъ увѣдомить.

Письмо это я началъ въ Чивитавеккіи, а окончилъ въ Римѣ... Прощайте. Будьте здоровы. Цѣлую васъ и жму вашу руку крѣпко и братски.

Вашъ Гоголь.

Къ М. П. Погодину.

1839, 3-го мая. Римъ.

Что̀ ты подѣлываешь, жизненочекъ мой? здоровъ ли? и весело ли похаживаешь по Парижу? Мнѣ до сихъ поръ скучно по тебѣ. Комната твоя до сихъ поръ еще страшитъ меня своею пустотою. Пора бы, впрочемъ, кажется, имѣть мнѣ отъ тебя письмо. Кое-что иногда слышу отъ Ш****, т. е. что такого-то числа былъ ты въ такомъ городѣ и что съ вами ѣхала въ дилижансѣ собака, попугай и черепаха. Больше ничего не знаю.

Я получилъ письмо на дняхъ отъ Шафарика, съ книгами, которыя онъ просилъ, по прочтеніи, возвратить, что̀ будетъ исполнено съ аккуратностію. При этомъ прислалъ мнѣ въ презентъ свои »Старожитности«. Я ихъ читаю и дивлюсь ясности взгляда и глубокой дѣльности. Кое-гдѣ я встрѣчалъ мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались, прежде моего. И я похожъ теперь на GN, который показывалъ тебѣ Египетскія древности, въ увѣренности, что это его собственныя открытія, потому только, что онъ имѣетъ благородное обыкновеніе, свойственное, впрочемъ, всѣмъ художникамъ, не заглядывать въ книги.

С*** мнѣ полезенъ. Онъ, не смотря на охоту завираться и безпрестанно глядѣть по сторонамъ дороги, вмѣсто того, чтобы идти по ней прямо, говоритъ много нужнаго при всемъ томъ. Иногда выкопаетъ такую пѣсню, за которую всегда спасибо. Есть въ Русской поэзіи особенныя, оригинально замѣчательныя черты, кото-

рыя теперь я замѣтилъ болѣе и которыхъ, мнѣ кажется, другіе не замѣчали, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ когда-либо. Эти черты очень тонки, простому глазу незамѣтны, даже если бы указать ихъ; но, будучи употреблены, какъ источникъ, какъ золотыя жилы рудниковыхъ глыбъ, обращенныя въ цвѣтущую пѣснь языка и поэзіи нынѣшней доступной, они поразятъ и зашевелятъ сильно. Но объ этомъ можно поговорить.

SN, не смотря на свое доброе намѣреніе, глупъ. Онъ долженъ быть молодой человѣкъ. На вещи, на которыя нужно глядѣть простыми глазами, онъ глядитъ въ чортъ знаетъ какія преогромныя очки, а, главное, теперь страшно важничаютъ приступая къ какому-нибудь дѣлу. Началъ полнымъ трактатомъ о Славянской миѳографіи, а предметъ этой миѳографіи абвега славянскихъ суевѣрій да одна журнальная статейка на двухъ страничкахъ. Наговорившись о нихъ до-сыта, я думаю: »Ну, теперь, братъ, подавай-ка намъ собственныя свои мысли!« а собственныхъ-то онъ и позабылъ, ихъ-то и не сказалъ: вмѣсто этого слѣдуетъ описаніе игры въ горѣлки, гдѣ говоритъ, что она производится на зеленомъ лугу въ пріятномъ мѣстѣ и что нѣтъ счастливѣе возраста юности и любви, и слѣдуютъ о любви и о подобныхъ предметахъ цѣлыя страницы. Меня остановила мысль, или лучше сказать, — вздоръ этой мысли: что будто-бы намъ нужно отвергнуть всѣхъ боговъ, о которыхъ не говоритъ Несторъ, что они или составлены послѣ, или были у другихъ народовъ, къ которымъ онъ причисляетъ и другихъ Славянъ. Но Несторъ монахъ и лѣтописецъ текущихъ событій. Ему нѣтъ нужды перечислять всѣхъ боговъ. Притомъ, какъ Христіанинъ и монахъ, онъ не могъ углубляться въ предметъ презрительный и неприличный для Христіанина въ то время. Но объ этомъ поговоримъ тоже.

Ничего я до сихъ поръ не сдѣлалъ для Колара. Видѣлся наконецъ съ GG — — Мои убѣжденія были похожи на резинный мячикъ, которымъ сколько ни бей въ стѣну, онъ отъ нея только что отскакиваетъ. Словомъ, это меня разсердило, и я не пошелъ къ нему на обѣдъ, на который онъ меня приглашалъ на другой день. — —

Іосифъ, кажется, умираетъ рѣшительно. Бѣдный, кроткій,

благородный Іосифъ! Можетъ быть, его не будетъ уже на свѣтѣ, когда ты будешь читать это письмо. — —

Писемъ къ тебѣ на почтѣ больше нѣтъ. Я справлялся постоянно. Кланяется тебѣ Грифи. — — Онъ сегодня мнѣ объявилъ послѣ многихъ *о, о, о,* что занимается очень важными двумя сочиненіями, которыя печатаетъ. Одно — сравненіе Русскихъ съ Австріяками, въ которыхъ (онъ) говоритъ, что Австріяки смотрятъ только на однѣ запятыя, а Русскіе не смотрятъ. Другое сочиненіе о Рафаелѣ, о Сибиллахъ; кажется, ихъ толкованіе миѳическое. Una cosa, говоритъ, affata, non scritta mai. Я думаю, что эти два сочиненія будутъ совершенно одинакихъ достоинствъ.

Здоровье мое такъ же неопредѣленно, и глупо, и странно, какъ и при тебѣ. Живу надеждою на Маріенбадъ, а съ нимъ вмѣстѣ и на пріятность съ тобою увидаться.

Прощай! Обнимаю васъ обоихъ. Обними также за меня Шевырева. Прощай, мой ненаглядный. Я думаю, другого письма нечего писать къ тебѣ: оно тебя, вѣрно, не найдетъ. Ато не дурно, коли строки двѣ пришлешь. До свиданья!...

Къ С. П. Шевыреву.

(Изъ Рима, въ маѣ, 1839.)

Благодарю тебя милліонъ разъ за твое милое письмо и цѣлую тебя за него, и обнимаю. Я радъ очень, что ты доволенъ своимъ помѣщеніемъ и совершенно спокоенъ; безъ этого нельзя начать, какъ слѣдуетъ, своихъ наблюденій. Между прочимъ не позабудь провѣдать и найти Тургенева [если только онъ въ Парижѣ]. Онъ вамъ очень будетъ полезенъ. Данилевскій долженъ знать адрессъ его. Если случится тебѣ встрѣтиться съ Мицкевичемъ, обними его за меня крѣпко. — — —

Прощай, мой милый и добрый.

Твой Гоголь.

Письмо твое я получилъ только вчера. Четыре дня я не видалъ С* Б*: всѣ эти дни и ночи вмѣстѣ я проводилъ у одра боль-

наго Іосифа, моего Вьельгорскаго. Бѣдненькой, онъ не можетъ остаться минуты, чтобы я не былъ возлѣ. И было бы безсовѣстно съ моей стороны, если бы я не заплатилъ, увы! можетъ быть, послѣдняго долга дружбы, и потому я пишу къ тебѣ немного, но мы знаемъ теперь еще короче другъ друга, и наши души договорятъ остальное. С* Б*, я нахожу, поправилась. Воздухъ здѣшней весны для ней, видно, очень хорошъ.

Къ М. П. Б—ной.

Май 30, 1839. Римъ.

Я получилъ ваше письмо и, распечатавъ, долго не вѣрилъ, ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣнились! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ письма вашего измѣнился; даже Русскій языкъ и падежи васъ слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что дѣвушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едва дается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо, какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыя вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книгѣ оригинальны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своеобразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу—это и вы, и не вы вмѣстѣ. Если бы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностію и живою, многорѣчивою охотою пустился бы соглашаться съ вами и поперечить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете; но чувствую, что теперь буду и тупъ, и вялъ, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непризванныя, являются на

мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ тоже подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Вьельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его; и все это — добыча неумолимой смерти; и не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную! Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка, или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ не вините меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали его ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ, одинъ единственно прекрасный и возвышенно благородный изъ вашихъ Петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ.... Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи! Едва только оно успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что̀ теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что̀ прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. »Оно на краткій мигъ«, шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. »Оно дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа.« — —

Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьи, о̀ его подробномъ, то есть, состояніи? Я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго. Знайте же: ваша болѣзнь излечима совершенно, и со мною согласны всѣ тѣ, которымъ я давалъ идею о вашей болѣзни. Вы должны лечиться холодною водою въ Грефенбергѣ. Слышали ли вы о чудесахъ, производимыхъ тамъ медикомъ, воспитаннымъ одною натурою, безъ помощи медицинскихъ академій, и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ невѣрующихъ, какъ вы сами знаете, и всегда сомнительно качалъ головою, когда слышалъ, какъ вы внимали вздорамъ Фишера, или

глотали ваши гомеопатическіе порошки и аллопатическія гадости въ видѣ микстуръ. Но, клянусь, я самъ своими глазами видѣлъ такія чудеса! Нѣтъ, я умоляю вашу маминьку всѣми силами небесными — испытать это средство. Холодной водой лечатъ всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, но болѣе всего лечатъ болѣзни вашего рода. — — — Если ваша болѣзнь даже, просто, только головной ревматизмъ, то ревматизмы цѣлятся удивительно. Словомъ, послушайте слова истины и поѣзжайте.

Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ, если о нихъ уже мы заговорили. Говорятъ, для больного нѣтъ бо́льшаго наслажденія, какъ встрѣтиться тоже съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ. Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ говорятъ только обжоры о съѣденныхъ ими блюдахъ. Итакъ, въ слѣдствіе этого, скажу вамъ о своемъ тоже здоровьи. Здоровье мое non vale un fico, какъ говорятъ Итальянцы, — хуже нынѣшней Русской литературы, о которой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстія. Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Вы не повѣрите, какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и мои ясныя, мои чистыя небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ.... Но я забылъ, что вы ее такъ любите, и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. Впрочемъ совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша. И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что̀ составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о Нѣмецкой дымной путаницѣ! И можете ли сказать, что всякій Нѣмецъ есть Шиллеръ? Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: »Невскій Проспектъ«. По мнѣ, Германія есть не что̀ другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Что̀ жъ дѣлать,

если предметъ самъ неопрятенъ, не смотря на то, что Нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали и который вамъ понравился. Я вѣрю, онъ долженъ быть очень хорошъ, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить [отсюда исключается словъ нѣсколько о Нѣмцахъ]. Я говорю о романѣ Миклашевичевой ([1]), о которомъ вы пишете. Онъ точно рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ.... что-то очень.... ([2]). У меня на языкѣ вертѣлось вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просилось на языкъ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что̀ хочется, особливо въ письмѣ; ибо есть очень много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ [можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣщенію] читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выводить даже изъ этого невинныя сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованнаго вами при представленіи »Гамлета«. Вы имъ полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смотрѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Каратыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ перваго раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уноситъ съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и придти въ себя. Эти роли совершенно въ его родѣ. Но большая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Каратыгинѣ. Вы можете это увидать только послѣ, по

([1]) Онъ не былъ напечатанъ. *П. К.*

([2]) Здѣсь слова два вырвано облаткою. *П. К.*

долгомъ соображеніи и долгомъ изученіи характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

Вы спрашиваете меня о новостяхъ: что происходитъ новаго среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослѣпительно сіяетъ синій небесный сводъ, убраны по-праздничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей. Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоитъ на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ разъ Италію, и, дохнувъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ-будтобы прихватило Петербургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣниво, а не работаетъ. Объ аббатѣ Ланчи не имѣю никакого свѣдѣнія.

Вы пишете и спрашиваете, когда я буду къ вамъ. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ на-счетъ здоровья вашего — я имѣю хорошее предчувствіе — — и не сердитесь за глупость письма моего. Право, если бы вы знали положеніе души моей, о, вы бы извинили меня!...

Къ М. П. Погодину.

(1839).

Получилъ я твою приписочку, милый мой другъ. Очень радъ, что вамъ помѣщеніе пришлось по душѣ. Елисавету Васильевну слѣдовало бы, впрочемъ, пожурить немножко за то, что она захворала. Но я надѣюсь, что это больше ничего, какъ усталость послѣ большой дороги. Докторъ здѣсь — отдыхъ, и потому, поручая ему заботу, ожидаю съ нетерпѣніемъ описанія и отчета вашего вояжу.

Я теперь очень и слишкомъ занятъ моимъ больнымъ Вельегорскимъ: сижу надъ нимъ ночи безъ сна и ловлю всѣ его мановенія. Есть святыя услуги дружбы, и я долженъ теперь ихъ исполнить. Но удивительно — я не чувствую никакой усталости, здоровье мое ничуть не сдѣлалось хуже. Даже лицо мое не носитъ никакихъ знаковъ изнеможенія. Находятъ даже меня поправившимся. Сладки и грустны мои минуты нынѣшнія. Но я вѣчно благодарю Бога, что во мнѣ случилась эта надобность и что именно случился въ это время я, а не лицо чуждое, неродное, непріятное для больнаго.

Прощай. Цѣлую тебя. Будь здоровъ...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Іюнь 5 (1839).

Письмо твое пахнетъ унынiемъ, даже чтобы не сказать отчаянiемъ и припадками рѣшительной безнадежности. Мнѣ кажется только, что послѣднимъ двумъ слишкомъ рано предаваться. Неужели тебѣ уже рѣшительно ничего не остается на свѣтѣ, которое бы тебя привязывало? Погоди, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ я умру, тогда уже можешь предаться имъ, — по крайней мѣрѣ искать какой-нибудь предлогъ для нихъ, если они тебѣ такъ нравятся; а до того времени Богъ знаетъ..... Конечно я не имѣю теперь отъ себя никакихъ средствъ тебѣ помочь; но вѣдь я еще живу, стало быть я на что-нибудь тебѣ нуженъ. Впрочемъ я состояніе твое совершенно понимаю. Одиночество въ этомъ пустынно-многолюдномъ Парижѣ, и притомъ еще въ это время года, время томительныхъ жаровъ, которые вездѣ томительны, кромѣ Италіи, — это конечно страшно! Если бъ ты зналъ, какъ мнѣ грустно покидать на два мѣсяца Римъ! Почти такъ же грустно, какъ тебѣ оставаться въ Парижѣ. Я недавно еще чувствовалъ одну сильную, почти незнакомую для меня въ эти лѣта грусть, — грусть, живую грусть прекрасныхъ лѣтъ юношества, если не отрочества души. Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю объ моемъ

Іосифѣ Вьельгорскомъ. Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видимъ часто у людей; но умъ и талантъ и вкусъ, соединенные съ такою строгою основательностью, съ такимъ твердымъ, мужественнымъ характеромъ, — это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремленіи дѣйствовать полезно и великодушно, такая дѣвственная чистота чувствъ! Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича. — — И прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрас- у насъ въ Россіи!

Ты опять сидишь безъ вѣстей о домѣ — — — тебѣ средства есть. Нельзя, чтобы ихъ не было. На то данъ человѣку умъ и даже простой инстинктъ. Но на тебя странно дѣйствуетъ нужда. Она тебя не подстрекаетъ на изобрѣтеніе, какъ обыкновенно бываетъ, а подавляетъ тебя всего собою. Твой умъ меньше всего — я замѣчалъ — дѣйствуетъ въ это время; на него находитъ летаргическое усыпленіе, и ты самъ идешь на-встрѣчу отчаянію, съ распростертыми руками и объятіями, тогда какъ ему слѣдовало бы иногда, вмѣсто этого, дать под(затыльника).

Но довольно объ этомъ предметѣ. Мнѣ очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился съ своими гостями. Впрочемъ, и то сказать, что пріѣхавшій въ Парижъ новичокъ худой товарищъ обжившемуся Парижанину. Первый еще жаждетъ и ищетъ; другой уже усталъ и утомленъ. Имъ трудно сойтиться, особливо, когда времени всего только одинъ мѣсяцъ. Жаль! они были бы для тебя полезны. Впрочемъ, я надѣюсь, они будутъ еще полезны тебѣ послѣ.

О, какъ бы я желалъ быть сію же минуту въ состояніи.... впрочемъ напиши по крайней мѣрѣ, сколько тебѣ нужно, чтобы уѣхать изъ Парижа и переѣхать на воды, чтобы (ничто) тебя не задерживало. Я не потому спрашиваю тебя, чтобъ имѣлъ возможность тебѣ сейчасъ помочь, но потому, чтобы знать, чтобы имѣть

въ виду, чтобы вѣдать, какъ при случаѣ нужно иногда дѣйствовать, чтобы иногда хоть по крайней мѣрѣ жестомъ помочь тебѣ, или выраженіемъ рожи, какъ дѣлаетъ человѣкъ, когда видитъ, что другому больно...

Къ матери.

1839, іюнь. Римъ.

Я получилъ не такъ давно ваше письмо, почтеннѣйшая маминька, на которое не могъ отвѣчать раньше сегодня. Судя по его содержанію, я думаю, что оно должно было быть предшествуемо другимъ, котораго я не получилъ. — — —

Я вамъ очень благодаренъ, маминька, за ваши воспоминанія обо мнѣ и любовь вашу. Но я васъ прошу не очень заботиться на счетъ пріуготовленія нужныхъ по вашему мнѣнію вещей. Мнѣ рѣшительно въ этомъ родѣ ничего не нужно. Напрасно вы нашили мнѣ рубашекъ. Я ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, не могу носить и не буду, потому что онѣ сшиты не такъ, какъ я привыкъ. Лучше обождать, покамѣстъ вы будете имѣть на образецъ мою рубашку, па манеръ которой вы можете уже заказать мнѣ сшить. Во всякомъ случаѣ не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ваши заботы.

Что касается до времени моего пріѣзда, то ничего навѣрно не могу вамъ сказать: все это будетъ зависѣть отъ моего здоровья и обстоятельствъ. Впрочемъ я постараюсь быть непремѣнно къ выпуску сестеръ въ Петербургѣ, хотя заранѣе содрогаюсь отъ нашего жестокаго климата, который рѣшительно былъ признанъ гибельнымъ докторомъ для моего здоровья. Больше ничего не имѣю вамъ теперь сказать. Прощайте до слѣдующаго письма. Для лучшаго и исправнѣйшаго полученія писемъ, адрессуйте ваше письмо въ Маріенбадъ, въ Богемію; оттуда оно будетъ ко мнѣ отправлено вѣрнѣйшимъ образомъ...

Къ С. П. Шевыреву.

Вѣна. 10 августа (1839).

Третьяго дни я получилъ письмо твое. Какъ оно мнѣ было пріятно, объ этомъ нечего говорить. Оно было бы пріятно даже безъ этой важной новости, тобою объявляемой; но съ этою новостью, увѣсистой, крупной новостью, оно и сказать нельзя, какъ хорошо. Ты за Дантомъ! ого-го-го-го! и объ этомъ ты объявляешь такъ, почти въ концѣ письма. Да, спаси Богъ за это Мюнхенъ и ту скуку, которую онъ поселилъ въ тебя! Но не совѣстно ли тебѣ, не приложить въ письмѣ двухъ-трехъ строкъ? Клянусь моимъ честнымъ словомъ, что желаніе ихъ прочесть у меня непреодолимое! О, какъ давно я не читалъ стиховъ! а въ твой переводъ я вѣрю, вѣрю непреложно, рѣшительно, безсомнѣнно. Это мало, что ты владѣешь стихомъ и что стихъ твой силенъ: такимъ былъ онъ и прежде; но что̀ самое главное и чего меньше было у тебя прежде, это внутренняя, глубокая, текущая изъ сердца поэзія: нота, взятая съ вѣрностью, удивительною и такимъ скрипачомъ, у котораго въ скрипкѣ сидитъ душа. Всѐ это я заключаю изъ тѣхъ памятныхъ мнѣ стиховъ въ день моего рожденія, которые ты написалъ въ Римѣ. Донынѣ я ихъ читаю, и мнѣ кажется, что я слышу Пушкина. Я не знаю, знаешь ли ты и чувствуешь ли, во сколько разъ ты болѣе въ нихъ сталъ поэтомъ противъ прежняго поэта. Вотъ почему я такъ обрадовался твоему огромному предпріятію. И ты не прислалъ мнѣ даже образчика! Хорошо ли это? Да знаешь ли ты, что это необходимо? и тебя, вѣрно, мучитъ тайное желаніе прочитать свое начало и слышать судъ. Безъ этого не могъ существовать ни одинъ художникъ. Въ слѣдствіе это(го) пришли мнѣ непремѣнно сколько хочешь и можешь. Я не покажу никому и не скажу никому. Ай да Мюнхенъ! Ты долженъ имя его выгравировать золотыми буквами на порогѣ дому твоего.

Что̀ касается до меня я.... странное дѣло, я не могу и не въ состояніи работать, когда я преданъ уединенію, когда не съ кѣмъ переговорить, когда нѣтъ у меня между тѣмъ другихъ занятій и когда я владѣю всѣмъ пространствомъ времени, неразграниченнымъ

и неразмѣреннымъ. Меня всегда дивилъ Пушкинъ, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться въ деревню, одному, и запереться. Я, на оборотъ, въ деревнѣ никогда ничего не могъ дѣлать, и вообще я не могу ничего дѣлать, гдѣ я одинъ и гдѣ я чувствовалъ скуку. Всѣ свои нынѣ печатные грѣхи я писалъ въ Петербургѣ, и именно тогда, когда я былъ занятъ должностью, когда мнѣ было некогда, среди этой живости и перемѣны занятій, и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣжѣе у меня было утро. Въ Вѣнѣ я скучаю. Погодина до сихъ поръ нѣтъ. Ни съ кѣмъ почти незнакомъ да и не съ кѣмъ, впрочемъ, знакомиться. Вся Вѣна веселится, и здѣшніе Нѣмцы вѣчно веселятся. Но веселятся Нѣмцы, какъ извѣстно, скучно, пьютъ пиво и сидятъ за деревяными столами, подъ каштанами,—вотъ и все тутъ. Трудъ мой, который началъ, не йдетъ; а, чувствую, вещь можетъ быть славная! Или для драматическаго творенія нужно работатъ въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны? Подожду, посмотримъ. Я надѣюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходитъ на умъ содержаніе; всѣ сюжеты почти я обдѣлывалъ въ дорогѣ. Неужели я ѣду въ Россію? я этому почти не вѣрю. Я боюсь за свое здоровье. Я же теперь совсѣмъ отвыкъ отъ холодовъ: каково мнѣ переносить? Но обстоятельства мои такого рода, что я непремѣнно долженъ ѣхать: выпускъ моихъ сестеръ изъ института, которыхъ я долженъ устроить судьбу и чего нѣтъ возможности никакой поручить кому-нибудь другому. Словомъ, я долженъ ѣхать, не смотря на все мое нежеланіе. Но какъ только обдѣлаю два дѣла — одно относительно сестеръ, другое драмы, если только будетъ на это воля всемогущаго Бога, доселѣ помогавшаго мнѣ въ этомъ, какъ только это улажу, то въ февралѣ уже полечу въ Римъ и, я думаю, тебя еще застану тамъ. Между тѣмъ я сижу всё еще въ Вѣнѣ. Погодина еще нѣтъ. Время стоитъ прекрасное. Тепло и вѣчно хорошая погода.

Прощай. Пиши и не забудь просьбы...

Къ М. П. Погодину.

1839 г., августа 15. Маріенбадъ.

Благодарю тебя много за твою записку изъ Егера. Слова ея утѣшительны. Мнѣ было очень пріятно ее читать. Благодарю. Еще недѣли на полторы остаюсь въ Маріенбадѣ. Время настало ясное, дождей нѣтъ. Ничего особеннаго со мною не случилось. Слышу пустоту безъ тебя, но не грущу. Малороссійскія пѣсни со мною. Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной. Прощай, мой безцѣнный, и будь здоровъ. Равномѣрное желаніе посылаю и Елисаветѣ Васильевнѣ.

Бенардаки еще не получалъ ни письма, ни коляски. Онъ тебѣ кланяется.

Къ С. П. Шевыреву.

Вѣна. 25 августа (1839).

Я хотѣлъ писать къ тебѣ съ Погодинымъ и совершенно обезтолковѣлъ въ день его выѣзда; даже позабылъ, что онъ долженъ ѣхать черезъ Мюнхенъ. Я сегодня только, виноватъ, вчера пріѣхалъ въ Вѣну. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Маріенбада получилъ письмо отъ Погодина изъ Мюнхена, въ которомъ онъ говоритъ о тебѣ и пересылкѣ какой-то статуйки Фіезоле, о которой я ничего не знаю и которую ты перешлешь. Мнѣ бы слѣдовало сходить на почту и узнать, не написалъ ли и ты чего-нибудь ко мнѣ, но не хочется потерять утра и хочется хотя два-три слова написать къ тебѣ. Это желаніе сердца—хотя эти два; три слова вовсе пустыя и не значатъ ничего, но въ нихъ нуждалось сердце. Я еще не видѣлъ тебя ни разу, послѣ нашего *ты*. Ты теперь мнѣ гораздо дороже и ближе, чѣмъ прежде, и мнѣ жаль, что я не скоро буду видѣться съ тобою.... Теперь о себѣ. Что я въ Маріенбадѣ, ты это зналъ. Лучше ли мнѣ, или хуже, Богъ его знаетъ. Это рѣшитъ время. Говорятъ, слѣдствія водъ могутъ быть видимы только послѣ. Но что̀ главное и что̀, можетъ быть, тебя заинтересуетъ [ибо ты лю-

бишь меня, какъ и я люблю тебя] это—посѣщеніе, которое сдѣлало мнѣ вдохновеніе. Передо мною выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена козачества, и, если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что̀ нынѣ рѣдко случается. Благослови!

Напиши мнѣ, часто ли получаешь вѣсти изъ Рима и что дѣлаетъ С* Б***, каково ей понравилась жизнь во Фраскати, и отъ меня самый добрый и здравожелательный поклонъ. О Римъ, Римъ! мнѣ кажется, пять лѣтъ я въ тебѣ не былъ. Кромѣ Рима, нѣтъ Рима на свѣтѣ, хотѣлъ было сказать — счастія и радости, да Римъ больше, чѣмъ счастіе и радость. Адресуй мнѣ письмо въ poste restante. Я еще думаю, проживу столько въ Вѣнѣ, чтобы получить болѣе, чѣмъ одно письмо твое. Впрочемъ пиши тогда, когда тебѣ захочется. Мнѣ всегда казалось странно требовать непремѣнно въ извѣстное время письма. Это для писемъ должностныхъ, а для писемъ вольныхъ, сердечныхъ, нѣтъ правила: они напишутся скорѣе и быстрѣе, чѣмъ думаешь, если только ихъ требуетъ сердце...

На дняхъ пріѣдетъ къ вамъ, если уже не пріѣхалъ, Иноземцовъ, которому отдай пожалуста это письмо.

Къ матери.

Вѣна. 1839, августа 28.

Всё-таки я отъ васъ не получаю писемъ. Я вамъ, кажется, адрессъ такой доставилъ, по которому нельзя и думать, чтобы письма могли меня не найти, или до меня не дойти. Вотъ вамъ еще одинъ адрессъ: лучше всего адресуйте въ Москву на имя Погодина, который мнѣ доставитъ ихъ аккуратно и даже черезъ курьера, что̀ будетъ еще скорѣе и исправнѣе...

Къ октябрю, или ноябрю, можетъ быть, я самъ буду въ Москву. Знаю, что дѣлаю дурно, что мнѣ рано еще возвращаться въ Россію, что здоровье мое не укрѣпилось и что я испорчу этимъ все; но что̀ дѣлать? Нужно ѣхать выкупать сестеръ изъ института и

устроить сколько можно лучше ихъ судьбу. Богъ милостивъ, авось-либо удастся хорошо обдѣлать это дѣло. Во всякомъ случаѣ, нужно смотрѣть только на то, что̀ истинно и существенно имъ полезно, и умѣть жертвовать всѣмъ для ихъ счастія. Но я не могу теперь много писать. Когда получу ваше письмо, котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ, тогда. Теперь прощайте…

Къ сестрамъ Елисаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

Вѣна. Сентября 15 (1839).

А! наконецъ я получилъ ваше письмо. — — Знаете ли, что я за милліоны не согласился бы пріѣхать въ Петербургъ, если бы не вы? Итакъ вы можете изъ этого судить, меньше ли я васъ люблю, чѣмъ вы меня. Завтра я ѣду изъ Вѣны. Черезъ полтора мѣсяца, я думаю, буду въ Петербургѣ, если не позже. Письмо мое, какъ видно, къ вамъ было скоро доставлено. Вы видѣли ли Б**** и какъ ея здоровье? лучше ли? Она всё была больна. Напишите мнѣ, кто у васъ бываетъ чаще. Извѣстите меня также, гдѣ теперь Андр. Андр. и Ольга Дмит. Т****, въ Петербургѣ, или нѣтъ. Мнѣ это очень нужно знать. Если они на-случай въ Петербургѣ, то передайте имъ мой поклонъ и скажите, что я писалъ къ нимъ и собирался еще писать, но остановился за незнаніемъ ихъ мѣстопребыванія и что я непремѣнно отыщу ихъ гдѣ бы то ни было и принесу имъ лично мою благодарность за все то, что̀ они дѣлали для васъ и для всего нашего семейства.

Увѣдомьте меня также, какія перемѣны у васъ въ институтѣ и кто тамъ остался изъ тѣхъ, которые меня еще помнятъ…

Прощайте, мои безцѣнныя! Будьте здоровы! Не замедлите вашимъ отвѣтомъ.

Много васъ любящій братъ,
Николай Гоголь.

Когда вы получили письма отъ маминьки? и что̀ вамъ пишутъ?

Къ А. А. Иванову.

Вѣна. Сентября 20 (1839).

Здоровы ли вы и какъ поживаете, почтеннѣйшій Signor Alexandro, какъ называетъ Луиджи? Я къ вамъ пишу потому, что полагаю васъ уже въ Римѣ, возвратившимся изъ Венеціи, безъ сомнѣнія, съ большою пользою и оконченнымъ schizzo вашей большой картины подъ мышкой, въ чемъ помогай вамъ Богъ! Я, между прочимъ, исполнилъ вашу коммиссію, купилъ для васъ въ Женевѣ часы. Такихъ, какъ хотѣли, я не сыскалъ: то есть, серебряныхъ плоскихъ, съ золотымъ ободкомъ. Ихъ уже не дѣлаютъ, а дѣлаютъ или всѣ серебряные и нѣсколько толще, или же золотые, изъ которыхъ добрые и вѣрные дороги. Подешевле же я не рѣшался купить, не будучи увѣренъ въ настоящемъ и внутреннемъ ихъ достоинствѣ. Притомъ меньше 150 р. нѣтъ, а такъ какъ вы просили въ 100 р., то я ихъ не взялъ и хорошо сдѣлалъ, потому что скоро потомъ нашелъ у одного знакомаго мнѣ часового мастера. Именно такіе часы какъ хотѣлъ, серебряные съ золотымъ ободкомъ и тонкіе, извѣстной мнѣ доброй работы. Онъ носилъ эти часы самъ и для продажи ихъ не назначалъ, но я упросилъ его уступить за 90 р., что̀ я нахожу очень недорого. Онъ же къ тому жъ и всѣ ихъ вызолотилъ, такъ что они имѣютъ видъ золотыхъ. Вы ихъ получите скоро послѣ этого письма вмѣстѣ съ моею палкою, которая служила мнѣ въ Римѣ и которую прошу поставить въ углу вашей комнаты до моего пріѣзда. Вы получите также три дюжины Вѣнскихъ карандашей, которые я нахожу очень хорошими. Одну дюжину изъ нихъ возьмите себѣ, другую отдайте Моллеру; а третью оставьте для меня. Въ этой же посылкѣ четыре серебряныхъ стакана, которые пусть у васъ до моего пріѣзда. Вы явитесь къ К*** и спросите только слѣдующую на ваше имя посылку.

Я къ сожалѣнію не буду въ Римѣ раньше февраля. Никакъ не могу отклониться отъ неотразимой для меня поѣздки въ Петербургъ. Но въ февралѣ непремѣнно намѣренъ очутиться на Via Felice и на моей старой квартирѣ, и мы вновь примемся съ вами за

capretto arrosto и asciuto. А до того времени прощайте и будьте здоровы.

Да, просьба къ вамъ, чтобы не позабыть. Навѣдайтесь на почту, и если есть письма ко мнѣ, то возьмите ихъ, заплативъ за нихъ что̀ слѣдуетъ и удержите ихъ у себя до моего пріѣзда. Не дурно бы это повторять каждый мѣсяцъ, потому что ко мнѣ часто пишутъ знакомые и незнакомые, знающіе только по слуху, что я долженъ быть въ Римѣ. Я думаю, Рихтеръ уже давно оставилъ Римъ. Эту маленькую записочку отдайте Моллеру вмѣстѣ съ моимъ поклономъ. Да еще. Если случится время, побывайте у меня на квартирѣ и скажите моему хозяину, что я не буду въ октябрѣ въ Римѣ, что деньгами онъ можетъ располагать, какъ хочетъ, но что вещи въ сундукѣ пусть онъ держитъ до моего пріѣзда, что я буду непремѣнно если не въ февралѣ, то въ мартѣ непремѣнно. Если вы уже обзавелись часами, то всё-таки удержите ихъ у себя. Мнѣ понадобятся...

Къ С. П. Шевыреву.

1839. Вѣна. Сентября 21.

Пишу къ тебѣ на самомъ выѣздѣ. Благодарю за письмо, а за стихи вдвое. Прекрасно, полно, сильно! Переводъ, ка̀ковъ долженъ быть на Русскомъ языкѣ, Данта. Это же еще первыя твои пѣсни, еще не совершенно расписался ты, а что̀ будетъ дальше! Люби тебя Богъ за это, и тысячи тебѣ благословеній за этотъ трудъ. Больше некогда сказать ничего. Пиши ко мнѣ въ Москву и пришли ко мнѣ еще нѣсколько листиковъ. Нико̀му не покажу и сохраню ихъ у себя въ портфелѣ. Прощай. Незабывай...

Къ матери.

Тріестъ. 26 сентября, 1839.

Меня очень удивило ваше письмо, писанное отъ августа и полученное мною черезъ Богемію. Вы, вѣрно, нехорошо прочитали мое письмо. Я вовсе не писалъ, что буду въ Маріенбадѣ, и тѣмъ болѣе — съ намѣреніемъ оттуда ѣхать въ Россію. Черезъ Богемію я

потому просилъ васъ адрессовать письма, что они будутъ отправлены съ курьеромъ вдвое скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ по почтѣ.

На счетъ же моей поѣздки я еще ничего рѣшительно не предпринялъ. Я живу въ Тріестѣ, гдѣ началъ морскія ванны, которыя мнѣ стали-было дѣлать пользу; но я долженъ ихъ прекратить, потому что поздно началъ. Съ будущей весной ихъ продолжаю. Если я буду въ Россіи, то это будетъ никакъ не раньше ноября мѣсяца, и то, если найду для этого удобный случай и если эта поѣздка меня не разоритъ. Путешествіе же зимою по Россіи несравненно дешевлѣе. Если бы не обязанность моя быть при выпускѣ моихъ сестеръ и устроить по возможности лучше судьбу ихъ, то я бы не сдѣлалъ подобнаго дурачества и не рисковалъ бы такъ своимъ здоровьемъ, за что вы, безъ сомнѣнія, какъ благоразумная мать, меня первыя станете укорять. Но есть обязанности, которыя нужно выполнить и гдѣ, признаюсь, безъ личнаго моего присутствія я не думаю быть успѣху. Итакъ я не хочу васъ льстить напрасною надеждою. Можетъ быть, увидимся нынѣшнюю зиму; можетъ быть, нѣтъ. Если жъ увидимся, то не пѣняйте, что на короткое время. Завтра отправляюсь въ Вѣну, чтобы быть поближе къ вамъ.

Письма адрессуйте такъ, какъ я вамъ сказалъ: въ Москву, на имя профессора Московскаго университета, Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ. Не примите опять этого адресса въ томъ смыслѣ, чтобы я былъ скоро въ Москвѣ; но это дѣлается для того, чтобы ваши письма дошли до меня вѣрнѣе: онѣ будутъ доставлены изъ Москвы съ казеннымъ курьеромъ, и вы, стало быть, заплатите за нихъ только до Москвы, что̀ сдѣлаетъ большую разницу.

Тріестъ — кипящій торговый городъ, гдѣ половина Италіянцевъ, половина Славянъ, которые говорятъ почти по-Русски, языкомъ очень близкимъ къ нашему Малороссійскому. Прекрасное Адріатическое море передо мною, волны котораго на меня повѣяли здоровьемъ. Жаль, что я началъ поздно мои купанья. Но на слѣдующій годъ постараюсь вознаградить.

Прощайте, безцѣнная маминька; будьте здоровы и пишите. Теперь вы можете писать чаще: письма ваши будутъ скорѣе получаться мною...

Къ ней же.

1839, октября 24. Вѣна.

Я сегодня выѣзжаю. Рѣшено, я ѣду въ Россію на малое время, на время, какое позволитъ мнѣ пробыть мое здоровье. Но во всякомъ случаѣ я постараюсь съ вами увидѣться, и если мое путешествіе меня слишкомъ утомитъ и я не въ состояніи буду пріѣхать къ вамъ по первой зимней дорогѣ, то я васъ попрошу къ себѣ. Мѣсто свиданія нашего будетъ, я думаю, Москва. Туда я думаю привезть и сестеръ. — — —

Къ ней же.

Вѣна. Октября 28, 1839 г.

Итакъ я выѣзжаю сегодня въ Россію; чрезъ мѣсяца полтора, или два буду въ С. Петербургѣ, а недѣли черезъ двѣ послѣ этого въ Москвѣ, и тамъ, какъ только сколько-нибудь устроюсь и буду имѣть какой-нибудь пріютъ, напишу вамъ, вмѣстѣ съ приглашеніемъ пріѣхать ко мнѣ, потому что мнѣ не будетъ никакой возможности вновь дѣлать такую страшную дорогу. Я думаю, въ последнихъ числахъ января, или февраля, я буду имѣть удовольствіе увидѣть васъ. Впрочемъ я васъ увѣдомлю письмомъ, когда вамъ можно будетъ пріѣхать. До того времени не дурно бы было, если бы вы прислали по почтѣ рубашки и бѣлье моимъ сестрамъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Адрейссуйте посылку на имя Погодина въ Москву. На всякой случай приложите и мнѣ рубашки, которыя у васъ сдѣланы. Если онѣ не будутъ такъ годиться, то я буду ихъ надѣвать по ночамъ, что̀ мнѣ необходимо. Затѣмъ будьте здоровы и покойны. Не заботьтесь ничѣмъ. Можетъ быть, Богъ поможетъ мнѣ какъ-нибудь устроиться съ нашими дѣлами. Да, ради Бога, не скрывайте отъ меня положенія дѣлъ нашихъ. Я знаю очень хорошо, что дѣла наши по имѣнію дурны, какъ только возможно хуже, и потому прошу изъяснить все, не скрывая ничего; а безъ того не придумаешь, какъ помочь. Да сестрѣ повторите, чтобы она похло-

потала заблаговременно и хорошенько о бумагахъ и свидѣтельствахъ, о службѣ и дворянствѣ своего мужа, если хочетъ, чтобы сынъ ея былъ куда-нибудь опредѣленъ...

Къ М. П. Погодину.

СПб. Ноября 4, 1839 г.

Я къ тебѣ собирался писать, душа моя и жизнь, прежде, но отсрочивалъ, покамѣстъ не пойдутъ успѣшно мои дѣла, чтобы было о чемъ увѣдомить. Но до сихъ поръ всё еще туго. По поводу моихъ сестёръ, столько мнѣ дѣлъ и потребностей денежныхъ, какъ я никакъ не ожидалъ: за одну музыку и братые ими уроки нужно заплатить болѣе тысячи, да притомъ на обмундировку, то, другое, такъ что у меня голова кружится. Надѣюсь на Жуковскаго, но до сихъ поръ ника(кого) вѣрнаго отвѣта не получилъ. Правда, что время не очень благопріятное.

Твое письмо, или лучше — два пакета я получилъ въ одинъ день. Нисколько не одобряю твое намѣреніе издавать »Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ« и даже удивляюсь, какъ тебѣ пришлось это. Ужъ коли выходить въ свѣтъ, да притомъ тебѣ и въ это время, то нужно выходить серьезно, дѣльно, увѣсисто, сильно. Ужъ лучше, коли такъ, настоящій, серьезный журналъ. Но что̀ такое могутъ быть эти прибавленія? Какъ бы то ни было, мелкія статейки, всякой дрязгъ. Если жъ попадетъ между ними и значительная статья, то она будетъ совершенно затеряна. Притомъ на нихъ издержать и первый пылъ приступа, и горячую охоту начала, и наконецъ статьи, которыя, накопившись, дали бы полновѣсность и гущину будущему дѣльному журналу. И охота же тебѣ утверждать самому о себѣ несправедливо обращающееся въ свѣтѣ о тебѣ мнѣніе, что неспособенъ къ долгому и истинно серьезному труду, а горячо берешься за все вдругъ, и т. подоб. Ради Бога, подумай хорошенько и разсмотри со всѣхъ сторонъ. Помни твердо, что тебѣ нужно такимъ образомъ теперь начать, чтобы было уже разъ навсегда, чтобы это было неизмѣнно и неотразимо. Въ нынѣшнемъ твоемъ намѣреніи, я знаю, ты соблазнился кажу-

щеюся при первомъ взглядѣ выгодою, и не правда ли? тебѣ кажется, что листки будутъ расходиться въ большомъ количествѣ. Клянусь, ты здѣсь жестоко обманываешъ(ся)! Если бы ты имѣлъ мѣсто въ самихъ »Московскихъ Вѣдомостяхъ«, это другое дѣло. У тебя ихъ разойдется много. Но вѣдь ты издаешь за особенную цѣну, отдѣльную отъ »Вѣдомостей«. Если жъ ты надѣешься на читателей, неподписывающихся на »Московскія Вѣдомости«, еще болѣе обманешься. Ужъ самое имя »Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ« никого не привлечетъ. Тутъ никакого нѣтъ электрическаго, даже просто эффектнаго потрясенія. Къ тому жъ, это не политическіе, исполненные движенія современнаго листки, которые одни могутъ только разойтиться; но никогда еще не было примѣру, чтобъ листки, посвященные собственно литературѣ, крохотная литературная газета, имѣла у насъ какой-нибудь успѣхъ. Конечно есть вѣроятность успѣха и подобнаго предпріятія, но только когда? Тогда, когда издатель пожертвуетъ всѣмъ и броситъ все для нее, когда онъ превратится въ неумолкающаго гаэра, будетъ ловить всѣ движенія толпы, глядѣть ей безостановочно въ глаза угадывать всѣ ея желанія и малѣйшія движенія, веселить, смѣшить ее. Но для всего этого, къ счастію, ты неспособенъ. А безъ того что? Неужели ты думаешь, что статьи солидныя, будучи помѣщены въ газетные листки, займутъ кого-нибудь и надолго останут(ся)? Ихъ жизнь будетъ жизнь газеты... по прочтеніи пойдутъ на извѣстное употребленіе. Вся разница, что, можетъ быть, даже еще прежде прочтенія. Статья умная, сильная, глубокая въ ежедневномъ листкѣ! Неужели тебѣ не бросается это ярко въ глаза? Это все равно, что Пушкинъ на вечерѣ у NN между NN и прочимъ литературнымъ дрязгомъ. Но и это сравненіе еще не сильно и не подходитъ къ настоящей истинѣ. Спрашивается: какая надобность литературѣ быть еженедѣльной? и гдѣ наростутъ новости въ теченіе трехъ, четырехъ дней у насъ, и еще въ нынѣшнее время? А безъ современности зачѣмъ листокъ? Ты самъ знаешь, что у насъ книжное чтеніе больше въ ходу, чѣмъ журнальное, и что журналы, для того чтобы расходиться, принуждены наконецъ принимать наружность книгъ [къ сожалѣнію только въ буквальномъ значеніи]. Да и укажи мнѣ гдѣ-либо въ какомъ бы

ни было государствѣ, чтобы была въ ходу какая-нибудь чисто литературная газета. Всѣ Revue Парижскіе издаются книжками. Что должно быть опредѣлено для переплета, то для переплета, что для — — то для — — Не смѣшивай же двухъ этихъ вещей, никогда несоединяющихся вмѣстѣ. На переворотъ ничего не можемъ сдѣлать. Нѣтъ, ты, просто, не разсмотрѣлъ этого дѣла. Я никогда не думалъ отъ тебя услышать это. Ты меня, просто, озадачилъ. Нѣтъ, во что бы то ни стало, но я посланъ Богомъ воспрепятствовать тебѣ въ этомъ. Какъ ты меня охладилъ и разстроилъ этимъ извѣстіемъ, если бъ ты только зналъ! Я составлялъ и носилъ въ головѣ идею вѣрно обдуманнаго, непреложнаго журнала, заключателя въ себѣ и сѣятеля истинъ и добра. Я готовилъ даже и отъ себя написать нѣкоторыя статьи для него, пользуясь временемъ весны и будущаго лѣта, которыя будутъ у меня свободны, я, который далъ клятву никогда не участвовать ни въ какомъ журналѣ и не давать никуда своихъ статей. А теперь и я опустился духомъ: ты начнешь эти прибавленія, ты оборвешься и подорвешься на нихъ, и охладѣешь потомъ для изданія серьезнаго предпріятія. Ради Бога, разсмотри внимательно и основательно, и со всѣхъ сторонъ это дѣло. Что это у тебя за духъ теперь бурлитъ, неугомонный духъ, который такъ вотъ и тянетъ тебя на журналъ, когда ты еще не обсмотрѣлся даже вокругъ себя со времени своего пріѣзда? Нѣтъ, это будетъ лежать на моей совѣсти. Я буду просить тебя, на колѣняхъ буду валяться у ногъ твоихъ. Жизнь и душа моя, ты знаешь, что ты мнѣ дорогъ, что ты моя жизнь точно. Не будетъ, клянусь, не будетъ никакого успѣха въ твоемъ дѣлѣ! И я не вынесу, видя твои неудачи, и это уже заранѣе отравитъ мое пребываніе въ Москвѣ, и на меня въ состояніи навести неподвижность. Отдайся мнѣ. Обсудимъ, обсмотримъ хорошо, употребимъ значительное время на пріуготовленіе, потому что дѣло точно значительно, и, клянусь, тогда будетъ хорошо! Я много говорилъ, но, кажется, всё еще мало.

Я здѣсь пробуду еще полторы недѣли и къ 20 ноября непремѣнно въ Москвѣ вмѣстѣ съ Аксаковымъ. Мои сестры очень милы и добры, и я радъ очень, что беру ихъ теперь, а по какимъ причинамъ, я тебѣ скажу послѣ. Поцѣлуй 50 разъ ручки Елизаветы

Васильевны. Если бъ ты зналъ, какъ я безъ васъ соскучилъ! Не смотря на многихъ моихъ истинныхъ друзей, дѣлающихъ мое пребываніе здѣсь сноснымъ, не смотря на это, не вижу часу ѣхать въ Москву и весь бы летѣлъ къ вамъ сію же минуту.

Какъ я радъ, если ты помѣстишь сестеръ возлѣ меня въ комнаткѣ наверху! Мнѣ, признаюсь, очень было совѣстно лишить Елизавету Ѳоминишну на время всѣхъ удобствъ и занять ея комнату; но какъ ты сказалъ, что она съ охотою уступаетъ, то я въ восторгѣ. Онѣ будутъ покамѣстъ переводить и работать для будущаго журнала и для меня. Я хочу ихъ совершенно пріучить къ трудолюбивой и дѣятельной жизни. Онѣ должны быть готовы на все. Богъ знаетъ, какая ихъ будущность ждетъ.

Прощай, ангелъ мой. Пиши и дай мнѣ скорѣе твой голосъ и отвѣтъ. Охъ, если бы ты зналъ, какъ мнѣ хочется скорѣе развязаться съ Петербургомъ! Боже, Боже! когда я увижу часъ своего отъѣзда? Умираю отъ нетерпѣнія. Но все еще идетъ довольно дурно. Мои дѣла клеятся плохо. Аксаковъ, кажется, не думаетъ скоро управиться тоже съ своими. Боже, если я и къ 20 ноябрю, не буду еще въ Москвѣ! Просто, страшно. Цѣлую и обнимаю тебя милліонъ разъ, ангелъ мой. Будь здоровъ, и да хранитъ тебя во всемъ вышняя сила. Душа моя, какъ я безъ тебя соскучился!...

Къ нему же.

1839 г. 27 ноября.

Не сердись на меня. Ей Богу, не могу писать: кажется, какъбудто на каждой рукѣ по четыре пуда тяжести. Право, не подымаются. Я не понимаю, что со мною дѣлается. Какъ пошла моя жизнь въ Петербургѣ! Ни о чемъ не могу думать, ничто не идетъ въ голову. Какъ вспомню, что я здѣсь убилъ мѣсяцъ уже времени — ужасно! А всё виною Аксаковъ. Онъ меня выкупилъ изъ бѣды, онъ же меня и посадилъ. Мнѣ ужасно хотѣлось возвратиться съ нимъ вмѣстѣ въ Москву. Я же такъ полюбилъ его истинно душою. Притомъ для моихъ сестеръ компанія и вся нужная прислуга; словомъ, все заставляло меня дожидаться. Онъ меня

всё обнадеживалъ скорымъ выѣздомъ — черезъ недѣлю, черезъ недѣлю; а между тѣмъ уже мѣсяцъ. Если бъ я зналъ это впередъ, я бы непремѣнно выѣхалъ 14 ноября. У меня же все готово совершенно; сестры одѣты и упакованы, какъ слѣдуетъ. Ахъ, тоска! Я уже успѣлъ одинъ разъ заболѣть: простудилъ горло и зубы, и щеки. Теперь, слава Богу, все прошло. Какъ здѣсь холодно! И привѣтъ, и пожатія, часто, можетъ быть, искреннія, но мнѣ отвсюду несетъ морозомъ. Я здѣсь не на мѣстѣ.

Для сестеръ ничего не нужно, кромѣ двухъ кроватей. У нихъ все есть, отъ платьевъ до бѣлья, съ собою.

Передай мой братской поцѣлуй Елизаветѣ Васильевнѣ. Скажи, что сгараю нетерпѣньемъ привезти его лично. Перецѣлуй малютокъ, моихъ племянниковъ. Коли будешь видѣть Елизавету Григорьевну, скажи ей, что я страшно скучаю въ Петербургѣ. Обними Щепкина. О Боже, Боже! когда я выѣду изъ этого Петербурга! Аксаковъ меня увѣряетъ, какъ навѣрное, что 7 декабря будетъ этотъ благодатный день. Неужели онъ опять обманетъ? Не дай Богъ!

Душенька, обнимаю тебя. Прощай. Обними Нащокина, какъ увидишь.

Къ А. С. Данилевскому.

29 декабря 1839 года.

Да, я въ Россіи. Послѣднюю нужно принести жертву. Присутствіе мое было необходимо. Мнѣ нужно было обстроить дѣло хотя одно изъ всѣхъ нашихъ семейственныхъ — — Я былъ въ Петербургѣ и взялъ оттуда сестеръ. Онѣ будутъ жить въ Москвѣ; гдѣ-нибудь я ихъ пристрою, хотя у кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ — — — Имѣніе наше во всякомъ отношеніи можно назвать хорошимъ. Мужики богаты; земли довольно; въ годъ четыре ярмарки, изъ которыхъ скотная, въ мартѣ, одна изъ важнѣйшихъ въ нашей губерніи. Всѣ средства для сбыта. Купцы платятъ мужикамъ за наемъ загоновъ, хлѣвовъ и ночлеговъ, не говоря уже о мелочахъ за доски, за лѣсъ для постройки и наконецъ за всѣ тѣ потребности, которыя рождаетъ стеченіе народа. Все это, не го-

воря уже о выгодахъ экономическихъ и удобствѣ сбывать на мѣстѣ хозяйственныя произведенія, доставляетъ возможность крестьянину быть болѣе состоятельнымъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, и съ крестьянъ же ничего не берется за это — никакихъ пошлинъ, и вообще нигдѣ такъ не облегчены крестьяне, какъ у насъ. — — —

Я не буду въ Малороссіи и не имѣю никакой возможности (это) сдѣлать; но, желая исполнить сыновній долгъ, то есть, доставить случай маминькѣ меня видѣть, приглашаю ее въ Москву, на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь немалый въ мой любезный Римъ: тамъ только найду успокоеніе. Духъ мой страдаетъ. — — Еще лучше ты сдѣлаешь, если пріѣдешь вмѣстѣ съ маминькой моей въ Москву: и ей въ дорогѣ будетъ лучше, и тебѣ дешевле, и мнѣ пріятнѣе, потому что я буду имѣть случай тебя еще разъ обнять. Въ деревнѣ тебѣ жить не вижу необходимости. Ужъ тебѣ врядъ ли поправить хозяйство...

Къ Н. Н. Ш—вой (1).

Благодарю васъ за ваши три письма. Мы должны были сойтись и сблизиться душой. Въ томъ высшая воля Бога. Самое это ваше участье и влеченье ко мнѣ, и молитвы обо мнѣ — все говоритъ о сей волѣ. Не стану вамъ говорить ничего болѣе. Вы чувствуете въ глубинѣ вашей души, каковы должны быть отношенія мои къ вамъ. Въ минуты торжественныхъ минутъ моихъ я вспомню о васъ! А вы — вы помолитесь обо мнѣ... не объ удачахъ и временныхъ успѣхахъ молитесь [мы не можемъ судить, что̀ удача, или неудача, счастье, или несчастье], но молитесь о томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ, и минутой была чище и чище душа моя. Мнѣ нужно быть слишкомъ чисту душой. Долгое воспитанье еще предстоитъ мнѣ, великая, трудная лѣстница. Молитесь же о томъ, да ниспошлются съ небесъ мнѣ неслабнущія силы. Посылаю вамъ душевное объятіе мое...

---

(1) Точнаго порядка писемъ къ Н. Н. Ш—вой я не могъ опредѣлить. *П. К.*

Къ ней же.

Письмо ваше, добрый другъ мой Надежда Николаевна, я получилъ уже въ Петербургѣ. Въ Москвѣ я ожидалъ вашего пріѣзда, или отвѣта отъ васъ, потому что Шевыревъ посылалъ вамъ дать знать о моемъ пріѣздѣ. Мнѣ было жалко выѣхать изъ Москвы, васъ не видавши, но такъ какъ я надѣялся чрезъ три недѣли возвратиться назадъ, то и не предпринялъ поѣздки въ Рузу для свиданія съ вами. Душевно благодарю за строки письма вашего, исполненныя по-прежнему любви и участія. Скоро надѣюсь поблагодарить васъ лично за все...

Къ В. А. Жуковскому.

(1840. Изъ Москвы).

Я получилъ ваше письмо, въ немъ же радостная вѣсть моего освобожденія. Римъ мой! Употреблю всѣ силы, все, что въ состояніи еще подвигнуться моею волею. А о благодарности нечего и говорить: вы понимаете, какъ она должна быть сильна. Что я употреблю все, вы этому должны повѣрить потому, что я для этого живу и существую, и, дастъ Богъ, выплачу мой долгъ. Деньги отправьте или съ Тургеневымъ, или еще лучше—передайте Погодину, который теперь въ Петербургѣ и который мнѣ ихъ передастъ и привезетъ. У вашихъ теперь не случилось. Обнимаю васъ несчетно, мой избавитель!

Вашъ Гоголь.

Къ М. П. Погодину.

1840 г. (Изъ Москвы).

Жуковскій досталъ для меня денегъ 4,000. Я просилъ его, чтобы передалъ онъ тебѣ, и ты уже привезъ бы ихъ ко мнѣ. И такъ я имѣю надежду ѣхать скорѣе въ Римъ и сколько-нибудь раз-

вязаться съ моими обстоятельствами. Мнѣ бы хотѣлось теперь же послать сколько-нибудь домой; но не знаю, какъ это сдѣлать. Теперь у меня подъ рукой нигдѣ не имѣется въ виду достать. Отправь пожалуста скорѣе это письмецо Жуковскому. Сколько тебѣ нужно, возьми изъ этой суммы на свои надобности.

Обнимаю тебя, душа, и жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о тебѣ.

Къ сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ.

(1840. Въ Москвѣ).

Я на тебя больше не сержусь. Но я теперь слишкомъ боленъ, боленъ въ душѣ; у меня много горя — вотъ причина. Будь спокойна. Я тебѣ объясню все. Въ воскресенье пріѣзжай ко мнѣ. А до того врядъ ли мнѣ удастся быть у васъ. Я вчера у Аксаковыхъ въ-силу могъ двигаться. Прощай! Я на тебя не сержусь. Не грусти и будь весела.

Къ ней же.

(1840. Въ Москвѣ).

Здравствуй, Лиза! цѣлую тебя. Я надѣюсь, что ты уже не спишь, умылась и даже вспомнила обо мнѣ. А я о тебѣ сейчасъ вспомнилъ, какъ только проснулся. Посылаю тебѣ 258, изъ которыхъ ты пятнадцать можешь взять себѣ и даже больше, какъ придется по разсчету. А мнѣ купи на остальные вотъ чего: 3 фунта сахару, который потомъ изруби въ куски и въ такомъ видѣ доставь, 2 фунта Калетовскихъ свѣчей и фунтъ Левантскаго кофію. Да смотри, покупай бойко и не позволь себя надуть никому. Прощай, жизнь моя, до третьяго часу, — не такъ ли?

Къ ней же.

(1840. Въ Москвѣ).

Пишу тебѣ два слова, въ отвѣтъ на твое письмо. Ты очень мнительна, когда дѣло идетъ до собственнаго твоего здоровья. Это

грѣхъ. Будь бодра и дѣятельна, будь съ утра и до вечера на ногахъ — и мнительность къ тебѣ не пристанетъ. Когда же случится тебѣ быть больной, то занимайся въ это время тѣмъ, чѣмъ можно заниматься въ постелѣ, и чаще молись, чтобы умъ твой не былъ ни на минуту празденъ и не имѣлъ бы времени выдумывать чего-нибудь соблазнитель(наго) и вводящаго въ грѣхъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Письмо М****, о которомъ ты спрашиваешь, я получилъ давно, и если ей пріятенъ отвѣтъ, то отправь при семъ приложенную записочку и скажи ей, что я всегда признателенъ ей за ея любовь къ тебѣ. Затѣмъ Богъ да хранитъ тебя! Прощай.

Счеты не позабывай свести аккуратно, чтобы было что̀ показать мнѣ по пріѣздѣ.

Къ М. П. Погодину.

1840 г., января 25. (Изъ Москвы).

Здраствуй, душа и жизнь моя! Что̀ ты дѣлаешь? Какъ поживаешь? Какъ идутъ дѣла твои? Здоровъ ли ты, спокоенъ ли духомъ? Не томи меня и извѣсти объ этомъ. Въ теперешнія мои минуты это одно, которое мнѣ можетъ доставить отраду. О, еслибъ ты былъ счастливъ и все везло тебѣ! Ты счастливъ внутри себя, собою, но нужно, чтобы и снаружи — чтобы не смутило тебя низкое, пошлое внѣшнее, котораго мертвящій гнетъ лежитъ теперь на раменахъ моихъ. О, выгони меня, ради Бога и всего святого, вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе! Я погибну. Еще, можетъ быть, возможно для меня освѣженіе. Не можетъ быть, чтобы я совсѣмъ умеръ, чтобы все возвышенное застыло въ груди моей безъ вызова. Спаси меня и выгони вонъ скорѣе, хотя бы даже и самъ просилъ тебя повременить и обождать.

Но что̀ ты дѣлаешь, жизнь моя? извѣсти меня, какъ твои оффиціальности, и какъ расположены къ тебѣ, хорошо или нѣтъ. Здѣсь у тебя, или у насъ, все благополучно. На дняхъ одна какая-то дама, въ родѣ прежней, купившей у тебя домъ на Мясницкой, хотѣла покупать твой домъ, потому что ей именно такой требовался. Я

ее ожидалъ каждый день, но до сихъ поръ еще не являлась. Если на случай явится она, или кто другой, то я сказалъ Лизаветѣ Васильевнѣ, чтобы она говорила, что нужно подождать твоего пріѣзда, но что ты, однакожъ, меньше 80,000 не намѣренъ отдавать. Пожалуста отправь эти письма. Одно можешь самъ отдать Одовскому и отъ него получить небольшую посылочку, которую привезешь мнѣ.

Прощай. Обнимаю и цѣлую несчетно.

Къ матери.

1840, января 25. Москва.

Нѣтъ, моя дражайшая маминька, не принимайте моихъ словъ за упреки вамъ. Если я упрекалъ васъ, то упрекалъ за васъ же,— за то, что вы омрачаете вашъ духъ и смущаете мысли ваши, предаваясь воображенію тѣхъ случаевъ, которые никогда не могутъ быть,—за то, что не бережете себя, ни вашего драгоцѣннаго здоровья и что чрезъ это, наконецъ, мѣшаете себѣ заниматься дѣлами, нужными для васъ. О, чего бы не далъ я, чтобы помочь вамъ и облегчить вамъ ваше бремя! Но что̀ дѣлать? Богу, покамѣстъ, не угодно. Я трудился, бился, по силъ и здоровья моего не хватило. Въ теперешнія времена трудно и тяжко добывать состояніе и возможность жить безбѣдно. Но теперь-то болѣе, нежели когда либо, мы должны предаться Богу и не упасть духомъ, но шествовать твердо, зная, что чѣмъ сильнѣе грозитъ намъ крайность, тѣмъ болѣе и внимательнѣе надъ нами бодрствуетъ рука Вседержителя.

Если бъ вы знали, какъ бы мнѣ теперь хотѣлось повидаться съ вами! Но все возлагаю на Бога, какъ Онъ устроитъ. Если бы вы могли достать себѣ денегъ, хотя только на проѣздъ въ Москву! Тутъ бы какъ-нибудь и на проѣздъ отсюда я бы добылъ. Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы, чтобы вы увидѣли Москву. Это бы васъ развлекло, притомъ движеніе и переѣздъ васъ бы оживили. А. С. Данилевскій обѣщался мнѣ достать денегъ какъ только онъ получитъ съ Н****. Еслибъ это такъ устроилось, чтобы вы могли ѣхать съ

нимъ, какъ бы это было хорошо! Но, ради Бога, я васъ прошу, не падайте духомъ, будьте тверды вашею вѣрою, которая всегда васъ поддерживала.

Сестры, слава Богу, здоровы, не смотря на то, что не весьма крѣпкаго сложенія. Я имъ доставилъ общество не шумное и разсѣянное, но тихое и пріятное, которое бы дѣйствовало на ихъ нравственность. Къ счастію моему, сюда пріѣхалъ архимандритъ Макарій, мужъ извѣстный своею святою жизнью, рѣдкими добродѣтелями и пламенною ревностью къ вѣрѣ. Я просилъ его, и онъ такъ добръ, что, не смотря на неимѣнье времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и научаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ Христіянскимъ. Я самъ по нѣсколькимъ часамъ останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышалъ я, чтобы пастырь такъ глубоко, съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою мудростью и простотою говорилъ. Твердость, терпѣніе и неколебимая надежда на Бога — вотъ что̀ мы должны теперь избрать святымъ девизомъ нашимъ, дражайшая маменька. Теперь-то мы должны показать, что мы Христіяне и что бѣдствія ничто надъ нами и не властны поколебать насъ. Намъ грозитъ крайность. Это значитъ — насъ Богъ вызываетъ на битву. Онъ хочетъ поглядѣть на насъ, какъ мы пройдемъ по этому пути и справедливо ли то, что̀ мы говорили до сихъ поръ, будто мы вѣруемъ въ Него и на Него возлагаемъ надежду. Итакъ вы видите, маменька, что здѣсь-то мы должны показать присутствіе духа. Это экзаменъ, на которомъ мы должны показать, что̀ мы извлекли изо всей жизни и какъ учились Его святой наукѣ. Итакъ до свиданья, дражайшая маменька; ибо я все увѣренъ, что вы пріѣдете въ Москву къ намъ, покамѣстъ зимняя дорога и можно еще совершить легко путь сюда и обратно.

Сестры хотѣли тоже приписать къ вамъ.

Нѣжно любящій васъ сынъ,

Николай.

Если только есть возможность, то сготовляйтесь скорѣе въ дорогу, чтобы не утерять времени, такъ чтобы и назадъ возвратиться по зимнему пути. Бѣдненькія сестры хотѣли бы очень васъ увидѣть.

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

(1840. Изъ Москвы).

Посылаю тебѣ, милая моя Анетъ, твой браслетъ и почтовой бумаги для писемъ ко мнѣ и цѣлую тебя нѣсколько разъ заочно, душенька моя. Будь, ради Бога, тѣмъ, чѣмъ ты дала мнѣ слово быть, и помни всегда, что нарушить слово, данное мнѣ, будетъ съ твоей стороны такое преступленье, больше котораго ты не можешь сдѣлать. Но объ этомъ довольно. Я знаю, что ты меня любишь и что для тебя свято мое желаніе. Лиза день было-погрустила послѣ васъ, особливо когда вошла въ пустую комнату. Но на другой и на третій день развеселилась снова. Теперь она уже обожаетъ Р**скую, куда она переѣзжаетъ 10 мая. Прощай, душенька! Не забывай писать ко мнѣ обо всемъ, что̀ съ тобою случится. Пиши ко мнѣ на тоненькой бумагѣ и запечатывай облаткой безъ конверта, и, сдѣлавши мой адресъ, потомъ уже заключай въ пакетъ, и на пакетѣ надписуй адресъ только Погодина, а онъ, распечатавши его, выметъ оттуда твое письмецо и перешлетъ ко мнѣ.

Твой братъ.

Лиза тебѣ кланяется...

Къ М. П. Погодину.

(1840 г. Изъ Варшавы).

Здравствуй, душа! Мы доѣхали до Варшавы благополучно. Въ Вѣнѣ я ожидаю отъ тебя письма съ подробнымъ извѣстіемъ о томъ, чѣмъ тебя подарилъ Богъ, и кумъ ли я твой, и все ли благополучно, а до того цѣлую тебя. Поцѣлуй за меня Елизавету Васильевну. Прощай.

Въ моей комнатѣ остались на шкафчикѣ письма отъ лицъ близкихъ ко мнѣ. Пожалуста, прибереги ихъ и при случаѣ пришли ко мнѣ.

Къ С. Т. Аксакову.

Варшава. 10 іюня (1840).

Зравствуйте, мой добрый и близкій сердцу моему другъ Сергѣй Тимофѣевичъ! Грѣшно бы было, если бы я не отозвался къ вамъ съ дороги. Но что̀ я вздоръ несу! грѣшно! Я бы не посмотрѣлъ на то, грѣшно, или нѣтъ, прилично ли, или неприлично, и, вѣрно бы, не написалъ вамъ ни слова, особливо теперь, если бы здѣсь не дѣйствовало побужденіе душевное. Обнимаю васъ и цѣлую нѣсколько разъ. Мнѣ не кажется, что я съ вами разстался. Я васъ вижу возлѣ себя ежеминутно и даже такъ, какъ-будтобы вы только-что сказали мнѣ нѣсколько словъ и мнѣ слѣдуетъ на нихъ отвѣчать. У меня не существуетъ разлуки, и вотъ почему я легче разстаюсь, чѣмъ другой. И никто изъ моихъ друзей, по этой же причинѣ, не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мною.

Мы доѣхали до Варшавы благополучно — вотъ, покамѣстъ, все, что̀ можетъ васъ интересовать. Нигдѣ, ни на одной станціи не было задержки. Словомъ, лучше доѣхать невозможно. Даже погода была хороша: у мѣста дождь, у мѣста солнце. Здѣсь я нашелъ кое-какихъ знакомыхъ. Черезъ два дни мы выѣзжаемъ въ Краковъ, и оттуда, коли успѣемъ, того же дня въ Вѣну.

Цѣлую и обнимаю нѣсколько разъ Константина Сергѣевича и снабжаю слѣдующими довольно скучными порученіями: привезти съ собою кое-какія для меня книжки, и именно: миніатюрное изданіе »Онѣгина«, »Горя отъ Ума« и басней Дмитріева, и если только вышло компактное изданіе Русскихъ пѣсней Сахарова, то привезти и его. Еще: если вы достали и если вамъ случится достать для меня какихъ-нибудь докладныхъ записокъ и дѣлъ, то привезти и ихъ также. Михаилъ Семеновичъ, котораго также при сей вѣрной оказіи цѣлую и обнимаю, обѣщалъ съ своей стороны достать. Хорошо бы присообщить и ихъ также.

Увѣдомите меня, когда ѣдете въ деревню. Корь, я полагаю, у васъ уже совершенно окончилась. — — О* С*, вмѣстѣ съ самого искреннею благодарностью, передайте очень пріятное извѣ-

стіе, именно — что запасовъ, данныхъ намъ, стало не только на всю дорогу, но даже и на станціонныхъ смотрителей, и даже въ Варшавѣ мы надѣлили прислуживавшихъ намъ плутовъ остатками пироговъ, балыковъ, лепешекъ и прочаго.

Прощайте, мой безцѣнный другъ! Обнимаю васъ множество разъ...

Къ А. А. Иванову.

Вѣна. Іюня 25 (1840).

Господи Боже мой, сколько лѣтъ я васъ не видѣлъ il carissimo signor Alexandro! Что̀ вы подѣлываете? въ Римѣ ли вы? не напрасно ли пишется это письмо къ вамъ? я самъ такъ долго пропадалъ, что думаю ужъ не забыли ли вы меня! Что̀ дѣлаетъ ваша Famosa? [т. е. разумѣю я картину.] На чемъ она теперь остановилась? т. е. я разумѣю, на чемъ остановился трудъ вашъ. Близится ли къ концу, или еще донынѣ остаются роковые tre anni? Съ нетерпѣньемъ алчу узрѣть ее и обнять самого maestro. Я былъ и въ Россіи, и чортъ знаетъ гдѣ. Теперь сижу въ Вѣнѣ, пью воды, а въ концѣ августа, или въ началѣ сентября буду въ Римѣ, увижу васъ, побредемъ къ Фалькону ѣсть bacchio arosto, или girato и осушимъ фальету asciuto, и настанетъ вновь моя райская жизнь.

Въ Римѣ ли Моллеръ и что̀ дѣлаетъ? Пожалуста скажите ему, что я съ нетерпѣніемъ хочу его видѣть, что онъ и самъ, я думаю, знаетъ. Поклонитесь любезнѣйшему Іордану и спросите о здоровьѣ находящагося у него сундука, и, Бога ради, напишите мнѣ хоть двѣ строчки. Адрессуйте мнѣ въ Вѣну, въ poste restante. Если вы взяли на почтѣ письма на мое имя, то пожалуста приберегите ихъ и не отдавайте ихъ никому. Не худо бы также иногда справиться изнова, потому что мнѣ писали многіе, не зная, что я уѣзжалъ изъ Рима. Не пишу къ вамъ ни о чемъ болѣе, потому что еще не знаю, точно ли вы теперь въ Римѣ; а какъ получу отъ васъ вѣсть, тогда напишу.

Обнимаю васъ отъ души.

Н. Гоголь.

Къ П. И. Р — ской

Вѣна. 25 іюня (1840).

Если бы вы знали, какъ грустно мнѣ, что такъ поздно сблизился съ вами и узналъ васъ, Парасковія Ивановна! Въ душѣ моей какое-то неполное, странное чувство; я теперь нѣсколько похожъ на того путешественника, которому случай, играющій надъ людьми, судилъ встрѣтиться нечаянно на дорогѣ съ старымъ другомъ, давнимъ товарищемъ. Они вскрикнули, подняли шапки и промчались быстро одинъ мимо другого, не успѣвши сказать другъ другу ни одного слова. Послѣ уже одинъ изъ нихъ опомнился и, полный грустью, произноситъ самому себѣ пѣни: зачѣмъ онъ не остановилъ своей походной телеги? зачѣмъ не пожертвовалъ временемъ, зачѣмъ не бросилъ въ сторону свои важныя дѣла? Почти такое же положеніе души моей. Вы повѣрите моимъ искреннимъ чувствамъ. Неправда ли? Я не умѣю лгать. И вѣкъ бы не простилъ себѣ, если бы въ чемъ-нибудь солгалъ передъ вами. Но интересна ли для васъ любовь человѣка, котораго вы едва знаете? Много, слишкомъ много времени нужно для того, чтобы узнать человѣка и полюбить его, и не всякому посланъ даръ узнавать вдругъ. Сколько было людей обманувшихся! А сколько, можетъ быть, исчезло съ лица земли такихъ, которые таили въ душѣ прекрасныя чувства, но они не знали ихъ высказать, на ихъ лицахъ не выражались эти чувства, и жребій ихъ былъ умереть неузнанными! Много печальнаго заключено для меня въ этой истинѣ, и только, какъ воображу себѣ вашъ тихій, свѣтлый, весь проникнутый душевною добротою взглядъ, мнѣ становится легче. Ни слова не скажу вамъ о своей благодарности: здѣсь мы совершенно понимаемъ другъ друга, и вы можете знать, какъ она велика. Положеніе сестры моей было для меня невыносимою тяжестью, и сколько ни прибиралъ я въ умѣ своемъ, гдѣ бы характеръ ея нашелъ хорошую дорогу и укрѣпился на ней, я не могъ, однакоже, и потерялся-было совершенно. И вдругъ Богъ ниспослалъ мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Въ вашемъ домѣ я нашелъ все. Первое и самое главное — вы и, что̀ уже рѣдкость неслыханная, все окружающее васъ. Точно я никого вокругъ васъ не видѣлъ, кто бы не былъ совершенно доброе существо и на лицѣ ко-

тораго не отражалась бы душа. Отъ васъ ли это все сообщилось, или они заключали все это въ себѣ,—во всякомъ случаѣ, это изумительно. Я поздравилъ себя внутренно, и душа моя нашла успокоеніе. Вотъ почему, когда вы меня спросили, какъ я хочу, чтобы была ведена и къ чему готовлена сестра моя, я не сказалъ ничего, потому что главное было найдено. Если она утвердится въ одномъ хорошемъ и душа ея пріобрѣтетъ хоть часть того, что̀ находится въ окружающемъ ее обществѣ, то вездѣ, гдѣ бы она потомъ ни была, куда бы ни бросила судьба ее, она будетъ вездѣ счастлива. Къ тому же, что̀ бы я могъ вамъ сказать? Вы, женщины, лучше можете знать, что̀ нужно женщинѣ. Съ моей стороны, я бы пожелалъ, чтобы моя сестра выучилась вотъ чему: 1-е, умѣть быть довольной совершенно всѣмъ; 2-е, быть знакомой болѣе съ нуждою, нежели съ обиліемъ; 3-е, знать, что̀ такое терпѣніе и находить наслажденіе въ трудѣ. Собственно же къ какому званію ее готовить, я объ этомъ не заботился: это временное; я думалъ болѣе о вѣчномъ. Притомъ, гувернанткой ли, или чѣмъ другимъ быть, все это одностороннее и можетъ научить только одному чему-нибудь. Я видѣлъ много гувернантокъ, выходившихъ замужъ, которыя, казалось, какъ-будто только что вышли изъ института, такъ же невинны и такъ же мало знакомы съ тѣмъ, что̀ мы называемъ прозой жизни, и безъ которой прозы нельзя, однакожъ, жить. Гувернанткой можно сдѣлаться всегда, или, лучше, никогда, если нѣтъ для этого особенныхъ способностей природныхъ. Назначеніе женщины — семейная жизнь, а въ ней много обязанностей разнородныхъ. Здѣсь женщина является гувернанткою и нянькою, и домоводкою, и казначейшею, и распорядительницею, и рабою, и повелительцею: словомъ, обязанности, которыхъ съ перваго разу покажется невозможно всѣхъ узнать, но которыя узнаются нечувствительно сами собою, безъ всякой системы. Вы же имѣете къ тому всѣ средства. Напримѣръ, вы можете поручить ей иногда какія-нибудь отдѣльныя части домашняго хозяйства, особенно что-нибудь такое, что̀ бы доставляло моціонъ, потому что по своей волѣ и прогуливаться для того, чтобы прогуливаться, молодыя дѣвушки не любятъ; да оно, впрочемъ, и лучше. Вы, вѣрно, проживете лѣто въ деревнѣ, а въ деревнѣ столько разныхъ хозяй-

ственныхъ занятій, требующихъ и бѣготни, и хлопотъ! Мое всегдашнее желаніе было, чтобы у нея былъ одинъ какой-нибудь трудъ постоянный, который бы занималъ у нея часа полтора, но рѣшительно всякій день и въ одно и то же время. Это — переводить: занятіе, которое въ будущемъ ей можетъ очень прислужиться и даже дать средства жить, если другихъ не найдется. Я же, по своему отношенію литературному, могу нѣкоторымъ образомъ доставить ей выгодный сбытъ и приличную цѣну. Нѣтъ нужды, что она теперь переведетъ еще плохо; нужно, чтобы переводила, и переводила рѣшительно всякій день. Переводъ не требуетъ большого таланта: это дѣло привычки и навыка. Кто сначала переводитъ дурно, тотъ послѣ будетъ переводить хорошо. Еще необходимо нужно разнообразить занятіе. Это оживляетъ трудъ, не даетъ мѣста скукѣ, а между тѣмъ очень полезно для здоровья. Окончивши, напримѣръ, переводъ свой, она не должна заниматься заботой, тоже требующей сидѣнія. Ей, напротивъ, нужно дать послѣ этого такое занятіе, чтобы она вставала съ своего мѣста, побѣжала и опять бы возвратилась, и опять побѣжала, словомъ — находилась бы безпрерывно на ногахъ. Тогда ей послѣ этого опять покажется пріятною работа, требующая сидѣнія, и будетъ ей уже не работою, а отдохновеніемъ. Кромѣ возложенной на нее одной какой-нибудь части домашняго хозяйства, не мѣшало бы ей давать разныя порученія: купить что-нибудь, расплатиться, или расчитаться, свести приходъ и расходъ. Она дѣвушка бѣдная, у ней нѣтъ ничего. Если она выйдетъ замужъ, то это ей будетъ вмѣсто приданаго, и, вѣрно, мужъ ея, если только онъ будетъ человѣкъ неглупой, будетъ за него больше благодарить, чѣмъ за денежной капиталъ. Но если бы даже сестра моя не была дѣвушка бѣдная и ей бы предстояла блистательная участь, то и тогда къ воспитанію ея я бы, можетъ быть, прибавилъ одинъ, или два языка лишнихъ да кое-что для гостинныхъ, но, вѣрно бы, не выключилъ ни одной изъ означенныхъ статей. Въ состояніи богатомъ онѣ такъ же нужны, какъ и въ бѣдномъ, и сохранить пріобрѣтенное едвали не труднѣе, чѣмъ пріобрѣсть.

Но мнѣ смѣшно, что я пустился въ такія длинныя инструкціи и говорю вамъ то, что̀ вы знаете въ двадцать разъ лучше меня.

Но васъ не огорчитъ это, я знаю. Вы выслушаете меня съ тою же снисходительностью, которой такъ исполнена кроткая ваша душа. Вы не укорите меня въ моемъ маломъ познаніи, но поправите великодушно, въ чемъ я ошибся; ибо человѣку суждено ошибаться, и совершенство ему дается для того только, чтобы онъ яснѣе видѣлъ свое несовершенство...

Къ А. П. Е—ной.

Вѣна. Іюнь 28 (1840).

Никакимъ образомъ не могу понять, какъ это случилось, что я не былъ у васъ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ. Не понимаю, не понимаю, клянусь — не понимаю! Каждый день я навѣдывался къ Арба(тскимъ) воротамъ, къ дому, внизу котораго живетъ башмачникъ, носящій такую граціозную фамилію, не пріѣхали ли вы и когда вы будете въ городъ, и всякій разъ слуга, выходившій отворять мнѣ дверь, встрѣчалъ меня тѣмъ же отвѣтомъ, что вы не пріѣхали и что не извѣстно, когда вы будете въ городъ. Этотъ слуга и сюртукъ его выучены мною наизустъ, такъ что я знаю даже, гдѣ пятно на немъ и которой пуговицы недостаетъ. Три, или четыре раза я спросилъ у него обстоятельно вашъ адресъ, все это я передалъ очень обстоятельно моему кучеру и, при всемъ томъ, я у васъ не былъ. Дорогою только я щупалъ безпрестанно у себя во всѣхъ карманахъ. Мнѣ казалось всё, что я позабылъ какую-то самую нужную вещь, но какую именно — не могъ припомнить, и только на другой день я вспомнилъ, что я лошадь, и хватилъ себя по лбу; но это рѣшительно ничего не помогло. Поправить дѣла нельзя было: повозка, въ которой я сидѣлъ, уже добиралась до Вязьмы. Что вы, можетъ быть, не сердитесь на меня за это — этимъ я могу еще потѣшить себя: отъ вашей доброты можно всего ожидать. Но мнѣ нужно было васъ видѣть, мнѣ хотѣлось, чтобы вы видѣли меня отъѣзжающаго,—меня, у котораго на душѣ легко. У васъ, въ вашихъ мысляхъ, я остался съ черствою физіономіей, съ скучнымъ выраженіемъ лица. Еще мнѣ нужно было вамъ сказать многое, очень многое, — что̀ такое, не знаю, но знаю, что я сказалъ бы его вамъ и что мнѣ было бы пріятно. Словомъ, мнѣ

сдѣлалось такъ досадно, что я готовъ былъ тогда вытереть рожу свою самою гадкою тряпкою и публично при всѣхъ поднести себѣ кукишъ, примолвивъ: »Вотъ, на тебѣ, дуракъ!« Но всей публики былъ на ту пору станціонный смотритель, который бы, вѣроятно, принялъ это на свой счетъ, да котъ, который сидѣлъ въ его шапкѣ и который, безъ всякаго сомнѣнія, не обратилъ бы на это никакого вниманія. Утѣшительно въ этомъ непрощаніи моемъ съ вами, натурально, то, что мы увидимся скоро; по крайней мѣрѣ нужно вывести это заключеніе. Но, Бога ради, будьте здоровы! Что вамъ за охота забаливать такъ часто? Если бъ вы знали, какъ мнѣ это грустно! Мнѣ такъ и представляетесь вы сидящей на диванѣ, съ вашимъ ангельскимъ терпѣніемъ, старающеюся не подать виду, что у васъ какое-нибудь страданіе. Исполните же мою просьбу, если меня хоть каплю любите; а не то — вѣдь я опять вытру себѣ рожу гадкою тряпкою, то есть, до такой степени гадкою, что буду чихать до самого Рима. Кстати на-счетъ послѣдняго обстоятельства. Я распростился съ предметами, возбуждающими чиханіе, на Русской границѣ. Какой воздухъ! святые небеса, какой воздухъ! Въ немъ есть что-то принесшееся изъ Италіи. Носъ мой слышитъ даже хвостикъ широкка. И откуда это? какіе благодатные вѣтры принесли? Мнѣ ли нарочно на-встрѣчу? Если мнѣ, то, право, стоитъ. Конечно, я не генералъ, но кто же можетъ такъ любить?... Такъ и упиваешься, и жмуришь глаза, и только жалѣешь на то, что носъ всё еще малъ и коротокъ. Что бы хотя крошку подлиннѣе!

Къ вамъ одна маленькая просьба. Я послалъ сестрѣ въ деревню Шиллера и сказалъ ей, что это вы посылаете. Почему я это сказалъ, вы догадаетесь. — — И потому вы не удивитесь, если Annette вздумаетъ васъ благодарить, а примите на свой счетъ...

Къ С. Т. Аксакову.

Іюля 7 (1840). Вѣна.

Я получилъ третьяго дни письмо ваше, другъ души моей Сергѣй Тимофѣевичъ. Оно ко мнѣ дошло очень исправно, и дой-

детъ, безъ сомнѣнія, и другое такъ же исправно, если только вамъ придетъ желаніе написать его, потому что я въ Вѣнѣ еще надѣюсь пробыть мѣсяца полтора, попить водъ и отдохнуть. Здѣсь покойнѣе, чѣмъ на водахъ, куда съѣзжается слишкомъ скучный для меня свѣтъ. Тутъ все ближе, подъ рукой, и свобода во всемъ. Нужно знать, что послѣдняя давно убѣжала изъ деревень и маленькихъ городовъ Европы, гдѣ существуютъ воды и съѣзды. Парадно — мочи нѣтъ! Къ тому жъ, у меня такая сѣверная натура, что, при взглядѣ на эту толпу, пріѣхавшую со всѣхъ сторонъ лечиться, уже нѣсколько тошнитъ, а на водахъ это не йдетъ: нужно, напротивъ, — — Какъ вспомню Маріенбадъ и лица, изъ которыхъ каждое насильно и нахально влѣзло въ память, попадаясь разъ по сорока на день, и несносныхъ Русскихъ, съ вѣчнымъ и непреложнымъ вопросомъ: »А который стаканъ пьете?« вопросъ, отъ котораго я улепетывалъ по проселочнымъ дорожкамъ. Этотъ вопросъ мнѣ казался на ту пору роднымъ братцемъ другого извѣстнаго вопроса: »Чѣмъ вы подарите насъ новенькимъ?« Ибо всякое слово, само по себѣ невинное, но повторенное двадцать разъ, дѣлается пошлѣе добродѣтельнаго Ц*** или романовъ Б****, что все одно и то же.... Я замѣчаю, что я, кажется, не кончилъ періода. Но вонъ его! Былъ ли когда-нибудь какой толкъ въ періодахъ? Я только вижу и слышу толкъ въ чувствахъ и душѣ. Итакъ я на водахъ въ Вѣнѣ: и дешевле, и покойнѣе, и веселѣе. Я здѣсь одинъ; меня не смущаетъ никто. На Нѣмцевъ я гляжу, какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой Русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ; а если который изъ нихъ взлѣзетъ мнѣ на носъ, то щелчокъ — и былъ таковъ.

Я совершенно покоенъ послѣ вашего письма. Первое и главное — вы здоровы. Но мнѣ жаль, если вы проведете лѣто въ Москвѣ. Перемѣна необходимо нужна вамъ, какъ и всякому человѣку, проведшему зиму въ Москвѣ. Мнѣ жаль, если у васъ не будетъ дачи, пруда съ рыбами, лѣса и дорогъ, которыя бы заманили ходить. Ради Бога, сдѣлайте такъ, чтобъ ваше лѣто не было похоже на зиму. Иначе, это значитъ — гнѣвить Бога и выпускать на Него эпиграммы.

Вѣна приняла меня царскимъ образомъ. Только теперь всего

два дни, прекратилась опера чудная, невиданная. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль, первые пѣвцы Италіи мощно возмущали, двигали и производили благодѣтельное потрясеніе въ моихъ чувствахъ. Велики милости Бога! я живу еще.

Обнимаю отъ души Константина Сергѣевича, хотя, безъ сомнѣнія, не такъ крѣпко, какъ онъ меня [но это не безъ выгоды: бокамъ нѣсколько легче], и между прочимъ прошу его къ поданнымъ отъ меня коммиссіямъ прибавить еще нѣсколько, а именно: спросить у Погодина, не нашелся ли мой Шекспиръ, 2-й томъ, который взять ему съ собою, и прибавить къ этому оба изданія пѣсней Максимовича, а можетъ быть, и третье, коли вышло, а главное — купить, или поручить Михаилу Семеновичу купить, у лучшаго сапожника Петербургской выдѣланной кожи, самой мягкой, для сапогъ, то есть, одни передки [они такъ ужъ вырѣзанные и находятся, мѣста не занимаютъ и удобны къ взятію]; пары двѣ, или три. Случилась бѣда: всѣ сапоги, сдѣланные мнѣ Таке, оказались короткими. Упрямой Нѣмецъ! Я толковалъ ему, что будутъ коротки; не хотѣлъ, сапожная колодка, согласиться! а широки такъ, что у меня ноги распухли. Хорошо бы было, если бы мнѣ были доставлены эти кожи, а дѣлаютъ сапоги здѣсь недурно.

Товарищъ мой немного было-прихворнулъ, но теперь здоровъ, заглядывается на Вѣну и съ грустью собирается ее оставить послѣ завтра для дальнѣйшаго пути. Онъ теперь сидитъ за письмомъ къ вамъ.

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Вѣна. Августа 7 (1840).

Я получилъ твое письмо отъ 12 іюля вмѣстѣ съ маминькинымъ, адрессован(нымъ) прямо ко мнѣ въ Вѣну. Неужели это первое твое письмо изъ дому? Итакъ ты мнѣ ни слова не сказала о томъ, какъ ты пріѣхала, какъ и гдѣ была въ Полтавѣ, какъ наконецъ увидѣла свою деревню и кто тебя встрѣтилъ, и какъ тебя встрѣтили, и кто тебя узналъ, и кого ты узнала, и какія были твои первыя впечатлѣнія, словомъ — ничего изъ того, что̀ прежде всего должно̀ занять. — — —

И Французской переводъ и Нѣмецкой, тотъ и другой нуженъ, но Нѣмецкой нужнѣе, ибо нужно, чтобъ къ новому году перевести полторы книжки маленькія, которыя я тебѣ купилъ. — — Заведи непремѣнно, какъ часы — въ извѣстный часъ утра за переводъ. Посиди за нимъ всего только часъ, меньше даже, но чтобы это было регулярно. Ты увидишь, какъ это раздѣлитъ хорошо твой день, и тебѣ не будетъ скучно никогда, если у тебя время будетъ размѣренно. — — Не лѣнись; помни, что это одно можетъ доставить тебѣ деньги и дастъ со временемъ возможность помогать даже маминькѣ. — — —

Сейчасъ только я получилъ второе твое письмо и спѣшу попросить у тебя извиненія за выговоръ. Этимъ письмомъ я доволенъ вполнѣ. Ты пишешь довольно подробно и какъ слѣдуетъ. Ну, слава Богу, ты здорова; это главное. Потомъ я очень радъ, что тебѣ не скучно. Впрочемъ человѣку, который сколько-нибудь уменъ, никогда не можетъ быть скучно. Нужно только имѣть побольше занятій, и будетъ все хорошо. Только совершенно глупые скучаютъ...

Къ М. С. Щепкину.

Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна: комедія готова ([1]). Въ нѣсколько дней Русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою. Въ афишкѣ вы должны выставить два заглавія: Русское и Итальянское. Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: »перваго Итальянскаго комика нашего времени.« Первое дѣйствіе я прилагаю при письмѣ вашемъ, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправьтесь къ Погодину. Велите ее тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ: черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ въ Итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ

([1]) »Дядька въ затруднительномъ Положеніи«, переводъ съ Итальянскаго. *П. К.*

блестящій. Вы, какъ человѣкъ, имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигнете комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль — самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи: роль ажитаціи сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову: тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ! Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который, между прочимъ, далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно! Слышенъ былъ человѣкъ, не рожденный для интриги, а попавшій невольно въ оную, — и сколько натурально комическаго! Этотъ гувернеръ, котораго я назвалъ дядькой, потому что первое, кажется, не совсѣмъ точно, да и не Русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италіи донынѣ всѣ эти люди: аббаты, ученые и проч.: въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ, а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно снизу до верху, и въ черной пуховой шляпѣ, трехъ-угольной, — не той, что̀ носятъ у насъ, а въ той, въ какой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть, съ пригнутыми немного полями на три стороны. Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только помоднѣе, и шляпы вмѣсто трехъ-угольныхъ, круглыя, черныя пуховыя, или шолковыя, какъ носимъ мы всѣ, грѣшные люди; черные чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, что̀ вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходитъ весь свѣтъ.

Но о самихъ роляхъ нужно кое-что. Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой-нибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ее почувствовать во всѣхъ ея тонкостяхъ. Если же кому другому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если жъ притворяется, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произноситъ свои монологи, которые, говоритъ, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ; а когда въ самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что̀ и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картины она становится какъ-то вдругъ выше обык-

новенной женщины, что удивительно хорошо исполняютъ Итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась, какъ природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли кажется, какъ-будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и степей.

Играющему роль Пиппето никакъ не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповатъ: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытнаго человѣка; а глупость явится сама собою, такъ какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми.

Больше, кажется, не нужно говорить ничего..... Да! маркиза дайте какому-нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бѣшенный, взбалмошный старикъ, неслушающій никакихъ резоновъ. Я думаю, коли нѣтъ другого, отдайте Мочалову; его же имя имѣетъ магическое дѣйствіе на Московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу,— непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ...

Къ М. П. Погодину.

Августа 10 (1840). Венеція.

Что жъ ты притихъ? А ну-ка махни письмо въ три строки, такихъ, знаешь, лихихъ, молодецкихъ, чтобы и самъ не въ силахъ былъ разобрать ни одного слова! Мнѣ очень хочется знать, что ты дѣлаешь теперь лѣтомъ. Умъ твой никогда не можетъ быть въ праздности, и ты, вѣрно, чѣмъ-нибудь занятъ. Если это продолже(ніе) прежняго труда твоего, который ты такъ гигантски отшлепывалъ при мнѣ, то да благословитъ тебя (Богъ). Я разумѣю исторію, которую мнѣ часто приходитъ охота теперь читать, и я дѣлаю себѣ теперь нѣсколько разъ упреки, что не заста(вилъ) тебя читать побольше. Но мы всегда такъ дѣлаемъ и жалѣемъ тогда, когда уже нельзя помочь.

Пожалуста отдай Щепкину прилагаемое при семъ дѣйствіе переведенной для него комедіи. Здоровье мое теперь нѣсколько лучше, а то было я прихворнулъ не на шутку. Прощай. Цѣлую и обнимаю тебя нѣсколько разъ и прошу, перевернувши этотъ листокъ на другую сторону, поднести его Лисаветѣ Васильевнѣ.

Господи, какъ мы давно съ вами, Лисавета Васильевна, не видались! Помните ли вы меня, говорите ли когда-нибудь о мнѣ, и думаете ли иногда о мнѣ? Вѣрно, меньше моего. И опустѣвшая моя комната, обращенная теперь, безъ сомнѣнія, въ какую-нибудь кладовую такихъ вещей, къ которымъ не понадобится никогда ходить, какъ не бывала въ вашемъ домѣ. Поцѣлуйте отъ меня новаго богатыря вашего, Петю, и напишите мнѣ, какого рода и характера, и наклонностей этотъ молодой человѣкъ: такое же ли, какъ и у Мити, у него проявляется покровительство художествамъ, или умъ его показываетъ направленіе совершенно политическое и созидаетъ планы, и даже оставляетъ какія-нибудь ландкартныя изображенія на пеленкахъ. Во всякомъ случаѣ поцѣлуйте и стараго моего друга и племянника Митю. Скоро и у нихъ исчезнетъ въ памяти, какъ не бывалъ, »дядя Гоголь«. Поцѣлуйте за меня вашу добрую маменьку Лис. Ѳоминишну, поцѣлуйте также вторую вашу маменьку Аграф. Михайловну. Предайте истинной мой поклонъ Григорію Петровичу, Михайлу Ивановичу и особенно Аграфенѣ Петровнѣ. А вамъ кланяется за это Венеція съ своимъ упавшимъ величіемъ и сумрачнымъ великолѣпіемъ, еще мелькающими гондолами, долговѣчнымъ Ріальтомъ, и мною довольно хилымъ здоровьемъ, но искренно и душевно любящимъ васъ...

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Римъ. Октября 13 (1840).

Я вчера получилъ твое письмо. Что я былъ ему радъ, объ этомъ нечего и говорить. Ты этому, безъ сомнѣнія, повѣришь, потому что знаешь, что я тебя люблю. Я былъ радъ, что ты совершенно здорова [такъ по крайней мѣрѣ стоитъ въ письмѣ твоемъ]. Я совершенно радъ, что у тебя завелась охота бѣгать. Даже радъ

тому, что ты теперь ничего не дѣлаешь и ничѣмъ не занимаешься, потому что придетъ зима, и ты, вѣрно, присядешь и вознаградишь за все. Но . . . теперь наконецъ приходится сказать, чему я не былъ радъ. — — Ты, приводя причины, отвлекающія тебя отъ занятій — — сказала, что у васъ было много праздниковъ и что приняться за иглу въ праздникъ здѣсь [т. е. въ Васильевкѣ] считается за ужасный грѣхъ. — — — А для чего дается человѣку характеръ? Чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовать тому, что велитъ ему благоразуміе, и, какъ сказалъ самъ Спаситель, не глядѣть на людей. Люди суетны. Нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный, святой образецъ, высшую натуру человѣка, а не обыкновенныхъ людей. Итакъ я тебѣ приказываю работать и заниматься именно въ праздникъ, натурально только не въ тѣ часы, которые посвящены Богу, и если кто-нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это нехорошо, ты не входи ни въ какія разсужденія и не старайся даже убѣждать въ противномъ, а скажи прямо коротко и твердо: *Это желаніе моего брата. Я люблю своего брата, и потому всякое малѣйшее его желаніе для меня законъ.* И послѣ этого, вѣрно, тебѣ не станутъ докучать. И такимъ образомъ поступай и въ другомъ случаѣ, гдѣ только собственное твое благоразуміе чего-нибудь не одобритъ. Нужно быть тверду и непреклонну. Безъ твердости характеръ человѣка — нуль. И признаюсь, грусть бы, сильная грусть обняла бы мою душу, если бы я увѣрился, что у сестры моей нѣтъ ни характера, ни великодушія. — — —

Наконецъ поговоримъ еще объ одномъ довольно важномъ предметѣ. — — Слушай, моя душа. Тебя должно непремѣнно тронуть положеніе маменьки, на которой лежитъ столько заботъ и такая сильная обуза, что весьма немудрено, если и у человѣка сильнаго закружится голова и кончится тѣмъ, что онъ наконецъ ничего не будетъ дѣлать. Слушай. Нужно, чтобъ и ты, и Оля взяли на долю какія-нибудь маленькія части хозяйства и чтобы уже аккуратно вели дѣла свои. Напримѣръ, ты возьми на долю свою молочню, то есть, смотри, чтобъ при тебѣ набиралось молоко, дѣлалось масло, сыръ, и замѣчай внимательно, сколько чего должно̀ быть, чтобы потомъ не могли тебя ни обмануть, ни украсть. Натурально, этого

еще немного для тебя. Ты возьми на свою долю еще овецъ. Пусть къ тебѣ приходитъ каждый день овчаръ и рапортуетъ тебѣ подробно. Ты отправляйся почаще туда сама, — лучше, если пѣшкомъ, и повѣряй почаще все на дѣлѣ. Нѣсколько разъ заставь, чтобы доили при тебѣ, чтобы знать, сколько навѣрное могутъ давать молока. Записывай родившихся вновь, отправленныхъ на столъ, прибывшихъ и убывшихъ. Послѣ того, когда ты увидишь, что съ этимъ всѣмъ управляешься хорошо, можешь присоединить къ этому и что-нибудь другое. Безъ этого никогда не будетъ никакого толка въ хозяйствѣ, если сами хозяева не будутъ входить во все. А такъ какъ одному человѣку нельзя входить во все, то по этому самому и должно непремѣнно раздѣлить труды. Иначе — ключницы, домоводки и управители, какъ бы ни казались надежны съ виду, всегда кончится тѣмъ, что будутъ наконецъ обкрадывать, или, еще хуже, нерадѣть и неглижировать. Олинькѣ тоже выбери на долю какую-нибудь часть по силамъ. Ты увидишь потомъ, какую окажешь этимъ пользу хозяйству и какъ облегчишь труды маминьки, — тѣмъ болѣе, что у ней столько главныхъ статей хозяйства: уборка и посѣвъ хлѣба, льну, гумно, винокурня и мало ли чего еще? страшно и подумать даже. Желалъ бы я очень знать, что̀ ты на это скажешь и какое это произведетъ на тебя дѣйствіе, и потому жду не... (1).

Къ М. П. Погодину.

Римъ. Октября 17, 1840 г.

Не стыдно ли тебѣ? Потому только, что я не писалъ къ тебѣ, ты обо мнѣ заключилъ и подумалъ... Кто же я? Итакъ ты меня не зналъ даже на столько, чтобы не заключить... Клянусь, я больше въ-правѣ на тебя быть сердитымъ, чѣмъ ты на меня. Итакъ, если бы, положимъ, кто-нибудь навралъ на меня! разсказалъ небылицу, несходную ни съ моимъ характеромъ, ни съ образомъ мыслей, ты бы повѣрилъ. Не стыдно ли тебѣ! Почему я не писалъ къ тебѣ? Ты бы могъ самъ найти причину, и именно уже ту, почему остав-

(1) Конецъ письма потерянъ. *П. К.*

шись наединѣ съ самымъ искреннѣйшимъ другомъ, молчишь съ нимъ по нѣскольку часовъ, тогда какъ говоришь тутъ же иногда очень бѣгло и находишь матерію для разговора съ лицомъ болѣе постороннимъ. Уже одну эту причину ты бы долженъ привести и внутренно извинить меня. Я покоренъ теперь болѣе, нежели когда-либо, весь расположенію душевному, хотя [увы!] оно бываетъ иногда болѣзненное. У меня не было тогда душевнаго расположенія писать къ тебѣ, и я не писалъ. Было одинъ разъ расположеніе писать къ тебѣ, но [Боже!] въ какую минуту! Я написалъ, но не послалъ письма, и хорошо сдѣлалъ. Но ты ни въ какомъ отношеніи не долженъ бы подумать. Пусть бы другой; другому, можетъ, всякому, кто бы онъ ни былъ, я бы скорѣй простилъ, но тебѣ нѣтъ. Я бы привелъ двѣ-три причины, которыя споспѣшествовали къ тому, что я не писалъ къ тебѣ, но послѣ этого объясненіе все лишне.

Ну, дай мнѣ свою руку! Я тебѣ прощаю, что ты огорчилъ меня. Другъ мой!... Боже! не совѣстно ли тебѣ... ты многаго не понялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ во мнѣ. Ты суровымъ упрекомъ мужа встрѣтилъ меня тамъ, гдѣ разстроенная душа моя ждала участія нѣжнаго, почти женскаго. Я былъ боленъ тогда душою. Теперь тебѣ самому, можетъ, объясняется много, и ты, можетъ быть, видишь самъ, что ты иногда слишкомъ поспѣшенъ въ заключеніяхъ. Но заключеніе твое послѣднее поспѣшнѣе всѣхъ. Ты хотѣлъ разомъ отнять у меня и глубину чувствъ, и душу, и сердце, и назначить мнѣ мѣсто даже ниже самыхъ обыкновеннѣйшихъ людей, какъ-будтобы это легко, какъ-будтобы это можетъ случиться въ природѣ; и ты въ познаніи сердца человѣческаго изъ Шекспира попалъ въ Коцебу. Но ты, вѣрно, этотъ упрекъ сдѣлалъ уже себѣ, какъ только взошли тебѣ на умъ наши отношенія другъ къ другу. Цѣлую тебя — и довольно.

— — —

Радъ очень твоему счастію, т. е. рѣдкимъ находкамъ, сдѣланнымъ тобою. Одною изъ нихъ ты потчиваешь меня, какъ такою, которая ближе всего лежитъ ко мнѣ, но такимъ образомъ, какъ одинъ разъ журавль позвалъ къ себѣ кума, кажется, волка, на обѣдъ и велѣлъ блюда подавать въ сосудахъ съ такими узкими горлами, куда только одинъ журавлій носъ могъ просунуться, и кумъ только

нюхалъ, да помахивалъ хвостомъ, браня свою толстую морду. Хоть бы какими-нибудь пахучими выписками изъ нея попользоваться, т. е. гдѣ пахнетъ болѣе старина и обрядъ старинныхъ временъ! Еще болѣе я радъ свѣжести силъ твоихъ, здоровью и наслажденію, посѣщающему тебя въ благихъ трудахъ. Счастливецъ! Да продлитъ Богъ до 90-лѣтняго твоего возраста это душевное состояніе!

А я... не хотѣлось бы, о, какъ бы не хотѣлось мнѣ открывать своего состоянія! и въ письмѣ моемъ къ тебѣ изъ Вѣны я бодрился и не далъ знать тебѣ ни слова. Но знай все. Я выѣхалъ изъ Москвы хорошо, и дорога до Вѣны по нашимъ открытымъ степямъ тотчасъ сдѣлала надо мною чудо. Свѣжесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовалъ. Я, чтобы освободить еще, между прочимъ, свой желудокъ отъ разныхъ старыхъ неудобствъ и кое-гдѣ засѣвшихъ остатковъ Московскихъ обѣдовъ, началъ пить въ Вѣнѣ Маріенбадскую воду. Она на этотъ разъ помогла мнѣ удивительно: я началъ чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное — я почувствовалъ, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу изъ того летаргическаго умственнаго бездѣйствія, въ которомъ я находился въ послѣдніе годы и чему причиною было нервическое усыпленіе... Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ; воображеніе мое становится чутко. О, какая была это радость, если бы ты зналъ! Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питія водъ, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мыслей. Но впрочемъ какъ же мнѣ было воздержаться? Развѣ тому, кто просидѣлъ въ темницѣ безъ свѣту солнечнаго нѣсколько лѣтъ, придетъ въ умъ, по выходѣ изъ нея, жмурить глаза, изъ опасенія ослѣпнуть; и не глядѣть на то, что̀ радость и жизнь для него? Притомъ я думалъ: »Можетъ быть, это только мгновенье, можетъ, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ.« Еслибы я хотя пре-

кратилъ въ это время питіе водъ! но мнѣ хотѣлось кончить курсъ, и я думалъ: »Когда теперь уже я нахожусь въ такомъ свѣтломъ состояніи, по окончаніи курса еще болѣе настроено будетъ во мнѣ все.« Это же было еще лѣтомъ, въ жаръ, и нервическое мое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженье нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался; я самъ не понималъ своего положенія; я бросилъ занятія, думалъ, что это отъ недостатка движенія при водахъ и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости, и сдѣлалъ еще хуже. Нервическое разстройство и раздраженіе возросло ужасно; тяжесть въ груди и давленіе, никогда дотолѣ мною неиспытанное, усилилось. По счастію, доктора нашли, что у меня еще нѣтъ чахотки, что это желудочное разстройство, остановившееся пищевареніе и необыкновенное раздраженіе нервъ. Отъ этого мнѣ было не легче, потому что леченіе мое было довольно опасно: то, что̀ могло бы помочь желудку, дѣйствовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудокъ. Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ покойномъ положеніи ни на постелѣ, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно, это была та самая тоска то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Вьельгорскаго въ послѣднія минуты жизни! Вообрази, что съ каждымъ днемъ послѣ этого мнѣ становилось хуже и хуже. Наконецъ уже докторъ самъ ничего не могъ предречь мнѣ утѣшительнаго. При мнѣ былъ одинъ Боткинъ (Н. П.), очень добрый малый, которому я всегда останусь за это благодаренъ, который меня утѣшалъ сколько-нибудь, но который самъ потомъ мнѣ сказалъ, что онъ никакъ не думалъ, чтобъ я могъ выздоровѣть. Я понималъ свое положеніе и наскоро, собравшись съ силами, нацарапалъ, какъ могъ, тощее духовное завѣщаніе, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно послѣ моей смерти. Но умереть среди Нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію. Добравшись до Тріэста, я себя почувствовалъ лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этотъ разъ свое дѣйствіе. Я могъ уже двигаться. Воздухъ, хотя въ это время онъ

былъ еще непріятенъ и жарокъ, освѣжилъ меня. О, какъ бы мнѣ въ это время хотѣлось сдѣлать какую-нибудь дальнюю дорогу! Я чувствовалъ, я зналъ и знаю, что я бы возстановленъ былъ тогда совершенно. Но я не имѣлъ никакихъ средствъ ѣхать куда-либо. Съ какою бы радостью я сдѣлался фельдъегеремъ, курьеромъ даже на Русскую перекладную, и отважился бы даже въ Камчатку, — чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Клянусь, я бы былъ здоровъ! Но мнѣ всего дороги до Рима было три дни только. Тутъ мало было перемѣнъ воздуха. Всё, однакожъ, и это сдѣлало на меня дѣйствіе, и я въ Римѣ почувствовалъ себя лучше въ первые дни. По крайней мѣрѣ я уже могъ сдѣлать даже небольшую прогулку, хотя послѣ этого уставалъ такъ, какъ-будтобъ я сдѣлалъ 10 верстъ. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ я остался живъ, и здоровье мое въ такомъ сомнительномъ положеніи, въ какомъ я еще никогда не бывалъ. Чѣмъ далѣе, какъ-будто опять становится хуже, и леченіе, и медикаменты только растравля(ютъ). Ни Римъ, ни небо, ни то, что такъ бы причаровало меня, ничто не имѣетъ теперь на меня вліянія. Я ихъ не вижу, не чувствую. Мнѣ бы дорога теперь, да дорога въ дождь, слякоть, черезъ лѣса, черезъ степи, на край свѣта! Вчера и сегодня было скверное время — и въ это скверное время я какъ-будтобы ожилъ. Такъ вотъ всё мнѣ хотѣлось или броситься въ дилижансъ, или хоть на перекладную. Двухъ минутъ я не могъ посидѣть въ комнатѣ — мнѣ такъ сдѣлалось тяжело — и отправился бродить по дождю. Я усталъ послѣ нѣсколькихъ шаговъ, но, право, почувствовалъ какъ-будтобы лучше себя. Другъ! вотъ тебѣ мое положеніе. Не хотѣлось мнѣ, страшно не хотѣлось открывать его. Долго я писалъ это письмо, и останавливался, и вновь принимался писать, и уже хотѣлъ изодрать его, и скрыть все отъ тебя; но грѣхъ былъ бы на моей душѣ.

Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый, свѣжій, на трудъ, на работу. Теперь.... Боже! столько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями... когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти. Что предо мною впереди? Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ по та-

кому свѣжему, доброму началу, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни, — и теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность. Безъ надежды, безъ средствъ возстановить здоровье! Никакихъ извѣстій изъ Петербурга: надѣяться ли мнѣ на мѣсто при FF? По намѣреніямъ FF, о которыхъ я узналъ здѣсь, мнѣ нечего надѣяться, потому что FF искалъ на это мѣсто Европейской знаменитости по части художествъ. Онъ хотѣлъ имѣть Нѣмца Шадова, директора Дюссельдорфской академіи художествъ, которому тоже хотѣлось, а потомъ даже хотѣлъ предложить Обервеку..... Но Богъ съ нимъ со всѣмъ этимъ! Я равнодушенъ теперь къ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ? На квартиру да на лекарство развѣ? на двѣ вещи, равныя ничтожностью и безполезностью. Если къ нимъ не присоединится наконецъ третья, вѣнчающая все, что̀ влачиться на свѣтѣ?

Часто, въ теперешнемъ моемъ положеніи, мнѣ приходитъ вопросъ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію? по крайней мѣрѣ меньше лежало бы на моей совѣсти. Но какъ только я вспомню о моихъ сестрахъ,— нѣтъ, мой пріѣздъ не безполезенъ былъ. Клянусь, я сдѣлалъ много для моихъ сестеръ! Онѣ послѣ увидятъ это. Безумный, я думалъ, ѣхавши въ Россію: »Ну, хорошо, что я ѣду въ Россію: у меня уже начинаетъ простывать маленькая злость, такъ необходимая автору, противъ того-сего, всякаго рода родныхъ плевелъ; теперь я обновленъ, и все это живѣе предстанетъ моимъ глазамъ,— и вмѣсто этого что̀ я вывезъ? Все дурное изгладилось изъ моей памяти, даже прежнее, и вмѣсто этого одно только прекрасное и чистое со мною, все, что̀ удалось мнѣ еще болѣе узнать въ друзьяхъ моихъ, — и я въ моемъ болѣзненномъ состояніи поминутно дѣлаю упрекъ себѣ: »И зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію!« Теперь не могу глядѣть я ни на Колизей, ни на безсмертный куполъ, ни на воздухъ, ни на все, глядѣть всѣми глазами, совершенно на нихъ. Глаза мои видятъ другое, мысль моя развлечена: она съ вами. Боже! какъ тяжело мнѣ писать эти строки! Я не въ силахъ болѣе.

Прощай. Боже, благослови тебя во всѣхъ предпріятіяхъ, и предоставь наконецъ тебѣ поле широкое, великое, безъ препятствій! Ты рожденъ и опредѣленъ на большое плаванье. Я хотѣлъ-

было наскоро переписать куски изъ »Ревизора«, исключенные прежде, и другіе передѣланные, чтобы поскорѣй хотя его издать и заплатить великодушному, какъ и ты, Сергѣю Тимоѳѣевичу,— и этого не могъ сдѣлать. Впрочемъ я соберу всѣ силы и, можетъ быть, на той же недѣлѣ управлюсь съ этимъ. Я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковскій женится? Я не могу никакъ этому вѣрить. Прощай. Цѣлую тебя милліонъ разъ! Другъ!

Обними Шевырева за меня нѣсколько разъ. Я бы писалъ къ нему, но не въ силахъ. Къ Сергѣю Тимоѳѣевичу я бы тоже хотѣлъ писать... но что̀ мнѣ писать теперь? Я не въ силахъ... Мнѣ бы хотѣлось скрыть отъ моихъ друзей мое положеніе. Письмо мое издери въ куски. Я храбрюсь всѣми силами.

Къ Е. В. П—ной.

1840 года.

Вы еще благодарите меня, Елисавета Васильевна, за то, что я вспомнилъ объ васъ! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я такъ мало знаю васъ? Ибо именно только въ такомъ случаѣ вы бы имѣли право благодарить меня. Клянусь, я васъ лучше знаю, чѣмъ вы думаете! Знаю и душу вашу, и сердце; и если бъ вы знали, какъ я чувствую сильно и глубоко вашу дружескую пріязнь ко мнѣ! Это правда, что вы на мнѣ, можетъ быть, видѣли часто въ Москвѣ черствую ее выражающую наружность; но виною этому не душа, не сердце, не я, но мои обстоятельства тогдашнія, которыя мнѣ мѣшали почти всегда быть, чѣмъ бы я хотѣлъ быть, то есть, мною, со всѣми моими грѣхами и пороками, и, можетъ быть, двумя-тремя истинно хорошими чертами — любить не притворно и не на заказъ друзей своихъ. Вы себѣ, вѣрно, не можете представить, какъ меня мучитъ мысль, что я былъ такъ деревяненъ, такъ оболваненъ, такъ скученъ въ Москвѣ, такъ мало показалъ моихъ истинныхъ расположеній и такъ невольно скрытенъ и неоткровененъ, и черствъ, и сухъ. Если бы вы знали, какъ я горевалъ потомъ, когда выѣхалъ изъ Москвы, что я велъ себя

такъ дурно! Мнѣніемъ людскимъ конечно я не дорожу, но мнѣніемъ друзей... а они всѣ меня любятъ, не смотря на то, что я былъ, просто, несносенъ. Вы даже приберегли и спрятали портретъ мой. Вы правы: я его вовсе не назначалъ вамъ. Я его выбросилъ потому, что вамъ хотѣлъ прислать всё-таки что-нибудь похожее на меня, а этотъ портретъ не годится никуда. Но всё этотъ новый знакъ вашей дружбы меня вновь тронулъ и отозвался упрекомъ въ душѣ моей.

Вы мнѣ желаете здоровья и силъ, чтобъ потомъ даже возвратиться въ Россію, о чемъ я даже и не думалъ, и потомъ даже не разлучаться съ друзьями, но я не могу съ ними разлучиться и оставивши Москву; я только тѣснѣе соединился съ ними. Богъ знаетъ, будетъ ли когда исполнено ваше желаніе. Мое здоровье... о, если бы еще разъ воскреснуть мнѣ! Нѣтъ, я бы конечно тогда не отказался, я бы непремѣнно васъ увидѣлъ хоть еще одинъ разъ.

Любящій васъ любовью брата, Гоголь.

Къ П. А. Плетневу.

30 октября. Римъ. (1840.)

Здраствуйте, безцѣнный Петръ Александровичъ! Напишите мнѣ хоть одну строчку. Я не имѣю никакихъ, совершенно никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Пишу къ вамъ потому, что я васъ видѣлъ третьяго дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не услышу чего-нибудь о васъ.

Увѣдомьте меня такъ же, какъ мое дѣло. Можно ли мнѣ подняться на то мѣсто въ Римѣ, о которомъ я писалъ къ вамъ? Мнѣ нужно теперь знать это, и тѣмъ болѣе теперь.... Я заболѣлъ жестоко, и, Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ: я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешеств(ія), и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ; я перешелъ черезъ край и за напряженіе не во время, когда мнѣ нужно было отдохно-

веніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и разсказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Гемороидъ мнѣ бросился на грудь, и нервическое раздраженіе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было-махнули рукой; но одно лекарство меня спасло неожиданно: я велѣлъ себя положить ветурину въ дорожную коляску, — дорога спасла меня. Три дни, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возстановили. Но я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое-нибудь движеніе, незначащее усиліе, и со мной дѣлается не знаю что. Страшно, просто страшно! Я боюсь.... И такъ было хорошо началось дѣло! Я началъ такую вещь, какой, вѣрно, у меня до сихъ поръ не было, — и теперь изъ-подъ самыхъ облаковъ да въ грязь! Медику, натурально, простительно меня успокоивать и говорить, что это совершенно пройдетъ и что мнѣ нужно только успокоить(ся). Но мнѣ весьма простительно тоже не вѣрить этому, и мое положеніе вовсе не такого рода, чтобы оставаться.... тѣмъ больше, что вотъ мѣсяцъ — и я не чуть не лучше. Еслибъ я зналъ, что изъ меня рѣшительно ничего не можетъ быть [страшнѣе чего конечно ничего не можетъ быть на свѣтѣ], тогда бы, натурально, дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемірное населеніе своею жалкою фигурою, и за жизнь свою я не далъ бы гроша и не сталъ бы изъ-за нея биться. Но, клянусь, мое положеніе слишкомъ, если даже не черезъ-чуръ! Больной, разстроенный душой и тѣломъ, и никакихъ средствъ.... Увѣдомьте меня: можетъ быть, можно какъ-нибудь узнать одно изъ этихъ двухъ словъ: *да*, или *нѣтъ?*

Но, клянусь, мнѣ такъ же, если даже не больше, теперь хочется имѣть извѣстія о васъ самихъ. Послѣ видѣннаго мною сна, я не могу успокоиться о васъ. Теперь, въ моемъ больномъ, грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состояніи, у меня единствен(но), что доставляетъ мнѣ похожее на радость, это — перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ, прекрасныхъ друзей, вычислять всѣ случаи въ жизни, гдѣ дружба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня тогда такъ начинаетъ сильно биться, какъ можетъ только у ребенка, который не изум-

ляется отъ радости, но остается какъ-будто перепуганъ радостью. Знаю, что это происходитъ отъ моего нервическаго разстройства и что движеніе потрясаетъ меня, но всё какъ это сладко! И я тогда едва дышу. — Римъ Via Felice. № 126. (¹)

(¹) Перерывъ въ письмахъ Гоголя, со времени выѣзда его изъ Россіи до декабря 1840 года, восполняется отчасти слѣдующимъ письмомъ о немъ В. Панова, къ С. Т. Аксакову, отъ $^{21}/_{9}$ ноября, 1440 года.

»Я не знаю, когда бы я преодолѣлъ мою обычную лѣность и рѣшился дать вамъ о себѣ извѣстіе, если бъ къ этому не подала мнѣ теперь поводъ одна новость, которую вамъ, вѣроятно, будетъ чрезвычайно интересно слышать. Эта новость касается Николая Вас. Но прежде долженъ сказать вамъ, что знаю о состояніи, въ которомъ онъ находится съ выѣзда своего изъ Россіи и до сихъ поръ. Вообще мнѣ кажется, что онъ ошибался, если думалъ, что ему стоитъ только выѣхать за границу, чтобы возвратить дѣятельность и силы, которыя онъ боялся уже потерять. Хорошо, если бы такъ. Но, къ несчастію, его разстройство не зависитъ отъ климата и мѣста, и не такъ легко поправляется. [Теперь онъ тѣшитъ себя другою мыслію: онъ убѣжденъ, что, для поправленія своего здоровья, ему необходимо сдѣлать огромное путешествіе, жалѣетъ, что слишкомъ скоро пріѣхалъ въ Римъ, и хотѣлъ бы, чтобъ его теперь курьеромъ отправили въ Камчатку, разумѣется, съ возвратомъ.] Можетъ быть, цѣлые десять лѣтъ его жизни постепенно разстроивали его организацію, которая теперь въ ужасномъ разладѣ. Его физическое состояніе дѣйствуетъ конечно на силы душевныя; поэтому онъ имъ чрезвычайно дорожитъ, и поэтому онъ ужасно мнителенъ. Всѣ эти причины, дѣйствуя совокупно, приводятъ его иногда въ такое состояніе, въ которомъ онъ истинно несчастнѣйшій человѣкъ, и эти тяжкія минуты, въ которыя вы его видѣли, мнѣ кажется, были здѣсь съ нимъ чаще, продолжительнѣе и сильнѣе, нежели въ Россіи. Когда мы съ нимъ въ Москвѣ собирались въ дорогу, онъ говорилъ, что, какъ скоро мы переѣдемъ за границу, онъ станетъ мнѣ полезенъ, пріучая меня къ бережливости, расчету, порядку. Вышло совсѣмъ наоборотъ: онъ былъ точно такъ же разсѣянъ, какъ и въ Москвѣ. Однакожъ онъ чувствовалъ себя довольно хорошо. Въ Вѣнѣ его безпокоила только какая-то боль въ ногѣ. Въ продолженіе почти 4 недѣль, которыя я тутъ съ нимъ пробылъ, я видѣлъ ясно, что онъ чѣмъ-то занятъ. Хотя онъ и въ это время лечилъ себя, пилъ воды, прогуливался, но всё еще ему оставалось свободное время, и онъ тогда перечитывалъ и переписывалъ свое огромное собраніе Малороссійскихъ пѣсенъ, собиралъ лоскутки, на которыхъ у него были записаны поговорки, замѣчанія и проч. Разставаясь около половины іюня [по н. с.], мы назначили съѣхаться въ Венеціи. Онъ хотѣлъ пріѣхать туда изъ Вѣны въ половинѣ августа, а мнѣ назначилъ послѣднимъ срокомъ 1 сентября. Въѣзжая въ Венецію 2 сентября, я дрожалъ, боялся его уже не застать въ ней. Вмѣсто этого, встрѣчаю его на площади Св. Марка и узнаю, что мы съ противоположныхъ сторонъ въѣхали въ одинъ и тотъ же часъ. Болѣзнь, отъ которой онъ думалъ умереть, задержала его въ Вѣнѣ. Къ счастію, съ нимъ былъ Боткинъ, братъ того, котораго знаетъ Константинъ Сергѣевичъ. Этотъ истинно добрый человѣкъ ухаживалъ за нимъ, какъ нянька. [Онъ съ нимъ пріѣхалъ сюда, и живетъ теперь со мной въ одномъ домѣ.] Бо-

Къ С. Т. Аксакову.

Декабря 28 (1840). Римъ.

Я много передъ вами виноватъ, другъ души моей С. Т., что не писалъ къ вамъ тотчасъ послѣ вашего мнѣ такъ всегда пріятнаго письма. Я былъ тогда боленъ. О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ, потому что это бы васъ огорчило. — — Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни! Вы, въ вашемъ письмѣ, сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угодно будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть, это желаніе, желаніе сердецъ нашихъ сильное

лѣзнь эта надолго разстроила Ник. Вас., безъ того уже разстроеннаго. Она отвлекла его вниманіе ото всего, и только въ Венеціи иногда проглядывали у него минуты спокойныя, въ которыя духъ его сколько-нибудь просвѣтлялъ ужасную мрачность его состоянія, большею частію по необходимости матеріяльнаго. Какія мысли свѣтлыя онъ тогда высказывалъ, какое сознаніе самого себя! Но, пріѣхавши сюда [25 с. н. с.], онъ уже, казалось, ничѣмъ болѣе не былъ занятъ, какъ только своимъ желудкомъ, поправленіемъ своего здоровья [а между тѣмъ никто изъ насъ не могъ съѣсть столько макаронъ, сколько онъ ихъ отпускалъ иной разъ]; скучалъ, безпрестанно жаловался, что даже ничего не можетъ читать. Хотя я въ душѣ никогда не переставалъ быть убѣжденнымъ, что Гоголь непремѣнно пробудится съ новыми силами, но, признаюсь, мнѣ кажется — я уже забывалъ видѣть въ немъ Гоголя, какъ вдругъ въ одно утро, дней 10 тому назадъ, онъ меня угостилъ началомъ новаго произведенія! Вотъ новость, которую я вамъ въ началѣ возвѣстилъ. Это будетъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, трагедія. Планъ ея онъ задумалъ еще въ Вѣнѣ, началъ писать здѣсь. Дѣйствіе въ Малороссіи. Въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя онъ уже написалъ и прочелъ мнѣ, есть одно лицо комическое, которое выражаясь не столько въ дѣйствіи, сколько въ словахъ, теперь уже совершенство. О прочихъ судить нельзя: они должны еще обрисоваться въ самомъ дѣйствіи. Главное лицо еще не обозначилось. Не повѣрите, съ какимъ торжествомъ я возвращался домой. Первою мыслію было писать къ вамъ. Подумайте, что если бъ этого не было, то значило бы, что все погибло. Это должно было быть. Во-первыхъ, онъ одинъ, на своей прежней квартирѣ. Ничто его не разсѣеваетъ. Итди почти некуда болѣе, какъ только къ намъ да къ двумъ-тремъ художникамъ. Часовъ пять въ день должно уже непремѣнно просидѣть одному; надо же что-нибудь дѣлать! Но главное то, что въ Римѣ невозможно не заниматься; или надо быть больнымъ, безъ движенія. Здѣсь человѣка, который сколько-нибудь посвятилъ себя умственной жизни, все вызываетъ къ дѣятельности, къ труду, все изъ него вытягиваетъ мысль....«

обоюдно, исполнится. По крайней мѣрѣ обстоятельства идутъ какъ-будтобы къ тому. Я, кажется, не получу мѣста, о которомъ — помните? — мы хлопотали и которое могло бы обезпечить мое пребываніе въ Римѣ. Я почти, признаюсь, это предвидѣлъ, потому что FF, который надулъ всѣхъ, я разгадалъ почти съ перваго взгляда. Этотъ человѣкъ, который слишкомъ любитъ только одного себя и прикинулся любящимъ и то и се, потому только, чтобы посредствомъ этого болѣе удовлетворить своей страсти, т. е. любви къ самому себѣ. Онъ мною дорожитъ столько же, какъ тряпкой. Ему нужно имѣть при себѣ непремѣнно какую-нибудь Европейскую знаменитость въ художественномъ мірѣ, въ достоинство внутреннее котораго онъ хоть, можетъ быть, и самъ не вѣритъ, но вѣритъ въ разнесшуюся его знаменитость; ибо ему — что̀ весьма естественно — хочется разыграть со всѣмъ блескомъ ту роль, которую онъ не очень смыслитъ. Но Богъ съ нимъ! я радъ всему, всему, что̀ ни случается со мною въ жизни и, какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благамъ вело меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить невидимую руку, ведущую меня.

Другое обстоятельство, которое можетъ дать надежду на возвратъ мой — мои занятья. Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первой томъ »Мертвыхъ Душъ«. Перемѣняю, перечищаю, многое переработываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, со временемъ (выйдетъ) кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной водѣ, которую я сталъ пить по совѣту доктора, котораго за это благослови Богъ и который думаетъ, что мнѣ холодное леченіе должно̀ помочь. Воздухъ теперь чудный въ Римѣ, свѣтлый.

Но лѣто, лѣто — это я ужъ испыталъ — мнѣ непремѣнно нужно провести въ дорогѣ. Я повредилъ себѣ много, что зажился въ душной Вѣнѣ. Но что̀ жъ было дѣлать? признаюсь, у меня не было средствъ тогда предпринять путешествіе; у меня слишкомъ было все расчитано. О, слибъ я имѣлъ возможность всякое лѣто сдѣлать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня. Но обратимся къ началу. Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что̀ казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу. — —

Но довольно; сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлыми, когда облекаются въ слова. Я хотѣлъ-было обождать (съ) этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ перемѣненныя страницы въ »Ревизорѣ«, и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ — и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что̀ нужно къ-спѣху, а всё бы хотѣлось заняться тѣмъ, что̀ не къ спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. У меня почти дыбомъ волосъ, какъ вспомню, въ какіе я вошелъ долги. — — Но я надѣюсь черезъ недѣлю выслать вамъ переправки и приложенія къ »Ревизору«, которые, можетъ быть, заставятъ лучше покупать его. Хорошо бы, если бы онъ выручилъ прежде должные вамъ, а потомъ тысячу, взятую мною у Панова, которую я пообѣщалъ ему уплатить было въ февралѣ.

Пановъ молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Италія ему много принесла пользы, какой бы онъ никогда не пріобрѣлъ въ Германіи, въ чемъ онъ совершенно убѣдился. Это не мѣшаетъ довести, между прочимъ, до свѣдѣнія кое-кого. А впрочемъ, если разсудить по правдѣ, то я не знаю, почему вообще молодымъ людямъ не развернуться въ полнотѣ силъ и въ Русской землѣ. Но почему — можетъ увлечь въ длинное разсужденіе. Покамѣстъ, прощайте...

Къ М. П. Погодину.

1840, декабря 28. Римъ.

Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ »Мертвыхъ Душъ«. Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ наступающемъ году печатать первый томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно. Многое совершилось во мнѣ въ немногое время; но я не въ силахъ теперь писать о томъ, не знаю почему, — можетъ быть, по тому самому, по чему не въ силахъ былъ въ Москвѣ сказать тебѣ ничего такого, что̀ бы оправдало меня передъ тобою во многомъ. Когда-нибудь въ обоюдной встрѣчѣ, можетъ быть, на меня найдетъ такое расположеніе, что слова мои потекутъ, и я, съ чистой откровенностью ребенка, повѣдаю состояніе души моей, причинившей многое вольное и невольное. О, ты долженъ знать, что тотъ, кто созданъ сколько-нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореньями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ! Боже, другому человѣку, чтобы оправдать себя, достаточно двухъ словъ, а ему нужны цѣлыя страницы! Какъ это тягостно иногда! Но довольно. Цѣлую тебя.

Письмо твое утѣшительно. Благодарю тебя за него, растроганно, душевно благодарю! Я покоенъ. Свѣжій воздухъ и пріятный холодъ здѣшней зимы дѣйствуютъ на меня животворительно. Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о томъ, что у меня ни копейки денегъ. Живу кое-какъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трынъ-трава. Если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны, или лѣта, то, можетъ быть, мнѣ удастся еще приготовить что-нибудь къ печати, кромѣ перваго тома »Мертвыхъ Душъ«. Но лѣто, лѣто... Мнѣ непремѣнно нужна дорога, дорога, далекая. Какъ это сдѣлать? Но... Богъ милостивъ. Прощай! — —

Къ матери.

Римъ. Января $\frac{19}{31}$, 1841.

Не знаю, пропали ли мои письма здѣсь, или у васъ, только изъ письма вашего видно, что вы ихъ не получили вовсе. По край-

ней мѣрѣ ни въ первомъ, ни въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ нѣтъ никакого отвѣта на кое-какія мои росьбы и предложенія, которыя я считалъ немаловажными, — особливо въ первомъ письмѣ, гдѣ я просилъ васъ о порученіи моимъ сестрамъ каждой въ управленіе какой-нибудь хозяйственной отдѣльной статьи, чтобы ихъ пріучать такимъ образомъ къ хозяйству, что̀ важнѣе всѣхъ прочихъ ученій, которыя обыкновенно служатъ только для гостиныхъ и для наружнаго блеска. Пошлите хорошенько навѣдаться за этими письмами и спросите почтмейстера, что не затерялись ли онѣ гдѣ-нибудь на почтѣ, т. е. между другими письмами и не залежались ли гдѣ ошибкою. Здоровье мое, слава Богу, кое-какъ еще движется. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, который здѣсь уже давно, а у васъ еще недавно наступилъ. Поздравляю съ этимъ и сестру мою Марію, желая ей въ этомъ году всего добраго и цѣлую Колю, особенно если онъ уменъ...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. $\frac{26}{14}$ февраля (1841.)

Я получилъ вчера письмо твое. Ты не аккуратенъ — не выставилъ ни дня, ни числа; я незнаю даже, откуда оно писано: на пакетѣ почта выставила штемпель какого-то невѣдомаго мнѣ мѣста. Адрессую на-удалую по-прежнему въ Миргородъ.

Поговоримъ о предположеніяхъ твоихъ на-счетъ тебя и службы, которыя находятся у тебя въ письмѣ. Служить въ Петербургѣ и получить мѣсто во внѣшней торговлѣ, или иностранныхъ дѣлъ— не такъ легко. Иногда эти мѣста вовсе зависятъ не отъ тѣхъ именно начальниковъ, какъ намъ кажется издали, и съ ними сопряжены такія, издалека невидныя намъ отношенія.... Въ иностранной коллегіи, покамѣстъ доберешься до какого-либо заграничнаго мѣста, Богъ знаетъ, сколько придется тащить лямку. Вооружиться терпѣніемъ можно иногда, но меня страшитъ и самый Петербургскій климатъ. Ты же и теперь, и въ деревнѣ находишься, какъ видно, въ болѣзненномъ состояніи, и едва ли можетъ удовлетворить тебя эта отдаленная цѣль, которую ты видишь—ѣхать

за границу. Врядъ ли твои впечатлѣнія будутъ тѣ же, или подобныя тѣмъ же, которыя чувствовалъ прежде: свѣжести первой юности уже нѣтъ; прежняя новость, новость уже пропала. И притомъ, развѣ ты не чувствуешь, что вотъ къ тебѣ уже примѣшалась та болѣзнь, которою одержимо все наше поколѣніе: неудовлетворенье и тоска. Противъ нихъ нужно чтобы слишкомъ твердый и сильный отпоръ заключался въ нашей собственной груди, сила стремленія къ чему-нибудь избранному всей душой и всей глубиной ея, однимъ словомъ — внутренняя цѣль; сильный порывъ, къ чему бы то ни было, но всё же какая бы то ни была страсть. Стало быть, ты чувствуешь, что тутъ нужны радикальныя лекарства, и дай Богъ, чтобы ты нашелъ ихъ въ собственной душѣ своей; ибо все находится въ собственной душѣ нашей, хотя мы не подозрѣваемъ и не стремимся даже къ тому, чтобы проникнуть и найти ихъ. Но объ этомъ придетъ время поговорить послѣ. Ни ты не готовъ еще слушать, ни я не готовъ еще говорить.

Покамѣстъ, я думаю и могу совѣтовать вотъ что̀: если тебѣ будетъ уже не въ мочь жить-быть въ деревнѣ, тогда выѣзжай изъ нея. Выѣздъ всё будетъ хорошъ, и нельзя, чтобы не былъ въ какомъ-нибудь отношеніи благодѣтеленъ. Поѣзжай прежде въ Москву, отвѣдай прежде Москвы, а потомъ, если не слюбится, поѣзжай въ Петербургъ. Совѣтуя тебѣ въ Москву, я натурально имѣлъ въ виду твое состояніе и служить при Голицынѣ, предполагалъ устроить такъ, чтобъ ты могъ получать жалованье. Шевыревъ, прекрасная душа, и я на него болѣе могъ положиться, чѣмъ на кого-либо иного, зная вмѣстѣ съ тѣмъ его большую аккуратность. Что̀ касается до жизни, то не думай, чтобъ это было дороже Петербургской. Ты увидишь, что тебѣ совершенно не нужно будетъ дома обѣдать: и побужденія не будетъ на это, кромѣ того, что это очень скучно. Тебя примутъ радушно и совершенно по-домашнему всѣ тѣ, которые меня любятъ. Само собою разумѣется, что ты долженъ счититься относительно разныхъ издержекъ, и слава Богу, я этому радъ.... Значеніе этого очень важно въ психологическомъ отношеніи, хотя ты еще не знаешь, въ какомъ именно. Впрочемъ считить тебѣ вовсе въ Москвѣ не будетъ такъ обидно и трудно, какъ, можетъ быть, въ Петербургѣ. Одѣ-

ваться ты долженъ скромно. Одѣваться *дурно* ты не можешь, ибо одѣвается дурно не тотъ, кто бѣденъ, а тотъ, кто не имѣетъ вкуса, или кто слишкомъ хлопочетъ объ этомъ. Ты долженъ пренебречь многими тѣми мелочами, которыми, кажется, трудно пренебречь и которыми, кажется, какъ-будто уронишь себя. Это обманъ, совершенно оптическій обманъ, и ты увидишь, что свѣтъ обратится къ тебѣ и почтитъ въ тебѣ и назоветъ именно достоинствомъ то самое, что ему казалось въ тебѣ недостаткомъ. Ты не долженъ ни чуждаться свѣта, ни входить въ него, сильно связываясь съ нимъ интересами своей жизни. Ты долженъ сохранять всегда и вездѣ независимость лица своего. Будь вездѣ, какъ дома, свободенъ и ровенъ. Это будетъ тебѣ и не трудно, потому что со всѣми тѣми людьми, съ которыми я знакомъ особенно, можно быть совершенно просту. Да и вездѣ совершенно можно быть просту. Будь снисходителенъ вообще къ людямъ и не останавливайся рѣзкостью тона, иногда странной замашкой; умѣй, мимо всего этого, найдти прекрасныя стороны человѣка, умѣй за двa-три достоинства простить десять, двадцать недостатковъ, умѣй указать ему эти достоинства, и ты будешь ему другомъ, и можешь дѣйствовать на него благодѣтельно, не льстя ему, но указывая ему на его прекрасную сторону, можетъ быть, имъ пренебреженную. Въ минуту, когда чѣмъ-нибудь будетъ уколото самолюбіе душевное, или даже, просто, чувство и движенье душевное, какая-нибудь чувствительная струна [такія минуты могутъ случиться часто въ свѣтѣ], помни всегда, что ты пришелъ, какъ зритель и любопытный, а вовсе не такъ, какъ актеръ и участвующій, что тебѣ слѣдуетъ всему извинить и что ты въ такомъ же отношеніи посторонній свѣту, какъ путешественникъ, высадившійся на пароходѣ изъ Петербурга въ Гамбургъ, есть посторонній Гамбургской жизни внутри домовъ и имѣющимся, можетъ быть, тамъ сплетнямъ. Конечно, трудно сохранить такую независимость характера, не заключивъ внутри себя какого-нибудь постояннаго труда, который бы хоть на два часа въ день, занялъ въ урочное время душу. Но нѣтъ человѣка, который бы не былъ созданъ и опредѣленъ къ чему-нибудь, и горе тому, кто не дастъ труда узнать себя, кто не испытаетъ и не пробуетъ себя,

и не проситъ помощи у высшихъ силъ — обрѣсти и попасть на свою дорогу. Кругъ великъ вокругъ насъ и дорогъ множество. Какъ не быть имъ въ Москвѣ? Тамъ издается, напримѣръ, журналъ. Если взглянуть пристально даже на это, то много представится совершенно новыхъ сторонъ, и сторонъ такихъ, на одну изъ которыхъ, можетъ быть, даже легко.... Но довольно объ этомъ. Можетъ быть, тебѣ даже страннымъ покажутся слова мои и въ нихъ послышится какое-нибудь ветхое нравоученіе. Если такъ, то отложи письмо мое до другой минуты и въ минуту, болѣе душевную перечти опять и вновь его. Есть тѣ ветхія истины, которыя въ иную минуту бываетъ сладко услышать и которыя бываютъ святы уже самой ветхостью своею. Во всякомъ случаѣ, помни чаще всего одну истину: вездѣ, во всякомъ мѣстѣ и углѣ міра, въ Парижѣ ли, въ Миргородѣ ли, въ Италіи ли, въ Москвѣ ли, вездѣ можетъ настигнуть тебя тяжелая, можетъ быть, даже жестокая тоска, и никакихъ нѣтъ спасеній отъ нея. И это есть глубокое доказательство того, что въ душу твою вложены тайныя стремленія къ чему-нибудь, что безпокойно мечутся силы, неслышащія и неузнающія назначенія своего, безъ сомнѣнія, не пустого и ничтожнаго. Иначе тебя бы удовлетворила, или бы по крайней мѣрѣ успокоила праздная и однообразная жизнь, бредущая шагъ за шагомъ. Но удовлетворенья нѣтъ тебѣ, и ничѣмъ, никакими обеспеченьями и видимыми выгодами жизни не получишь ты его, и не пріобрѣтетъ торжественнаго свѣтлаго пока душа твоя. Одинъ только тотъ трудъ, одна только та жизнь, для которой стихіи заключены въ нашей природѣ, та только жизнь въ силахъ насъ наполнитъ. Но какъ узнать эту жизнь? какъ мы можемъ указать другому то, что̀ есть внутри? какой докторъ, хотя бы онъ зналъ до-нага всю натуру человѣка, можетъ опредѣлить нашу внутреннюю болѣзнь? Бѣдный больной иногда имѣетъ надъ нимъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что можетъ чувствовать, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ у него болитъ, и по инстинкту выбираетъ самъ для себя лекарство.

Во всякомъ случаѣ, поѣдешь ли ты въ Москву, или въ Петербургъ, примись душевно за трудъ, какой бы ни было, не изнуряя себя, а въ урочный часъ и время, хотя и не долго, и сдѣлай его

постояннымъ и ежедневнымъ; не считай остальное и свободное и, можетъ быть, даже лучшее время за главное, за цѣль, для которой предпринятъ трудъ, какъ необходимое средство; а считай, просто, это свободное и лучшее время наградой за предпринятый трудъ. Не ищи этого труда вдали; оглянись на всякомъ мѣстѣ пристальнѣе вокругъ себя: то, что ближе, то можно лучше осмотрѣть глазомъ. И если въ предстоящемъ трудѣ есть хотя сколько-нибудь, къ чему бы хотя часть участія лежало, берись за него добросовѣстно и покойно совершай его. Если даже онъ и не тотъ именно, для чего вызвана твоя жизнь, всё равно, и обманъ можетъ доставить хоть временное спокойствіе душѣ; а послѣ труда всё-таки остался опытъ и всё-таки сталъ чрезъ то ближе къ труду, который опредѣленъ быть нашимъ назначеніемъ. Во всякомъ случаѣ, куда ни поѣдешь, или только задумаешь ѣхать и вообще, если тебѣ случится думать и представлять себѣ то, что ожидаетъ тебя впереди, даю тебѣ одно изъ ветхихъ, старыхъ моихъ правилъ, даю тебѣ его не какъ подарокъ, а, просто, какъ хозяинъ даетъ часто свой старый поношенный халатъ надѣть на время, пока тотъ сидитъ у него, и потомъ, натурально, его спроситъ. Представляй всегда, что тебя ждетъ черствая встрѣча, жесткая погода, холодъ и людей, и душъ ихъ, тернистая, трудная жизнь и что для тоски будетъ и тамъ полное раздолье и развалъ, и вооружись заранѣе идти твердо на все это, — ты всегда выиграешь и будешь въ барышахъ.

Ты всё-таки ни слова не написалъ о томъ, какъ рѣшился ты именно и когда. Впрочемъ, если тебѣ придется, въ слѣдствіе тоски, или чего бы то ни было, выѣхать изъ деревни, то Москва всё-таки стоитъ на дорогѣ, и всё-таки проживи въ Москвѣ, хотя для того, чтобы имѣть время хорошенько обдумать, потому что дѣлъ въ Петербургѣ нельзя обстроить вдругъ и нужно имѣть въ виду уже слишкомъ вѣрное, чтобы ѣхать.

Ты пишешь, не имѣю ли какихъ путей пристроить къ GG. Рѣшительно никакихъ. Слышно о немъ, что онъ что-то въ родѣ скотины, и больше ничего; а впрочемъ я объ этомъ не могу судить, не видавши и не зная его. Знаю только, что казенной должностью всё-таки лучше быть заняту: тутъ по крайней мѣрѣ слуга

правительства, а тамъ что-то въ родѣ лакея у капризнаго барина. Ты представь самъ, сколько могутъ тутъ произойти такихъ щекотливыхъ отношеній, какихъ ни въ какой службѣ не можетъ быть. И притомъ мѣсто С***, кажется, упразднено, тѣмъ болѣе, что GG живетъ уже въ Россіи и не совершаетъ ученыхъ экспедицій. Если ты примешь твердое желаніе остаться въ Москвѣ, тогда я тебѣ напишу то, что я думаю о тебѣ, о твоихъ средствахъ и о способностяхъ, заключенныхъ въ твоей природѣ,—натурально, такимъ образомъ, какъ можетъ знать объ этомъ человѣкъ посторонній, единственно основываясь на небольшомъ познаніи природы человѣческой, познаніи, которое мудростью Небесъ вложено мнѣ въ душу и которое, разумѣется, еще слишкомъ далеко отъ того, чтобы не ошибаться; но во всякомъ случаѣ оно можетъ быть полезно уже потому, что наведетъ на размышленіе и заставитъ обсмотрѣть глубже то, по чему только скользилъ доселѣ взоръ. Я уже писалъ о тебѣ въ Москву, такъ что ты можешь прямо явиться къ Шевыреву, также къ Погодину. Вотъ еще тебѣ маленькіе лоскуточки.

Благодарю тебя за всѣ твои извѣстія и уѣздные толки; это все для меня очень интересно. Тебѣ покажется странно, что для меня все, до послѣднихъ мелочей, что ни дѣлается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого и близко, малинка и попы интереснѣй всякихъ Колизеевъ, и все, что ни говорятъ у васъ, хвалятъ, или бранятъ меня, или просто пустяки говорятъ, я готовъ принять съ полнымъ радушіемъ и отверстыми объятіями.

Ты спрашиваешь, зачѣмъ я не говорю и не пишу къ тебѣ о моей жизни, о всѣхъ мелочахъ, объ обѣдахъ и проч. и проч. Но жизнь моя давно уже происходитъ вся внутри меня, а внутреннюю жизнь [ты самъ можешь чувствовать] не легко передавать. Тутъ нужны томы. Да притомъ результатъ ея явится потомъ весь въ печатномъ видѣ. Увы! развѣ ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушелъ въ себя, тогда какъ ты остался еще внѣ? Но отовсюду, гдѣ бы я ни былъ, я буду посылать къ тебѣ слово, все проникнутое участіемъ, и буду помогать, сколько вразумитъ меня Богъ, какъ обрѣсти твою, тебѣ назначенную дорогу, дорогу стать ближе къ себѣ самому; а ставши ближе къ

себѣ, вошедши глубже въ себя, ты меня встрѣтишь тамъ непремѣнно, и встрѣча эта будетъ въ нѣсколько разъ радостнѣй встрѣчи двухъ товарищей-школьниковъ, столкнувшихся внезапно въ странѣ скуки и заточенья, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

Прощай; увѣдомляй меня обо всемъ. Не ожидай расположенья писать, но пиши сейчасъ, послѣ полученья письма. Не гляди на то, что перо скупо сегодня, всё равно, хотя три строки, не больше, выйдутъ, посылай ихъ. Больше, чѣмъ когда-либо, ты долженъ быть теперь на-распашку въ письмахъ со мною и не думать вовсе о томъ, чтобъ быть интереснѣй, занимательнѣй, а просто, со всей скукой, лѣнью, съ заспанной наружностью, карандашомъ на лоскуткахъ, за обѣдомъ, по три, по четыре слова можешь записывать и посылать ихъ тотъ же часъ на почту. Ты увидишь, что тебѣ будетъ гораздо легче самому послѣ этого. Прощай...

О какихъ деньгахъ ты пишешь, которыя лежатъ у тебя въ депо? Если это остатокъ долга, который за тобой, то разсмотри прежде, точно ли не нуждаешься; если же въ тебѣ не настоитъ надобности, то узнай отъ маминьки, получила ли она изъ Москвы какія-нибудь деньги, въ слѣдствіе стѣсненныхъ своихъ обстоятельствъ. Если получила, то замолчи; если же нѣтъ, то скажи, что тебѣ присланы отъ Прокоповича деньги, по моему порученію, для передачи ей; но не говори, что это долгъ твой мнѣ.

Къ С. Т. Аксакову.

Марта 5 (1841). Римъ.

Мнѣ грустно такъ долго неполучать отъ васъ вѣсти, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Но, можетъ быть, я самъ виноватъ: можетъ быть, вы ожидали высылки мною обѣщанныхъ измѣненій и приложеній, слѣдуемыхъ ко 2 изданію »Ревизора«. Но я не могъ нигдѣ найти ихъ. Теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ скучно теперь заниматься тѣмъ, что нужно на скорую руку, — какъ мнѣ тягостно на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю мою душу! Но вотъ вамъ наконецъ эти приложенія. Здѣсь письмо, писанное мною къ Пуш-

нигу, по его собственному желанію. Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піеса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала, и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ са̀мъ. Изъ этого письма я выключилъ то, что̀ собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставилъ только то, что̀ можетъ быть интересно для будущей постановки »Ревизора«, если она когда-нибудь состоится. Мнѣ кажется, что прилагаемый отрывокъ будетъ не лишнимъ для умнаго актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо подъ такимъ названіемъ, какое на немъ выставлено, нужно̀ отнесть на конецъ піесы, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ двѣ прилагаемыя выключенныя изъ піесы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится въ началѣ книги перваго изданія, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное въ его письмѣ измѣненіе четвертаго акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы издать »Ревизора« въ миніатюрномъ форматѣ, а впрочемъ, какъ найдете лучшимъ.

Теперь я долженъ съ вами поговорить о дѣлѣ важномъ. Но объ этомъ сообщитъ вамъ Погодинъ. Вы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаете совѣщаніе, какъ устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имѣю право и чувствую это въ душѣ. Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: онѣ однѣ, какъ я уже говорилъ, возстановляютъ меня. У меня всѣ средства истощились уже нѣсколько мѣсяцевъ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 42 года выплатился мною все, потому что одно то, ко-

торое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года, уже достаточно для уплаты.

Теперь я вашъ; Москва моя родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей Русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею волею — и мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь, словомъ — ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ и Константинъ Сергѣевичъ: имъ же нужно, — Михаилу Семеновичу для здоровья, Константину Сергѣевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться. А милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище. Стало быть, ее нужно беречь. Жду вашего отвѣта; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если бы вы знали, какъ я теперь жажду обнять васъ! До свиданья. Какъ прекрасно это слово!...

Къ нему же.

(13 марта 1841. Римъ.)

Едва только я успѣлъ отправить письмо мое къ вамъ, съ приложеньями къ »Ревизору«, какъ получилъ вслѣдъ за тѣмъ ваше. Оно было для меня тѣмъ пріятнѣе, что мнѣ казалось уже, будто я отъ васъ Богъ знаетъ когда не получалъ вѣсти. Цѣлую васъ нѣсколько разъ, въ задатокъ поцѣлуевъ личныхъ. »Ревизора«, я по-

лагаю, не отложить ли до осени? Время близится къ лѣту; въ это время книги сбываются плохо и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпускомъ повременить до осени. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ благоразуміе и опытность.

Вы пишете, чтобы я приложилъ что-нибудь въ журналъ къ Погодину. Боже, если бы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, — какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе! Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого своего труда — для меня уже бѣда. Никогда бы не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Если бы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бы у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи! Но, такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старой лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже! можетъ быть, двѣ-три недѣли, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванья, какъ великая, и, можетъ быть, еще большаго и тягостно-томительнѣйшаго труда, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, — преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкой грѣхъ отвлекать меня! Только одн(ом)у невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочного; и для презрѣннаго ли журнальнаго пошлаго занят(ья) ежедневнымъ дрязгомъ я долженъ совершать непрощаемыя преступленія? и что поможетъ журналу моя статья? Но статья будетъ готова и недѣли черезъ три выслана. Жаль только, если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе. Но, я думаю, нѣтъ. Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу. Она же такъ теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна. Я увижу моихъ друзей, моихъ родныхъ друзей. Не говорите о моемъ пріѣздѣ никому, и Погодину скажите, чтобъ онъ также не говорилъ; если же прежде объ этомъ проговорились, то теперь говорите, что это не вѣрно еще. Ничего также не сказывайте о моемъ трудѣ. Обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезнымъ ему со

стороны журнала, но что онъ, если у него бьется Русское чувство любви къ отечеству, онъ долженъ требовать, чтобъ я не давалъ ему ничего.

Вы, можетъ быть, дивитесь, что я вызываю Константина Серг. и Михаила Семеновича, но я дѣлалъ это въ томъ предположеніи, что Конст. Серг. нужно было и безъ того ѣхать, а Мих. Сем. тоже хотѣлъ ѣхать къ водамъ, что ему принесло бы значительную пользу. Я бы ихъ ожидалъ хоть въ самомъ первомъ за нашею границею Нѣмецкомъ городѣ. Вы знаете этому причины изъ письма моего, которое вы уже получили. На-счетъ денегъ нужно будетъ распорядиться скорѣе.

Въ маѣ мѣсяцѣ я полагаю выѣхать изъ Рима, мѣсяцы жаркіе провесть гдѣ-нибудь въ холодныхъ углахъ Европы, — можетъ быть, въ Швейцаріи, и къ началу сентября въ Москву — обнять и прижать васъ сильно...

Къ матери.

Мартъ 25, 1841.

Сегодня только попалось мнѣ въ руки письмо ваше, писанное вами четыре мѣсяца назадъ въ отвѣтъ на мое, которое я считалъ уже пропавшимъ. По ошибкѣ на почтѣ оно попало въ другой ящикъ и пролежало до сего дня. Отвѣтъ на ваше послѣднее письмо мною уже вамъ посланъ, а это пишу по двумъ причинамъ: 1) чтобы приложить при немъ кое-какія замѣчанія и объясненія — — а самое главное — чтобы изъявить вамъ мою радость, по случаю вѣстей о моемъ племянникѣ. — — Но теперь, покамѣстъ, пусть онъ продолжаетъ такъ свое воспитаніе какъ есть, которое, какъ я вижу, очень недурно, а чрезъ годъ, или два, особенно когда окажется въ немъ къ чему-либо преимущественная наклонность, тогда подумаемъ объ воспитаніи болѣе серьезномъ. Сестра Марья да не позабудетъ всей важности своего долга, а я буду помогать ей всѣми силами. Я заступлю ему во всѣхъ отношеніяхъ отца. Нѣтъ, отецъ того не сдѣлаетъ, что сдѣлаю для него я...

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Мартъ 25. Римъ. (1841)

— — — Я тебѣ благодаренъ за письмо, благодаренъ именно за (то), что оно написано такъ, а не иначе, — что ты написала его прямо, въ первомъ движеніи души, и сказала все, что̀ чувствовала въ это время. И по этому одному оно для меня дороже всѣхъ другихъ твоихъ писемъ. Никогда и никакъ не удерживайся въ письмахъ твоихъ отъ тѣхъ выраженій и мыслей, которыя почему-нибудь тебѣ покажутся, что огорчатъ меня, или не понравятся. Ихъ-то именно скорѣе на бумагу, ихъ я желаю знать. Какъ духовнику мы желаемъ прежде всего объявить то, что̀ тягостнѣе лежитъ на душѣ нашей, такъ и мнѣ прежде всего ты должна сказывать то, что̀ почему-либо тебѣ покажется тягостно говорить мнѣ. Ты должна помнить, что сердечное изліяніе ты передаешь другу, который придумаетъ средство, какъ поправить, а не станетъ расточать суровые и жестокіе упреки. — —

Ты описала мнѣ день своихъ занятій. Имъ я не совершенно доволенъ. — — Я не хочу, чтобы ты переводила болѣе часу въ день. Лучше оставлять работу тогда, когда еще хочется немного заняться, а не тогда, когда уже вовсе не хочется. Потомъ ты принимаешься сейчасъ за работу, за вышиваніе. Это тоже и рѣшительно нехорошо. Я желалъ бы, напротивъ, чтобъ ты по крайней мѣрѣ часъ дѣлала движеніе и была безпрестанно на ногахъ, — если даже не цѣлыхъ два. Вотъ для чего еще я хотѣлъ вселить въ тебя расположеніе къ домашнему хозяйству. Я зналъ, что трудно для тебя придумать какое-нибудь движеніе, особенно зимою, — что ты непремѣнно будешь сидѣть на одномъ мѣстѣ, а насильно трудно заставить себя бѣгать по комнатѣ. Я думалъ, что хлопоты и заботы заставятъ тебя перейти изъ комнаты въ кладовую, изъ кладовой въ какое-нибудь другое мѣсто, словомъ — что ты невольно такимъ образомъ будешь дѣлать движеніе, которое бы тягостно было тебѣ дѣлать нарочно. — — Итакъ ты видишь, что все, что̀ ни требовалъ я когда-либо отъ тебя, все это обдумывалось къ добру твоему. Я даже немножко далѣе вижу въ душу

твою, чѣмъ ты думаешь, но не хочу иногда показать тебѣ этого. Я хочу, чтобъ ты сама обнаружала всѣ движенья ея простодушно, съ чистосердечьемъ ребенка, и въ этомъ есть тоже цѣль моя, которую ты узнаешь, можетъ, и сама послѣ, и возблагодаришь того, который думалъ о тебѣ и почти невидимо устраивалъ и дѣйствовалъ для тебя. Я желаю также, чтобы и письма твои писались ко мнѣ только тогда, когда тебѣ слишкомъ захочется писать ко мнѣ, а не тогда, когда тебѣ придется придумывать, о чемъ бы писать ко мнѣ...

Къ Н. Н. Ш—вой.

Апрѣля $\frac{15}{3}$ (1841).

Сію минуту получилъ я ваше письмо отъ 13-го марта, безцѣнный другъ мой, и отвѣчаю на него сію минуту. Благодарю васъ за него. Оно такъ же было пріятно душѣ моей, какъ и всѣ другія ваши письма, и, кажется, даже больше, чѣмъ другія. Благодарю васъ за ваши поздравленія съ грядущимъ прекраснымъ праздникомъ для всѣхъ насъ. Вы не обманулись, вы первыя поздравили меня съ нимъ. Еще недѣля остается до него, но душа моя жаждетъ мысленно похристосоваться съ вами первыми въ ту высокую минуту, когда произнесется: *Христосъ воскресе!* Итакъ будьте увѣрены, что поздравленіе мое понесется на-встрѣчу вашему, и встрѣча эта во Христѣ будетъ глубоко радостна душамъ нашимъ. Прощайте; будьте свѣтлы этимъ Свѣтлымъ воскресеньемъ весь годъ до новаго Свѣтлаго воскресенья. Я говѣлъ на первой недѣлѣ еще поста, и это было прекрасное время. Богъ несчетно, сугубо награждаетъ насъ за самое даже мгновенное пребываніе въ Немъ. И много новаго излилось съ тѣхъ поръ въ мою душу, за что несу Ему вѣчное благодареніе...

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

(1841.)

Христосъ воскресе!

Твои чувства, временами тобою ощущаемыя, довольно вѣрны, милая сестра Анна. Что тебѣ кажется, будто *ты здѣсь мимо-*

пъздомъ, это такъ. Мы всѣ здѣсь мимоѣздомъ, и всѣ не долго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь мимоѣздомъ не по своенравному случаю, не для какого-либо пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученье, возложенное на насъ Пославшимъ, безъ чего не можемъ получить ни награды, ни права на будущую жизнь. Только на слова твои, что *тебѣ не хочется даже выкладываться*, замѣчу, что это даже не въ нашей волѣ. И хотѣлъ бы выложить все изъ своего дорожнаго экипажа, но какъ это сдѣлать, когда и самъ не знаешь, что̀ въ тебѣ положено и гдѣ. Несчастія, скорби, потрясенья, удары всякаго рода, вотъ что̀ заставляетъ иногда выступить изъ насъ то, что̀ дремлетъ въ душевномъ хранилищѣ нашемъ. На нихъ, какъ на оселкѣ, мы пробуемся, испытываемся, обнаруживаемъ себя самимъ себѣ и наконецъ узнаемъ, что̀ лежитъ въ насъ. Но блаженъ тотъ, кто, не дожидаясь скорбей (и) испытаній, исполняетъ просто заповѣдь, данную Богомъ по изгнаньи изъ рая: въ трудѣ и въ потѣ снѣсть хлѣбъ свой. Его отъ многаго распасетъ эта заповѣдь. Его силы укрѣпятся, его способности разовьются. Дѣятельность покажетъ ему, что̀ дѣйствительно лежитъ въ немъ; ибо только на дѣлѣ можетъ узнать человѣкъ свои дѣйствительныя силы. Безъ него и мысли о самомъ себѣ мечтательны и ошибочны. Воображеніе же такъ любитъ поддѣвать насъ!... Что *тебѣ жаль самой себя*, это такъ же понятно, равно какъ и *хотѣнье быть счастливой*. Мы всѣ должны хотѣть этого. Счастье отъ насъ. Насъ Богъ зоветъ къ счастью ежеминутно, но мы сами счастье отталкиваемъ. Вотъ мой совѣтъ. Молись Ему о томъ, чтобъ Онъ самъ внушилъ тебѣ совѣтъ. Онъ милосердъ; Онъ сказалъ: *Толците, и отверзется вамъ.* А покуда, займись огородомъ. Въ приложенной книжкѣ найдешь полное наставленье для всякой зелени порознь. Учись всякую порученность исполнять добросовѣстно и честно, даже самую ничтожную, такъ какъ-бы на тебя возложилъ ее самъ Богъ и ты Ему должна дать отвѣтъ. Тогда и большія обязанности станутъ тебѣ легки и удобоисполнительны. Помни, что для твоего здоровья нужно быть безпрестанно на воздухѣ. Прогулка еще не такъ полезна, какъ занятье на воздухѣ, особенно руками. Отъ этого кровь обращается

правильнѣй и въ тѣлѣ устанавливается равновѣсіе. Пріучайся копать заступомъ легенькимъ на рыхлой землѣ, чтобъ не очень уставать. Земля, которая идетъ у васъ подъ огородъ, въ мѣстахъ, гдѣ были прежде скотный дворъ и конюшня, слишкомъ жирна отъ множества навозу. Понемножку можно подмѣшивать песку, но очень немного. Не забывай сама съ лейкой, до восхожденья солнца и по захожденьи его, ходить къ пруду за водой и поливать. Въ это время можешь прочитать свои утреннія и вечернія молитвы. Богъ какъ-то особенно любитъ молитвы во время труда, и потому особенно успѣвается во всемъ и удается, кто во всякомъ дѣлѣ ограждаетъ себя крестомъ и говоритъ внутренно: »Господи, помоги!« Но довольно съ тебя. Гони прочь уныніе, которое есть грѣхъ, и будь весела...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Мая 8 (1841).

Я получилъ, послѣ небольшого антракта, наконецъ твое письмо, то есть, то письмо, въ которомъ ты жалуешься на негодность свою во всякомъ дѣлѣ и особливо въ журнальномъ, противъ чего, впрочемъ не спорю, ибо признаю ее въ послѣднемъ градусѣ силъ во мнѣ самомъ. Но я представилъ тебѣ подобное именно для того, чтобы поставить на видъ, какъ средство, къ которому, можетъ быть, придется наконецъ прибѣгнуть.

Новости твои изъ дому, какъ кажется, совершенно неутѣшительны. Этотъ Иванъ Семеновичъ, который купилъ дрожки для разъѣздовъ по экономіи, кажется, не выйдетъ большимъ хозяиномъ, и недумаю, чтобы экономія получила существенныя выгоды отъ этихъ дрожекъ. Съ другой стороны, я не вижу никакой возможности поправить эту часть, зане́ мы съ тобою, какъ самъ знаешь, тоже небольшіе экономы.

Приглашеніе твое въ Ахенъ, увы! несмотря на всю пріятность увидаться съ тобою, никакъ не можетъ меня подвигнуть. Золотуха теперь одна изъ самыхъ сноснѣйшихъ моихъ болѣзней и, кажется, теперь давно уже угасла, по крайней мѣрѣ я не вижу никакихъ ея

признаковъ. Главный дьяволъ у меня въ желудкѣ. Притомъ одна уже мысль объ Ахенѣ и о трактирѣ Карломановомъ, и объ несчастнѣйшемъ, покрытомъ пылью гуляньѣ, и объ моей болѣзни въ горлѣ, которая тамъ приключилась, и объ тоскѣ, которая тамъ задаетъ свои балы во всемъ своемъ разгульѣ, и объ красномъ Э***, которому тамъ посчастливилось узнать врага своего; словомъ, ничто, ничто не можетъ заманить туда во второй разъ. И послѣ этой представившейся мнѣ картины Маріенбадъ мнѣ показался не только сноснымъ, но даже заманчивымъ. Хотя, признаться, грустно подумать — оставлять Италію. Тамъ теперь хорошо! но май, какой чудный, прекрасный май! ты знаешь, каковъ онъ въ Римѣ! Альбано, Фраскати, ослы и эти чудесныя деревья и лазурныя небеса. Чего не позабудешь въ это время! и слишкомъ нужно быть сильной болѣзни физической, чтобы не позабыть ее хотя въ половину.

Но разскажи мнѣ, что̀ дѣлаютъ теперь твои гости, мои добрые, мои истинно вѣрные друзья, гдѣ ты ихъ водишь и какъ проводите вы тамъ время, которое, вѣрно, тебѣ кажется теперь сноснѣе въ Парижѣ, я думаю, теперь совершенно ограбленномъ Лондономъ, отчасти отдаленными южными небасами, а болѣе всего цѣлительными водами и ключами. Кстати, писалъ ли я тебѣ о томъ, что если Маріенбадъ мнѣ не поможетъ, поѣду въ Грефенсбергъ на леченіе холодной водою, которое, въ самомъ дѣлѣ, производитъ чудеса надъ всякаго рода болѣзнями и преимущественно надъ тѣми, которыя лечатся сильной испариной? Говорятъ, производитъ лошадиныя испаренія. Прощай!...

Къ М. П. Погодину.

Римъ. Мая 15 (1841).

Благодарю много за деньги. Я ихъ получилъ. Но это, однакожъ, какъ ты самъ знаешь, только половина. Я расплатился съ долгами и сижу на мѣстѣ. Если ты не выслалъ остальныхъ двухъ тысячъ еще до полученія сего письма, то мнѣ бѣда, бѣда, потому — придется оставатся въ Римѣ на самое жаркое время лѣта, которое, во-первыхъ, у меня совершенно пропадетъ, а во-вторыхъ, можетъ

нанести значительной вредъ моему здоровью. Досадно мнѣ очень, какъ подумаю, что мнѣ придется возвращаться одному, почти страшно: перекладная и всѣ эти продѣлки дорожнія, которыя и въ прежнія времена не очень были легки, теперь, при теперешнемъ моемъ положеніи, мнѣ кажутся особенно тягостны. Если бы Богъ послалъ мнѣ счастіе, т. е. попутчика съ коляской, было бы и весьма въ-пору.

Послѣдняго слова въ твоей запискѣ я никакъ не могъ разобрать. Написано такъ: *Въ эту минуту я занемогаю*, и потомъ слово, котораго я не могъ разобрать. Я утѣшаю себя по крайней мѣрѣ, что не нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ эти слова.

Ужасно жалко мнѣ SL, не потому только, что у нихъ умеръ сынъ, но потому, что безграничная привязанность до упоенья къ чему бы ни было въ жизни — есть уже несчастье. Такъ мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можемъ лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается намъ, жить обманомъ и стараться вѣчно обманываться — страшно, просто, страшно. Мы ропщемъ только на утраты и никогда не благодаримъ за блага, которыя даются намъ щедро, обильно; но мы замѣчаемъ ихъ только въ минуту, когда лишаемся ихъ, а до того времени глядимъ на нихъ, какъ на что-то должное намъ, на что-то непремѣнно принадлежащее намъ. Неблагодаренъ человѣкъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось быть въ эту минуту въ Москвѣ! какъ бы хотѣлось знать, утѣшились ли они хоть сколько-нибудь! Обними ихъ и перецѣлуй, хоть имъ теперь не до меня. Почему хотя К* не написалъ мнѣ ни строчки? Уже два мѣсяца слишкомъ, какъ я не получаю ни отъ кого письма. — —

Прощай, мой другъ. Посылаю тебѣ, пока, еще письменно поцѣлуй, въ нетерпѣливомъ ожиданіи личнаго.

Къ Н. Н. Ш — вой.

Благодарю васъ отъ всего сердца за память обо мнѣ, и за молитвы. Здоровье мое, слава Богу, кое-какъ плетется. Тружусь, ра-

ботаю съ молитвою и стараюсь не быть свободнымъ ни минуты. Испытавъ на опытѣ, что въ праздныя минуты къ намъ ближе искуситель, а Богъ далѣе, я теперь занятъ такъ, что не бываетъ даже времени написать письмо къ близкому человѣку. Знаю, что близкій человѣкъ проститъ, потому и не извиняюсь. Работать нужно много, особенно тому, кто пропустилъ лучшее время своей юности и мало сдѣлалъ запасовъ на старость. Богъ да хранитъ васъ и да наградитъ васъ за то, что не забываете меня своими молитвами!...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Via Felice. 1841, авг. 7.

Письмо твое попалось наконецъ въ мои руки вчера, ровно три мѣсяца послѣ написанія. Гдѣ оно странствовало, подобно многимъ другимъ письмамъ, изрѣдка получаемымъ мною изъ Россіи, это извѣстно Богу.

Какъ ни пріятно было мнѣ получить его, но я читалъ его болѣзненно. Въ его лѣниво влекущихся строкахъ присутствуютъ хандра и скука. Ты всё-еще не схватилъ въ руки кормила своей жизни, всё-еще носится она безцѣльно и праздно, ибо о другомъ грезитъ дремлющій кормчій: не глядитъ онъ внимательными и ясными глазами на плывущія мимо и вокругъ его берега, острова и земли, и всё еще стремитъ усталый, безсмысленный взоръ на то, что мерещится въ туманной дали, хотя давно уже потерялъ вѣру въ обманчивую даль. Оглянись вокругъ себя и протри глаза: все лучшее, что ни есть, все вокругъ тебя, какъ оно находится вездѣ вокругъ человѣка и какъ одинъ мудрый узнаетъ это, и часто слишкомъ поздно. Неужели до сихъ поръ не видишь ты, во сколько разъ кругъ дѣйствія въ Семеренькахъ можетъ быть выше всякой должностной и ничтожно видной жизни, со всѣми удобствами, блестящими комфортами, и проч. и проч., — даже жизни, невозмущенно-праздно протекшій въ пресмыканьяхъ по великолѣпнымъ Парижскимъ кафе! Неужели до сихъ поръ ни разу не пришло тебѣ въ умъ, что у тебя цѣлая область въ управленіи, что

здѣсь, имѣя одну только крупицу, ничтожную крупицу ума и сколько-нибудь занявшись, можно произвесть много для себя-внѣшняго и еще болѣе для себя-внутренняго? и неужели до сихъ поръ страшатъ тебя дѣтски повторяемыя мысли на-счетъ мелюзги, ничтожности занятій, неспособности приспособить, примѣнить, завести что-нибудь хорошее, и проч. и проч., — все, что повторяется безпрестанно людьми, кидающимися съ жаромъ за хозяйство, за улучшенія и перемѣны, и притомъ плохо видящими, въ чемъ дѣло? Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы ни было, неслушающему моего слова! Оставь на время все, все, что ни шевелитъ иногда въ праздныя минуты мысли, какъ бы ни заманчиво и ни пріятно оно шевелило ихъ. Покорись и займись годъ, одинъ только годъ, своею деревней. Не заводи, не усовершенствуй, даже не поддерживай, а войди во все — слѣдуй за мужиками, за прикащикомъ, за работниками, за плутнями, за ходомъ дѣлъ, хотя бы для того только, чтобы увидѣть и узнать, что все въ неисправномъ безпорядкѣ, — одинъ годъ! и этотъ годъ будетъ вѣчно памятенъ въ твоей жизни. Клянусь, съ него начнется заря твоего счастья! Итакъ безропотно и безпрекословно исполни сію мою просьбу. Не для себя одного, — ты сдѣлаешь для меня великую, великую пользу. Не старайся узнать, въ чемъ заключена именно эта польза: тебѣ не узнать ее, но, когда придетъ время, возблагодаришь ты Провидѣнье, давшее тебѣ возможность оказать мнѣ услугу; ибо первое благо въ жизни есть возможность оказать услугу, и это первая услуга, которую я требую отъ тебя — не ради чего-либо: ты самъ знаешь, что я ничего не сдѣлалъ для тебя, но ради любви моей къ тебѣ, которая много, много можетъ сдѣлать. О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово.

Прощай! Шлю тебѣ братской поцѣлуй мой и молю Бога, да снидетъ вмѣстѣ съ нимъ на тебя хотя часть той свѣжести, которою объемлется нынѣ душа моя, восторжествовавшая надъ болѣзнями хвораго моего тѣла.

Ничего не пишу къ тебѣ о Римскихъ происшествіяхъ, о ко-

торыхъ ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу передъ собою, и во взорѣ моемъ нѣтъ животворящей внимательности новичка. Все, что̀ мнѣ нужно было, я забралъ и заключилъ къ себѣ въ глубину души моей. Тамъ Римъ, какъ святыня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершившихся надо мною, пребываетъ вѣченъ. И, какъ путешественникъ, который уложилъ всѣ свои вещи въ чемоданъ и, усталый, но спокойный, ожидаетъ только подъѣзда кареты, понесущей его въ далекій, вѣрный, желанный путь, такъ я, перетерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготовясь внутреннею, удаленною отъ міра жизнью, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готовъ идти, укрѣпленный и мыслью, и духомъ...

Къ матери.

Римъ. Августа 7, 1841.

Что̀ же опять такъ долго я не получаю отъ васъ никакой вѣсти? Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло послѣ моего послѣдняго письма, на которое я не получилъ ни полстроки отвѣта. Живы ли вы, здоровы ли вы? Если вамъ некогда, должны бы, кажется, которая-нибудь изъ сестеръ написать ко мнѣ: у нихъ есть время. Отъ Лизы я тоже давно не получалъ писемъ.

Болѣе писемъ не адресуйте мнѣ въ Римъ и лучше совсѣмъ не пишите до моего пріѣзда въ Москву, потому что я навѣрно не могу вамъ опредѣлить моего адресса въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, которые буду скитаться по разнымъ городамъ Германіи. Въ Москву надѣюсь быть зимою. Стало быть, вы можете мнѣ адрессовать письма туда на имя Погодина, или Лизы...

Къ А. А. Иванову.

Ганау. Сентября 20 (1841).

Я къ вамъ долго не писалъ по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, гонялся за Жуковскимъ, а его не было въ Дюссельдорфѣ. Онъ отправился посѣщать разныхъ новыхъ родныхъ своихъ, такъ что

поймалъ его я уже во Франкфуртѣ. Во-первыхъ, онъ благодаренъ за ваше доброе о немъ мнѣніе относительно Станиславича, то есть, что вы не поколебались выдать деньги, если бъ даже всѣ вы ему отдали-было...... не проступкомъ съ вашей стороны. Да, чтобы не позабыть: онъ проситъ, если можно, прислать къ нему всѣ копіи, которыя уже сдѣланы Станиславичемъ въ Дюссельдорфѣ. Адрессую прямо на его имя безъ дальнѣйшихъ другихъ адрессовъ. Наконецъ говорили мы о васъ и о картинѣ — — — не отчаявайтесь. На то рожденъ человѣкъ, чтобы отыскивать средства.... Отправивши письмо къ Жуковскому, вы увѣдомьте тотъ же часъ меня, чтобъ я былъ на-счетъ этотъ спокоенъ, адресуя письма на имя..... въ Москву въ университетъ, съ увѣдомленіемъ о себѣ и о томъ, что̀ у васъ дѣлается. Да кстати о томъ, что̀ у васъ дѣлается: FF твердо увѣренъ, что я ищу у него мѣста и сказалъ Жуковскому, что онъ для меня прибрегъ удивительное мѣсто..... мѣсто библіотекаря, еще покамѣстъ несуществующей библіотеки. Итакъ вы видите, что у васъ штатъ готовится огромный и на широкую ногу. Я, однакоже, какъ вы сами догадаетесь, за мѣсто поблагодарилъ, сказавши, что хотя бы FF предложилъ мнѣ и свое собственное мѣсто, то и его бы не взялъ, по причинѣ другихъ дѣлъ и занятій. Итакъ вы видите, что FF намѣренъ оказывать свое (покровительство тѣмъ), которые и не нуждаются въ немъ. Стало быть, вамъ будетъ не дурно. На-счетъ способа отправленія картинъ въ Дюссельдорфъ къ Жуковскому, если только вы еще не нашли, совѣтую обратиться къ Нѣмцамъ, отправлявшимъ свои картины на Дюссельдорфскую выставку. Именно я полагаю распросить Фогеля, потому что его картина была тоже теперь на выставкѣ. Прощайте. Черезъ недѣли три надѣюсь, если Богъ поможетъ, быть въ Москвѣ. Желаю вамъ всего хорошаго. Не забывайте и пишите.

Весь вашъ,

Гоголь.

Напишите мнѣ, далъ ли я вамъ ключъ отъ сундука съ моими книгами и запертъ ли онъ, или нѣтъ: я совершенно позабылъ.

Къ Н. М. Языкову.

Дрезденъ. 27 сентября (1841).

Прежде всего посылается тебѣ съ почтою изъ Дрездена куча поцѣлуевъ, а что въ нихъ, въ сихъ поцѣлуяхъ, заключено много всего — ты уже знаешь. Достигли мы Дрездена благополучно. Выѣхавши изъ Ганау, мы на второй станціи подсадили къ себѣ въ коляску двухъ нашихъ земляковъ, Русскихъ помѣщиковъ, Сопикова и Храповицкаго, и провели съ ними время до зари. Петръ Михайловичъ даже и по зарѣ еще перекинулся двумя-тремя фразами съ Храповицкимъ. Вообще ѣхалось хорошо. Думалось много о чемъ, думалось о тебѣ, и всё мысли о тебѣ были свѣтлы. Несокрушимая увѣренность на-счетъ тебя засѣла въ мою душу, и мнѣ было слишкомъ весело, ибо еще ни разу не обманывалъ меня голосъ, излетавшій изъ души моей. Дорожное спокойствіе было смущено перелазкой изъ коляски въ паровой возъ, гдѣ, какъ сонъ въ руку, встрѣтились Б*** и весьма жесткія деревяныя лавки. То и другое было страхъ неловко.... но мы въ Дрезденѣ.

Петръ Михайловичъ отправился къ своему семейству, а я остался одинъ и наслаждаюсь прохладой послѣ кофія, и много всего идетъ ко мнѣ: идетъ то, о чемъ я ни съ кѣмъ не говорю, идетъ то, о чемъ говорю съ тобою, и наконецъ одинъ разъ даже мелькнулъ почти ненарокомъ Московской длинной домъ, съ рядомъ комнатъ, пятнадцатиградусною ровною теплотою и двумя недоступными кабинетами. Нѣтъ, тебѣ не должна теперь казаться страшна Москва своимъ шумомъ и надоѣдливостью; ты долженъ теперь помнить, что тамъ жду тебя я и что ты ѣдешь прямо домой, а не въ гости. Твердъ путь твой, и залогомъ словъ сихъ не даромъ оставленъ тебѣ посохъ. О, вѣрь словамъ моимъ!... Ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только: вѣрь словамъ моимъ. Я самъ не смѣю не вѣрить словамъ моимъ. Есть чудное и непостижимое... но рыданія и слезы глубоко вдохновенной, благодарной души помѣшали бы мнѣ вѣчно досказать.... и онѣмѣли бы уста мои. Никакая мысль человѣческая не въ силахъ себѣ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ чело-

вѣку!... Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ: для сего была наша встрѣча. И если при разставаніи нашемъ, при пожатіи рукъ нашихъ не отдѣлилась отъ моей руки искра крѣпости душевной въ душу тебѣ, то, значитъ, ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолѣетъ тебя скука и ты, вспомнивши обо мнѣ, не въ силахъ одолѣть ее, то, значитъ, ты не любишь меня. И если мгновенный недугъ отяжелитъ тебя и низу поклонится духъ твой, то, значитъ, ты не любишь меня.... Но я молюсь сильно въ глубинѣ души моей въ сію самую минуту, да не случится съ тобой сего и да отлетитъ темное сомнѣніе обо мнѣ, и да будетъ чаще, сколько можно, на душѣ твоей такая же свѣтлость, какою объятъ я весь въ сію самую минуту.

Прощай. Много посылаю тебѣ заочныхъ поцѣлуевъ. Увѣдоми меня въ Москву, что ты получилъ это письмо; мнѣ бы не хотѣлось, чтобы оно пропало, ибо оно писано въ душевную минуту.

Твой Гоголь.

Къ матери.

1841. (Изъ С. Петербурга.)

Въ Петербургъ я пріѣхалъ благополучно. Благодаря молитвамъ, можетъ быть, вашимъ, почтенная и добрая моя матушка, я чувствую себя хорошо. Не смотря на многія грустныя явленія, которыхъ свидѣтелями приходится намъ быть нынѣ чаще, нежели въ прежнія времена, милость Божія еще держитъ духъ мой и доставляетъ мнѣ случаи видѣть многое утѣшительное. Будемъ же крѣпки, будемъ тверды нашей вѣрой въ Того, Кто одинъ только можетъ помочь всему.

Обнимаю мысленно, какъ васъ, такъ и сестеръ.

Вашъ признательный сынъ,

Н. Гоголь.

Къ А. А. Иванову.

20 октября (1841). Москва.

Только-что получилъ ваше письмо и спѣшу отвѣчать. Меня удивляетъ, что вы не получили до сихъ поръ денегъ. Они посланы

были къ EF, и FF еще въ августѣ мѣсяцѣ увѣдомилъ Погодина, что послалъ въ Римъ распоряженіе о выдачѣ ихъ немедленно. Но не знаю только, кому онъ далъ распоряженіе: Валентини, или кому другому. Итакъ я васъ прошу разыскать и принять эти деньги. Ихъ 2000 руб. 200 скудъ отдайте Валентини, *сто съ лишкомъ* возьмите себѣ, какъ придется по разсчету, навѣрное не припомню, сколько я вамъ долженъ. Если будетъ въ остаткѣ еще 100 скудъ, то ихъ опредѣляю Шаповалову за копію женщинъ изъ Иліорода, о которой было говорено. Мѣра назначена, не помню, вдвое, или вдвое съ половиною противъ копіи Моллера [я думаю, лучше вдвое съ половиной, а впрочемъ полагаюсь на вашъ судъ]. Деньги эти вы можете выдать ему впередъ, если онъ нуждается, помѣсячно, какъ у васъ съ нимъ важивалось доселѣ.

Прощайте! обнимаю васъ; не забывайте и пишите. Увѣдомляйте обо всемъ, что ни дѣлается съ вами, обо всѣхъ вашихъ нуждахъ, и Боже васъ сохрани когда-либо упадать духомъ. Нѣтъ вещи, которой бы нельзя было помочь. Вѣрьте моему слову: слово мое не обманываетъ. Прощайте...

P. S. Да если потребуется съ вашей стороны какое удостовѣреніе показать FF, то на другомъ листѣ письма я на всякой случай пишу записочку, которую вы можете оторвавши ему показать.

Еще. Хозяинъ спрашиваетъ на-счетъ Нибби. Заплатите что слѣдуетъ за вышедшіе листочки, а пусть слѣдующіе приноситъ разносящій къ вамъ. Мы потомъ съ вами сочтемся.

Поклонитесь отъ меня Іордану и скажите ему также, чтобы онъ никакъ не унывалъ духомъ, а работалъ бы бодро свое дѣло. Его будущее положеніе можетъ быть такъ хорошо, какъ онъ и не воображаетъ, и не думаетъ. Отдайте Моллеру письмецо, при семъ прилагаемое.

Къ Н. М. Языкову.

23 октября (1841). Москва.

Только теперь изъ Москвы пишу къ тебѣ. До сихъ поръ я всё былъ неспокоенъ. Меня, какъ ты уже, я думаю, знаешь, преда-

тельски завезли въ Петербургъ. Тамъ я пять дней томился. Погода мерзѣйшая — именно трепня. Но я теперь въ Москвѣ и вижу чудную разность въ климатахъ. Дни всѣ въ солнцѣ, воздухъ слышенъ свѣжій осенній, передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожекъ, ни души, словомъ — рай. Обнимаю и цѣлую тебя нѣсколько разъ.

Жизнь наша можетъ быть здѣсь полно-хороша и безбурна. Кофій уже доведенъ мною до совершенства; никакихъ докучныхъ мухъ и никакого безпокойства ни отъ кого. Я не знаю самъ, какъ это дѣлается, но то справедливо, что если человѣкъ созрѣлъ для уединенной жизни, то въ его лицѣ, въ рѣчи, въ поступкахъ есть что-то такое, что̀ отдѣляетъ его отъ всего, что̀ ежедневно, и невольно отступаются отъ него люди, занятые ежедневными толками и страстями.

Пиши и опиши все. Происшествій внѣшнихъ у насъ обоихъ немного, но они такъ много связаны съ внутренними нашими происшествіями, что все для насъ обоюдно любопытно. У меня на душѣ хорошо, свѣтло. Дай Богъ, чтобъ у тебя тоже было свѣтло и хорошо во все время твоего Ганавскаго затворничества. Я молюсь о томъ душевно и увѣренъ твердо, что невидимая рука поддержитъ тебя здрава, и здрава доставитъ тебя мнѣ, и, Богъ знаетъ, можетъ быть, достанется намъ даже достигнуть рука объ руку старости. Все можетъ сбыться.

Прощай. Цѣлую тебя и сердцемъ, и душою, и жду письма твоего.

Адрессъ мой ты, я думаю, уже знаешь: Въ университетъ, на имя Погодина.

Письмо это не больше, какъ передовое извѣстіе, и потому такое тощее. Какъ обживусь, напишу подлиннѣе.

Къ С. Т. Аксакову.

(1841. Въ Москвѣ.)

Я къ вамъ приходилъ, между прочимъ, съ просьбою, которую совершенно позабылъ, а именно: нельзя ли послать къ Крузе взять

у него десть, или двѣ чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а будетъ нужна моему переписчику. Изъ-за нее остановилось дѣло.

Къ А. А. Иванову.

Декабря 25. (1841.) Москва.

Я получилъ вчера ваше письмо и горевалъ, что надѣлалъ вамъ столько хлопотъ касательно денегъ. Дѣло спуталось чортъ знаетъ какъ. Я позабылъ распросить обстоятельно Погодина, какъ онъ распорядился, и полагалъ, что деньги давно уже въ вашихъ рукахъ. Мнѣ больно, какъ воображу, что заставилъ васъ нуждаться и бѣднаго Шаповалова. Но теперь дѣло будетъ распоряжено, какъ слѣдуетъ. Черезъ недѣлю послѣ сего письма вы отправляйтесь къ Валентини: онъ получитъ вексель на 2000 рублей. Распорядитесь, какъ я вамъ писалъ, то есть, 200 скудъ Валентини, 100 вамъ, а 500 рублей Шаповалову за копію женщинъ изъ Иліодора, которыя вы можете ему выдавать впередъ.

Еще вотъ ему работа для меня: сдѣлать копіи головокъ Спасителя съ Рафаэлева Преображенія и съ Рафаэлева Положенія во Гробъ. Размѣръ головокъ пусть будетъ немного больше головы на моемъ портретѣ, сдѣланномъ вами, такъ чтобъ холстикъ былъ длиною не больше шести вершковъ, или развѣ мало больше. Можно очертить вокругъ овалъ, а впрочемъ какъ заблагоразсудите и найдете лучше и сообразнѣе вы сами. Еще я бы хотѣлъ третью головку Спасителя молящагося, или, просто, бесѣдующаго, или, еще лучше, въ совершенно покойномъ положеніи. Пожалуста побѣгайте въ свободный часъ по церквамъ и галлереямъ, не замѣтите ли гдѣ въ фрескѣ, или въ картинѣ, у кого-нибудь изъ старинныхъ,—можетъ быть, даже у Перуджина; однимъ словомъ, хоть несовершенно выполнитъ ваше требованье, но по крайней мѣрѣ, чтобъ былъ сноснѣе другихъ. Это будетъ третья головка. Я полагаю, что двѣ въ мѣсяцъ сдѣлать можно легко. Я ему даю по 100 рублей за каждую. Онъ даже можетъ заняться ими прежде, если еще не началъ женщинъ, потому что онѣ мнѣ теперь нужнѣе. Теперь еще слово на счетъ его копіи съ Перуджина. Я полагаю, что съ ней

будетъ долгая возня, толковня и прочее, и прочее. Живописи тонкой и высокой у насъ не понимаютъ, какъ слѣдуетъ, и не оцѣнятъ. Не хочетъ ли онъ, я ему дамъ за нее 2000 рублей и вышлю ихъ будущимъ лѣтомъ? А впрочемъ пусть онъ распоряжается, какъ лучше ему и выгоднѣе. А Спасителями пусть займется: мнѣ они очень нужны. Деньги за нихъ пришлю немедленно. Если на случай найдется четвертая головка, сколько-нибудь достойная вниманія, то пусть сдѣлаетъ и четвертую. А васъ прошу прислать мнѣ головку вашего Спасителя, если только вы до него доберетесь и если только вамъ будетъ время снять съ него хоть весьма эскизный этюдъ, а еще лучше во весь ростъ, какъ есть идущій по землѣ, хоть въ какомъ ни есть маломъ размѣрѣ.

Теперь самое главное — крѣпитесь! идите бодро и ни въ какомъ случаѣ не упадайте духомъ; иначе будетъ значить, что вы не помните меня и не любите меня: помнящій меня несетъ силу и крѣпость въ душѣ. Не смущайтесь будущностью: все будетъ хорошо. Средства у васъ будутъ.

Вы спрашиваете меня, когда мы увидимся. Мы увидимся, и увидимся непремѣнно, и, вѣрно, въ обоюдную радость обратится наше свиданіе. Прощайте. Черезъ 8 дней послѣ полученія сего письма напишите мнѣ отвѣтъ...

Къ нему же.

(1841.)

Вотъ вамъ деньги для расплаты моихъ долговъ. Не пѣняйте за мою неисправность: тутъ моей вины почти не было. Хочу вамъ сказать одно слово на-счетъ головокъ Спасителя. Я назначилъ, кажется, очень малый размѣръ и позабылъ, что на томъ же шестивершковомъ холстикѣ можно сдѣлать головокъ гораздо больше. Итакъ пусть онъ сдѣлаетъ ихъ сколько можно больше. Это будетъ лучше и для меня, и для него, т. е. я разумѣю для него полезнѣе. Прощайте! поскорѣе отвѣтъ!

Не хорошо ли будетъ которую-нибудь изъ головокъ на кипарисной доскѣ. Какъ вы думаете? Коли хуже, такъ не нужно.

Къ М. А. Максимовичу.

Москва. Генваря 10 (1842).

Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. Погодинъ слилъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ-было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать, — не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Если бъ ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь... О, много, много пропало, много уплыло! Напиши мнѣ, что̀ ты дѣлаешь и что̀ хочешь дѣлать; потомъ, когда сбросишь съ плечь все то, что̀ тяжело лежало на нихъ, пріѣзжай когда-нибудь, хоть подъ закатъ дней, въ Римъ, на мою могилу, если не станетъ уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! какая земля чудесъ! и какъ тамъ свѣжо душѣ!...

Къ М. П. Б—ной.

(1842).

Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ. А не хотѣлъ, право, не хотѣлъ браться за перо. Изъ этой ли снѣжной берлоги выставлять носъ, и еще писать? Медвѣди обыкновенно въ это время заворачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что̀ попалъ. Съ того времени, какъ

только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ-будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что̀ ужасно — что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку, или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ. Вы на меня можете надѣть и шляпку, и все, что̀ хотите, и можете сметать съ меня пыль, мести у менѣ подъ носомъ щеткой, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь...

Къ П. А. Плетневу.

Февраля 6-го (1842. Изъ Москвы).

Изъ письма Прокоповича я узналъ, между прочимъ, что вы хотите отдать У***; отсовѣтуйте это дѣлать. У*** былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его нерасположеніе. Оно, казалось, началось со временъ »Ревизора«. Иначе дѣйствовать при тепереш(нихъ) обстоятель(ствахъ) тоже, кажется, нельзя; и потому прекратите это дѣло. Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому, прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть. А ваше великодушное участье не потеряло чрезъ то ни мало цѣны; скажите это всѣмъ: Александрѣ Осиповнѣ, графу В****, кн. О****, князю В****. Я умчу это движенье душъ ихъ въ нѣдрѣ моего признательнаго сердца всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будетъ вѣчно свѣжить меня и пробуждать любовь къ прекраснымъ сокровищамъ, хранящимся въ Россіи. Нѣтъ, отчаянье не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ вышній произволъ для человѣка, и то, что̀ кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облег-

чить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненья! Но что̀ жъ дѣлать? У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться; вышло не такъ. Но я твердъ. Пересиливаю, сколько могу, и себя, и болѣзнь свою. Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой. Передайте мою признательность, мою сильную признательность всѣмъ. Успокойте ихъ, скажите имъ, что они уже много сдѣлали для меня. Клянусь, это знаетъ и чувствуетъ одно только мое сердце. Ихъ великодушіе, можетъ быть, мнѣ понадобится еще впереди. Ради Бога, успокойте ихъ, а рукопись возвратите мнѣ. Но прежде — самое главное — прочтите ее вмѣстѣ, т. е. впятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашомъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтитъ всѣ погрѣшности и несообразности. Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣластъ. Мнѣ все должно говорить; мнѣ больше, нежели кому другому, нужно указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять все это. Пусть всѣ эти лоскуточки они передадутъ вамъ, а вы ихъ немедленно препроводите ко мнѣ. Эту небольшую записку вручите Александрѣ Осиповнѣ. Да хранитъ васъ всѣхъ небо! Оно сохранитъ васъ за благородную прелесть вашихъ душъ...

P. S. Будетъ ли въ »Современникѣ« мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки — выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику? Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте.

Къ Н. М. Языкову.

Февраля 10. (1842).

Я получилъ отъ тебя письмо, писанное ко мнѣ отъ 16 декабря, и за недѣлю предъ симъ получилъ пару твоихъ стихотвореній, чудныхъ стихотвореній, которыя дунули на всѣхъ свѣ-

жестью и силою; всѣ были восхищены ими. Впрочемъ объ этомъ, вѣроятно, не преминутъ увѣдомить тебя всѣ тебя любящіе. Я скажу только, что, кромѣ всего прочаго, сила языка въ нихъ чудная: такъ и подмываетъ, и невольно произносишь: »Исполинъ нашъ языкъ!« Я писалъ къ тебѣ мало въ прежнемъ письмѣ, потому что былъ нерасположенъ. Я былъ боленъ и очень разстроенъ, и, признаюсь, не въ мочь было говорить ни о чемъ. Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска, и, какъ ни уединенно я здѣсь живу, но меня всё тяготятъ здѣшніе пересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что разорвалися послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ. Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе. О, какъ бы весело провели мы съ тобой дни вдвоемъ за нашимъ чуднымъ кофіемъ по утрамъ, расходясь на легкій, тихій трудъ и сходясь на тихую бесѣду за трапезой и ввечеру! Я не рожденъ для тревол-неній и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха. Я пріѣду самъ за тобою. Мы отправимся вмѣстѣ съ Петромъ Михайловичемъ и Б***. Здоровье мое сдѣлалось значительно хуже. Мнѣ совѣтуютъ ѣхать въ Гастейнъ... какъ кстати!

Прощай! Пожимаю сильно твою руку. Я бываю часто у Хомяковыхъ; я ихъ люблю; у нихъ я отдыхаю душой. Прощай! Будь здоровъ и не горюй ни объ чемъ. Обнимаю и цѣлую тебя, и сгараю нетерпѣніемъ то и другое произвести лично...

Къ С. С. У—ву.

— — — Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ, сколько могъ, свои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники приклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій Русскій принести своей отчизнѣ — — — И между тѣмъ никто не хочетъ взглянуть

на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, что проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и что такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? Подумайте: я не предпринимаю дерзости просить вспомоществованія и милости; я прошу правосудія, я своего прошу. — — Почему знать? можетъ быть, не смотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства; и ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги — — скажетъ въ то же время, что вы были равнодушны къ созданьямъ Русскаго слова и не тронулись положеньемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, немогшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и Меценатомъ? Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны: у Русскаго вельможи должна быть Русская душа. Вы дадите мнѣ рѣшительный отвѣтъ на сіе письмо, излившееся прямо изъ глубины сердца...

Д—ву-К—ву.

Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось быть у васъ въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ. Одинъ разъ Ч** Александръ Дм., съ которымъ мы условились ѣхать вмѣстѣ, не заѣхалъ за мною по причинѣ какого-то помѣшательства, а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная періодическая болѣзнь, во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи въ своей комнатѣ иногда въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль. Впрочемъ, какъ я разсудилъ потомъ, пріѣздъ мой къ вамъ былъ бы лишнимъ. Дѣло мое уже вамъ извѣстно. Я знаю, душа у васъ благородна, и вы, вѣрно, будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости; дѣло мое право, и вы никогда не захотите обидѣть человѣка, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ нѣ-

сколько лѣтъ за своимъ трудомъ, для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему. Итакъ и теперь я не прилагаю къ вамъ никакихъ просьбъ моихъ; но если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ. Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ; но если бы вы снизошли въ глубину моей души, если бы вы увидѣли тамъ всѣ томленія— — тогда бы вы поняли, какъ велика (моя) благодарность. Это чувство всегда глубже всѣхъ другихъ я чувствовалъ въ моемъ сердцѣ, а теперь болѣе, нежели когда-либо...

Къ П. А. Плетневу.

Февраля 17 (1842, изъ Москвы.)

Я получилъ ваше увѣдомленіе о томъ, что дѣло идетъ на ладъ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ полученья вашего письма. Я — — — не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока вовсе не окончится дѣло. Дай Богъ, чтобъ оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть не послалъ-было къ вамъ письма, которое нарочно прилагаю вамъ при семъ. Вы можете во всякомъ случаѣ прочесть его всѣмъ, къ кому оно имѣетъ отношеніе.— — — Добрый графъ В***! какъ я понимаю его душу! Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои — было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что я долженъ чувствовать. Хорошо бы было, если бъ на дняхъ я получилъ мою поэму. Время уходитъ. Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу о позволеніи въѣхать въ вашъ »Современникъ«. Извините, что такъ дурно пишу; перо подчинено ножницами, а не ножикомъ, который неизвѣстно куда запропастился...

Къ М. П. Б—ной.

(1842.)

Мнѣ Плетневъ сдѣлалъ за васъ выговоръ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Но я вамъ писалъ. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка; но другого я ничего не въ силахъ былъ тогда сдѣлать: я былъ тогда боленъ и слишкомъ разстроенъ. Но господинъ, съ которымъ я послалъ ее въ Петербургъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь плотно пообѣдавши, выронилъ ее на улицѣ и не посмѣлъ предстать къ вамъ съ извиненіемъ. Иначе я не могу себѣ изъяснить, почему вы ея не получили. Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда со мною еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи! Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу; выѣзжаю даже изъ дому, не жалуюсь и никому не показываю, что я боленъ, хотя часто, часто бываетъ не подъ силу. Теперь я вижу, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать къ вамъ, что почти не нужно было моего личнаго присутствія: и безъ меня, вѣрно бы, все такъ же было; а главное — что̀ хуже всего — я не въ силахъ здѣсь заниматься трудомъ, который для меня есть все. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю весны! Но, однакожъ, до отъѣзда моего я буду у васъ, буду веселѣе, лучше, нежели былъ у васъ въ прошломъ году, — не такъ без-

толковъ, не такъ страненъ, не такъ глупъ. Но, покамѣстъ, я всё еще нездоровъ. Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ. Я былъ такъ здоровъ, когда ѣхалъ въ Россію; думалъ, что теперь удастся прожить въ ней поболѣе, узнать тѣ стороны ея, которыя были доселѣ мнѣ не такъ коротко знакомы. Все пошло какъ кривое колесо, по словамъ пословицы. Скажите вашей маминькѣ, что мнѣ было передано ея участіе, изъявленное ею въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, что оно было мнѣ очень кстати: оно пролило какое-то тихое утѣшеніе въ мои трудныя минуты; оно мнѣ показалось чѣмъ-то похожимъ на свѣтлое предвѣстіе яснаго будущаго. Я очень, очень много благодаренъ за него. Можетъ быть, самое длинное письмо ко мнѣ не было бы мнѣ такъ утѣшительно тогда, какъ тѣ коротенькія слова. Итакъ вотъ вамъ, покамѣстъ, извѣстіе обо мнѣ и о припадкахъ моей болѣзни, вѣроятно, непохожей на вашу, если только вы до сихъ поръ хвораете, отъ чего да избавитъ васъ Богъ. Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жанъ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа. Но эту пѣсню, я думаю, вы слышите часто и безъ меня. Я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ: приходило ли вамъ когда-нибудь желаніе, непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я не разумѣю то желаніе, которое похоже на долгъ и которое всякій положилъ себѣ имѣть, — нѣтъ, сердечный порывъ.... Но оставляю неоконченною мною рѣчь. Есть чувства, о которыхъ не слѣдуетъ говорить, и произносить о нихъ что-нибудь — уже значитъ профанировать ихъ.

Посовѣтуйте вашему брату В. П. не оставлять живописи. У него есть рѣшительный талантъ. Талантъ есть Божій даръ, и горе тому, кто пренебрежетъ имъ! Посовѣтуйте ему непремѣнно сдѣлать копіи съ Каналета, находящагося въ Эрмитажѣ, а потомъ и съ Клодъ-Лоррена, если будетъ возможность. Эти двѣ противоположности сильно разовьютъ его и введутъ его во многія тайны искусства. Извините, что я рѣшаюсь перенесть строки письма моего съ этой почтительной четвертушки на сію короткую и дружескую осьмушку. Впрочемъ, мы съ вами, кажется, очень коротки, то есть, я разумѣю — оба невысокаго роста. Надобно вамъ

сказать, что начало письма этого писалось совершенно въ другомъ расположеніи духа и начато было уже недѣлю назадъ. Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева, съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше. Дай Богъ! Но я уже былъ ко всему приготовленъ — и къ удачѣ, и къ неудачѣ, благодаря Провидѣнію, ниспославшему мнѣ чудную силу и твердость...

Къ П. А. Плетневу.

17 марта (1842). Москва.

Вотъ уже вновь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, а рукописи нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день освѣдомиться на почту, въ университетъ, и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адрессована, — и нигдѣ никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и тревоги! А время уходитъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что̀ случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, чтобы зналъ, что̀ мнѣ предпринять.

Я силился написать для »Современника« статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день, и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою »Портретъ«. Она была напечатана въ »Арабескахъ«, но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе, чѣмъ какая другая, соотвѣтствуетъ скромному направленію вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это — благоуханье цвѣтовъ, ро-

стущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги — съ нея довольно славнаго имени поэта — но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ чтобы безмолвно пожать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ, у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. Притомъ каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному данъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представленія; другой можетъ сказать свое слово, только глубоко обдумавъ: иначе его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеннаго слова, произнесеннаго самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ [если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію]. Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту — есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, поотому что заняться чѣмъ-нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ: я даже не въ силахъ собрать себя.

Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могущихъ смутить меня внѣшнихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ предста-

вить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать; если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно; малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ-будто-бы она хотѣла треснуть. Въ Римѣ я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ душѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывъ и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе, выше всѣхъ мірскихъ несчастій. Участіе ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта, напишите сейчасъ вашу строчку.

Повѣсть не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее? [мнѣ нужно говорить откровенно.] Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, поправьте. Я не въ силахъ былъ прочесть ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа не спокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!...

Къ нему же.

27 марта (1842. Изъ Москвы).

Голова моя совершенно пошла кругомъ. Вчера я получилъ письмо отъ Прокоповича, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что вы получили рукопись еще четвертаго марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту, и кѣмъ. Боже, какая странная участь! Думалъ ли я, что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего? Время ушло, и я безъ копейки, безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно, безъ возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. Непостижимое стеченіе бѣдъ! Я не знаю даже, гдѣ отыскивать слѣды

моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ, навѣрное, пропала ли она, или нѣтъ...

Къ Н. М. Языкову.

Москва. Марта 30 / Апрѣля 11 (1842).

Письма моего ты не понялъ. Я самъ виноватъ: я писалъ его непонятно, потому что, признаюсь, мнѣ не хотѣлось, мнѣ было страхъ тяжело обнаружить предъ тобою мое положеніе. Неужели ты думаешь, что въ самомъ дѣлѣ меня могутъ смутить какія бы то ни было сплетни? Да я пожалуй самъ про себя готовъ выдумать такія сплетни, какихъ имъ и не приснится никому. Но сплетнями я назвалъ много всякихъ гадостей, о которыхъ не хотѣлъ распространяться, — такихъ странныхъ, непонятныхъ, непостижимыхъ гадостей, что, клянусь, теперь, какъ я разсмотрю ихъ, я въ нихъ вижу какое-то необыкновенное чудо, начертанное для меня свыше Провидѣньемъ не безъ особенной цѣли! Иначе изъяснить себѣ ихъ почти невозможно. Можно бы не смутиться, если бы эти гадости состояли, просто, изъ однихъ подлыхъ толковъ; но эти гадости, сплетни, или каверзы, или какъ хочешь вообрази ихъ себѣ, лишали меня всего, грозили отнять даже мои бѣдныя средства существованія. Эти гадости довели меня до послѣдней крайности нужды, заставили меня быть безчестнымъ передъ тѣми, у которыхъ я взялъ деньги съ обѣщаніемъ выплатить въ назначенное время, которыхъ чрезъ то, можетъ быть, лишилъ многаго... Согласись, тутъ было чѣмъ смутиться. Донынѣ еще не кончились вполнѣ дѣла мои; донынѣ я еще не имѣю довольно духу описать и разсказать все это въ письмѣ. Признаюсь, мнѣ тяжело было смутить и тебя весьма многимъ. Я назвалъ ихъ неопредѣленно сплетнями. Мнѣ тяжело было представить тебѣ иное въ печальномъ видѣ, которымъ я манилъ тебя, какъ свѣтлымъ. Скажу только тебѣ, что состояніе мое до сихъ поръ еще тягостно и что припадки, которые было совершенно оставили меня внѣ Россіи, теперь возвратились, и потому какъ благодати жду счастливаго отъѣзда. Вѣрю въ выс-

шій произволъ и чую, что слетитъ послѣднее мутное, что было на душѣ моей, и тогда я разскажу все тебѣ. Прощай! Обнимаю и цѣлую тебя...

Я получилъ на дняхъ отъ Петра Михайловича.... Извѣщаетъ меня, чтобы я былъ готовъ въ дорогу. Получилъ ли ты отъ кн. Вяземскаго статью мою, помѣщенную въ »Москвитянинѣ«, подъ заглавіемъ »Римъ«, которую я велѣлъ для тебя отпечатать отдѣльно?

Петръ Михайловичъ не ѣдетъ. Но я ѣду къ тебѣ съ огромной свитой. Несу тебѣ и свѣжесть, и силу, и веселье, и кое-что подъ мышкой. Жди меня и не уѣзжай безъ меня никакъ. Клянусь, слетитъ съ тебя послѣднее пасмурное облако! ибо я сильно, сильно хочу тебя видѣть, какъ никогда доселѣ не алкалъ; а что сильно, то не можетъ быть никогда вяло, или скучно. Обнимаю тебя заочно, пока не обниму...... всего и крѣпко, какъ слѣдуетъ, лично. Прощай, до свиданія.

Къ Н. Д. Бѣлозерскому.

(Апрѣля 12, 1842.)

Благодарю васъ, добрый другъ мой Николай Даниловичъ, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидалъ. Объ васъ я нигдѣ не могъ узнать, что вы и гдѣ вы. Словомъ, ваше письмо меня обрадовало. Все въ немъ относившееся до васъ было прочтено съ участіемъ; но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Благодарю васъ также за выписку о раздачѣ земель (1). Мнѣ бы очень хотѣлось обнять васъ, но нѣтъ для этого мнѣ возможности. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни

(1) Раздача земель въ Южной Россіи началась въ началѣ 1764 года, по плану о заселеніи Новороссійскаго края, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы земли не были раздаваемы свыше 12,000 десятинъ одному лицу, и проч. Г. Бѣлозерскій доставилъ Гоголю записку, подъ заглавіемъ: »Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ Южной Россіи«, составленную Н. Д. Мизко. *П. К.*

свѣтской. Вы въ письмѣ вашемъ сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, какъ на условіяхъ, что, можетъ быть, когда-нибудь побываете въ моей родинѣ, то есть, въ деревнѣ. Теперь я буду васъ просить объ этомъ серьезно. Ради Бога, если случится вамъ быть въ Полтавѣ, пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Полтавы. Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу и благодѣяніе. Вотъ въ чемъ дѣло: разсмотрите ее и положеніе, въ какомъ она находится, и напишите объ этомъ мнѣ, а также и чѣмъ можно поправить обстоятельства. Дѣла запущены мною. — — Вы человѣкъ умный и знающій: вы замѣтите тотчасъ то, чего я самъ никакъ не замѣчу, ибо я, признаюсь, теперь едва даже могу замѣтить, что существую. Сдѣлайте мнѣ эту милость. Въ Полтавѣ вы узнаете, гдѣ наша деревня и какъ до нея доѣхать, отъ Ивана Васильевича Капниста, который живетъ постоянно въ Полтавѣ. Маминька нѣсколько разъ слышала объ васъ отъ меня и будетъ рада вамъ несказанно. Сестры мои, изъ которыхъ двѣ на дняхъ вышли изъ института и вамъ нѣсколько знакомы, предобрыя дѣвушки и еще, безъ сомнѣнія, не успѣли выучиться ничему дурному. Вы поживите денька два, или три, что̀ васъ заставятъ сдѣлать непремѣнно. Если вы не хотите дать виду, или вамъ покажется неловкимъ показать маминькѣ, что вы ревизуете имѣніе, то скажите, пожалуй, что я васъ просилъ особенно изслѣдовать почву земли и годность ея для саду, а маминька знаетъ, что я всегда хотѣлъ развести садъ. Это ее обрадуетъ, какъ знакъ, что я, безъ сомнѣнія, собираюсь самъ пожить скоро въ деревнѣ. А потомъ, между прочимъ, рѣчь и о хозяйствѣ, и о любопытствѣ вашемъ все видѣть, что̀ все очень натурально, а я, между прочимъ, отъ себя предувѣдомилъ маминьку, что вы большой охотникъ до саду и большой охотникъ хозяйничать и знатокъ. Итакъ не откажите въ этой просьбѣ, которою вы не можете себѣ представить, какъ меня обяжете. Вамъ, вѣрно, выберется время по уборкѣ хлѣба и окончаніи работъ, прекраснымъ сентябремъ, осенью, или, еще лучше, прежде. Впрочемъ, какъ вамъ удобнѣе. — — Я не извиняюсь передъ вами въ томъ, что налагаю на васъ такую коммиссію. Я знаю ваше доброе сердце и дружбу нашу...

Къ А. С. Данилевскому.

4 апрѣля, 1842. Москва.

Прости меня! я не писалъ къ тебѣ. Не въ силахъ. Ничего я не могу дѣлать. Если бы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я ужъ нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: »Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, и не надѣлалъ ли я въ двадцать разъ хуже, желая поправить дѣло и сдѣлать лучше?« Покоя нѣтъ въ душѣ моей. Я не знаю даже, обрадовался ли бы я тебѣ.

Я толковалъ здѣсь объ твоихъ дѣлахъ, и всѣ говорятъ въ одно: что за глаза это не дѣлается, что для этого нужно тебѣ пріѣхать и жить здѣсь, и, мнѣ кажется, ты сдѣлалъ точно дурно, что не пріѣхалъ; но лѣтомъ нельзя этого сдѣлать; нужно ожидать зимы. Я былъ бы уже много счастливъ, если бы по крайней мѣрѣ ты былъ счастливъ...

Къ В. А. Жуковскому.

Москва. Май 3 (1842).

Пишу къ вамъ въ-попыхахъ, передъ выѣздомъ. Я запоздалъ за тѣмъ и другимъ. Сдѣлалъ кое-какую сдѣлку съ третьею частью моихъ сочиненій. Деньги получу не вдругъ и не теперь, но вѣрныя. Отъ Погодина вы получите половину въ этомъ году того долга, который вы для меня сдѣлали, благодаря великодушной любви вашей. Теперь у меня на душѣ покойнѣе, и я чувствую даже—чего давно не чувствовалъ — какое-то тайное расположеніе къ труду. О, если бъ отошли и унеслись отъ меня послѣднія тревоги! Духу моему теперь нужно спокойствіе, совершенное спокойствіе.

Теперь долженъ я повергнуть къ ногамъ вашимъ просьбу, просьбу, которую мнѣ посовѣтовали сдѣлать въ одно и то же время кн. В*** и Т***, какъ-будто по вдохновенію. FF получилъ, какъ вамъ извѣстно, мѣсто директора основывающейся нынѣ въ Римѣ, нашей академіи художниковъ, съ 2 тысячами рублей жалованья (въ) годъ. Такъ какъ при директорахъ всегда бываетъ конференцъ-секретарь,

то почему не сдѣлаться мнѣ секретаремъ его? Здѣсь я даже могу быть полезнымъ, я, рѣшительно безполезный во всемъ прочемъ. А ужъ для меня-то навѣрно это будетъ полезно, потому что тогда мнѣ, можетъ быть, дадутъ рублей 1000 сер. жалованья. О, сколько бы это удалило отъ меня черныхъ и смущающихъ мыслей! И почему же, когда всѣ что-нибудь выигриваютъ по службѣ, одному мнѣ, горемыкѣ, отказано? Если бъ это исполнилось, я бы былъ человѣкъ, счастливѣйшій въ мірѣ, не потому, что досталъ средство пропитанія, — чортъ съ нимъ! я бы за свое пропитаніе гроша не далъ, если бы зналъ, что существованіе мое протащится безъ дѣла, — но потому, что я возвращу тогда себѣ себя. Я усталъ совершенно подъ бременемъ доселѣ неслегавшихъ съ меня вотъ уже годъ слишкомъ самыхъ тягостныхъ хлопотъ. Теперь надежда оживила меня, я чувствую готовность на трудъ, даже не знаю — что-то въ родѣ вдохновенія, давно небывалаго, начинаетъ шевелиться во мнѣ. О, еслибъ теперь спокойствія и уединенія!

Что̀ вы теперь дѣлаете? увижу ли я васъ дорогою? какъ бы мнѣ хотѣлось переговорить съ вами! Но вы можете и сами собою видѣть дѣло и сдѣлать очень много. Мнѣ что-то говоритъ внутренно, что вы сдѣлаете этимъ очень доброе дѣло. — — Если бы вы знали, какъ мучится моя бѣдная совѣсть, что существованіе мое повиснуло на плечи великодушныхъ друзей моихъ! Хотя я знаю, что они съ радостью и охотно подѣлились со мною; но я знаю также, что все доброе и великодушное на свѣтѣ есть само по себѣ уже голь. — — Не смѣя ничему вѣрить и почти дрожа отъ ожиданія, посылаю я вамъ это письмо, которое, вѣроятно, не такъ связно, чтобы можно было видѣть изъ него ясно положеніе; но я пишу его къ вамъ, а вы видите душу и смыслъ тамъ, гдѣ умный человѣкъ безъ сердца не найдетъ ни души, ни смысла.

Прощайте. Если захочется вамъ дать мнѣ о чемъ-нибудь знать скоро, то адрессуйте въ Вѣну въ poste restante [до іюля мѣсяца]; если же послѣ этого времени [въ августѣ мѣсяцѣ], то въ Римъ.

Вашъ и до гроба, и за гробомъ,
и по эту сторону, и по ту сторону жизни,
Гоголь.

Къ матери.

Москва. Мая 3 (1842).

Полагаю, что письмо мое васъ застанетъ въ Полтавѣ. Я увѣренъ, что вы, любезная маминька, доѣхали хорошо и благополучно. Черезъ недѣлю и я собираюсь въ дорогу. Лиза день погрустила послѣ вашего отъѣзда, потомъ успокоилась. Мы были потомъ опять у Р***. Я совершенно благодарю Бога за то, что Лизѣ будетъ у ней. Она будетъ тамъ совершенно счастлива.

Сдѣлайте милость, передайте мой поклонъ и самое искреннѣйшее рукопожатіе Софіи Васильевнѣ и Ивану Васильевичу Капнистамъ. Скажите Софіи Васильевнѣ, что я очень часто думаю о ней и очень жалѣю, что мнѣ не удалось видѣться съ ней лично...

Къ В. А. Жуковскому.

(Москва. 10 мая 1842.)

Здоровы ли вы? что̀ дѣлаете? я буду къ вамъ; ждите меня! Много раскажу вамъ прекраснаго. Если вы смущаетесь чѣмъ-нибудь и что-нибудь земное и преходящее васъ беспокоитъ, то будете отнынѣ тверды и свѣтлы вѣрою въ грядущее. Все въ мірѣ ничто предъ высокой любовью, которую содержитъ Богъ къ людямъ. Благословенье снизойдетъ на васъ и на вашу подругу. До свиданья! ждите меня.

Вашъ Гоголь.

Напишите какой-нибудь отвѣтъ Иванову объ его дѣлѣ. Онъ въ затруднительномъ положеньи. Клянусь, онъ болѣе, чѣмъ кто другой, достоинъ помощи!

Къ А. А. Иванову.

Мая 16 (1842). Москва.

Я получилъ ваше письмо и отвѣчаю вамъ только теперь, потому что прежде никакъ не могъ, по многимъ, разнымъ, весьма хло-

потливымъ обстоятельствамъ. На-счетъ вашего дѣла я совѣтую всё-таки прежде дождаться отвѣта на представленіе Жуковскаго.—— Нужно только, чтобы ваше имя было извѣстно какъ слѣдуетъ и кому слѣдуетъ; нужно, чтобы на вашей сторонѣ была гласность. А входить оффиціально съ новой просьбой, основанной на новыхъ уже причинахъ, мнѣ кажется, неловко. Почему вы не написали еще разъ къ Жуковскому? Вѣрно, опасаетесь наскучить. Напишите теперь же и скажите ему, что я велѣлъ вамъ непремѣнно это сдѣлать. Вы должны помнить, что Жуковскому никогда нельзя наскучить въ справедливомъ дѣлѣ; и потому мой совѣтъ всё-таки дождаться отвѣта на представленіе Жуковскаго.

Теперь поговоримъ о другомъ. Вы упомянули въ письмѣ, что хлопочете о доставленіи вамъ работы—копіи съ Рафаэлева фреска. А по моему мнѣнію, вамъ нужна теперь не копія съ фреска, всё-таки болѣе или менѣе поврежденнаго и выполненнаго быстро, но копія съ окончательнѣйшаго произведенія Рафаэля. Вы теперь въ вашей картинѣ приближаетесь къ окончательной отработкѣ, и потому вамъ нужно теперь пріобрѣсть высокую чистоту и полную окончательность кисти. Заказъ вамъ есть, если хотите только воспользоваться. Напишите копію съ Мадоны di Foligno. Она будетъ хорошо вамъ заплачена; въ этомъ я увѣренъ. Но объ этомъ такъ же, какъ и объ первомъ дѣлѣ, мы переговоримъ съ вами лично. Понимаете ли? Это значитъ — сею же осенью, можетъ быть, мы съ вами увидимся.

Къ Жуковскому непремѣнно напишите. Нужно прежде всего имѣть отъ него отвѣтъ, чтобы знать, какимъ образомъ и какъ лучше дѣйствовать. А главное — мужайтесь и крѣпитесь. Нѣтъ дѣла, а тѣмъ болѣе справедливаго, въ которомъ бы нельзя успѣть, если только будемъ имѣть твердости и присутствія духа хотя на полвершка побольше куринаго.

Распоряженія ваши Шаповалову на-счетъ моихъ работъ всѣ хороши, и не можетъ быть иначе, ибо мысли наши въ этомъ дѣлѣ совершенно сходны и вы всегда можете дѣйствовать полномочно, будучи увѣрены заранѣе что все, что ни вздумается вамъ, придется по мнѣ. Объ одномъ только прошу: чтобы мои работы не отвлекли его отъ важнѣйшихъ, и потому пусть онъ займется ими

тогда только, когда рѣшительно ничего нужнѣйшаго и полезнѣйшаго для него не случится.

Прощайте; будьте здоровы! Впереди все будетъ прекрасно. Это я вамъ давно сказалъ. Если захотите теперь, послѣ полученія вашего письма, писать ко мнѣ, то адрессуйте въ Гастейнъ...

Къ матери.

1842, мая 17. Москва.

Наконецъ я получилъ ваше письмо изъ Харькова. Ну, слава Богу, вы добрались наконецъ! Хотя дорога ваша была, какъ вижу, не очень пріятна, но я радъ, что по крайней мѣрѣ вы здоровы. Письмо ваше пришло довольно поздно, а именно только вчера. Я ужъ было начиналъ безпокоиться о васъ. Но не знаю, почему экипажъ не пріѣзжаетъ за вами. Писали ли вы во второй разъ домой? Пожалуйста напишите ко мнѣ немедленно по пріѣздѣ вашемъ въ Полтаву. Письмо можете адресовать въ Вѣну, въ poste restante. Я къ вамъ на прошлой недѣлѣ писалъ и отправилъ посылку для Анеты — съ браслетами. Увѣдомьте меня также о ихъ полученіи. Я ѣду завтра. Прощайте; будьте здоровы, и да сберегетъ Богъ васъ отъ хлопотъ и непріятностей! Прощайте!...

Къ ней же.

Санктпетербургъ. 4 іюня, 1842.

Пишу къ вамъ изъ Петербурга, за нѣсколько минутъ предъ отъѣздомъ. Доѣхалъ я благополучно. Хлопотъ мнѣ было много; еще до сихъ поръ всего не могу кончить. Лѣто и плохое время для всѣхъ вообще дѣлъ нѣсколько замедлило мои распоряженія, но авось Богъ поможетъ, и безъ меня все устроится относительно уплаты моихъ долговъ и продажи книгъ. Не унывайте и вы, и будьте всегда свѣтлы душой. Помните, что все, что ни посылается, посылается отъ Бога и для нашего счастія. Прощайте! Обнимаю

васъ; посылаю вамъ мое благословенье и всѣмъ моимъ сестрамъ. Пока, можете адресовать мнѣ письмо въ Гастейнъ въ Тиролѣ.

Вамъ сынъ, Николай.

Напишите мнѣ, видѣли ли вы въ Харьковѣ Иннокентія и вручили ли ему письмо мое и книги.

Къ С. Т. Аксакову.

СПб. Іюня 4 (1842).

Я получилъ ваше письмо еще въ началѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, милый другъ мой. Теперь пишу къ вамъ нѣсколько строкъ передъ выѣздомъ. Хлопотъ было у меня довольно. Никакъ нельзя было на здѣшнемъ безтолковьи сдѣлать всего вдругъ. Коечто я оставилъ оканчивать Прокоповичу. Онъ уже занялся печатаніемъ. Дѣло, кажется, пойдетъ живо. Типографіи здѣшнія набираютъ въ день до шести листовъ. Всѣ четыре тома къ октябрю выйдутъ непремѣнно.——Обнимаю васъ нѣсколько разъ. Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила оддѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу. Вѣрующіе во свѣтлое увидятъ свѣтлое; темное существуетъ только для невѣрующихъ.

Къ Н. М. Языкову.

10 Іюня (1842). Суббота. Вистбаденъ.

Пишу къ тебѣ изъ Вистбадена. Во Франкфуртѣ встрѣтилъ я Жуковскаго, который посвѣжѣлъ, — словомъ въ здоровьѣ самомъ надлежащемъ; женѣ его также лучше; при немъ тоже двѣ пѣсни, »Одиссеи«, которой я хоть и не видалъ еще, но, по всему судя, должны быть онѣ очень хороши, потому что онъ говоритъ самъ, что старался упростить еще болѣе экзаметръ, чтобы и ребенокъ

могъ читать Гомера; да въ пятистопныхъ стихахъ еще двѣ повѣсти безъ риѳмъ; да виды есть еще на большое сочиненіе. Словомъ, Жуковскій такъ себя ведетъ, какъ дай Богъ и намъ всѣмъ, которые его гораздо помоложе. Онъ же мнѣ сказалъ, что Копъ получилъ отъ тебя письмо. Копа я, къ сожалѣнію, не видалъ и не могъ ничего о тебѣ узнать. Онъ же мнѣ сказалъ, что пришло въ Дюссельдорфъ на имя твое письмо, которое онъ передалъ Копу для отправки тебѣ. Отсюда я ѣду въ Эмсъ, куда Жуковскому назначено съ женою пробыть три недѣли, и потому отвѣтъ на это письмо ты пиши мнѣ въ Эмсъ. А въ Дюссельдорфъ я всё съѣзжу на дня два, или на одинъ, съ тѣмъ чтобы только взять тамъ на почтѣ лежащія мнѣ письма, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, найду и твое.

Мнѣ прислали нѣсколько выдранныхъ изъ журналовъ критикъ »М. Д.« Замѣчательнаго, впрочемъ, немного; больше есть по части всякихъ. Лучшія критики большею частію изъ провинцій. Одна изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ (1), но послать въ письмѣ нельзя, по причинѣ величины, а вмѣсто того посылаю тебѣ листки, слѣдуемые почти непосредственно за разборомъ »Д. М.« о капустныхъ кочерыжкахъ: предметъ хоть и неважный, но однакожъ всё-таки показываетъ современное стремленіе Русской литературы.

Прощай. Обнимаю тебя. Жуковскій поручилъ также тебя обнимать. Не пишутъ ли чего новаго изъ Москвы? Я, кромѣ листковъ, не имѣю ни строки никакихъ извѣстій.

Твой Гоголь.

Къ сестрѣ Аннѣ Василевнѣ.

Франкфуртъ. 16 іюня (1842).

Куражъ! впередъ! и никакъ не терять присутствія духа! Письмо твое — добрый знакъ. Прежде всего ты должна поблагодарить Бога за ту тоску, которая на тебя находитъ. Это предвѣстникъ скораго прихода веселья въ душу твою. Тоска эта — слѣдствіе пустоты, слѣдствіе безплодности твоего прежняго веселья. Веселье лучшее,

(1) Это статья Н. Д. Мизко, подъ заглавіемъ: »Голосъ изъ провинціи«. Она напечатана въ »Отечественныхъ Запискахъ« 1842 года.

веселье полное, вовсе незнакомое тебѣ доселѣ, ждетъ тебя. Письма твои будутъ выражать теперь всю твою душу, и все, что хотѣло прежде высказаться и не умѣло, изольется теперь свободно. Я думаю, ты уже прочла и вникнула въ длинное письмо мое, которое я послалъ вамъ три дни тому назадъ. Поймп его хорошенько. Если ты поймешь его, то бодрость почувствуешь въ душѣ. Если не поймешь, то предашься унынію, и въ такомъ случаѣ сильно согрѣшишь, потому что болѣе всего грѣшитъ предъ Богомъ тотъ, кто предается унынію: онъ, значитъ, не вѣритъ ни милосердію Божію, ни любви Его, ни самому Богу. И потому веселѣй и отважнѣй за дѣло! Брось всѣ тѣ занятія, которыя заставляютъ тебя сидѣть на мѣстѣ и въ комнатѣ. Это занятія *мертвыя*. Они еще болѣе способны усилить только скучное расположеніе духа. Замѣни ихъ занятіями *живыми*. Дѣлай частыя прогулки, но старайся, чтобы имъ назначить какую-нибудь цѣль. Безъ того онѣ наскучать тебѣ и будутъ похожи на что-нибудь заказное и принужденное. Употребляй піеніе воды, но только прежде ходьбы, а не послѣ. Не пренебрегай даже и прежними увеселеніями, но взгляни на нихъ съ лучшей точки. Старайся, какъ ихъ, такъ и все, что ни дѣлаешь, обратить въ какую-нибудь пользу, потому что все создано на то, чтобъ употреблять его въ пользу. Заведи такъ, чтобъ въ разныхъ мѣстахъ были у тебя дѣла, чтобы нужно было проходить большія разстоянія, чтобы живо и дѣятельно отъ одного дѣла приниматься за другое. Займись хозяйствомъ не вещественнымъ, но хозяйствомъ души человѣческой. Тамъ только найдешь счастіе. Но ты не безъ ума и смекнешь сама собою многое. Въ письмѣ твоемъ я вижу счастливые признаки и повторяю тебѣ вновь: Впередъ! все будетъ хорошо.

Олинькѣ скажи, чтобъ она написала мнѣ, что такое въ самомъ дѣлѣ есть дочь Катерины Ивановны, Марья Николаевна — какихъ качествъ. Пусть она также напишетъ, какъ проводила у нея время всякой день, каковъ ея мужъ и какъ вообще идутъ у нихъ дѣла хозяйственныя и всякія. Прибавь къ этому и свое мнѣніе. Если ей чрезъ-чуръ хочется имѣть какое-нибудь мое письмо, то отдайте ей то, гдѣ я вамъ писалъ, что нужно повсюду вносить примиреніе. Если жъ вамъ оно будетъ по чему-либо (нужно), то можете для

себя оставить съ него копію. Съ тѣмъ, однакожъ, ей отдайте, чтобъ она никому его не показывала...

Къ матери.

Вѣна. Іюня 25, 1842.

Я пріѣхалъ въ Вѣну довольно благополучно, назадъ тому недѣлю. Не написалъ къ вамъ потому, что ожидалъ вашего письма. Я не помню, сказалъ ли я вамъ, что мнѣ нужно адрессовать въ Вѣну, poste restante. Здѣсь я намѣренъ остаться мѣсяцъ, или около того. Хочется попробовать новооткрытыхъ водъ, которыя всѣмъ помогаютъ, а главное, говорятъ, даютъ свѣжесть силъ, которыхъ у меня уже съ давнихъ поръ нѣтъ. Переѣздъ мой, по крайней мѣрѣ доставилъ мнѣ ту пользу, что у меня на душѣ нѣсколько покойнѣе. Тяжесть, которая жала мое сердце во все пребываніе въ Россіи, наконецъ какъ-будто свалилась, хоть не вся, но частичка. И то слава Богу! Дай Богъ, чтобы и вы тоже не имѣли никакой тяжести на душѣ и были бы здоровы и тѣломъ, и духомъ. Цѣлую ваши ручки. Цѣлую также сестеръ и прошу ихъ писать ко мнѣ почаще и пообстоятельнѣе...

Къ В. А. Жуковскому.

Іюня 26 (1842). Берлинъ.

Въ-силу выбрался я изъ Россіи и опоздалъ. Пишу къ вамъ на дорогѣ въ Гастейнъ, куда велятъ мнѣ ѣхать купаться. Еще вчера я думалъ-было ѣхать къ вамъ прежде въ Дюссельдорфъ, но, взглянувши на дорожную карту, съ ужасомъ замѣтилъ, что кругу приходится болѣе, нежели вдвое. Но ни болѣзнь, ни усталость, ниже́ самое положеніе кошелька моего не отвлекли бы меня отъ такого предпріятія, если бы не мысли, пришедшія мнѣ вслѣдъ за тѣмъ въ голову и не поколебавшія меня. Вѣдь мнѣ неизвѣстны, подумалъ я, ваши распоряженія. Ну, что̀, если я пріѣду въ Дюссельдорфъ, усталый измученный, и не найду васъ тамъ, и долженъ,

вмѣсто васъ, опять насладиться надоѣвшими до смерти видами Рейна, городомъ Франкфуртомъ и прочимъ добромъ? Въ Петербургѣ же мнѣ сказывали, что вы, для здоровья жены вашей, собирались куды-то на воды, и притомъ мнѣ не хотѣлось кое-какъ въ-попыхахъ и наскоро видѣться съ вами. Мнѣ не хотѣлось, чтобы свиданье наше было похоже на свиданье прошлаго году, когда у васъ много было заботъ и развлеченій, и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеной въ себя самого жизни, и было вовсе не до меня, и когда мнѣ, тоже подавленному многими ощущеньями, было не подъ силу летѣть съ свѣтлой душой къ вамъ на-встрѣчу. Душѣ моей тогда были сильно нужны пустыня и одиночество. Я помню, какъ, желая передать вамъ сколько-нибудь блаженство души моей, я не находилъ словъ въ разговорѣ съ вами, издавалъ одни только безсвязные звуки, похожіе на бредъ безумія, и, можетъ быть, до сихъ поръ осталось въ душѣ вашей недоумѣніе, за кого принять меня и что̀ за странность произошла внутри меня. Но и теперь я ничего вамъ не скажу — и о чемъ говорить? Скажу только, что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенья были мои поѣздки, удаленья и отлученья отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитанье души моей, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣй льются душевныя мои слезы и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на нижайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевного воспитанья впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованья.

Вотъ все, что̀ могу сказать вамъ! и вмѣстѣ съ тѣмъ силою стремленій моихъ, силою слезъ, силою душевной жажды быть достойну того, благословляю васъ. Благословенье это не безсильно, и потому съ вѣрой примите его. О житейскихъ мелочахъ моихъ не говорю вамъ ничего: ихъ почти нѣтъ, да, впрочемъ, слава Богу, ихъ даже и не чувствуешь, и не слышишь. Посылаю вамъ

»Мертвыя Души«. Это первая часть. Вы получите ее въ одно время съ письмомъ по почтѣ, по увѣренію здѣшняго почтоваго начальства, въ три дни. Я передѣлалъ ее много съ того времени, какъ читалъ вамъ первыя главы, но всё, однакоже, не могу не видѣть ея малозначительности, въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдовать ей, частями. Она, въ отношеніи къ нимъ, всё мнѣ кажется похожею на придѣланное губернскимъ архитекторомъ наскоро крыльцо къ дворцу, который задуманъ строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ, а, безъ сомнѣнія, въ ней наберется не мало такихъ погрѣшностей, которыхъ я, пока, еще не вижу. Ради Бога, сообщите мнѣ ваши замѣчанія. Будьте строги и неумолимы какъ можно больше. Вы знаете сами, какъ мнѣ это нужно. Не соблазняйтесь даже счастливымъ выраженьемъ, хотя бы оно показалось на первый видъ достаточнымъ выкупить погрѣшность. Не читайте безъ карандаша и бумажки, и тутъ же на маленькихъ бумажныхъ лоскуткахъ пишите свои замѣчанья; потомъ, по прочтеніи каждой главы, напишите два-три замѣчанья вообще обо всей главѣ; потомъ о взаимномъ отношеніи всѣхъ главъ между собою, и потомъ, по прочтеніи всей книги, вообще обо всей книгѣ, и всѣ эти замѣчанія, и общія, и частныя, соберите вмѣстѣ, запечатайте въ пакетъ и отправьте мнѣ. Лучшаго подарка мнѣ нельзя теперь сдѣлать ни въ какомъ отношеніи. Напишите мнѣ, когда придется вамъ особенная и сильная потребность меня видѣть. Я пріѣду, не смотря ни на издержки, ни на хворость, ни на скуку Нѣмецкаго пути. Дайте мнѣ отчетъ и адрессъ, когда и гдѣ, въ какихъ мѣстахъ вы будете въ продолженіе этого года, чтобы я зналъ напередъ, откуда будетъ мнѣ удобнѣе, ближе и лучше къ вамъ пріѣхать. Но лучше всего, если бы вы провели эту зиму въ Римѣ. Это было бы особенно благодѣтельно для здоровья вашей супруги, не говоря уже о томъ, что теперешняя жизнь ваша была бы куды полнѣе тогдашняго мгновеннаго вашего пребыванья въ Римѣ! Туда переселимъ мы и Языкова, которому Римскій воздухъ будетъ во всѣхъ отношеньяхъ благотворенъ. А пока, посылаю вамъ вмѣстѣ съ »Мертвыми Душами« статью мою: »Римъ«, помѣщенную въ »Москвитянинѣ«, которую я для васъ отпечаталъ отдѣльною брошюрою.

Прощайте! молюсь душою о всемъ, что̀ мило и дорого вашему сердцу. Будьте свѣтлы, ибо свѣтло грядущее; и чѣмъ темнѣй помрачается на мгновенье небосклонъ нашъ, тѣмъ радостнѣй долженъ быть взоръ нашъ, ибо потемнѣвшій небосклонъ есть вѣстникъ свѣтлаго и торжественнаго проясненья. Безгранична, безконечна, безпредѣльнѣй самой вѣчности безпредѣльная любовь Бога къ человѣку.

Прощайте! Покамѣстъ, напишите мнѣ только два слова, что письмо это и книги получены вами исправно. Адрессуйте въ Гастейнъ, близъ Зальцбурга.

Вашъ Гоголь.

Къ нему же.

Гастейнъ. 20 іюля (1842).

Я получилъ три строки руки вашей изъ Дюссельдорфа. Благодарю васъ и за нихъ, но если бы вы къ нимъ прибавили хотя одну строчку о »Мертвыхъ Душахъ«, какое бы сильное добро принесли вы мнѣ и сколько радости было бы въ Гастейнѣ! До сихъ поръ я еще ничего не слышалъ, что̀ такое мои »Мертвыя Души« и какое производятъ впечатлѣніе, кромѣ кое-какихъ безотчетныхъ похвалъ, которыя, клянусь, никогда еще не были мнѣ такъ досадны и несносны, какъ нынѣ! Грѣховъ, указанья грѣховъ желаетъ и жаждетъ теперь душа моя! Если бъ вы знали, какой теперь праздникъ совершается внутри меня, когда открываю въ себѣ порокъ, дотолѣ непримѣченный мною! Лучшаго подарка никто не можетъ принесть мнѣ. Итакъ, во имя всего драгоцѣннаго и святого, не откладывайте до другого времени и напишите теперь же, такъ какъ вы сказали все, что̀ на душѣ и сердцѣ у васъ. Вы одни можете мнѣ сказать все, не останавливаясь какою-то внутреннею застѣнчивостью, или боязнью въ чемъ-нибудь оскорбить авторское самолюбіе. Атакуйте, напротивъ того, самые чувствительнѣйшіе нервы: это мнѣ нужно слишкомъ. Но уже вы прочли мою книгу, уже, можетъ быть, многое изгладилось изъ вашей памяти, уже будутъ короче и легче ваши замѣчанія. Нѣтъ нужды,

пожертвуйте для меня временемъ, прочтите еще разъ, или хотя пробѣгите многія мѣста. Клянусь, это время не будетъ пропавшее даромъ! Оно будетъ отдано на слишкомъ доброе дѣло. Итакъ я жду.

Скажите Елисаветѣ.... но я вспомнилъ, что я не знаю ея отчества, жены вашей; а мнѣ хотѣлось въ эту минуту назвать ее Русскимъ обычаемъ, — скажите, что я васъ не воображаю иначе, какъ вмѣстѣ, что очень люблю ее и много благодарю за поклонъ мнѣ.

Прощайте! Адрессуйте письмо въ Гастейнъ; оно еще меня застанетъ; а впрочемъ не позабудьте, что письмо ваше шло сюда цѣлыхъ восемь дней. Около двѣнадцатаго, или 13 августа я отсюда ѣду; стало быть, для васъ послѣдній срокъ отправленія письма 5 августа. Если же просрочите, то адрессуйте въ Венецію. Но авось вы будете такъ великодушны и не просрочите.

Вашъ Гоголь.

Къ С. Т. Аксакову.

Гастейнъ. Іюля $\frac{27}{15}$ (1842).

Здоровы ли вы, и что́ дѣлаете со всѣми вашими? Напишите мнѣ объ этомъ двѣ-три строчки: это мнѣ нужно. Вѣрно, знаете и чувствуете, что я объ васъ думаю часто. Изъ Москвы никто не догадался написать въ Гастейнъ, и я слышу черезъ то какую-то пустоту, которая мнѣ нѣсколько мѣшаетъ вдыхать въ себя полную жизнь. Я пробуду въ Гастейнѣ вмѣстѣ съ Языковымъ еще недѣли три, а въ концѣ августа хотимъ ѣхать въ Венецію, гдѣ пробудемъ недѣли двѣ, если не больше; и потому вы адрессуйте, если почувствуете благодатное желаніе писать, прямо въ Венецію, poste restante. Напишите мнѣ все, какъ вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля, веселы ли какъ слѣдуетъ ваши дѣти. О* С* скажу, что буду писать къ ней, что предметъ письма очень свѣтелъ, и потому прошу ее быть какъ можно свѣтлѣе до самого полученія письма. Да, кстати о письмахъ. Пошлите кого-нибудь на квартиру Н**** [у Стараго Пимена, въ домѣ Ива-

новой] узнать, получено ли имъ письмо мое. Письмо это очень нужно и касается прямо его дѣла, а потому мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно было получено во всей исправности. А моему милому Константину Сергѣевичу напишу тоже письмо, нѣсколько нужное для насъ обоихъ. Сдѣлайте милость, обнимите всѣхъ, кого увидите изъ моихъ знакомыхъ. Если точно ѣдутъ, то вы мнѣ сдѣлаете большую услугу присланьемъ черезъ нихъ нѣкоторыхъ книгъ, а именно: »Памятникъ Вѣры«, такой совершенно, какъ у О* С*, и »Статистику Россіи« Андросова, и еще если есть какое-нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще, или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ, то хорошо бы очень присовокупить его къ нимъ. Кажется, вышелъ какой-то толстый томъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. А Григорія Сергѣевича попрошу присылать мнѣ реестръ всѣхъ сенатскихъ дѣлъ за прошлый годъ, съ одной простой отмѣткой, между какими лицами завязалось дѣло и о чемъ дѣло. Тотъ реестръ можно присылать частями при письмахъ вашихъ. Это мнѣ очень нужно. Да чуть было не позабылъ еще попросить о книгѣ Кошихина, при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ. Я прошу васъ записать цѣну ихъ, чтобы я зналъ, сколько вамъ долженъ. Я увѣренъ, что П*** не откажутся привезть мнѣ ихъ. Обнимите ихъ отъ меня обоихъ. Они, вѣрно, не сомнѣваются въ томъ, что я очень хотѣлъ бы ихъ увидѣть. Около октября 1 я надѣюсь быть въ Римѣ. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вамъ мой душевный поцѣлуй...

Къ Н. М. Языкову.

Мюнхенъ. Августа 5, 1842.

Иду на почту съ тѣмъ, чтобы взять оттуда письмо твое [которое уже должно быть тамъ] и бросить намѣсто его сіе, которое да пойдетъ тоже за письмо.

Въ Мюнхенѣ жарко и душно. Въ семъ да будетъ заключено первое слово. Того же дня я вспомнилъ о Гастейнѣ. Комната у меня великолѣпна, голубецъ неподдѣльный, но солнце тревожитъ меня все утро. Табльдотъ для Нѣмецкихъ табльдотовъ королевскій,

но кофіи смотритъ подлецомъ. Это статья тоже немаловажная. Въ Мюнхенѣ много замѣчательнаго. Замѣчательно уже то, что въ немъ живетъ король — — окружившій себя художествами и искусствомъ. — — Въ архитектурѣ много замѣчательнаго, хотя много также и обезьянства, и вообще отсутствіе оригинальности. Но расписывающіеся среди города фрески на стѣнахъ, среди Нѣмецкаго города, среди трактировъ и пивныхъ бочекъ — это точно что-то замѣчательное. Общество здѣсь почти то же, что и въ Гастейнѣ, но какъ-то не такъ обходительно. Полежаевъ, Храповицкій, Сопиковъ [1], хотя и принимаютъ, но не съ такимъ радушіемъ, нѣтъ той непринужденности въ оборотахъ и поступкахъ. Ходаковскій тоже, хотя и навѣдывается чаще, но есть въ немъ что-то черствое, городское; слишкомъ щеголеватъ, не такъ на-распашку, какъ въ Гастейнѣ, и еще бѣда — завелъ онъ дружбу страшную съ помѣщикомъ, котораго мы въ Гастейнѣ никогда не видали, и я самъ даже не помню хорошо его фамиліи. [Пыляковъ, кажется, или Пылинскій]. Подлецъ, какого только ты можешь себѣ представить. Подобнаго нахальства въ поступкахъ и наглости я не видалъ давно: лѣзетъ въ самой ротъ. Тепляковъ здѣсь тоже несносенъ; его бы слѣдовало скорѣе назвать Донекаевымъ. Нѣтъ, Гастейнъ нашъ — рай. Въ четвергъ я уже буду на высотахъ его. Закажи для меня комнату, во имя всѣхъ святыхъ, безъ солнца по утрамъ. Здѣсь я не въ силахъ даже письма написать. — — Впрочемъ Мюнхенъ свое дѣло сдѣлалъ: онъ мнѣ былъ необходимъ для того, чтобы вновь освѣтлить и сдѣлать пріятнымъ Гастейнъ, огаженный дождями и помѣщеньемъ у шульмейстера, и для того, чтобы намъ вновь встрѣтиться, какъ послѣ годовой разлуки, что, какъ извѣстно, тоже имѣетъ свои пріятности.

Покамѣстъ, прощай! Обнимаю тебя. Чернилы, какъ видишь, еще блѣднѣе тѣхъ, которыми насъ угощалъ школьный мастеръ...

---

(1) Можетъ быть, читатель, и безъ объясненія, догадался уже, что подъ этими именами Гоголь разумѣетъ не какія-либо лица, а просто лежню, храпѣнье, сопѣнье и проч. Подобнымъ образомъ онъ играетъ этими словами въ »Мертвыхъ Душахъ«. См. т. IV, стр. 194. *П. К.*

Къ С. Т. Аксакову.

Гастейнъ $\frac{18}{6}$ августа (1842).

Я получилъ ваше милое письмо и уже нѣсколько разъ перечиталъ его. Вы уже знаете, что я уже было-соскучилъ, не имѣя отъ васъ никакой вѣсти, и написалъ вамъ формальный запросъ; но теперь, слава Богу, письмо ваше въ моихъ рукахъ. Что̀ же сдѣлалось съ тѣмъ, что писала, какъ видно изъ словъ вашихъ, О* С* — я никакъ не могу понять; оно не дошло ко мнѣ. Всѣ ваши извѣстія, все, что̀ ни заключалось въ письмѣ вашемъ, все до послѣдняго слова и строчки, было для меня любопытно и равно пріятно, начиная съ вашего препровожденія времени, уженья въ прудахъ и рѣкахъ, и до извѣстій вашихъ о »Мертвыхъ Душахъ«. Первое впечатлѣніе ихъ на публику совершенно то, какое подозрѣвалъ я заранѣ. Неопредѣленные толки; поспѣшность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота послѣ прочтенья; досада на видимую безпрерывную мелочь событій жизни, которая становится невольно насмѣшкой и упрекомъ. Все это я зналъ заранѣ. Бѣдный читатель съ жадностью схватилъ въ руки книгу, чтобы прочесть ее, какъ занимательный, увлекательный романъ, и, утомленный, опустилъ руки и голову, встрѣтивши никакъ непредвидѣнную скуку. Все это я зналъ. Но при всемъ этомъ подробныя извѣстія обо всемъ этомъ мнѣ всегда слишкомъ интересно слышать. Многія замѣчанія, вами приведенныя, были сдѣланы не безъ основанія тѣми, которые ихъ сдѣлали. Продолжайте сообщать и впредь, какъ бы они ни казались ничтожны. Мнѣ все это очень нужно. Само по себѣ разумѣется, что пріятнѣе всего было мнѣ читать отчетъ вашихъ собственныхъ впечатлѣній, хотя они были мнѣ отчасти извѣстны. Богъ одарилъ меня проницательностью, и я прочелъ въ лицѣ вашемъ во время чтенія почти все, что̀ мнѣ было нужно. Я не разсердился на васъ за неоткровенность (¹). Я зналъ, что у всякаго человѣка есть внутренняя нѣжная застѣнчивость, воспрещающая ему сдѣлать замѣчанія на-счетъ того, что,

(¹) Гоголь рѣшительно ошибался. При первыхъ чтеніяхъ, я не былъ еще способенъ замѣчать недостатки »Мертвыхъ Душъ«. *Прим. С. Т. Аксакова.*

по мнѣнію его, касается слишкомъ тонкихъ чувствительныхъ струнъ, прикосновеніе къ которымъ, какъ бы то ни было, но всё же сколько-нибудь раздражаетъ самое простительное самолюбіе. Самая искренняя дружба не можетъ совершенно изгладить этой застѣнчивости. Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно, пока узнаютъ, что мнѣ можно все говорить и болѣе всего то, что̀ болѣе всего трогаетъ чувствительныя струны, — такъ же какъ я знаю и то, что придетъ наконецъ такое время, когда всѣ почуютъ, что нужно мнѣ сказать и то, что̀ (заключается) въ собственныхъ душахъ, не скрывая ни одного изъ движеній, хотя эти движенія не ко мнѣ относятся. Но отнесемъ будущее къ будущему и будемъ говорить о настоящемъ. Вы говорите, что молодое поколѣніе лучше и скорѣе пойметъ. Но горе, если бы не было стариковъ! У молодого слишкомъ много любви къ тому, что̀ восхитило его; а гдѣ жаркая и сильная любовь, тамъ уже невольное пристрастіе. Старикъ прежде глядитъ очами разсудка, чѣмъ чувства, и чѣмъ меньше подвигнуто его чувство, тѣмъ яснѣй его разсудокъ, и можетъ сказать всегда частную, повидимому маловажную и простую, но тѣмъ не менѣе истинную правду. Если бы сочиненье мое произвело равный успѣхъ и эффектъ на всѣхъ, въ этомъ была бы бѣда: толковъ бы не было. Всякой, увлеченный важнѣйшимъ и главнымъ, считалъ бы неприличнымъ говорить о мелочахъ, считалъ бы мелочами замѣчанія о незначительныхъ уклоненіяхъ, о всѣхъ проступкахъ, повидимому ничтожныхъ. Но теперь, когда еще не раскусили, въ чемъ дѣло, когда не узнали важнаго и главнѣйшаго, когда сочиненіе не получило опредѣленнаго, недвижнаго опредѣленія, теперь нужно ловить толки и замѣчанія: послѣ ихъ не будетъ. Я знаю, что самые близкіе люди, которые болѣе другихъ чувствуютъ мои сочиненія, я знаю, что и они всѣ почти ощутятъ разныя впечатлѣнія. Вотъ почему прежде всего я положилъ прочесть вамъ, Погодину и Константину, какъ тремъ различнымъ характерамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія. То, что̀ я увидѣлъ въ замѣчаніи ихъ, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеньи недоумѣнья, ненарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мнѣ

несравненно большую пользу, если бы застѣнчивость не помѣшала каждому разсказать вполнѣ характеръ своего впечатлѣнья. Человѣкъ, который отвѣчаетъ на вопросъ ограждающими словами: »Не смѣю сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлѣнію«, дѣлаетъ хорошо: такъ предписываетъ правдивая скромность; но человѣкъ, который высказываетъ въ первую минуту свое первое впечатлѣніе, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нѣжной разборчивости и чувствительныхъ струнъ друга, тотъ человѣкъ великодушенъ. Такой подвигъ есть верхъ довѣрія къ тому, которому онъ ввѣряетъ свои сужденія и которому вмѣстѣ съ тѣмъ (ввѣряетъ), такъ сказать, самого себя. Иными людьми овладѣваетъ, просто, боязнь показаться глупѣе; но мы позабыли, что человѣкъ уже такъ созданъ, чтобы требовать вѣчной помощи другихъ. У всякаго есть что-то, чего нѣтъ у другого; у всякаго чувствительнѣе не та нерва, чѣмъ у другого, и только дружный размѣнъ и взаимная помощь могутъ дать возможность всѣмъ увидѣть съ равной ясностью и со всѣхъ сторонъ предметъ. Я былъ увѣренъ, что Кон. С. глубже и прежде пойметъ, и увѣренъ, что критика его точно опредѣлитъ значеніе поэмы. Но, съ другой стороны, чувствую заочно, что Погодинъ былъ отчасти правъ, не помѣстивъ ее. Не смотря на несправедливость этого дѣла, я думаю, просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человѣкъ можетъ встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ старыхъ. Уже вопросъ: почему многіе не могутъ понять »Мертвыхъ Душъ« съ перваго раза? оскорбитъ многихъ. Мой совѣтъ — напечатать ее зимою, послѣ двухъ, или трехъ критикъ [1]. Недурно также разсмотрѣть, не слышится ли явно: *Я первый понялъ.* Этого слова не любятъ, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на сторонѣ прежде понявшихъ. Люди не понимаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакого грѣха, что это можетъ случиться съ самымъ глубоко образованнымъ человѣкомъ, какъ случается всякому, въ минуты хлопотъ и мыслей о другомъ, подслушать замѣчательное слово. Лучше всего, если бы Кон. Серг. прислалъ эту критику мнѣ въ Римъ, переписавши ее на тоненькой бумажкѣ для удобнаго вложенія въ письмѣ. Я слишкомъ любопытенъ читать ее.

[1] Критика была уже напечатана отдѣльно. *П. К.*

Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго разу »Мертвыя Души«, совершенно справедливо и должно̀ распространиться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ. Не пугайтесь даже вашего перваго впечатлѣнія, что восторженность во многихъ мѣстахъ казалась вамъ доходившею до смѣшного излишества (¹). Это правда, потому что полное значеніе лирическихъ намековъ можетъ изъясниться только тогда, когда выйдетъ послѣдняя часть. — — —

Васъ устрашаетъ мое длинное и трудное путешествіе. Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что нѣсколько разъ хотѣли спросить меня и всё останавливались, не рѣшаясь навязываться самому на довѣренность. Зачѣмъ же вы не спросили? Никогда душевная жажда вопросить не должна оставаться въ груди. Никогда сердечный вопросъ не можетъ быть докученъ, или не у мѣста. Самое большее было бы то, что я отвѣчалъ бы вамъ на это молчаніемъ. Но, если молчаніе это свѣтло и выражаетъ спокойствіе душевное, то стало быть оно уже отвѣтъ и ничѣмъ другимъ не могъ выразиться этотъ отвѣтъ. А вопросъ вашъ всё таки былъ бы мнѣ пріятенъ, потому что онъ вопросъ друга. И что̀ бы могъ я вамъ отвѣчать? развѣ произнесъ бы слова только: »Такъ должно быть«. Разсмотрите меня и мою жизнь среди васъ. Что̀ вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, или хотя на это простодушное богомольство, или набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею? Развѣ нашли вы во мнѣ слѣпую вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи, или на правдѣ они основаны, или увлеченье новизной, соблазнительной для многихъ современностью и модой? Развѣ вы замѣтили во мнѣ юношескую незрѣлость, или живость въ мысляхъ? Развѣ открыли во мнѣ что-нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ раждающееся увлеченіе чѣмъ-нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстраго и торопящагося, который притомъ хоть сколько-нибудь умудренъ и опы-

(¹) Не понимаю, какъ пришла въ голову Гоголя эта мысль! Никогда лирическія мѣста не казались мнѣ смѣшными. Это недоразумѣніе.

Прим. С. Т. Аксакова.

томъ, и жизнью, и познаньемъ людей и свѣта, если въ душѣ такого человѣка родилась подобная мысль предпринять это отдаленное путешествіе, то, вѣрно, она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва, вѣрно, уже слишкомъ благодѣтельна она, вѣрно, далеко оглянута она, вѣрно, и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли. Но если бъ даже и не могло заключиться въ ней никакой обширной цѣли, никакого подвига во имя любви къ братьямъ, никакого дѣла во имя Христа; то развѣ вся жизнь моя не стóитъ благодарности? развѣ небесныя минуты тѣхъ радостей, которыя я слышу, не вызываютъ благодарности? развѣ прекрасная жизнь тѣхъ прекрасныхъ душъ, съ которыми встрѣтилась душа моя, не вызываетъ благодарности? развѣ любовь, обнявшая мою душу и возрастающая въ ней болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, не стоитъ благодарности? развѣ въ сихъ небесныхъ торжественныхъ минутахъ не присутствуетъ Христосъ? развѣ эта любовь не есть уже самъ Христосъ? развѣ все, чтò отрывается отъ земли и земного, не есть уже Христосъ? развѣ въ любви, сколько-нибудь отдѣлившейся отъ чувственной любви, уже не слышится мелькнувшій край Божественной одежды Христа? и сіе высокое стремленіе, которымъ стремятся прекрасныя души одна къ другой, влюбленныя въ одни свои Божественныя качества, а не земныя, не есть ли уже стремленіе ко Христу? »Гдѣ васъ двое, тамъ и Церковь Моя«. Или никто не слышитъ сихъ Божественныхъ словъ? Только любовь, рожденная землей и привязанная къ землѣ, только чувственная любовь, привязанная къ óбразамъ человѣка, къ лицу, къ видимому, стоящему передъ нами человѣку, та любовь только не зритъ Христа. Зато она временна, подвержена страшнымъ несчастьямъ и утратамъ, и да молится вѣчно человѣкъ, чтобы спасли его небесныя силы отъ сей ложной, превратной любви! Но любовь душъ — это вѣчная любовь. Тутъ нѣтъ утраты, нѣтъ разлуки, нѣтъ несчастій, нѣтъ смерти. Прекрасный образъ, встрѣченный на землѣ, тутъ утверждается вѣчно; все, чтò на землѣ умираетъ, то живетъ здѣсь вѣчно, то воскрешается ею, сей любовью, въ ней же, въ любви, и она безконечна, какъ безконечно небесное блаженство. Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который

услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слова любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ? Мы движемся благодарностью къ поэту, подарившему намъ наслажденья души своими произведеніями; мы спѣшимъ принесть ему дань уваженія, спѣшимъ посѣтить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что сто́итъ уваженія и самый великій прахъ его. Сынъ спѣшитъ на могилу отца, и никто не спрашиваетъ его о причинѣ, чувствуя, что дарованіе жизни и воспитанье сто́ятъ благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвелъ на землю, Кто виной всѣхъ высокихъ движеній, Тому только считается какъ-то страннымъ поклониться въ самомъ мѣстѣ Его земного странствія. По крайней мѣрѣ, если кто изъ среди насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ-то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза, мѣряемъ его съ но́гъ до головы, какъ-будтобы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь: вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей, и жизни, однимъ словомъ — всему тому, что̀ составляетъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло. Человѣку неносящему ни клобука, ни митры, смѣшливому и смѣшащему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставить неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку — неправда ли? — странно предпринять такое путешествіе. Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей? Развѣ вамъ не странно было въ сочиненіи, подобномъ »Мертвымъ Душамъ«, встрѣтить лирическую восторженность? не смѣшною ли она вамъ показалась въ началѣ, и потомъ не примирились ли вы съ нею, хотя не вполнѣ еще узнали (ея) значеніе? Такъ, можетъ быть, вы примиритесь потомъ и съ симъ лирическимъ движеніемъ самого автора. И какъ мы можемъ сказать, чтобы то, которое кажется намъ минутнымъ вдохновеніемъ, нежданно налетѣвшимъ съ небесъ откровеньемъ, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже въ самую природу нашу и не зрѣло бы въ насъ невидимо для другихъ? Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на

свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ, въ сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между симъ отдаленнымъ моимъ путешествіемъ? И почему знать, что нѣтъ глубокой и чудной связи между всѣмъ этимъ и всей моей жизнью, и будущимъ, которое незримо грядетъ къ намъ и котораго никто не слышитъ? Благоговѣнье же къ Промыслу! Это говоритъ вамъ вся глубина души моей. Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ,—въ то время именно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ: подобно какъ буря самая сильная настаетъ только тогда, когда тише обыкновеннаго станетъ морская поверхность. Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленья нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души. Итакъ свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли, и свѣтлѣй всего да будетъ неотразимая вѣра ваша въ Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничѣмъ, что̀ безумно называетъ человѣкъ несчастіемъ. Вотъ что̀ вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей!

Прощайте. Это письмо пусть будетъ для васъ и для О* С* вмѣстѣ, но не показывайте его другимъ. Лирическія движенія души нашей!... неразумно ихъ сообщить кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питаетъ къ нимъ тихую вѣру и умѣетъ беречь какъ святыню во глубинѣ души душевное слово любящаго человѣка. Впрочемъ помните, что путешествіе мое еще далеко. Раньше окончанія моего труда оно не можетъ быть предпринято ни въ какомъ случаѣ, и душа моя для него не въ силахъ быть готова. А до того времени нѣтъ никакой причины думать, чтобы (мы) не увидѣлись опять, если только это будетъ нужно. Пишите мнѣ все, что̀ ни дѣлается съ вами и что̀ ни дѣлается вокругъ васъ. Все, что̀ ни касается жизни, уже жизнь моя. Толковъ объ »Мертвыхъ Душахъ«, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если, на случай, кто-нибудь будетъ вамъ писать объ нихъ, вы выпишите эти строки въ письмѣ ко мнѣ...

Къ А. С. Данилевскому.

Гастейнъ. Августа $\frac{22}{10}$ (1842).

Ты, кажется, употребляешь всѣ усилія, чтобы сдѣлать изъ меня великодушнаго человѣка: ни на одно изъ четырехъ писемъ, писанныхъ мною изъ Москвы къ тебѣ въ Бѣлгородъ и Миргородъ, я не получилъ отвѣта. Я послалъ тебѣ мой »Римъ«, потомъ »Мертвыя Души«, просилъ тебя, именемъ нашей дружбы, не скрыть своихъ впечатлѣній послѣ прочтенья ихъ, сказать все, что̀ имѣешь на душѣ, указать недостатки, которыхъ, безъ сомнѣнія, тамъ много. Все это кануло въ воду. Хотя бы двумя строками извѣстилъ ты меня о полученіи всего этого и сказалъ бы: »У меня теперь нѣтъ расположенія писать къ тебѣ, и потому не пишу къ тебѣ; но я напишу послѣ.« Но и этого не было. Соображая все это, я вижу, что одно только какое-нибудь событіе и препятствіе могло случиться, и потому посылаю тебѣ рѣшительный запросъ— объяснить мнѣ это. Я прошу даже маменьку никакъ не посылать тебѣ письма моего съ какимъ-нибудь подателемъ, а самой вручить лично въ твои руки, чтобы тебѣ нельзя было никакимъ образомъ ускользнуть отъ отвѣта и чтобы такимъ образомъ сколько-нибудь разрѣшить эту неизъяснимую загадку, а съ нею вмѣстѣ мое недоумѣніе. Одной строки, одного слова твоего достаточно, чтобы получить полное примиреніе.

Прощай! Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта.

Къ А. А. Иванову.

Гастейнъ. Августа 30 (1842).

Я получилъ сейчасъ ваше письмо. Ничего плачевнаго я не вижу въ вашемъ положеніи. Берите все, что̀ ни даютъ. Это ничего не значитъ. На своемъ мы всё-таки настоимъ и поставимъ. Путей есть множество выйти изъ всякаго положенія, какъ бы затруднительно оно намъ ни казалось. Если бы ваше положеніе было въ двадцать разъ хуже, то и тогда не слѣдуетъ смущаться. Скажу

вамъ только то, что если даже все то, что̀ мы ни предпримемъ теперь по вашему дѣлу, будетъ неуспѣшно [чего я, однакожъ, не предполагаю, основываясь на здравомъ разсудкѣ], то и тогда это не бѣда. Деньги будутъ во всякомъ случаѣ, если уже пошло на то. Исполните только одну мою просьбу, которую я вамъ сейчасъ предложу: будьте ясны и тверды душою. Твердый и непотерявшійся человѣкъ всегда выигрываетъ: его взглядъ не отуманенъ, и онъ самъ увидитъ исходы изо всякаго лабиринта. Нужно имѣть также вѣру въ небесную силу, которая всегда сходитъ отъ Бога твердому и уповающему человѣку. Исполнясь этой силы, вы плюнете на то, что̀ человѣкъ называетъ препятствіемъ. Итакъ не думайте ни о чѐмъ до самого моего пріѣзда. Будьте веселы, какъ только можно больше; идя по улицѣ, подскакивайте, нужды нѣтъ, если и шлепнетесь о мостовую; это не бѣда: всякой знаетъ, что мостовая въ Римѣ плоха, и потому извинитъ васъ.

Я буду въ Римѣ около 15 октября. А до того времени вотъ вамъ порученіе, пока у васъ теперь свободное время и вы ничѣмъ не заняты. Поищите квартиру для Языкова, котораго знакомство доставитъ вамъ, вѣрно, удовольствіе. Это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и близкихъ мнѣ пріятелей. Квартиру изъ двухъ, или трехъ комнатъ. Одна, если можно, чтобъ была большая, чтобы были онѣ на солнцѣ и особенно, чтобы былъ при нихъ садикъ, то есть, терраца, чтобы можно было ему, не дѣлая много ступеней, сойти и сидѣть тамъ всякой день. Ему предписанъ воздухъ, а ноги у него очень слабы и не въ силахъ дѣлать затруднительной прогулки. А для меня, если не случится квартиры, то я поселюсь опять въ старомъ гнѣздѣ на Via Felice. Еще: нельзя ли вамъ зайти къ Торлони и сказать ему, что я, по случаю смерти Валентини, просилъ письма ко мнѣ адрессовать къ нему, а потому прошу его, если таковыя получатся, удержать ихъ до моего пріѣзда въ сохранности, не передавая въ посольство и не безпокоясь, что меня нѣтъ еще на лицо.

Прощайте же; будьте веселы и свѣтлы духомъ, и сохраните вѣчно въ себѣ великую истину, которую я вамъ сейчасъ скажу. Препятствія суть наши крылья; они намъ даются для того, чтобы сдѣлать насъ сильнѣй и ближе къ цѣли. Это вамъ говоритъ извѣ-

давшій сіе по опыту. Если вамъ вздумается писать ко мнѣ до пріѣзда моего, то адрессуйте въ Венецію, post restante.

Къ матери.

Гастейнъ. $\frac{\text{сентября 1}}{\text{августа 19}}$, 1842.

Я получилъ ваше письмо. Очень радъ что вы доѣхали благополучно и что путешествіе ваше было пріятно вамъ. Изъ всѣхъ подробностей письма вашего, которыя между прочимъ, всѣ равно были для меня любопытны, болѣе всѣхъ остановило меня извѣстіе ваше о чиновникѣ, котораго вы встрѣтили въ Харьковѣ. Я не разобралъ его фамиліи. Всё равно, скажите, или напишите ему, что его благородство и честная бѣдность среди богатѣющихъ неправдой найдутъ отвѣтъ во глубинѣ всякаго благороднаго сердца, что уже есть выше многихъ наградъ. Скажите ему, что эта честная бѣдность есть такое качество, которымъ онъ долженъ быть слишкомъ гордъ, для того чтобы впасть въ какое-нибудь малодушное отчаяніе, или не умѣть встрѣтить лицомъ несчастье и горечь жизни; что ему говоритъ это тотъ, кому внутренняя неисповѣдимая сила велитъ сказать это. И потому пусть онъ будетъ спокоенъ, какъ только можно быть спокойну въ какомъ бы ни было тяжкомъ случаѣ жизни. Передайте ему эти слова.

Я вижу также изъ письма вашего, что вы уже успѣли съѣздить на богомолье въ Диканьку и Будище. Молитва — святое дѣло, но помните, что она ничтожна, если не сопровождена святыми дѣлами. Молитвы дѣлъ, а не молитвы словъ требуетъ отъ насъ Іисусъ. Не думайте, чтобы вы были бѣдны, для того чтобы помогать другимъ. Для этого не можетъ быть бѣденъ человѣкъ. Не богатствомъ, не деньгами мы можемъ помогать другимъ, но гораздо болѣе мы можемъ помогать сердечнымъ участьемъ, душевнымъ словомъ, воздвигая, ободряя падшій духъ; и потому, если вы услышите, что гдѣ-нибудь страждетъ благородный душою человѣкъ, терпитъ горе жизни и готовъ предаться отчаянью, то спѣшите къ нему первыя на помощь. Скажите ему прежде всего: онъ долженъ благословить свою бѣдность и несчастья. Онѣ становятъ человѣка ближе къ

Богу; онѣ доставляютъ ему случай совершить тѣ подвиги добродѣтели, которые рѣдко доводится совершить человѣку, ибо среди бѣдности, среди угнетеній стать твердо, не упасть и совершить благородный подвигъ — несравненно выше, чѣмъ совершить таковый же подвигъ среди богатства и довольства, хотя бы для этого даже вздумалъ человѣкъ истратить все свое богатство. Пусть и въ мысль не приходитъ ему, что подвигъ его можетъ быть безотвѣтенъ и не найдетъ отголоска. Вездѣ найдется благородная душа, которая откликнется ему и освѣтится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много таинъ во глубинѣ души нашей, которыхъ еще не открылъ человѣкъ и который могутъ подарить ему чудныя блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступъ къ сердцу страждущаго душою, тогда идите съ нимъ прямо въ церковь и выслушайте Божественную литургію. Какъ прохладный лѣсъ среди палящихъ степей, тогда приметъ его молитва подъ сѣнь свою, и Тотъ, Кто умѣлъ все въ жизни претерпѣть за насъ, Тотъ вооружитъ твердостью и силой его душу, о который разлетятся земныя несчастія. Сдѣлавши такое дѣло, укрѣпивши изнемогшаго и обративши его къ Богу, вы возсылайте смѣло ваши молитвы. Онѣ будутъ крылаты и возлетятъ прямо на небо. Все, чего ни попросите, дастся вамъ. Я увѣренъ, что вы понимаете всю силу словъ сихъ.

Увѣдомляйте меня обо всемъ, что̀ ни случается съ вами. Не безпокойтесь, если не вдругъ я буду отвѣчать на ваше письмо, а мнѣ нужно отвѣчать многимъ на письма, иногда очень нужныя.

Передайте это маленькое письмецо Ал. С. Данилевскому, но передайте ему самому, а не черезъ посланнаго. Допросите его сами, почему онъ не отвѣчалъ на мои письма, и получилъ ли книги, который я ему послалъ, и объ этомъ увѣдомьте. . . .

Къ Н. Н. Ш—вой.

Дюссельдорфъ. Сентябрь (1842).

Благодарю васъ, Надежда Николаевна, за ваше рукописаніе, которое всегда пріятно душѣ моей, и за вашъ шнурокъ, который

вы послали съ Валуевымъ. Онъ будетъ у меня храниться и бережёнъ въ цѣлости. Носить его не буду, потому что ношу прежній, который вы сами лично мнѣ дали. Онъ хотя и *заносился*, но не *износился* и, вѣроятно, будетъ носиться долго, пока не изорвется вовсе. Что же касается до образа, которымъ вы хотите надѣлить меня, то я не совѣтую вамъ посылать его по почтѣ...

Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Октября $\frac{23}{11}$ (1842).

Наконецъ я дождался отъ тебя письма. Двѣ недѣли, какъ живу уже въ Римѣ, всякій день навѣдываюсь на почту и только вчера получилъ первое письмо изъ Россіи. Это письмо было отъ тебя. Благодарю тебя за него. Благодарю также за твой отзывъ о моей поэмѣ. Онъ былъ мнѣ очень пріятенъ, хотя въ немъ слишкомъ много благосклонности, точно какъ-будтобы ты боялся тронуть какую-нибудь чувствительную струну. Еще прежде позволительно было щадить меня, но теперь это грѣшно: мнѣ нужно скорѣй указать всѣ мои слабыя стороны; это(го) я требую больше всего отъ друзей моихъ.

Но въ сторону все это, и поговоримъ прежде всего о тебѣ. —— Тебя Петербургъ манитъ прошедшими воспоминаніями, но развѣ ты не чувствуешь, что чрезъ это самое онъ станетъ теперь еще печальнѣе въ глазахъ твоихъ? Прежній кругъ довольно разсѣялся; остальные отдѣлились другъ отъ друга и уже предались скучному уединенію. Новый нынѣшній Петербургскій людъ слишкомъ отзывается эгоизмомъ, пустымъ стремленіемъ. Тебѣ холодно, черство покажется въ Петербургѣ. Послѣ пятилѣтняго своего скитанія по міру и невольно чрезъ то пріобрѣтенной независимой жизни, тебѣ будетъ труднѣе привыкнуть къ Петербургу, чѣмъ къ другому мѣсту. Притомъ ядовитый климатъ его — не будетъ ли онъ теперь чувствительнѣй для тебя, чѣмъ прежде, когда ты и въ Малороссіи болѣешь? Я думалъ обо всемъ этомъ, и мнѣ приходило на мысль, не лучше ли тебѣ будетъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ? Тамъ болѣе теплоты и въ климатѣ, и въ людяхъ. Тамъ живутъ большею частью

такіе друзья мои, которые примутъ тебя радушно и съ открытыми объятіями; тамъ меньше разсчетовъ и денежныхъ вычисленій. — — Но, ради Бога, будь свѣтлѣй душой. Въ минуты грустныя припоминай себѣ всегда, что я живу еще на свѣтѣ, что Богъ бережетъ жизнь мою, стало быть, она, вѣрно, нужна друзьямъ души и сердца моего, и потому гони прочь уныніе и не думай никогда, чтобы безъ руля и вѣтрила неслася жизнь твоя. Все, что ни дается намъ, дается въ благо, и самые безплодные роздыхи въ нашей жизни, можетъ быть, уже суть сѣмена плодороднаго въ будущемъ.

Увѣдоми меня сколько-нибудь о толкахъ, которые тебѣ случится слышать о »Мертвыхъ Душахъ«, какъ бы они пусты и незначительны ни были, съ означеніемъ, изъ какихъ устъ истекли они. Ты не можешь вообразить себѣ, какъ все это полезно мнѣ и нужно и какъ для меня важны всѣ мнѣнія, начиная отъ самыхъ необразованныхъ до самыхъ образованныхъ...

Къ Н. Н. Ш—вой.

Октября 30 (1842).

Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Надежда Николаевна, что я пріѣхалъ въ Римъ благополучно. Молитвы молившихся обо мнѣ услышаны милосердымъ Богомъ: мнѣ гораздо лучше, и не нахожу словъ, чѣмъ выразить Ему благодарность. Все было во благо, и страданіе, и болѣзни. А васъ благодарю также: своихъ грѣшныхъ молитвъ не достало бы. Молитесь же, другъ мой, теперь о томъ, чтобы вся жизнь моя была Ему служеніе, чтобы дана была мнѣ высокая радость служить Ему и чтобы воздвигнуты были Его всемогущею десницею во мнѣ силы на такое дѣло...

Къ В. А. Жуковскому.

Римъ. Ноябрь 1 (1842).

Отчего же нѣтъ отъ васъ ни строчки? Отчего не хотите вы сказать ни слова о »Мертвыхъ душахъ« моихъ, зная, что я горю

и снѣдаемъ жаждой знать мои недостатки? Или вы разлюбили меня? Но если не хотите ничего сказать обо мнѣ, скажите по крайней мѣрѣ о себѣ! Что̀ вы? здоровы? Гдѣ будете весною? гдѣ хотите провесть лѣто? Увѣдомьте меня объ этомъ, чтобы я могъ найти васъ и не разминуться съ вами. Мнѣ теперь нужно съ вами увидѣться: душа моя требуетъ этого. Будьте же добры, извѣстите меня обо всемъ этомъ...

Къ М. П. Б—ной.

Римъ. Ноября 2, 1842.

Я къ вамъ пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобъ я былъ лѣнивъ. Это правда, мнѣ тяжело бываетъ приняться за письмо; но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не откладываю. Послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, при разставаньи съ вами, я замѣтилъ, что душа ваша сильнѣй развилась и глубже чувствуетъ, чѣмъ когда-либо прежде, и потому вы теперь не имѣете никакого права не быть со мной вполнѣ откровенны и не передавать мнѣ все. Вспомните, что вы пишете вашему искреннѣйшему другу, который въ силахъ оцѣнить и понять васъ и который награжденъ отъ Бога даромъ живо чувствовать въ собственной душѣ радости и горе, чувствуемыя другими, что̀ другіе чувствуютъ только въ слѣдствіе одного тяжелаго опыта. Прежде всего извѣстите меня о состояніи вашего здоровья и помогло ли вамъ холодное леченіе; потомъ извѣстите меня о состояніи души вашей: что̀ вы думаете теперь и чувствуете, и какъ все, что̀ ни есть вокругъ васъ, вамъ кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь слѣдуетъ вторая.

Извѣстите меня обо мнѣ: записывайте все, что̀ когда-либо вамъ случится услышать обо мнѣ, — всѣ мнѣнія и толки обо мнѣ и объ моихъ сочиненіяхъ, и особенно, когда бранятъ и осуждаютъ меня. Послѣднее мнѣ слишкомъ нужно знать. Хула и осужденія для меня слишкомъ полезны. Послѣ нихъ мнѣ всегда открывался яснѣе какой-нибудь мой недостатокъ, дотолѣ мною незамѣченный; а увидѣть свой недостатокъ — это уже много значитъ: это зна-

чить — почти исправить его. Итакъ, не позабудьте записывать все. Просите также вашихъ братцевъ — въ ту же минуту, какъ только они услышатъ какое-нибудь сужденіе обо мнѣ, справедливое, или несправедливое, дѣльное, или ничтожное, въ ту же минуту его на лоскуточекъ бумажки, покамѣстъ оно еще не простыло, и этотъ лоскуточекъ вложите въ ваше письмо. Не скрывайте отъ меня также имени того, который произнесъ его; знайте, что я не въ силахъ ни на кого въ мірѣ теперь разсердиться, и скорѣй обниму его, чѣмъ разсержусь. . . .

Къ П. А. Плетневу.

2 ноября, 1842 года.

Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой, другъ души моей Петръ Александровичъ! Узнайте, что̀ дѣлаютъ экземпляры »Мертвыхъ Душъ«, назначенные мною къ представленію — — и оставленные мною для этого у гр. В***. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу на совершенномъ безденежьи. Всѣ выручаемыя деньги за продажу книги идутъ до сихъ поръ на уплату долговъ моихъ. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, какъ вы знаете, кромѣ меня, есть кое-какія довольно сильныя обязанности. Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не въ слѣдствіе какого-нибудь великодушія, а въ слѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъявляется Царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участье.

Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы, вѣрно, будете писать разборъ »Мертвыхъ Душъ«; по крайней мѣрѣ мнѣ бъ этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи боль-

инства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда-либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно, и постарайтесь отыскать во мнѣ побольше недостатковъ, хотя бы даже они вамъ самимъ казались неважными. Не думайте, чтобъ это могло повредить мнѣ въ общемъ мнѣніи. Я не хочу мгновеннаго мнѣнія. Напротивъ, я бы желалъ теперь отъ души, чтобъ мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ этого сознанья, не можетъ быть исправленья. Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное безстрастіе воцаряется въ душу и когда возгласы, шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни . . .

Къ нему же.

Римъ. 28 ноября (1842).

Въ догонку за первымъ моимъ письмомъ, пишу къ вамъ другое. Если вы еще не употребляли вашего участія и заботъ относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дѣло можно оставить, — во-первыхъ, уже потому, что съ моей стороны какъ-то неприлично это всё же нѣсколько корыстное исканье, а во-вторыхъ — зачѣмъ тормошить бѣднаго В****, которому, можетъ быть, вовсе неловко? Я же, пока, занялъ денегъ у Языкова, которому прислали. А въ началѣ будущаго года авось Богъ дастъ мнѣ изворотиться, очиститься отъ долговъ вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вмѣсто прежней моей просьбы, исполните вотъ какую просьбу. До меня дошли слухи, что изъ »Мертвыхъ Душъ« таскаютъ цѣлыми страницами на театръ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится, что-

бы кто осмѣлился, не спросясь позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. [А я тысячи имѣю, какъ нарочно, причинъ не желать, чтобы изъ »Мертвыхъ Душъ«, что-либо было переведено на сцену]. Сдѣлайте милость, постарайтесь какъ-нибудь увидѣться съ Г***** и объясните ему, что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени. Это очень нужно сдѣлать, потому что въ выходящемъ изданіи моихъ сочиненій есть нѣсколько драматическихъ отрывковъ, которые какъ разъ могутъ очутиться на сценѣ, тогда какъ на нихъ законное право имѣетъ одинъ только Щепкинъ. Сдѣлайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидѣтель, что находящееся у Щепкина письмо, которымъ я передаю ему право на постановку этихъ пьесъ на сцену, писано именно мною и есть неподдѣльное. Что я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому? Ради Бога, вступитесь за это дѣло: оно слишкомъ близко моему сердцу. Прощайте. Я слышалъ, что въ »Современникѣ« есть очень дѣльная статья о »Мертвыхъ Душахъ« (¹). Нельзя ли какимъ-нибудь образомъ переслать мнѣ ее? я бы страшно хотѣлъ прочесть...

Къ М. С. Щепкину.

Михаилъ Семеновичъ! пишу къ вамъ это письмо нарочно для того, чтобы оно служило документомъ въ томъ, что всѣ мои драматическіе сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій, принадлежатъ вамъ и вы можете давать ихъ, по усмотрѣнію вашему, въ свои бенефисы. Относительно же комедіи

(¹) Гоголь не зналъ, что эта статья принадлежитъ самому г. Плетневу. Имѣя нѣсколько закоренѣлыхъ антагонистовъ между пишущею братіею, г. Плетневъ не хотѣлъ вводить ихъ въ искушеніе — искать въ его обширной критической статьѣ однихъ недостатковъ и подписалъ подъ нею буквы *С. Ш.* и городъ *Житомиръ*. Этими буквами онъ намекнулъ нѣкоторымъ изъ нихъ на человѣка, о которомъ Гоголь писалъ, что съ нимъ никогда не бываетъ скучно, никогда! и который служилъ тогда въ Житомирѣ. Въ литературныхъ кружкахъ статью прочитали безъ предубѣжденія, и въ самыхъ непріязненныхъ къ г. Плетневу журналахъ отозвались о ней съ большими похвалами. А статья-то написана была тѣмъ, въ комъ они не хотѣли признавать ни изящнаго вкуса, ни свѣтлаго ума. *П. К.*

»Женитьба«, вы устройте, по взаимному соглашенію, съ Сосницкимъ такимъ образомъ, чтобы она шла въ одинъ и тотъ же день въ бенефисы вамъ обоимъ, на Петербургскомъ и на Московскомъ театрахъ...

Римъ. Ноября 26, 1842 года.

Къ нему же.

Римъ. Ноября 28 (1842).

Здравствуйте, Михаилъ Семеновичъ!

Послѣ надлежащаго лобзанія, поведемъ вотъ какую рѣчь. Вы уже имѣете »Женитьбу«; не довольно ли этого на одинъ спектакль? Я говорю это въ разсужденіи того, что мнѣ хочется, чтобы вамъ что-нибудь осталось на будущіе разы; а впрочемъ вы распоряжайтесь, какъ вамъ лучше. Вы тутъ полный господинъ. Всѣ драматическіе отрывки и сцены, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій [ихъ числомъ пять], всѣ исключительно принадлежатъ вамъ. Объ этомъ я уже написалъ къ издателю моихъ сочиненій, Прокоповичу, и просилъ Плетнева объявить Г*****, а вамъ прилагаю нарочно при семъ письмецо, которое бы вы могли показать всякому, кто вздумаетъ оспаривать ваше право. Только послѣдняя пьеса: »Театральный Разъѣздъ«, остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сценѣ. Сосницкому вы напишите, что въ слѣдствіе моего прежняго желанія, »Женитьба« вамъ идетъ обоимъ, но съ тѣмъ только, чтобы въ одинъ день былъ бенефисъ обоихъ васъ. А между тѣмъ займитесь серьезно постановкою »Ревизора«. Живокини, за похвальное поведеніе, можно будетъ уступить который-нибудь изъ драматическихъ кусочковъ. Впрочемъ, объ этомъ всемъ вы потолкуйте прежде съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ и поступите, какъ найдете приличнымъ. Для успѣшнаго произведенія нѣмой сцены, въ концѣ »Ревизора«, одинъ изъ актеровъ долженъ скомандовать, невидимо для зрителя. Это долженъ сдѣлать Жандармъ, произнеся, по окончаніи рѣчи, тотъ самый звукъ, который издается женщинами, — натурально, не открывая рта; попросту — икнуть. Это будетъ

сигналъ для всѣхъ. »Женитьбу«, я думаю, вы уже знаете, какъ повести; потому что, слава Богу, человѣкъ вы не холостой; а Живокини, который будетъ женить васъ, вы можете внушить все, что̀ слѣдуетъ, — тѣмъ болѣе, что вы слышали меня, читавшаго эту роль. Да, вотъ исправьте одну ошибку въ словахъ Кочкарева, гдѣ говоритъ онъ о плеваніи: »Значится такъ, какъ-будтобы ему плевали въ лицо«. Это ошибка, происшедшая отъ нерасторопности писца, перепутавшаго строки и пропустившаго. Монологъ долженъ начаться вотъ какъ:

»Да что̀ жъ за бѣда? вѣдь инымъ нѣсколько разъ плевали, ей »Богу! Я знаю, тоже одного... прекраснѣйшій собою мужчина, »румянецъ во всю щеку; егозилъ онъ и надоѣдалъ онъ до тѣхъ »поръ своему начальнику, покамѣстъ тотъ не вынесъ и плюнулъ »ему въ самое лицо«, и т. д.

Напишите Сосницкому, что я очень просилъ его, чтобы онъ пріискалъ хорошаго жениха, потому что эта роль, хотя не такъ, повидимому, значительна, какъ Кочкарева, но требуетъ таланта, и скажите ему, что мнѣ бы очень желалось, чтобы вы съиграли вмѣстѣ въ этой піесѣ: онъ Кочкарева, а вы Подколесина; тогда будетъ славный спектакль...

Къ N F.

Римъ. Ноября 29 (1842).

Правда ли, что вы точно во Флоренціи? Я хотѣлъ-было ѣхать тотчасъ къ вамъ, но меня удержалъ больной Языковъ, бывшій на рукахъ моихъ, а главное—я боялся разминуться съ вами, не зная навѣрно вашего маршрута. Увѣдомьте меня двумя строками и какъ можно скорѣе, долго ли вы пробудете во Флоренціи и куда потомъ, и куда весной и куда лѣтомъ. Все это мнѣ нужно знать. Видѣть васъ—у меня душевная потребность. Не знаю, доійдетъ ли это письмо къ вамъ: мнѣ сказали сомнительно вашъ адрессъ, но авось Богъ поможетъ.

Любящій безъ памяти вашу душу,

Г.

Къ М. С. Щепкину.

Только что получилъ ваше письмо, Михаилъ Семеновичъ, отъ 24 октября. Отвѣчать мнѣ теперь на него нечего, потому что вы уже знаете мои распоряженія. Три дни тому назадъ, я отправилъ къ вамъ письмо, которое вы уже, безъ сомнѣнія, получили. Не стыдно ли вамъ быть такъ неблагоразумну! вы хотите все повѣсить на одномъ гвоздѣ, прося на-пристяжку къ »Женитьбѣ«, новую, какъ вы называете, комедію »Игроки«. Во-первыхъ, она не новая, потому что написана давно; во-вторыхъ, не комедія, а просто — комическая сцена; а въ-третьихъ, для васъ даже тамъ нѣтъ роли. И кто васъ толкаетъ непремѣнно наполнить бенефисъ моими піесами? Какъ не подумать хотя сколько-нибудь о будущемъ, которое сидитъ у васъ почти на самомъ носу, — напримѣръ, хоть бы о спектаклѣ вашемъ, по случаю исполненія вамъ двадцатилѣтней службы? Развѣ вы не чувствуете, что теперь вамъ стоитъ одинъ только какой-нибудь клочокъ мой дать въ свой бенефисъ, да пристегнуть двѣ-три самыя изношенныя піесы, и театръ уже будетъ биткомъ набитъ? Понимаете ли вы это? понимаете ли вы, что имя мое въ модѣ, что я сдѣлался теперь моднымъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ, покамѣстъ меня не сгонитъ съ моднаго поприща какой-нибудь Боско, Тальони, а, можетъ быть, и новая Нѣмецкая опера съ машинами и Нѣмецкими пѣвцами? Помните себѣ хорошенько, что ужъ отъ меня больше ничего не дождетесь. Я не могу и не буду писать ничего для театра. Итакъ распорядитесь поумнѣе. Это я вамъ такъ совѣтую: возьмите на первый разъ изъ моихъ только »Женитьбу« и »Утро Дѣлового Человѣка«, а на другой разъ, у васъ остается вотъ что: »Тяжба«, въ которой вы должны играть роль тяжущагося (¹), »Игроки« и »Лакейская«, гдѣ вамъ предстоитъ Дворецкій, — роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большое значеніе. Все это вы можете перемѣшивать другими піесами, которыя вамъ Богъ пошлетъ. Ста-

(¹) Помните, что онъ нѣсколько похожъ на охотника, атукающаго на зайца, что, при разсказѣ дѣла его, мечется изъ угла въ уголъ, потому что дѣло слишкомъ близко къ его рубашкѣ, или тѣлу.

райтесь только, чтобы пiесы мои не слѣдовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежутокъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь инымъ. Вотъ какъ я думаю и какъ бы, мнѣ казалось, надлежало поступить, сообразно съ благоразумiемъ; а впрочемъ ваша воля. За письмо ваше всё-таки много васъ благодарю, потому что оно письмо отъ васъ. А на театральную дирекцiю не сѣтуйте. Она дѣло свое хорошо дѣлаетъ. Москву потчивали уже всякимъ добромъ; почему жъ не попотчивать ее Нѣмецкими пѣвцами? Что же до того, что вамъ, де, нѣтъ работы, это стыдно вамъ говорить. Развѣ вы позабыли, что есть старыя заграничныя, заброшенныя пьесы? Развѣ вы забыли, что для актера нѣтъ старой роли, что онъ новъ вѣчно? Теперь-то именно, въ минуту, когда горько душѣ, теперь-то вы должны показать въ лицѣ свѣту, что̀ такое актеръ. Переберите-ка въ памяти вашей старый репертуаръ да взгляните свѣжими и нынѣшними очами, собравши въ душу всю силу оскорбленнаго достоинства. Заманить же публику на старыя пьесы вамъ теперь легко. У васъ есть приманка, — именно, мои клочки. Смѣшно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекцiя всё-таки правится публикою, а публикою правитъ актеръ. Вы помните, что публика почти то же, что̀ застѣнчивая и неопытная кошка, которая до тѣхъ поръ, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою въ соусъ и покамѣстъ этотъ соусъ не вымазалъ ей и носа, и губъ, она до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть соуса, какихъ ни читай ей наставленiй. Смѣшно думать, чтобъ нельзя было наконецъ заставить ее войти глубже въ искусство комическаго актера, — искусство, такое сильное и такъ ярко говорящее всѣмъ въ очи. Вамъ предстоитъ долгъ заставить, чтобъ не для автора пiесы и не для пiесы, а для актера-автора ѣздили въ театръ. Вы спрашиваете въ письмѣ о костюмахъ. Но вѣдь клочки мои не изъ среднихъ же вѣковъ. Одѣньте ихъ прилично, сообразно и чтобы ничего не было каррикатурнаго — вотъ и все. Но объ этомъ въ сторону. Позаботьтесь больше всего о хорошей постановкѣ »Ревизора«. Слышите ли? я говорю вамъ это очень серьезно. У васъ, съ позволенiя вашего, ни въ комъ ни на копейку нѣтъ чутья. Да, если бы Ж**** былъ крошку поумнѣй, онъ бы у меня выманилъ на бенефисъ себѣ »Ревизора«, и ничего бы

другого вмѣстѣ съ нимъ не давалъ, а объявилъ бы только, что будетъ »Ревизоръ« въ новомъ видѣ, совершенно передѣланный, съ перемѣнами, прибавленіями, новыми сценами, а роль Хлестакова будетъ играть самъ бенефиціантъ; да у него биткомъ бы набилось народу въ театръ. Вотъ же я вамъ говорю — и вы вспомните потомъ мое слово, что на возобновленнаго »Ревизора« гораздо будутъ ѣздить больше, чѣмъ на прежняго. И зарубите еще одно мое слово, что въ этомъ году, именно въ нынѣшнюю зиму, гораздо болѣе разнюхаютъ и почувствуютъ значеніе истиннаго комическаго актера. Еще вотъ вамъ слово. Вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь. Вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только-что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много и который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было; вы теперь можете царствовать въ вашей ролѣ, тогда какъ прежде вы всё еще какъ-то метались. Если вы этого не слышите и не замѣчаете сами, то повѣрьте же сколько-нибудь мнѣ, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь въ этомъ толкъ. И еще вотъ вамъ слово. Благодарите Бога за всякія препятствія: они необыкновенному человѣку необходимы. Вотъ тебѣ бревно подъ ноги — прыгай, а не то — подумаютъ, что у тебя куриный шагъ и не могутъ вовсе растопыриться ноги. Увидите, что для васъ настанетъ еще такое время, когда будутъ ѣздить въ театръ для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесеннаго вами, и когда будутъ взвѣшивать это слово. Итакъ съ Богомъ за дѣло! Прощайте и будьте здоровы. Обнимаю васъ. За репетиціями хорошо смотрите и всё-таки что-нибудь напишите мнѣ о томъ, что̀ первое скажется у васъ на сердцѣ...

Къ N F.

(17 декабря, 1842. Римъ.)

По розысканіямъ, сдѣланнымъ почтовымъ чиновникомъ, оказалось, что нѣтъ дѣйствительно писемъ въ poste restante и что

онѣ должно быть засѣли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Объ этомъ, къ великому сожалѣнію, я долженъ васъ увѣдомить письменно, ибо поѣздъ мой во Флоренцію врядъ ли совершится. Въ слѣдствіе полученныхъ извѣстій, относительно дѣлъ моихъ по части изданія моихъ сочиненій въ Петерб., я долженъ засѣсть на цѣлыя двѣ недѣли за самую скучную работу, именно — передѣлать многое, заплатать прорѣхи — — притомъ написать поскорѣе отвѣтъ на письма, которыя жду со дня на день. Все это долженъ сдѣлать и отправить какъ можно скорѣе, а не то — произойдетъ совершенная задержка и путаница. Это набросило на меня тѣнь и сдѣлало меня гадкимъ, а до того я было-просвѣтлѣлъ душой отъ одной мысли васъ увидѣть. Ради Бога, скажите, зачѣмъ вы не въ Римѣ, а во Флоренціи? Упросите себя ускорить пріѣздъ свой. Увидите, какъ этимъ себя самихъ обяжете. А обо мнѣ я не говорю: вы должны сами чувствовать, что это будетъ Свѣтлый праздникъ для души моей.

Весь вашъ Г.

Къ Н. Н. Ш—вой.

Генваря 5 / Декабря 24 (1842 / 1843). Римъ.

Я вамъ не могу выразить всей моей благодарности за ваше благодатное письмо отъ 21 октября. Скажу только, великодушный и добрый другъ мой, что всякій разъ благодарю Небо за нашу встрѣчу и что письмо это будетъ вѣчно неразлучно со мною. Аксаковы сказали вамъ не совсѣмъ справедливо. Я писалъ имъ въ отвѣтъ на ихъ безпокойства, что долго меня не увидятъ и что мнѣ предстоитъ такое длинное и, по мнѣнію ихъ, соединенное съ такими опасностями путешествіе. Я писалъ имъ въ отвѣтъ на это, чтобъ ихъ нѣсколько успокоить, что не нужно предаваться заранѣе безпокойствамъ, что путешествіе мое предпримется еще не скоро и что нѣтъ причинъ думать, чтобы до того времени мы какъ-нибудь не увидѣлись; но я не писалъ ни слова о томъ, что я буду, или имѣю желаніе быть въ Москвѣ. И признаюсь, только чрезъ Іерусалимъ желаю я возвратиться въ Россію, и сего желанія не измѣнялъ. А что я не отправляюсь теперь въ путь, то это не по-

тому, чтобы считалъ себя до того недостойнымъ. Такая мысль была бы вполнѣ безумна, ибо человѣку не только невозможно быть достойнымъ вполнѣ, но даже невозможно знать мѣру и степень своего достоинства. Но я потому не отправляюсь теперь въ путь, что не приспѣло еще для того время, мною же самимъ въ глубинѣ души моей опредѣленное. Только по совершенномъ окончаніи труда моего, могу я предпринять этотъ путь. Такъ мнѣ сказало чувство души моей, такъ говоритъ мнѣ внутренній голосъ, смыслъ и разумъ, Его же милосердымъ всемогуществомъ мнѣ внушеные. Окончаніе труда моего предъ путешествіемъ моимъ такъ необходимо мнѣ, какъ необходима душевная исповѣдь предъ святымъ причащеніемъ. Вотъ вамъ въ немногихъ словахъ все. Не думайте же, великодушный другъ мой, чтобы вы меня не увидѣли, какъ вы упомянули въ письмѣ вашемъ. Если бъ вы вдвое были старѣе теперешняго, то и тогда вы не могли бы сказать этого. Все отъ Бога. Вы проводили меня за Московскую заставу, вы, вѣрно, и встрѣтите меня у Московской заставы. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ хочется вѣрить, такъ мнѣ сладко вѣрить, и о томъ я возсылаю всегдашнія мои молитвы...

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.